



В сборник включены материалы выступлений преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в IX Международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Конференция объединяет исследователей в сфере гуманитарных наук России, Китая и сопредельных стран.

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Многие проблемы, затронутые в представленных статьях, являются дискуссионными, вызывают неоднозначные оценки, но именно в этом и заключается основной характер конференции, как важного научного мероприятия, в рамках которого российские и китайские исследователи – представители академической и вузовской науки Российской Федерации и Китайской Народной Республики – могут обмениваться мнениями по ключевым проблемам развития и взаимодействия России и Китая.



РОССИЯ И КИТАЙ

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА



Материалы международной
научно-практической конференции

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



ФГБОУ ВО «БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ХЭЙХЭСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАНЬКАЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ БГПУ
ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА «ИНТЕРПЛЮС»

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИМЕНИ А.М. ГОРЧАКОВА

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА**



Материалы IX международной
научно-практической конференции
(Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.).

Выпуск 9
Часть 1

Благовещенск
Издательство БГПУ
2019

ББК 66.2 (2Рос) я431 + 66.2 (5Кит) я431
Р 76

Р 76 **РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА:** материалы IX международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Выпуск 9. Часть 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – 350 с.

Редакционная коллегия:

А.А. Барбарич, проректор по научной работе БГПУ;
Н.В. Кухаренко, директор Института Конфуция БГПУ;
Д.П. Волков, директор ЦСИКН Амурской области;
Д.П. Болотин, председатель Амурского отделения РИО;
С.В. Кухаренко, директор ИНДАТР;
О.А. Шеломихин, канд. ист. наук, доцент;
А.В. Друзяка, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Буяров, канд. филос. наук, доцент;
А.В. Баранов, канд. ист. наук, доцент;
И.Л. Григорьева, канд. филол. наук, доцент;
М.А. Иванова, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Кузнецов, канд. ист. наук, доцент;
А.А. Киреев, д-р ист. наук, профессор;
Н.В. Киреева, д-р филол. наук, профессор.

В сборник включены материалы выступлений преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в IX научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Конференция объединяет исследователей в сфере гуманитарных наук России, Китая и сопредельных стран.

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Многие проблемы, затронутые в представленных статьях, являются дискуссионными, вызывают неоднозначные оценки. Но именно в этом и заключается основной характер конференции как важного научного мероприятия, в рамках которого российские и китайские исследователи – представители академической и вузовской науки Российской Федерации и Китайской Народной Республики – могут обмениваться мнениями по ключевым проблемам развития и взаимодействия России и Китая.

Часть 1 включает материалы секции «Дальний Восток в исторической ретроспективе и перспективе».

*Редакция не несет ответственности за точку зрения автора,
а также стилистическое оформление текста*

***Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета***

Выход сборника материалов конференции
приурочен
к 70-летию образования КНР,
70-летию установления российско-китайских
дипломатических отношений,
30-летию сотрудничества
Благовещенского государственного
педагогического университета
и
Хэйхэского университета



ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ



Анисимова Инна Владимировна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра востоковедения
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
iva0410@mail.ru

Тузова Анастасия Александровна, студент 3 курса
Кафедра востоковедения
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
tuzova9@mail.ru

БУДДИЗМ В ФОРМИРОВАНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА: КУЛЬТОВО-РЕЛИГИОЗНЫЙ И ЭТИКО- ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ

УДК 294.3

Аннотация. Статья посвящена анализу исторической роли буддизма в формировании дальневосточного историко-культурного региона. После распространения на территории Китая и вхождения в китайскую религиозно-философскую систему учение Будды открыло в себе ряд возможностей для консолидации локальных культовых традиций Поднебесной в рамках махаянского направления буддизма йогачары. Одновременно с сохранением принципиально важных доктринальных идей буддизм допускал возможность изменения отдельных положений для успешного слияния с иной ментальностью, в результате чего одновременно с трансформацией культуры Китая произошла трансформация и самого буддизма. В результате этого процесса буддизм распространился из Китая по всем странам Дальнего Востока, привнеся с собой основы для консолидации внутренних элементов их культур, а также китайскую иероглифическую письменность, новую философию, этику и ряд других существенных культурных новаций, что оказало решающее влияние на протекание цивилизационного процесса в регионе.

Ключевые слова и фразы: История Китая, История Японии, История буддизма, Буддизм йогачары.

BUDDHISM IN FORMATION OF THE FAR EASTERN HISTORICAL AND CULTURAL REGION: RELIGIOUS, ETHICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Inna Anisimova, *Cand. Sc. in History, Associate Professor*

Department of Foreign Regional Studies

Altai State University

iva0410@mail.ru

Anastasia Tuzova, *third-year student*

Department of Foreign Regional Studies

Altai State University

tuzova9@mail.ru

Abstract. *The article is dedicated to an analysis of the historical role of Buddhism in the formation of the Far Eastern historical and cultural region. After it spread on the China's territories and entered in Chinese religious-philosophical tradition, the Buddha's doctrine opened up a number of possibilities for consolidation of local religious traditions of the China within the framework of the Yogachara Buddhist trend in Mahayana. Simultaneously with the preservation of fundamentally important doctrinal ideas, Buddhism also allowed changes in its own individual provisions for a successful merger with a different culture or mentality, as a result of which, along with the transformation of Chinese culture, there was a transformation of Buddhism itself. As a result of this process, Chinese Buddhism spread from China to all countries of the Far East, bringing with it the foundations for consolidating the internal elements of cultures, as well as Chinese hieroglyphic writing, new philosophy, ethics, and a number of other significant cultural aspects, which had a decisive influence on the course of the civilizational process in the region.*

Key words and phrases: *History of China, History of Japan, History of Buddhism, Yogachara.*

Одним из центральных процессов в истории духовной культуры и религии Китая стало распространение на территории древней цивилизации буддизма. Хронологически начальный этап этого события относится к III в. н.э., что совпадает с таким глобальным историческим событием, как падение империи Хань, хотя существуют свидетельства и более раннего знакомства китайского общества с буддийским учением [6, с. 269].

Проникновение буддизма в Китай стало возможным благодаря сложному стечению исторических процессов и обстоятельств. С юга буддизм распространялся благодаря существованию налаженных торговых путей через индуистское государство Тямпа, до XV века располагавшееся на территории Южного Вьетнама. Однако наибольшее число священных текстов, а также людей, способных не только прочесть, но и толковать эти тексты, приходило в Китай с северо-запада. Наладив экономические контакты со странами Центральной Азии, Китай получил доступ и к элементам индийской культуры, уже укрепившимся на территории Ферганы, Хотана и Согдианы. Открытие для Индии центральноазиатских земель, населенных ираноязычными народами, произошло благодаря завоеваниям Александра Македонского, связавшим эти регионы торговыми контактами, ставшими постоянными за века их фактического существования.

Укрепление северо-западного вектора политического развития Китая связано с мероприятиями ханьского императора У-ди, в русле которых был установлен тесный контакт с центральноазиатскими регионами. Политика У-ди была ориентирована в первую очередь на развитие торговых путей, но, благодаря ей, в Китае появились не только товары из Восточ-

ного Средиземноморья или Индии, но и актуальные идеи общественно-философской мысли, зародившиеся на территории этих государств.

Видным историческим деятелем II-III веков н.э., сыгравшим огромную роль в распространении буддизма в Китае, был Ань Шигао, представитель парфянского знатного рода Аршакидов. Им было переведено несколько десятков цзюаней буддийских сутр, а также положено начало наиболее приемлемому способу перевода индийских текстов на китайский язык – «гэ и», основанному на принципе выверения смысла терминов.

В лице буддизма Китай впервые столкнулся с принципиально чуждым ему мировоззрением, существенные затруднения в интернализации которого были обусловлены системой языка изложения священных текстов и миссионерских проповедей, а также глубоким противоречием этико-религиозных оснований традиционной китайской ментальности. Однако имманентная способность самого учения Будды к изменениям, обусловленным необходимостью вхождения в структуру иной культуры, а также комплекс исторических обстоятельств, сложившихся в самой Поднебесной, сделали серьезные этико-философские проблемы консолидации буддизма и традиционных китайских учений принципиально разрешимыми.

Десятилетия, предшествовавшие проникновению в Китай учения Будды, были ознаменованы глубоким кризисом конфуцианства, авторитет которого в сознании китайцев до этого времени не ставился под сомнение. Однако санкционированные императором Лин-ди в 169 году аресты и расправы над видными конфуцианскими деятелями поколебали монополию данного учения в умах верующих. Начавшееся в 184 году н.э. восстание желтых повязок фактически ознаменовало конец правления династии Хань, находившейся у власти практически половину тысячелетия. Ценой огромных усилий и большого количества жертв основные силы восстания были подавлены, однако вплоть до конца первой четверти III века в стране не прекращались разрозненные народные выступления.

В обстановке постоянных военных столкновений, отсутствия сильной централизованной власти, волны жестоких репрессий, в том числе и в отношении представителей интеллектуальной элиты общества, сомнений в добропорядочности и неприкосновенности которой ранее не могло возникнуть, учение буддизма заполнило образовавшиеся разломы мировоззрения, устранив состояние массовой тревоги и неопределенных блужданий мысли. Ментальность китайского верующего, столкнувшегося с падением правящей династии, крушением главенствующего этико-философского учения, занимавшего неприкосновенное место в религиозно-философской системе его предков, была в целом подготовлена для восприятия буддийских идей скоротечности, обреченности и бесплотности всего сущего.

Однако по мере увеличения интенсивности проникновения учения Будды в Китай увеличивался и круг проблем, связанных со сложностью культурного взаимодействия цивилизаций. Одной из подобных проблем явилось отсутствие у китайцев развитых знаний о важнейших для понимания буддизма философских категориях, которые в религиозной мысли Индии уже были сформированы довольно ясно [7]. Буддийской доктриной, подвергшейся наиболее радикальной трансформации в процессе китаизации, стала доктрина анатмавады, постулирующая отсутствие у живых существ постоянной самости, души, как центра сосредоточения личностной идентичности [10, с. 30].

Таким образом, постулируя отказ от понятия индивидуального «Я», Анатмавада противоречила центральному компоненту китайской культово-религиозной традиции – культу предков [8]. Согласно Анатмаваде, сакрализация родственных уз является качественно бессмысленной, ведь не существует ни субъекта, ни объекта рассматриваемой связи. Помещение же субъекта в ряд объектных связей с предками и потомками является не просто не имеющим смысла, а даже вводящим в философское заблуждение, ведь в таком случае субъект формирует ложное представление об индивидуальности своего «Я», что является корнем и причиной страдания, борьбу с которым постулируют Четыре благородные истины.

Буддийская философия, однако, относилась первыми носителями философского учения Будды в Китае к области «уловов Бодхисаттвы», или искусных средств спасения небуддистов при помощи изменения свойств их сознания. Первые буддисты спокойно относились к необходимости пересмотра отдельных постулатов своего учения в общем процессе его культурной адаптации на новых территориях. В соответствии с этим доктрина Анатмавады, существующая в своем классическом виде в рамках хинаянского буддизма, в буддизме махаяны претерпела некоторые важные изменения. В сочетании с культом предков, позиции которого в умах китайских верующих являлись несравнимо более прочными, Анатмавада приобрела смысловые коннотации йогической практики, направленной на «растворение» ложной индивидуальности своего «Я» в непрерывной цепи предшествующих и последующих поколений. В соответствии с этим буддизм не преследовал цели отвергнуть почитание культа предков, а всего лишь предлагал избрать иной угол зрения на особенности культовой практики. Почитание предков, таким образом, становилось своего рода вариантом психопрактики. Её суть сводилась к постижению отсутствия самости субъекта, вкупе с соблюдением традиционных ритуальных норм, что являлось обязательным с точки зрения общества и государства.

Одним из главных доктринальных текстов китайского буддизма, зафиксировавшим сложную трансформацию культа предков под влиянием анатмавады и других буддийских доктрин, стала Лотосовая сутра [1, с. 99]. Среди последствий философского осмысления буддизмом культа предков и его смысловой трансформации необходимо назвать появление единого поля дальневосточной культовой культуры – расширение в культовой практике частных границ отдельно взятого субъекта повлекло за собой стирание локальной обособленности остальных.

Помимо культово-религиозной сферы, миссионерам учения Будды предстояло разрешить ряд этических вопросов интернализации этого учения. Одна из самых острых проблем периода первоначального распространения буддизма в Китае – проблема противоречия между институтом монашества, предложенным и предпочитаемым буддистами, и традиционным конфуцианским принципом сыновней почтительности. Центральной проблемой в вопросе монашества являлся вопрос о дозволенности продолжения рода для лица, принявшего духовный сан. Итогом разрешения обозначенного вопроса явилось разрешение духовным лицам китайских монастырей жить семейной жизнью и иметь детей. Стоит отметить, что этот принцип перешел и в структуру буддизма Японии.

Кроме того, на начальном этапе вхождения буддизма на территорию Поднебесной оставались неурегулированными отношения сангхи и императора. Как отмечает Л.Е. Янгутов, «в Китай проникали не только религиозно-мировоззренческие и морально-этические принципы буддизма, но и буддийские принципы социальной организации, которые вступили в противоречие с традиционными китайскими социальными принципами» [9, с. 4]. Действительно, существующий на территории Индии независимый статус сангхи был невозможен для сохранения на территории Китая, где культивировалась идея сильной государственной власти.

Внешним выражением фундаментальных противоречий между стремительно приобретающей значение в обществе сангхой и настроенной бескомпромиссно государственной властью стала дискуссия о том, должны ли буддийские монахи кланяться императору. Итогом дискуссии временно стал компромисс, зафиксированный в 494 г. в эдикте, даровавшем буддистам право не отдавать почтение императору. Однако, уже в эпоху Тан, буддийская сангха полностью подчинилась государственной власти. Итогом компромиссов в сфере этики стало образование монашеской общины, не только успешно встроеной в китайскую систему государственного управления, но и адаптировавшейся к культурным традициям государств Дальнего Востока.

Буддийские тексты йогачары и мадхьямаки переводились на языки основных буддийских ареалов Азии, где активно проповедовали буддийские миссионеры. Характерной чертой являлось соперничество подшкол этих направлений и даже отдельные попытки их синтеза. Среди китайских йогачаринских школ, синтезировавших и аккумулировавших в себе часть индийской и китайской культур, далее повлиявших на распространение буддизма в регионе, необходимо назвать школу Фасян. Под тем же именованьем школа известна с VII века в Корее, а под именованьем Хоссо может быть обнаружена с VII-VIII века в Японии [3, с. 103-110].

Проникновение буддизма в Японию и его адаптация в стране Восходящего солнца в целом происходила по сходному с Китаем историческому пути. Буддизм, однако, делал первые шаги на территории Японии уже в качестве средства проводника китайской внутренней и внешней политики, своего рода ресурса «мягкой силы» Китая [5, с. 293]. Успеху миссионеров способствовало благосклонное отношение принца Сётоку к самому учению Будды. Сётоку не только составил комментарии к буддийским сутрам, но и принимал активное участие в строительстве храмов [4, с. 65].

Синтоистская культово-религиозная традиция, берущая свое основание в культе предков с родословной до богини Аматэрасу, успешно восприняла буддизм йогачары. Особенно влияние буддизма укрепилось с IX века, когда последний стал государственной религией Японии. Уже после этого события в синтоизм было перенесено множество элементов китайских этики и культа – отмечались новые праздники, заимствовались детали обрядов, появилось монашество, организованное в духе китайских сангх. Вместе с буддизмом Япония заимствовала и материковые достижения культуры: так, например, в Японии стали строиться первые синтоистские святилища под сильным влиянием китайской архитектурной традиции [2]. Одновременно происходил процесс «обращения» японских божеств в буддизм, в связи с чем, около новых храмов стали сооружаться буддийские «присвятилищные монастыри».

Таким образом, буддизм, распространившись из Китая на территорию всех стран Дальнего Востока (Корею, Японию, Вьетнам), способствовал формированию единого религиозно-культового и этико-философского поля дальневосточной культуры. Вместе с буддизмом в регионе получила распространение китайская иероглифическая письменность, а также общие стандарты эстетики восприятия окружающего мира и представляющееся согласованным миропонимание. Именно буддизм, изначально выступивший в качестве этико-религиозного импульса, стал движущим вектором протекания цивилизационного процесса региона, постепенно включая в свое содержание все более широкие аспекты культурной и политической универсализации.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Пер. с кит. и комм. А.Н. Игнатович. – М.: Янус-К, 1998. – 537 с.
2. Главеева Д.Г. Распространение буддизма в Японии: синто-буддийский синкретизм // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – №3. – С. 139-151.
3. Дагданов Г.Б. Школа Фасян в истории китайского буддизма // Источниковедение и историография истории буддизма // Страны Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 125 с. – С. 100-110.
4. Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. – М.: Наука, 1988. – 318 с.
5. Понька Т. И., Джанаева А.Э, Цзелинь Чжао. Буддизм как ресурс «мягкой силы» Китая. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2017. – №17. – С. 290-300.
6. Торчинов Е.А. Введение в буддизм. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. – 352 с.

7. Янгутов Л.Е. О добуддийских религиозных верованиях Китая // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 8-15.
8. Янгутов Л.Е. О взаимоотношении буддизма с конфуцианством в период его становления в Китае в эпохи Вэй, двух Цзинь, Южных и Северных царств // Ученые записки ЗабГУ. – 2015. – № 4. – С. 83-85.
9. Янгутов Л.Е.. Взаимоотношения буддизма с государственной властью в период его распространения в Восточной и Центральной Азии. Ч. 1. Китай и Тибет. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2007. – №5. – С. 118-128.
10. Янгутов Л.Е., Бадмаева Д.Б. Трактат «Лихолунь» и добуддийские верования китайцев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2007. – № 11. – С. 26-33.



Артемяева Надежда Григорьевна, канд. ист. наук, вед.н.с.
Зав. сектором средневековой археологии
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
artemieva_tg@list.ru

ШАЙГИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ – ОБЛАСТНОЙ ГОРОД ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОГО СЯ (1215-1233 гг.)

УДК 930.26(517.6)

Аннотация. В статье рассматриваются материалы исследования Шайгинского городища – памятника занимающего особое место в археологии не только Приморья, но и Дальневосточного региона. Исследования на нем проводятся более пятидесяти лет. Этот памятник является эталонным для изучения чжурчжэньской культуры. С начала исследований Шайгинское городище датировалось временем существования империи Цзинь, т.е. XI-XIII вв., но анализ эпиграфических находок дал возможность пересмотреть датировку памятника и уточнить причину строительства на территории Дальнего Востока горных городищ - крепостей. Планировка городища, его фортификационные сооружения и богатые археологический материал, дали возможность решить вопрос о функциональном назначении этого города. Шайгинское городище было построено в период образования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.). Оно являлось областным городом (фу) в составе этого государства. В нем находилось моукэ Цинь-хай-хэ, подчиненное мэнъяню Пути. Город представлял собой административно-политический центр с военными, общественными и экономическими функциями, которыми были наделены военизированные общины мэнъянь и моукэ.

Ключевые слова: Приморский край, средневековая археология, чжурчжэнь, государство Восточное Ся, империя Цзинь, города, Шайгинское городище, архитектура, домостроительство, эпиграфика.

Nadezhda Artemieva, Cand. of Historical Sciences, Principal Research Scientist
Head of the Department of Medieval Archaeology Institute of History,
Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, FEB RAS
artemieva_tg@list.ru

THE SHAIGA WALLED TOWN – A PROVINCIAL-LEVEL CITY OF THE EASTERN XIA STATE (1215-1233)

Abstract. The article covers the study materials and data generated in the scope of archaeological research on the territory of the walled town of Shaiga – the medieval site that holds a specific place not only among the archaeological sites in Primorye, but even in the Far-Eastern Federal District. The research of the site has been being conducted for over fifty years. The walled town of Shaiga is considered to be a model site for studying the Jurchen culture. At the beginning of the research the site had been dated back to the Jin period (i.e. XII-XIII), but due to the analyses of epigraphic findings, we have managed to redate the time of its existence and reconfirm the reasons of constructing the mountainous walled towns on the territory of the Far-East. Town planning of the site, its fortification structures as well as abundant and various archeological materials gave us the opportunity to determine its functionality. The Shaiga walled town was constructed in the period of the Jurchens' Eastern Xia State (1215-1233). It performed the functions of a provincial-level city. The

town headquartered the mouke of Qinhaihe that was subordinated to the meng'an of Puti. The site of Shaiga was the political and administrative center with military, social and economic functions that were vested to the paramilitary formations of meng'an and mouke.

Key words and phrases: *Primorsky Krai, medieval archaeology, the Jurchens, the Eastern Xia State, the Jin Dynasty, towns, the Shaiga walled town, architecture, house-building, epigraphy.*

Чжурчжэни, предки маньчжуров, создали на Дальнем Востоке мощное государственное образование – империю Цзинь (1115–1234 гг.), а в конце XIII в. чжурчжэньский военачальник Пусянь Ваньну, выступив против династии, создал на северо-востоке империи государство Восточное Ся (1215–1233 гг.), которое было организовано накануне захвата империи монголами. Более пятидесяти лет ведутся исследования памятников этого периода на территории Приморья России.

Самым изученным является Шайгинское городище. Это памятник занимает особое место в археологии не только Приморья, но и Дальневосточного региона. Он стал эталонным для изучения чжурчжэньской культуры, потому что именно с его исследований началось накопление археологических материалов, относящихся к периоду существования на территории Дальнего Востока чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234 гг.) и были заложены основы чжурчжэневедения в России. Изучение памятника ведется с 1963 г., и полученный археологический материал дал возможность впервые для памятников чжурчжэньской культуры разработать типологию жилищных и производственных комплексов, орудий труда, предметов вооружения, керамики и т.д., которые способствовали реконструкции социально-экономической деятельности обитателей городища.

Функционально-планиграфический анализ материалов позволил восстановить внутреннюю производственную структуру поселения с выявлением специализированных мастерских и социально значимых зон. Полученная картина стала иметь большое значение для понимания исторических и социальных процессов средневекового общества Дальнего Востока. Планировка городища, его фортификационные сооружения и богатые археологический и эпиграфический материалы, дают возможность решить вопрос о функциональном назначении города и его положении в социальной структуре чжурчжэньского государства в конце XIII в.

История открытия Шайгинского городища имеет несколько этапов. В 1891 г. оно впервые было описано и нанесено на двухверстную карту горным инженером Д.Л. Ивановым [12]. Позже эти сведения и план памятника Ф.Ф. Буссе и А.Л. Кропоткиным были помещены в «Описания древностей Амурского края» [10, с. 25–26].

Данные о Шайгинском городище долгое время оставались в архиве. В 1962 г. Э.В. Шавкунов по данным предыдущих исследователей вновь открывает памятник и с 1963 г. начинает стационарные раскопки на нём. Исследование под его руководством продолжалось до 1993 г. В 2000 г. исследование этого городища были продолжены автором.

Шайгинское городище занимает выгодное в стратегическом плане положение. Оно находится в Партизанском районе Приморского края, в 7 км юго-восточнее от с. Сергеевка, на правом берегу р. Ратной (приток р. Партизанской). Памятник расположен на отроге сопки, который находится между двух долин. Его южная и восточная стороны имеют крутые склоны. Городище построено в распадке сопки, расположенной в виде амфитеатра, по дну которого протекает ручей. Площадь памятника около 45 га, протяженность вала, проходящего по гребням сопки, 3600 м, высота его варьирует в пределах 0,5–4,0 м в зависимости от степени уязвимости участка городища (рис. 1). Для усиления обороноспособности вал укреплен ронделями, башнями и барбетами. С юго-восточной стороны городища у подножия сопки построен редан – дополнительное фортификационное сооружение [4].

На городище было обнаружено трое ворот, одни из которых, расположенные в северо-западной стороне, являлись главными, поэтому были оформлены Г-образным барбаканом (дополнительным валом) и украшены черепичной аркой.

Интересную особенностью Шайгинского городища представляет его внутренняя застройка – оба склона распадка представляют собой «лестницу» из террасовидных площадок искусственного происхождения, на которых размещались жилые и производственные комплексы. На городище хорошо прослеживаются дороги, соединяющие разные участки поселения.

В настоящий момент выяснены датировка памятника и его стратиграфия, раскопано около 300 жилищ и хозяйственных дворов, которые группировались в отдельные кварталы по профессионально-производственным и социальным признакам. Были исследованы: редут – ставка военачальника города; пять зданий колоннадной конструкции, которые использовались, как государственные хранилища припасов; шесть металлургических мастерских; центральные ворота; Запретный город; Внутренний город; фортификационные сооружения – вал, редан, башни, барбет.

На памятнике собран богатейший археологический материал, который лёг в основу многих монографических и диссертационных исследований, дающих возможность комплексно изучать культуру чжурчжэней в области металлургии и металлообработки [18], гончарства [25], домостроительства [1], земледелия и животноводства [9], военного дела [27], стеклообрабатывающего производства [24], фарфора и глазурованной посуды [11], бронзолитейного производства [17], защитного вооружения [22], а также сделать выводы об этнокультурных этапах складывания чжурчжэньского этноса [31].

Новый этап в изучении памятника начался в 2000 г. в рамках научной программы «Средневековые города Приморья XII–XIII вв.». К этому времени наличие большого объёма археологического материала из средневековых памятников Приморья выявило необходимость постановки вопроса о причинах возникновения, становления и развития средневекового города, как социально-экономического организма.

Изучение внутренней топографии Шайгинского городища позволило проследить черты городской застройки, которая велась по заранее продуманному плану. Хорошо видны социально-престижные зоны – Запретный и Внутренние города (рис. 1). Запретный город размещался в довольно обособленном месте. К нему от центральных ворот шла дорога, заканчивающаяся у парадно оформленного входа. В юго-восточной части городища располагались два Внутренних города. На территории одного из них были проведены археологические раскопки, в результате которых были обнаружены государственные амбары и склады, выделен квартал чиновников с особенностями планировочной застройки.

Анализ обнаруженного вещевого материала дал возможность сделать вывод, что население городища группировалось в отдельные кварталы по профессионально-производственным и социальным признакам. Эти кварталы имели естественные границы, не были замкнуты и обнесены валами. Район проживания крупных должностных лиц располагался в юго-западной части городища. В северо-западной части памятника был обнаружен район металлургов. На его территории находились металлоплавильные и металлообрабатывающие мастерские. Следы ремесленного производства встречены и в других районах городища. Кварталы ремесленников концентрировались в определенных местах памятника, что лишний раз говорит о планомерности заселения города.

Особенностью Шайгинского городища является усадебная застройка, которая характеризуется наличием на одной террасе жилища и хозяйственной постройки, например, свайного амбара. Усадьбы определенного типа концентрировались в разных районах городища. Очевидно, планировка усадеб была связана с социальной принадлежностью и характером производственной деятельности хозяина дома.

В результате многолетних исследований стало очевидно, что Шайгинское городище – это средневековый город с многочисленным населением и вместе с тем крупный административно-хозяйственный центр. Это подтверждалось ещё и большим количеством престижных для той эпохи вещей – зеркалами [29], амулетами [7], печатями, изготовленными из бронзы, камня и железа.

С самого начала исследований Шайгинское городище датировалось временем существования империи Цзинь, т.е. XII-XIII вв., но анализ эпиграфических находок дал возможность пересмотреть датировку памятника и уточнить причину строительства на территории Дальнего Востока горных городищ – крепостей.

На Шайгинском городище было обнаружено пять бронзовых **эталонных гирь** (жилище 178 – два экз. номиналом по 5 цяней; в жилище 230 – два экз. номиналом 5 и 10 цяней; в руде – один экз. номиналом 10 цяней) [28; 2]. Эти находки представляли собой диски, на поверхности которых размещены надписи – китайские иероглифы. На гирях номиналом в пять цяней на лицевой стороне обозначено: 重五斤 (чжун у цянь, «вес 5 цянь»). При этом последний знак «цянь», обозначает единицу веса – 3,75 г. Надпись на оборотной стороне тоже состоит из трех иероглифов: 地字号 (ди цзы хао, «регистрационный номер – знак ди (земля)'). Диаметр этих дисков около 24 мм, толщина – 4-6 мм, вес 19 г. Надписи с двух сторон обрамлены растительным орнаментом в виде извивающегося стебля – «жимолостный узор». Этот же орнамент размещен на гурте гирек. Подобное оформление имели гирьки номиналом 10 цяней. На обеих сторонах гирек помещена одна и та же надпись из 7 иероглифов, составляющих две вертикальные строки. Первая: 重一十斤 (чжун шиши цянь, «вес 10 цяней»); вторая: 地字号 (ди цзы хао, «регистрационный номер – знак ди (земля)'). В первой строке указана масса диска, вторая строка – регистрационный номер. Диаметр гирек 25–26 мм, толщина 10–11 мм, вес 38, 5 г. Сейчас доказано, что все эти гирьки – эталоны веса, составляющие единую серию из 17 гирек, выпущенных в чжурчжэньском государстве Восточное Ся в 1230 году [13; 6; 19; 26; 23; 20].

В жилище 266, расположенном южнее Запретного города, найдена железная **весовая чашечка**, с внутренней стороны которой техникой инкрустацией серебряной проволокой была сделана надпись китайскими иероглифами: 大同二年三月日少府监造 (датун эр нянь сань юэ жи шаофуцзянь цзао, «в первый день третьего месяца второго года Датун (1225 г.) изготовлено под наблюдением управления Шаофуцзянь»). Дальнейший текст не был переведен. В нём присутствуют весовые единицы цянь, фэнь и цифры, обозначающие вес каких-то предметов. Эта надпись подтверждает, что чашечка также была изготовлена в государстве Восточное Ся [30; 33, с. 31-32].

В жилище 145 была найдена серебряная **пайцза** уполномоченного посланца императора, выпущенная в государстве Восточное Ся [32; 15]. Она представляла собой продолговато-овальной формы пластину (222x65x3 мм), весом 384 г, с отверстием в верхней части. На лицевой стороне пластины нанесена вертикальная позолоченная надпись из шести чжурчжэньских знаков с чтением «gigun ni xada-xun» (гурун-ни гагдаГун «Государственное удостоверение (государственная пайцза)») [21]. Эта находка является официальным подтверждением, что система верительных знаков в Государстве Восточное Ся, совпадает с аналогичной системой в империи Цзинь. Верительные бирки выдавались посланникам императора, как своего рода удостоверение, помогающее спешно двигаться по почтовым станциям. В Цзинь серебряными пайцзами награждались начальники мэнъянь (тысячники).

В жилище 174, расположенном в квартале чиновников, в 1974 г. была обнаружена бронзовая государственная **печать чжичжуна** – помощника начальника области государства Восточного Ся [28; 16]. Она представляла собой квадратное клише (70x73x16 мм) с вертикальной ручкой (36 мм). На клише почерком девятистопный чжуань в рамке размещены две вертикальные строки из четырёх иероглифов: 治中之印 (чжичжун чжи инь, «печать чжичжуна» (помощника начальника области, делопроизводителя)). Эта же надпись, сделанная че-

канкой, помещена на боковой грани клише. Чиновник, имеющий должность *чжичжун*, имел пятый полный ранг, который в Цзинь имели помощники *цзедуши* (командиров) военных посадов (*цзюнь*). В тексте клише печати *чжичжун* отсутствует указание названия области, в которой служил данный *чжичжун*. Проведя анализ печати, был сделан вывод, что Шайгинское городище являлось областным городом (*фу*) в составе государства Восточное Ся [16].

В районе жилища №287, расположенном на территории Запретного города была обнаружена бронзовая печать **моукэ Циньхайхэ**. Она представляла собой квадратное клише (62x62x20 мм) с вертикальной ручкой высотой 25 мм. На клише почерком девятистопный чжуань в рамке размещены две вертикальные строки по три знака в каждой: итого 6 иероглифов: 琴海河謀克印 (*цинхайхэ моукэ инь*, «печать моукэ Циньхайхэ»). На оборотной стороне печати выбиты выпускные данные: справа от рукояти – 大定十年閏五月 (*дадин шинянь жунь у юэ*), слева от рукояти – 少府監造 (*шаофуцзянь цзао*). Вся надпись переводится как «Изготовлено [ведомством] Шаофуцзянь в 5-ю вставную луну 10-го года (16.06.1170 – 15.07.1170 г.) [правления под девизом] *да-дин*». На одной из боковых сторон выбита надпись, которая полностью дублирует текст клише: 琴海河謀克印 «Печать моукэ Циньхайхэ». На соседней с ней стороне имеется надпись, состоящая из 6 знаков: 係蒲腓猛安下 (*цзи пути мэнъянь ся*), которая переводится как «Подчинён мэнъянь Пути» [8].

Таким образом, исследование Шайгинского городища и эпиграфические находки этого памятника убедительно доказывают, что этот город был построен в период образования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) [3; 5; 13; 14; 15]. Он являлся областным городом (*фу*), в котором находилось моукэ Циньхайхэ, подчинённое мэнъяню Пути. Этот город представлял собой административно-политический центр с военными, общественными и экономическими функциями, которыми были наделены военизированные общины мэнъянь и моукэ.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья. – Владивосток: Дальпресс, 1998. – 302 с.
2. Артемьева Н.Г. Отчет об археологических исследованиях Шайгинского городища в Партизанском районе Приморского края в 2004 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 262. – 228 л.
3. Артемьева Н.Г. Городища чжурчжэней Приморья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Гл.V. Эпоха государственных образований. – Владивосток: Дальнаука. – С. 542-590.
4. Артемьева Н.Г. Археологические исследования фортификационных сооружений Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. - 2009. – № 5. – С. 84-89.
5. Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Новые эпиграфические находки из Уссурийска // Российская археология. – 2000. – № 2. – С. 165-172.
6. Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Чжурчжэньские эталонные гири из Красноярского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Материалы международной конференции. – Владивосток: ДВО РАН, 2001. – С. 132-147.
7. Артемьева Н.Г., Артемьева П.А. Монетовидные амулеты из чжурчжэньских памятников Приморья // Горизонты Тихоокеанской археологии: Сб. науч. трудов. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. – С. 267-277.
8. Беляев В.А., Сидорович С.В. Две новые эпиграфические находки из Приморья // Средневековые древности Приморья. – Вып. 3. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – С. 114-134.

9. Болдин В.И. Земледелие и животноводство у бохайцев и чжурчжэней Приморья (по материалам археологических исследований): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 17 с.
10. Буссе Ф.Ф., Кропоткин А.Л. Остатки древностей в Амурском крае // Зап. Общества Изучения Амурского Края. – Т. XII. – Владивосток, 1908. – С. 1-66.
11. Гельман Е.И. Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья. – Владивосток: ДВО РАН, 1999. – 222 с.
12. Иванов Д.Л. Заметка из поездок в верховьях Сучана // Архив ПГО. Фонд Ф.Ф. Буссе. – Дело № 30.
13. Ивлиев А.Л. Новые материалы о средневековых бронзовых дисках из Приморья // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. - Владивосток: ДВО РАН, 1990. - С. 5–18.
14. Ивлиев А.Л. Изучение государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. – Владивосток, 1993. - С. 8-17.
15. Ивлиев А.Л. Шайгинская пайцза в свете данных японской летописи // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 181-184.
16. Ивлиев А.Л. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН, 2006. – № 2. – С. 109-113.
17. Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР. Рубеж II–I тыс. до н.э. – Л.: Наука, 1989. – 126 с.
18. Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). – Новосибирск: Наука, 1974. – 188 с.
19. Леньков, Артемьева. Лазовское городище. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.). – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 284 с.
20. Никитин Ю.Г. Результаты исследований городища Известковая Сопка // Средневековые древности Приморья. – Вып.3. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – С. 160-186.
21. Певнов А.М. О чжурчжэньской надписи на серебряной пайцзе с Шайгинского городища // Новое в Дальневосточной археологии (Материалы медиэвистов). – Южно-Сахалинск, 1989. – С. 60-68.
22. Прокопец С.Д. Защитное вооружение чжурчжэней государства Восточного Ся (1215–1233 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2012. – 24 с.
23. Сидорович С.В. Бронзовые эталонные гирьки Восточного Ся // Средневековые древности Приморья. – Вып.4. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – С. 84-91.
24. Силантьев Г.Л. Стеклообрабатывающее производство на юге Дальнего Востока СССР в средние века.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 18 с.
25. Тупикина С.М. Керамика чжурчжэней Приморья XII–XIII в. (по материалам археологических исследований Шайгинского городища). – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 120 с.
26. Хорев В.А. Ананьевское городище. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.). – Владивосток: Дальнаука, 2012. – 340 с.
27. Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 185 с.
28. Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. – Р-1, - № 6966. - 121 л.
29. Шавкунов Э.В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. – С. 93-110.

30. Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1990 г. // Архив ИИАЭ. – Ф. 1, оп. 2. - № 358. - 121 л.
31. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990а. – 284 с.
32. Шавкунов Э.В., Певнов А.М., Ивлиев А.Л. Серебряная верительная пластина с Шайгинского городища // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978. – С. 127-131.
33. Шавкунов Э.В., Ленков В.Д., Шавкунов В.Э. Некоторые итоги археологических исследований на Шайгинском городище в 1990 г. // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий (Доклад V Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока). – Владивосток, 1993. – С. 31-37.

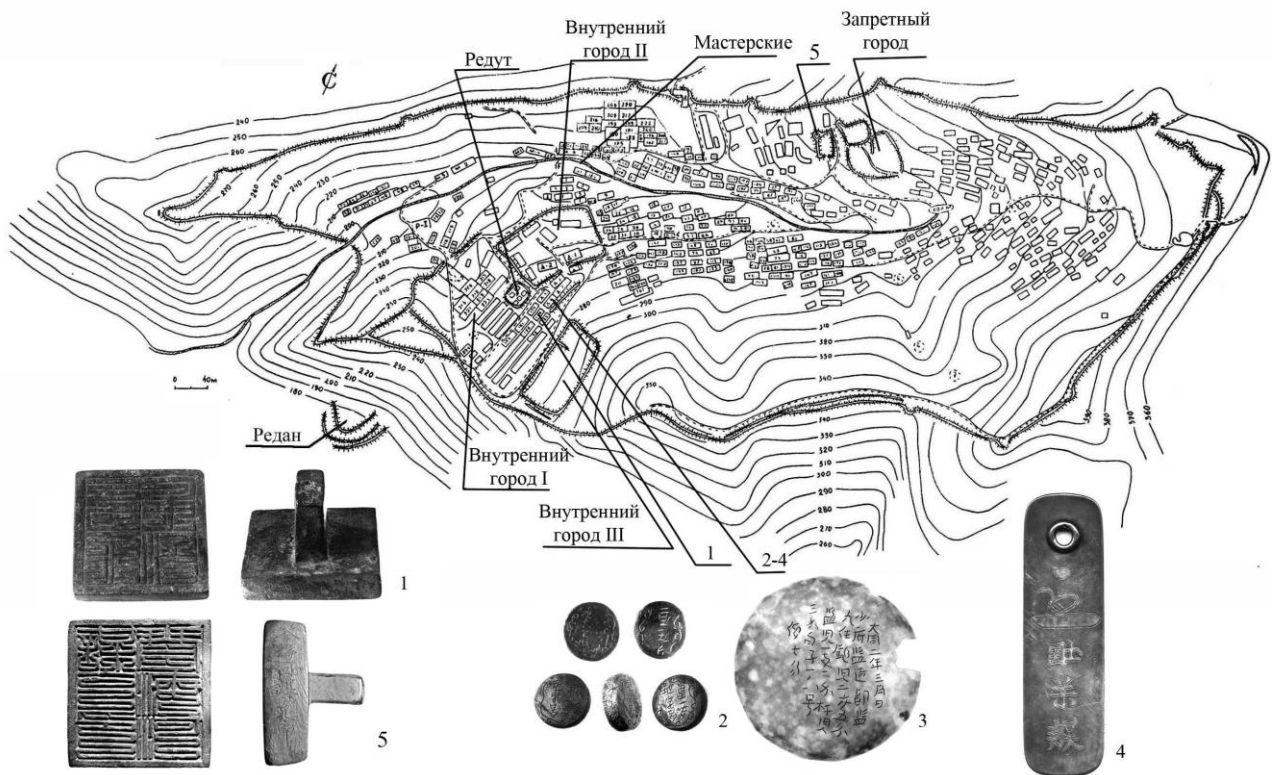


Рис. 1. План Шайгинского городища: 1- печать чжичжуна (бронза); 2- эталонные гирьки (бронза); 3-весовая чашка с надписью (железо); 4-пейцца (серебро); 5-печать моужэ Цинь-хай-хэ (бронза).



Беляева Наталья Анатольевна, докт. истор. наук, профессор
Кафедра гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России
minava204@rambler.ru

ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1920-1922)

УДК 339.543(091)

Аннотация. В статье рассматривается таможенная политика Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). Внимание уделено основным направлениям таможенно-тарифного регулирования – адаптации российского таможенного тарифа 1906 г. к реалиям экономики и внешней торговли «буферного государства», разработке автономного таможенного тарифа Республики, применению китайского ввозного и вывозного таможенного тарифа со всеми предоставленными сухопутной торговле преференциями. Исследование выполнено на основе документов из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Большая их часть извлечена из фонда Управления таможенных сборов ДВР и вводится в научный оборот.

Ключевые слова и фразы: Дальневосточная республика, внешняя торговля, таможенно-тарифное регулирование, таможенная политика, таможенный тариф.

Natalya Belyaeva

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Humanitarian Disciplines,
Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
minava204@rambler.ru

CUSTOMS AND TARIFF REGULATION IN THE FAR EASTERN REPUBLIC (1920-1922)

Abstract. The article deals with the customs policy of the far Eastern Republic (1920-1922). Attention is paid to the peculiarities of customs and tariff regulation-the adaptation of the Russian customs tariff of 1906 to the realities of the far Eastern economy and foreign trade, the development of an Autonomous customs tariff of the Republic, the use of the Chinese customs tariff in the regulation of trade on the Russian-Chinese border. The study was carried out on the basis of documents from the funds of the Russian state historical archive of the Far East. Most of them were extracted from the Fund of the customs administration of the DDA and introduced into scientific circulation.

Key words and phrases: far Eastern Republic, foreign trade, customs service, customs policy, Chinese customs tariff.

В современной отечественной историографии все более явно обозначен интерес к изучению экономических аспектов истории гражданской войны и интервенции, выходящих за рамки традиционного для советской историографии изучения исключительно экономической жизни советской республики. В первые десятилетия XXI века появились труды по истории финансовой политики «белых» правительств [12], регулирования внешней торговли, в том числе и на основе применения запретов и ограничений [3,4,5]. Исследователи подчеркивают

важность изучения накопленных в годы гражданской войны знаний, основанных на «драматическом опыте функционирования экономики страны в условиях системного кризиса» [1].

Объектом нашего исследования выступает таможенно-тарифное регулирование в Дальневосточной республике (1920-1922). В наиболее общем смысле в экономической литературе под таможенно-тарифным регулированием понимается метод государственного регулирования внешней торговли на основе введения, установления, изменения и прекращения действия таможенных пошлин. В обширной историографии «буферного государства» нашли отражение отдельные аспекты его экономической политики [6,13,14]. Однако таможенно-тарифное регулирование внешней торговли, как и вся таможенная политика Республики, все еще находится вне зоны исследовательского интереса. Между тем изучение именно этой сферы позволяет проследить эволюцию сложившихся еще в имперской России механизма и принципов таможенного обложения; установить изменение приоритетов внешнеторговой политики в условиях крайней неопределенности политического будущего, объяснить устойчивость такого важного института государства как таможня в условиях системного кризиса. Не претендуя на всестороннее освещение проблемы, невозможное в рамках краткого научного сообщения, попытаемся представить основные направления таможенно-тарифного регулирования внешней торговли в Дальневосточной республике. В этом смысле представляемый к публикации доклад можно рассматривать как постановку новой проблемы в экономической истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

Исследование выполнено на основе документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее РГИА ДВ) и прежде всего из фонда Р-1639 «Управление таможенных сборов». В нем отложились проекты и тексты законов и постановлений правительства ДВР; приказы, циркуляры и распоряжения по таможенному ведомству; рапорты и донесения таможенных инспекторов, управляющих таможнями и таможенными заставами. Особое место среди них занимают доклады, регулярно предоставляемые руководством Управления таможенных сборов на имя министров продовольствия и торговли и финансов. В них содержится информация о положении таможенных учреждений; состоянии таможенного дела; межведомственных противоречиях и конфликтах по таможенным вопросам; борьбе с контрабандой; применении таможенного тарифа на территории Республики. Заметим, что созданное в составе Министерства финансов в ноябре 1920 г., Управление таможенных сборов уже через месяц было передано в ведение Министерства продовольствия и торговли, а в мае 1921 г. было вновь возвращено в Министерство финансов. Напомним, что таможенное ведомство советской республики (Главное таможенное управление) действовало в составе Наркомата внешней торговли.

Такие различия в ведомственной принадлежности таможенной службы двух государств, между которыми в феврале 1921 г. был заключен договор об экономическом союзе, объясняются, на наш взгляд, приоритетами таможенной политики. Для советской России они заключались в обеспечении государственной монополии внешней торговли, переход к которой можно рассматривать в контексте «красногвардейской атаки на капитал». Для многоукладной экономики Дальневосточной республики наиболее приемлемой моделью таможенной политики оставался протекционизм.

К лету 1921 г. в Министерстве финансов и входящем в его состав Управлении таможенных сборов сложилось представление о важнейших направлениях развития таможенной политики Дальневосточной республики. Подчеркнем, что у первого руководителя Управления таможенных сборов А.В. Волынцевича-Сидоровича (в документах периода гражданской войны, как правило, опускалась вторая часть его фамилии) собственное мнение об основных направлениях таможенной политики в Сибири и на Дальнем Востоке сложилось еще в бытность его во главе таможенного ведомства правительства А.В. Колчака. В июне 1919 г. им были сформулированы основные направления таможенной политики, которая однозначно должна быть протекционистской, обеспечивая, во-первых, преодоление зависимости рынка

от «иностранных фабрикатов» и, во-вторых, фискальные потребности государства за счет повышенного обложения импортных «произведений почвы и промышленности» [2, л. 108 об.].

Уже тогда были намечены основные направления совершенствования тарифного регулирования – разработка автономного таможенного тарифа, а также пересмотр всех «изъятий» из таможенного обложения, существующих с начала Первой мировой войны [Там же.].

С момента назначения на должность начальника Управления таможенных сборов в ДВР А.В. Волынцевич, продолжавший заниматься практической деятельностью «по таможенной части», в должности Читинского таможенного инспектора, еще более укрепился в своей позиции. Свое видение он изложил в докладах об основах таможенной политики, направленных министру финансов от имени Управления таможенных сборов, в мае 1921 г.

Формируя предложения об основных направлениях совершенствования таможенно-тарифного регулирования, таможенное ведомство исходило из реального состояния дел – невозможности обеспечить ни фискальный доход, ни поощрение внутреннего производства. В условиях общей разрухи и товарного голода большая часть поступающего на внутренний рынок из-за границы продовольствия и предметов первой необходимости ввозилась беспошлинно.

Ситуация усугублялась и некоторыми послаблениями, допущенными Правительством ДВР в отношении беспошлинного ввоза. В частности, постановлением Правительства от 9 декабря 1920 г. правом ввоза товаров без предварительной оплаты пошлиной пользовались правительственные учреждения и кооперативные организации. При этом подобный порядок был заведомо убыточным для казны – по данным Управления таможенных сборов 3 млн. руб. начисленных платежей так и не вернулось в казну [7, л. 5].

Между тем опыт Российской империи, показывал, что при «правильном» таможенном тарифе возможен рост таможенного дохода. Накануне Первой мировой войны государство затрачивало содержание таможенных учреждений около 1,5 млн руб. в год, ежегодно получая от таможенного обложения в 3 раза большую сумму [7, л. 1 об.]. Именно соотношение расходов на содержание таможенного ведомства и получаемого таможенного дохода рассматривалось как показатель эффективности таможенно-тарифного регулирования.

Документы Управления таможенных сборов (аналитические доклады и информационные записки, проекты правительственных постановлений и по ведомству Министерства финансов и Управления таможенных сборов, разнообразная переписка, материалы о работе совещаний и межведомственных комиссий по вопросам таможенного обложения) позволяют выделить основные направления работы таможенного ведомства над формированием таможенно-тарифного регулирования внешней торговли в Дальневосточной республике.

В январе 1921 г. на территорию Республики распространено действие российского таможенного тарифа 1906 г. и Устава таможенного 1910 г. (в редакции 1912 г.) со всеми доведенными изменениями. Первой мерой в области таможенно-тарифного регулирования, естественно, стало приведение норм устава и ставок тарифа в соответствие с условиями существования ДВР. В связи с завершением мировой войны были сняты ограничения, введенные «по обстоятельствам военного времени» и, прежде всего, запрет на ввоз «произведений промышленности и почвы» воюющих с Россией государств. Прекратилось действие конвенционных тарифов в торговле со странами, с которыми у ДВР не было торговых договоров. На практике это означало полный отказ от торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования, утвердившегося в международной торговле в начале XX столетия.

Конвенционные тарифы сохранились теперь исключительно в торговле с Советской Россией, и это положение было закреплено на уровне двусторонних договоров. Так, ст. 6 заключенного 17 февраля 1921 г. Договора об экономическом союзе между РСФСР и ДВР, обязывала стороны заключить соглашение о взаимном предоставлении конвенционных таможенных льгот; исключая возможность их распространения на третьи страны. Кроме того,

согласно договору не облагалось пошлинами вывозимое в РСФСР сырье: пушнина, золото, вольфрам, олово, свинец, а также все товары, произведенные расположенными на территории ДВР советскими предприятиями [11, л. 11-12].

Обе стороны высказались в пользу создания таможенного союза, начав подготовительные работы в этом направлении «на предмет беззамедлительного введения его в действие, тогда, когда это окажется возможным» [11, л.12]. Проект Таможенного соглашения между ДВР и РСФСР был разработан и представлен на согласование в заинтересованные ведомства, в частности, в Министерство народного хозяйства ДВР в августе 1922 г. [10, л.115-116].

Серьезному пересмотру подверглась практика беспошлинной торговли. Законом от 25 августа 1921 г. отменен беспошлинный порядок ввоза товаров для государственных учреждений и кооперативных организаций, одновременно полностью отменялся и ввоз товаров без предварительной оплаты пошлиной. Министерство финансов совместно с Народным контролем ДВР разработало правила расчета правительственных учреждений с таможнями. Результатом стало существенное сокращение ввоза из-за границы товаров правительственными учреждениями, что, по мнению Управления таможенных сборов, свидетельствовало, что предоставленные льготы использовались более широко, чем требовалось «действительными их потребностями» [7, л. 5 об.]

Вынужденной мерой таможенного регулирования стало применение ставок китайского таможенного тарифа и правил начисления пошлин. Их устанавливали Временные правила для действий китайских таможен на станциях Маньчжурия и Пограничная, разработанные Харбинской комиссией в 1908 году.

В апреле 1921 г., на основании заключенного товарищем министра транспорта Республики В.В. Рябиковым договора с китайскими властями провинции Хэйлунцзян, на все таможенные учреждения ДВР был распространен порядок взимания пошлины по китайскому таможенному тарифу – в размере 5% при сохранении пониженной до $3\frac{1}{3}\%$ пошлины при доставке товаров по железной дороге через Маньчжурскую таможню [7, л. 6].

Установленный порядок не соответствовал фискальным интересам Республики, поскольку все штрафные платежи при обнаружении контрабанды исчислялись в пятикратном размере от установленной для данного товара пошлины, а пошлина по российскому таможенному тарифу была существенно выше пятипроцентной, начисляемой по китайскому тарифу. Преодолеть сей порядок было возможно только на основе нового автономного тарифа.

Работа над автономным таможенным тарифом Дальневосточной республики началась весной 1921 г. Именно тогда были сформулированы принципиальные позиции для разработчиков тарифа. Ввозной (импортный) таможенный тариф должен был способствовать ввозу орудий и средств производства и сокращению ввоза товаров непосредственного потребления; иметь ценовой (адвалорный) характер пошлины с понижением ее на товары, относящиеся к средствам производства и орудиям труда в зависимости от их важности для народного хозяйства Республики.

Для вывозного (экспортного) тарифа предполагалось обложение высокими таможенными пошлинами сырья и поощрение вывоза готовых изделий. Величина пошлины при ввозе и вывозе товаров напрямую связывалась с их необходимостью для народного хозяйства Республики [7, л. 7-7 об.]. Напомним, что этот же принцип был положен в основу первых советских таможенных тарифов 1922 г.

Летом 1922 г. работа над составлением автономного таможенного тарифа перешла к разработке его конкретных позиций. Вся практическая деятельность сосредоточилась в созданной 13 июня 1922 г. Комиссии по выработке таможенного тарифа. Утвержденное законом Положение определяло её состав, компетенцию и порядок деятельности. Комиссией руководил министр финансов, при участии представителей от заинтересованных ведомств: министерств иностранных дел, транспорта, народного хозяйства, промышленности и земледелия, внутренних дел, управлений таможенных и акцизных сборов министерства финансов, Цен-

трального статистического управления, Дальневосточного совета профсоюзов, Читинского городского самоуправления, Торговой палаты и Дальневосточного бюро кооперативных организаций [9, л. 173.]. Представитель каждого из них имел право решающего голоса.

В первую очередь комиссии предстояло провести систематизацию товарных позиций с учетом современного состояния промышленности и торговли. По части привозных товаров уточнялся перечень «дозволенных» и запрещенных к привозу с определением для первых ставок таможенной пошлины.

Все предметы «непосредственного потребления» предлагалось обложить ценовыми пошлинами в «возрастающей прогрессии», а орудия и средства производства – пониженными пошлинами. При определении тарифа для вывозных товаров комиссии предлагалось привести в соответствие «с современными условиями жизни страны» списки запрещенных к вывозу товаров.

В целом же в будущем тарифе предполагалось перейти от адвалорных к специфическим пошлинам, начисляемым от количества (веса или счета) товаров [9, л. 173-173об.]. При этом за образец систематизации товарных позиций принимался российский тариф 1906 г.

Несмотря на довольно интенсивную работу комиссии к моменту вхождения территории ДВР в состав РСФСР, автономный таможенный тариф так и не был разработан. Таможенно-тарифное регулирование внешней торговли по-прежнему оставалось реакцией на обострение старых и возникновение новых проблем.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Алексеев А.Г. Документы Министерства финансов правительства А.В. Колчака как источник по истории экономической политики белых властей Сибири // Новый исторический вестник. – 2002. – № 1 (6). – С. 75-86. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nivestnik.ru/2002_1/6.shtml (дата обращения 03.03.2019)
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 163. Оп. 1. Д. 3.
3. Карпенко С.В. Первые шаги правительства генерала А. И. Деникина по регулированию внешней торговли (август 1918 - апрель 1919 г.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2009. – №17. – С. 84-98.
4. Карпенко С.В. Из истории государственной монополизации внешней торговли в России. Опыт правительства генерала А.И. Деникина (1919-1920 гг.) // Экономический журнал. – 2011. – Т.21. – № 1. – С. 84-91.
5. Карпенко С.В. Из истории государственной монополизации внешней торговли в России. Опыт правительства генерала П.Н. Врангеля // Экономический журнал. – 2011. – Т. 22. – № 2. – С. 118-126.
6. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. Концессионная политика Дальневосточной республики (1920-1922 гг.) // Россия и АТР. – 2007. – №1. – С. 5-20.
7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее РГИА ДВ). Ф. Р-1639. Оп. 1. Д. 28.
8. РГИА ДВ. Ф. Р-1636. Оп. 1. Д. 47.
9. РГИА ДВ. Ф. Р-1639. Оп. 1. Д. 85.
10. РГИА ДВ. Ф. Р-1718. Оп. 1. Д. 41.
11. РГИА ДВ. Ф. Р-4634. Оп. 1. Д. 304.
12. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). – Новосибирск, 2006. – 212 с.
13. Сонин В.В. Экономическая политика ДВР и ее правовое обеспечение // Государственно-правовое развитие дальневосточного региона и роль органов внутренних дел в этом процессе. – Хабаровск, 1994. – С. 22-30.

14. Сонин В.В. Таможенная политика и ее правовое обеспечение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.) // Таможенное дело в период реформ: региональные проблемы. – Владивосток, 2005. – С. 246-248.



Боровик Елена Валерьевна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
elena.v.borivik@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА XXI ВЕКА

УДК 433

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные направления в изучении проблем дальневосточного города в современной региональной историографии. Выделяются основные направления в изучении города и его роли в освоении Дальнего Востока России: урбанизация Дальнего Востока, города-центры, экономические и торговые связи, предпринимательство, население городов, повседневная жизнь и развитие инфраструктуры.*

***Ключевые слова:** Дальний Восток, урбанизация, город, исторические исследования, региональная историография.*

Elena Borovik

Vladivostok State University of Economics and Service
elena.v.borivik@gmail.com

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF FAR EASTERN CITIES IN HISTORICAL RESEARCHES IN 21TH CENTURY

***Abstract.** The article discusses the main directions in studying the problems of the Far Eastern city in modern regional historiography. The main areas of study of the city and its role in the development of the Far East of Russia are highlighted: the urbanization of the Far East, city centers, economic and trade relations, business, urban population, daily life and infrastructure development.*

***Key words and phrases:** Far East, urbanization, city, historical research, regional historiography.*

История освоения Дальнего Востока напрямую связана с развитием дальневосточных городов. Само по себе русское присутствие на «молодых» территориях подразумевает под собой создание городов, которым суждено было выполнять функцию административных, военных и торговых центров. Такие центры – это всегда большое количество совершенно разных людей, жизнь которых будет сопряжена не только с торговлей, защитой русских границ, но еще и с развитием инфраструктуры городов, строительством, культурой, досугом, образованием и другими позициями, без которых существование города немыслимо.

Цель данной статьи – выделить основные направления в изучении городов периода колонизации Дальнего Востока. Для этого нами были проанализированы источники в виде монографий, статьи в периодических журналах, материалы конференций, сборники статей. Такой анализ предполагает оценку изученности данной темы, определение направлений в современной региональной историографии.

В процессе подготовки статьи нами было изучено порядка ста источников, опубликованных после 2001 года. Общий анализ научных источников показал, что тема развития городов Дальнего Востока исследована достаточно широко и включает в себя немалое количество направлений и «взглядов»: разное значение городов – экономическое, торговое, военное, политическое, повседневная жизнь города, образование, культура, судьба отдельных личностей, воспоминания очевидцев и т.д.

Анализ публикаций говорит о том, что тема становления дальневосточных городов постоянно привлекает внимание исследователей и находит отражение в их публикациях: в монографической литературе, выступлениях на научных конференциях, статьях в рецензируемых журналах и иных научных публикациях. На запрос по ключевым словам «города Дальнего Востока», «урбанизация Дальнего Востока», «Владивосток», «Хабаровск», «Благовещенск» научная электронная библиотека «eLibrary» выдает порядка тысячи публикаций в разделе «История. Исторические науки». Преобладают публикации в научных журналах, таких как «Россия и АТР», «Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук», «Гуманитарный вектор», «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке», «Ойкумена», «Власть и управление на Востоке России» и др. Большой интерес для данного историко-библиографического анализа представляет сборник научных статей «Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России», вышедший в 2014 году и включающий в себя 38 научных статей. Отметим также сборники материалов научно-практических конференций: «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом контексте», «Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив». Более всего публикаций по обозначенной выше тематике было опубликовано после 2012 года.

В большинстве научных исследований по данной тематике использованы фонды Российского государственного архива Дальнего Востока. Чаще всего исследователи обращаются к фондам 1 «Приморское областное правление. г. Владивосток», 28 «Владивостокская городская управа. г. Владивосток», 77 «Канцелярия военного губернатора. г. Владивостока», 702 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора» (наиболее часто), 704 «Канцелярия военного губернатора Амурской области. г. Благовещенск», 755 «Благовещенская городская управа. г. Благовещенск».

Анализ данных статей позволил нам выделить ряд направлений в исследовании становления городов Дальнего Востока: урбанизация региона в целом, градостроение, городское население, развитие инфраструктуры, торговые отношения городов, повседневная жизнь, которая включает в себя такие составляющие, как культура, отдых, быт, а также вопросы просвещения.

Урбанизация Дальнего Востока

В статьях, опубликованных с 2001 года, исследователи обращаются к общим вопросам, связанным с урбанизацией Дальнего Востока, то есть с возникновением на этой территории крупных экономических городов-центров и усилением их роли.

С середины XIX века процесс урбанизации начинается «сразу на всей территории страны, в том числе на ее новых и отдаленных территориях, таких, как Дальний Восток» [3, с. 371]. Дальневосточные города по причине их удаленности и молодости, проходили свой особенный путь развития и роста. Специфика их становления заключалась в том, что населенным пунктам достаточно быстро присваивался статус города, который зачастую был формальным, а «наращивание» экономико-хозяйственных, социальных и других функций происходило уже постфактум [3, с. 372]. Основным градообразующим субъектом являлось государство [3, с. 372], поэтому в основном население новых городов было малочисленным, складывалось из военных и государственных служащих, а сами города на начальных этапах не обладали прочной экономической основой. Не имели города изначально и своих культурных традиций, которые впоследствии пришлось «наращивать» искусственно, а соединяясь с традициями азиатского населения городов, они начинали представлять собой совершенно особенное явление. Политическое значение дальневосточных территорий было неоспоримо, что в частности подразумевает под собой необходимость охранять государственные границы. Поэтом первоначально города представляли собой военные посты [3, с. 372], которым в некоторых случаях удалось превратиться в крупные экономические, торговые и культурные центры.

В исследовательской литературе встречаются взгляды, которые урбанизацию Дальнего Востока определяют, как «колониальную» [14, с. 124], подчеркивая тем самым искусственность образования городов и быструю сменяемость жителей или же движение населения «с запада на восток» [4, с. 52], отмечая мощную государственную поддержку.

Тем не менее, благодаря ряду факторов (торговля, развитие промышленности и улучшение инфраструктуры городов), эта ситуация начала меняться. К концу XIX века «на Дальнем Востоке насчитывалось десять официально утвержденных городов, но их население было сосредоточено преимущественно в трех из них: в Благовещенске – 32,6 тыс. человек; во Владивостоке – 29 тыс.; в Хабаровске – 15 тыс.» [3, с. 373]. Со временем эта цифра увеличилась.

Отметим также, что урбанизация Дальневосточного региона не была единым, неизменным процессом. Так, Л.И. Галлямова, основываясь на определенной специфике развития городов, выделяет три этапа урбанизации: «1) середина XIX – конец XIX в.; 2) рубеж XIX – XX вв.; 3) предоктябрьские годы (1907–1917 гг.)» [4, с. 52].

Развитие административных центров

Еще один вопрос региональной историографии – это развитие административных центров Дальнего Востока: причины появления, принципы развития, изменение значения, численность населения и жизнь в целом. Крупными центрами в разные периоды истории являлись такие города, как Благовещенск, Николаевск-на-Амуре, Хабаровск и Владивосток. Приведем количественное соотношение статей в научной электронной библиотеке «eLibrary» в разделе «История. Исторические науки»: Благовещенск – 116, Хабаровск – 258, Владивосток – 639. В исследовательской литературе можно увидеть особенности развития этих городов, их сходства и отличия друг от друга.

Благовещенск

В конце XIX века «первым крупным городом в период присоединения и освоения Россией громадной территории на восточных окраинах азиатского континента» [7, с. 102] являлся Благовещенск (32,6 тыс. чел.).

Выбор места возникновения города не был случайным и во много определил дальнейшую судьбу города. Благовещенск стал стратегически важным пунктом, поскольку находился на одном из мест с «наиболее развитыми водными путями миграции в регион» [13, с. 119–120], на его территории «можно было удобно разместить солдат, казаков и продовольствие» [7, с. 102], укрепить границы с Китаем. Характер самого города определялся еще тем, что он должен был посредством Амура «соединить Сибирь с Тихим океаном», что «послужит импульсом для развития Забайкалья» [7, с. 102], обладающего плодородными землями.

Уже на момент становления города одним из главных занятий населения была не военная служба, а торговля, которой занимались купцы, мещане, крестьяне, отставные солдаты и поселенцы. В городе торговали «как отечественными, так и привозимыми через Николаевск иностранными товарами (ткани, бумага, посуда, металлические орудия труда, водка, сигары и др.). Из Забайкалья завозили продукты питания, веревки, канаты, кожи. Популярной была меновая и денежная торговля с китайцами. Устраивались ярмарки» [10, с. 104]. Факт наличия активной торговли, обусловленный географическим положением, близостью с Китаем и Маньчжурией, выгодно отличал этот город от других населенных пунктов.

Городу пророчили долгую жизнь и неминуемое развитие, поэтому, конечно, ощущалась потребность в развитии промышленности, а также городской инфраструктуры и органов местного самоуправления. Со временем вполне закономерно в городе начала развиваться золотодобыча, а также «чугунно-литейный и кожевенный заводы, 4 паровых мельницы, предприятия по производству алкогольной продукции» [7, с. 104].

К концу XX века Благовещенск закрепил за собой звание города золотопромышленников и купцов. Развивалась и инфраструктура города: появлялись образовательные и медицинские учреждения, библиотеки, читальни, газеты и драматический театр. «Благовещенская

городская дума в сентябре 1906 г. признала необходимым строительство центральной электростанции» [15, с. 193]. Спустя два года на Дальнем Востоке появилась первая муниципальная электростанция. Это время стало самым интенсивным в развитии Благовещенска.

Хабаровск

Еще один быстро развивающийся город на Дальнем Востоке – это Хабаровск, основанный в 1858 году как военный пост Хабаровка. Исследователи отмечают его важное административное значение, которое он получил почти сразу и сохранял долгое время.

Удачное расположение этого населенного пункта способствовало развитию здесь торговли с другими районами страны и с иностранными государствами. В 1880 г. Хабаровке был присвоен статус города и областной столицы. Спустя 4 года город становится административным центром Приамурского генерал-губернаторства. «С этого момента и вплоть до 1938 г. (с небольшим перерывом в 1920–1923 гг.) Хабаровск оставался общерегиональным центром власти на Дальнем Востоке» [6, с. 67].

Среди причин выбора именно Хабаровки столицей Приамурского генерал-губернаторства исследователи называют следующее: близость населенного пункта к границе с Китаем, центральное положение в системе коммуникаций региона, смещение хозяйственной и миграционной активности в Уссурийский край, наличие жилого фонда для начальственных лиц [6, с. 67]. Таким образом, город становится центром управления, несмотря на «неблагоприятный климат и окраинное положение в области» [6, с. 67].

Владивосток

В 1860 году был создан военный пост Владивосток. Исследователи сходятся в том, что удачное географическое положение стало одним из условий для быстрого развития этого города и определило его дальнейшую судьбу: город станет центром торговли и мореплавания на Дальнем Востоке. Такой его статус был сформирован рядом причин.

В 1862 году Владивостоку был присвоен статус порта с режимом беспошлинной торговли (порто-франко). Этот режим оказал колоссальное влияние на развитие города.

Уже на ранних этапах становления Владивосток отличался большим количеством иностранных предпринимателей. «1886 г. стоимость торговли стран Запада во Владивостоке составила около 1,7 млн руб.» [18, с. 250]. Исследователи отмечают особенную активность китайской торговли здесь. «В 1893 г. во Владивостоке существовало 127 мелких китайских лавок при 23 русских. Главными видами китайской торговли являлась смешанная торговля разными товарами, торговля съестными припасами, овощами, фруктами и мануфактурными изделиями» [18, с. 251]

Стоит отметить, что Владивосток уже в 80-е годы становится большим транспортным узлом, через который посредством Добровольного флота морем доставляются переселенцы и грузы для всего Приамурья из Одессы. Этот факт является важным, поскольку именно таким путем в город доставлялись российские товары, ввоз которых только возрастал. А также прибывали переселенцы из центральных губерний России.

Важными для формирования экономических связей региона и развития самого города становятся отношения с Маньчжурией. «Кроме русских товаров в Маньчжурию с территории Приморской области шли транзитом товары иностранного производства и даже центральных и южных провинций Китая. В 1897-1900 гг. транзит китайских товаров составлял порядка 75% общей стоимости экспорта. Из-за отсутствия железнодорожного сообщения китайские товары (одежда, обувь, свечи, посуда, холст и т.д.) доставлялись в Маньчжурию морским путем через порт Нючжуан, либо через Владивосток и приморские заставы» [18, с. 251].

Важно отметить также, что не только морской путь стал ключевым в развитии Владивостока как центрального города в регионе. Строительство железных дорог, в том числе Транссибирской железной дороги и КВЖД, предопределили ускоренное развитие Приморья, ставшего в этот период наиболее урбанизированной территорией Дальнего Востока. Начало

работы железнодорожных путей дало импульс к социально-экономическому росту города, притоку в город квалифицированных рабочих кадров и как следствие поднятию уровня образованности населения [13, с. 122].

Экономическая жизнь

Почти все исследователи, говоря о Владивостоке, отмечают его многонациональное население: большое количество подданных Китая, Кореи, Японии, присутствие здесь предпринимателей из Европы и Америки. В исследовательской литературе приводятся термины, обозначающие данное явление «чужаки», «торговые народы», «торговые меньшинства», «посреднические меньшинства», «этническое предпринимательство», «этнический анклав» [16, с. 68].

В исследованиях можно найти особенности, отличающие этническое предпринимательство, например, существование в качестве общин с прочной связью между участниками этих общин. Тем не менее совершенно ясно, что во Владивостоке были все условия, для развития здесь именно такой формы торговли: значительная доля мигрантов в городском населении, небольшое количество русских людей, способных приехать на Дальний Восток и жить здесь в городах, привлечение в этнических группах к ведению бизнеса преимущественно соотечественников [16, с. 70-71].

Еще одним вопросом, отраженным на страницах научных исследований, является оценка современников присутствия в дальневосточных городах иностранных предпринимателей. Чаще эта оценка является отрицательной. Современники обращают внимание на зависимое положение Приамурья от иностранной торговли и невысокое качество предлагаемых товаров. Приведем примеры. А.М. Позднеев, первый ректор Восточного института говорит следующее: «Главнейшие деятели в Приморской и Амурской областях – иностранцы, раскидывающие повсюду, как пауки, свои сети к ... гнету русского народа и русской действительности» [5, с. 134]. Многие исследователи посвящают свои статьи исследованию торговых отношений с Китаем. По мнению исследователей, большое присутствие китайских подданных на новых русских территориях имело как «плюсы», так и «минусы».

Присутствие в дальневосточных городах иностранных предпринимателей, в том числе и китайских, было необходимым: без китайского предпринимателя Приамурский край «сидел бы здесь без пищи, питья и топлива и нуждался бы в самых существенных и элементарно-необходимых предметах человеческого общежития» [17, с. 115]. Это, а еще тот факт, что для китайцев «основными сферами приложения капитала оставались торговля, ростовщичество, вложение в недвижимость» [16, с. 74], привело к успеху в предпринимательстве этого народа во Владивостоке. К тому же во многом, в отличие от русских людей, китайцы отличались трудолюбием и «были опытны (искушены) в обращении с деньгами» [16, с. 74-75].

В исследованиях отмечается, что в руках китайцев была сосредоточена почти вся розничная торговля (продукты питания, овощи, фрукты, мануфактурные изделия): «во Владивостоке существовало 127 мелких китайских лавок при 23 русских» [18, с. 151].

Исследователи отмечают, что важным этапом в русско-китайских отношениях стала Первая мировая война, которая увеличила спрос на китайскую продукцию как на Дальнем Востоке, так и в центральной части страны. Стоимость импортированных из Китая товаров «возросла с 1914 по 1916 г. с 89,6 млн до 154 млн руб.» [19, с. 29].

Масштабность этой торговли будет несколько приостановлена по причине Октябрьской революции. Причинами тому станет следующее: общая политическая неустойчивость, постоянные колебания курса рубля и обесценивание русских денег, запрет, наложенный в первой половине 1918 г. китайскими властями на вывоз товаров в Россию [19, с. 31].

Одну из первых позиций в дореволюционном Владивостоке, безусловно, занимали немецкие предприниматели, деятельность которых имела влияние не только на экономику города, но и на его архитектурный облик. Т.З. Позняк приводит характеристику Военного губернатора Владивостока, которую он дал предпринимателям из Германии: «Немцы в торгов-

ле Владивостока занимают первое место. Торговое дело своё они поставили во Владивостоке значительно прочнее, обширнее и лучше, чем у русских, товары у них разнообразнее, свежее и лучше, служащие стоят выше по развитию и деликатности, магазины очень большие и богатые, с весьма хорошою обстановкою» [17, с. 116]. В исследованиях можно найти еще ряд отзывов, положительно и отрицательно характеризующих умение немецких предпринимателей нести свои дела: красивые магазины, обширный выбор товаров, воспитанность служащих с одной стороны и низкое качество товаров, высокие цены [17, с. 116].

Наряду с китайскими и немецкими предпринимателями во Владивостоке присутствовали и японские. На основе исследовательской литературы можно сделать выводы об особенностях их жизни и торговли во Владивостоке: «Японские купцы во Владивостоке торговали продуктами, приправами, шелковыми и хлопчатобумажными тканями, ассортимент товаров в основном был ориентирован на соотечественников» [16, с. 74]. Как и китайские торговцы, они отличались «групповой солидарностью». В 1876 году во Владивостоке было создано японское коммерческое агентство, деятельность которого продолжалась до Русско-японской войны.

Торговые отношения с Японией были достаточно прочными и плодотворными: «Россия стала важным рынком сбыта для японской промышленности, отчасти за счёт поставок оружия и снаряжения для царской армии» [19, с. 31].

Следующая этническая группа, отмеченная в исследованиях – это выходцы из Кореи. Наряду с японцами и китайцами, они также стремились к объединению. «Пример других стран побудил и Корею инициировать вопрос о назначении во Владивосток своего коммерческого агента» [16, с. 79]. По мнению же пограничного комиссара Смирнова, Владивосток не нуждался в данном агентстве, поскольку торговля с Кореей как таковая отсутствовала [17, с. 111]. Тем не менее в 1902 году корейское торговое агентство во Владивостоке была образовано.

Многие исследователи уверены, что торговое значение города говорит о важности такого предприятия, как торговый порт. Порт был необходим не только самому городу, но и всей Приамурской области, поскольку все товары сюда могли попасть или по морю через Владивосток или Николаевск, или же по суше. «Основная масса товаров прибывала морем. К началу XX в. Владивосток стал крупнейшим русским портом на Тихом океане» [16, с. 72-73].

Именно с открытием во Владивостоке порта в город пришел иностранный капитал – «такие известные торговые дома, как «Кунст и Альберс», затем «Чурин И.Я. и Ко», «Иоганн Лангелитье и Ко» и др., открывали магазины Даттаны, Бриннеры, Смиты и пр.» [11, с. 880].

Исследователи сходятся в том, что Владивостокский порт накануне Первой мировой войны имел важное значение. Владивосток стал единственным крупным портом России, через который могли поступать иностранные товары («и те, которые следовали ранее в европейские порты»), необходимые для военных нужд, а также осуществлялось снабжение союзников, поступало стратегическое сырьё (цветные и чёрные металлы, порох, копра), станки и производственное оборудование [19, с. 26-27].

Отмечается, что роль Владивостокского порта кардинально меняется после Октябрьской революции: падение его импорта и экспорта, утрата роли ввозного порта для России и приобретение статуса порта местного значения [16, с. 30].

Повседневная жизнь

Ряд статей, опубликованных с 2001 года, посвящён повседневной жизни городов Дальнего Востока. Безусловно, культурная и досуговая деятельность жителей города является очень важной частью жизни населённых пунктов. На начальном этапе становления городов властями и самими горожанами было сделано немало для того, чтобы жители городов имели возможность развивать свои увлечения и хобби. В исследованиях формулируется причина внимательного отношения властей к этому вопросу: досуговая культура помогает «сохра-

нить его единство и целостность, как на групповом уровне, так и во взаимодействии с другими сообществами» [1, с. 463].

В первую очередь стоит отметить, что в 1880-х годах в городах начинают появляться общественные организации. Во Владивостоке: «Владивостокское благотворительное общество, Общество содействия спасанию на водах (1876), Общества изучения Амурского края (1884)» [17, с. 117]. В Хабаровске: «Городское Общественное Собрание (1880), Приамурский отдел Императорского Русского Географического Общества (1894), литературно-музыкальные салоны, по образцу Петербурга» [8, с. 144].

Появление немалого количества объединений (в том числе и кружков) исследователь в региональной историографии связывает с желанием интеллигенции удовлетворить свои культурные потребности, и присутствием на отдаленных территориях малого количества людей, обладающих творческими способностями, частая их сменяемость [2, с. 22].

Участие в кружках было популярно среди местного населения, число их росло, что и делает их объектом многочисленных исследований.

В работах представлена классификация подобных объединений: культурно-просветительские и культурно-образовательные [2, с. 32]. Также в исследованиях можно найти перечень кружков и их характеристику (основная деятельность, количество и род деятельности участников, частота концертов и пр.). Например, кружок Морского собрания, который устраивал семейные вечера, состоящие из «драматического спектакля, музыкальных номеров и танцевальной программы» [2, с. 22]. Еще одной долговременной организацией станет Владивостокское общество любителей оркестровой музыки и хорового пения (1892 г.), которое будет включать в себя «большой смешанный хор и симфонический оркестр, различные камерные инструментальные составы» [2, с. 23].

Так, Г.А. Андриец приводит ряд наиболее важных объединений: музыкально-драматический кружок при Общественном собрании Хабаровска (насчитывал 120 участников), кружок любителей музыки и литературы при Общественном собрании Благовещенска (включал в себя 118 членов), почтово-телеграфные кружки в Хабаровске и Никольске-Уссурийском, Владивостокское общество спорта, Общество бесплатной детской библиотеки-читальни им. Л.Н.Толстого в г. Благовещенск и др. [2, с. 25-26].

Еще одной общественно важной организацией было Общество русских ориенталистов, основанное в Харбине в 1909 году. Эта организация занималась просветительской деятельностью, к которой относилось следующее: «Публичные лекции востоковедов по истории китайской музыки и театра, об особенностях музыкальных инструментов, опубликованные затем в печатном органе общества журнале «Вестник Азии» [10, с. 126].

Исследователи сходятся в том, что создание кружков в дальневосточных городах порой было делом достаточно сложным. Связано это было в большей мере с большой сменяемостью здесь жителей. «Некоторые кружки, переживая тяжелое время потери главных творческих сил в связи с их отъездом в центральную Россию, сокращали или вообще прекращали свою деятельность» [2, с. 22]. Исследователь также утверждает, что самыми прочными были кружки, созданные при «Военных, Общественных, Коммерческих или иных собраниях, а позднее – при Народных домах» [2, с. 22].

Культурная жизнь города представляла собой не только развлечения и творческую деятельность. Отдельным ее направлением стали народные чтения, представляющие собой образовательную и просветительскую деятельность. В исследованиях приведен перечень того, на что распространяется деятельность Общества народных чтений: а) народные и литературные чтения как по специальным, так и по общеобразовательным отраслям знаний; б) читальни и библиотеки; в) воскресные школы и повторительные при них вечерние классы и самостоятельные вечерние курсы; г) общественные библиотеки; д) драматические представления, концерты, публичные лекции и т.п. [2, с. 29].

Периодическая печать также является показателем того, что город развивается. Отмечено большое количество изданий: «непосредственно в предвоенный период периодика была представлена в регионе 30–35 журналами и газетами, тематическое разнообразие которых быстро росло» [12, с. 107]. Объясняет он это ростом городского населения в регионе.

Исследователи отмечают, что одной из главных особенностей дальневосточных городов становится большое присутствие в них китайских, японских и корейских подданных. Следствием этого стало проникновение азиатских традиций в повседневную жизнь русских городов. Одним из самых необычных явлений стали «китайские праздничные театрализованные представления в открытом пространстве городских улиц» [10, с. 121]. Китайские праздники были не только частью жизни китайского населения. Эти яркие карнавалы объединяли людей разных национальностей, включая их в процесс праздничного шествия по центральным улицам. Одним из самых ярких праздников был китайский новый год, который сопровождался рядом традиционных мероприятий, необычных для русских жителей. Например, необычный китайский оркестр, процессия с бумажным драконом, иллюминации и фонари [10, с. 121]. Исследователь также отмечает праздничное шествие «сухопутная лодка», которое включало в себя элементы театра, цирка, хореографии, акробатики, гимнастики и боевых искусств [10, с. 124].

Обращаясь к переводу воспоминаний Петра Унтербергера, мы увидим доказательство того, что китайские представления действительно были незабываемым зрелищем: «Вечером в городе была большая иллюминация с фейерверком и китайскими ракетами. Иллюминация состояла из фонарей, «Плошек» и простых свечей. Фонари были закреплены на высоких жердях между домами вдоль главной улицы и выглядели как гирлянды. От триумфальной арки улицу украшали ещё и установленные в ряд транспаранты из пёстро раскрашенной промасленной бумаги. Такие же транспаранты с именной монограммой престолонаследника были развешены у входов многих домов. Я никогда не видел такой прекрасной иллюминации, как тогда во Владивостоке» [9, с. 122]. Событие, описанное выше, состоялось по случаю приезда Цесаревича Николая Александровича во Владивосток.

Празднование китайского нового года включало в себя не только театрализованные мероприятия на улицах города, но и «праздничные званые обеды с обилием всевозможных дорогостоящих блюд, приготовленных из специально привезённых китайских продуктов русскими поварами», которые устраивали горожане-китайцы [10, с. 125]. Такой вид неформального общения также стал частью жизни дальневосточных городов.

Данное исследование показало, что развитие городов Дальнего Востока – это тема, которая широко и многосторонне освещается в исследовательской литературе. Наиболее разработанными направлениями являются: население городов Дальнего Востока (национальная, классовая принадлежность, квалификация, профессия и т.д.), международные торговые отношения, а также местное предпринимательство. Большое количество статей в научных журналах посвящено повседневной жизни городов, исследователи детально изучают эту сторону жизни населенных пунктов, говорят о культуре, творческих объединениях, о быте как русской, так и иностранной части населения. Активно разрабатывается и тема инфраструктуры городов: темами ряда статей являются водоснабжение, электрификация, очистительные работы, строительство дорог и решение транспортного вопроса. В меньшей мере освещается образ городов в воспоминаниях и представлениях современников, значение для региона каждого города отдельно, сравнение крупных дальневосточных городов.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Андриец, Г.А. Взаимодействие культур в повседневной жизни Дальневосточных городов (конец XIX – начало XX века) / Г.А. Андриец // Социально-культурная деятель-

- ность: векторы исследовательских и практических перспектив: Сб. науч. ст. – 2017. – С. 461-465.
2. Андриец, Г.А. Культурная жизнь городов на юге Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.) / Г.А. Андриец // Вестник Дальневосточного Отделения Российской Академии Наук. – 2009. – № 1. – С. 21-32.
 3. Власов, С.А. Урбанизация на Дальнем Востоке России в исторической ретроспективе / С.А. Власов // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: Сб. науч. ст. – 2015. – С. 370–382.
 4. Галлямова, Л.И. Урбанизация Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в.: основные этапы и особенности/ Л.И. Галлямова // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: сб. науч. ст. – Владивосток: ООО «Рея», 2014. – С. 52-59.
 5. Еланцева, О.П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке / О.П. Еланцева // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2. – С. 132-142.
 6. Журавлев, П.В. К вопросу о миграции местопребываний центров управления Дальневосточным регионом во второй половине XIX – начале XX вв. / П.В. Журавлев // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: Сб. науч. ст. – Владивосток: ООО «Рея», 2014. – С. 66-70.
 7. Коваленко, А.И. История Благовещенска второй половины XIX в. в воспоминаниях и свидетельствах современников / А.И. Коваленко // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: Сб. науч. ст. – Владивосток: ООО «Рея», 2014. – С. 102-108.
 8. Коваль, С.В. Социокультурное своеобразие города Хабаровска в начале XX века / С.В. Коваль, В.В. Костанди // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2014. – Т. 2. – С. 143-146.
 9. Корнилова, Л.Е. Пребывание престолонаследника цесаревича Николая Александровича во Владивостоке (из воспоминаний Петра Унтербергера, перевод с немецкого языка) / Л.Е. Корнилова // Известия Восточного Института. – 2016. – № 1 (29). – С. 115-123.
 10. Королева, В.А. «Маленький Китай» и его зрелищные представления в социокультурном пространстве улиц русского дальневосточного города (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.) / В.А. Королева // Гуманитарный Вектор. – 2015. – № 2 (42). – С. 118-127.
 11. Кох, Л.В. Режим порто-франко в г. Владивостоке как способ интеграции российского Дальнего Востока в Азиатско-тихоокеанский регион: перспективы и проблемы / Л.В. Кох, В.С. Просалова, Е.Н. Смольянинова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12-5. – С. 879-882.
 12. Крутоус, И.В. Проблемы Функционирования Цензуры На Дальнем Востоке Российской Империи в годы Первой мировой войны (на примере г. Владивостока) / И.В. Крутоус, О.А. Лихарева // Власть и управление на востоке России. – 2015. – № 2 (71). – С. 104-113.
 13. Ланкина Ю.С. Города юга Приамурского Генерал-Губернаторства России: факторы возникновения и развития / в сборнике: Забайкалье историческое сборник статей V Межрегиональной Научно-Практической Конференции. Ответственный редактор А.И. Мороз. 2016. С. 118-124.
 14. Ланкина, Ю.С. Повседневная жизнь населения городов юга Дальнего Востока России в конце 19 – начале 20 вв. / Ю.С. Ланкина // Власть и управление на востоке России. – 2014. – № 4 (69). – С. 123-130.
 15. Маклюков, С.Б. Начальный этап электрификации городов Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.) / С.Б. Маклюков // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: Сб. науч. ст. – Владивосток: ООО «Рея», 2014. –С. 192-196.

16. Нестерова, Е.И. Этническое предпринимательство во Владивостоке (конец XIX - начало XX в.) / Е.И. Нестерова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 10. – С. 67-83.
17. Позняк, Т.З. Образ Владивостока в представлении современников во второй половине XIX – начале XX в / Т.З. Позняк // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2014. – № 3 (30). – С. 109-119.
18. Романова, Г.Н. Роль Владивостока в развитии торговых связей Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (вторая половина XIX – начало XX в.) / Г.Н. Романова // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: Сб. науч. ст. – Владивосток: ООО «Рея», 2014. – С. 250-256.
19. Устюгова, О.А. Дальний Восток России в системе внешнеторговых связей накануне и во время революций 1917 г. / О.А. Устюгова // Россия и АТР. – 2017. – № 3 (97). – С. 25-35.



Бучко Николай Петрович, канд. ист. наук, доцент
Дальневосточный федеральный университет.
buchko65@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ АРМИЙ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕЖИМОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

УДК 930:355.48:340

***Аннотация.** В данной статье автор на основе анализа правовых актов антибольшевистских правительств, действовавших в годы Гражданской войны на Востоке России, рассматривает нормативные требования властных структур к политическому портрету армий. Автором выделяются общие аспекты формируемых антисоветской властью требований к военным структурам в контексте их политических статусов. В статье делается вывод о том, что все усилия антибольшевистских режимов выработать единые подходы в складывании общей единой идеологической позиции армий как политического института не принесли искомого властью результата.*

***Ключевые слова и фразы:** антибольшевистские силы, армия, политический режим, политическое руководство.*

LEGAL ASPECTS OF FORMATION OF THE POLITICAL POSITION OF ARMIES OF THE ANTI-BOLSHEVIST MODES IN THE YEARS OF CIVIL WAR IN THE EAST OF RUSSIA

Nikolai Buchko, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Far Eastern Federal University.

***Abstract.** In this article, the author because of the analysis of legal acts of the anti-Bolshevist governments operating in the years of Civil war in the east of Russia considers regulatory requirements of power structures to a political portrait of armies. The author distinguishes the general aspects of the requirements formed by the anti-Soviet power to military to structures in the context of their political statuses. In article the conclusion is drawn, that all efforts of the anti-Bolshevist modes to develop uniform approaches in folding of the common uniform ideological position of armies as political institute in did not bring required the power of result.*

***Key words and phrases:** anti-Bolshevist forces, army, political regime, political management.*

В военно-политическом противостоянии, которым являлась Гражданская война в России, важнейшим аспектом была политическая позиция вооруженной силы. В антибольшевистском лагере, консолидировавшемся на Востоке России, ее формирование было связано с антисоветским выступлением по линии железной дороги от Пензы до Владивостока Чехословацкого корпуса в мае 1918 г.

8 июня 1918 г. после захвата Самары чехословацким военным корпусом в городе был сформирован проэсеровский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). В осуществлении своих политических задач Комуч опирался на созданную им вооруженную силу – Народную армию. Складывание новой военной структуры проводилось без достаточной для формирования войск, подготовительной работы [7, с. 84]. Проэсеровское руководство Комуча считало, что создаваемая армия должна была стать

«носителем идеи нации, т.е. Учредительного собрания», и должна была служить не каким-либо партийным интересам, а «всему народу». При создании армии эсеро-меньшевистское правительство на первоначальном этапе руководствовалось добровольческим принципом её комплектования, который действовал до конца июня 1918 г. и позже был заменён призывом. Один из руководителей Комуча П.Д. Климушкин отмечал, что для понимания армейской массой целей и задач, стоявших перед Народной армией, с ней должна проводиться работа по политическому воспитанию.

В «Положении о Народной армии» отмечалось, что участие военнослужащих в деятельности партий не допускалось [2, с. 73-74]. По мнению кадровых военных, действия проэсеровской власти были направлены на объединение всех антибольшевистских сил в единый лагерь [7, с. 110]. Политическое руководство Комитета понимало, что кадровые офицеры бывшей царской армии, видя эсеровское партийное засилье в армейских кругах, постепенно становились политиками и рассматривали возможность отстранения политического крыла Комуча от власти.

Руководство Комуча, объявив лозунг «армия вне политики», попыталось исключить в армии возможность присутствия сторонников идеи возрождения монархии, каковых было много в офицерских командных кругах. Командиры Народной армии считали для себя неприемлемым воевать за эсеровскую власть. Своей первоочередной идеей они считали борьбу за Россию [19, с. 11-12].

Достаточно сложно в Народной армии решался вопрос о высшем командовании. 17 июля 1918 г. во главе неё был поставлен командир 1-й чехословацкой стрелковой дивизии полковник С. Чечек, но уже 22 июля «командующим всеми действующими частями» армии был назначен В.О. Каппель [11, Л. 1].

Дворянин по происхождению, в то время подполковник В.О. Каппель был приверженцем установления в России монархии. Он получил начальное военное образование в стенах 2-го кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. В 1913 г. окончил Академию Генштаба, был участником Первой мировой войны, занимал должность помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта. Весной 1918 г. Каппель был в составе группы бывших царских офицеров, которые должны были быть призваны в Красную Армию, но после выступления в мае 1918 г. чехословацкого корпуса Каппель вступил в Народную армию.

Свой приход в армию эсеровского Комуча В.О. Каппель объяснял только желанием «воевать с большевиками» [1, с. 126]. На собрании офицеров Генерального штаба 8 июня 1918 г. в Самаре, где обсуждался вопрос о руководстве добровольческими частями, он выдвинул свою кандидатуру на эту должность [2, с. 22-23]. В Народной армии он возглавил 1-ю Добровольческую (Самарскую) дружину. Уже в армии Колчака, будучи генералом, Каппель стал Главнокомандующим Восточным фронтом. Генерал Каппель был легендарной личностью в белых кругах и олицетворял образ непримиримого борца за идеалы Белого движения.

Другим центром антибольшевистского лагеря на Востоке России была Сибирь, где было сформировано Временное сибирское правительство (ВСП). Основной боевой силой этой власти являлась Сибирская армия. В своем обращении «К населению» от 30 мая 1918 г. Сибирское правительство отмечало, что создание армии должно исключать партийные или классовые начала. В документе сообщалось о недопустимости создания каких-либо вооруженных формирований, не подчиненных правительству [5]. Такое положение закреплялось и декларацией уполномоченных ВСП «Ко всему населению Западной Сибири» 1 июня 1918 г. В ней отмечалось, что вооруженная сила должна быть достаточной для утверждения народовластия и охраны граждан от внешних и внутренних угроз [6].

Новым звеном в цепи белых правительств на Востоке России в годы Гражданской войны стала созданная 29 сентября 1918 г. по итогам Уфимского государственного

совещания Директория. В программной «Конституции» Директория определила направления своей работы в военной области. В планах обновленной власти было воссоздание сильной, боеспособной армии, которая находилась бы за рамками партийного влияния. Декларацией предписывалось и невмешательство военных властей в сферу гражданского управления. Исключением являлись те территории, на театре которых проходили военные действия. Этот же подход применялся и к регионам, объявленным Правительством на военном положении. В армии запрещалась деятельность политических организаций, сама же она «устранялась» от политики [3, с. 190].

Приход в Омске к власти адмирала А.В. Колчака в результате государственного переворота 17 ноября 1918 г. в качестве Верховного правителя означал переход системы управления антибольшевистскими силами на Востоке России на диктаторские начала.

Адмирал А.В. Колчак занимал важнейшее место в ряду представителей высшего военно-политического руководства антибольшевистских сил на Востоке России в годы Гражданской войны. Выпускник Морского корпуса (1894 г.) в Первой мировой войне был Командующим Черноморским флотом, где столкнулся с революционными настроениями матросской среды. Его прибытие на Дальний Восток было подготовлено союзническими силами при поддержке антисоветских сил за рубежом, дабы дать противникам новой власти лидера, способного объединить разобщенные и неорганизованные группы и правительства единой целью.

Первым шагом в этом процессе стало вступление адмирала А.В. Колчака в верховное командование всеми вооруженными силами России [8]. В «Обращении к населению» он определил одной из важнейших задач формируемой им власти – создание боеспособной армии. При этом Верховный правитель категорически отверг какой-либо партийный окрас вооруженных сил [9].

Приказом по армии от 20 ноября 1918 г. № 44 адмирал Колчак требовал, чтобы офицеры и солдаты не допускали в своей среде любую политическую деятельность и исключили межпартийную борьбу. Все эти явления, по мнению Верховного правителя, подрывали устои российской государственности и разлагали армию. В требованиях новой власти отмечалось, чтобы все военнослужащие находились вне всякой политики [10]. Опираясь на армию, ограждая её от политического влияния различных идеологических течений, колчаковская власть рассчитывала на вооруженную силу, для достижения своих целей. Однако все планы режима были разрушены реальностью дел, которые не нашли поддержки у населения. И в этом вопросе армия не смогла стать опорой власти.

Сохранение белого политического спектра после поражения колчаковской армии в Сибири было реализовано в мае 1921 г. в Приморье. Здесь антисоциалистические силы свергли Приморское областное управление ДВР возглавляемое большевиком В.Г. Антоновым. К власти в регионе пришло Временное Приамурское правительство (ВПП) возглавляемое С.Д. Меркуловым. В противостоянии с забайкальским атаманом Г.М. Семеновым новая власть смогла отстоять свою позицию в Приморье.

Основной силой, поддержавшей меркуловское правительство, стала разбитая в Забайкалье Дальневосточная армия. Новая власть приступила к формированию своей армии. Стремясь избежать ошибок колчаковского режима, рассчитывая на поддержку населения, она была политическим и военным руководством антисоветской власти в Приморье. Для армии была выдвинута идея «белоповстанчества». Управляющим военно-морским ведомством и Командующим войсками ВПП был назначен генерал Вержбицкий, а основу армии составили «капелевцы» [21, с. 67, 72]. Неудачи военного продвижения белоповстанцев на запад, поражения от армии ДВР привели к кризису власти в Приморье. В этих условиях армия заявила о неприятии меркуловской власти и привела её к отказу от своих полномочий.

Ведущую роль в деятельности белоповстанческой армии Приморья играл генерал В.М. Молчанов. Окончив Алексеевское военное училище, В.М. Молчанов был участником Первой мировой войны, где служил на ротных командных должностях и дослужился до чина офицера инженерной службы армейского корпуса. Став участником антибольшевистского выступления в Елабуге Вятской губернии, он возглавил войсковой отряд, который вошёл в состав Народной армии Прикамского Ижевско-Воткинского Комуча. В начале 1919 г. Молчанов возглавил Ижевскую бригаду, а затем сформированную на её основе дивизию. Будучи приверженцем монархизма, Молчанов остался ему верен и после 1920 г., когда он в составе уцелевших белых войск перебрался в Приморье, где играл заметную роль в политической борьбе [22].

Попытка использовать потенциал армии, как государствообразующий компонент, была реализована белыми силами в конце существования антибольшевистского лагеря в России. В результате политических коллизий к власти в белом Приморье в 1922 г. пришел генерал-лейтенант М.К. Дитерихс.

Генерал М.К. Дитерихс, дворянин, в 1894 г. окончил Пажеский корпус, а в 1900 г. – академию Генштаба. В годы Первой мировой войны достиг заметного положения в военной иерархии России. Белая пресса в 1922 г. писала, что именно М.К. Дитерихс разработал план «Брусиловского прорыва» [12]. Генерал занимал должности генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, а затем Верховного Главнокомандующего и начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандующего. Весной 1918 г., находясь на Украине, Дитерихс был назначен на должность начальника штаба Чехословацкого корпуса, поднявшего мятеж против советской власти. Монархист и мистик, в период правления Колчака Дитерихс возглавлял Восточный фронт, штаб армии и военное министерство.

Призванный военной верхушкой белоповстанческого командования армией в Приморье для разрешения политического кризиса, развернувшегося в правительстве Меркуловых, генерал возглавил властные антибольшевистские силы в регионе. В докладе на созванном Земском Соборе, в качестве Командующего войсками Временного Приамурского правительства, Дитерихс отметил необходимость преодоления раскола в белой армии, ставшей участником борьбы различных политических сил [13]. Указом Правителя Приамурского Государственного объединения от 8 августа 1922 г. отмечалось, что военные не будут участвовать в формировании новых институтов власти – Земской Думы [14].

Своей задачей на политическом поле М.К. Дитерихс видел воссоздание единой российской государственности на основе русской исторической религиозно-нравственной идеологии и христианских ценностей [16]. Приказом от 8 августа 1922 г. № 138 по войскам и флоту генерал-лейтенант Дитерихс объявил о придании армии наименования «Земская рать» и принял на себя полномочия «Воеводы Земской рати» [15]. Стремясь обеспечить единство армии, Дитерихс приказом от 20 августа 1920 г. исключил возможность наличия в ней каких-либо «самоопределяющихся отрядов» и запретил военным самостоятельно переходить из подразделения в подразделение [17].

В обращении к Земской рати М.К. Дитерихс отмечал, что войска противостоят большевизму за права крестьян, рабочих и всех русских граждан. Воевода призвал воинов отказаться от репрессий по отношению к населению [18]. Своим последним приказом Правитель Приамурского Земского Края заявил о поражении сил Земской Приамурской Рати и выразил надежду на возрождение страны в «духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его [края] русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии» [4].

Попытка антибольшевистских политических режимов сформировать правовые основы для реализации единой политической позиции армий в годы Гражданской войны на Востоке России не принесла необходимого результата. Армии не стали централизованной основой

власти в силу своей политической неоднородности и системообразующим политическим институтом, который бы обеспечил государственную стабильность.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции.– М.: Наука, 1977.– 319 с.
2. Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага: Общество участников Волжского движения, 1930. – С. 38-102.
3. Конституция Уфимской Директории // Архив русской революции. Т. XII. – Берлин: Слово, 1925. – С. 189-193.
4. Мысль. 1922. 18 октября.
5. Народная Сибирь. 1918. 1 июня.
6. Народная Сибирь. 1918. 4 июня.
7. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. – М.: Айрис-пресс, 2011. – 544 с.
8. Правительственный вестник. 1918. 18 ноября.
9. Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.
10. Правительственный вестник. 1918. 23 ноября.
11. Российский Государственный военный архив. Ф. 39778. Оп. 1. Д. 1.
12. Русская армия. 1922. 15 марта
13. Русская армия. 1922. 4 августа.
14. Русская армия. 1922. 9 августа.
15. Русская армия. 1922. 11 августа.
16. Русская армия. 1922. 19 августа.
17. Русская армия. 1922. 23 августа.
18. Русская армия. 1922. 30 августа.
19. Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). – Мюнхен, 1923. – 324 с.
20. Федорович А.А. Генерал В.О. Каппель. – Мельбурн: Издание Русского дома в Мельбурне, 1967. – 117 с.
21. Филимонов Б.Б. Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921 – 22 годов. Кн. I. – Шанхай: Изд. автора; Тип. Изд-ва «Слово», 1932. – 161 с.,
22. Moltchanoff, V.M. The Last White General. – Berkely, 1972. – 132 pp.



Ван Вэй, магистр лингвистики, старший преподаватель
Факультет русского языка
Хэйхэский университет
2276347269@qq.com

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 1858 - 1917 гг.

УДК 394.912

***Аннотация.** В статье рассматривается китайская миграция на территорию российского Дальнего Востока в период становления капитализма: факторы миграции и группы мигрантов. Анализируется разница в китайской и российской терминологии, а также прослеживается взаимосвязь миграции и диаспоризации китайцев. Изучаются стороны российско-китайского взаимодействия на региональном и межгосударственном уровнях.*

***Ключевые слова и фразы:** миграция, мигрант, хуагун, хуацяо, хуажэнь, Россия, Дальний Восток, Китай, история, культура, диаспоризация, международные отношения.*

Wang Wei, Master of linguistics, senior lecturer
Department of Russian language
Heihe University
2276347269@qq.com

CHINESE MIGRANTS IN THE FAR EAST IN 1858 - 1917

***Abstract.** The article examines Chinese migration to the territory of the Russian Far East during the formation of capitalism: factors of migration and migrant groups; analyzes difference in Chinese and Russian terminology; traces interrelation of migration and diasporization of Chinese; explores sides of Russian-Chinese cooperation at the regional and interstate levels.*

***Key words and phrases:** migration, migrant, huagong, huaqiao, huazhen, Russia, Russian Far East, China, history, culture, diasporization, international relations.*

Статья поддержана грантом Общественного фонда в рамках изучения философии и общественных наук. Тема «Исследование исторических материалов о китайских мигрантах, проживавших в районах верховья и среднего течения реки Амур в конце XIX - начале XX вв.», проект № 16BMZ099.

Как отметил китайский дипломат Лю Цзяньчао, «Китай и Россия – две страны, имеющие важное влияние в мире, несут особую ответственность за поддержание мира на планете и содействие совместному развитию» [12]. Современная государственная граница протяжённостью в 4209,3 км обуславливает общую направленность интересов РФ и КНР, заинтересованность в развитии долгосрочных взаимовыгодных связей в рамках стратегического партнёрства и укрепление добрососедских отношений в целом.

Глубокое изучение накопленного за последние 400 лет исторического опыта российско-китайского сотрудничества является необходимым условием для укрепления международных отношений и обеспечения стабильности двусторонней коммуникации. В.В. Алексеев отмечает, что, «анализируя исторический опыт как часть исторического знания, прослеживая преемственность знаний и умений поколений, оценивая прошлое в ретроспективе и коорди-

нируя его итоги с последующим развитием, становится возможным осмысление задач, стоящих перед обществом на современном этапе» [1, с. 176-188].

Одним из ключевых элементов российско-китайского взаимодействия является миграция. Современный экономический словарь определяет миграцию населения как «перемещение людей, работников, связанное, преимущественным образом, с изменением места жительства и места работы» [7].

Темой нашей статьи является китайская миграция на российский Дальний Восток в 1858-1917 гг. Историк О.В. Залеская назвала это время периодом «пребывания и деятельности китайских мигрантов на Дальнем Востоке Российской Империи на этапе становления капитализма» [4, с. 5].

Данный хронологический отрезок времени включает в себя такие важные события: 1) подписание 16 (28) мая 1858 г. Н.Н. Муравьевым-Амурским и И. Шанем Айгуньского договора, установившего четкие границы между двумя странами; 2) заключение 2 (14) ноября 1860 г. И.Н. Игнатьевым и Гун-Цинь-Ваном Пекинского договора, окончательно определившего восточную границу между Россией и Китаем; 3) указ Александра II от 7 июня 1860 г. «О правах, пребывающих в Россию иностранцев» [6]; 4) открытие в Санкт-Петербурге в 1900 г. Практической Академии иностранных языков с китайским отделением; 5) образование в 1909 г. Комитета по заселению Дальнего Востока; 6) создание в Санкт-Петербурге в апреле 1917 г. Союза китайских граждан в России и т.д.

Китайские мигранты на российском Дальнем Востоке являются активными участниками межличностных, межрегиональных и межгосударственных российско-китайских отношений, так как на их жизнь и деятельность оказывает влияние взаимодействие России и Китая в политической, экономической, социальной, культурной и бытовой сферах. Что же послужило причиной миграции китайцев? Исследователи Чжао Диндун и Ли Сяошэн выделяют шесть факторов китайско-российской трансграничной миграции: 1) исторический фактор; 2) демографический фактор; 3) фактор природных ресурсов; 4) институциональный фактор; 5) фактор миграционных сетей; 6) фактор глобализации [11, с. 62-63].

Причины миграции определили сферы занятости китайцев на Дальнем Востоке. Ф.В. Соловьёв характеризовал китайскую миграцию как «совокупный поток сезонных работников, купцов и предпринимателей» [8, с. 12]. Исследователь О.В. Залеская отмечает, что, «исходя из рода занятий и степени оседлости, китайских мигрантов можно классифицировать по следующим группам: 1) «заязские маньчжуры»; 2) торговцы; 3) кустари и ремесленники; 4) рабочие (в т.ч. приисковые); 5) земледельцы; 6) промысловики, контрабандисты, хунхузы. Китайцы-арендаторы земель в Приамурье и Приморье способствовали дальнейшей земледельческой колонизации региона, крупные и мелкие торговцы снабжали Дальний Восток необходимыми товарами. С помощью дешевого труда китайских рабочих велось строительство городов, дорог, разработка приисков в дальневосточном крае» [3, с. 25]. Таким образом, тесные связи между русскими и китайцами осуществлялись в сфере торгово-рыночных отношений за счёт предоставления мигрантами необходимых товаров и услуг местному населению.

Однако сам термин «мигрант» всё же представляется нам недостаточным, неполным. Китайские учёные не используют термин «мигрант» («иминь»), а конкретизируют его, используя термины «китайские рабочие» («хуагун»), «китайцы, живущие за границей» («хуацяо»), «этнические китайцы» («хуажэнь») [10, с. 77-83]. Заменяя «общий» термин «частным», они подчёркивают стремление китайских мигрантов сохранить свою культуру и вернуться в Китай.

В связи с этим можно говорить не только о миграции, но и о китайской диаспоризации. А.П. Забияко поясняет, что «под китайской диаспорой следует понимать сообщество людей, связанных с китайской культурной традицией, но проживающих за пределами Китая в статусе этнического меньшинства, разделяющих чувство групповой солидарности, объединенных

коллективными представлениями и опытом жизни в чуждом этнокультурном окружении» [2, с. 14-15]. Во многих дальневосточных городах, например в Благовещенске, существовали так называемые «китайские кварталы», а в деревнях необычные для русских «мазанки» с хорошо возделанными огородами или пашнями. Мигранты стремились сохранить аутентичный внешний облик, и их одежда была разнообразна в зависимости от финансового положения, времени года и т.д. Например, китайцы надевали «уласе» («улацао»), обувь, похожую на бродни без голенища. Благодаря межкультурному обмену, такой обувью пользовались и русские охотники, называя её улами. Кроме того, китайцы пользовались только теми орудиями труда и предметами быта, которые были сделаны самостоятельно или в Китае: плавали на лодках, выдолбленных из цельного дерева, молотили обычными палками.

Обособленность китайской диаспоры проявилась и в сфере коммуникации. Далеко не все мигранты владели русским языком. В связи с этим возникла необходимость в активном изучении китайского языка русскими. Так, например, 12 декабря 1908 г. генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер отношением за № 10580 обратился к директору Восточного института А.В. Рудакову с предложением «по вопросу об учреждении в Приамурском крае специальных средних школ для практического изучения китайского, японского и корейского языков» [5, с. 745].

Тем не менее китайские диаспоры не могли жить изолированно, следовательно, проходил процесс интеграции русской и китайской культур. А.П. Забияко отмечал, что «взаимодействие русских и китайцев на Дальнем Востоке сопровождалось не только противоборством культур, но также синкретизмом культурных традиций, в том числе, религиозных» [2, с. 17]. Подобные изменения стали возможны только при взаимодействии русской и китайской культур, взаимопроникновении и обогащении.

Что касается религии, то, если в 1890-х гг. основная масса китайцев оставалась приверженцами своих религий и религиозных учений, в начале XX в. деятельность Русской православной церкви усилилась. Например, заключалось всё больше смешанных браков. Как правило, на такой альянс решались китайцы, прожившие много лет в России и хорошо знающие русскую культуру, нравы и обычаи. При заключении такого мезальянса китайский мужчина должен был принять православие, а русская женщина теряла российское подданство, считалась гражданкой Китая и была обязана подчиняться китайским законам. Но, по мере сближения народов и взаимопроникновения культур число подобных браков увеличивалось.

Принимая иностранную культуру, китайцы не забывали и о своей. Находясь вдали от Родины, китайцы, например, отмечали Новый год по восточному календарю в чётком соответствии с имеющимися традициями, готовили традиционные праздничные и повседневные блюда. Влияние китайской культуры на жизнь россиян в целом было очень велико. Россияне украшали свои дома китайскими красными фонариками, фарфоровыми чайниками, занавесками из китайской материи. Русские с интересом познавали китайскую, а китайцы – русскую культуру. Мигранты посещали библиотеки, театры, выставки, старались обучать своих детей русскому языку в школах приграничных с Китаем российских городов. Взаимное изучение иностранных языков и международная коммуникация на бытовом и рабочем уровнях создала условие для возникновения в русском языке китаизмов и, как следствие, уникального регионалекта. Жители Дальнего Востока знают и пользуются такими словами, как «фанза» (небольшой дом), «чуфанить» (есть, кушать), «тайфун» (стихийное бедствие), «хунхуз» (бандит), «куня» (девушка) и т.д.

Таким образом, состав китайских мигрантов был богат по составу и выполняемым в регионе функциям. Китайские мигранты, «хуагун», «хуацяо», «хуажэнь» образовывали диаспоры и являлись активными участниками социальной, экономической, политической, культурной, общественной жизни российского Дальневосточного региона в 1858-1917 гг. Главной предпосылкой к культурному и языковому взаимопроникновению служили торгово-рыночные отношения русских и китайцев. Каждый из аспектов российско-китайского взаи-

модействия в указанный период требует дальнейшего всестороннего совместного изучения китайскими и российскими учёными. Исследование и анализ истории жизни китайских мигрантов в российском пограничье необходимы для укрепления современных международных контактов и добрососедских отношений КНР и РФ. Как отмечают китайские учёные, «взаимная поддержка, взаимодополнение и взаимовыгодное сотрудничество – на этих принципах должны строиться отношения между Россией и Китаем» [9, с. 37].

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Алексеев В.В. О теории и практике использования исторического опыта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2001. – С. 176-188.
2. Забияко А.П. Диаспоры как фактор цивилизационных взаимодействий // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – № 11. – С. 9-21.
3. Залеская О.В. Китайские мигранты в трансформационных процессах на Дальнем Востоке России (конец XIX – первая треть XX вв.) // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 10-12 июня 2011 г.). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – С. 24-27.
4. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Благовещенск, 2009. – 42 с.
5. Петров А. И. История китайцев в России. 1856-1917 гг. – СПб.: ООО «Береста», 2003. – 960 с.
6. Полное собрание законов Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://www/nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Дата обращения: 05.01.2019).
7. Миграция [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18492 (Дата обращения: 28.02.2019).
8. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). – М.: Наука, 1989. – 124 с.
9. Цзян И. Отношения между Китаем и Россией в новом веке. – Пекин, 2007. – С. 37.
10. Цай Сулун, Нью Цюши «Хуацяо», «хуажэнь» дэ гайнянь юй днньи: хуаюй дэ бяньцянь (Формулировка и значение терминов «хуацяо» и «хуажэнь»: языковые трансформации) // Шаньтоу дасюэ сюэбао. – 2002. – №4. – С. 77-83.
11. Чжао Диндун, Ли Сяошэн Анализ социальных факторов китайско-российской трансграничной миграции: история и современность // Демографические исследования. – Пекин, 2003. – №27. – С. 61-63.
12. Ответы официального представителя МИД КНР Лю Цзяньчао на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 23 июня 2005 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t201345.htm> (Дата обращения: 26.02.2019).



Виноградов Андрей Михайлович, аспирант
Департамент истории и археологии
Дальневосточный федеральный университет
philosophyworld@inbox.ru

СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В 1990-е гг.

УДК 940/ 343.85

Аннотация. В данной статье на основе архивных источников и литературы рассматривается состояние и особенности противодействия экономической преступности в Приморском крае в 1990-е гг. Обращается внимание на то, что Россия в 90-е гг. XX века переживала глубокий социальный, политический, экономический кризис, порожденный процессами системной трансформации и реформами. В этот период экономика России в целом и экономика Приморского края в частности становилась полупроизвольной и криминальной. Появились новые виды экономических преступлений, активизировалась организованная преступность. Делается вывод о том, что в этих условиях система противодействия экономической преступности, сложившаяся в советском государстве, стала малоэффективной и объективно не применимой в новых условиях (за исключением общих методов оперативно-розыскной деятельности). Возникла необходимость в структурной реорганизации органов борьбы с экономическими преступлениями.

Ключевые слова и фразы: экономика, организованные преступные формирования, Приморский край, Российская Федерация, система противодействия экономической преступности, Управление внутренних дел, отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

Andrew Vinogradov, PhD student
Department of History and Archaeology
Far Eastern Federal University
philosophyworld@inbox.ru

STATE AND PECULIARITIES OF COMBATING ECONOMIC CRIME IN THE PRIMORSKY REGION IN THE 1990s

Abstract. This article examines the state and characteristics of combating economic crime in the Primorsky Krai in the 1990s basing on archival sources and literature. Moreover, it draws attention to the fact that in 1990s Russia experienced profound social, political and economic crisis generated by the processes of system transformation and reform. During this period, the economy of Russia, in general, and the economy of Primorsky Krai, in particular, became semi-legal and criminal. New types of economic crimes emerged and as a consequence organized crime intensified. It is concluded that in these conditions the system of counteraction of economic crime, which had been developed in the Soviet Union, became ineffective and objectively not applicable in new conditions (the general methods of operational-search activity is an exception). There was a need for structural reorganization of agencies for combating the economic crimes.

Key words and phrases: Economy, organized criminal formations, Primorsky Krai, Russian Federation, system of counteraction of economic crime, Department of Internal Affairs, Department of Combating the Economic Crimes.

В Советском Союзе была создана эффективная система противодействия экономической преступности силами специализированного подразделения – отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией – ОБХСС, осуществлявшего правоохранительную функцию государства в сфере экономики в форме оперативно-розыскной деятельности.

Профессиональная экономическая преступность является высоко латентной, производится профессионально подготовленными, интеллектуально развитыми людьми, тщательно и умело скрывающими свою преступную деятельность. Пресечение, выявление, раскрытие преступной деятельности в экономике, документирование её, требует особенной профессиональной компетенции. Сотрудники ОБХСС обладали достаточной профессиональной компетенцией и опытом борьбы с преступностью в советской экономике – хищениями государственного и общественного имущества, спекуляцией, должностными преступлениями, фальшивомонетничеством, контрабандой и др. Но в условиях становления рыночных отношений и частной собственности на средства производства эта система стала малоэффективной, а профессиональная компетенция сотрудников недостаточной.

В новой системе отношений в экономике стали практиковаться преступные посягательства, к которым сотрудники БХСС были профессионально не подготовлены: уклонения от уплаты налогов, незаконная банковская деятельность, незаконный возврат НДС, лжепредпринимательство, преднамеренное банкротство, легализация средств, добытых преступным путём, аферы с авизо, преступления в финансовой системе [35].

«Многое тогда я уже знал и умел – сказывался многолетний опыт работы в системе подразделений по борьбе с хищениями социалистической собственности..., – вспоминает А.С. Бондаренко, в 90-е годы заместитель начальника отдела по экономическим преступлениям оперативно розыскного бюро УВД Приморского крайисполкома, созданного весной 1991 (предшественника управления по борьбе с организованной преступностью). – Но очень много было нового: страна переживала ломку экономических отношений, появилось и стало активно разрастаться понятие собственности, активно формировалась новая правовая база – все это требовало предельного внимания и умения быстро ориентироваться в ежедневно меняющейся обстановке» [13, с. 238].

Россия в конце XX века переживала глубокий социальный, политический, экономический кризис, порожденный процессами системной трансформации и реформами. Резко сокращался ВВП, падали объемы производства, сокращались основные фонды и вложения в будущее общества (науку, здравоохранение, образование, развитие производства) [34]. Беднела основная масса населения, росла инфляция, росла безработица, общество расслаивалось – распадалось на бедных и богатых. Доходы государства и основной части населения резко падали, а доходы некоторых частных лиц (предпринимателей, чиновников, преступников) быстро увеличивались. Государственное и общественное имущество (национальное достояние) разворовывалось, капитал вывозился из страны, специалисты уезжали за рубеж. Эти общественные процессы сопровождалась «взрывом» преступности, коррупции, ростом теневой экономики.

Производящая экономика России превращалась в экономику сырьевого экспорта и импорта дешёвого заграничного ширпотреба [14, с. 74-84; 15, с. 3]. Значительная доля экономической деятельности от 30 – до 50 % осуществлялась нелегально [3; 16, с. 149-156]. Это позволяло частным лицам незаконно, во вред обществу и государству, присваивать ресурсы страны, увеличивая собственное богатство.

В 1990-е годы в России разворачивался «драматический процесс», – по замечанию директора Центра транснациональной преступности, при Американском университете Л. Шелли, – «разворовывания российского государства» [10, с. 33]. Это был процесс всеобщей «приватизации» – формирования частной собственности, путём законного и незаконного присвоения государственной и общественной собственности разрушенного СССР и новой

России, путём разграбления страны [4], когда «...государственные предприятия в одну ночь становились частными» [13, с. 280]. Экономика России становилась полуполюгальной и криминальной. Как метко отмечает А.К. Модемов: «В середине 90-х годов XX века отечественные специалисты констатировали факт наступления в России эпохи всеобщей криминализации экономики и экономических отношений...» [8, с. 3].

Изменялись криминальные угрозы в экономике, возникали новые формы и субъекты деятельности – организованные преступные формирования (ОПФ). «...Та преступность, с которой мы боролись, скажем, в 1987 году, – вспоминает заместитель начальника УВД Приморского края Гаврилов В.Г. (в 1990–1997 гг. начальник управления уголовного розыска УВД Приморского), – и преступность современная – это же, как небо и земля. То, что сегодня кажется обычным делом, в конце 80-х просто не существовало, а то, что тогда было преступлением, сегодня может не считаться даже правонарушением» [13, с. 254].

Организованные преступные формирования стали основным фактором криминальной напряженности в обществе и криминализации российской экономики. За короткое время, с сер. 1980-х, организованная преступность в России вышла из скрытого состояния, легализовалась, приобрела черты социальных институтов [11, с. 10]. Разрастаясь, она превращалась в «альтернативное общество» – «...явления, подминающего и подменяющего официальную власть, легальную экономику и гражданское общество» [10, с. 3].

Число ОПФ постоянно возрастало. В 1990 в России органами внутренних дел было учтено 785 организованных преступных групп, в 1994 их уже 5691, в 1995 – 8000, а в 2005 – более 10 тысяч [5; 9, с. 17]. В 1997 году во Владивостоке действовало около 20 группировок, общей численностью 600–800 человек, наиболее крупные формирования – Мико, Петрака, Сергея Трифонова, Костена, Алексея [10, с. 127]. Кроме этого, на Дальнем Востоке набирали силу организованные преступные группы граждан КНР. В 1996 году в Приморье действовали группировки «Голова змеи», «Волки», а также несколько китайских ОПГ, состоящих из жителей северных провинций «Хэйлунцзян», «Цзилинь» [10, с. 30].

Новая система экономических отношений, основанных на частной собственности на средства производства, приватизация государственной собственности, либерализация экономики, ослабление государственной власти, коррупция, позволили ОПФ развиваться, легализовать преступные доходы и проникать в легальные сферы хозяйственной деятельности [11, с. 9].

Сформировав капитал путём бандитизма и рэкета, ОПФ начали устанавливать контроль над предприятиями, как легально (участие в ваучерных аукционах), так и криминально (физическое устранение собственников и руководителей предприятий) [13, с. 238]. «Передел собственности зачастую сопровождался кровью, кого-то запугивали, кто-то пропадал без вести, наиболее строптивых просто убивали», – вспоминает В.С. Скулкин (вначале 1990-х годов зам. начальника управления уголовного розыска УВД Приморского края) [13, с. 280].

Из воспоминаний В.Г. Гаврилова: «...в середине 90-х...заказные взрывы ... гремели по всему краю (Приморскому – автор), потому что именно в это время криминал «отжимал» рыбные, лесные, шиппинговые, сырьевые компании» [13, с. 254].

ОПФ становятся не только фактором криминализации экономики, но и субъектом экономической деятельности. К 2000-м годам (по экспертным оценкам) до 40% национального внутреннего валового продукта производилось на предприятиях подконтрольных ОПФ, в том числе в таких общественно значимых отраслях экономики, как добыча и переработка энергоносителей, драгоценных металлов и минералов, лёгкая пищевая промышленность и торговля [11, с. 10]. Многие криминальные авторитеты становятся учредителями или хозяевами вполне легальных предприятий и финансовых организаций, в Приморском крае учредителями компаний, клубов, ресторанов, собственниками и вице-президентами банков (Петрак) [10, с. 127].

В новых социально-экономических и политических условиях система противодействия экономической преступности, сложившаяся в советском государстве, была малоэффективной и, объективно, неприменимой (за исключением общих методов оперативно-розыскной деятельности). Коллегия МВД РФ 21 июля 1992 года отмечала слабую эффективность работы подразделений по экономическим преступлениям [7].

В Приморском крае на совещании при подведении итогов за 1992 отмечена низкая эффективность борьбы с преступностью в Приморье. Подчеркнуто, что борьба с преступностью в сфере экономики ведется без учета складывающейся оперативной обстановки. Так, при росте краж государственного и общественного имущества +35,9%, выявление преступлений в сфере экономики снизилось на 14,3% [25, л. 243-244]. «Слабость» и неэффективность возникли в результате объективного состояния правоохранительной системы, страдающей «болезнями» переходного периода: отсутствие опыта противодействия новым формам экономической преступности; отсутствие достаточных сил и средств для борьбы с преступной деятельностью в экономике; отсутствие нормативной правовой базы; объективное отсутствие оперативных позиций на предприятиях частной собственности, которые предстояло нарабатывать. «Возникла необходимость коренного пересмотра самих основ деятельности бывших аппаратов БХСС», – вспоминал М. Сердюк (в 1992 г. первый заместитель начальника ГУЭП МВД России, генерал-майор милиции) [7].

В 1990-е годы в России сложилась острая необходимость реорганизации как всей системы органов внутренних дел, так и специализированного органа по борьбе с преступностью в экономике в новых – рыночных условиях ее функционирования. Но в органах государственной власти и общественном сознании того времени, «...когда защита социалистической собственности стала подвергаться все большей критике...» [33, с. 51-80], бытовало и другое мнение – прямо противоположное. Оно предусматривало ликвидацию подразделений по борьбе с экономическими преступлениями – как органа советского государства и как «пережитка прошлого» [35]. Такая ликвидация была выгода тем, кто в условиях ослабления государственной власти, незаконно присваивал в частных интересах, а порой просто грабил, государственное и общественное имущество, но не обществу, создававшему правовое государство. «Здоровые силы общества» победили [35]. В новой формирующейся системе органов внутренних дел специализированные подразделения по борьбе с экономической преступностью, защите экономических прав и интересов граждан, общества и государства, заняли свое законное и достойное место.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века набирает силу процесс суверенизации союзных республик и ослабления Союза ССР. В России начинается преобразование республиканских органов власти и разграничение полномочий между союзными и республиканскими органами государственной власти. 6 октября 1989 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР образовано союзно-республиканское Министерство внутренних дел РСФСР. Министром внутренних дел РСФСР назначен В.П. Трушин [6]. В структуре МВД РСФСР создано ГУБХСС МВД РСФСР, находящееся в подчинении ГУБХСС МВД СССР. Начальником ГУБХСС МВД СССР в 1989–1990 гг. был генерал-лейтенант милиции В.Н. Булгаков, а в 1990–1991 годы эту должность занимал генерал-майор милиции М.И. Сердюк. Начальником ГУБХСС МВД РСФСР 1989–1992 гг. был генерал-майор милиции В.И. Рунышков [7].

С июня 1990 года, в связи с принятием Первым Съездом народных депутатов РСФСР Декларации «О государственном суверенитете РСФСР» (12 июня) и постановления «О разграничении функций управления организации на территории РСФСР (основы нового Союзного договора)» (22 июня), МВД РСФСР вывели из подчинения правительства СССР и передали в распоряжение Совета Министров РСФСР [6]. В начале 1991 года ГУБХСС МВД РСФСР было реорганизовано в подразделение по борьбе с преступлениями в сфере экономики и вошло в структуру службы криминальной милиции МВД РСФСР. В декабре этого же

года ГУБХСС МВД СССР реорганизовано в Бюро по преступности в экономике криминальной милиции МВД СССР [33, с. 51-80].

22 апреля 1991 вступил в законную силу Закон РСФСР от 18.04.1991 № 1026-1 «О милиции», которым комплексно урегулирован правовой статус милиции, определена роль милиции в обществе и государстве, задана новая организационная структура милиции [1, с. 130-141; 2]. Принятие закона «О милиции» стало важной вехой построения правового государства, а реформирование ОВД есть один из первых и важнейших этапов реформирования органов государственной власти Российской Федерации.

С 1987 до января 1994 года УВД Приморского крайисполкома (с 1991 г. – УВД Администрации Приморского края, а позже – УВД Приморского края) руководил генерал-майор А.И. Нежелской. Он в трудные годы российских перемен провел работу по укреплению правопорядка в Приморье, защите прав и законных интересов граждан, укреплению служебной дисциплины в ОВД [12, с. 501]. В 1991 году Управлением БХСС УВД Приморского крайисполкома руководил полковник милиции В.И. Смирнов [17, л. 239].

После принятия закона о милиции, в связи с новой организацией милиции на криминальную и милицию общественной безопасности, структура органов внутренних дел меняется, создаются новые подразделения. В 1991 структура и название УВД Приморского крайисполкома изменились в соответствии с новыми требованиями. К декабрю 1991 года Управление стало именоваться УВД Администрации Приморского края [21, л. 127].

Отделы БХСС были реорганизованы в отделы по борьбе с преступлениями в сфере экономики, вошедшие в структуру службы криминальной милиции – ОБПСЭ СКМ [20, л.1-2]. В апреле 1991 года утвержден новый штат аппарата УВД Приморского крайисполкома и аппарата УВД Владивостокского горисполкома. В структуре аппарата УВД Приморского крайисполкома УБХСС сокращено, а создан отдел борьбы с преступлениями в сфере экономики – ОБПСЭ СКМ УВД Приморского крайисполкома, со штатной численностью 24 сотрудника (оперуполномоченных) со следующей структурой [18, л. 136-144]:

1. Руководство отдела: начальник – заместитель начальника службы криминальной милиции УВД Приморского крайисполкома, полковник милиции и два заместителя: заместитель начальника отдела – начальник подотдела борьбы с преступлениями на потребительском рынке, подполковник милиции; заместитель начальника отдела – начальника подотдела борьбы с преступностью на приоритетных направлениях, подполковник милиции.

2. Подотдел борьбы с преступлениями на потребительском рынке состоял из: отделения раскрытия преступлений в сфере производства товаров народного потребления – 5 сотрудников; отделения раскрытия преступлений в сфере реализации товаров, услуг и борьбы со спекуляцией – 4 сотрудника.

3. Подотдел борьбы с преступностью на приоритетных направлениях, в составе: отделения раскрытия преступлений в финансово-кредитной системе – 4 сотрудника; отделения по раскрытию преступлений в промышленности – 5 сотрудников.

4. Отделения экономико-правового анализа и выработки мер борьбы с новыми видами преступлений – 4 сотрудника.

В июне 1991 года перераспределением штатов (высвобождением штатов за счёт сокращения Отдела БХСС УВД Владгорисполкома и ОБПСЭ районных ОВД г. Владивостока) организован оперативно-поисковый отдел по борьбе с преступлениями в сфере экономики при службе криминальной милиции УВД Приморского крайисполкома, в составе которого числилось 24 оперуполномоченных с оперативным подчинением УВД Владивостокского горисполкома и который был обеспечен средствами связи, экспертно-криминалистической техникой, транспортом [19, л. 188].

Отдел состоял из представителей руководства (начальника отдела и его заместителя) и 4-х групп: группа по борьбе с преступностью в сфере внешнеэкономической, финансово-кредитной, кооперативной деятельности (5 сотрудников); группа по борьбе с преступностью

в сфере реализации товаров, спекуляцией, нарушением правил о валютных операциях, фальшивомонетничеством (5 сотрудников); группа по борьбе с преступностью в сфере производства товаров народного потребления (5 сотрудников); группа по борьбе с преступностью в сфере предприятий бытового обслуживания, коммунального хозяйства госбюджетных организаций, здравоохранения и наркомании (5 сотрудников) [19, л. 188-193].

Структурные изменения подразделений по борьбе с экономической преступностью в Приморском крае были обусловлены:

- системными трансформациями государственных органов России;
- «шквальным» ростом преступности в России, в том числе в экономике, ростом хищений имущества граждан, государственного и общественного имущества, спекуляции, взяточничества, преступлений в финансовой системе государства, других корыстных преступлений [17, л. 239];

- приоритетными направлениями борьбы с преступностью в экономике, как в целом по России, так, и в Приморском крае в частности: борьба с преступностью на потребительском рынке – в сфере производства и реализации товаров народного потребления, спекуляцией; борьба с преступностью в финансово-кредитной системе, при совершении валютных операций, фальшивомонетничеством; борьба с преступностью в промышленности (рыбной, лесной); борьба с преступностью в сфере кооперативной деятельности; борьба с преступностью во внешнеэкономической деятельности; борьба с должностной преступностью в экономике; борьба с преступностью в сфере деятельности предприятий бытового обслуживания, коммунального хозяйства, госбюджетных организаций.

С декабря 1991 года, в связи с прекращением существования Союза ССР, все органы, учреждения и организации МВД СССР, расположенные на территории России, включены в состав МВД России. Министром внутренних дел Российской Федерации, в январе 1992 года, назначен В.Ф. Ерин [6]. В феврале 1992 года в рамках реформ, обусловленных системными трансформациями российского общества и государства, Бюро по преступности в экономике криминальной милиции МВД СССР и подразделения по борьбе с преступностью в сфере экономики МВД России были реорганизованы. На их основе создано Главное управление по экономическим преступлениям СКМ МВД России – ГУЭП СКМ МВД России [6]. Первым начальником ГУЭП МВД России (1992–1995гг.) назначен В.Ф. Солтаганов, генерал-полковник милиции [7].

Подразделение по экономическим преступлениям – ГУЭП МВД России создано как специализированное подразделение в системе органов внутренних дел, осуществляющее правоохранительную функцию государства в сфере экономики в форме оперативно-розыскной деятельности.

После становления штатной структуры и определения объема полномочий оперативно-служебная деятельность сотрудников ОЭП СКМ УВД Приморского края вошла в «привычное» оперативное русло. Подразделения по борьбе с экономической преступностью начинают нарабатывать опыт борьбы с преступностью в рыночных условиях хозяйствования. В 1992 году сотрудниками ОЭП СКМ УВД Приморского края и его подразделениями выявлено 1300 преступлений, из них 129 преступлений – на предприятиях и коммерческих структурах – 9,9% от всех выявленных. При этом с активной помощью внештатных сотрудников милиции выявлены преступления в нескольких коммерческих структурах Приморского края [24, л. 215].

Сотрудники ОЭП вырабатывали навыки выявления преступлений, связанных с ценными бумагами. Так, в ноябре 1994 года пресечена преступная деятельность группы в составе 2 лиц, организованной генеральным директором российской рыбодобывающей судоходной компании «Интерфлот» (г. Владивосток). Он в сговоре с бухгалтером Товарищества с ограниченной ответственностью «Скиф», путём обмана, воспользовавшись сведениями о держателях крупных пакетов акций – членов Акционерного общества «Приморрыбпром», сосредото-

точных в депозитарии фонда имущества Приморского края, завладел акциями АО «Приморрыбпром» в количестве 339813 на сумму 407, 8 млн. рублей. Возбуждено уголовное дело по статье 147 УК РФ, оба лица привлечены к уголовной ответственности [32, л. 3].

В начале 90-х в России начинается массовое расхищение цветных металлов – никеля, меди, ртути, а также редкоземельных металлов и вывоз их за рубеж. В первом полугодии 1992 г. в МВД России зарегистрировано 39 фактов хищения цветных и редкоземельных металлов, на сумму – 32 млн. рублей [22, л. 278]. Так, 10–13 июля 1992 года в п. Трудовом, Советского района, г. Владивостока, с базы «Вторцветмет», из контейнера похищено 530 кг никеля на сумму 79500 рублей [22, л. 278]. Сотрудники ОЭП, проводя ОРМ, выявляли и пресекали хищение цветного металла и вывоз его из страны. Так, 19.10.1992 г. в п. Зарубино в ходе проверки судна пресечена попытка контрабандного вывоза цветного металла и других ценностей на сумму около 500000 рублей [23, л. 199].

С октября 1992 года по февраль 1993 года в результате оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками ОЭП СКМ УВД Приморского края выявлены и пресечены факты хищения цветного металла в особо крупных размерах. Изъято и возвращено государству 23200 кг латуни, 270 кг катодной меди, 190 кг листовой меди, 171 кг никеля анодного, 100 кг кадмия, 5 кг ртути металлической, всего на сумму 1888265 рублей. Возбуждены уголовные дела, лица привлечены к уголовной ответственности. Выявлено 2 преступления о нарушениях правил о валютных операциях при сделках с цветными металлами [26, л. 245].

В 90-е годы массово совершаются преступления в финансово-кредитной системе, а также в ходе приватизации государственного имущества. В середине 1993 года сотрудниками ОЭП УВД Приморского края, УВД г. Владивостока, Большекаменского ГОВД, совместно с Управлением Министерства безопасности России по Приморскому краю, Прокуратурой Приморского края пресечена деятельность организованной преступной группы, покушавшейся на хищение денежных средств из банков Приморского края по фиктивным банковским «авизо» на 7 млрд. рублей. Возбуждено 7 уголовных дел, фигуранты привлечены к уголовной ответственности [28, л. 193].

В августе-ноябре 1993 года, в результате умело организованной работы сотрудников ОЭП УВД Приморского края, выявлена и пресечена деятельность организованной группы, совершившей ряд преступлений, не имеющих аналогов в стране и связанных с приватизационными чеками [30, л. 308-309]. Так, в конце 1992 – начале 1993 годов группа лиц путём подделки отчётных документов и дачи взятки должностным лицам получила в Администрации г. Владивостока и в Сбербанке Ленинского района 5000 приватизационных чеков. Они якобы предназначались для выдачи экипажам кораблей Камчатской военной флотилии и членам их семей. Хотя в действительности эти корабли в г. Владивосток не прибывали, а экипажи приватизационные чеки получили по месту приписки. Причинён материальный ущерб в размере 50 млн. рублей. По факту преступной деятельности возбуждено 5 уголовных дел, фигуранты предстали перед судом [30, л. 308-309].

Опыт подразделений БХСС показал эффективность борьбы с преступностью в отдельной отрасли экономики, при создании специализированного подразделения по борьбе с преступностью в этой отрасли, т.е. при организации оперативно розыскной деятельности в экономике по отраслевому принципу.

В марте 1993 года создан Отдел по борьбе с экономическими преступлениями в рыбной промышленности при УВД Приморского края из 19 сотрудников. Отдел состоял из руководителя, заместителя и 2-х отделений: отделения по борьбе с экономическими преступлениями на рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих судах флота – 10 сотрудников; отделения по борьбе с экономическими преступлениями на береговых объектах – 7 сотрудников [27, л. 215-218].

Уже первые месяцы деятельности отдела подтвердили правильность отраслевой специализации оперативного подразделения по борьбе с преступностью в экономике. Так, в

первые 5 месяцев своей деятельности сотрудниками отдела выявлено 86 преступлений, из которых 56 – хищения рыбопродукции (10 из них в особо крупных размерах). Общий ущерб, по выявленным преступлениям, составил 6 млрд. рублей, из которых 5 млрд. были возмещены. Выявлена преступная деятельность организованной группы под руководством представителя совместного предприятия «Далькор», который, находясь в охотоморской экспедиции, получил неучтенную икру минтая, которую впоследствии незаконно сбыв в южнокорейском порту Пусан за 784 000 долларов США, 600 000 из которых присвоил [29, л. 275].

В начале 1994 года грамотно проведенными оперативно-розыскными мероприятиями сотрудниками отдела и следственными мероприятиями сотрудниками следственного управления УВД Приморского края пресечена преступная деятельность организованной группы из 20 человек, состоящая из бухгалтеров, кладовщиков, заведующих складами Дальморепродукта, заведующих продовольствием плавбаз Дальморепродукта, которые в течение 3-х лет, систематически, расхищали продукты питания, предназначенные для экипажей плавбаз. Возбужден ряд уголовных дел, изъято 10 млн. рублей и неучтенных продуктов питания (мясо, масло, лук) на 3 млн. рублей, виновные лица осуждены к различным срокам лишения свободы [31, л. 286].

В условиях роста экономической преступности возникла необходимость в структурной реорганизации органов, ведущих борьбу с экономическими преступлениями. Реформирование ОВД было обусловлено процессами системной трансформации органов государственной власти в России, происходило с начала этой трансформации и являлось основой построения правового государства.

Главное управление по экономической преступности – ГУЭП МВД РФ действовало до 1997 года. Затем оно было переименовано в Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями – ГУБЭП МВД РФ, а подразделения на местах стали называться УБЭП и ОБЭП [7]. С 1 января 1997 года Федеральным законом от 13.06.1996 N 63-ФЗ введен в действие новый Уголовный кодекс Российской Федерации. Меняются требования к противодействию преступности в экономике. Приказом МВД РФ от 06.11.1997 № 730 «О мерах по совершенствованию организации работы по борьбе с преступлениями в сфере экономики» головной службой в системе МВД России по организации оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями в сфере экономики, отнесенных к компетенции подразделений по экономическим преступлениям, по которым предварительное следствие обязательно, а также по борьбе со взяточничеством определён ГУБЭП МВД России [7].

Таким образом, в начале 90-х годов XX века в короткие сроки в подразделениях по борьбе с экономической преступностью стремительно были проведены организационно-штатные изменения, заданы новые приоритетные направления деятельности. Структурные изменения подразделений ОВД по борьбе с экономической преступностью были обусловлены процессами трансформации, состоянием криминализации экономики и, главное, необходимостью борьбы с экономической преступностью. Эта борьба стала одним из основных факторов обеспечения национальной безопасности России. Подразделения по борьбе с экономической преступностью исполняли свои функции – выявляли и пресекали преступную деятельность лиц в экономике как в целом по России, так и в Приморском крае. Имели в своем распоряжении только те силы и средства, которые были предоставлены государством и обществом, действовали в сложной социально-экономической и политической обстановке, в условиях недостаточного материально-технического обеспечения и повышенной нагрузки на личный состав.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Амельчаков И.Ф. Концепция административно-правового статуса полиции в современной России // Право. Журнал Высшей школы экономики. –2017. – № 2. – С. 130-141.

2. Герман Р.С. Совершенствование правовых основ службы в органах внутренних дел на современном этапе развития российской государственности // Юристъ - Правоведъ. – 2011. – №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-pravovyh-osnov-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del-na-sovremennom-etape-razvitiya-rossiyskoj-gosudarstvennosti> (Дата обращения: 27.02.2019).
3. Лунеев В.В. Преступность и теневая экономика // Экономические науки современной России. – 2005. – № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-i-tenevaya-ekonomika-1>(Дата обращения: 13.11.2017).
4. Лунеев В.В. Экономика и преступность. Проблемы противодействия экономической преступности // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-i-prestupnost-problemy-protivodeystviya-ekonomicheskoy-prestupnosti> (Дата обращения: 13.11.2017).
5. Мацкевич И.М. Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. – 2016. – №1(18). [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/organizovannaya-ekonomicheskaya-prestupnost> (Дата обращения: 07.09.2017).
6. МВД РФ. История МВД России 1966-1993. [Электронный ресурс]. URL:<https://xn--b1aew.xn--p1ai/history/1966-1993> (Дата обращения: 15.02.2019).
7. МВД РФ. СССР – Россия: Исторический формуляр службы БХСС-БЭП МВД. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoy_bezop/Istorija (Дата обращения: 03.03.2018).
8. Моденов А.К. Методология формирования механизма противодействия криминализации экономики России в условиях глобализации: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / С.-Петерб. ун-т экономики и финансов. – Санкт-Петербург, 2005. – 37 с.
9. Музалевская. Е.А. Коррупция в системе государственной службы в России: истоки и тенденции: 1992–2005 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Моск. гуманитар. ун-т. – Москва, 2006. – 22 с.
10. Организованная преступность Дальнего Востока: региональные черты и хроника событий / кол.авт.; отв.ред. В.А. Номоконов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 516 с.
11. Организованная преступность на Дальнем Востоке: тенденции и особенности развития за 20 лет: монография / отв. ред. В.А. Номоконов. – Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – 236 с.
12. Органы МВД Приморья: 160 лет на страже порядка: В 3 кн. – Кн.1. История и современность полиции и милиции Приморского края. – Владивосток: Изд-во «Русский Остров», 2018. – 584 с., ил.
13. Органы МВД Приморья: 160 лет на страже порядка: В 3 кн. – Кн.2. События в лицах. Документально-художественные очерки и воспоминания. – Владивосток: Изд-во «Русский Остров», 2018. – 296 с., ил.
14. Осипов В.С. Дисфункции государственного управления и направления их преодоления. // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 1. – С. 74–84.
15. Пшеницын И.В. Общественный капитал: Природа и развитие: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.01 / Рос. гос. торгово-эконом. ун-т. – Москва, 2004. – 42 с.
16. Сухаренко А.Н. Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы // Ойкумена. – Регионоведческие исследования. – 2011. – №3 (18). – С.149–156.

17. Текущий архив УМВД России по Приморскому краю Ф.12. Оп. 2. Д. 515.
18. Там же. Ф.12. Оп. 2. Д. 517.
19. Там же. Ф.12. Оп. 2. Д. 521.
20. Там же. Ф.12. Оп. 2. Д. 522.
21. Там же. Ф.12. Оп. 2. Д. 528.
22. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 26.
23. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 29.
24. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 31.
25. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 54.
26. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 56.
27. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 57.
28. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 62.
29. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 64.
30. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 66.
31. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 74.
32. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 83.
33. Тишков С.В., Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) // Историко-экономические исследования. Т. 8. – 2007. – № 1. – С. 51-80.
34. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Экономический кризис 2010-х годов в России: причины, последствия, пути выхода // Пространство экономики. – 2014. – № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-krizis-2010-h-godov-v-rossii-prichiny-posledstviya-puti-vyhoda> (Дата обращения: 09.03.2017).
35. Школов Е.М. На страже экономических интересов государства и граждан // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2007. – № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/na-strazhe-ekonomicheskikh-interesov-gosudarstva-i-grazhdan> (Дата обращения: 16.02.2019).



Виноградов Павел Валентинович, канд. ист. наук.

Кафедра естественнонаучных и специальных дисциплин

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал

Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

supwin26@mail.ru

РОЛЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С СОЮЗНИКАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 94 (47).083

***Аннотация.** В статье рассматривается роль Дальнего Востока страны в формировании и реализации военно-технического сотрудничества с государствами Антанты в годы Первой мировой войны. Первая мировая война продемонстрировала важнейшую роль военно-технического сотрудничества в как одного из факторов успешности ведения военных действий в рамках коалиций. Особое значение военно-техническое сотрудничество имело для преодоления «кризиса вооружений» в российской армии и развития военной промышленности. Поэтому в годы войны в страну направлялось самое разнообразное военно-техническое имущество и стратегическое сырье. Основными пунктами приема поставок стали Архангельск на Европейском Севере и Владивосток на Дальнем Востоке. В годы войны Владивосток, а затем и Николаевск-на-Амуре стали ключевыми пунктами в приемке стратегических ресурсов, а Китайская восточная железная дорога главной транспортной артерией перевезивший их в Европейскую часть страны. От уровня развития и деятельности портов и коммуникаций региона зависели объемы поставок от союзников и эффективность военно-технического сотрудничества в целом. Поэтому в военное время государством предпринимались широкие меры по модернизации и развитию портовой и транспортной инфраструктуры региона. Дальний Восток стал играть ключевую роль в функционировании военно-технического сотрудничества, с союзниками перейдя из роли тылового региона страны в важнейший регион, осуществляющий транзит разнообразных ресурсов, поступающих в страну в рамках военно-технического сотрудничества.*

***Ключевые слова и фразы:** Дальний Восток, военно-техническое сотрудничество, портовая и транспортная инфраструктура, Владивосток, Китайская восточная железная дорога.*

Pavel Vinogradov, Cand. ist sciences.

The department of science and special disciplines

Far Eastern Fire and Rescue Academy branch

St. Petersburg University of the State Fire Service

of the Ministry of Emergency Situations of Russia

supwin26@mail.ru

ROLE OF THE FAR EAST OF RUSSIA IN MILITARY-TECHNICAL COOPERATION WITH THE ALLIES IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

***Abstract.** The article discusses the importance of the Far East of the country in the formation and implementation of military-technical cooperation with the Entente states during the First World War. The First World War demonstrated the crucial role of military-technical cooperation in one of the factors for the success of military operations within coalitions. Military-technical cooperation was of particular importance for overcoming the “arms crisis” in the tsarist army and the development of the military industry. Therefore, during the war years, the most diverse military-technical*

equipment and strategic raw materials were sent to the country. Arkhangelsk in the European North and Vladivostok in the Far East were the main points of acceptance of supplies. During the war years, Vladivostok and then Nikolaevsk-on-Amur became key points in the acceptance of strategic resources, and the Chinese Eastern Railway main transport arteries transported them to the European part of the country. Volumes of supplies from allies and the effectiveness of military-technical cooperation as a whole depended on the level of development and activity of ports and communications in the region. Therefore, in wartime, the state took broad measures to modernize and develop the port and transport infrastructure of the region. The Far East began to play a key role in the functioning of military-technical cooperation, moving from the role of the country's rear region to the most important region for the transit of various resources entering the country as part of military-technical cooperation.

Key words and phrases: *Far East, military-technical cooperation, port and transport infrastructure, Vladivostok, China Eastern Railway.*

Начавшаяся Первая мировая война обнажила острую проблему в снабжении противостоящих друг другу армий предметами военного имущества. Накопленные до войны запасы оружия, базирующиеся на ошибочном представлении о скоротечности войны, были растрочены уже в первые месяцы военного конфликта, а развертывание массового военного производства требовало времени. Наиболее остро дефицит военного имущества проявился в русской армии, вылившись в «кризис вооружений», поразивший войска в конце 1914 – начале 1915 гг. Ни российская армия, ни промышленность не были подготовлены к затяжной и крупномасштабной войне. Поэтому уже с самого начала войны российскому правительству пришлось осуществлять закупки материальных ресурсов у союзников по Антанте и в США. Активное развитие военно-технического сотрудничества в таких условиях стало не просто неизбежным, но рассматривалась как залог победы коалиции [6, с. 22].

В ходе войны военно-техническое сотрудничество призвано было помочь в решении следующих задач:

- компенсировать слабость экономики и промышленности союзника, его вооруженных сил (применительно к России это сводилось к преодолению «кризиса вооружений»);
- консолидировать ресурсы для достижения военно-технического превосходства над противником или перераспределение нагрузки между союзными державами для обеспечения большей военной эффективности;
- передача опыта и технологий союзнику либо обмен научно-технической информацией для преодоления технологического разрыва между членами коалиции и обеспечения согласованности действий [6, с. 23].

Союзники для достижения общей победы должны были поставлять уже не только оружие и боеприпасы, но и промышленное оборудование, сырье для развития промышленности и выделять финансовые средства для поддержания экономики страны в целом.

Кроме того, практика сотрудничества в рамках Антанты продемонстрировала, что сама по себе передача оружия и технологий зависит от множества других факторов, проявившихся в процессе налаживания военно-технического сотрудничества. К таким сторонам военно-технического сотрудничества в военное время стали относиться и финансовое обеспечение оплаты производства военной продукции и простых закупок оружия, и вопросы логистики, связанные не только с безопасной его доставкой союзнику, но и его оперативной обработкой и скорейшей поставкой на фронт либо к промышленным предприятиям. Поэтому в годы войны в сферу военно-технического сотрудничества включались не только вопросы передачи и покупки оружия и связанных с ним технологий, но и их обработки. Кроме того, вовлечение союзных держав в систему военно-технического сотрудничества, помимо практической цели, помощи в повышении обороноспособности партнера, оказывало и влияние на раз-

витие различных сфер экономики государств, вовлеченных в него. Таким образом, уже в период Первой мировой войны военно-техническое сотрудничество вышло за рамки чисто военных поставок, расширив свою компетенцию на широкий спектр внутригосударственных сторон жизни, таких как промышленность, финансы, наука. Это хорошо видно на примере военно-технического сотрудничества России с союзниками. Российской империи для обеспечения эффективной системы военно-технического сотрудничества с союзниками необходимо было не только принимать меры направленные на развитие военно-технического сотрудничества связанные с созданием за границей специальных органов занимающихся размещением военных заказов и приемкой продукции их финансовым обеспечением и решением вопросов доставки в страну. Но и пришлось еще прикладывать усилия для развития собственной внутригосударственной инфраструктуры, задействованной в обеспечении военно-технического сотрудничества. Таким образом, военно-техническое сотрудничество в годы войны не только выполняло прямую функцию повышения оснащенности армии, но и привело к развитию отдельных отраслей экономики и отдельных регионов страны, задействованных в процессе военно-технического сотрудничества.

В годы войны Черное и Балтийское моря стали зоной военных действий, и безопасная перевозка грузов по ним оказалась невозможной. Единственными доступными транспортными коридорами, связывающими Россию со своими партнерами, стали: Северный, пролегающий через Белое море и базирующийся на деятельности Архангельска, и Тихоокеанский, замыкающийся на Владивосток и Николаевск-на-Амуре. Причем последний имел преимущество, заключавшееся в безопасной транспортировке грузов из США, в которых был размещен большой объем заказов, и Японии. Поэтому на Дальний Восток в течение войны активно направлялось самое разнообразное имущество в рамках военно-технического сотрудничества. Выяснилось, что Дальний Восток может сыграть уникальную роль в решении проблемы, не менее важной для российской армии и фронта, чем наращивание численности вооруженных сил. Поэтому Владивосток, удаленный на пять с лишним тысяч верст от линии фронта, стал по сути дела тем единственным «окном», через которое российская армия получала вооружение, боеприпасы и снаряжение из Японии и Америки [23, с. 77]. В связи с этим особое значение приобрела деятельность портовой и транспортной инфраструктуры региона. В первую очередь порта Владивостока и Китайской восточной железной дороги. Поэтому в годы войны центральными и местными властями принимается широкий спектр мероприятий направленных на интенсификацию деятельности дальневосточных портов и железной дороги с целью их приспособления к обработке различной номенклатуры грузов, поступающих в страну в рамках военно-технического имущества.

Направление иностранных грузов в дальневосточные порты привело к необходимости экстренного развития их инфраструктуры. Главные усилия по модернизации были сосредоточены на Владивостоке. За период 1914-1916 гг. в порту было оборудовано 16 причалов, а общее количество причальных мест с учетом понтонных приспособлений была доведена до 37. Для разгрузки судов и обработки крупногабаритных грузов, причалы оснастили 6-ю портовыми и 26-ю береговыми 20-тонными кранами [21, л. 28].

Масштабным явилось строительство крытых складских помещений. К 1917 г. площадь крытых складов составляла с учетом довоенных помещений 155 тыс. кв. м, что позволяло разместить до 369 тыс. тонн груза. Были увеличены открытые складские территории, площадь которых равнялась 121 тыс. кв. м, что позволяло разместить 254 тыс. тонн груза [10, л. 8].

В итоге предпринимаемых мер удалось резко увеличить грузооборот Владивостокского порта. Уже в 1915 г. ввоз грузов во Владивосток превысил норму мирного времени, нося «...ярко выраженный оборонительный характер» [5, с. 53]. В 1916 г. порт работал наиболее напряженно: привоз превысил вдвое даже импорт предыдущего года. Если в 1914 г. грузооборот порта составил 1323669 тонн, то в 1916 г. 2628053 тонн, причем 2098960 тонн соста-

вил импорт товаров [9, л. 64]. Таким образом, в годы войны, как справедливо отмечает дальневосточный историк Н.А. Беляева, Владивостокский порт «превратился в важнейший транспортный узел, а сам Владивосток – в крупный торгово-экономический центр» [1, с. 116].

В годы войны Владивосток принимал и обрабатывал две категории грузов – гражданские и военные. При этом военным грузам отдавался приоритет в разгрузке, обработке и вывозе с территории порта и города. Военные грузы были представлены в первую очередь стратегическим сырьем, в частности для производства взрывчатых веществ и разнообразным вооружением и боеприпасами как, например, артиллерийскими снарядами, порохом и динамитом для артиллерийского управления. К лету 1917 г. по предварительным подсчетам в городе и окрестностях находилось 134319 тонн только военных грузов [7, л. 122]. Кроме них к концу войны в городе размещались разнообразные промышленные, бытовые и продовольственные товары. Среди которых более 36856 тонн риса, 51189 тонн консервов, 3604 тонн мяса, 2785 тонн какао и кофе, 1474 тонн кожи и 18 тыс. пар обуви [4, с. 221].

Особую категорию грузов составляло железнодорожное имущество (паровозы, вагоны, рельсы и прочее разнообразное железнодорожное имущество), производимое по заказам Министерства путей и сообщений предприятиями США и Канады. При этом для сборки поступающих комплектов вагонов во Владивостоке были образованы специальные вагоносборочные мастерские, а для сборки паровозов были модернизированы паровозосборочные мастерские КВЖД в Харбине. За годы войны во Владивостоке было собрано 18750 вагонов, а в Харбине 666 паровозов «Декапот».

Благодаря поставкам железнодорожного оборудования из США, созданию и деятельности Владивостокских вагоносборочных и Харбинских паровозосборочных мастерских удалось активизировать вывоз военно-технических грузов из Владивостока их оперативную перевозку по КВЖД и существенно усилить подвижной парк железных дорог страны. Поступление в эксплуатацию американских паровозов в 1916 г. позволило существенно усилить пропускную способность в первую очередь КВЖД и Сибирских дорог. По сравнению с большинством отечественных паровозов, американские «Декапоты» имели наибольшую мощность на единицу веса, что позволяло увеличивать грузоподъемность железнодорожных составов [22, с. 354]. Американские паровозы внесли вклад в увеличение паровозного парка страны на 5% в 1916 г., по сравнению с последним довоенным годом, а также увеличили пробег паровозов на 15,6% и вагонов на 22% соответственно. С учетом использования американского подвижного состава, суточная работа всей железнодорожной сети страны к 1916 г. была доведена до 90 тыс. товарных вагонов, по сравнению с 72 тыс. вагонов в 1914 году [22, с. 359].

Другим дальневосточным портом, задействованным в военно-техническом сотрудничестве с союзниками, стал Николаевск-на-Амуре. Николаевский порт берет на себя роль принятия в первую очередь коммерческих грузов «...для направления их далее водою по Амуру и затем через Сретенск по жел. дор...» [13, л. 173]. С этой целью к началу 1917 г. в Николаевске-на-Амуре были возведены склады площадью в 2867 кв. м, построены свайная эстакада и понтонные причалы. Улучшилась навигация в Амурском лимане. В 1916 г. грузооборот порта по сравнению с 1914 г. вырос на 20%, составив 139 тыс. тонн, из которых 78 тыс. тонн пришлось на импортные грузы, из которых 42 тыс. тонн было перенаправлено по Амуру в Хабаровск и Сретенск [20, л. 46].

Таким образом, включение дальневосточных портов в систему транспортных коммуникаций в лагере Антанты привело к развитию их инфраструктуры. Благодаря принятым мерам дальневосточные порты за годы войны смогли обрабатывать большие объемы различных грузов.

Кроме дальневосточных портов большая нагрузка легла на транспортную сеть региона.

Помимо непосредственного принятия и обработки грузов требовалась их оперативная транспортировка в европейскую часть страны. Эта задача легла в первую очередь на железные дороги, а по мере нарастания кризиса перевозок к транспортировке грузов стали привлекать и водные пути региона.

С ростом грузопотоков, шедших из-за границы через Владивосток, усилилась нагрузка на железнодорожный транспорт, связывающей дальневосточную окраину со всей Россией. Несмотря на интенсификацию работы всех служб, и подразделений железной дороги наладить своевременную вывозку грузов в центральную часть страны не удавалось. Это являлось одной из главных причин постепенного затоваривания грузами Владивостока, его пригородов и станций КВЖД. Уже к середине 1916 г. во Владивостоке накапливается большое количество разнообразных грузов, прибывших в рамках военно-технического сотрудничества, что вызывало серьезнейшее беспокойство местных и центральных властей. В Петроград направлялись официальные документы за подписью местных властей и общественных организаций о плачевном состоянии в перевозке грузов с Дальнего Востока.

В начале августа 1916 г. Таможенное управление характеризовало ситуацию со скоплением грузов такими словами: «...Владивостокский порт переживает критический момент, ибо грузов скопилось в нем уже свыше 10 миллионов пудов (*более 163 тыс. т*) [18, л. 17]. Генерал-губернатор Приморской области Н.Л. Гондатти в телеграмме от 7 августа 1916 г. Министерству Торговли и промышленности констатировал: «Вся территория порта и прилегающих районов забита грузами, благодаря чему свободного передвижения нет и опасность в пожарном отношении громадная» [18, л. 22].

В местной печати все больше появляется заметок и статей о загруженности Владивостока различными товарами из-за невозможности их быстрой транспортировки дальше в Россию. «Недостаточность вывоза отсюда столь необходимых центральным фабрикам и заводчикам грузов зависит всецело от недостатка вагонов...» – писала в ноябре 1916 г. газета «Далекая Окраина» [3].

В поисках выхода из ситуации затоваривания Владивостока различными видами имущества было принято решение о его (имущества) временной вывозки за пределы города. Решением Временного распорядительного комитета по перевозкам КВЖД было поручено произвести вывозку грузов из Владивостока на другие станции дороги. Предполагалось вывезти как можно большее количество грузов из Владивостока для временного хранения в «...попутных складочных помещениях по двум направлениям, ведущим из Владивостока на Сибирскую магистраль, а именно на линию Китайско-Восточной ж.д. в прямом Русско-Китайском ввозном сообщении, и на Амур в прямом Амурско-Уссурийском направлении» [13, л. 172 Об.-173]. По подсчетам Эксплуатационного отдела на семи станциях КВЖД для хранения грузов имелось крытых складов площадью в 6 тыс. кв. м. В Сретенске имелось складских площадей для размещения 32 тыс. тонн грузов [14, л. 173]. Вывозились главным образом коммерческие грузы, массово скопившиеся в городе и вывозившиеся оттуда в последнюю очередь. Таким образом, к 1916 г. вопрос о вывозке грузов, шедших в рамках военно-технического сотрудничества с союзниками, приобрел острейшую форму.

Ключевым фактором, влиявшим на уровень грузоперевозок, стал дефицит подвижного состава. Как отмечал Н.В. Васильев в своем исследовании, посвященном функционированию транспортной системы в годы Первой мировой войны, «...паровозо- и вагоностроение не покрывало того расхода подвижного состава, который являлся добавочным к потребностям мирного времени» [2, с. 124]. В докладе Николаю II в ноябре 1916 г. Министр путей сообщений А.Ф. Трепов прямо указывал, что отечественная промышленность не располагает свободными мощностями для удовлетворения потребности железных дорог в подвижном составе [22, с. 351].

Со всей очевидностью эти недостатки проявились в перевозках грузов по линии КВЖД. Именно постоянная нехватка вагонов приводила к скоплению грузов в регионе и невозмож-

ности их оперативной вывозки. Например, нормы подачи вагонов для вывозки грузов из Владивостокского железнодорожного узла практически никогда не выполнялись. Номинальная норма ежедневной подачи вагонов в различные периоды варьировалась от 160 до 350 вагонов, из которых 40 предоставлялись для частных грузов, а остальные для перевозки военно-технических грузов. Ежемесячная норма составляла соответственно от 6000 до 7500 вагонов. Однако на практике заявленных цифр удавалось достигнуть лишь на короткие промежутки времени. Фактически эти цифры оставались невыполнимыми. Нехватка вагонов на КВЖД приводила к тому, что ежедневно могло подаваться и 200, и 100, и даже 20 вагонов. В 1916 г. в пик грузооборота Владивостокского порта в среднем ежемесячно подавалось под погрузку не более 5111 вагонов. Максимальная цифра в 8461 вагон была достигнута в июне, а минимальная 1428 вагонов в декабре 1916 г. В 1917 г. на фоне углубляющегося общероссийского железнодорожного кризиса и событий февраля-октября 1917 г. происходит дальнейшее падение средней ежемесячной нормы вывозки грузов из Владивостока до 2300 вагонов [15, л. 2].

Не менее важная причина нехватки вагонов заключалась и в том, что на пути в центр страны из Владивостока подвижной состав проходил участки разных железных дорог: Уссурийской, Амурской, Забайкальской, Сибирской и т.д., имевших самостоятельный учет. Между железными дорогами страны образовалась большая и сложная вагонная задолженность. Только Забайкальская железная дорога, к 1916 г. должна была вернуть во Владивосток 7485 вагонов [11, л. 362]. В декабре 1916 г. в распоряжении КВЖД насчитывалось всего 891 свободный вагон [12, л. 174]. В свою очередь накопление задолженности дорог перед КВЖД было частью общей тенденции оттока подвижного состава в западные части страны. В течение войны на западные железные дороги было отправлено 21 тыс. вагонов и 675 паровозов. Поэтому реализовать мероприятия по вывозу грузов из Владивостока, и усиление вагонного парка КВЖД было невозможно.

Кроме закупок подвижного состава, для интенсификации движения на железных дорогах в течение войны предпринимался ряд мер, направленных на улучшение пропускной способности. На Транссибирской магистрали простой воинских и товарных эшелонов был сведен к минимуму, а скорость движения устанавливалась максимальной. Для предотвращения скапливания на станциях нескольких составов идущих в одном направлении, поезда отправлялись раньше расписания. Для оперативного решения вопросов с организацией движения на узловых станциях и даже разъезды направлялись специальные станционные агенты. Воинские эшелоны имели преимущество перед иными составами. На однопутных участках дорог Транссиба практиковалась в течение определенного отрезка времени организация движения составов только в одном направлении. С 1915 г. стали формироваться маршрутные или транзитные поезда дальнего следования, состоящие из вагонов с одинаковым грузом и следовавшие на одну станцию. Подобные составы позволили ускорить транспортировку грузов и улучшить оборот вагонов. Однако эти меры не смогли кардинально переломить ситуацию с железнодорожными перевозками, улучшая ситуацию с транспортировкой лишь на короткое время.

За годы войны по КВЖД, несмотря на трудности в организации массовых перевозок, был перевезен большой объем грузов, поступающих в страну в рамках военно-технического сотрудничества. Если в 1914 г. таких грузов было перевезено по КВЖД 152420 тонн, то в 1915 г. уже 360891 тонн, т.е. рост объемов перевезенных грузов составил 58%. В 1916 г. объемом перевезенных воинских грузов увеличился на 29% по сравнению с предыдущим, составив 512923 тонн [17, л. 2]. Связано это было, в том числе, с окончательным оформлением системы военно-технического сотрудничества и достижением максимально грузооборота Владивостокским портом.

Однако 1916 г. оказался пиком перевозки грузов, по рассмотренным выше причинам увеличение объемов вывозки грузов по железной дороге достигнуть уже было невозможно.

Поэтому в 1917 г. происходит резкое проседание в вывозке грузов по КВЖД, связанное с общим кризисом железнодорожного транспорта. В данном году было перевезено 323617 тонн воинских грузов, в то время как поставки военно-технических грузов на Дальний Восток еще продолжали осуществляться [17, л. 2].

Пытаясь усилить вывозку грузов из региона, центральные и местные власти стали действовать в перевозке грузов и водные пути. С начала 1916 г. часть грузов из Владивостока начинает перевозиться по Уссурийской железной дороге в Хабаровск, а оттуда водным путем до Сретенска. Начиная с навигации 1915 г. таким способом было перевезено в Сретенск не многим более 160 тыс. тонн. Причем если в 1915 г. на Сретенск по Амуру было отправлено 26 тыс. тонн грузов, то уже в 1916 г. в связи с активизацией доставок грузов в Николаевск-на-Амуре и Хабаровск из Владивостока их было перевезено уже 54,5 тыс. тонн, а в 1917 г. 79,5 тыс. тонн [19, л. 1].

Однако и такой способ перевозки требовал определенных действий по приспособлению пристаней и складов для грузов, а также интенсификации работы речного транспорта. В телеграмме Генерал-губернатору по поводу организации подобных грузоперевозок через Хабаровск Служба эксплуатации КВЖД отмечала, что с августа 1916 г. «...прибытие грузов для передачи на Амур значительно увеличилось и в данный момент на складах пристани уже накопилось 45 вагонов груза и невыгруженных вагонов имеется 85» [8, л. 182].

В 1917 г. на водные перевозки возлагали большие надежды. По разработанному плану водным путем из Николаевска планировалось вывезти более 32 тыс. тонн, а из Хабаровска 147 тыс. тонн грузов [14, л. 202]. Однако сразу после принятия решений об активном использовании водных путей они продемонстрировали свой ключевой недостаток – зависимость от природно-климатических условий. Проведение навигации в 1917 г. значительно осложнилось в связи с мелководностью р. Амур, поэтому из Хабаровска было отправлено только 50 тыс. тонн грузов [14, л. 202].

Кроме того, перевозка грузов водным путем могла продолжаться только ограниченный период времени, что не позволяло полностью вывезти грузы из региона. Так или иначе, даже при транспортировке грузов водным путем требовалось использовать подвижной состав и железные дороги – Уссурийскую и Амурскую. Так что к концу 1917 г. в ключевых транспортных пунктах региона – Владивостоке, Николаевске-на-Амуре, Хабаровске, Сретенске находились разнообразные грузы. Например, в Благовещенске находилось невывезенных грузов более 1,3 тыс. тонн, а в Сретенске около 2,5 тыс. тонн [16, л. 9]. Вывезти их в европейскую часть страны не представлялось возможным ввиду отсутствия свободных вагонов у КВЖД, Забайкальской и Томской железных дорог.

Таким образом, в годы войны транспортная составляющая региона прошла серьезные испытания, вызванные перевозкой большого количества разнообразных грузов военного, промышленного и гражданского назначения, к которым она была просто не приспособлена. Транспортная сеть Дальнего Востока, будучи частью общероссийской транспортной системы, не могла в одиночку, изолированно исправить и преодолеть возникшие в годы войны проблемы в массовых перевозках грузов. Для этого требовалась координация и систематизация деятельности всех звеньев транспортной системы страны.

Однако, как справедливо отмечают авторы коллективной монографии «Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны», синхронизировать деятельность всех «элементов системы не удавалось». На протяжении войны она переживала ряд кризисов, вызванных сначала неразвитостью портовой инфраструктуры Архангельска и Владивостока, а затем «...дезорганизацией работы железных дорог в России под влиянием политической и экономической ситуации в стране. Накладывали свой отпечаток сами масштабы транспортных операций и необходимость регулировать перевозки на громадные расстояния, при всей неразвитости тогдашних средств связи» [6, л. 428].

Таким образом, Дальневосточный регион в годы войны, кроме естественных обязанностей, вызванных военным временем, взял на себя и специфические, связанные с его включением в систему военно-технического сотрудничества с союзниками. Дальневосточные порты стали важным звеном в системе международных транспортных связей в лагере Антанты и принимали наряду с портами Европейского Севера основной поток иностранных грузов, а КВЖД являлось важнейшей транспортной артерией, снабжающей отечественные предприятия промышленным оборудованием и сырьем, а армию оружием.

Включение Дальнего Востока в систему военно-технического сотрудничества привело к резкому развитию его портовой и транспортной инфраструктуры, за годы войны в этой сфере были реализованы мероприятия, направленные на их качественное развитие, заложившие предпосылки для будущего развития дальневосточных портов и транспортной системы региона.

Первая мировая война повысила значение Дальнего Востока не только как тылового региона, но изменило саму его роль: из сугубо тыловой, периферийной и очень отдаленной от центра части страны он стал наряду с Европейским Севером единственным регионом, который мог принимать необходимые для армии и промышленности ресурсы. Поэтому в годы войны центральные власти не только вкладывали значительные материальные ресурсы в развитие Дальнего Востока, но и еще раз осознали важность региона для успешного социально-экономического развития государства.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Беляева Н.А. Владивостокский порт в условиях первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. научн. ст. – Владивосток: Изд-во ООО «Рея», 2016. – С. 116 –121.
2. Васильев Н.В. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. – М.: Воениздат, 1939. – 260 с.
3. Далекая Окраина. 1916. 23 ноября.
4. Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и Забайкалье. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1983. – 230 с
5. Куртеев К.К. Экономическая роль Владивостока. Курс лекций. Ч. 1. – Владивосток: тип. Т-ва «Свободная Россия», 1921. – 76 с.
6. Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны / А.А. Малыгина [и др.]. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – 532 с.
7. РГА ВМФ. (Российский государственный архив Военно-морского флота) Ф. 1139. Оп. 1. Д. 74. Л. 122.
8. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока) Ф. 702. Оп. 2. Д. 894. Л. 182.
9. РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32.
10. РГИА ДВ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9.
11. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 887.
12. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 897.
13. РГИА (Российский государственный исторический архив) Ф. 290. Оп. 1. Д. 2.
14. РГИА Ф. 1525. Оп. 1. Д. 1095.
15. РГИА Ф. 1525. Оп. 1. Д. 1128.
16. РГИА Ф. 1525. Оп. 1. Д. 1129.
17. РГИА Ф. 323. Оп. 6. Д. 202.
18. РГИА Ф. 95. Оп. 11. Д. 2190.
19. РНБ ОР (Российская национальная библиотека, Отдел рукописей). Ф. 1011. Д. 418.
20. РНБ ОР. Ф. 1011. Д. 692.
21. РНБ ОР. Ф. 445. Д. 35.

22. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 982 с.
23. Шишкин В.И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914–1922 гг. // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй международной научной конференции. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2012. – С. 88-95.



Власов Сергей Александрович, канд. ист. наук, ст. н. с.

Отдел истории Дальнего Востока России

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

vlasov54@bk.ru

КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-е гг. В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК: 947.084.5(571.6)

Аннотация. В статье дан анализ развития китайской торговли на советском Дальнем Востоке через призму социальной политики в период НЭП, когда разрешалась деятельность частных предпринимателей. Выявлено, что благодаря китайским торговцам население региона получало часть необходимых товаров и продуктов – это способствовало социальной стабильности. Установлено, что некоторые товары поступали контрабандным путем. Местные власти не перекрывали полностью контрабанду, чтобы не обострять товарный дефицит и не вызывать недовольство населения, поскольку поставки из центра не обеспечивали потребности Дальнего Востока. Китайская торговля просуществовала до конца НЭП.

Ключевые слова и фразы: торговля, социальная политика, Дальний Восток, товарный дефицит, частная инициативы, китайские торговцы, контрабанда.

Sergey Vlasov, Cand. Sc. in History, Senior researcher

Department of History Far East of Russia

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far East, REB RAS

vlasov54@bk.ru

CHINESE TRADE IN THE FAR EAST IN THE 1920-S IN THE CONTEXT OF SOVIET SOCIAL POLICY

Abstract. The article analyzes the development of Chinese trade in the Soviet Far East through the prism of social policy during NEP, when private entrepreneurs were allowed. It is revealed that thanks to the Chinese traders the population of the region received part of the necessary goods and products – this contributed to social stability. It is established that some goods were smuggled. Local authorities did not completely block the smuggling, so as not to exacerbate the shortage of goods and not to cause discontent of the population, since supplies from the center did not meet the needs of the Far East. Chinese trade lasted until the end of the NEP.

Key words and phrases: trade, social policy, Far East, commodity deficit, private initiative, Chinese traders, smuggling.

Проблема китайской торговли на советском Дальнем Востоке в 1920-е гг. достаточно хорошо исследована в работах Л.А. Дударь [4], О.В. Залесской [5], Г.Н. Романовой [8, 9], Н.В. Скорупинской [10], О.И. Шестак [11]. Однако все авторы, за исключением О.И. Шестак, не рассматривали китайскую торговлю через призму советской социальной политики. В данной статье предпринята попытка дополнить исследования, начатые О.И. Шестак, и выяснить, какое место занимала китайская торговля в контексте советской социальной политики на Дальнем Востоке в 1920-е гг., когда проводилась новая экономическая политика (НЭП), в рамках которой разрешалась деятельность предпринимателей, мелкой буржуазии. В те годы

обеспечение дальневосточников продуктами и промышленными товарами осуществлялась как через систему государственной, кооперативной торговой сети, так и благодаря деятельности частных торговцев, в том числе и китайских.

После завершения на Дальнем Востоке Гражданской войны и включения ДВР в состав Советской России на его территории стала осуществляться советская модель социальной политики, при которой государство принимало на себя всю совокупность социальных функций. Были поставлены задачи совершенствования общественных отношений, обеспечения всестороннего развития личности, её социальной защищенности, создания нормальных условий жизни широких народных масс. Государство становится единственным субъектом социальной политики, так как логика социалистического строительства не допускала иных субъектов. В основе социальной политики лежала идея достижения всеобщего равенства и социальной справедливости на основе построения бесклассового общества. Ставилась цель обеспечения равных возможностей для удовлетворения основных потребностей трудящихся членов общества.

Социальная политика первых лет Советской власти имела свои специфические особенности. Это было обусловлено тем, что продолжительные военные действия в течение двух войн (Первая мировая и Гражданская) существенно подорвали экономику страны и проводить какие-либо систематизированные социальные программы не представлялось возможным. Социальная политика носила характер отдельных мероприятий, целью которых в первую очередь являлось обеспечение стабильности новой советской власти и поддержка трудящихся (хотя бы в минимальных размерах) в сложный восстановительный период, когда каких-либо ресурсов для существенного повышения их уровня жизни и благосостояния не имелось. Среди первых мер социального характера входила и задача по насыщению рынка доступными товарами и реализация их через розничную торговлю.

Очевидно, что насытить розничный потребительский рынок без работы предприятий, выпускающих товары народного потребления, было невозможно. На Дальнем Востоке это сделать было крайне затруднительно, поскольку характерной чертой региона являлось слабое развитие промышленности, товарные поставки шли из других районов страны и из-за рубежа (на Дальний Восток завозилось почти 80% товарной массы). Даже продовольствие частично поступало из соседней Маньчжурии.

С установлением советской власти в регионе решалась трудновыполнимая задача – с одной стороны, нужно было превратить Дальний Восток в рынок сбыта для промышленности центральных районов страны, с другой – обеспечить население товарами по доступным ценам. Но транспортные расходы (особенно в отдаленные северные районы) существенно повышали стоимость товаров в государственных магазинах. Помимо госторговли население приобретало товары в потребительских кооперативах или у частных торговцев, в том числе и китайских. Частная торговля на Дальнем Востоке в большей степени, чем в других районах страны, использовалась как необходимое дополнение к слабо развитой государственной и кооперативной торговле [2, с. 284].

В начале 1920-х гг. значительная часть частной розничной торговли, через которую жители городов и сельской местности Дальнего Востока получали необходимые им товары, принадлежала китайцам. По данным городской переписи 1923 г., из 5903 частных торговых заведений, расположенных в городских поселениях ДВО, 2955 заведений принадлежало китайским подданным, что составляло 50,7% [4, с. 59]. Еще одним подтверждением значимости китайской торговли для населения Дальнего Востока являются статистические данные середины 1920-х гг., согласно которым 59% всей частной торговли находилось в руках китайцев, а снабжение овощами почти полностью осуществлялось за счет развитого огородничества китайцев и реализации продукции через базары [6, с. 123].

Китайцы вели торговлю не только в дальневосточных городах, но и в селах, где они были основными поставщиками товаров для сельского населения. Торговля, как правило,

носила меновой (бартерный) характер. За свой товар коммерсанты просили пушнину, которая потом контрабандным путем поступала в Китай. Часть нужных для себя товаров крестьяне обменивали на сельскохозяйственные продукты, которые китайцы доставляли в города, где сами или через других торговцев реализовывали на городских рынках [11, с. 52-53]. На Среднем и Нижнем Амуре в каждом селе была китайская лавка, а крупных селах – Троицкое, Мариинское, Вознесенское, Богородское – две и более. Китайские торговцы поставляли товары даже в такие отдаленные районы, как побережье Берингова пролива на Чукотке. Здесь они в обмен на швейные иглы, чай, спирт получали песцов и олени выпоротки.

Китайская розничная торговля умело приспособлялась к различным ситуациям и обстоятельствам, демонстрируя свою живучесть. Подданные «Поднебесной» учитывали вкусы потребителей, практиковали торговлю в кредит, обслуживали покупателей на дому (разносная торговля). Они широко пользовались товарным кредитом (брали товар на реализацию), причем при подобной торговле это не всегда была продукция китайского производства. Так, они брали товар на реализацию у государственной табачной фабрики г. Владивостока. 73,5% продукции это предприятия реализовывалось через китайскую розницу [1, с. 46-47]. Но самое главное, за счет чего они держались на потребительском рынке – низкие цены, что привлекало основную массу рядовых покупателей.

Низкая стоимость китайских товаров складывалась из низкой себестоимости самого товара (невысокая плата за производство и сырье), малых транспортных расходов. В ряде случаев в стоимость товара не включались таможенные сборы, поскольку некоторые товары поступали контрабандным путем. Все эти факторы приводили к тому, что торговые издержки у китайцев были незначительные, что и позволяло им держать сравнительно низкие цены.

Контрабанда из Китая усилилась после того, как были приняты меры по ужесточению импорта. В июле 1924 г. в постановлении Дальневосточной государственной плановой комиссии было указано, что импорт должен носить исключительно производственный характер и лишь в крайних случаях допускается импорт продуктов питания. Подобные меры вели к сокращению ввоза из Китая потребительских товаров на законных основаниях и увеличивали ввоз контрабанды. В 1925 г. контрабанда (в основном китайская) достигла 12% всей товарной массы [3, с. 105]. Из всего объема контрабанды 43% приходилось на мануфактуру, 29% – на спирт, далее шел чай, табачные изделия, галантерея [7, с. 159].

Методы провоза контрабанды менялись, объемы росли. Малочисленность пограничных застав, неукомплектованность штатов таможен и органов милиции, слабая заселенность приграничных районов способствовала проникновению контрабандистов в города. Свой товар они доставляли преимущественно на парусниках по побережью трех заливов – Амурского, Уссурийского и Петра Великого. По данным Дальневосточного таможенного управления, контрабанда в 1924 г. составляла 11,8 млн. руб., в 1927 г. – 32,9 млн. руб. [8, с. 77]. Во Владивосток контрабанда привозилась по железной дороге, на приходивших из Китая судах, а также проникала по пешеходным тропам: готовое платье, мануфактура, кожа и обувь, трикотаж, галантерея, парфюмерия и т.д.

В Дальневосточном крае были две общепризнанные «столицы контрабанды» – Благовещенск и Никольск-Уссурийский. Жителями приграничной полосы использовались всевозможные методы провоза контрабанды: при пересечении границы на одного человека надевали несколько костюмов, несколько пар чулок, обматывали себя шелковой материей и т.п. На базаре Никольск-Уссурийска у любого китайского торговца можно было купить все, что нужно. Зайдя к китайскому портному, можно было по представленным образцам выбрать любую материю, заказать из неё костюм и на другой день прийти и получить его в готовом виде за сравнительно небольшую плату в 30-35 руб. [5, с. 374-375].

На территории советского Дальнего Востока контрабанда носила преимущественно потребительский характер и была вызвана недостатком в снабжении рынка легальными това-

рами по приемлемым ценам. Состояние советской промышленности в 1920-е гг. не позволяло довести объемы производства до размеров рыночных потребностей.

По мнению О.И. Шестак, контрабандная торговля просуществовала на Дальнем Востоке до конца 1920-х гг., не только по причине невозможности борьбы с ней, сколько ввиду того, что власти понимали, – перекрыв поток контрабанды, они еще более обострят проблему товарного дефицита [11, с. 70].

Благодаря наличию китайской торговли значительная часть населения Дальнего Востока могла обеспечить себя необходимыми товарами. В течение 1926–1927 гг. были произведены бюджетные обследования рабочих наиболее крупных городов и отраслей промышленности, как производственных предприятий, так и предприятий подсобного характера. Результаты обследований показали, что главной статьей в бюджете рабочих являлись расходы на питание, которые составляли 49,5% от всех расходов, на втором месте стояли расходы на приобретение одежды, белья, обуви и на их починку, они составляли 19,1%, на третьем месте были расходы на топливо и осветительные материалы – 8,3%, на четвертом – расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг [11, с. 67]. Выделить в расходах на питание, покупку одежды и обуви долю китайских товаров не представляется возможным, мы можем только предполагать, что она была немаленькой.

В конце 1920-х гг. китайская торговля свертывается, на её сокращении, а затем полной ликвидации сказались несколько обстоятельств. Прежде всего, изменилась внутренняя политика советского государства. Советское руководство решает покончить с НЭП и перейти к ускоренной индустриализации. Стратегия правительства заключалась в создании прочной индустриальной базы при значительном ограничении развития социальной сферы. Еще одним фактором, сказавшимся на китайской торговле, стало ухудшение межгосударственных советско-китайских отношений в конце 1920-х гг. Зимой 1928–1929 гг. китайцам было запрещено торговать на базарах, китайские лавки закрывались сотнями. Летом 1929 г. ситуация ухудшилась: захват КВЖД, участившиеся провокации на советско-китайской границе – все это привело к полному свертыванию розничной китайской торговли и вытеснению с рынка китайских коммерсантов. У них изымался товар, имущество, деньги, началось принудительное выселение китайских предпринимателей на родину [5, с. 394].

Оценивая значение китайской торговли в контексте советской социальной политики, следует отметить, что она помогала наполнению рынка потребительскими товарами и продуктами, тем самым способствовала стабилизации в обществе, укреплению советской власти на начальном этапе её существования. Перемены в экономической политике советского государства (ликвидация НЭП), кризис в советско-китайских отношениях конца 1920-х гг. – все это привело к устранению китайской торговли, но в то же время создало проблемы в снабжении, в обеспечении дальневосточников товарами и продуктами. Результатом стало введение карточной системы нормированного снабжения – сначала на хлеб, затем на остальные продовольственные товары и далее – на промышленные. Все это означало, что государство полностью брало на себя функции по распределению и обеспечению населения продуктами и товарами. Хотя в дальнейшем (в середине 1930-х гг.) карточная система была отменена, государственная монополия на розничную торговлю сохранилась, что было не в интересах потребителей. Ликвидация частной торговли, в данном случае китайской, вызвала нехватку товаров, усугубила и без того сложное положение на потребительском рынке. Тем самым была порождена системная проблема дефицита товаров, просуществовавшая на протяжении всего периода советской власти, она была устранена только с переходом к рыночной экономике в начале 1990-х гг.

Список источников, литература и электронных ресурсов:

1. Гвоздарев А.А. Торговая практика Приморья // Советское Приморье. – 1925. – № 8. – С. 42-55.
2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2.). – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 656 с.
3. Дальревком: первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке 1922–1926 гг. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1957. – 286 с.
4. Дударь Л.А. Развитие внутренней торговли Дальнего Востока России (октябрь 1917 г. – июнь 1941 г.): дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 1998. – 316 с.
5. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858–1938 гг.): дис. ... докт. ист. наук. – Благовещенск, 2009. – 542 с.
6. Конъюнктурный обзор народного хозяйства Дальневосточного края за 1927–1928 г. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1928. – № 11. – С. 71-179.
7. Первое совещание работников Дальневнешторга и Дальгосторга 14-18 сентября 1924 г. Стенограф отчет. – Владивосток, 1924. – 220 с.
8. Романова Г.Н. Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай: торговые связи, транзит, транспортные коммуникации (20-30-е гг. XX в.) // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 5. – С. 72-85.
9. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917 – 1950-е годы): Сб. науч. тр. – Владивосток, 1987. – С. 91-108.
10. Скорупинская Н.В. К истории зарождения советско-китайской приграничной торговли (на примере организации выставки в Харбине в 1925 г.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2003. – № 4. – С. 28-32.
11. Шестак О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922–1941 гг.): дис ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2003. – 272 с.



Дударёнок Светлана Михайловна, доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор,
Департамент истории и археологии,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток
dudarenoksv@gmail.com

ЦЕРКОВЬ ХРИСТИАН АДВЕНТИСТОВ СЕДЬМОГО ДНЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 1990-е – 2000-е ГОДЫ

УДК 283/289

Аннотация. В статье рассматривается история Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня на российском Дальнем Востоке в постсоветский период истории. Особое внимание уделяется причинам активизации деятельности дальневосточных адвентистов в 1990-2000-е годы, их социальному служению, проблемам взаимоотношения Церкви АСД с обществом и властью, выявляются особенности их деятельности в различных субъектах Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова и фразы: адвентисты седьмого дня, государственно-конфессиональные отношения, социальное служение, верующие, миссионеры.

Svetlana Dudarenok, doctor of historical sciences, the candidate of philosophical Sciences, Professor,
Department of history and archaeology,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
dudarenoksv@gmail.com

CHRISTIAN CHURCH OF ADVENTISTS OF THE SEVENTH DAY IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE 1990s – 2000S

Abstract. The article deals with the history of the Christian Church of seventh-day Adventist in the Russian Far East in post-Soviet History. Special attention is to the reasons of the revitalization of the of the Eastern Church in 1990-2000? their social service, relationships with society and the SDA Church authority, identifies the features of their activities in the various subjects of the far eastern Federal District.

Key words and phrases: seventh-day Adventists, State and confessional relations. social service, believers, missionaries.

Начавшиеся в конце 1980-х годов социально-политические перемены, приведшие к ликвидации атеистического диктата над верующими со стороны государства и административных ограничений деятельности религиозных организаций, имели для духовной сферы страны значимые последствия. Верующие получили возможность свободно исповедовать свою веру. Значительно расширилась деятельность конфессий в сферах образования, культуры, милосердия и благотворительности. В общественном сознании возрос престиж конфессиональных организаций, все чаще наблюдается обращение к религии и религиозной культуре публичных политиков для решения своих утилитарных задач. Особенно резко происходили изменения в религиозной сфере в последнее десятилетие ушедшего XX века.

Основу для возможности россиянам разнообразно и всесторонне реализовывать свои права на свободу совести и вероисповедания заложили принятый в 1990 г. закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» и действующий с 1997 г. закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Процесс возрождения религии в регионах России проходил неоднозначно, во многом это объясняется теми процессами, которые протекали в государственно-церковных отношениях в предшествующий период.

Российский Дальний Восток, благодаря активной антирелигиозной деятельности органов власти, демографическим и миграционным процессам, протекавшим на его территории, был самым секулярным регионом страны. «Религиозный ренессанс» на территории Дальнего Востока не только отличается от общероссийского, но и имеет свои особенности внутри региона. На юге Дальнего Востока процесс «религиозного возрождения» шёл более интенсивно, чем на северо-востоке и на островных территориях, так как «религиозное подполье», существующее здесь весь советский период, позволило сохраниться религиозным традициям, что облегчало процесс институционального оформления религиозных обществ, в том числе и адвентистских.

К началу 1990-х годов в **Приморском крае** действовало 8 религиозных общин и групп АСД, объединявших около 300 верующих.

В г. Владивостоке в постсоветский период истории осуществляли свою деятельность 4 общины АСД. Головная община АСД (община № 1) г. Владивостока приняла свой Устав 19 декабря 1993 года. Изменения в Устав были внесены на общем собрании членов общины 10 апреля 1999 года и 7 ноября 2009 года. На момент принятия Устава община насчитывала более 150 верующих, пресвитером общины и председателем Совета общины был избран Александр Григорьевич Стасенко [5, д. 2511010135, л. 2, 8-10].

Данная община была зарегистрирована в г. Владивостоке 27 июня 1974 года и находится по адресу Народный проспект 2-а. Здание было передано верующим в бесплатное пользование на основании решения исполкома Владивостокского городского Совета депутатов трудящихся № 242 от 18 марта 1976 года и договора верующих общины с исполкомом Первореченского районного Совета депутатов трудящихся от 11 октября 1976 года [5, д. 2511010135, л.16-19].

За период с 1994 по 1997 год количество членов общины увеличилось более чем в два с половиной раза и насчитывало в 1997 году более 400 человек. Во многом этому способствовал активный поиск жителями Владивостока своей религиозной идентичности, который проходил не только в условиях социально-экономического и культурного кризиса, но и на фоне многолетнего конфликта между краевой и городской администрациями.

Значительному росту количественного состава общины способствовала и слаженная работа созданных при общине отделов: *миссионерского* (руководитель Нина Яковлевна Кушурова); *детского* (руководитель Нина Дмитриевна Мартынюк); *молодежного* (руководитель Сергей Владимирович Порозов); *милосердия* (руководитель Раиса Петровна Алейникова); *субботней школы* (руководитель Людмила Константиновна Чапаева). Кроме того, росту количества верующих в общине также способствовал авторитет руководства общины: пастора Кирилла Аврамовича Мовиляна, пресвитера Александра Григорьевича Стасенко, старшего диакона Константина Фроловича Филимонова и старшей диаконисы Лилии Ивановны Иодковской [5, д. 2511010135, л. 27-28].

Такой значительный рост адвентистской общины г. Владивостока был обусловлен еще и тем, что в 1990-х годах владивостокские адвентисты активно занимались миссионерской деятельностью, перенимая опыт евангелизации у своих зарубежных единоверцев. Так, 23 января 1997 года из Москвы во Владивосток на поезде отправилась адвентистская евангельская группа в составе Джона Картера, его жены Биверли; трех американских видеоператоров; президента Волго-Вятской конференции Церкви АСД Александра Антонюка с супругой; пасторов Нормана Матийко, Бориса Белко и Игоря Поспехина. Цель путешествия была мно-

гопланова: увидеть жизнь россиян, узнать, как соблюдается в стране закон о свободе совести, повстречаться с российскими адвентистами, подарить им Библии, передать кассеты с записями проповедей Дж. Картера, передать медикаменты и витамины.

Во Владивосток команда Дж. Картера прибыла 31 января 1997 года и вечером провела в местной Церкви вечернее богослужение. А в субботу все три местные общины собрались в кинотеатре «Владивосток», где с проповедью выступил американский евангелист. После обеда Джон Картер начал евангельскую кампанию. Он провел мастер-класс для владивостокских пасторов, которые затем продолжили евангельскую кампанию. Из Владивостока Дж. Картер отбыл в Южную Корею [11, с. 78-81].

В конце 1990-х годов бесплатные евангелизационные программы проводились членами Церкви АСД г. Владивостока ежедневно, кроме субботы с 18.00 в залах кинотеатров «Москва», «Чайка» и «Владивосток». Ответственным за проведение этих программ был Кирилл Аврамович Мовилян. Основными темами публичных лекций были следующие: «Губительное влияние курения, алкоголизма и наркомании», «Здоровый образ жизни», «Как лечиться без лекарств», «Библия и третье тысячелетие» и др. [5, д. 2511010150, л. 38-39].

Молитвенный дом на Народном проспекте 2-а не вмещал такое большое количество верующих, и по решению руководства Владивостокская община разделилась на 4 самостоятельных общины: община № 1, община № 2, община № 3 и община поселка Трудовое г. Владивостока.

Часть верующих, создавших общину № 3, остались в молитвенном доме на Народном проспекте, но стали проводить молитвенные собрания отдельно от верующих общины № 1. Общины № 1 и № 3 создали объединенный Совет, который возглавили пастор Роман Павлович Гейкер, старший диакон Александр Васильевич Плисов и старшая диакониса Елена Ивановна Кретинина [5, д. 2511010135, л. 75].

Община АСД № 2 отделилась от головной еще в начале 1992 года. 19 декабря 1992 года на общем собрании верующих был принят Устав, юридический адрес общины находился по адресу ул. Нейбута 23, кв. 83, по месту жительства пастора общины Павла Яковлевича Карабатова [5, д. 2511010150, л. 1-2]. Необходимость создания общины № 2 была вызвана теми же причинами: помещение молитвенного дома по Народному проспекту 2-а не могло вмещать всех верующих одновременно. Поэтому члены общины № 2, заручившись согласием руководства общины № 1, стали проводить богослужения в молитвенном доме по Народному проспекту, но в другое время: в субботу с 14.15 до 17.30 и в среду с 18.00 до 19.00 [5, д. 2511010150, л. 5].

Как и в общине № 1, в общине № 2 были созданы основные отделы. Так, руководителем молодежного отдела общины стал Олег Гургенович Сария, музыкального – Антонида Григорьевна Омельянская, детского – Людмила Леонидовна Чепкасова. Учителями субботней школы были Наталья Васильевна Культинкова, Надежда Михайловна Ерофеева, Полина Николаевна Микулич [5, д. 2511010150, л. 8-9].

Община поселка Трудовое г. Владивостока возникла в июле 1999 года. На момент создания общины в ней насчитывалось 35 членов. Пастором общины был Филипп Алексеевич Ткачук, старшим диаконом Николай Павлович Лучинский, старшей диаконисой Зинаида Ивановна Губанищева, руководителем субботней школы Ольга Ивановна Плесовская, руководителем миссионерского отдела Анна Ивановна Ивашова. Молитвенные собрания община стала проводить согласно договору-соглашению в доме Зинаиды Николаевны Ткачук по адресу: поселок Трудовое, улица Королева № 3 [5, д. 2511010232, л. 3, 14-15, 19].

После принятия ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.) количество верующих во владивостокских общинах АСД начинает сокращаться. Так, в 1999 году в общине № 1 состояло всего 102 человека [5, д. 2511010135, л. 41, 46-48], а в общине № 2 - 100 человек [5, д. 2511010150, л. 86]. Община № 3 и община поселка Трудовое изначально были малочисленными, чуть больше чем по 30 членов в каждой. Получается, что к концу

1990-х годов в 4 владивостокских общинах АСД насчитывалось всего 250-260 верующих, за два года с 1997 по 1999 количество верующих АСД в г. Владивостоке сократилось на 140-150 человек.

Вероятно, основной причиной сокращения количества верующих в общинах АСД г. Владивостока явилось падение интереса жителей Владивостока к религиозному самоопределению. Для многих жителей г. Владивостока членство в религиозных общинах было транзитным, они мигрировали из одной общины в другую, некоторые вновь обращенные просто не выдерживали тех морально-нравственных требований, которые накладывала на них доктрина АСД и покидали Церковь.

Сокращение количества верующих поставило перед руководством владивостокских АСД задачу не только распространения вероучения среди неверующих граждан и верующих других вероисповеданий, но и задачу воспитания членов Церкви, поэтому в 1998 году решением общего собрания верующих общины № 1 количество отделов, действующих при общинном Совете, было увеличено до восьми. Это *миссионерский отдел* (руководитель Н.Я. Кашурова); *отдел милосердия* (руководитель Раиса Петровна Алейникова); *молитвенный отдел* (руководитель Тамара Ивановна Ваганова); *детский отдел* (руководитель Нина Дмитриевна Мартынюк); *женский отдел* (руководитель Зоя Сергеевна Ляхова); *отдел воздержания и здоровья* (руководитель Евдокия Амнеподистовна Кузнецова); *музыкально-регентский отдел* (руководитель Елена Леонидовна Никифорова); *субботняя школа* (руководитель Татьяна Алексеевна Каструба).

Женский, детский, отдел воздержания и здоровья, а также субботняя школа были призваны работать с членами общины не только для того, чтобы знакомить их с основами вероучения, но укреплять их в вере. Руководители этих отделов работали под руководством старшей диаконисы общины Елизаветы Григорьевны Антоновой. В общине в 1998 году был избран и руководитель отдела связей с общественностью, в функции которого входила задача представлять Церковь на различных общественных мероприятиях. Им стала Валентина Петровна Чистова [5, д. 2511010135, л. 50].

В 1999 году пастором общины № 2 г. стал Кирилл Аврамович Мовилян - проповедник, имеющий степень бакалавра практического богословия. Пастор К.А. Мовилян был рукоположен в 1992 году пастором Робертом Робертовичем Линком [5, д. 2511010150, л. 100]. Благодаря его деятельности община значительно активизировала свою миссионерскую деятельность. Пастором общины поселка Трудовое в 2003 году стал Константин Петрович Сергин [5, д. 2511010232, л. 39-40]. Решением исполнительного комитета Дальневосточной конференции АСД от 7 июля 2004 года пастором общин Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня № 1,2,3,4 г. Владивостока был назначен Владимир Николаевич Сокуренок [5, д. 2511010150, л. 121], а 31 марта 2009 на должность пастора общины поселка Трудовое Константин Алексеевич Бурба [5, д. 2511010232, л. 65].

В 2009 году количество членов общины № 1 г. Владивостока составляло 108 человек [5, д. 2511010135, л. 130-134]. Около 100 человек объединяет и община № 2. На 1 января 2006 года списочный состав общины поселка Трудовое составлял всего 10 человек, в 2009 году количество верующих общины увеличилось до 13 человек [5, д. 2511010232, л. 50, 91].

Владивостокские общины АСД № 1 и № 2 являются головными для всех приморских АСД. На начало 2010 г. в крае действовало 15 зарегистрированных общин АСД. Как правило, зарегистрированные общины возникли в тех населенных пунктах, где длительное время существовали религиозные группы АСД. Кроме зарегистрированных общин АСД, в крае активно осуществляют деятельность около 10 религиозных групп, расположенных в различных населенных пунктах края.

Динамику количества верующих в зарегистрированных общинах Приморского края в 1997-2010 годы можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 1

**Количество верующих АСД в Приморском крае в 1997-2010 годы
в зарегистрированных общинах**

<i>Место расположения общин</i>	<i>Количество верующих по годам (человек)</i>				
	1997	1999	2000	2005	2010
Община № 1, 2, 3 г. Владивостока	400	400	412	412	400
Община г. Арсеньева		34	34	34	34
Община п. Трудовое г. Владивостока		30	36	20	13
Община г. Спасска-Дальнего		30	71	32	41
Община г. Большой Камень			15	54	30
Община г. Партизанска		43	21	23	25
Община г. Лесозаводска	43		101	96	96
Община г. Уссурийска		55	50	22	96
Община г. Артема			19	10	10
Община г. Находки		50	60	52	65
Община п. В-Надежденское		36	36	10	11
Община п. Горные Ключи		22		23	23
Община п. Кировский		45	82	46	46
Община п. Хороль			31	20	10
Община п. Терней			14	14	21
ИТОГО:	443	745	982	868	921

Таблица составлена на основе ежегодных отчетов общин АСД Приморского края, представляемых общинами в Министерство юстиции РФ по Приморскому краю

Как видно из таблицы, в ряде населенных пунктов Приморского края интерес к адвентизму значительно упал. В два с половиной раза с 1999 по 2010 год сократилось количество верующих в общине поселка Трудовое; на 24 человека с 2005 по 2010 сократилось количество верующих в общине г. Большой Камень; в три раза с 2000 по 2010 год сократилось количество верующих в общинах села Вольно-Надежденское и поселка Хороль. Верующие Хорольской общины вынуждены были на общем собрании общины 29 мая 2010 года, где присутствовало всего 7 человек, даже поставить вопрос о продаже молитвенного здания, принадлежащего общине, так как община в силу своей малочисленности в настоящее время просто не в состоянии содержать молитвенный дом [5, д. 2511010261, л. 99-102].

Ряд приморских общин АСД, наоборот, благодаря активной миссионерской деятельности смогли не только сохранить численность, но и значительно увеличить количество верующих в общинах. Так, например, община г. Уссурийска, потерявшая за пять лет, с 1999 по 2005 год, 32 человека, в настоящее время насчитывает 96 верующих и по своей активности может сравниться с Владивостокскими общинами АСД. Заметно увеличилось количество верующих в общинах городов Спасска, Находки и поселка Терней. В остальных общинах количество верующих осталось либо на прежнем уровне, либо увеличилось на один-два человека.

Во всех приморских общинах АСД при Советах общин функционируют ряд отделов. Обязательными среди них являются: отдел субботней школы, молодежный отдел, отдел деятельности рядовых членов, отдел здоровья и воздержания, отдел семейного служения, отдел общественных связей, отдел Тавифы и др.

Отдел субботней школы занимается организацией занятий в еженедельных классах субботней школы, проводит пасторские библейские классы, дни посетителей, каникулярные

библейские школы и другие виды миссионерской работы, направленной на распространение вероучения и укрепления в вере своих членов.

Отдел деятельности рядовых членов церкви призван научить рядовых членов церкви основам миссионерской работы, чтобы они в тесном сотрудничестве с церковными служителями могли возвещать евангельскую весть. Задача отдела – включение каждого члена церкви в деятельное служение по распространению адвентистского вероучения.

Молодежный отдел является одним из отделов общины, посредством которого община совершает работу, как для молодёжи, так и силами самой молодёжи. Молодёжный отдел разрабатывает многочисленные программы, охватывающие разные стороны жизни молодёжи и предназначенные для того, чтобы молодые люди вырабатывали правильное (адвентистское) отношение к жизненным ценностям, приобретали верные знания, необходимые умения и навыки для приобщения и возрастания в вере в Бога и учились методам и формам миссионерской работы.

Отдел здоровья и воздержания ориентирует членов церкви на сохранение и достижение оптимального уровня физического, умственного и духовного здоровья. Работа отдела, кроме служения больным, включает в себя и профилактику, т. е. предупреждение болезней через эффективное санитарное просвещение и через руководство медицинским служением. Руководитель Отдела здоровья и воздержания, как правило, должен разбираться в вопросах здравоохранения и проявлять личную заинтересованность в проведении через общецерковные действующие программы здоровья и воздержания принципов здорового образа жизни, как среди членов церкви, так и среди населения.

Ключевая задача *Отдела семейного служения* – укрепление семьи как центра христианского воспитания. Семейное служение акцентирует свое внимание на взаимоотношениях между людьми. Оно заботится о нуждах супружеских пар, родителей и детей, их родственников по мере их прохождения через все этапы человеческой жизни и через неожиданные трудности, которые поджидают их на этом пути. Семейное служение поддерживает и способствует созданию здоровой семьи, оно помогает членам семьи строить и укреплять нормальные семейные взаимоотношения. Семейное служение призвано поддерживать членов семьи, получивших душевные травмы и страдающих от оскорблений, семейных трагедий и разрыва отношений. Семейное служение способствует воспитанию навыков, необходимых при урегулировании межличностных отношений. Оно поддерживает одиночек, семейные пары и большие семьи с помощью консультаций соответствующих специалистов. Семейное служение включает консультации о развитии взаимоотношений в добрачный период; поддержку и укрепление семьи; обучение родителей с учетом особых нужд родителей-одиночек и семей с приемными детьми; обучение методам семейной евангелизации; поддержку особых семейных нужд.

Отдел общественных связей призван использовать современные средства массовой информации для проповеди Евангелия и позиционирования Церкви АСД в мире.

Работа *Отдела Тавифы* является важной частью деятельности рядовых членов общины. Данный отдел образуют, как правило, сестры общины, которые посвящают своё время и способности сбору одежды и продуктов для нуждающихся. Этот отдел работает в тесном сотрудничестве с диаконами и диаконисами общины. Помимо материальной помощи в задачи отдела входит обучение взрослых, посещения на дому и выполнение различной домашней работы, уход за больными и предоставление других услуг. Отдел деятельности рядовых членов церкви и Отдел Тавифы ответственны, главным образом, за благотворительное служение.

Приморские адвентисты активно занимаются миссионерской деятельностью. Особенно активны в данной деятельности они были в 2004-2005 годах. Верующие всех общин принимали участие в Евангельских мероприятиях Дальневосточной конференции и Евро-

Азиатского отделения Церкви АСД под девизом «Объединенные в благовести» [5, д. 2511010215, л. 65].

В январе 2004 года в адвентистских общинах Приморского края была проведена Всемирная молитвенная неделя «Неделя возрождения», а также «Неделя распространения буклетов» по программе Генеральной Конференции АСД «Один миллиард брошюр» [5, д. 2511010215, л. 43].

В 1990-2000-е годы в приморских общинах АСД несли пасторское служение около 30 пасторов. Среди них: *Евгений Валентинович Мальцев* (общины городов Уссурийска и Спасска-Дальнего, поселка Хороль); *Анатолий Петрович Лозовский* (общины городов Уссурийска и Спасска-Дальнего, поселка Хороль); *Игорь Васильевич Дворник* (Уссурийская община); *Владимир Анатольевич Федоров* (Уссурийская община); *Александр Васильевич Плисов* (общины городов Артема и Уссурийска, поселков Вольно-Надежденское и Хороль); *Дмитрий Анатольевич Коновалов* (Уссурийская община); *Николай Геннадьевич Ковалев* (община Спасска-Дальнего); *Роман Павлович Гекер* (общины городов Партизанска и Большой Камень); *Владимир Анатольевич Федоров* (община г. Партизанска); *Николай Петрович Могильников* (община г. Партизанска); *Иван Васильевич Медвидь* (община г. Лесозаводска); *Михаил Евгеньевич Третьяк* (община г. Лесозаводска); *Николай Геннадьевич Ковалев* (община г. Лесозаводска); *Константин Петрович Сергин* (общины городов Лесозаводска и Артема, поселков Вольно-Надежденское, Горные Ключи, Кировский); *Константин Алексеевич Бурба* (общины г. Артема и поселка Вольно-Надежденское); *Юрий Викторович Протоковиллов* (община г. Находки); *В.А. Федоров* (община г. Находки); *Андрей Алексеевич Рудаков* (община г. Находки); *Артем Игоревич Манаков* (община г. Находки); *Юрий Васильевич Бочко* (община поселка Вольно-Надежденское); *Михаил Евгеньевич Третьяк* (общины поселков Горные Ключи и Кировский); *Вальдеман Сергеевич Марко* (общины поселков Горные Ключи и Кировский); *Иван Ильич Давыдов* (община поселка Терней); *Руслан Дмитриевич Пешков* (община поселка Терней) и др.

Все приморские община АСД входят в централизованную религиозную организацию. С 1992 по 2009 год она называлась «Религиозная организация Дальневосточная Конференция Церкви Адвентистов Седьмого дня», а с 2009 года «Централизованная религиозная организация Дальневосточный Союз Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня» [5, д. 2511010135, л. 130].

Одним из наиболее значимых направлений деятельности приморских адвентистов, наряду с деятельностью по духовно-назидательному воспитанию членов Церкви, является благотворительная и милосердная деятельность.

Верующие большинства приморских общин АСД с помощью своих зарубежных единоверцев оказывали и оказывают благотворительную помощь самым незащищенным слоям населения: *детям, больным, инвалидам и пенсионерам.*

В 2003 году община № 1 г. Владивостока оказала помощь медикаментами детскому туберкулезному санаторию села Астраханки Приморского края» [5, д. 2511010135, л. 75, 104], а члены общины № 2 г. Владивостока на протяжении нескольких лет оказывали материальную помощь лечебно-профилактическим и больничным учреждениям станции Седанка, а также седанкинским детскому дому и интернату для престарелых. Оказывали верующие общины № 2 г. Владивостока материальную помощь и другим социально незащищенным и нуждающимся слоям населения [5, д. 2511010150, л. 63].

Верующие община № 1 г. Владивостока принимали участие в общегородском детском марафоне, организованном в 2004 году Владивостокским обществом помощи детям, приобретаемая для различных детских учреждений одежду, канцтовары, одеяла, продукты, детские Библии на сумму более 15 тыс. рублей. Принимала участие община № 1 и в благотворительной акции по оказанию помощи детским домам и интернатам (весна 2004 года); в проведении благотворительной Рождественской программе в доме престарелых г. Арсеньева (январь

2004 года) и в декаде инвалидов (декабрь 2004 года), оказав помощь в организации спартакиады инвалидов и выделив значительную материальную помощь [5, д. 2511010135, л. 75, 104].

Постоянно оказывают помощь седанкинскому дому престарелых и верующие общины поселка Трудовое [5, д. 2511010232, л. 45]. Ими неоднократно был организован сбор вещей для малоимущих и нуждающихся [5, д. 2511010232, л. 49].

В марте 2002 года члены общины АСД г. Уссурийска организовали сбор одежды для детского дома «Восход» города Уссурийска; в 2004 году члены данной общины провели праздник, посвященный Рождеству, в доме престарелых села Покровка, а также в июле 2004 года провели благотворительную программу «2000-летие христианства» в Центре культуры и досуга [5, д. 2511010216, л. 63].

С 2003 года постоянно оказывают благотворительную помощь дому-интернату для престарелых и инвалидов, детскому дому г. Находки, детской городской больницы № 2 и муниципальной службе «Дом ночного пребывания» члены Находкинской общины АСД [5, д. 2511010154, л. 72 88, 99].

Члены общины села Вольно-Надежденское начиная с 2004 года постоянно оказывают материальную помощь интернату в поселке Тихий, неоднократно собирали вещи для малоимущих и нуждающихся [5, д. 2511010143, л. 65].

Верующие общины АСД поселка Кировский в июле 2000 года провели ряд благотворительных акций для жителей поселка, пострадавших от наводнения: раздавали им продуктовые наборы и вещи. Неоднократно оказывали верующие общины помощь и детскому дому села Преображенка [5, д. 2511010218, л. 49].

Члены общины АСД села Вольно-Надежденское в декабре 2004 года принимали активное участие в декаде инвалидов: посещали их на дому, дарили им продуктовые наборы, оказали материальную помощь различным обществам инвалидов для проведения спортивно-массовых и культурных мероприятий [5, д. 2511010143, л. 61].

Приморские адвентисты активно стремятся прививать жителям края милосердие и доброжелательность по отношению к незащищенным слоям населения. Так, весной 2004 года верующими общины № 1 г. Владивостока была проведена «Акция доброты» по подъездам и дворам домов, прилегающих к территории больниц г. Владивостока. В декабре 2004 года верующие общины провели среди подростков города «Уроки доброты» с целью формирования у них доброжелательного отношения к детям-инвалидам [5, д. 2511010135, л. 75, 104]. Такие же «Уроки доброты» провели верующие общины № 2, № 3 г. Владивостока. Силами верующих общин поселка Трудовое и села Вольно-Надежденское «Уроки доброты» в мае-июне 2004 года были проведены по подъездам домов станции Угольная [5, д. 2511010143, л. 61; д. 2511010232, л. 45].

Активно занимаются приморские адвентисты и просветительской деятельностью в области пропаганды здорового образа жизни. При большинстве приморских общин АСД в 2004 году были организованы «Клубы Здоровья», цель которых популяризация среди населения принципов здорового образа жизни.

Ряд членов общин прошли специальную подготовку для проведения программы «Дышите свободно», помогающей людям бросить курить.

За 2003 год верующими общины № 1 г. Владивостока было проведено 5 циклов этой программы. Столько же циклов было проведено ими и в 2004 году [5, д. 2511010135, л. 75, 104]. Такие же программы проводили в 2004 году верующие общины № 2 г. Владивостока и верующие Уссурийской общины АСД [5, д. 2511010216, л. 63].

Членами общины АСД г. Большой Камень в 2004-2006 годах проводились благотворительные акции по физическому и духовному оздоровлению населения г. Фокино и поселка Смоляниново: программа по профилактике никотиновой зависимости «Неделя ужасов» для подростков и программа «Здоровый образ жизни» для всех групп населения [5, д.

2511010276, л. 39]. Подобные программы проводила и община АСД поселка Хороль [5, д. 2511010261, л. 43].

В результате проведения программы «Дышите свободно», помогающей людям бросить курить, несколько десятков жителей Приморского края расстались с этой вредной привычкой.

В 2004 году членами общины № 1 и № 2 г. Владивостока, общин г. Артема, поселка Трудовое и села Вольно-Надежденское был организован опрос жителей Приморского края на тему: «Ваше здоровье». Материалы данного опроса использовались в качестве иллюстративного материала во время проведения цикла лекций по теме «Как иметь и сохранить здоровье», прочитанных членами общин для жителей Приморского края в июне-августе 2004 года [5, д. 2511010259, л. 66].

Большое внимание в своей деятельности приморские адвентисты седьмого дня уделяют психологической помощи гражданам, попавшим в стрессовые ситуации. Так в 2003 году в общине № 1 г. Владивостока было организовано 2 группы психологической помощи тем, чьи родственники находятся в алкогольной или наркотической зависимости. Такие же группы помощи были организованы в общинах г. Артема и Вольно-Надежденского [5, д. 2511010143, л. 61; д. 2511010135, л. 75, 104; д. 2511010259, л. 61].

Разделяя озабоченность общества проблемой распространения наркомании, Церковь АСД Приморского края значительные усилия прилагает в области профилактики наркомании в среде молодежи и подростков. Только за 2003 год специально обученными инструкторами общин № 1 и № 2 г. Владивостока было проведено около 50 лекций с подростками о вреде курения и наркомании с показом видеоматериалов и слайдов. Их прослушали более 500 подростков. Инструкторы проводили беседы и с родителями подростков. Подобные программы по профилактике наркотической и никотиновой зависимости были проведены силами членов общин в январе-мае и октябре-декабре 2004 года.

Профилактикой наркомании среди подростков активно занимаются общины поселка Трудовое, г. Большой Камень, села Вольно-Надежденское, г. Артема, г. Уссурийска и др.

Так, только в 2003 году членами общины поселка Трудовое были прочитано подросткам 10 лекций о вреде курения и наркомании [5, д. 2511010232, л. 39]. Столько же лекций было прочитано в 2003 году силами верующих общины села Вольно-Надежденское. Чтение лекций сопровождалось демонстрацией слайдов [5, д. 2511010143, л. 56]. Верующие АСД г. Большой Камень пять лет подряд (2002-2006) проводили программу по профилактике наркотической зависимости «Неделя ужасов» для подростков [5, д. 2511010276, л. 39], подобную программу в 2004 году проводили и верующие Артемовской общины АСД [5, д. 2511010259, л. 72]. Посильный вклад в профилактику наркомании вносят верующие всех приморских общин АСД.

Разделяя озабоченность российского общества ростом количества разводов, Церковь АСД г. Владивостока весной 2004 года провела цикл встреч для молодежи по теме «Выбор спутника жизни». Перед молодыми верующими и их неверующими друзьями выступали семейные психологи, педагоги, руководитель семейного отдела общины № 1 Е.Г. Дударева, «ветераны семейной жизни» [5, д. 2511010135, л. 75, 104].

В 2006 году община поселка Трудовое г. Владивостока наряду с изучением Священного Писания в субботней школе для взрослых и детей еженедельно проводила молодежные встречи, куда верующая молодежь приглашала своих неверующих друзей. На этих встречах обсуждались вопросы семейного воспитания, отношения между супругами и пр. Подобные встречи проходят в общине и в настоящее время.

Еженедельные молодежные встречи проходят во всех приморских общинах АСД, особенно интересно они проходят в общинах села Вольно-Надежденское, городов Артема, Уссурийска, Большого Камня [5, д. 2511010259, л. 66]. При общине г. Большой Камень работает бесплатная библиотека, в которой наличествует значительное количество литературы по

проблемам взаимоотношений в семье, психологии семейной жизни, воспитании детей и подростков и пр. [5, д. 2511010276, л. 43].

Признавая, что будущее страны во многом определяется тем, каким вырастет подрастающее поколение, молодежные и детские отделы Приморских общин АСД значительное внимание уделяют новым формам работы с детьми и молодежью. В 2003 году при общине № 1 г. Владивостока был организован клуб следопытов для детей и подростков до 16 лет «Пилигрим», который действует по принципу скаутских организаций.

Открытие клуба «Пилигрим» происходило в помещении детского клуба «Орленок» 17 октября 2003 года, а посвящение следопытов на субботнем богослужении 10 января 2004 года. Посвящение проводили секретарь Восточно-Российской Унионной Миссии Борис Протасевич и молодежный руководитель Дальневосточной Миссии Церкви АСД Семен Сергин. При клубе «Пилигрим» работают три кружка: *резьбы по дереву*, *драматический* (подготовка Рождественской программы) и *юный корреспондент*.

Заседание клуба происходят еженедельно по выходным дням. Клуб следопытов – это одна из церковных программ, которая позволяет детям и подросткам найти применение существующему их возрасту стремлению к приключениям и открытиям. Эта программа открывает большие возможности для проведения мероприятий на свежем воздухе, для исследования природы и для приобретения разнообразных навыков. Клуб следопытов «Пилигрим» хорошо зарекомендовал себя ощутимыми результатами в работе с детьми и подростками. Деятельность Клуба следопытов «Пилигрим» включает лагерные сборы, ярмарки, изучение ремесел, исследование природы, изучение Библии, программы свидетельства, турпоходы и другие интересные занятия. Молодёжь в возрасте от 10 до 15 лет может вступить в ряды членов Клуба следопытов посредством особой церемонии посвящения с выносом знамени, звуком горна, произнесение закона и торжественного обещания следопыта, исполнения гимна и т.д.

Клубы следопытов открыты и при других адвентистских общинах Приморья. Находкинские и владивостокские следопыты часто проводят совместные мероприятия и походы. Так, 13-14 июня 2011 года в поселке Тигровый прошла первая совместная встреча следопытов Владивостока и Находки. Ребята провели конкурс-соревнование по установке палаток и разжиганию костров, играли в следопытские игры, наблюдали за ящерицами, бурундуками и пр. С этого времени такие встречи стали традицией.

В августе 2004 года община № 1 г. Владивостока организовала летний молодежный лагерь в г. Находке, где смогли поправить здоровье дети и подростки не только из семей верующих, но и дети из малообеспеченных и многодетных семей [5, д. 2511010135, л. 75, 104]. Верующие Артемовской общины в июле этого же 2004 года организовали подобный летний молодежный лагерь для подростков в поселке Ливадия [5, д. 2511010259, л. 72]. В следующем 2005 году верующими общин поселка Трудовое и г. Артема был организован летний отдых для молодежи и подростков в г. Хабаровске [5, д. 2511010232, л. 49; д. 2511010259, л. 66]. Молодежные лагерные встречи проводятся приморскими адвентистами ежегодно. Молодежные лидеры приморских общин предварительно собираются на совещание, где определяют стоимость путевки, бюджет, назначают ответственных за различные мероприятия лагерной смены и определяют место проведения очередной смены.

И в настоящее время верующие АСД Приморского края значительное внимание уделяют социальной работе. Так, например, с 6 по 13 марта 1916 г. отдел «Тавифа» Церкви АСД г. Владивостока провел социальную акцию «Неделя милосердия». Акция была направлена на поддержку малоимущих слоев населения. В качестве рекламы верующие использовались баннер около молитвенного дома. Они разместили также рекламу в Интернете и напечатали листовки, которые расклеили на досках объявлений у подъездов домов.

Всю неделю с 6 по 12 марта проходил прием вещей в помещении молитвенного дома. Люди приносили не только б/у вещи, но и новые. Затем вещи перебирались и сортировались: мужские, женские, детские. Раздача вещей проходила с 13 марта. В день программу посеща-

ли до 40 человек, которые могли выбрать себе необходимое. Когда посетители уже с вещами направлялись к выходу, то ему предлагались различные миссионерские книги, а также приглашали на предстоящую евангельскую программу, которую проводил во Владивостоке евангелист Моисей Иосифович Островский [1].

В конце 2011 г. в г. Владивостоке развернулся конфликт между городской администрацией и протестантскими общинами — Церковью Христиан Адвентистов Седьмого Дня и Церковью Евангельских Христиан-Баптистов. Мэрия потребовала освободить молитвенный дом по адресу Народный проспект, 2а, который адвентисты седьмого дня и евангельские христиане баптисты занимают с 1976 года.

3 декабря 2010 года в силу вступил Федеральный закон 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Владивостокские адвентисты и баптисты, занимавшие в тот момент здание на Народном проспекте, попросили передать помещение в собственность общинам. Однако ответ городской администрации оказался прямо противоположным: верующим приказали освободить здание до 2 января 2012 года на основании того, что данное имущество «не является имуществом религиозного назначения». Представители общин подали в суд.

На пресс-конференции, посвящённой территориальному спору, своё возмущение происходящим выразили пресвитер центральной Церкви ЕХБ Александр Агапов, пастор Церкви АСД Владимир Сокуренок и другие представители евангельских религиозных общин. Как сообщили собравшиеся, на пресс-конференцию приглашали представителей администрации Владивостока, однако они не пришли.

Пастор Церкви АСД г. Владивостока В. Сокуренок так прокомментировал происходящее: «В общину входят не марсиане, не американцы, прошу заметить, а жители Владивостока. Среди них немало почётных и достойных жителей города, они приводят в церковь своих детей и стариков. Евангельские общины появились в Приморье более ста лет назад. Однако сейчас никто серьёзно не вник в этот спор — всех интересуют только несколько сотен метров земли. Никаких альтернативных предложений от города не поступало, диалога нет» [3].

Свое отношение к происходящему высказал и А.В. Пчелинцев — почётный адвокат России, главный редактор журнала «Религия и право»: «Это грубейшее нарушение фундаментального права граждан России на свободу совести, гарантированного Конституцией. Я считаю происходящее следствием недалёковидности руководителя города и городской администрации, особенно в преддверии саммита АТЭС. Это не спор хозяйствующих субъектов, это дискриминация по религиозному признаку. По всей России помещения передаются религиозным общинам, и только во Владивостоке они отнимаются».

Ситуация разрешилась в пользу верующих. 19 февраля 2013 года стало известно о том, что 28 января 2013 года Первореченский районный суд Владивостока обязал администрацию города безвозмездно передать в собственность религиозной организации христиан адвентистов седьмого дня первый этаж молитвенного дома, расположенного по адресу: Народный пр-т, 2 в. Площадь передаваемых помещений 153,6 кв.м.

Исковое заявление в суд было подано религиозной организацией 22 марта 2012 года. Параллельно Управление муниципальной собственности администрации Владивостока направило в Арбитражный суд Приморского края иск о признании договора безвозмездного пользования указанным помещением, подписанного в мае 2000 года, «незаключенным и непорождающим правовых последствий» и об освобождении адвентистами молитвенного дома. 20 сентября 2012 года Арбитражный суд отказал Управлению муниципальной собственности в удовлетворении требований [4]. Теперь дом на Народном проспекте принадлежит верующим по праву.

С января 2017 года на территории Дальневосточного униона Церковей АСД стартовал проект по гранту президента Российской Федерации «Здоровье семьи – здоровье страны».

Все началось 26 января с обучения команд для проведения Выставок здоровья и оснащения оборудованием крупных городов на территории Дальнего Востока (Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Уссурийск). Первой 28 мая 2017 г. провела выставку здоровья Церковь АСД во Владивостоке. Она была представлена на Корабельной набережной недалеко от фонтана, украшающего площадь.

Выставка прошла почти в центре города, ее посетили 72 ребенка и 307 взрослых. Многие вдохновила информация, которая была представлена на стендах Выставки. Жители города, посетившие Выставку, смогли познакомиться с принципами, которые улучшают качество жизни современного человека, получили данные по своему личному биологическому возрасту и могли принять решение бороться с вредными привычками, в частности, с курением. Посетители наглядно на кукле-тренажере увидели, какой вред приносит табак организму человека.

В 1990-е годы активно идет распространение адвентизма и на территории **Хабаровского края**. В 1992 г. в Хабаровске размещается канцелярия Дальневосточной миссии (позднее конференции). В настоящее время – Дальневосточный союз Церквей АСД (ДВУЦ АСД). **Территория ДВУЦ АСД:** Приморский и Хабаровский края; Амурская, Сахалинская и Магаданская области; Еврейская автономная область, Камчатка, Чукотка, Якутия. В настоящее время ДВУЦ АСД объединяет 58 церквей; 3 543 члена церкви. Наиболее авторитетными служителями ДВУЦ АСД являются: **М. Авраменко, В. Елисеев, А. Сокурено, С. Лозовский, И. Оленников, В. Романов, В. Сокоренко.**

В результате проводившихся евангельских кампаний Кэти и Харви Корвина в Хабаровске в 1993 году организовалась вторая община, через год – третья, в 1997 году – четвертая и в 2000 году - пятая. На конец 2000 года в Хабаровске 5 общин с 415 членами Церкви, пасторское служение в них несли: Сергей Васильевич Семин, Чжо Мэн Лим и Олег Анатольевич Лозовский.

В 1994 году евангелизационные программы в городе Амурске Хабаровского края проводил М.С. Зозулин. Каждый вечер в арендованном помещении собиралось до 200 человек. После проведения программы в Амурске, где до этого было всего 6 верующих АСД, приняли крещение более 50 человек. Администрация города приняла решение передать под молитвенный дом старое здание 8-квартирного дома, подарила верующим 100 стульев, столы, шкафы и даже кафедру. Выделила стройматериалы для реконструкции здания [7, д. 2, д. 37].

Количество общин и верующих Хабаровского края на начало 2000 года можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 2

Количество общин и верующих Хабаровского края на начало 2000 года

Населенный пункт	Количество верующих	Руководитель общины
Хабаровск. 1-я община	53	Семин Сергей Васильевич
Хабаровск. 2-я община	132	Лим Чжэ Мэн
Хабаровск. 3-я община	115	Семин Сергей Васильевич
Хабаровск. 4-я община	71	Лозовский Олег Анатольевич
Хабаровск. 5-я община	44	Семин Сергей Васильевич
Комсомольск-на-Амуре. 1-я община	151	Сакурено Владимир Николаевич
Комсомольск-на-Амуре. 2-я община	85	Сакурено Владимир Николаевич
Амурск	50	Авраменко Михаил Владимирович
Вяземский	34	Сивер Евгений Геннадьевич

Советская Гавань. 1-я община	21	Федоров Владимир Анатольевич
Советская Гавань. 1-я община	94	Федоров Владимир Анатольевич
ИТОГО:	850	

В 1990-е – 2000-е годы хабаровские адвентисты проводили большую благотворительную работу. В начале 2000-х годов самой привлекательной стала, стартовавшая в 2003 году, программа для школьников Хабаровска по профилактике наркомании, курения, алкоголизма и пропаганде здорового образа жизни под общим названием «Неделя ужасов» [2]/

В 2010 году на территории Хабаровского края действовало 11 общин АСД, входящих в Дальневосточный унияон Церквей АСД.

Четыре наиболее многочисленных общины находятся в г. Хабаровске (три расположены по адресу: г. Хабаровск, ул. Шелеста, 39; пасторы Р.П. Гейкер и В.С. Капустин; четвертая – по ул. Памирский проезд, 17; пастор Р.И. Медвидь). Кроме того, 3 общины АСД действуют в г. Комсомольске-на-Амуре, по одной в городах Амурске, Вяземский, Советская Гавань и в поселке Ванино.

Хабаровск был и остается центром религиозной жизни христиан адвентистов седьмого дня российского Дальнего Востока. Именно здесь проводятся все значимые мероприятия Церкви АСД на российском Дальнем Востоке. Об этом можно судить по новостной ленте официального сайта Дальневосточного Унияона Церквей АСД [10].

Только за 2016-2018 годы в Хабаровске были проведены ряд значимых мероприятий. Вот некоторые из них.

С 4 по 7 января 2016 года в г. Хабаровске прошел молодежный христианский конгресс под названием «Миссия выполняема», который собрал в своих рядах юношей и девушек разных возрастов, от 12 до 50 лет. Всего за время конгресса в программе поучаствовали до 90 человек. Участники конгресса собрались из самых разных уголков Дальнего Востока: Нерюнгри, Магадан, Якутия, Находка, Комсомольск-на-Амуре, Владивосток, Дальнереченск, Райчихинск, Лучегорск, Уссурийск, Лесозаводск, Хабаровск, Спасск Дальний и др.

Программа конгресса была расписана таким образом, чтобы до середины дня, молодежь могла получать духовные теоретические знания в виде проповедей, семинаров, ну а уже после обеда могла их реализовывать на практике. За время конгресса каждый участник мог поучаствовать в нескольких направлениях практического отдыха, таких как творческая мастерская, на которой ребята учились своими руками творить добро, социальное служение – которое помогало осознавать важность помощи своим ближним, спортивные мероприятия, которые показывали, как важно иметь единство и доверие друг к другу, и «квесты» на которых молодежь получала практические задания, которые должны были выполняться в черте города.

Одной из целей конгресса было показать молодежи что миссия выполняема только тогда, когда человек будет обладать нравственной выдержкой, чистотой, чтобы сопротивляться искушениям и контролировать свои желания. На протяжении четырех дней пасторы, молодежные лидеры и просто ребята делились своими жизненными опытами и размышлениями над теми или иными духовными вопросами. Совместные игры вызывали множество положительных эмоций и помогли познакомиться ребятам из разных регионов Дальнего Востока.

С 26 по 28 февраля 2016 года, в стенах Хабаровского духовного центра Дальневосточного Унияона Церкви Адвентистов Седьмого Дня, состоялась консультативная встреча руководителей отдела музыкального служения.

Школа для девочек под названием «Рождены летать» впервые была проведена в Дальневосточном Унияоне Церквей в г. Хабаровск *с 28 по 31 марта 2016 года*. 48 юных красивых созданий принимали участие в данном мероприятии. Целью проведения встречи организаторы школы обозначили духовно-нравственное воспитание девочек, обучение навыкам ухода за собой, а также новые знакомства и встречи давних друзей.

С 25 по 27 ноября 2016 года в Хабаровске проходила Осенняя сессия пресвитерской школы. Обучение служителей местных общин и групп проводится в Хабаровске уже несколько лет. Два раза в год руководители Униона и приглашенные спикеры с Дивизиона в течение трех дней встречаются вместе с пресвитерами для обучения и дальнейшего планирования духовной работы.

В ноябре 2016 года в Хабаровске прошла вторая учебная сессия по подготовке церковных дирижеров. Группа из семь человек продолжает это не простое, но благословенное дело обучения музыкальной грамоте на курсах, организованных в начале года.

В ноябре 2016 года в Хабаровске прошло консультативное совещание учителей детской субботней школы церкви АСД Дальнего Востока России.

С 3 по 7 января 2017 года в Хабаровске прошел зимний молодежный конгресс под названием «Увидеть невидимое», где побывали 80 делегатов со всего Дальнего Востока от Сахалина до Якутии. Основная идея конгресса заключалась в том, чтобы показать молодежи приоритет духовных ценностей над материальными. Молодежь также приняла участие в социальной работе по удовлетворению нужд горожан.

С 30 апреля по 2 мая 2017 года в Хабаровске прошла консультативная встреча руководителей семейного отдела дальневосточных церквей. На мероприятии были рассмотрены важные темы, касающиеся семейных взаимоотношений в современном мире.

В ноябре 2017 года в Хабаровске проходила Школа для мальчиков, которая собрала 28 ребят со всего Дальнего Востока. В Хабаровске мероприятие под таким названием организовали детский отдел Дальневосточного Униона Адвентистской Церкви и отдел клубного служения. В течение четырех дней (с 1 по 4 ноября) 28 мальчишек, возрастом от 10 до 16 лет, узнали много нового и интересного.

Проводимые по всему краю выставки здоровья, проводимые Церковью АСД в рамках президентского гранта в 2017 году привлекли внимание губернатора края. Выставки здоровья стали одним из основных направлений общественного служения Церкви Адвентистов Седьмого Дня на Дальнем Востоке.

Последнее знаковое мероприятие – молодежный конгресс, который проходил в Хабаровске в январе 2018 года. Он объединил 50 самых разных молодых людей от 15 до 35 лет со всего Дальнего Востока. На конгрессе молодые люди учились строить отношения, основанные на библейских принципах.

Большую работу в организации молодежного служения ведут Директор Отдела молодежного служения (ОМС) Дальневосточного Униона Церквей АСД Мишин Петр Львович; помощник директора ОМС Дальневосточного Униона Церквей АСД Медвидь Роман Иванович и помощник директора ОМС Дальневосточного Униона Церквей АСД по клубному служению для детей и подростков Соломко Евгений Алексеевич.

В 1990-е – 2000-е годы активизировалась религиозная жизнь и адвентистов седьмого дня **Камчатки**. На смену В.И. Корчуку в 1991 году на Камчатку приехал новый служитель Андрей Рубанов. В это время Церковь АСД активно проповедовала и совершала публичные крещения в Авачинской бухте. Это был период активного религиозного поиска дальневосточников, поэтому многие приходили в Церковь АСД в поисках своей религиозной идентичности. По прошествию некоторого времени большинство крещенных в 1990-е годы покинула Церковь.

В 1992 году общину возглавил В.П. Кулаков, проработавший на Камчатке до 1996 г. При спонсорской помощи американских адвентистов община приобрела печатный станок, на котором в 1992-1993 годах тиражом в 900 экземпляров печаталась газета «Путь ко Христу». (Так как приобретение данного станка было не совсем законно, впоследствии его передали в собственность одной из светских организаций). Статьи на духовно-нравственные темы в данную газету писал сам пастор, а также члены Церкви; среди них – А.А. Овчинникова, профессиональный журналист [11, с. 307].

В октябре 1993 года в Петропавловск-Камчатский с христианской программой приехала группа евангелистов во главе с пастором Гилбертом Берточини. Интерес горожан к этой кампании был настолько велик, что самый большой в городе зал на 600 мест в кинотеатре «Парус» не смог вместить всех желающих. После окончания программы 174 человека приняли крещение. Так в Петропавловске-Камчатском возникла вторая община, ее пастором стал А.П. Лозовский.

В 1997 году на служение в первой общине города Петропавловска-Камчатского приехала семья К.К. Попудрибко, организованная им евангельская программа в поселке Мильково привела к образованию в данном поселке небольшой (12 человек) общины АСД.

В это же время адвентистская молодежь Камчатки на домашнем компьютере и принтере начинает печатать молодежное издание «Седьмой Период», ставшее впоследствии широко известным не только на российском Дальнем Востоке, но и в Сибири. Вдохновителем и организатором данного проекта был С. Лозовский, проходивший в то время службу в армии; верстал газету Е. Моргун, в настоящее время – сотрудник издательства «Источник жизни» в поселке Заокском [11, с. 307].

В Петропавловске-Камчатском был организован хор из членов двух городских общин под управлением А. Вишни. В феврале 1998 года в помещении Церкви, а также на дому начались курсы по подготовке молодых служителей, в какой-то степени схожие с нынешней программой Международного Института Христианского Служения (МИХС).

В 1999 году на Камчатку приехал новый пастор Константин Алексеевич Бурба, ранее служивший в Уссурийской общине. Он вел служение в двух общинах и трех группах, существующих на территории Камчатской области. В трех петропавловских общинах на тот момент насчитывался 141 верующий.

В марте 2000 года Камчатку посетили Х. Скоггинс, директор Отдела Литературного Евангелизма в дивизионе и Э. Кастильо, директор издательства «Источник жизни». Они провели 4-дневный семинар по основам вероучения и культовой практики. Благодаря их помощи на Камчатке возник Отдел Литературного Евангелизма, который возглавил А. Нованов.

В 2010 году в Камчатском крае было зарегистрировано одно религиозное объединение АСД в г. Петропавловске-Камчатском (*пастор И.В. Дворник*). Помимо зарегистрированной общины в крае действуют несколько религиозных групп.

Наиболее интересными социальными проектами камчатских адвентистов в последние годы являлись следующие проекты: духовно-просветительская программа «Здоровый позвоночник», проводимая в марте 2016 года, на которой горожанам были представлены как все восемь принципов здорового образа жизни, так и основы Библии, и Выставка здоровья.

Активизировали свою деятельность в 1990-е годы и адвентисты седьмого дня **Амурской области**. К началу XXI в. на территории Амурской области действовало 11 объединений АСД, в том числе два объединения адвентистов-реформистов. Особой активностью в распространении своего вероучения и миссионерской деятельности объединения адвентистов не отличались, но богослужения совершались при высокой явке верующих, заинтересованно и без срывов [8, д. 4, л. 82]. Более половины объединений АСД Амурской области приобрели в собственность молитвенные дома, другие – проводили богослужения на квартирах верующих и в арендованных ими помещениях.

Динамика изменения числа религиозных объединений в Амурской области в 1990-е годы выглядит следующим образом:

Таблица 3

Количество общин и групп АСД в Амурской области в 1990-е годы

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Общин	4	4	4	6	8	8	9	9	9	9	9

Количество общин и верующих Амурской области на начало 2000 года можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 4

**Количество общин и верующих Амурской области края
на начало 2000 года**

Населенный пункт	Количество верующих	Руководитель общины
Благовещенск. 1-я община	52	Лозовский Анатолий Петрович
Благовещенск. 2-я община	173	Лозовский С.А.
Белогорск	79	Медвидь Иван Васильевич
Свободный	34	Медвидь Иван Васильевич
Райчихинск	23	Лозовский Анатолий Петрович
Шимановск	16	Медвидь Иван Васильевич
Архара	25	Козлов Виктор Анатольевич
Поярково	21	Лозовский Анатолий Петрович
Тигиль	10	Попова Галина Пантелеевна
Тында	17	Медвидь Иван Васильевич
Сковородино	6	Медвидь Иван Васильевич
ИТОГО:	456	

В 2010 году на территории Амурской области действовало 6 зарегистрированных религиозных объединений АСД. Наиболее крупные из них находятся в городах Благовещенске (*пастор Р.Г. Гусейнов*) и г. Белогорске (*пастор М.В. Авраменко*). Помимо этого, зарегистрированные религиозные общины действуют в городах Свободный, Райчихинск и Шимановск и в пос. Архара. В ряде населенных пунктов действуют небольшие религиозные группы.

Как и их единоверцы из других регионов российского Дальнего Востока Амурские адвентисты седьмого дня в последние годы много внимания уделяют социальному служению. Так, например, с 6 по 12 января 2016 г. Благовещенская Церковь АСД провела Лагерь здоровья для людей с проблемами опорно-двигательного аппарата. В течение недели в здание Церкви ежедневно приходили участники лагеря. Многие из них жаловались на головные боли, бессонницу, боли в спине, зажатость и скованность в движениях, напряжение мышц лица и сжатие челюстей. Проходя простые процедуры массажа, фитотерапии, гидротерапии, упражнений на расслабление, слушая лекции о влиянии негативных чувств, погружаясь в тихую обстановку участия, заботы, улыбок и теплоты, красивой ненавязчивой музыки, люди стали расслабляться. Их поведение, выражение глаз, движения тела говорили об улучшении их самочувствия.

С 10 по 16 мая 2017 года в Благовещенске проходила «неделя выставок здоровья», которую адвентистская Церковь провела в одной из городских школ для детей начальных классов (пять классов второклассников и пять классов первоклассников).

Выставка здоровья для взрослых была проведена Церковью АСД в Благовещенске Амурской области 3 июня 2017 года с 15.00 до 18.00. Выставка проходила на центральной аллее городского парка. Программу посетило 85 человек. Команда состояла из 30 членов церкви и двух друзей церкви, а 4 июля 2017 г. в городском парке Благовещенска прошла детская выставка здоровья.

С 5 по 12 ноября 2017 года в Благовещенске команда инструкторов Церкви АСД провела Лагерь здоровья для людей с проблемами опорно-двигательного аппарата. Восемь посетителей в течение недели приняли оздоравливающие процедуры, указанные в приглашении.

Адвентистская община в г. Магадане появилась в 1989 г. благодаря активной миссионерской деятельности Кирилла Аврамовича Мовилияна, посланного для распространения благовести в **Магаданскую область** Советом Церкви АСД России.

Своё служение Кирилл Аврамович и его жена Мария начали с того, что ходили по организациям, продавали христианскую литературу, разговаривали с людьми, с соседями. Так образовалась первая группа верующих, изъявивших желание принять крещение в Церкви христиан адвентистов седьмого дня.

Решением Магаданского горисполкома № 16 от 13 декабря 1989 года К.А. Мовилияну было разрешено заниматься религиозной и благотворительной деятельностью среди населения города [9, д. 4, л. 65]. В начале 1990 года община адвентистов седьмого дня г. Магадана в количестве 18 человек подала заявление с просьбой о регистрации [9, д. 4, л. 64]. На основании решения исполкома Магаданского Совета народных депутатов № 1199 от 25 мая данная просьба была удовлетворена [9, д. 4, л. 62]. В октябре 1990 года религиозное объединение АСД в г. Магадане было зарегистрировано в установленном законом порядке [6], после официальной регистрации пастор Церкви АСД в г. Магадане К.А. Мовилиян получил разрешение заниматься религиозной, миротворческой, милосердной и благотворительной деятельностью на всей территории Магаданской области [9, д. 4, л. 63].

Сначала магаданские верующие собирались на квартире, потом, когда группа стала расти и количественно, и духовно, снимали помещение. В течение двух лет проводились массовые евангельские кампании. В 1991 году крещение приняли 300 человек, в 1992 году – ещё 200. Так как места в помещении стало не хватать, появилась нужда в собственном здании, где свободно можно было бы проводить богослужения. Поэтому летом 1993 года при финансовой помощи зарубежных единоверцев было начато строительство большого молитвенного здания, находящегося на ул. Якутской, 37. Это одно из первых культовых зданий в городе.

Сразу же после регистрации общины верующие АСД г. Магадана стали проводить семинары по изучению Библии, здоровому образу жизни, читали лекции и проводили беседы о библейских пророчествах. В 1990-е годы магаданскую Церковь АСД посещало много молодёжи, поэтому возникла необходимость в организации молодёжного отдела. Первым молодёжным руководителем стал Сергей Васильевич Сёмин. Молодежные служения стали проводиться регулярно по вечерам каждую пятницу.

В конце 1997 года К. А. Мовилияна переводят во Владивосток, и магаданскую Церковь АСД возглавил С.В. Сёмин. Помощь в евангелизации своим магаданским единоверцам оказывали верующие со всей страны. Например, в 2000 году серию духовных лекций в кинотеатре «Горняк» провёл известный миссионер Моисей Островский. В данной миссионерской программе крещение в Церкви АСД г. Магадана приняло 109 человек. Значительное количество молодёжи в общине способствовало тому, что с начала 2000-х годов Церковь АСД г. Магадана начинает систематически проводить летние молодёжные слёты.

С 2001 по 2005 год пасторское служение в Церкви АСД г. Магадана осуществлял Игорь Васильевич Дворник. Община в 2001 году насчитывала 280 верующих [11, с. 291]. Игорь Васильевич особое внимание уделял развитию субботней школы, при общине для изучения Писания были организованы малые группы. Также он организовал евангельскую программу, ведущим которой был В. Казаков, а за музыкальное служение отвечала его супруга Н. Казакова.

В 2005 по 2012 год пасторское служение в общине АСД г. Магадана совершала семья Воловод. Владимир Иванович и его супруга Зоя Степановна много времени уделяли молодёжи. Ими было проведено много семейных программ и организовано встреч «За чашкой чая». За годы своего служения В.И. Воловод организовал ремонт фасада молитвенного дома, который немного обветшал за предшествующий период.

В июне 2012 года в Магадан для служения в местной общине был отправлен Артём Игорьевич Манаков. Он и его супруга Александра продолжают служение в магаданской общине до настоящего времени.

30 апреля 2017 года в общине города Магадана в очередной раз прошла благотворительная акция «Неделя милосердия», которую жители города ждут с нетерпением и посещают ее с радостью.

В 1993 г. Управлением юстиции в **Сахалинской области** в г. Южно-Сахалинске были зарегистрированы Церковь адвентистов седьмого дня и Сахалинская корейская джунан-церковь адвентистов седьмого дня. Данные общины делились по национальному признаку – в первой прихожане были – русские, старая организация АСД, вторая стала результатом миссионерской деятельности АСД Южной Кореи преимущественно среди корейского населения. После 1997 года обе общины перерегистрировались как общины Дальневосточной Конференции церкви АСД. В период с 1990 г. по 1994 г. служителем АСД в Южно-Сахалинске был Капустин Виктор Сергеевич.

Изначально обе общины располагались в здании учебного заведения «Сам Юк», организованного миссионерами из Южной Кореи как миссионерский колледж. Позднее это негосударственное учебное заведение превратилось в институт, особенностью которого было существование как богословского факультета, так и ряда светских (экономики и менеджмента, иностранных языков).

Учредителями института стали гражданин США Ким Хюн Су и Восточно-Российская Союзная Миссия Европейско-Азиатского Отделения Церкви АСД (г. Иркутск). Методическое руководство и ведение учебного процесса осуществляла Заокская Духовная академия церкви АСД.

В 1998 году рассматривался вопрос о передаче института из рук южнокорейских миссионеров в ведение АСД России. Однако передача вуза не состоялась. В 2000 году был отозван в Заокскую Академию декан Теологического факультета А.А. Лисичный, он увез с собой студентов-теологов, которые продолжили обучение на материке.

В здании института действовала также «институтская церковь», прихожанами которой были миссионеры, работающие в учебном заведении и преподаватели. В настоящее время общины освободили здание института и переехали на окраину города.

В период с 1994 г. по 1995 г. молитвенный дом располагался на улице Хлебной, где нес служение пастор Бугров Геннадий Викторович.

В 1995 году были зарегистрированы организации АСД в г. Невельске и п. Красногорске (российские), в 1997 – в г. Корсакове и г. Холмске (корейские). После 1997 года они перерегистрированы, как принадлежащие к Дальневосточной Конференции церкви АСД.

С 1995 по 2000 год в Церкви АСД г. Южно-Сахалинска несли служение, сменяя друг друга, Лисичный Александр Анатольевич, Духовников Сергей Васильевич, Захария Леонид Леонидович и Попудрибко Константин Константинович.

Количество общин и верующих АСД на начало 2001 года можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 5

Количество общин и верующих Сахалинской на начало 2001 года

Населенный пункт	Количество верующих	Руководитель общины
Южно-Сахалинск. 1-я община	47	Третьяк Михаил Евгеньевич
Южно-Сахалинск. 2-я община	348	Третьяк Михаил Евгеньевич
Южно-Сахалинск. 3-я община	11	Хайнц Фольк
Южно-Сахалинск. 4-я община	11	Хайнц Фольк

Невельск	13	Третьяк Михаил Евгеньевич
Холмск	5	Конфедератова Валентина Иннокентьевна
Красногорск	4	Третьяк Михаил Евгеньевич
ИТОГО:	439	

В начале 2000 годов верующие Южно-Сахалинска арендовали для молитвенных собраний различные помещения, чаще всего это был ДК «Родина». В 2006 году сахалинские адвентисты приобрели недостроенное здание под молитвенный дом. Достраивали здание силами верующих.

С августа 2016 года служение в одной из сахалинских общин начал пастор Сивер Евгений Геннадьевич. Он, его жена Ольга Викторовна и дети подключились к работе клуба следопытов «Остров».

На территории Сахалинской области зарегистрированы 6 общин Церкви АСД. Две из них находятся в г. Южно-Сахалинске (пастором обеих общин является *М.Е. Третьяк*). Помимо Южно-Сахалинска общины АСД зарегистрированы в городах Невельске, Корсакове и Холмске, а также в пос. Красногорск Томаринского района.

4 мая 2017 года отдел здоровья первой общины Южно-Сахалинска провел детскую Выставку здоровья в Доме культуры села Дальнее.

В 2001 году на территории **Еврейской автономной области** действовало две религиозные организации АСД: в г. Биробиджане (34 верующих) и в поселке Кульдур (22 верующих). Обе общины возглавлял Винников Дмитрий Анатольевич.

В 2010 году обе эти общины возглавил пастор Р.Г. Гусейнов. Хотя общины ЕАО немногочисленны, они также активно занимаются социальным служением. Самым удачным проектом биробиджанских АСД является работа в созданном в начале 2016 года реабилитационном центре для людей, дошедших до самого края (наркоманы, алкоголики, люди без определенного места жительства и пр.), которые пытаются освободиться от вредных привычек и вернуться к нормальной жизни.

Подводя итог истории развития адвентистской традиции на российском Дальнем Востоке в 1990-2000-е годы, можно утверждать, что Церковь АСД, несмотря на некоторое снижение интереса к адвентистскому вероучению, смогла сохранить позиции и заняла свое место в общественной жизни региона.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Адвентисты Владивостока провели социальную акцию «Неделя милосердия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bor-adventist.ru/?p=213>. (Дата обращения 10. 02. 2018 г.)
2. О религиозных объединениях, действующих на территории города Хабаровска. – Хабаровск: Издательство «Магелан», 2006.
3. Протестанты Владивостока пытаются отстоять здание молитвенного дома [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newsvl.ru/vlad/2012/01/17/protest/#ixzz57K8VpIZR> (Дата обращения 10. 02. 2018 г.)
4. Суд обязал мэрию Владивостока безвозмездно передать адвентистам седьмого дня первый этаж молитвенного дома [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sovacenter.ru/religion/news/harassment/places-for-prayer/2013/02/d26520/> (Дата обращения 10. 02. 2018 г.)
5. Текущий архив Министерства юстиции РФ по Приморскому краю
6. Текущий архив Минюста РФ по Магаданской области. Реестр религиозных организаций.

7. Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Хабаровского края (Далее ТАОСОРОА ХК)
8. Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Амурской области
9. Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Магаданской области
10. Церковь Христиан Адвентистов Седьмого Дня. Новости. Режим доступа: <http://www.adventist-dv.ru/> (Дата обращения 20.03.2019)
11. Юнак Д. История Церкви христиан АСД в России: В 2-х т. Т. 2. – Заокский: «Источник жизни», 2002.



Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, профессор,
зав. Лабораторией археологии Приамурья
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
emelianova49@mail.ru

Зайцев Николай Николаевич, внештатный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,

Шевченко Владислав Владимирович, аспирант,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ДАУРСКИЕ ГОРОДКИ ПРИАМУРЬЯ (ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

УДК 930.26:008 (571.63)

***Аннотация.** В статье впервые по письменным и археологическим источникам составлена карта городищ даурского типа в Приамурье. Для определения месторасположения даурских городищ использовались сведения из отчетов первопроходцев, указывавших «количество дней пути по воде» от одного даурского городка до другого. Для расчёта расстояния использовалась методика скорости течения реки. Установлено, что городища даурского типа относятся к долинным и имеют квадратную форму с 1-2-3 валами, угловыми башнями и рвами. Даурские укрепления служили административными центрами, в которых проживали князьки. Вблизи даурского городка обязательно находились селения и грунтовые могильники. Самые ранние даурские городки (Прядчинское) датируются концом XIII-XIV (периодом монгольской династии Юань – 1271–1368). Поздние даурские городки (Мазановское) датируются XVII в. (периодом маньчжурской династии Цин – 1644–1912). В период китайской династии Мин (1368–1644) монголоязычные дауры проживали параллельно с аборигенными тунгусо-маньчжурскими племенами.*

***Ключевые слова:** дауры, Приамурье, крепости, города, долинный тип, фортификации.*

Olga Dyakova, Professor, Doktor of Archaeology,
Head of Laboratory of Archaeology of Amur region,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East FEB RAS (Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)
emelianova49@mail.ru

Nikolay Zaitsev, freelancer,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East FEB RAS (Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Vladislav Shevchenko, aspirant,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East FEB RAS (Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

DAURIAN TOWNS OF THE AMUR REGION
(ACCORDING TO WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES)

Abstract. *It was determined, according to written and archaeological sources, the territory of distribution of Daurian type settlements in the Amur region. In the middle of the 17th century the first information about the peoples of the Amur region appeared in the reports of the pioneers. The Daurian people lived along the Amur and the Zeya Rivers. The reports noted the presence of Daurian towns and fortresses, a military administrative system under the control of local Daurian princes. Daurian peoples were not indigenous inhabitants of the Amur region. Prof. Maak and Prof. Shrenk regarded the transfer of the Daurian peoples to the Amur as a military-political act of the Yuan dynasty and determined the function of the Mongolian occupation troops. In the Amur region, a series of archaeological objects have been discovered and identified as Daurian settlements. It has been established that Daurian type Towns sites belong to valley ones and have a square shape with 1-2-3 ramparts, corner towers and moats. Daurian fortifications served as administrative centers in which the princes lived. The earliest Daurian towns was dated from the late 13-14th centuries. Late Dahurian towns was dated of the 17th century.*

Key words and phrases: *Daurs, of the Amur region, the fortress, city, valley type.*

Работа выполнена при финансировании гранта РФФИ проекта № 18-09-40021

История происхождения даурских городков загадочна и темна. В русскоязычных источниках первые сведения о народах, проживающих по Амуру и его многочисленным притокам, стали поступать в середине XVII в. из «расспросных речей», «сказок» и «отписок» казаков и первопроходцев – В.Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. Степанова и др., в которых назывались места проживания дауров, дючеров, гогулей, натов, ачанов, гияляк. Для дауров указывалось, что они проживали по реке Джи (Зеи), впадающей в Шилкар (Шилка) или Маму (Амур), занимались хлебопашеством и разведением скота. Кроме того, сообщалось о наличии у них городков и крепостей, организованной административно-военной системы под управлением местных князей (князьков). Дауры в Приамурье не аборигенный этнос. Они появились здесь не ранее первой трети II тысячелетия, переселившись (или переселённых), предположительно, с территории современной Монголии и Забайкалья. Р.К. Маак и Л.И. Шренк считали появление дауров на Амуре результатом войны монголов Чингис-хана и чжурчжэней империи Цзинь. Видимо, им был определён статус монгольских оккупационных войск. В «Зазейском крае», как называли эту территорию в то время, дауры проживали до середины XVII века, затем в 50-х гг. того же века они была переселены в глубь Маньчжурии на реку Нэньцзян. Р. Маак, С.В. Максимов, Г.Ф. Миллер, Ф.Ф. Шперк, К.И.Максимович, А.Кауфман, А.А. Алябьев, Н.Д. Свербеев, А. В. Кириллов, В.И. Огородников, опираясь на нарративные источники и на собственные практические наблюдения, собрали по крупицам информацию о местах расположения даурских городков и поселений. Амурский краевед Г.С. Новиков-Даурский, внесший неопределимый вклад в изучение истории Приамурья, не только собрал разного рода свидетельства о даурских поселениях, но попытался их отыскать на местности и обследовать. Им впервые были обнаружены и вычленены из многочисленных археологических памятников Среднего Приамурья даурские городки, вошедшие в литературу как городки «даурского типа» [11, с. 67]. Позднее, в конце XX – начале XXI вв., спорадически к проблеме «даурских городков» неоднократно обращались и другие исследователи [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Однако системного анализа письменных источников и стационарных раскопок даурских городков не проводилось. В результате неопределённым остался ареал распространения даурских городков, не установлены особенности их геофизического ландшафта, типового состава памятников, не сделана этнокультурная и хронологическая идентификация. В данной работе основной целью является систематизация нарративных источников о местонахождении «даурских городков» и экстраполяция полученных данных в археологический контекст, т.е. их идентификация с конкретными объектами. Для определения месторас-

положения даурских городищ использовались сведения из отчетов первопроходцев, указывавших «количество дней пути по воде» от одного даурского городка до другого. Для расчёта расстояния использовалась методика скорости течения реки. Последовательность описаний даурских памятников предлагается от Верхнего Амура к Среднему Амуру.

География даурских городков.

Согласно письменным источникам, дауры находились в управлении нескольких князей (князьков). Западные (самые крайние) территории дауров на Амуре принадлежали даурскому князю Лавкаю. Под контролем Лавкая находилось пять городков. Первый городок, встретившийся Е. П. Хабарову в верховьях Амура, получил название Лавкаев городок (Уркинский городок).

Лавкаев городок (Уркинский городок) находился в устье р. Игнашиной, впадающей в Амур «в верстах 15 ниже устья р. Урки» (рис. 1,1). Городок обнесён рвом, валом и деревянной стеной с 5 башнями и одними воротами. Около городка располагалось несколько улусов [13, с.14; 10, с. 223; 15, с. 369]. Г.С. Новиков-Даурский, опираясь на сведения Г.Ф. Миллера, помещал данный памятник ещё западнее – на нижнее течение р. Шилки [12, с. 15].

Лавкаев городок-2 располагался ниже Лавкаева городка и возглавлялся зятем Лавкая (рис. 1, 2). Он подобен Лавкаеву (Уркинскому) городку и укреплен пятью башнями [13, с. 14].

Чапин (Чипин) городок располагался «в двух днях пути ниже укрепления Лавкаева», предположительно ниже устья р. Ольдоя близ посёлка Свебеево (рис. 1, № 5) [10, с. 492-493; 15, с. 369; 11, с. 16]. В.И. Огородников определял Чапин городок как пятый по порядку (крайний восточный) среди городков улуса князя Лавкая и сообщал, что он был укреплен подобно Албазину [10, с. 14].

Городок Албазина (Якса) был третьим даурским городком, встретившийся по пути следования Е.П. Хабарова (рис. 1, № 3). Он располагался почти против устья Эмура-Албазихи, имел четыре башни, находился под управлением Лавкаева племянника Албазы (сына Гильдеги), в результате чего впоследствии получил название Албазина. В 1651 г. городок Якса после продолжительной битвы был захвачен Е. П. Хабаровым и переименован в Албазин [13, с. 14; 10, с. 6, 528; 15, с. 369].

Четвертый Лавкаев городок располагался «в одном дне речного пути ниже Албазина» на левом берегу Амура (рис.1, № 4). Городок был «сравнительно меньших размеров и находился в управлении подручного Лавкаю князя Атуя» [13, с. 14].

Дасаулов городок находился «в двух днях пути ниже Албазина, на месте современного урочища Бейтаново» (рис.1, № 6). Этот городок, во время похода Е.П. Хабарова, был сожжен отступающими даурами [15, с. 369; 10, с. 133; 13, с. 15].

Городок князя Чурончи располагался ниже Дасаулова городка, а ещё ниже последнего находились «три смежных городка, разделённые между собою только стенами и принадлежавшие князям Гуйгудару, Олгемзе и Лотодию» (рис.1, № 7) [13, с. 15].

Гогударов (Гугудар, Гуйгудар) городок, согласно донесениям казаков, находился в одном дне пути от Дасаулова городка (рис.1, № 8) [15, с. 369]. Он представлял собой укрепленный пункт, окруженный стеной, валом и рвом [10, с. 122]. Дополнительную информацию о памятнике приводит Г.С. Новиков-Даурский, который, ссылаясь на В.К. Андреевич, определял месторасположение городка в районе устья Береи. В 1949 г. на этом месте вырос большой посёлок Усть-Берея, при застройке которого остатки укреплений оказались уничтожены [11, с. 19–20]. Гогударов (Гугудар, Гуйгудар) городок датирован исследователями XVII веком.

Многолюдное селение (укрепление) даурского князя Емарды располагалось на правом берегу Амура в устье р. Кумары (рис. 1, № 9). Выше него, вероятно, на том же берегу, на небольшом расстоянии друг от друга, находились селения князцов Шангамона и Ундая [13, с. 15].

Городище даурское на Самодоне обследовано в 1932 г. Г.С. Новиковым-Даурским (рис. 1, № 10). «В северной части полуострова Самодон, образуемого Улус-Модонской излучиной (иначе – Корсаковский кривун) Амура в Шимановском районе, находится городище даурского типа. Площадь его 35×35 м, окружена валом и рвом. Глубина рва – около 0,6 м, а высота вала над уровнем местности – 0,5 м. На огороженном валом пространстве сохранились три ямы, величиной 1×1 м и глубиной не более 0,5 м» [12, с. 20].

Городище Озеро Большое расположено на юго-восточном берегу южной части озера Большое (рис. 1, № 10). Выявлено в 1992 г. Б.С.Сапуновым и В.Ю. Рычковым. «В плане городище имеет подпрямоугольную форму, длинной осью ориентированной в направлении юго-запад–северо-восток, площадь городища 15×18 м. По углам городища имеются основания башен, направленные выступами по сторонам света. Со всех сторон, кроме прибрежной, оно оконтурено тремя рядами параллельных рвов и валов. Площадь внутренней части 270 кв.м, с оборонительными сооружениями – 2250 кв.м» [14, с. 88].

Городок Бамбулая (Буссеевское городище) находился приблизительно в 140 км выше устья р. Зея (рис. 1, № 11). Городок кн. Банбулая, «отстоявший на полторы суток речного пути от устья Зеи» был последним крупным поселением на Верхнем Амуре. По сообщению Е.П. Хабарова, немного ниже этого устья, на правом берегу располагалось даурское селение князя Эгоре (Кокорея) «в 24 юрты» [13, с. 19; 15, с. 369; 10, с. 65]. Памятник расположен на берегу Амура напротив центральной части с. Буссе. В 1932 году осмотрен Г.С. Новиковым-Даурским. Зафиксированы остатки вала и рва, ограждающие площадку 40×40 м. «Вал и ров были уже почти сравнены с окружающей местностью. Так как городище находится на самом берегу реки и рядом с дорогой, то никаких других следов его не сохранилось» [12, с. 11]. Согласно описаниям, городок Бамбулая сопоставим с археологическим памятником Буссеевское городище.

Бибиковское городище находится в 2 км к югу от с. Бибиково, в 40–50 м от берега Амура (рис. 1, № 12). В 1929 году городище обследовал Г.С. Новиков-Даурский: «Два вала и три рва ограждают здесь площадку неправильно-четырёхугольной формы размером 40×35 м. Валы имеют высоту 1 м, рвы местами несколько глубже 1 м. Вход в городище с восточной стороны. Остатки северо-западной и юго-восточной башен поднимаются над уровнем местности на 1,5 м и на своих верхушках имеют углубления до 0,75 м и диаметром по верху 1,5 м. На площадке городища находится более десяти ям. По-видимому, это могилы более позднего происхождения» [11, с. 23].

Первое и второе Сергеевские городища расположены на территории с. Сергеевка, на берегу р. Амур (рис. 1, № 13). Впервые обследованы в 1935 г. Г.С. Новиковым-Даурским, зафиксировавшим размеры городищ: 50×50 м и 65×65 м, а также следы рвов и валов [12, с. 13].

Четвёртое Сергеевское городище расположено на южной оконечности с. Сергеевка (рис. 1, № 13). В 1929 г. обследовано Г.С. Новиковым-Даурским. На момент осмотра городище было наполовину разрушено рекой [11, с. 25].

Первое Миловановское городище находится в 6 км к югу от одноименного села на берегу Миловановского озера (рис. 1, № 14). В 1929 и 1932 гг. городища обследовано Г.С. Новиковым-Даурским. «Площадь его 80×54 шага (40×25 м), разделено глубоким рвом на две неравные части, несоединенные между собой. Остатки башен по углам высотой более 2 м. Входы на городище с юга и запада. ...найлены две сломанные каменные ступы (подпятные камни для ворот). На окрестной равнине лежит обширное селище...» [11, с. 30].

Второе Миловановское городище находится на берегу протоки Миловановки близ села Михайловки (рис. 1, № 14). «Площадь городища 40×40 м ограждена двумя рвами, шириной 3 м, глубиной 2 м и валом высотой 1 м над уровнем поля. С западной стороны городище приоткрывается к береговому обрыву, и, видимо, часть его снесена водою. На юго-восточном и северо-восточном углах заметны следы бывших башенок» [11, с. 31].

Михайловское городище обнаружено в 1929 г. Г.С. Новиковым-Даурским (рис. 1, № 15). «Городище даурского типа находится приблизительно в 120 шагах на восток от селища на запад от с. Михайловки), на сухой рёлке, между двумя неширокими ложбинками» (Новиков-Даурский, 1961, с. 32). Городище размером 30×30 шагов немного выше окружающей местности, ограждено двумя рвами и двумя валами. Рвы глубиной 0.7 м–1.5 м, шириной 3–4 м. Валы высотой 0.4–1 м. По углам имеются башенные выступы высотой около 1 м, площадью 5×5 м» [11, с. 32].

Первое Новопокровское городище находится в центре одноименного села «против крутого изгиба берега Амура» (рис. 1, № 16). В 1929 и 1932 гг. городище обследовано Г.С. Новиковым-Даурским, отнесено к даурскому типу, отмечен двойной вал и рвы. На поверхности «... хорошо выделялись остатки башенок и ворота, выходящие на юг. Городище замечательно тем, что вся его внутренняя площадь, проезд в ворота и часть площади против ворот, вне ограждающего вала, вымощены булыжником, чего не приходилось видеть на других таких же городищах. Площадь городища равна 100×100м. ... Около городища в размытой колее дороги удалось найти костяной наконечник стрелы» [11, с.26].

Второе Новопокровское городище «Лазарет» находится в 500 м от одноименного села в месте, известном под названием «Лазарет» поскольку здесь располагался скотомогильник (рис. 1, № 16). «Площадь, занимаемая городищем, составляет 100×100м. Оно ограждено тремя высокими валами и тремя рвами. Основания башен хорошо сохранились. Высота их около 3 м [11, с. 27].

Третье и четвёртое Новопокровские городища находятся в 2 км к юго-востоку от деревни, в небольшой ложине левого берега протоки, текущей из Амура в речку Дипкос (рис. 1, № 16). В 1929 и 1932 гг. городища обследованы Г.С. Новиковым-Даурским. «Городища расположены рядом. Оба одинаковы по размерам – 40×40 м, ограждены двойными валами и рвами, с зигзагообразными воротами» [11, с. 27]. «В одном из городищ эти проходы идут с востока и севера, а у другого – с юга и запада. У одного из них валы и рвы сильно сглажены, другое хорошо сохранилось. На запад и северо-запад от городищ имеются следы селищ» [12, с. 14].

Пятое Новопокровское городище (рис. 1, № 16) находится «в 500 м от третьего и четвертого городищ, на высоком берегу протоки. Площадь городища испорчена распашкой, а рвы – могилами падали» [11, с. 28].

Шестое Новопокровское городище находится в 4 км к югу от одноименного села на правом берегу р. Дипкос (рис. 1, № 16). В 1929 и 1932 гг. городища обследовано Г.С. Новиковым-Даурским. «Площадь городища – 23×20 м, ограждена с юга, запада и севера невысоким двойным валом и рвом, а с востока, по краю берега, – одним неглубоким рвом. Имеются остатки башенок незначительной величины» [11, с. 28].

Игнатьевское городище (городище «Китайские окопы») находится в 4 км западнее села Игнатьево, в 50 м от берега Амура (рис. 1, № 17). В 1929 г. обследовано Г.С. Новиковым-Даурским, определившим его как городище «даурского типа»: «Площадь городища – 60×65 м, внутреннее пространство представляет собой площадку в форме неправильного четырехугольника размером 29×30 шагов с выступами (остатки оснований башен) по углам, возвышающимися на 1,5 м над уровнем поля. Городище окружено двумя рвами и двумя валами. С западной стороны валы прорезаны узкой дорожкой. Недалеко от городища был найден большой валун с конусовидным углублением диаметром 15 см (в устье) и глубиной 16 см, видимо, подпятник для ворот» [11, с. 37-38].

Мазановское городище расположено в 1 км от с. Мазаново, выше по течению р. Зеи (рис. 1, № 18). В 1934, 1940 и 1951 гг. обследовалось Г.С. Новиковым-Даурским, определившим его как даурское хорошо сохранившееся городище с защитным земляным валом и рвом площадью 1500 кв. м [11, с. 62]. В 1984 г. с материалами памятника работала О.В.Дьякова, заключившая: «Точно датировать памятник Мазаново не представляется возможным. Но,

судя по форме бляшки и по наличию пронизок, которые отсутствуют в тунгусо-маньчжурских средневековых культурах, можно полагать, что городище могло существовать в пределах XIV – XVII вв.» [4, с. 242].

Городище Практичи – 1 расположено на высоком крутом берегу р. Зея в 1,5 км к юго-востоку от одноименного села (рис. 1, № 19). Впервые памятник обследован Г.С. Новиковым-Даурским в 50-х годах XX в., отметившим, что городище ограждено невысоким земляным валом и двумя рвами. Вся площадь городища – 40x33 м, защищенная площадь 20x17 м, четырехугольной формы. Вблизи с. Практичи отмечен второе городище [11, с. 61]. План городища снят в 2005 г. Д.П. Волковым [2]. Форма укрепления близка к квадратной. Вероятно, городище Практичи – 1 это тот самый безымянный даурский острог, о котором писал Ф.Ф. Шперк, указывая, что он расположен в одном дне пути ниже устья Селемджи [15, с. 369].

Городок Молдакит (Молдакичит) предположительно располагался на р. Зее в устье Селемджи (рис. 1, № 27; 3, с. 17-28). Из отписок В. Пояркова известно, что здесь находился укрепленный городок трёх даурских князьков Молдакит, или Молдакичит, в котором потерпел поражение отпавленный Поярковым отряд казаков. Видимо, следы этого городка в виде земляных валов отыскал на большом острове в устье Селемджи Г.С.Новиков-Даурский [11, с. 62-63]. В тех же местах обнаружен «молдакитский клад», переданный в Амурский областной краеведческий музей, его материалы позволяют отнести памятник к XVII в. [4, с. 242].

Городище Большая Сазанка расположено на левом берегу Зеи, в 9–10 км ниже с. Большая Сазанка «...на вершине невысокой рёлки, в 40 м от берега реки (рис. 1, № 20). Современный берег здесь обрывист, высота его – 4–5 м над нынешним уровнем воды в реке. Между берегом реки и городищем проходит узкая полоса низкой поймы, шириной – 10–15 м. Городище подпрямоугольной формы ориентировано по сторонам света и примыкает западной стороной к уступу террасы. С трёх сторон, кроме прибрежной, оно защищено валами и рвами. Внешний вал оконтуривает городище с небольшими разрывами» [14, с. 88; 7; 8; 9].

Городище Воронжа – 1 расположено на рёлке в 3 км к юго-западу от с. Воронжа на правом берегу реки Маньчжурки (рис. 1, № 21). В 1993, 2004 гг. обследовалось Б.С. Сапуновым и Н.Н. Зайцевым. Снят план оборонительных сооружений. Городище представляет собой возвышенную площадку прямоугольной формы с башенными выступами по углам, ориентированную по сторонам света, со всех сторон окружённую тремя рядами рвов и валов. Площадь внутренней части 475 кв. м [14, с. 88; 9, с. 33-43].

Натальинское городище расположено на рёлке в 5 км на юг от с. Натальино в 100–120 м от берега протоки р. Зеи (рис. 1, № 22). В 1931, 1936 гг. памятник осматривал Г.С. Новиков-Даурский: «Городище даурского типа площадью приблизительно 100×100 м. Оно окружено тремя параллельными рвами и двумя валами. Вдоль рёлки заметны следы селища в виде ям и бугров. Рёлка, слегка изгибаясь к северо-востоку, протягивается до берега протоки. В обрыве берега обнажается культурный слой с кухонными остатками» [12, с. 23].

Первое, второе Великокнязевские городища (рис. 1, № 23) расположены в южной части с. Великокнязевка. В 1951 г. городища обследовал Г.С. Новиков-Даурский: «Оба городища даурского типа, каждое занимает площадь более чем 100x100 м. На западном городище хорошо сохранились остатки одной из угловых башен в виде кургана около 2 м высотой» [11, с. 56]. Второе городище в 2004 г. обследовал Н.Н. Зайцев: «Городище расположено на левом берегу залива реки Зеи, на восточном склоне прибрежной рёлки, в 0,1 км от берега. Местность, прилегающая к городищу, относительно ровная. Городище в плане имеет подпрямоугольную форму. Размеры его, с учётом оборонительных сооружений, – 60×70 м, площадь внутренней части – около 600 кв. м, периметр – 128 м. Городище защищено четырьмя валами и рвами. По его углам хорошо видны основания башен» [7].

Прядчинское городище (Балдачин городок) расположено в окрестностях с. Прядчино (рис. 1, № 24). Г.С. Новиков-Даурский Балдачин городок сопоставил с Семиозёрским городищем. По нашему мнению, по расстоянию и расположению Балдачин городок более соот-

ветствует Прядчинскому городищу. Поскольку Василий Поярков, проплывавший по Зее весной 1644 г., сообщал: «От волости Гогоул (вниз от устья р. Селемджи), по обоим берегам Зеи, живут дауры пашенные, все люди князя Балдачи, а сам князь Балдача живет в городке ниже устья р. Томи, в одном дне, а от городка Балдачи плыть до устья Зеи один день» [11, с. 52–53]. Ф.Ф. Шперк указывал, что Балдачин городок находится на месте китайской деревни Будынды [15, с. 369].

В 1967, 1989 гг. Прядчинское городище обследовал Б.С. Сапунов, в 2000, 2005 гг. оно переобследовано Н.Н. Зайцевым. Городище подпрямоугольной формы. Фортификации представлены тремя валами высотой до 0,7 м, с угловыми башнями, возвышающимися на 0,3 до 0,8 м, тремя рвами глубиной до 1,5 м. Ворота прорезаны в восточной стене. На городище собрана коллекция позднесредневековой керамики [7].

Семиозёрское городище находится в 2 км северу от одноименного села на левом берегу староречья (рис. 1, № 28). Г.С. Новиков-Даурский, обследовавший памятник в 1952 г., сопоставил его с даурским городком Балдачи. Городище расположено на возвышенной террасе. «Защитные стены городища на севере, востоке и юге состоят из 3-х земляных валов и 3-х рвов замысловатой формы. Ширина каждого рва поверху и у основания каждого вала в среднем несколько более 3 м; валы, в основном, на 1,3 м выше уровня поля. Внешние валы имеют разную форму, внутренний вал – одну. Городище имеет одни ворота с северной стороны. Площадь всего городища с валами и рвами равна 220х300 м. Внутренняя площадь около 10 тыс. кв. м. В земле осыпи берегового вала найдено 2 костяных наконечника стрел» [11, с. 54].

Троицкое городище находится на левом берегу р. Белой в 3 км от впадения её в Зею (рис. 1, № 29). По заключению Г.С. Новикова-Даурского «...городище даурского типа, со следами бывших башенок на всех четырех углах, с воротами на юг. Площадь городища 45х100 м» [11, с. 54].

Толгин городок (городище «Старый Айгун») находится на расстоянии одного дня пути от устья Зеи (на месте селения Айгуй) (рис. 1, № 25). «Городок окружён был двумя бревенчатыми стенами, с земляной засыпью между ними, и тройным рвом, глубиной в три сажени и шириною четыре. Около городка расположено было несколько даурских посёлков» [15, с. 369; 10, с. 420; 13, с. 19]. По сведениям Г.С. Новикова-Даурского это городок «Старый Айгун», «расположенный недалеко от берега Амура, близ хутора Весёлого, где до 1900 г. стояла маньчжурская деревня Старый Айгун. Он звался так потому, что здесь вначале 80-х годов XVII века был построен укрепленный городок Айгун, или Сахалян-ула-хотон, его вскоре перенесли на правый берег Амура, километра на три ниже по течению реки» [11, с. 40].

Орловское городище находится в окрестностях с. Орловка, расположено на полуострове восточного берега озера Хомутино, на вершине рёлки, протянувшейся с севера-запада на юго-восток (рис. 1, № 26). В 2004 г. впервые обследовано Н.Н. Зайцевым. Городище подпрямоугольной формы, углами ориентировано по сторонам света (северо-запад – юго-восток и северо-восток – юго-запад). Защищено одинарным валом и рвом. Длина сторон городища – 67 и 55 м, ширина вала у основания 1,5–2,0 м, глубина – 0,3 м. Угловые башни отсутствуют. Внутренняя поверхность памятника ровная. На поверхности городища выявлены 20 западин округлой формы, диаметром от 2,5 до 4,0 м, глубиной 0,5–0,8 м. С учётом фортификационных сооружений размеры городища – 75х70 м [7].

Новоандреевское городище расположено в северной части одноименного села (рис. 1, № 30). Городище четырехугольной формы, 85х100 шагов, даурского типа [11, с. 54].

Городище Маньчжурка расположено на мысу правого берега р. Маньчжурка (рис. 1, № 31). Выявлено в 1993 г. Б.С. Сапуновым, Н.Н. Зайцевым. «На поверхности мыса видны оборонительные сооружения в виде валов и рвов. Городище в плане имеет подпрямоугольную форму размером 25х19 м, расположенное длинной осью северо-запад – юго-восток. По углам городища расположены башни, ориентированные по сторонам света. По планиграфическим особенностям городище отнесено к даурскому типу (XIV–XVII вв.) [7].

Обсуждение материала

По письменным и археологическим источникам выявлено 31 даурское городище. Все памятники расположены в бассейне Верхнего и Среднего Амура. Они относятся к долинному (равнинному) типу и имеют четко выраженную форму в виде квадрата или прямоугольника с размерами сторон: 35x35; 40x40; 50x50; 65x65; 40x35; 75x70; 60x65; 100x100 м (рис. 2, 1-3). Фортификации представлены 1-2-3 валами с угловыми башнями; рвами; простым входом с восточной, западной, южной, юго-восточной стороны. Даурские укрепления служили административными центрами, в которых проживали князьки (князь и его родственники). Как правило, вблизи даурского городка находилось одно или несколько селений, сопровождавшихся грунтовыми могильниками (рис. 2, 4). Переселение дауров в бассейн Верхнего и Среднего Амура носило явно организованный характер. Целенаправленно была создана сеть укреплений с новым для данной территории типом фортификации, обозначаемый как «даурские городки». Несколько даурских городков, известных по нарративным источникам, удалось идентифицировать с археологическими объектами: городок Бамбулая – Бусевское городище, городок Балдачин – Прядчинское или Семиозёрское городища, Толгин городок – городище «Старый Айгун». К сожалению, стационарным раскопкам даурские городки до настоящего времени не подвергались, но исследования грунтовых могильников, расположенных вблизи даурских городков и явно с ними связанных, проводились. В них зафиксированы вещи (костяные наконечники стрел, железные пламевидные наконечники стрел, фарфор с кобальтовой подглазурной росписью, зонные бусы и пр.), характерные для монгольского времени. Это свидетельствует в пользу появления даурских городков в Приамурье в период монгольской династии Юань (1271–1368). Наиболее поздние даурские городки (Молдакит) датируются XVII в., т.е. в период маньчжурской династии Цин (1644–1912).

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Болотин Д.П., Шеломихин О. А. Средневековое городище у села Гродеково Амурской области // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы 2-й международной научно-практической конференции (Благовещенск-Хэйхэ, 17-18 мая 2012 г.) / отв. ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. – С. 13-17.
2. Волков Д.П. Отчет Об археологической разведке в Сковородинском, Мазановском районах Амурской области в 2005г. / Архив ИА РАН, Р-1, № 26284. – М., 2005.
3. Дьяков В.И. Археологические работы в Приморском крае и Амурской области в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1, №18197.
4. Дьякова О.В. Материальная культура населения Приамурья в 13-17 вв. //История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии /отв. ред.С.В.Волков. Ч. 2. – М.: Наука, 1986. – С.226-249.
5. Дьякова О.В., Шумкова А.Л. «Даурские городища» Приамурья: факты, гипотезы, проблемы // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов/отв. ред. Н.А. Томилов. – Омск: Издательство "Наука-Омск", 2003. – С. 189.
6. Дьякова О.В., Шевченко В.В. Тунгусо-маньчжуры и дауры Приамурья: этнокультурное пограничье (по материалам фортификаций) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой орды: Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (8–12 ноября 2016 г. Ялта, Крым) /отв. ред. С.Г. Бочаров. – Казань-Ялта-Кишинёв: «STRATUM PLUS», 2016. – С. 28–31.
7. Зайцев Н.Н. Отчет об археологической разведке в Благовещенском, Тамбовском, Октябрьском, Бурейском, Серышевском, Мазановском, Константиновском, Архаринском районах Амурской области в 2004 году.Т.2 /Архив ИА РАН. Р-1, № 24476. – М., 2004.

8. Зайцев Н.Н., Сакмаров С.А., Шумкова А.Л. Некоторые результаты обследования городища у Новопетровки // Россия и АТР. – 2005. – № 4. – С. 33-43.
9. Зайцев Н.Н., Шумкова А.Л. Средневековые городища Амурской области // История Амурской области с древнейших времён до начала XX века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – С. 128-145.
10. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. – Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. – 541 с.
11. Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки: Статьи: Воспоминания. – Благовещенск: Амурское кн. изд., 1961. – 190 с.
12. Новиков-Даурский Г.С. Материалы к археологической карте Амурской области // Записки Амурского областного музея общества краеведения. Т. 3. – Благовещенск, 1955. – С. 10-45.
13. Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. – Владивосток: Типография Государственного Дальневосточного Университета, 1927. – 93 с.
14. Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. Средневековые городища Амурской области // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий: (Доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока). – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 88 с.
15. Шперк Ф.Ф. Россия Дальнего Востока (Записки Императорского русского географического общества. По общей географии); Т. XIV. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук, 1885. – 503 с.



Рис. 1. Археологическая карта городищ «даурского типа» бассейна реки Амур (Россия): 1 – Лавкаев городок (крайне западный); 2 – Даурский городок (управляемый зятем Лавкая); 3 – Даурский городок Якса (управляемый Албазихой); 4 – Даурский городок (под управлением Атуя); 5 – Чапин (Чипин) городок; 6 – Дасаулов городок; 7 – Городок князя Чурончи; 8 – Гогударов городок (три смежных городка, принадлежавшие Гуйгудару, Олгемзе и Лотодию); 9 – Даурское селение князя Емарды (селения князцов Шангамона и Ундая); 10 – Городища даурское на Самодоне; Большое Озеро; 11 – Буссеевское городище; 12 – Бибииковское городище; 13 – Сергеевские городища – 1, 2, 4; 14 – Миловановские городища 1, 2; 15 – Михайловское городище; 16 – Новопокровские городища 1–6; 17 – Игнатъевское городище; 18 – Мазановское городище; 19 – Практичи, городище-1; 20 – Городище Большая Сазанка; 21 – Городище Воронжа; Маньчжурка; 22 – Натальинское городище; 23 – Великокнязевское городище; 24 – Прядчинское городище; 25 – Толгин городок (старый Айгун); 26 – Орловское городище; 27 – Молдакит городище; 28 – Семиозерское городище; 29 – Троицкое городище; 30 – Новоандреевское городище; 31 – городище Маньчжурка.

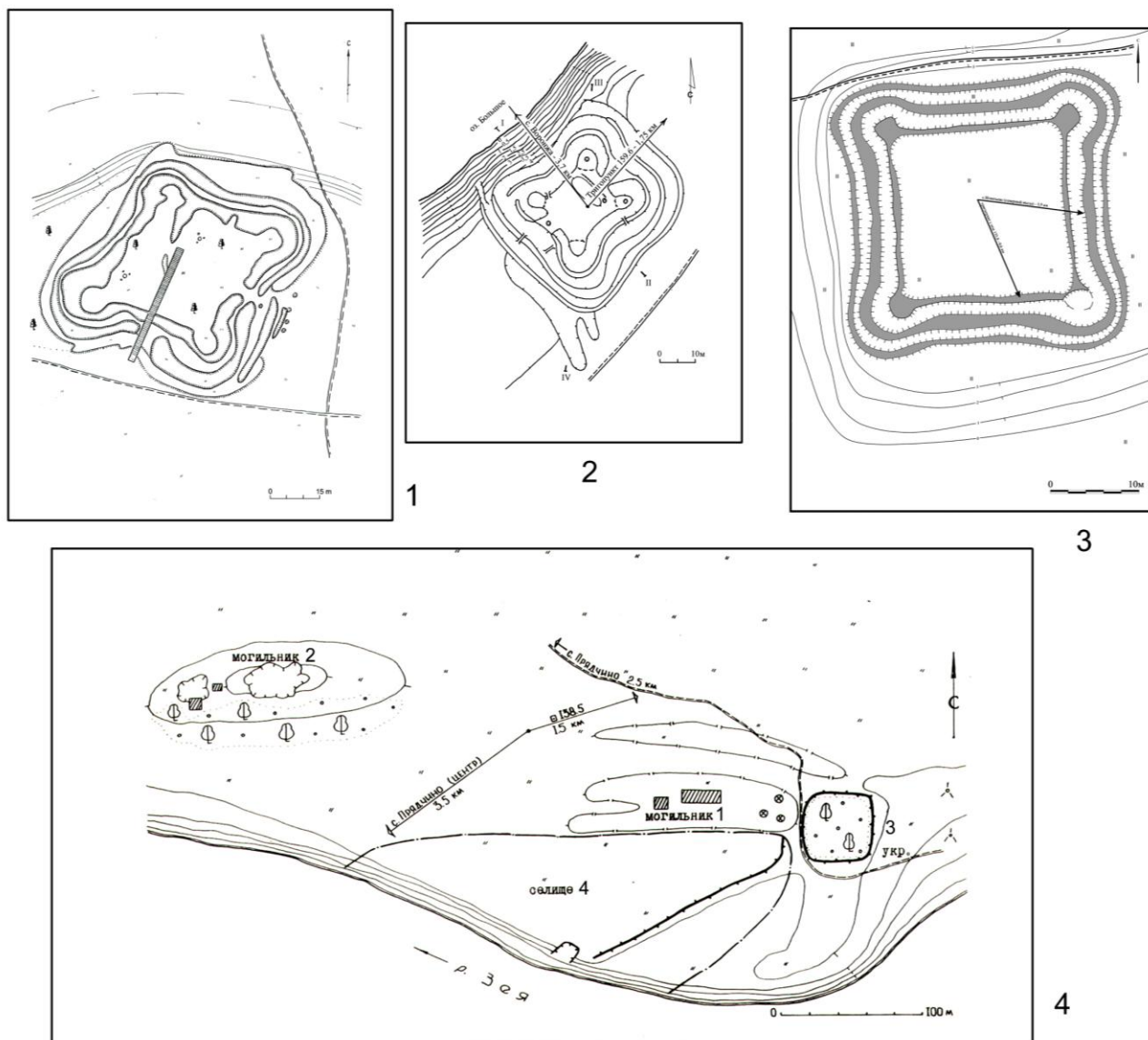


Рис. 2. Планы даурских городков: 1– Прудчинское городище; 2 – городище Воронжа; 3– Игнатьевское городище; 4 – План местности с расположением могильников и городища Прудчино (по В.И.Дьякову) (1-2 – грунтовые могильники; 3 – поселение; 4 – даурское укрепление).

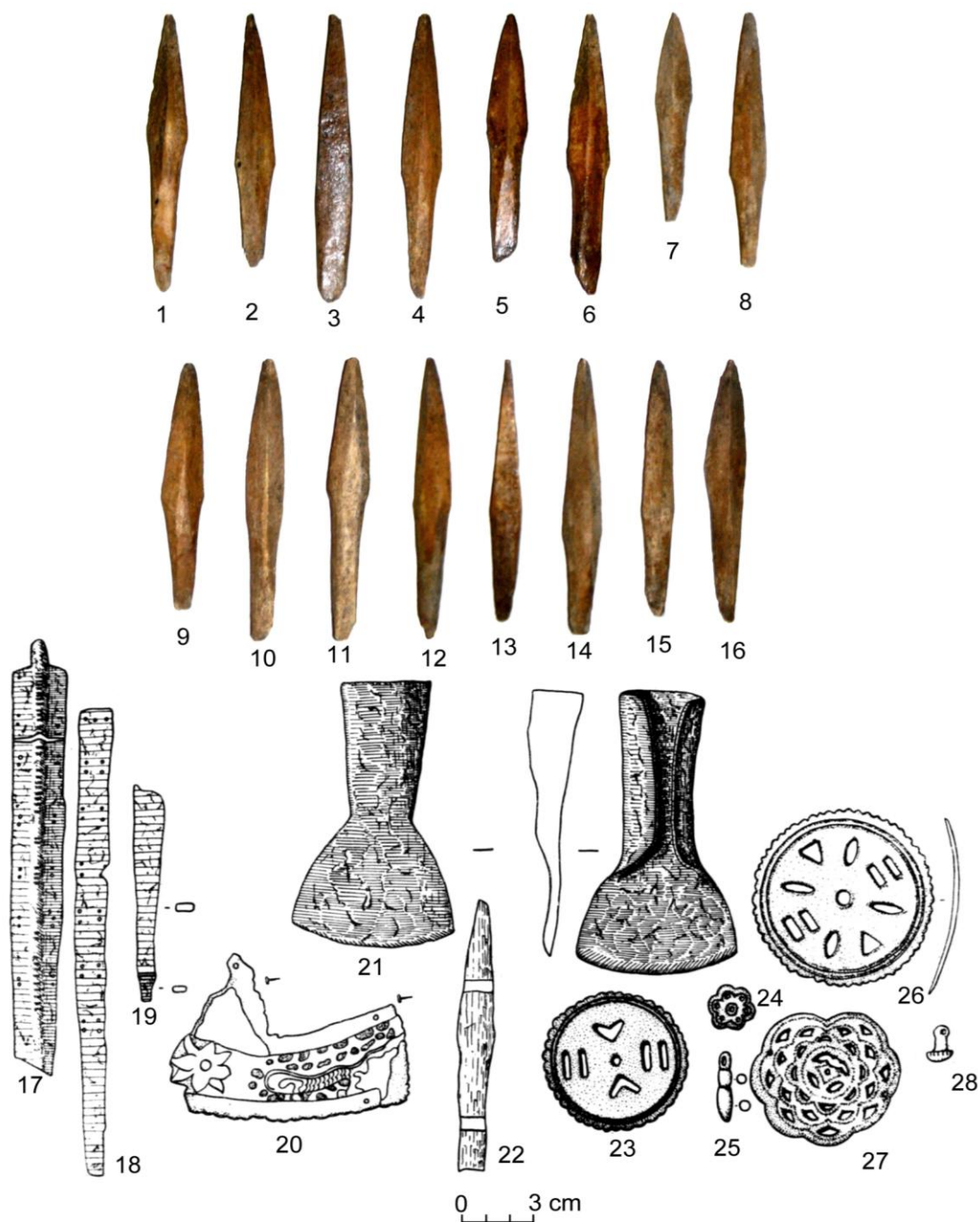


Рис. 3. Могильник Прядчино: 1-16 – костяные наконечники стрел; Молдакитское городище: 17-19 – железные пластины шлема; 20– ажурная бронзовая пластина; 21– тесло; 22– костяной наконечник стрелы; 23–4, 26-27– бронзовые бляхи; 25, 28– бронзовые пуговицы.



Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, профессор
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
(г. Владивосток)
emelianova49@mail.ru

Сидоренко Елена Валериевна, канд. ист. наук, с.н.с.
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
(г. Владивосток)
sidoriha3@yandex.ru

ДОСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАМЕННОЙ КРЕПОСТИ КЛЮЧИ (работа выполнена при поддержке гранта РФФИ проект № 18-09-40021)

УДК 930.26 (571.63)

Аннотация. В работе анализируются ранние (досредневековые) комплексы, выявленные на поликомпонентном памятнике крепость Ключи в Тернейском районе Приморского края. Средневековые строители практически уничтожили более ранние горизонты обитания. Данное обстоятельство обусловило выделение комплексов на основе типологического анализа материала. Выделено четыре досредневековых комплекса: мезолитический (?), пхусунско-лидовский, лидовско-янковский, польцевский. Заселение памятника в различные исторические эпохи на протяжении длительного времени объясняется выгодным географическим и стратегическим положением сопки Ключи в устье р. Джигитовка на берегу Японского моря. С эпохи палеометалла крепость прикрывала и контролировала вход в бухту Джигит, выполняя охранно-сторожевую (таможенную) функцию.

Ключевые слова и фразы: Восточный Сихотэ-Алинь, Приморье, мезолит, пхусунская культура, эпоха палеометалла, лидовская культура, каменная крепость, Ключи.

Olga Dyakova, Doctor of Historical Sciences, Professor
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
FEB RAS (Vladivostok)
emelianova49@mail.ru

Elena Sidorenko, Cand. ist Sc., Senior Scientist
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
FEB RAS (Vladivostok)
sidoriha3@yandex.ru

PRE-MEDIEVAL COMPLEXES OF THE STONE-STRETCH KEY (This work was supported by the RFBR grant Project No. 18-09-40021)

Abstract. The paper analyzes the early (pre-medieval) complexes identified on the multi-component site Klyuchi fortress in the Terney area of the Primorye. Medieval builders almost destroyed earlier horizons of habitat. This circumstance led to the separation of complexes based on a typological analysis of the material. Four pre-medieval complexes were distinguished: Mesolithic (?), Phusunsko-Lidovskiy, Lidovsko-Jankovskiy, Poltsovskiy. The settlement of the Klyuchi site in various historical epochs for a long time is explained by the favorable geographical and strategic position of the Klyuchi hill at the mouth of the r. Dzhigitovka on the shore of the Sea of Japan. From the

epohe of the paleometal, the fortress covered and controlled the entrance to the bay of Dzhigit, performing a security-guard (customs) function.

Key words and phrases: *Eastern Sikhote-Alin', Primorye, Mesolit, Phusunskaya culture, the Paleometal Age, Lidovskaya culture, Poltzovskaya culture, Kluchi site.*

В приморской археологии памятник Ключи известен как источник по средневековым фортификациям [5; 6, с. 35-51]. Он представляет собой хорошо сохранившуюся крепость, оборонительные сооружения которой возводились из камня без цементной связки (рис. 1; 2). Сооружение крепости и оформление её фортификаций приходится на мохэ-бохайский период истории Приморья (VII–X вв. н.э.). Материал бохайской культуры достаточно разнообразен. В средневековом керамическом комплексе присутствует лепная мохэская посуда найфельской группы, датируемая VII в. н.э. Вероятно, крепость построена в начальный период государства Бохай (698–926 гг.). Наличие типично мохэской керамики свидетельствует, что населением являлись тунгусо-маньчжурские племена мохэ, вероятно, сумо. Строительные традиции возведения крепости соответствуют когурёскому военному зодчеству. Сочетание когуреских и мохэских традиций было возможным на начальном этапе существования государства Бохай. После разгрома в 668 г. Китаем государства Когурё часть его населения вошла в состав тунгусо-маньчжурского государства Бохай. Согласно археологическому материалу, это были военные зодчие и ремесленники-гончары.

По классификации городищ, разработанной О.В. Дьяковой, крепость Ключи относится к горным городищам; по форме – серпантинообразная; по размерам – малая; по фортификациям – без башен; по составу вала – каменная; по планиграфии – террасированная, без внутреннего города и редута, с простым входом; по назначению – охранно-сторожевая [5, с. 92-97].

В результате проведенных исследований выяснилось, что сопка использовалась длительное время представителями различных археологических культур в течение полутора тысяч лет как минимум. В данной работе выделяются и анализируются досредневековые комплексы, документирующие различные этапы заселения крепости.

Активная эксплуатация крепости в средние века практически уничтожила ранние культурные горизонты. Материал находится в переотложенном состоянии, поэтому возможен только типологический анализ. Древние культурные слои использовались также в качестве цементирующего грунта для средневековых подпорных стенок и каменных кладок.

Характеристика комплексов. По результатам проведенных исследований выделяются четыре комплекса.

Первый комплекс включает артефакты из белёсого и светло-бежевого кремнистого сланца (туф ?): концевой скребок с округлым рабочим краем, обломки ретушированных изделий, средние и мелкие отщепы с вентральной подтеской ударного бугорка (рис. 3). Эта группа артефактов может принадлежать лидовской культуре эпохи палеометалла, продолжающей интенсивно использовать ретушированные изделия. В то же время материал сильно напоминает туфы из мезолитического поселения Устиновка-4 [4]. В этом случае изделия могут документировать ещё более древний период заселения памятника. Аналогичная ситуация зафиксирована на Куналейском городище, где патинированные артефакты обнаружены как в переотложенном, так и в инситу залегании в надматериковом слое белесой глины за пределами средневековых и палеометаллических комплексов [8, с. 402–411]. Подтверждением возможного мезолитического времени обитания памятника является находка небольшой пластинки из черного обсидиана (рис. 3 (12)).

Второй комплекс включает типичный пхусунский венчик, орнаментированный по широкой грани треугольного валика вдавлениями в технике отступающей лопаточки (рис. 4(1)) и два фрагмента горловины амфоровидного (?) сосуда (рис. 4 (2)). Сосуд имеет треугольный

в профиле венчик с острой кромкой (типичный пхусунский), орнаментированный по широкой грани частыми вертикальными вдавлениями в форме полумесяца. Форма венчика, зональность расположения орнамента и сюжетная композиция остались пхусунские, но изменились морфология сосуда и техника нанесения орнамента. К комплексу также относится найденная в заполнении средневекового бохайского зольника игральная фишка (рис. 4 (3)). Она круглая в плане диаметром 3,0 см, одна поверхность плоская, другая слабовыпуклая (сегментовидного сечения), борта ровные, высота изделия 1,7 см. Такие фишки выступают одним из маркеров пхусунской культуры [13, с. 102-125]. С этим периодом заселения, вероятно, связаны и секировидные (сечковидные) бусины (рис 4 (4)), встречающиеся пока только в лидовской культуре, а также галечные отщепы с острым рабочим краем по периметру. Традиция получать отщепы с гладкой поверхностью со шлифованной или галечной заготовки выступает одним из культурно-значимых признаков лидовской культуры [2, с. 151-152; 10, с. 116]. Артефакты комплекса, на наш взгляд, подтверждают выдвинутую ранее гипотезу об ассимиляции части пхусунского населения прибывшими в регион лидовцами [3; 9; 10; 11; 12; 13] и относятся к ранним этапам лидовской культуры.

Третий комплекс, наиболее многочисленный, составляют артефакты куналейской группы, документирующие поздние этапы лидовской культуры и контакты с пришедшими в регион представителями янковской культуры раннего железного века. С ним связаны лепные сосуды амфоровидной формы трёх видов (рис. 5): вид 1 – сосуды со структурно выделенной горловиной, у которых место стыка не имеет четкого углового сочленения, а сглажено, в результате чего шейка приобретает легкую изогнутость; вид 2 – типичный амфоровидный сосуд с прямой шейкой, место стыка горловины и тулова четко обозначено; по высоте горловины подразделяются на два подвида: с высокой и укороченной шейкой; вид 3 – сосуды со структурно выделенной горловиной в виде раструба. Орнамент сосредоточен в зоне стыка горловины и тулова и представлен налепными валиками подтреугольной и сегментовидной форм, рядами прочерченных параллельных линий, небольшими налепными ручками поверх прочерченных линий либо бороздок. О куналейской атрибуции свидетельствуют венчики Г-образной формы различной модификации, налепные ручки и композиция из чередующихся горизонтальных и вертикальных рядов прочерченных линий (рис. 6). Сосуды аналогичны изделиям с Куналейского городища [7, с. 23, с. 25, с. 27, с. 31; 10, с. 92-97, с. 248-258], расположенного в долине р. Джигитовка в пределах видимости с сопки Ключи. Серия плоских округлых галек (игральные фишки) также связана с лидовско-янковским этапом эксплуатации крепости. Доказательством принадлежности к досредневековому времени является факт обнаружения подобных галек вместе с фрагментами куналейских сосудов в грунте, цементирующем средневековые стенки (кладки).

Четвертый комплекс представлен несколькими фрагментами горловин и плечиков лепных сосудов, покрытыми частыми прочерченными бороздками, а также фрагментом сосуда, орнаментированного рядами овальных вдавлений (рис. 7). «Гофрированные» горловины с плечиками и ряды овальных вдавлений характерны для польцевской культуры Амурско-Приморского региона [1], поэтому комплекс отнесен к этому времени и документирует собой самый поздний досредневековый период заселения памятника.

Выводы. Крепость Ключи является поликомпонентным памятником, имеющим длительную историю заселения. Ранние комплексы представлены материалами мезолитического (?) времени и, как минимум, тремя этапами эпохи палеометалла II–I тыс. до н.э. – первые века н.э. (пхусунско-лидовский, лидовско-янковский, польцевский). В средние века были воздвигнуты крепостные фортификации и продолжена активная эксплуатация памятника представителями мохэской, бохайской и чжурчжэньской культур. Такая ситуация объясняется выгодным географическим и стратегическим положением сопки Ключи в устье р. Джигитовка на берегу Японского моря (рис. 8; 9). С эпохи палеометалла крепость прикрывала и контролировала вход в бухту Джигит, выполняя охранно-сторожевую (таможенную) функцию.

Реконструкция дорожно-транспортной системы в древности и средневековье, выполненная одним из авторов, свидетельствует, что в этом месте соединялись две дороги: сухопутная, пролежавшая от перевала Поднебесного вдоль бассейна р. Джигитовка до побережья Японского моря, и морская, ведущая на север к Татарскому проливу и в Японию [5].

Список источников, литературы и электронных ресурсов

1. Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.
2. Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 296 с.
3. Дьяков В.И. Периодизация древних культур Приморья (палеолит–эпоха бронзы): Дис. в виде науч. доклада ... докт. ист. наук. – М., 1999. – 21 с.
4. Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка-IV). – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 228 с.
5. Дьякова О.В. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. – М.: Восточная литература, 2009. – 245 с.
6. Дьякова О.В., Батаршев С.В., Бондаренко Е.А. Фортификация крепости Ключи // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Благовещенск-Хэйхэ-Чанчунь-Шэньян. 21–28 мая 2018 г. – Благовещенск: БГПУ, 2018. – С. 35–51.
7. Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. Древние и средневековые культуры Северо-Восточного Приморья (по материалам Куналейского городища) // Актуальные проблемы Дальневосточной археологии / Отв. ред. О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев. – Владивосток, 2002. – С. 7–45.
8. Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. Первые обитатели Куналейского городища // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина / Отв. ред. С.В. Ошибкина. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 402–411.
9. Сидоренко Е.В. Периодизация памятников с керамикой пхусунского типа // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. – С. 117–125. (Тихоокеанская археология. Вып. 13).
10. Сидоренко Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. – Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2007. – 271 с.
11. Сидоренко Е.В. К вопросу о культурогенезе палеоазиатов (по материалам лидовской культуры // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения). – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 165–174.
12. Сидоренко Е.В. К проблеме генезиса лидовской культуры // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры: Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием 23–26 ноября 2015 г. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 193–200.
13. Сидоренко Е.В. Пхусунская культура в Приморье // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Том 20. Археология. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – С. 102–125.

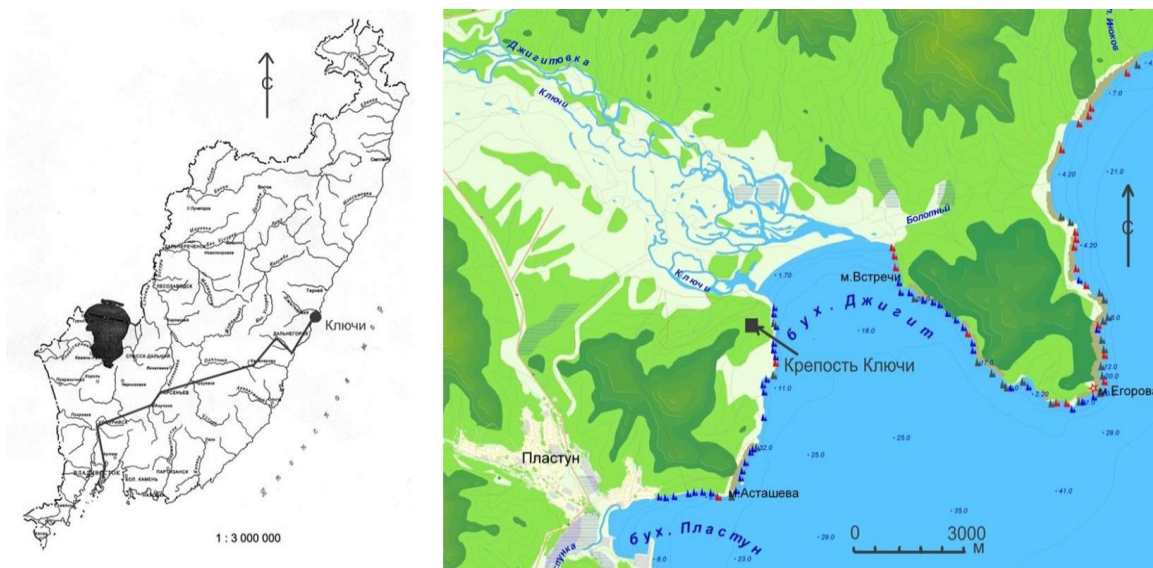


Рис. 1. Месторасположение крепости Ключи (Тернейский район Приморского края)



Рис. 2. Общий вид крепости Ключи. Вид с северо-запада.



Рис. 3. Крепость Ключи. Комплекс эпохи мезолита (?).

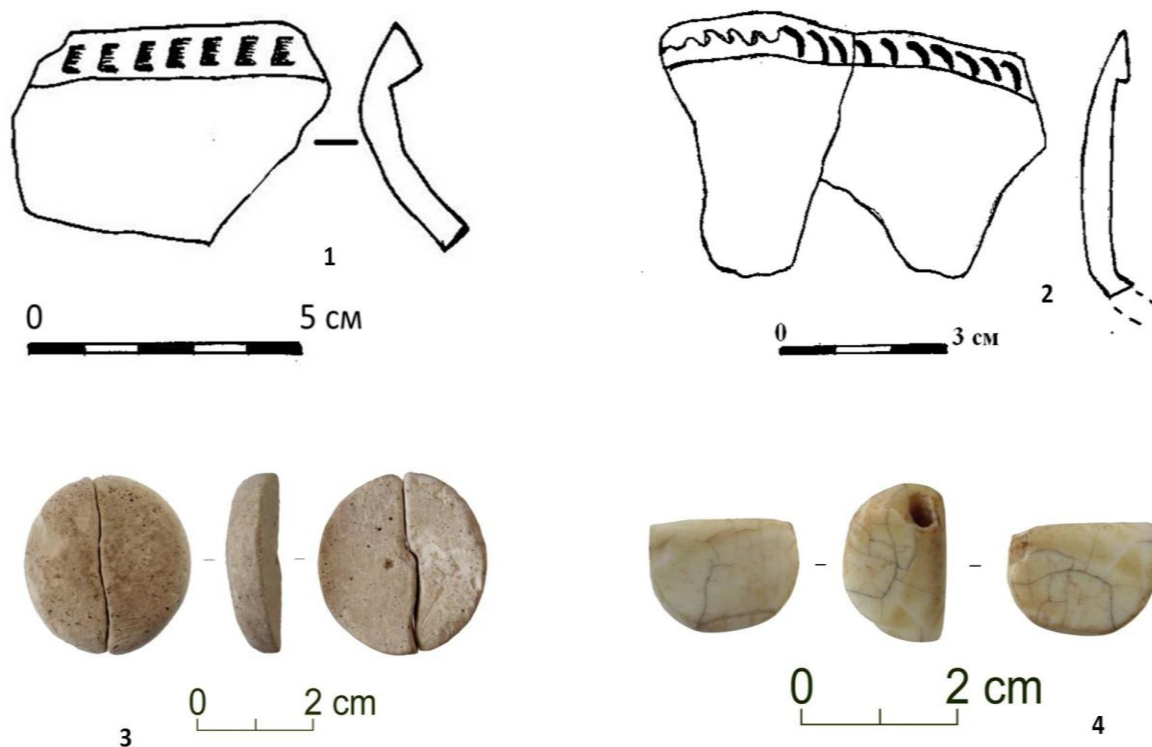


Рис. 4. Крепость Ключи. Пхусунско-лидовский комплекс: 1–2 – керамика; 3–4 – камень.

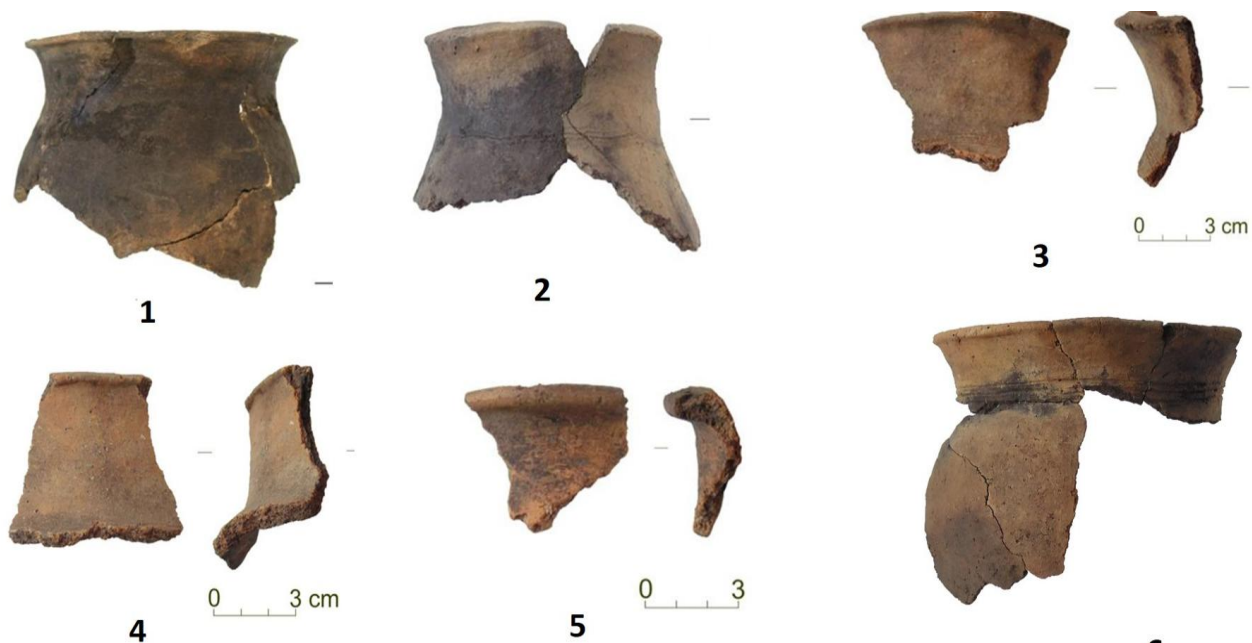


Рис. 5. Крепость Ключи. Лидовско-янковский комплекс (куналейская группа). Амфоровидные сосуды: 1–2 – вид 1; 4–5 – вид 2; 3, 6 – вид 3.



Рис. 6. Крепость Ключи. Лидовско-янковский комплекс (куналейская группа).
Орнаментация сосудов и форма венчиков.



Рис. 7. Крепость Ключи. Пальцевский комплекс.



Рис.8 . Вид на устье р. Джигитовка с крепости Ключи.



Рис. 9. Панорама долины р. Джигитовка с крепости Ключи.
На каменном валу д.и.н., проф. О.В. Дьякова.



Жадан Александр Владимирович, канд. ист. наук
Кафедра тактико-специальной, огневой и физической подготовки
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России
awzhadan252@mail.ru

**УЧАСТИЕ ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СРЕДИ ЛИЧНОГО СОСТАВА
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

УДК 94(47).084.8

***Аннотация.** В данной статье автор на основе неопубликованных ранее архивных материалов анализирует основные направления и методы воспитательной работы, осуществляемой партийными и комсомольскими организациями среди личного состава органов внутренних дел Приморского края в период Великой Отечественной войны. Автором выделяются общие недостатки в организации и проведении агитмассовой работы. Вместе с тем делается вывод о том, что в целом партийные и комсомольские организации сыграли важную роль в поддержании патриотических настроений среди сотрудников милиции, не допустили распространения панических, антисоветских настроений, деморализации личного состава органов внутренних дел Приморского края.*

***Ключевые слова и фразы:** Приморский край, органы внутренних дел, партийные и комсомольские организации, агитмассовая работа, воспитательная работа с личным составом.*

Alexander Zhadan, Cand. Sc. in History
Department of tactical-special, fire and physical training
Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.
awzhadan252@mail.ru

**PART OF PARTY AND KOMSOMOL ORGANIZATIONS IN THE EDUCATIONAL
WORK AMONG THE PERSONNEL OF BODIES OF INTERNAL AFFAIRS IN
PRIMORSKY KRAI DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

***Abstract.** In this article the author on the basis of unpublished earlier archival materials analyzes the main directions and methods of the educational work which is carried out by the party and Komsomol organizations among the staff of law-enforcement bodies of Primorsky Krai in the period of the Great Patriotic War. The author marks out common faults in the organization and carrying out propaganda. The conclusion is drawn, that the party and Komsomol organizations played an important role in maintenance of patriotic sentiments among police officers, didn't allow distribution of panic, anti-Soviet moods, demoralization of staff of law-enforcement bodies of Primorsky Krai.*

***Key words and phrases:** Primorsky Krai, law-enforcement bodies, the party and Komsomol organizations, mass-agitation work, educational work with staff.*

В отечественной историографии получили рассмотрение различные аспекты деятельности правоохранительных органов Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны и предвоенные годы. В этом числе и деятельность органов внутренних дел, внесших неоценимый вклад в обеспечение общественной безопасности и поддержание общественного

порядка в стратегически важном регионе страны [3; 4; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22].

В данной статье мы планируем затронуть такой немаловажный аспект в организации работы органов правопорядка, как проведение воспитательной работы, ведущую роль в которой, безусловно, играли партийные и комсомольские органы.

В чрезвычайных условиях военной обстановки 1941–1945 гг., важной государственной задачей стало недопущение деморализации личного состава органов внутренних дел, сотрудники которых должны были быть уверенными в правильности политики коммунистической партии и руководства СССР, правоте и законности своей работы, беспрекословно выполнять служебные задачи. Это была непростая задача. Повсеместное тяжелое материальное положение населения (в том числе и большинства рядовых сотрудников милиции), тяжелая обстановка на фронтах начального периода войны насыщали информационное пространство пораженческими слухами. Немецкая и японская агентура также прилагали массу усилий для дискредитации советской государственности.

Требовалась серьезная и правильно организованная работа по пресечению распространения пораженческих и антисоветских настроений среди милиционеров. А изучение архивных материалов показывает, что такие настроения действительно имели место среди некоторых сотрудников милиции. Так, в октябре 1941 года политрук 6 отделения милиции г. Владивостока Крылов А.Г. в беседе с помощником начальника того же отделения Носаревым Д.И. распространял «вымышленные слухи о войне провокационного порядка». Позднее Носарев пересказал содержание разговора с Крыловым ряду других сотрудников милиции. 20 ноября 1941 г. Крылов А.Г. был снят с должности политрука и переведен на другую работу, а Носареву Д.И. был объявлен «строгий выговор с предупреждением» [2].

Выполнение вышеупомянутой задачи преимущественно ложилось на плечи партийных организаций. 15 сентября 1939 года ЦК ВКП (б) утвердил Положение о Политическом отделе Главного Управления (отдела) НКВД СССР. Политотдел ГУРКМ стал руководящим партийно-политическим органом НКВД СССР. Всю свою работу он проводил через местные политотделы, политаппараты, политруков, партийные и комсомольские организации. Все указанные звенья работали в тесном взаимодействии с территориальными партийными органами, регулярно информировали их о состоянии партийно-политической работы с сотрудниками и политико-моральном состоянии личного состава. Политзанятия с начсоставом проводились в рамках командирской учебы, а с рядовым составом – отдельно по 8 часов в месяц (в среднем по 2 часа в неделю) [1]. Таким образом, кадровый состав милиции был поставлен под строгий контроль партийного аппарата с тем, чтобы он был надежным проводником политического курса ВКП(б).

Следует отметить, что наличие данного аппарата не освобождало руководителей горрайотделов от воспитательной работы с личным составом, хотя некоторые из них, как отмечается в архивных документах, самоустранились от этой работы. Так, в докладе начальника политотдела УМ УНКВД Приморского края (июль 1943 г.) отмечается: «... у нас есть начальники органов и командиры подразделений, которые всю воспитательную работу перекадывают на своих заместителей по политчасти, а сами не занимаются воспитанием подчиненных им кадров, не беседуют с составом, не изучают его бытовые условия... отдельные начальники РО НКВД неправильно расходуют средства, отпускаемые по 10 статье. Имели место случаи, когда начальники РО НКВД выписывали газеты и журналы для личного пользования, устанавливали радио в своих кабинетах, а состав не имел возможности пользоваться газетами и радио» [1].

Должности заместителей начальников по политчасти в городских и районных отделениях милиции существовали до конца 1943 года, когда приказом НКВД СССР № 0453 они были упразднены [13, с. 65]. Тем самым основная ответственность за состояние партийно-

политической работы и воспитание личного состава возлагалась на первичные партийные и комсомольские организации.

В качестве примера состава и основных направлений деятельности, рассмотрим первичную партийную организацию УНКВД Уссурийской области. По состоянию на 12 мая 1941 г. организация насчитывала 36 членов и 25 кандидатов в члены партии. Среди членов партии по социальному происхождению 8 было из рабочих, 11 из крестьян, 17 из служащих. Среди кандидатов 6 происходило из рабочих, 10 из крестьян, 9 из служащих. По партийному стажу: 1 являлся членом партии с 1924 г., 1 – с 1925 г., 1 – с 1928 г., 1 – с 1929 г., 3 – с 1930 г., 3 – с 1931 г., 5 – с 1932 г., 1 – с 1937 г., 2 – с 1938 г., 8 – с 1939 г., 4 – с 1940 г., 6 – с 1941 г. Среди кандидатов: 3 – с 1938 г., 9 – с 1939 г., 10 – с 1940 г., 3 – с 1941 г. [6].

В число вопросов, рассматривавшихся на политбюро входили: о приеме в партию; о выполнении партийных поручений; об агитмассовой работе; «об авангардной роли коммунистов»; о социалистических соревнованиях; о работе стенгазет; о нарушениях трудовой дисциплины; об идейно-политическом росте коммунистов; о подготовке к торжествам; о выборах в Советы; о подготовке к отчетно-выборным собраниям; о разрешении конфликтов; организационные и иные вопросы [6].

Члены парторганизаций брали обязательства в свободное время изучать и конспектировать работы И.В. Сталина, В.Л. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, иную литературу, содержащую коммунистическую идеологию.

С началом войны работа первичных парторганизаций претерпела реорганизацию. В резолюции партсобрания первичной парторганизации Шмаковского районного отдела милиции НКВД от 27 июля 1941 г. отмечалось: «наряду со всеми подразделениями и наша партийная организация перестроила свою работу, применив ее к военной обстановке. Например, если ранее проводились политутренники только читкой статей из газет, то в настоящее время таковые проводятся лекционным порядком, где прорабатываются материалы о военных действиях и все вопросы разбираются детально и разъясняются слушателям... По обращению тов. Сталина по радио 3 июля 1941 г. был проведен митинг...». Также отмечается организация мероприятий по изучению военного дела, сбор сотрудниками РО денежных средств на нужды обороны в сумме 1247 рублей и покупка облигаций на сумму 10070 рублей [7].

Характеризуя направления и содержательную часть воспитательной работы в органах НКВД в целом по стране, необходимо отметить, что с июля 1942 года в системе служебно-боевой подготовки было введено изучение послеоктябрьского периода истории ВКП(б). С рядовым и младшим начальствующим составом были возобновлены занятия по тематике политотдела ГУМ НКВД СССР, частности, изучались такие темы: «Неустанно поднимать большевистскую бдительность беспощадно бороться с вражеской агентурой – боевая задача органов милиции»; «Точно выполнять приказы начальников, требований уставов, постановлений, свято блюсти воинскую дисциплину – закон для каждого работника милиции», «Быть образцом высокой дисциплинированности и порядка, свято блюсти честь наркомвнудельца»; «Овладевать в совершенстве техникой своего дела – первейшая обязанность работника милиции»; «О повышении революционной бдительности во время Великой Отечественной войны»; «О морально-политическом облике начсостава» и др. [13, с. 90].

Изучение архивных материалов показало, что наиболее распространенными формами агитации были лекции, чтение политинформации, семинары и беседы. Среди тем бесед были: «Доклад тов. Сталина от 6 ноября», «Экономическое положение Англии», «Роль членов партии в 1917 г.» и др.

Вопросы о состоянии агитмассовой работы регулярно разбирались на партсобраниях в коллективах. Среди недостатков данного направления воспитательной работы отмечались: отсутствие планов и отчетной документации по агитмассовой работе; срывы занятий. Содержание бесед и лекций часто было не связано с текущей обстановкой, работой коллектива

и не решало задачу мобилизации сотрудников на выполнение поставленных задач (например, беседа на тему «Англия и ее богатство») [5].

Таким образом, агитмассовая работа зачастую носила формальный характер, выполнялась принудительно. «Отдельные члены партии стоят в стороне от агитационной работы и когда им дают задание провести беседу, то они отказываются» [5].

Начиная с 1935 года, в органах внутренних дел начали издаваться многотиражные газеты, которых к началу 1941 г. насчитывалось по всей стране уже 59 с общим тиражом 57,5 тыс. экземпляров. Кроме того, выпускалось 10 тыс. стенных газет и боевых листков. В 1940-1941 годах было проведено обучение редакторов многотиражной и стенной печати на заочных курсах работников печати при ЦК ВКП(б). Всего было обучено 1686 активистов. Во время войны издавалось 50 многотиражек с тиражом 39250 экземпляров. В Приморском крае издавалась газета «Дзержинец».

Выпуск стенных газет был налажен во всех подразделениях Приморской милиции, перед выпуском газеты проверялись парторганами и начальниками отделов. Основная задача стенной печати заявлялась как «освещение вопросов производственной и общественной работы отдела» [5].

Состояние стенной печати регулярно обсуждалось на партсобраниях. Среди недостатков наиболее часто упоминаются бледное художественное оформление, грамматические (а иногда политические) ошибки, излишне длинные заметки, использование псевдонимов. Указывается, что в редколлегии избираются люди, не подготовленные к такой работе, сами редколлегии работают беспланово, обязанности не распределены [5]. Отмечается нерегулярный выпуск и недостаточное освещение повседневной оперативно-служебной работы и отдельных лиц с положительной и отрицательной стороны [5].

Вот как объяснял на партбюро затруднения выпуска стенгазеты «На боевом посту» (стенгазета краевого управления милиции – прим. Автора) ее главный редактор Рунушкин: «нет художника, нет бумаги для заголовков, нет красок, а также члены редколлегии в данное время как-то неактивно участвуют в работе...» [5].

Организационно-методическое сопровождение воспитательной работы в территориальных и транспортных органах милиции осуществлял политотдел ГУМ НКВД СССР. Проводились выезды на места, кустовые совещания начальников политотделов по обмену опытом, разрабатывались директивные письма и указания (например, следующей тематики: «О соблюдении принципов революционной законности»; «О поддержке паспортного режима»; «О политическом обеспечении работников ГАИ»; «Об осторожном обращении с оружием»; «О повышении бдительности и усилении борьбы со взяточничеством и злоупотреблением служебным положением»; «О повышении бдительности при приеме на работу»; «О борьбе с дезертирством из органов милиции»; «О проведении массово-политической работы в связи с переходом на ношение новых знаков различия, о строгом соблюдении сроков присвоения специальных званий, о приветствии личного состава Красной Армии») [13, с. 91-92].

Большое значение в воспитательной работе первичных парторганизаций придавалось разборам персональных дел сотрудников, допускаящих нарушения дисциплины, аморальные поступки в быту, утрату революционной бдительности и др.

Так, на партийном собрании партколлектива УМ НКВД Приморского края в начале 1942 рассматривалось дело Розенкова, который в 1940 г., использовал служебное положение для покупки капусты в личных целях. Также, будучи в 1941 г., направленным в с. Каменушка, для организации вывоза взрывчатых веществ, организовал со своими подчиненными пьянку, после чего ушел в лес на охоту, а его подчиненные уснули возле платформы с грузом. Кроме того, Розенков проявлял грубость и нетактичность по отношению к членам партбюро при разборе его дела; вел аморальный образ жизни: отправив свою жену в эвакуацию, женился на другой женщине. Решением партбюро Розенкову был объявлен выговор без занесения в личное дело [5].

Тем же партколлективом 22 мая 1945 г. рассматривалось дело Болотова, который в День Победы 9 мая, зашел в магазин купить вина, и, утратив бдительность, допустил кражу партбилета. Болотову был объявлен строгий выговор [5].

Одним из рычагов предотвращения морального разложения сотрудников милиции в быту была работа коммунистов-женорганизаторов. В их задачи входило проведение с женами сотрудников бесед, лекций, а также вовлечение их в общественно-массовую работу (например, починку брюк для военнослужащих РККА) [6]. Таким образом, к воспитанию милиционеров пытались подключить членов их семей.

Практиковались не только индивидуальные формы воспитательной работы, но и основанные на коллективной ответственности. Одной из таких коллективных форм являлись социалистические соревнования. Коллективы подразделений заключали общий договор, брали на себя обязательства по службе и учебе. Результаты соцсоревнований подводились ежемесячно, вывешивались на специальную доску, публиковались в газетах [6].

Осуществлялась практика индивидуальных обязательств, среди которых больше внимания уделялось военному делу и агитационно-пропагандистской работе [6].

Помимо работы на уровне партколлективов, воспитательные задачи также решались комсомольскими коллективами отделов и управлений, которые могли включать несколько комсомольских групп. Деятельность комсомольских организаций курировалась партийными органами данного подразделения милиции. Секретарями комсомольских коллективов были члены партии, которые регулярно отчитывались о своей работе партбюро.

Милиционеры-коммунисты несли ответственность за соблюдение комсомольцами трудовой дисциплины. Так, на партсобрании партгруппы Уссурийского областного управления милиции (февраль 1942 г.) отмечалось: «1 января 1942 г. имело место пьянки со стороны комсомольцев. А это свидетельствует о том, что коммунисты в конвойном взводе не ведут борьбу с пьяницами, разгильдяями и не укрепляют воинскую и трудовую дисциплину» [6].

В комсомольских организациях проводились собрания, читки, беседы, кроссы, культпоходы в кино, театры. Правда, как показывают архивные материалы не всегда регулярно. Комсомольские организации принимали активное участие во всех проводимых политических мероприятиях: в сборе денег и теплых вещей для фронта; отчислении денег в фонд обороны; подготовке новогодних подарков бойцам Красной Армии; сборе средств на постройку бронепоезда «Приморский Комсомолец»; в проведении денежно-вещевых лотерей [5].

Среди недостатков в работе комсомольских организаций отмечались: недостаточная политико-воспитательная работа среди комсомольцев; плохая организация работы, выражающаяся в срыве мероприятий, отсутствии планирования; плохо организованный учет членов организации (в списках числились выбывшие и исключенные комсомольцы); недостаточный контроль и помощь со стороны партийных организаций; недостаточная загруженность комсомольцев комсомольскими поручениями и отсутствие контроля за их выполнением [5].

Несмотря на имеющиеся недостатки в воспитательной работе, объективные сложности в работе и трудности материального плана, работники приморской милиции демонстрировали высокий патриотический дух. Так, в рамках государственного займа 1942 г. работники милиции Уссурийской области подписались на 328000 рублей (102% фонда месячной зарплаты), по г. Ворошилову – на 153325 рублей, по аппарату областного управления – на 69385 (103% фонда месячной зарплаты). «Среди личного состава не было ни одного товарища, который бы подписался ниже месячной зарплаты» [6]. На Первомайские подарки бойцам Красной Армии в 1942 г. коллектив областного управления милиции собрал 9044 рублей [6].

Подводя итог, следует сказать, что проводимая партийными и комсомольскими организациями воспитательная работа, безусловно, сыграла важную роль в поддержании служебной дисциплины, предотвращении нарушений законности, аморальных поступков в быту, сохранении высокого патриотического настроя среди сотрудников органов внутренних дел.

Проводимая в центре и на местах воспитательная работа позволила стабилизировать профессиональное ядро, способствовала укреплению дисциплины и законности среди личного состава милиции, повышению её авторитета среди населения. Это, в конечном итоге, позволило руководству политотдела ГУМ НКВД СССР сделать вывод «о здоровом политико-моральном состоянии личного состава милиции страны в годы Великой Отечественной войны» [8].

Милиционеры-коммунисты и комсомольцы должны были, согласно идеологии военных лет, стать авангардом коллектива, служить примером для подражания в служебной, общественной, личной жизни. Это означало возложение на них, помимо основных служебных обязанностей, задач политико-идеологического воспитания личного состава милицеевских коллективов (проведение агитационных мероприятий, выпуск стенных газет и т.д.). Однако объективные трудности военных лет часто просто не позволяли (не оставляли времени) выполнять на отлично и служебные задания и поручения партии (комсомола). А помимо этого нужно было показывать лучшие результаты на служебно-боевой подготовке, работать на коллективных и индивидуальных огородах, наконец, решать личные семейно-бытовые вопросы и т.д.

Нехватка времени к тому же усугублялась слабым материальным обеспечением. Поэтому не удивительно, что некоторые коммунисты и комсомольцы старались уклониться от воспитательной работы в коллективе. Сами поручения носили, в этой связи, принудительный характер, а чтобы усилить контроль за их выполнением, руководство партийных коллективов требовало составления планов и отчетов об их выполнении. Таким образом, воспитательная работа во многом начинала формализоваться, сводиться к своевременной отчетности. Формальный характер проявлялся, например, в чтении устаревших в политическом отношении довоенных лекций. Однако, в целом, система воспитательной работы в органах внутренних дел, при всех имевшихся ее недостатках, соответствовала требованиям времени и обладала немалой эффективностью.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Архив УМВД по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47.
2. Архив УМВД по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 60.
3. Бакшуттов С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицеевская школа в государственной системе профессионального образования (1918-2011 гг.): монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. – 226 с.
4. Беляева Н.А. Таможня в условиях войны: история, историография, источники // Уроки Второй мировой войны и современность: материалы II междунар. науч. конф. – Южно-Сахалинск: Изд-во Дальпресс, 2016. – С. 404-411.
5. Государственный архив Приморского края. Ф. П 347. Оп. 1. Д. 3.
6. Государственный архив Приморского края. Ф. П 561. Оп. 1. Д. 1.
7. Государственный архив Приморского края. Ф. П 702. Оп. 1. Д. 2.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 383.
9. Грачев А.В., Орнацкая Т.А. Провал планов японских и германских спецслужб против советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Краеведение Приамурья. – 2011. – № 1(14). – С. 34-49.
10. Ляскина Н.В. Деятельность милиции Приморья по противодействию преступности несовершеннолетних в 1941-1945г.г. (историографический обзор)// 300 лет на страже закона и правопорядка [электронное научное издание]: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С.68-72.
11. Некрытый В.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью: историографический обзор // Культурно-историческое наследие России

- и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 402-408.
12. Орнацкая Т.А. Деятельность 4 отдела Управления НКВД по Хабаровскому краю в первый период Великой Отечественной войны // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Дальневосточное общество в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.). – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 2013. – С. 51-55.
 13. Порфирьев Ю.Б. Органы внутренних дел Кировской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2000. – 245 с.
 14. Сонин В.В., Шабельникова Н.А. Особенности противодействия бандитизму на Дальнем Востоке России: исторический опыт // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1 (17). – С. 32-37.
 15. Суверов Е.В., Фризен П.Д. Истребительные батальоны на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 23. – С. 29-32.
 16. Суверов С.Е. Комплектование правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2015. – № 29. – С. 79-80.
 17. Ткачева Г.А. Дальневосточный регион в системе обеспечения национальной безопасности СССР в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.) // Неоконченная война – незаживающие раны: сборник статей международной научной конференции. – Владивосток: Из-во ООО «Рея», 2016. – С. 141-152.
 18. Усов А.В. Взаимодействие НКВД и Краснознаменной экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане (1930-1940 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: урок истории: материалы XXI Всеросс. науч. конф. – М.: Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018. – С. 219-225.
 19. Шабельникова Н.А. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // КЛИО. – 2019. – № 1. – С. 38-42.
 20. Шабельникова, Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы. – М.: Проспект, 2016. – 324 с.
 21. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е гг.): исторический опыт организации и деятельности : монография. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – 336 с.
 22. Шабельникова Н.А., Радько А.В. Организационно-тактические основы становления аппаратов уголовного розыска на Дальнем Востоке России // Актуальные вопросы совершенствования ОРД ОВД: сборник научных трудов / Под ред. Е.П. Кима и В.Н. Омелина. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2007. – С. 124-130.



Зайцев Роман Михайлович, аспирант

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН
zaitsevrn@gmail.com*

СТАНОВЛЕНИЕ КАМЧАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

УДК 93.378

Аннотация. В статье рассматривается создание и становление Камчатского государственного педагогического института. Рассмотрены причины и предпосылки создания института на территории Камчатки. Показаны проблемы, связанные со становлением и развитием вуза и пути их решения руководством вуза.

Ключевые слова и фразы: высшее образование, КГПИ, педагогический институт, история высшего образования, Камчатский государственный педагогический институт, Дальний Восток.

Roman Zaitsev, post-graduate student

*The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography
zaitsevrn@gmail.com*

THE FORMATION OF KAMCHATKA STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE

Abstract: In this article the author analyzes the creation and formation of the Kamchatka state pedagogical Institute, considers the reasons and prerequisites for the establishment of the Institute in Kamchatka, reveals the problems associated with the formation and development of the Institute and ways to solve them by The Institute management.

Key words and phrases: KGPI, higher education, Institute of education, history of higher education, Kamchatka State Pedagogical Institute, Far East.

Ускоренное развитие производственных сил Камчатки, начавшееся во второй половине XX века, к 1950-м сопровождалось увеличением численности населения полуострова, расширением сети культурно-просветительских учреждений и общеобразовательных школ. В регионе возникла острая потребность в собственных учительских кадрах, а также росте местной интеллигенции, что поставило вопрос о создании своего вуза. [1, с. 4]

Завершенное в 1956 году комплексное исследование по проблеме «Организационно-педагогические основы народного образования в специфических условиях Северо-Востока СССР» показало, что отсутствие педагогических вузов на Северо-Востоке являлось тормозом в повышении уровня учебно-воспитательской работы в школах. Оно порождало ряд негативных явлений. Ежегодный завоз учителей на договорной основе неминуемо порождал их отъезд по окончании срока договора.

Такая текучесть учительских кадров ежегодно вынуждала делать непроизводительные расходы огромных сумм государственных средств, а это влияло на качество учебно-воспитательной работы в школах и на общественную деятельность учительских коллективов, что в отдаленных населенных пунктах имело немаловажное значение [4, с. 441]. Созданию

института поспособствовало и то, что в январе 1956 года Камчатская область была выделена из состава Хабаровского края.

Учитывая сложившуюся ситуацию Совет Министров РСФСР 5 августа 1958 года принял постановление №897 об открытии в г. Петропавловск-Камчатском на базе педагогического училища первого на полуострове учебного заведения – Камчатского педагогического института [5, с. 2]. Одной из задач нового института стала подготовка учителей из числа коренных жителей Камчатки [1, с. 4]. Весь август и сентябрь шла активная подготовка к открытию вуза, шел набор преподавателей со всей страны, подготовка помещений и проведение вступительных экзаменов, а 15 октября 1958 года институт начал свою работу.

Свою работу институт начинал в составе трех факультетов: историко-филологического, физико-математического и факультета подготовки учителей начальных классов и четырех кафедр: истории КПСС, педагогики, русского языка и литературы, физики и математики. Контрольные цифры набора в первый год составили на три факультета 100 человек [3, с. 3].

Так как создавался институт на базе бывшего учебно-консультационного пункта Хабаровского педагогического института, то при институте было также открыто заочное отделение в составе исторического, филологического и математического факультетов. На 1–5 курсах заочного отделения занималось более 400 студентов-заочников, в основном учителей школ города Петропавловска и области.

1 января 1959 года было ликвидировано педагогическое училище в связи с тем, что подготовка учителей начальных классов осуществлялась теперь на специальном факультете пединститута, а обучавшийся контингент студентов был переведен в педагогический институт, для продолжения обучения по программам педучилища.

На 1 января в педучилище занималось более 100 человек, из них около 50 были представителями коренных национальностей (коряки, эвены, ительмены, алеуты), состоявших на полном государственном обеспечении. Таким образом, уже в первый год в институте обучалось более 600 человек [3, с. 3].

В первый год своей деятельности институт столкнулся с немалым количеством организационных проблем. Недостаток оборудования, книг, учебных пособий и самое главное - институт не был полностью обеспечен профессорско-преподавательским составом. При поддержке Министерства просвещения частично это отставание было ликвидировано. Из ликвидируемого Рыбинского педагогического института было прислано около 40 тысяч томов книг, также пединститут отправил оборудование для физкабинета.

Частично пробел заполнялся самостоятельной закупкой оборудования и учебной литературы. Только в первый год на закупку оборудования было затрачено 270 тысяч рублей [3, с. 3]. Заказанное из Москвы оборудование поставлялось крайне медленно, что создавало проблемы в учебном процессе [7, л.28]. А часть оборудования закрытого Рыбинского пединститута была или устаревшая, или пришедшая в негодность [6, л. 27].

На начало занятий собственного здания Камчатский педагогический институт не имел, и с 1958 по 1964 год занятия проводились в здании по ул. Набережная, д. 46. Институт занимал типовое школьное здание по ул. Ленинградской на 440 мест, в котором занятия проводились в 2 смены. Все кабинеты и лаборатории были созданы впервые. К концу первого учебного года были созданы: лаборатория механики и молекулярной физики, столярная мастерская, фотолаборатория, кабинет марксизма-ленинизма, кабинет педагогики, кабинет русского языка и литературы. Но все кабинеты нуждались в значительном пополнении учебного оборудования [6, л. 27].

Из-за крайне малой площади часть занятий проходила в коридорах, которые были переоборудованы под кабинеты. Кроме того, отсутствие помещений сдерживало развитие библиотеки, также отсутствует зал и клуб [7, л.28]. На момент своего создания институт имел 4 общежития, располагавшихся по ул. Ленинградской, 9, по ул. Красинцев, 1, 3, 5. Также имелся буфет, спортивный зал и сельскохозяйственный участок по ул. Красинцев [5, л. 107].

В 1960 году институт имел только 2 небольших общежития на 180 мест (общежития по ул. Красинцев были снесены в силу своей ветхости), 4 благоустроенных квартиры для преподавателей, и к концу учебного года почти все нуждающиеся в квартирах преподаватели были ими обеспечены [8, л. 30]. Если до 1961 года все студенты были обеспечены общежитием, то уже в 1961–1962 учебном году 30 иногородних студентов не получили общежития. Несмотря на материальные трудности, были созданы максимально комфортные условия, которые могли быть получены в зданиях барачного типа, но существовал недостаток мебели. Например, совсем не было шкафов.

Питание студентов до 1963 года было обеспечено путем прикрепления к столовой студенческого завода, на которую было много жалоб. В здании института находился буфет, но его ассортимент постоянно вызывал нарекания работников и студентов института. Также отсутствовал медицинский кабинет, что делало затруднительным медицинское обслуживание студентов [6, л. 28]. Не было у пединститута и своей спортивной площадки.

Вопрос строительства собственного здания пединститута и общежития был впервые поднят в 1959 году. Планировалось, что в 1960 начнется работа, а к 1962 году студенты смогут учиться в новом здании. Также планировалось строительство дома для преподавателей на 16 квартир [5, л. 15].

Вместе с созданием института была открыта институтская библиотека. На начало работы института она не имела своего книгохранилища, не было читального зала, также не хватало и учебной литературы. Недостаток литературы был восполнен с помощью вузов страны и Камчатской областной библиотеки. Интересно, что вместе с учебными пособиями и художественной литературой КГПИ получил около 300 книг, изданных в XVIII–XIX веках, что в дальнейшем составит основу ретро фонда библиотеки.

Свое помещение с книгохранилищем и читальным залом библиотека получила в 1964 году при переезде в новое здание института. Книжный фонд вырос до 110 тыс. изданий.

Только в 1964 году в строй входит новый учебный корпус общей площадью 3514,2 м². Функционировало 16 учебных кабинетов и лабораторий. Книжный фонд библиотеки составлял 75125 экземпляров учебной и научной литературы. В этом же году было построено здание студенческого общежития, рассчитанное на 440 мест, общей площадью 3495 м² [2, с. 38].

Комплектование кадрами института была одной из сложнейших задач. Часть преподавателей была принята в институт из числа учителей педагогического училища и школ города Петропавловска-Камчатского, часть из учебно-консультационного пункта заочного отделения Хабаровского педагогического института и несколько человек были приглашены из других вузов.

На начало первого учебного года количество преподавателей 14 человек, из них 3 доцента. Комплектование кафедр специалистами продолжалось на протяжении всего учебного года. Территориальная отдаленность, запоздалость открытия института, отсутствие квартир к началу учебного года не позволило укомплектовать вуз кадрами. Комплектование кадрами было закончено только во второй половине учебного года [6, л. 3]. С помощью конкурса удалось увеличить и штат преподавателей. К концу первого года работы в институте работало 30 преподавателей, из которых 10 имели учёные звания и степени [3, с. 3].

Кадровый состав преподавателей также был подвержен сильной текучести из-за удаленности региона, отработав 3-5 лет, преподаватели возвращались на материк [6, л. 10]. В связи с тем, что не все преподаватели имели опыт работы в высшей школе, шла постоянная работа по повышению квалификации. Проводились семинары, обмен опытом преподавания. Молодых преподавателей институт отправлял в целевую аспирантуру [6, л. 11].

В 1963 году количество преподавателей по штатному расписанию выросло до 65 человек [10 л. 2]. Уже в первом году было положено начало научно-исследовательской работе в институте. И.Н. Глушкина издала брошюру на тему: «Трудовой подвиг трудящихся камчатки в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Также был издан сборник, посвящен-

ный истории Камчатки, развитию народного образования, фольклору, обобщению педагогического опыта работы камчатской школы и т.д. [3, с. 3]. Несмотря на успехи в научной работе не все поставленные задачи были выполнены. Например, на кафедре русского языка из 5 методических пособий были подготовлены только 2 [5, л. 26].

Проведение набора в сентябре месяце сказалось на качественном составе абитуриентов, принятых на первый курс. План приёма был выполнен: на физико-математический факультет было набрано 50 человек, на историко-филологический – 25 человек и на факультет подготовки учителей начальных классов – 25 человек.

Однако первые сессии и практические занятия показал слабость студентов. Особенно слабая подготовка была по математике и русскому языку. Многие студенты имели низкий уровень общего развития и не обладали навыками самостоятельной работы [6, л. 10]. Отмечалась низкая грамотность 1/3 студентов. Для исправления этой ситуации планировалось создать программу повышения грамотности студентов на протяжении 5 лет обучения [5, л. 25].

Первые занятия показали, что необходимо обучать студентов, как работать в институте, как составлять конспекты, тезисы, как работать с книгой [5, л. 139]. Данная ситуация объяснялась двумя причинами: 1. Из-за сильной текучести кадров в школах Камчатской области преподавание отдельных дисциплин было поставлено крайне неудовлетворительно; 2. Лучшие выпускники школ поступили в другие вузы страны, так как набор в них проходил раньше и, наоборот, те, кто не поступил, стали студентами первого курса пединститута [6, л. 10].

Успеваемость зимней сессии 1959 года составила 73%. При этом процент студентов, сдавших предметы на «хорошо» и «отлично», очень низкий – 41% по институту. К летней сессии успеваемость несколько улучшилась, но продолжала желать лучшего. 81% студентов из 100 успешно сдали летнюю сессию. А количество оценок хорошо и отлично по институту выросло на 7%, достигнув 48% [6, л. 11].

В 1959 году на первый курс очного отделения было принято 125 человек, что на 25 человек больше приема 1958-1959 года. Всего к началу второго года в институте обучалось 812 человек [3, с. 3]. В 1959 году количественные показатели набора были достигнуты, но качественные, как и в прошлом году оставляли желать лучшего. Фактически прием прошел без конкурсного набора, отобрать подготовленную молодёжь не имелось возможности. Всего заявлений по факультетам: физико-математический – 61, историко-филологический – 45, факультет подготовки учителей начальных классов – 63 [7, л. 8].

Также произошло сокращение студентов и 1958 года набора. Причины сокращения контингента студентов были не только в неуспеваемости, но также и с тем, что семьи студентов уезжали с Камчатки после истечения сроков трудовых договоров или после демобилизации из рядов армии и флота. Отметим, что к летней сессии 1960 года произошел рост успеваемости студентов, он составил 86,1%, хотя процент студентов, сдающих экзамены на «хорошо» и «отлично» остался низким [7, л. 9].

К началу 1962–1963 учебного года КГПИ был полностью сформирован. В этом году в институте появились все курсы факультетов. Институт впервые сделал выпуск учителей, окончивших дневное обучение. На первый курс 1962 года было принято всего 150 человек. По 50 человек на каждый факультет.

Всего на начало учебного года на очном отделении обучалось 467 студентов, из них физико-математический – 178, факультет подготовки учителей начальных классов – 161, историко-филологический – 128. К концу учебного года количество студентов снизилось до 400 по факультетам: физмат – 153, начальных классов – 135, истфил – 112. Качественный состав студентов продолжал быть слабым. Процент успеваемости 85%. Процент отличников 6,6%, хорошо и отлично – 24,7% [9, л. 12]. Причиной низкой успеваемости являлась высокая учебная нагрузка студентов, на отдельных курсах доходившая до 38–40 часов в неделю [9, л. 30].

Еще одной причиной, по которой из института наблюдался отток студентов, была материальная, т.к. прожиточный минимум на Камчатке выше, чем в центральных областях СССР, а стипендии студентов были такими же. Для сохранения контингента студентов был предпринят ряд мер. Организовывались дополнительные занятия для неуспевающих, особо нуждавшимся оказывалась материальная помощь, при наборе на первый курс старались принять на учебу студентов, чьи родители постоянно проживают на территории Камчатки.

Первый выпуск института, состоявшийся в 1963 году по дневному отделению, составил: физмат – 35 человек, истфил – 12, начальные классы – 28. Т.е. принято было в 1958 году 100 человек, а выпустились – 75 человек. Все выпускники дневного отделения получили направления в школы Камчатской области [9, л. 31].

В первые годы своей работы заочное отделение института превалировало над очным, но внимание, уделяемое обучению заочников, было недостаточным. Контрольные работы, которые высылались заочниками по почте, не проверялись, что не позволяло студентам приступить к дальнейшему изучению программы, отсутствовала учебно-методическая литература, и часто к заочникам было негативное отношение на кафедрах. Консультации и занятия проводились с нарушениями, что вызвало недовольство студентов [5, л. 24]. Не все студенты заочники были во время сессии обеспечены нормальными бытовыми условиями [5, л.107].

На начало 1959 года всего на заочном отделении обучалось 538 человек из них на русском языке и литературе – 248, математике – 177, истории – 113. Задачей на 1960 год было принять 125 человек на 1 курс и 75 на 3 курс. Также в 1960 году планировалось принять первых студентов заочников по программе факультета начальных классов [8, л. 26]. 1 июля 1959 года сорок студентов заочников всех отделений получили дипломы об окончании вуза. Одновременно состоялся выпуск 45 студентов четвертого курса педучилища, которые были переведены в пединститут [3, с. 3].

Если к приему 1958 и 1959 года была проведена слабая подготовка, то к третьему приему были даны объявления в областной газете и по радио, через ОблОНО, направлены письма в школы области. Предпочтительной аудиторией для поступления считались учителя, имеющие образование в объеме учительского института. Еще одним методом привлечения студентов были беседы работников пединститута с коллективами школ, в которых им рассказывали преимущества обучения и правила приема [8, л. 27].

В 1959–1960 учебном году на первый курс заочного отделения было принято 117 человек, из которых 70 являлись учителями школ области. И зачислены 64 человека, окончившие ранее двухгодичные учительские институты [3, с. 3]. В 1960 году на заочное отделение было подано 228 заявлений, а зачислено было 123 человека [10, л. 28].

Несмотря на все сложности, стоявшие перед молодым вузом, к 1963 году Камчатский педагогический институт стал образовательным центром Северо-Востока России и мог успешно выполнять поставленные перед ним задачи по подготовке учителей для системы народного образования Камчатки.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Величко В. Кузница учительских кадров // Камчатская правда. – 1978. – № 238 (от 15.10). – Л.2.
2. Кисилева Т.Г. Библиотека КамГУ // Alma Mater. –2008. – №4. – С. 38-39.
3. Новиков Ю. Год работы // Камчатская правда. – 2016. –№226 (от 24.09). –Л. 3.
4. Севильгаев Г.Ф. Воспоминания доктора педагогических наук Г.Ф. Севильгаева об истории открытия Камчатского педагогического института // Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях 1740–1990. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство, 1994. – 501 с.
5. ГАКК ф. Р-612 оп. 1 д. 3

6. ГАКК ф. Р-612 оп. 1 д. 6
7. ГАКК ф. Р-612 оп. 1 д. 18
8. ГАКК ф. Р-612 оп. 1 д. 19
9. ГАКК ф. Р-612 оп. 1 д. 60
10. ГАКК ф. Р-612 оп. 1 д. 63



Иванов Викентий Евгеньевич

Аспирант Школы искусств и гуманитарных наук

Дальневосточный федеральный университет

Vikenty1994@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В 1985-1991 гг.

УДК 343.979(561.63) «1985/1991»

***Аннотация.** В статье на основе архивных источников и литературы рассматривается состояние и особенности противодействия преступности в Приморском крае в 1985-1991 гг. Обращается внимание на то, что значительное влияние на рост преступности в стране, в целом, и в Приморском крае, в частности, оказала специфика периода «перестройки». Широкомасштабные политические, экономические, социальные мероприятия, проводимые в период «перестройки» остались по существу не реализованными. Эти процессы усложняли оперативную обстановку в крае, способствовали повышению роста уголовной преступности, активизации организованным преступным формированиям. Делается вывод о том, что противодействие преступности велось, в основном, старыми бюрократическими методами, например путем создания новых силовых подразделений. В борьбе с наркоманией и алкоголизмом, как правило, использовалось привлечение к административной и уголовной ответственности, принудительное лечение.*

***Ключевые слова и фразы:** перестройка, Приморский край, уголовная преступность, организованные преступные формирования, наркобизнес, правоохранительные органы, методы противодействия.*

Vikenty Ivanov

Postgraduate at the School of Arts and Humanities

Far Eastern Federal University

Vikenty1994@mail.ru

CONDITION AND FEATURES OF COUNTERACTION OF CRIME IN PRIMORSKY REGION IN 1985-1991 YEARS

***Abstract.** The article is based on archival sources and literature examines the state and features of the fight against crime in the Primorsky Region in 1985-1991. Attention is drawn to the fact that the specificity of the «perestroika» period, in particular, has had a significant impact on the growth of crime in the country, in general, and in the Primorsky Region. Large-scale political, economic, social events held during the «perestroika» period remained essentially unimplemented. These processes have complicated the operational situation in the province, have contributed to the increase in the growth of criminal crime, activation of organized criminal groups. It is concluded that the counteraction to crime was conducted, mainly, by the old bureaucratic methods, for example, by creating new power units. In the fight against drug addiction and alcoholism, as a rule, administrative and criminal liability and compulsory treatment were used.*

***Key words and phrases:** restructuring, Primorsky Region, criminal crime, organized criminal groups, drug business, law enforcement agencies, methods of counteraction.*

В современном мире борьбе с преступностью уделяется большое внимание как в России, так и в других развитых странах. В отечественной историографии получили рассмотрение различные аспекты деятельности правоохранительных органов Приморья в различные исторические периоды, в том числе в период «перестройки» [1, с. 293; 8, с. 374; 12, с. 405].

Социальное самочувствие жителей Приморья в перестроечные годы было особенно сложным. Одним из факторов роста неудовлетворённости стало распространение преступлений. Особенно быстро увеличивалось количество убийств, покушений на убийство, нанесений тяжких телесных повреждений и изнасилований. В 1989 г. СССР занимал 6 место в мире по умышленным убийствам, смертность от убийств составляла 12,4 на 100 тыс. жителей, в РСФСР – 13,8. Для сравнения: во Франции этот показатель равнялся 1,1, в Германии – 1,0, в Англии – 1,04. Даже в Северной Ирландии, где в те годы шли кровавые столкновения, индекс количества убийств был почти в 3 раза ниже (4,72), чем в среднем по СССР. Хотя антиалкогольная кампания 1985–1987 гг. и дала ощутимые результаты (за 3 года количество преступлений снизилось почти на 60%, в т.ч. убийств, покушений на убийство, телесных повреждений, изнасилований стало меньше на 28,6%), с её окончанием преступность вновь начала расти, в Приморье с 1987 по 1991 гг. она увеличилась в 5,5 раза [13, с. 856].

Специфика противодействия преступности в крае состояла в том, что в 1985–1991 гг. преступность преимущественно складывалась под влиянием антиалкогольной кампании. Усиление антиалкогольного законодательства положительно сказалось на криминальной обстановке в стране в целом и в регионе в частности. В СССР с 1985 по 1987 гг. количество преступлений по линии уголовного розыска сократилось почти в 1,5 раза, а «пьяная» преступность – на 37,5%. Аналогичная картина была и в Приморском крае. Так, в 1985 г. по сравнению с 1984 г. количество зарегистрированных убийств в Приморье снизилось на 2,7% [10, с. 859]. Проводимые мероприятия (товарищеские суды, дни дисциплины, советы по профилактике правонарушений) способствовали снижению уровня преступности в 1986 году на 14,4%. Наиболее значительно были снижены тяжкие виды преступлений (-26,3%). Сокращение преступности зарегистрировано практически по всем видам преступлений за исключением изнасилований и разбойных нападений. Наполовину сократилось количество умышленных убийств. Почти на четверть уменьшилось число грабежей и квартирных краж [6].

Однако успех был временным. К концу перестройки руководство государства оказалось неспособно противостоять не только отдельным видам преступлений, но и преступности в целом [13, с. 859].

В 1988 году число зарегистрированных преступлений возросло на 11,8 процента и составило 26151. Отмечается рост преступности среди несовершеннолетних. На 25 процентов больше совершено преступлений на улицах. Более чем на треть увеличилось количество тяжких преступлений, в том числе умышленных убийств (с покушениями), с 354 до 474 тяжких телесных повреждений, с 151 до 152 изнасилований.

Значительно больше совершено разбойных нападений, грабежей, краж государственного и личного имущества граждан. Зарегистрировано 3440 краж из квартир, что на треть больше 1987 года. Слабо ведется борьба со спекуляцией, взяточничеством, обманом покупателей, с нарушением в кооперативной деятельности [5].

Чем же вызвано данное явление? А дело в том, что порожденный в период застоя правовой нигилизм, взгляд на право, как на инструмент принуждения, запрета, вольное обращение с законом, накопившееся проблемы в экономике и социальной сфере привели ко многим последствиям. В то же время широкомасштабные политические, экономические, социальные мероприятия, проводимые в период «перестройки», остались по существу не реализованными. Также не стоит забывать и тот факт, что на Дальнем Востоке, в том числе и в Приморском крае, было сосредоточено большое количество исправительных учреждений. Все эти процессы усложняли оперативную обстановку в крае. И как следствие, только за 1989 год в крае совершено свыше 26 тысяч преступлений, или на 11,8 процентов больше, чем ранее. Из

общего числа совершенных правонарушений почти 16 тысяч, или 60 процентов – это корыстные посягательства, в частности было обворовано 3,5 тысячи квартир. Почти 80 процентов лиц, совершивших преступление, были членами конкретных трудовых коллективов [9].

Также повышается уровень преступности среди несовершеннолетних. За девять месяцев 1990 года преступность среди несовершеннолетних возросла: в Кавалеровском и Спасском районах – в два раза, в Красноармейском – более чем в три раза.

По данным правоохранительных органов края, в 1988 году в приемники-распределители доставлены 1317 несовершеннолетних беспризорных, в 1989 – 1545.

Можно назвать много факторов, способствовавших росту детской преступности. В числе их неполные семьи, социальная незащищенность матерей-одиночек, алкоголизм, наркомания.

Но главная причина в другом: в пылу политической борьбы и в наступившем политическом и экономическом хаосе дети оказались никому не нужны [10].

Следователи при расследовании уголовных дел недостаточно выявляли взрослых организаторов преступлений. За 1985 г. Подростками в группах с взрослыми было совершено 456 преступлений, а к уголовной ответственности взрослых привлечено за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность 108 человек [2].

В период «перестройки» процветает черный рынок и теневая экономика, вызванные дефицитом товаров народного потребления. Попыткой борьбы с таким видом преступности стали законы «О государственном предприятии» (1987 г.) и «О кооперации» (1988 г.).

По мнению разработчиков, эти законы должны были сделать сбыт продукции легальным и привести к сокращению издержек. Но на практике произошло обратное: образовалась благоприятная среда для дальнейшего усиления позиций теневого сектора и, следовательно, дальнейшего роста корыстных, хозяйственно-корыстных и должностных преступлений в сфере экономики.

Легальность кооперативов и частной инициативы вместо снижения количества экономических преступлений привела к обратному результату. Вал таких преступлений в регионе продолжал нарастать. Только за 1989 год их увеличение составило 5% [11, с. 172].

В середине 1980-х гг. власть и общество начали осознавать наступление новой угрозы социальной стабильности и общественному порядку: стало наблюдаться увеличение численности людей, употреблявших и производивших наркотические средства. Это опасное явление быстро распространялось по всем регионам страны [7, с. 256].

В разы повышается употребление наркотиков среди несовершеннолетних и молодежи. В 1985 году выявлено более 500 подростков, употребляющих наркотические вещества, или в 1,8 раза больше, чем в 1982 году. В общем числе лиц, осужденных за преступления, связанные с наркотиками, 73 процента (свыше восьмисот человек) составляли молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет.

Из общего числа потребителей наркотиков, состоявших на учете, более 35 процентов являлись рабочими предприятий и организаций, совхозов, колхозов.

Также наркомания распространяется и в высшие слои общества. Имеются факты, когда на путь потребления наркотиков и связанные с ними преступления становятся отдельные члены партии и комсомольцы. Только за 1985 год было осуждено 5 членов КПСС и 207 членов ВЛКСМ.

Органами внутренних дел слабо осуществлялась работа по перекрытию путей проникновения лиц к местам произрастания конопли.

Данные органов здравоохранения и внутренних дел о количестве потребителей наркотиков не соответствовали фактическому положению дел. Почти 45 процентов лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершенные преступления, ранее в поле зрения милиции и медицинских учреждений не находились.

Правоохранительные органы, и прежде всего органы внутренних дел, не добились быстрого и полного раскрытия преступлений, связанных с наркотиками. Ими не всегда выявляются организаторы преступлений, источники приобретения наркотиков, лица, вовлекающие в наркоманию несовершеннолетних, законспирированные группы сбытчиков, в результате чего к ответственности в основном (около 80 процентов) привлекаются потребители наркотиков [3].

Начиная с 1987 г. уровень наркотизации населения в Приморском крае превышал аналогичные показатели по России в 3–4 раза, в 1990 г. в Приморье возбуждено 732 уголовных дела, в 1991 г. – 766. На учете в наркодиспансере на конец 1987 года состояло 930 человек (на конец 1986 г. – 788). Из них соответственно 416 и 305 наркоманы. В 1987 году отмечается рост числа лиц, страдающих наркоманией (1986 г. – 164 чел., 1987 г. – 168 чел.) Увеличилось количество несовершеннолетних наркоманов (1986г. – 263 чел., 1987г. – 269 чел.) (токсикомании – 1986г. – 30 чел., 1987г. – 42 чел [2].) Наглядно это отображает следующая таблица [5]:

Возбуждено уголовных дел	57
Привлечено к административной ответственности за хранение наркотиков в небольших размерах	61
В том числе повторно	9
Составлено протоколов на руководителей хозяйств за невыполнение решения райисполкома №131 по уничтожению конопли	36
В том числе повторно	1
Проведено рейдов, спец. мероприятий	82
В том числе совместно с ОКОД	61
Количество человек, участвовавших в рейдах	39
В том числе представителей ОКОД	25
Всего задержано в процессе рейдов и спец. мероприятий	312
В том числе военнослужащих	21

В борьбе с наркоманией власти использовали те же методы, что и в борьбе с алкоголизмом, – привлечение к административной и уголовной ответственности и принудительное лечение. Причем лечение осужденных было обязательным и проводилось в специальных колониях. Однако, несмотря на увеличение количества наркоманов в регионе, число привлеченных к уголовной ответственности снижалось. Органы правопорядка оказались не в силах противостоять столь широкомасштабному и губительному явлению. Завершающим актом в борьбе с распространением наркомании стало создание в 1991 г. в системе органов внутренних дел самостоятельной службы противодействия незаконному обороту наркотиков [7, с. 258].

Рост преступности заставлял руководство страны искать новые пути и методы борьбы, которые фактически являлись повторением прошлого советского опыта. Политическое руководство отреагировало на напряженную ситуацию созданием новых силовых подразделений. В 1987 г. были организованы подразделения специального назначения (спецназ). В октябре 1988 г. в структуре МВД СССР создали отряды милиции особого назначения (ОМОН), на которые возлагались задачи по охране общественного порядка, когда проводились общественно-политические, спортивные, культурно-зрелищные или другие мероприятия. Они должны были действовать и во время стихийных бедствий, эпидемий, крупных производственных аварий, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств, предупреждать причины групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков, участвовать в мероприятиях по задержанию вооруженных преступников [7, С. 261].

Таким образом, период с 1985 по 1991 годы характеризуется значительным повышением уровня преступности в Приморском крае. Политика гласности вынесла на повестку дня

такие виды преступности, как наркомания и организованная преступность (до этого неизвестные широкой общественности). Противодействие преступности велось, в основном, старыми бюрократическими методами, например путем создания новых силовых подразделений. В борьбе с наркоманией и алкоголизмом, как правило, использовалось привлечение к административной и уголовной ответственности, принудительное лечение.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Вачаев Н.А., Вихляева Г.Н., Шабельникова Н.А. Состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности предупреждения региональной преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 5–6 февраля 2004 г.). Часть 1. – Красноярск: РИО СибЮИ МВД России, 2004. – С. 292–295.
2. Государственный архив Приморского края Ф. П 68. Оп. 117. Д. 20.
3. Государственный архив Приморского края Ф. П 68. Оп. 117. Д. 254.
4. Государственный архив Приморского края Ф. П 68. Оп. 117. Д. 281.
5. Государственный архив Приморского края Ф. П 68. Оп. 117. Д. 293.
6. Государственный архив Приморского края Ф. П-3. Оп. 30. Д. 188.
7. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI вв.). Кн.1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / А.С. Ващук, А.Е. Савченко, Ю.Н. Ковалевская, Л.А. Крушанова, Е.В. Галенко, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, А.П. Коняхина. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 360 с.
8. Коровников П.В. Отечественный опыт противодействия организованным преступным группировкам // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 371–375.
9. Красное знамя. 2 февраля. 1989 г.
10. Красное знамя. 21 октября. 1990 г.
11. Крушанова Л.А. Экономическая преступность в России и её проявления на Дальнем Востоке (1985–1991 гг.) // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации. Сборник научных статей. – Владивосток, 2015. – С. 168–177.
12. Некрытый В.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью: историографический обзор // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 402–408.
13. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – 940 с.



Карелова Елена Викторовна, аспирант

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
elenavk-76@mail.ru*

Федирко Оксана Петровна, док. ист. наук, доцент, вед. науч. сот.

*Отдел социально-политических исследований
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
fedirko@ihaefe.ru*

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ МОДЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

УДК 378.09 (571.6)

***Аннотация.** В статье рассматриваются в качестве гипотезы две теоретические модели развития исторического образования на Дальнем Востоке, требующие дальнейшего изучения и осмысления.*

***Ключевые слова и фразы:** история, историческое образование, Дальний Восток, модель образования, общество.*

Elena Karelova, post-graduate student The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography
elenavk-76@mail.ru

Oksana Fedirko, D.Phil. in History
leading researcher of the Social and political studies department
The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography
fedirko@ihaefe.ru

THE QUESTION ON ALLOCATION OF MODELS OF HISTORICAL EDUCATION IN THE SOVIET FAR EAST

***Abstract.** In the article are considered in the spectrophotometer hypothesis download theoretical not the development of historical education in the Far East, requiring further study and reflection.*

***Key words and phrases:** History, Historical education, Far East, Model of Education, Society.*

Необходимость комплексного изучения истории исторического образования обусловлена сегодня, как и 20 лет назад, поиском оптимальной модели организации системы высшего образования, которая бы отвечала потребностям и государства, и общества. Несмотря на актуальность заявленной темы, следует отметить, что данная проблема в качестве основной рассматривалась в отечественной историографии лишь несколькими авторами.

Периодизация развития исторического образования в советской России была сформулирована в исследовании К.А. Ушмаевой [6, с. 92]. Автор выделяет четыре этапа, характери-

зующихся кардинальной сменой образовательной парадигмы системы подготовки историков, трансформацией структуры вузов, обновлением содержания и методики преподавания истории. Однако, учитывая специфические особенности развития Дальнего Востока, значительно повлиявшие на становление высшего исторического образования, можно дополнить критерии, положенные в основу данной периодизации.

Кроме того, в данной статье авторы предпринимают попытку сформулировать методологические подходы, положенные в основу формулировки моделей реализации высшего исторического образования на Дальнем Востоке.

Во-первых, необходимо выделить специфические особенности, повлиявшие на развитие образования в целом.

Главной из них было позднее возникновение учебных заведений высшего образования в связи с удаленностью и слабой заселенностью региона.

В 1918 г. произошло формирование первого структурного подразделения, ответственного за подготовку исторических кадров высшей квалификации. Летом 1918 г. во Владивостоке был создан Комитет по учреждению историко-филологического факультета (ИФФ). Его возглавил сотрудник Музея антропологии и этнографии Российской академии наук С.М. Широкогоров. Комитет проделал большую работу, занимаясь поиском денежных средств и подбором педагогических кадров, организацией приема студентов, разработкой основ учебного процесса. Уже осенью того же года во Владивостоке было объявлено о создании нового высшего учебного заведения – историко-филологического факультета [3, с. 3-12].

Первые занятия на факультете прошли в октябре 1918 г. Появление факультета оказалось значительным событием в общественной жизни не только города, но и всего дальневосточного региона. Но жизнь факультета оказалась недолгой. В связи с реорганизацией ГДУ в 1923 г. в структуре университета факультет не сохранился, часть его преподавателей продолжила свою работу уже на факультете общественных наук. Таким образом, период 1920-х – первая половина 1930-х гг., характеризующийся в общероссийской истории обновлением содержания и методики преподавания истории, был для Дальнего Востока упущен. В то время как на втором общероссийском этапе 1934-1945 гг. история возрождается в вузах в виде исторических кафедр и факультетов, на Дальнем Востоке происходит фактически создание исторического образования с нуля.

Еще одной особенностью Дальнего Востока в данный период является специфическая демографическая ситуация. Население региона формировалось за счет нескольких миграционных процессов, основой которых были в дореволюционный период крестьяне и рабочие. В 1930-1950-е годы к этой категории мигрантов добавились репрессированные, а с 1960-х годов до конца советского периода на смену репрессированных пришли сезонные рабочие или строители всесоюзных строек. Формирование тонкого слоя интеллигенции шло в дореволюционный период преимущественно за счет военных, большая часть которых эмигрировала после установления советской власти, а в более поздний период – за счет направляемых партией и комсомолом активистов, незначительной части добровольных мигрантов, осевших в регионе бывших заключенных, беженцев. Таким образом, достаточной базы для формирования профессорского преподавательского состава, который мог бы обеспечить развитие высшего исторического образования, в регионе не существовало. С этим связано и то обстоятельство, что историческое образование на Дальнем Востоке практически полностью (за исключением одного вуза) реализовывалось в структуре педагогических вузов.

К факторам, повлиявшим на развитие исторического образования в регионе, мы относим слабую сформированность региональной истории, скудность научных библиотек, отсутствие достаточной материально-технической базы высшего образования и другие региональные особенности.

Во-вторых, в рамках статьи мы стремимся указать критерии, которые легли в основу нашей концепции выделения моделей развития исторического образования в регионе.

Используя методологические выкладки И.А. Ильевой [2, с. 210], мы, скорректировав некоторые из её подходов, будем говорить о влиянии на историческое образование на Дальнем Востоке следующих показателей:

- функционировании государства и политики различных социальных групп, преследующих свои интересы;
- необходимости предвидения и предсказания будущего развития человечества в целом, что зависит от исторического времени, когда это делается;
- потребности в социальном воспитании, ибо социально-историческая память человечества, выступающая, как знание о прошлом, дает множество образцов социального значимого поведения;
- алгоритмов исторического познания в развитии образования в целом и высшего профессионального в частности.

Используя эти подходы, мы можем приступить к попытке формулирования моделей исторического образования, реализованных на Дальнем Востоке, проиллюстрировав их региональными особенностями.

Первая – раннесоветская модель, или модель элементарной профессиональной подготовки. Как нам представляется, эта модель просуществовала в регионе достаточно долго – вплоть до начала 1950-х годов, поскольку дальневосточная система исторического образования начала свое формирование лишь в 1930-е годы.

В 1930-е годы психология и педагогика были объявлены лженауками, а представители этих наук – врагами народа. Такой отказ от научных основ высшего образования непосредственно отразился на учебном процессе, который превратился в технократическое производство специалистов. Высшее образование было низведено до уровня элементарной профессиональной подготовки.

Новая модель исторического знания, основанная на марксистско-ленинской модели материалистического понимания истории и стадийной модели развития человечества, оказалась удачным инструментом распространения партийной идеологии, и структура исторического высшего образования пережила период возрождения.

Личность и студента, и преподавателя растворялась в интересах государственности. Руководство деятельностью высшей школы сосредоточилось в руках ЦК ВКП (б).

Советская власть, исходя из идеи необходимости политехнического образования для обеспечения ресурсами растущей промышленности, по плану первой пятилетки создавала в стране новые вузы, а прежние, такие как ГДУ, подвергались разукрупнению. Высшее образование должно было быть избавлено от неблагонадежных элементов (прежде всего непролетарского происхождения) путем «чисток».

В годы войны, когда идеологическая работа по патриотическому воспитанию населения опиралась на славные страницы истории государства, историческое образование получило новый импульс к развитию. В 1943 г. был создан Педагогический институт во Владивостоке, где существовал исторический факультет. Тем не менее, высшее историческое образование вернулось только в качестве педагогического, и лишь в некоторые вузы. Для потребностей же школ в педагогических кадрах существовали учительские институты, которые не давали высшего образования и готовили учителей для работы в 5–7-х классах.

Большую часть данного периода развития исторического образования на Дальнем Востоке ознаменовала ожесточенная борьба с инакомыслием. Данную политику проводила партийная и комсомольская организации вуза. Педагогов и студенческий актив заставили включиться в борьбу за усиление классово-бдительности. Кафедры обязали повторно рассмотреть учебные программы, обращая особое внимание на содержание курса с точки зрения партийности. Усилился контроль преподавания со стороны администрации. Кафедрам пришлось включить в планы работы взаимное посещение занятий в разных группах, проведение «открытых» лекций и практических работ с обязательным последующим их разбором на ка-

федре. В студенческих группах организовывались производственные совещания, которые должны были помочь вскрыть недостатки в содержании и организации преподавания. Как и во всех других учебных заведениях государства, сотрудники были обязаны придерживаться курса на упрочение марксистско-ленинских принципов во всей учебной и воспитательной работе, а любые отклонения от них подвергались суровому осуждению.

«Краткий курс» на долгие годы определил содержание преподавания истории партии во всех учебных заведениях и в системе партийного просвещения. Каждое его слово, каждое положение излагались и воспринимались как истина в последней инстанции, что неизбежно вело к догматизму и начётничеству, как в преподавании, так и в изучении истории партии. Никто из исследователей не смел выйти за пределы канонов, внести что-то новое в «окончательные» формулировки [4, с. 56].

В послевоенный период продолжился процесс становления системы высшего исторического образования. Одной из сложнейших задач послевоенного времени было комплектование институтов квалифицированными кадрами. Для преподавания приглашались выпускники центральных вузов или преподаватели школ, педагогических училищ. Зачастую Педагогические институты открывались либо на базе учительского института, либо на базе педагогического училища.

Вторая – позднесоветская модель, или модель предания историческому образованию идеологических функций.

Эта модель реализовывалась в период после отставки Хрущева вплоть до перестройки. Изменение идеологической парадигмы повлияло на усиление идеологического диктата в общественно-политической жизни. В принятом в августе 1967 г. постановлении ЦК КПСС о мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве от работников общественных наук требовались принципиальность и твердость в борьбе против «империалистической» идеологии, против «буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма» [3, с. 241].

Фактически, с конца 1960-х годов история становится проводником «воли партии», а следовательно, получение исторического образования автоматически открывало выпускникам возможность доступа к партийным должностям. В связи с этим в ходе реализации данной модели происходит развитие и усложнение форм получения высшего исторического образования. В конце 1960–1970-х годов в СССР создаются новые и вновь открываются ранее закрытые гуманитарные факультеты, идет отделение исторических факультетов от филологических, наблюдается рост контингента студентов, в том числе и на заочной форме обучения. В методологии исторических дисциплин отмечается формирование научных школ, тенденция к созданию коллективных фундаментальных трудов.

В целом общесоюзные тенденции были характерны и для дальневосточного региона, однако в рамках этого периода наблюдались специфические особенности.

На Дальнем Востоке СССР к концу 1960-х годов завершился процесс открытия педагогических вузов. Всего было открыто по одному педагогическому институту в областных/краевых центрах, входящих территориально в Дальний Восток. В структурах каждого педагогического института имелись исторические или историко-филологические отделения.

Исключением был ДВГУ – единственный университет в регионе, обучение в котором носило академический характер и не ставило задачу подготовки педагогических кадров.

В 1959 г. на исторический факультет ДВГУ впервые были приняты 25 студентов-правоведов. Открытие правоведения и стремление партийных органов повысить идеологическую и воспитательную функцию гуманитарной отрасли знаний привело к реорганизации историко-филологического факультета. Его разделили в 1958 г. на два факультета: филологический и историко-правовой с двумя специальностями: «история» и «правоведение» [1, с. 182]. В 1970-1980-е годы исторический факультет ДВГУ становится главной кузницей кадров историков для всего Дальневосточного региона.

Для системы высшего исторического образования региона был характерен сильнейший дефицит остепененных педагогических кадров, преодоление которого решалось за счет открытия аспирантур и направления выпускников для целевого обучения в аспирантуре в столичных университетах.

С другой стороны, выпускники исторических факультетов были высоко востребованы на Дальнем Востоке и не всегда в системе образования, в связи с чем контрольные цифры набора для абитуриентов, выбравших профессию историка/учителя истории, все время повышались.

Таким образом, анализ реализации второй модели исторического образования требует взвешенного подхода современного историка вследствие своей неоднозначности. С одной стороны, система исторического образования получила мощный импульс для активного развития – формируются новые образовательные центры, научные кадры высшей квалификации формируют научные школы, наблюдается стабильный интерес в обществе к истории и педагогике. Однако, с другой стороны, диктат партийных органов, господство концепций «краткого курса» выхолащивали историческое знание, ставили историческое образование на службу идеологическим органам.

Предложенные периодизация и модели высшего исторического образования Дальнего Востока носят характер гипотезы и требуют дальнейшего уточнения и корректировки. Однако они показывают преемственность поколений историков и образовательных структур в регионе. Несмотря на проблемы каждого периода, историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке заложили солидную научную, организационную и техническую базу для современных высших учебных заведений, которые осуществляют подготовку современных кадров высшей квалификации.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 704 с.
2. Ильева И.А. Методологические подходы к истории высшего образования в России и перспективы его развития в XXI веке // Экономика. Общество. Человек: Межвузовский сборник научных статей. – Белгород, 2015. – С. 205–214.
3. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 14 т. / Под ред. К. У. Черненко, А. Г. Егорова. Т. 11. – М., 1980. – 340 с.
4. Пряникова В.Г., Равкин З.И. История образования и педагогической мысли. – М., 1995. – 160 с.
5. Терехов А.Н. Система исторического образования в России: специфика эволюции в XX в. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 1(17). – С. 51–61.
6. Урмаева К. А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России (20–90-е годы XX века). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск, 2011. – 562 с.



Киселев Андрей Леонидович, магистрант
Институт филологии, истории и востоковедения
Сахалинский Государственный Университет
and94859610@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТИИ ОТДЕЛЕНИЙ ЯПОНСКИХ БАНКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В 1918-1919 ГГ.

УДК 908, 93/94.

Аннотация. В статье рассматривается попытка Японии, используя ситуацию, сложившуюся в России в период революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны, внедриться в экономику Дальнего Востока путем открытия своих банковских учреждений для внедрения в экономику края собственных специальных денежных знаков и вытеснения местной валюты, с целью дальнейшего захвата данной территории под свою юрисдикцию.

Ключевые слова и фразы: Япония, банки, Дальний Восток, интервенция.

Andrey Kiselev, graduate student
Institute of Philology, History and Oriental Studies
Sakhalin State University
and94859610@yandex.ru

ON THE ISSUE OF OPENING BRANCHES OF JAPANESE BANKS IN THE FAR EAST IN THE PERIOD OF FOREIGN INTERVENTION IN 1918-1919

Abstract. The article deals with the attempt of Japan, using the situation in Russia during the Revolution of 1917 and the subsequent Civil war, to infiltrate the economy of the Far East by opening its banking institutions for the introduction into the economy of the region of its own special banknotes and the displacement of the local currency, in order to further capture this territory under its jurisdiction.

Key words and phrases: intervention, Japan, banks, Far East.

В 1918 году после прошедшей революции, в результате которой к власти пришли большевики, в России началась Гражданская война, охватившая всю территорию страны. Воспользовавшись сложившейся ситуацией и хаосом, происходящим в России, коалиция иностранных государств в составе США, Англии, Франции, Италии, Японии, Китая, Сербии, Румынии и Польши высадила свои вооруженные отряды на дальневосточной российской территории, преследуя каждая свои интересы. Началась военная интервенция на русском Дальнем Востоке. Среди указанных государств особо выделялась Япония, вооруженные отряды которой одними из первых¹ высадились на территории России и последними покинули её².

Проведенная интервенция внесла большие коррективы в существовавшую в то время систему построения экономики и банковского дела на Дальнем Востоке. Ситуация с ино-

¹ В апреле 1918 года во Владивостоке высадились подразделения английской и японской армии.

² Официальной датой считается – 25 октября 1922 г., когда японские войска покинули Владивосток. Но фактически был оккупирован Северный Сахалин. После длительных переговоров 20 января 1925 года в Пекине была подписана советско-японская конвенция об установлении дипломатических отношений. К 15 мая 1925 года Япония обязалась вывести свои войска с Северного Сахалина.

странными банками в России после революции 1917 г. складывалась далеко не в их пользу. Вопрос об открытии в России отделений иностранных банков всегда вызывал отрицательное отношение со стороны правящих сфер и представителей торгово-промышленных кругов. При тогдашней экономической отсталости и постоянной напряженности финансов, недостаточно окрепшем банковском строе, деятельность иностранных банков, вооруженных и дешевыми капиталами и более совершенной организацией и мировыми связями, значительно подорвала бы российские финансовые учреждения. Кроме того, все понимали, что иностранцы получили бы возможность через свои банки выкачивать из России наши ценные богатства. По этим соображениям министры финансов С.Ю. Витте¹, В.Н. Коковцев² и П.Л. Барк³ не давали разрешений на открытие отделений иностранных банков. Исключение было сделано для банка «Лионского кредита» на основе ходатайства об этом французского правительства и того обстоятельства, что этот банк не занимался чисто депозитно-учетными и трейдерскими делами. Кроме того, «Лионский кредит» оказал российскому правительству большие услуги по реализации государственных займов. Только после мартовской Революции, когда во главе министерства финансов стал такой государственный «младенец», как М.И. Терещенко, занимавший до этого четыре года пост управляющего конторой петроградских императорских театров по отделу билета, американцам удалось получить разрешение на открытие отделений национального Нью-Йоркского банка в Петрограде и в Москве. История этого разрешения довольно шумела в свое время в Петрограде. Стало известно, что главную роль в получении концессии сыграл чиновник кредитной канцелярии В.В. Розенберг, получивший за это от американцев 100.000 долларов и подсунувший документы для подписи наивному и безграмотному в финансах М.И. Терещенко. Впоследствии этому чиновнику ввиду разразившегося большого скандала пришлось уйти из кредитной канцелярии и перебраться в совет съездов акционерных банков, но разрешение уже было выдано, а аннулировать его считалось по тем временам невозможным. Да и не до этого было кабинету А.Ф. Керенского⁴. Во время управления министерством финансов покойного А.И. Шингарева, а потом профессора М.В. Бернацкого⁵, поступил ряд ходатайств иностранных банков о разрешении им открыть свои отделения в России, таких ходатайств, которые и были отклонены министрами. Прецедент с американским банком вызывал всегда неприятные разговоры с лицами, домогавшимися концессий. Понятно, что и в настоящий момент иной точки зрения на этот вопрос быть не может. Положение русских банков после революции и разгрома центральных учреждений и большинства крупных банковских отделений было крайне тяжелое. Государству пришлось выполнить героическую работу по воссозданию частного банковского аппарата и снабдить это соответствующими средствами. Этот процесс требовал напряжения и мобилизации всех финансовых и экономических сил.

¹ Граф Сергей Юльевич Витте (17 (29) июня 1849 – 28 февраля (13 марта) 1915) – русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–06), председатель Совета министров (1905–06).

² Граф Владимир Николаевич Коковцев (6 (18) апреля 1853 – 29 января 1943 года) – русский государственный деятель, министр финансов в 1904–1905 и 1906–1914 годах, председатель Совета министров Российской империи в 1911–1914 годах. Действительный тайный советник.

³ Пётр Львович (Людвигович) Барк (6 (18) апреля 1869 – 16 января 1937) – российский государственный деятель, видный государственный банкир, управляющий Министерством финансов (с 30 января 1914 года), тайный советник (с 1 января 1915 года), член Государственного Совета (с 29 декабря 1915 года), последний министр финансов Российской империи (с 6 мая 1914 по 28 февраля 1917 года).

⁴ Керенский Александр Фёдорович (22 апреля (4 мая) 1881 года – 11 июня 1970) – российский политический и государственный деятель; министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917).

⁵ Бернацкий Михаил Владимирович (6 (18) октября 1876 – 16 июля 1943) – российский учёный-экономист. Министр финансов Временного правительства (1917).

Все понимали, что если на территорию России будут допущены отделения иностранных банков, то русское банковское дело рискует совершенно погибнуть. Ибо при существующем недоверии широких масс к русским банкам и поколебленном событиями банковском престиже все капиталы потекут в кассы иностранных банков, которые получают возможность нашими же русскими деньгами занять наиболее выгодные места в экономической жизни, и русским банкам останется только закрыться. Начало деятельности «Националь-Сити банка» в Петрограде и Москве, стянувшего все русские капиталы в свои кассы, нажившего уже в первые месяцы громадные миллионы на валюте, а также работа некоторых банков во Владивостоке, сумевших здесь, без своих капиталов – на деньги русских вкладчиков, в первые же месяцы заработать миллионы, подтверждают наши справедливые опасения насчет опасности, которая угрожает России в результате деятельности иностранных банков [3, с. 1-2].

В этот непростой для Дальнего Востока период, 02 августа 1918 года японским правительством официально заявлено об отправке японского экспедиционного корпуса в Сибирь. И уже 12 августа японская дивизия прибыла во Владивосток [11, с. 3]. Япония заранее подготовилась к высадке своего военного десанта на Дальнем Востоке. Так, 29 июля 1918 года, за 4 дня до официального заявления об отправке экспедиционных войск, правительство Японии отправляет в отделение банка Кореи в Даляне военные чеки на сумму 1000000 иен и деньги на сумму 100000 иен для оплаты военных расходов экспедиционного корпуса в Сибири. Кроме того, отдается указание о подготовке облигаций банка на сумму 300000 иен для обмена на военные чеки [3, с. 20].

Фактически для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке в Японии был принят закон о выпуске бумажной денежной иены для русского и корейского населения в Приморье. Это являлось открытой попыткой нанести удар по экономической независимости региона, установить свой контроль над рынками трех областей: Приморской, Сахалинской и Камчатской [6, с. 137].

Преследуя свои экономические интересы и в целях реализации заранее разработанного плана по установлению контроля и эксплуатации природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока под названием «Проект устройства промышленных предприятий в Сибири» Япония, под прикрытием многочисленных вооруженных отрядов, начала наступление на и без того ослабленную экономику Дальнего Востока. Первое с чего начали японцы, это вытеснение российского рубля и замещение его специально выпущенными для этого денежными знаками. Но для быстреего введения этих дензнаков в оборот одних вооруженных отрядов было мало. Для этого требовались банковские учреждения.

До 1918 года деятельность иностранных кредитных организаций в регионе была не столь заметна. Задолго до революции поднимался вопрос об открытии в области филиалов зарубежных банков, однако эта идея была категорически отвергнута [10].

В октябре 1918 года газета «Далекая окраина» сообщала: «Русско-японский банк предполагает открыть ряд отделений в городах Сибири. Также находятся в стадии организации два акционерных общества с капиталом, исчисленным в сотни миллионов иен, которые захватят в свои руки экспорт всей мануфактуры, галантерейных и фармацевтических товаров» [5, с. 133]. В заметке речь, скорее всего, шла о «Чосен банке», который фактически уже действовал на Дальнем Востоке и расширял географию своих отделений и обменных пунктов. Вот что писали местные газеты о деятельности иностранных банков на Дальнем Востоке. «В течение последнего времени во Владивостоке, для завоевания русского рынка и для более тесного общения с русскими коммерсантами, открылся целый ряд банков. В ближайшем будущем предполагается быть открытыми еще и другие. Пока что, французский, японский и американский капитал представлены здесь. Каждый из них открыл по два следующих банков, которые развивают большую деятельность с валютой и аккредитивами: индо-китайского банка, промышленный банк Китая (директор г. Бертье), Гонгонская и Шанхайская банков-

ская корпорация, национальный банк города Нью-Йорка в доме Кунст и Альбертса, «Йокогама Спешу Банк» и в будущем корейский банк» [1, с. 1].

История появления отделения «Чосен Банка» во Владивостоке сложилась следующим образом. С 1860 года началось морское сообщение между портами Владивосток и Нагасаки. Русские корабли стали периодически заходить в японский порт и оставаться в этом порту на зиму. После чего вследствие открытия данного морского пути в Приморье начало приезжать много японцев. В дальнейшем в 1874 г. во Владивостоке было открыто торговое представительство Японии [11, с. 16-17].

С 1897 г. в Приморье при японском торговом доме «Сугиура сётэн» стала действовать банкирская контора, а в 1907 г. как отделение Восемнадцатого банка г. Нагасаки во Владивостоке начала свою работу банкирская контора Мацуда (как сообщает другой источник после русско-японской войны это отделение банка «18» в июле 1908 г. купил банк Мацуда. Он оказывал финансовые услуги русским пленным, которых оказалось много в японских городах Нагасаки и Сикоку. Оказывались в том числе услуги по денежным переводам от родственников в России пленным в Японию) [11, с. 16-17]. В сферу деятельности банковской конторы входили обмен рублей на японские иены и финансирование экспорта соевых бобов из Маньчжурии, что приносило конторе большую прибыль [10].

Со временем по данным японских исследований [11, с. 16-17] правительство Российской империи разрешило отделению банка Мацуда во Владивостоке вести свою деятельность по открытию вкладов граждан России (подтверждения данной информации в российских источниках нет). В марте 1916 года «Чосен Банк» купил отделение банка Мацуда во Владивостоке планируя использовать его как базу для продвижения в Сибирь [11, с. 17]. Воспользовавшись происходящим революционным хаосом и Гражданской войной в России «Банк Кореи» начал свое движение на север. Имея на тот момент 16 отделений в Маньчжурии, начиная с Далянь и далее по маньчжурской железной дороге [11, с. 16]. Как сообщают японские исследования [11, с. 17] в феврале 1919 г. отделение «Банка Кореи» во Владивостоке получило разрешение на деятельность от главы Сибирского правительства Колчака в Омске. Но подтверждения данный факт в российских архивах также не нашлось.

Итак, в 1919 г. отделение банка Мацуда во Владивостоке переименовано во Владивостокское отделение «Чосен-банка» [10]. О данном событии вначале 1919 г. осторожно в своей заметке известила владивостокская газета «Эхо»: «Владивостокское отделение банковской конторы С. Мацуда закрыта и вместо нее теперь начал функционировать Чосен Банк» [7, с. 1]. Число служащих во главе с начальником отделения во Владивостоке составило 16 человек. Они проводили в жизнь подготовленные руководством «основы политики Банка Кореи в России» [11, с. 20]. Еще ранее, с декабря 1918 года, во Владивостоке открылось отделение японского банка «Сёкин Гинко» [11, с. 17].

Стоит отметить, что японские банки были не единственными, начавшими свою деятельность в крае одновременно с приходом интервентов. Уже к марту 1919 года количество имеющихся во Владивостоке иностранных банков значительно превысило число русских частных банков. К тому времени были открыты и работали: японский банк Мацуда, французский Индо-Китайский банк, английский Гонконгский, французский Китайско-Промышленный банк. Кроме того, в скором времени должны были открыться отделения: японского Йокогама-Спешу банк, Канадского банка, одного из американских банков. Таким образом, во Владивостоке работало 7 банков. Русских из них было всего 4. Иностранные банки вели операции исключительно по продаже и покупке валюты. Товарными и промышленными делами намеревались заняться только Промышленный Китайский банк [2, с. 3].

К первым числам мая 1919 года во Владивостоке уже действовали и производили банковские операции следующие отделения иностранных банков: Китайский промышленный банк (французский), Гонконг-Шанхайский банк (английский), Спешу банк в Йокогама

(японский), Националь-Сити банк Нью-Йорк (американский), Мацуда Банк (японский)¹, канадский государственный банк, Индо-Китайский банк (французский) [3, с. 1-2].

Наиболее полное описание ситуации, сложившейся в регионе, содержится у служащего Корейского банка г. Цуцуми. Он, вернувшись из командировки в Сибирь, сделал сообщение об экономическом положении: «... обращающиеся в Сибири русские деньги самого различного характера. После политического переворота, за недостатком соответствующей бумаги, необходимой для изготовления кредитных билетов, были выпущены в ход двадцатки и сороковки, а затем еще и купоны займов, и гербовые марки. Большевистское правительство выпустило свои бумажки в 10, 5 и 1 руб. и в 50 коп. Изготовление их было вызвано недостатком во вспомогательных деньгах. Больше всего бумажных денег было в обращении к востоку от Байкала, где общее количество их достигало до 36-37 миллионов рублей. Они еще и теперь в моде. Разговоров о восстановлении нормального денежного обращения раздается много.

Японские военные денежные знаки и боны Корейского банка, по словам г. Цуцуми, были предназначены не для того, чтобы изгнать с сибирского экономического рынка русский рубль, а для восполнения недостатка во вспомогательных деньгах. В скором времени во Владивостоке, Чанчуже и Харбине будут устроены в банках сейфы, и, может быть, это принесет некоторую пользу. К востоку от Байкала раньше действовали лишь российские и сибирские торговые банки, но после начала войны во Владивостоке были открыты отделения Московского народного и других банков. Из банков, контролируемых большевистской властью, по словам г. Цуцуми, следует отметить Владивостокские, Никольский и Харбинские. Остальные играли роль небольших контор. Вклады из них были вынуты, выдачи не превышали 250 рублей, за ссуды взималось по 12-13%.

Недавно во Владивостоке открылись английское французское, индийское и китайское банковское отделения. Между ними началась свободная конкуренция, придавшая Владивостоку впечатление китайского Шанхая. В Сибири недостает, главным образом, мануфактурных товаров и предметов продовольствия. Цены на них колеблются, в зависимости от местности. Минимальной цены не установлено. Курс самый невообразимый» [8, с. 2].

Ввиду всего этого, он «признавал необходимым, чтобы японские капиталисты ссудили Сибирь своими капиталами, что он считает одним из средств оказания помощи стране. К востоку от Байкала порядок восстанавливается и успокоившееся население, без всякого сомнения, примет за прерванную хозяйственную деятельность. Но этому японские капиталисты финансовую помощь, по мнению г. Цуцуми, окажут действительную помощь» [Там же].

История открытия всех иностранных банков во Владивостоке довольно интересная. Воспользовавшись моментом, когда фактически власть во Владивостоке осуществлялась представителями иностранных держав и лишь номинально была власть верховного уполномоченного, иностранные банки почти явочным порядком открыли здесь свои отделения.

Представитель финансового ведомства во Владивостоке (бывший директор иностранного отделения кредитной канцелярии) уже «post faktum» сообщил в центральное управление финансов о выраженном им невольном согласии на открытие иностранных банков во Владивостоке. Причем сообщалось, что будто бы от всех этих банков была отобрана подписка в том, что они обязуются подчиняться всем узаконениям, существующим в России и касающимся деятельности банков.

Как впоследствии оказалось, такие подписки и не были отобраны, ибо на запрос особой канцелярии по кредитной части в канцелярию верховного уполномоченного о присылке подлинных подписок, последняя ответила, что до сего времени была отобрана только одна подписка от доверенного банка «Koyal Kanada» [3, с. 1-2].

¹ Фактически это был «Чосен Банк».

Владивостокский биржевой комитет высказал протест против выпуска японским правительством в Сибири особых военных денежных знаков. На что японские сферы высказались следующим образом:

1. Вопрос о том, нарушаются ли суверенные права России выпуском в обращении в Сибири японских военных бон, подлежит ещё обсуждению. Японское правительство, как и другие, признает, что то или иное государство не может вводить в другой стране свои кредитные билеты без согласия последней. Но если остановиться на факте отправки в Сибирь союзного экспедиционного корпуса, возникшего вследствие крайнего осложнения международного права, этот факт представляет собой из ряда вон выходящее явление. В точно таком же духе следует рассматривать и вопрос о выпуске японских военных денежных знаков. К выпуску этих знаков, конечно, необходимо прибегнуть в зависимости от фактической возможности или целесообразности его в данный момент;

2. Пользоваться русскими бумажными рублями вместо японских военных денежных знаков невозможно. К тому же покупка русского бумажного рубля и внезапное повышение его стоимости ненадежно и весьма неблагоприятным образом отразилось бы на экономическом положении самой России;

3. Японское правительство, прибегая в Сибири к выпуску военных денежных знаков, как к одному из наиболее надежных средств денежного обращения на театре военных действий далеко, конечно, от мысли обратить их в постоянное орудие обмена. Оно оказалось вынужденным лишь временно прибегнуть к этому средству под давлением положений вещей в данный момент. К тому же в мелких сделках оно в настоящее время рассчитывается русскими бумажными рублями. Впрочем, если будет придумано лучшее платежное средство, то японское правительство никогда не откажется принять его;

4. По мнению японских правительственных сфер, заинтересованные круги российского общества признают невозможность покупки русских бумажных рублей, как не имеющих определенной ценности. Японские военные денежные знаки введены в силу необходимости, вызванной современными обстоятельствами. В целях же облегчения и ускорения размена их на японскую монету учреждаются японские банки. Японское общество надеется, что русский народ поймет всю настоятельную необходимость этой меры. Японии нелегко было послать в Сибирь свои войска, и оно совершенно не имеет ни малейшего намерения нанести оскорбление чести русского народа и, безусловно, выведет свои войска обратно, как только, совместными с русским народом усилиями будет восстановлен порядок в Сибири [4, с. 2].

При активном участии иностранных банкиров и их местных отделений проводился лаж с керенками и романовскими, спекуляция рублем и искусственным повышением иены и доллара. Работа иностранных банков стала носить исключительно спекулятивный характер, страшно вредящему российскому государственному кредиту и укреплению денежного строя. Как писала местная пресса: «Нормальных банковских дел теперь нет» [3, с. 1-2].

Вот что писала газета «Русский экономист»: «Вряд ли такая деятельность банков может пользоваться охраной и покровительством государства, заинтересованного в восстановлении нормального товарообмена и народного хозяйства в России. И мы вправе пожелать, чтобы правительством были бы приняты безотлагательные меры к введению деятельности иностранных банков в русло законных норм, действующих на территории России. И поэтому энергичное вмешательство министерства финансов, и незамедлительное опубликование обязательного постановления с перечислением целого ряда пунктов, регулирующих деятельность иностранных банков в России и истребование от них отчетов, и чему их обязывает наш кредитный устав и международное право является более, чем необходимым и своевременным.

Мы отдаем себе отчет в тех трудностях международного характера, которые возникают при принятии против иностранных банков соответствующих мер. Господа, управляющие Владивостокских отделений иностранных банков, по-видимому, не склонны считаться с на-

шими русскими законами и считают себя в положении экстерриториальности. Мы, однако, не разделяем такой точки зрения ... Владивосток не «вольный» город, где действуют международная юрисдикция и консульские суды. Владивосток русский город, где действуют в полном объеме русские законы...

Наши союзники и, в частности Франция, Англия и Япония, помогающие Омскому правительству в его борьбе с советской властью, не откажут нам, надо надеяться, в нашем законном праве настаивать на исполнении русских законом иностранными банкирами на нашей территории. Они не будут покровительствовать, а и охранять ту работу своих граждан, которая приносит ущерб нашему кредиту и мешает нашему экономическому возрождению. Пусть Омское правительство еще не признано союзниками...

Это дело дипломатии и международных комбинаций. Но наши законы, регулирующие банковскую жизнь, являются обязательными для иностранцев, вне зависимости от того или иного правительства или от акта его признания. Если хочешь уважения к своим законам, уважай чужие законы, говорит мудрая поговорка. И мы апеллируем к правительствам наших союзников и настаиваем на недопустимости такого издевательства над нашими национальными интересами со стороны их граждан, усложняющих наши взаимоотношения, с целью преследования местных целей...» [3, с. 1-2]

Впоследствии облигации Банка Кореи постепенно становились основным платежным средством Сибирского экспедиционного корпуса [11, с. 20]. А японские банки и японская администрация принимали все зависящие от них меры к внедрению этих иен в финансово-хозяйственный оборот Дальнего Востока [9, с. 33].

Таким образом, открытие и деятельность японских банков на Дальнем Востоке в 1918–1919 гг. стало возможным в результате хаоса и потрясений, происходящих в России в результате Революции, Гражданской войны и последующей интервенции.

Воспользовавшись этими факторами, преследуя исключительно свои экономические цели и под прикрытием вооруженных отрядов открывались японские банковские учреждения для проведения в жизнь программы по внедрению в экономику края японской иены и вытеснения рубля. Эти мероприятия были направлены на подготовку почвы для дальнейшей передачи этой территории под юрисдикцию Японии.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Иностранные банки // Владивосток. – 1918. – 18 (5) декабря. – № 36. – С. 1.
2. Иностранные банки во Владивостоке // Забайкальская жизнь. – 1919. – 11 марта. – № 3122. – С. 3.
3. Иностранные банки на Дальнем Востоке // Русский экономист. – 1919. – 4 мая. – № 1. – С. 1–2.
4. К вопросу о японских банках // Прибайкальская жизнь. – 1918. – Октябрь. – С. 2.
5. Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918 – 1920). Книга 1. – Владивосток, 1972. – С. 133.
6. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. – Москва, 1963. – С. 137.
7. Новый банк // Эхо. – Владивосток, 1919. – 6 февраля. – № 170. – С. 1.
8. О финансовой помощи Сибири // Голос Приморья. – 1918. – 4 ноября. – № 337. – С. 2.
9. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и Революции (1914–1924). – Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1924. – С. 33.
10. Сайт Центрального банка России // Территориальные учреждения // Дальневосточное ГУ Банка России // История: основные этапы развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbr.ru/tubr/dv-o/history> (дата обращения 20.02.2019).

11. 多田井喜生 (Татаи Ёсио) 「大陸に渡った円の興亡 (тайрику-ни вататта эн-но ко:бо: Судьба японской иены на материке)」 (下 (гэ 2 том))。東洋經濟新報社 (то:ё: кэйдзай симпо:ся) Издательство: Тоё Кэйдзай Симпося)。東京 (то:кё: Токио). 1997. С. 3, 16–17, 20.



Коровников Павел Владимирович

Кафедра гуманитарных дисциплин

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России.

voi@list.ru

**РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ)
ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ (1997– 2005 гг.)**

УДК 947.084.51

Аннотация. В данной статье автор на основе архивных материалов анализирует степень исследованности и состояние борьбы с легализацией (отмыванием) преступных доходов на территории Приморского края в период 1997–2005 гг. Освещается региональная специфика противодействия данному виду преступных посягательств. Делается вывод об относительной простоте использованных схем совершения преступлений указанного вида в рассматриваемый период.

Ключевые слова и фразы: история, легализация (отмывание) преступных доходов, Приморье.

Pavel Korovnikov

Department of Humanities.

Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.

voi@list.ru

**THE ROLE OF LAW ENFORCEMENT IN PRIMORSKY REGION IN COMBATING THE
LEGALIZATION (LAUNDERING) OF CRIMINAL INCOMES (1997– 2005)**

Abstract. In this article the author on the basis of archival materials analyzes the degree of research and the state of the fight against the legalization (laundering) of criminal proceeds in the territory of Primorsky Krai in the period 1997-2005. Highlights the regional specifics of combating this type of criminal attacks. The conclusion is made about the relative simplicity of the schemes used to commit crimes of this type in the period under review.

Key words and phrases: history, legalization (laundering) of criminal proceeds, Primorye.

Процессы становления экономики рыночного типа, активно продолжавшиеся в период 1997–2005 гг., вызвали к жизни целый ряд преступлений экономической направленности, незнакомых советскому уголовному праву.

Необходимость противодействия введению в экономической оборот значительных объёмов денежных средств, аккумулированных криминалитетом, вызвала включение в Уголовный кодекс Российской Федерации, введенный в действие с 1 января 1997 года [18] статьи 174. Она устанавливала ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств, или иного имущества, приобретенных незаконным путём (ст. 174) [18], впоследствии изменённой (редакцией 2001 года) на легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (статья 174) и легализацию (отмывание) денежных средств, или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (статья 174¹) [19].

Новизна данного состава преступления, дискуссионный характер правового понимания явления легализации преступных доходов и различные подходы к решению тактических вопросов противодействия криминальным посягательствам данного вида привели к тому, что указанная проблематика достаточно часто являлась предметом рассмотрения отечественных юристов. Вопросы квалификации преступных деяний по статьям 174, 174¹ УК РФ рассматривались Б.Д. Завидовым [4] и В.Д. Ларичевым [8], групповой характер легализации (отмывание) преступных доходов отмечали И.Г. Галимов и Ф.Р. Сундуков [1], Н.А. Лопашенко [8]. Т.А. Диканова и В.Е. Осипова [2] исследовали проблемы трансграничной преступности и международного сотрудничества по противодействию преступлениям данного вида.

Применительно к реалиям российского Дальнего Востока необходимо отметить наличие работ рассматривающих юридические и криминологические аспекты противодействия организованной преступности (в т.ч. региональной), являющейся основным субъектом отмывания преступных доходов [3, 5, 6, 11, 12, 13, 16, 20, 21].

Вместе с тем вопросы противодействия собственно легализации (отмыванию) преступных доходов, в особенности в исторической перспективе, только становятся предметом научного рассмотрения.

Рассматривая выбранный исторический период, необходимо отметить, что характерной особенностью развития экономики являлась практически исключительно экспортно-сырьевая направленность (здесь и далее показатели экономического развития приводятся на основании стат. данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [сайт] URL: <http://primstat.gks.ru>). 93% товарного оборота края было сложено экспортом рыбы, морепродуктов, древесины и изделий из нее, в импортных поставках преобладали товары широкого спроса, зачастую низкого качества. Указанная ситуация отчасти стала следствием старения основных фондов предприятий, которое в указанный период достигало показателей 80%, отчасти была обусловлена исторически сложившейся ориентацией экономики Приморья в первую очередь на природопользование.

Выявление и раскрытие фактов легализации преступных доходов было возложено на целый ряд вполне или относительно независимых друг от друга государственных органов.

Всего за период 1997 – 2005 гг. выявление фактов легализации преступных доходов осуществлялось силами подразделений по борьбе с экономическими преступлениями УВД Приморского края (БЭП), подразделений по борьбе с организованной преступностью УВД Приморского края (БОП), подразделений по борьбе с налоговыми преступлениями УВД Приморского края (УНП), подразделений ФСНК РФ (ГНК), подразделений ФСБ РФ (ФСБ) и силами следственных органов (СО) [14].

С 1997 года по 2005 гг. в Приморском крае выявлено 121 преступление, связанное с легализацией (отмыванием) денежных средств (здесь и далее стат. информация, фабулы уголовных дел приводятся на основе статотчетов УМВД России по Приморскому краю [14]).

Показатели участия гос. органов в выявлении фактов легализации преступных доходов приведены в таблице 1.

Таблица 1

год	Выявлено фактов легализации преступных доходов (ст. 174, 174 ¹ УК РФ)	БЭП	БОП	УНП	ГНК	ФСБ	СО
1997	4	3				1	
1998	6	6					
1999	8	2				1	5
2000	17	6	11				
2001	8	6					2
2002	2	2					
2003	4	3	1				

2004	9	3			4		2
2005	64	10	7	1	44		1
всего	121	41	19	1	48	2	10

Таким образом, за весь указанный период силами БЭП выявлен 41 факт легализации, силами ГНК – 48 фактов легализации, силами БОП – 18 фактов легализации, силами СО – 10 фактов легализации, силами ФСБ – 2 факта легализации и силами УНП – 1 факт легализации. Отраслевое распределение выявленных фактов легализации преступных доходов приведено в таблице 2.

Таблица 2

год	Выявлено фактов легализации преступных доходов (ст. 174, 174 ¹ УК РФ)	Лесная отрасль	Рыбная отрасль	Оборот наркотических средств	Прочие отрасли экономики края
1997	4	3			1
1998	6	5	1		
1999	8	7			
2000	17	3			14
2001	8	2	1		5
2002	2	1			1
2003	4	3			1
2004	9	4		5	
2005	64	10	6	44	4

Рассматривая отраслевое распределение выявленных фактов легализации, нетрудно заметить, что ключевыми для легализации преступных доходов являются лесная отрасль – выявлено 39 фактов легализации, сфера незаконного оборота наркотиков – выявлено 38 фактов легализации, рыбопромышленный комплекс – выявлено 8 фактов легализации и банковская сфера – выявлено 8 фактов легализации.

В целом, отраслевое распределение выявления фактов легализации соответствует характеристике наиболее развитых отраслей края, при условии их соотнесения с рынком незаконного оборота наркотических средств.

Анализ уголовных дел, возбужденных в лесопромышленном комплексе края, показывает, что 30 из них возбуждены по фактам легализации лесоматериалов, заготовленных путем незаконных порубок, что позволяет считать указанный вид преступных посягательств наиболее характерным для легального сектора экономики Приморского края. Кроме того, однотипность выявленных преступлений позволяет выделить общую схему преступных посягательств – незаконно заготовленные лесоматериалы легализуются посредством предоставления фиктивных документов разрешающих порубку и оборот лесопродукции [10]. Характерным примером является уголовное дело № 47305 от 11.11.2004 г. в отношении физического лица, которое подделав документы на добытый преступным путём лес, перевозил его в г. Дальнереченск, для дальнейшей реализации в лесоперерабатывающее предприятие.

Немногочисленные исключения из этого правила связаны с легализацией денежных средств, полученных от незаконного предпринимательства и контрабанды лесоматериалов.

Характерными примерами первого рода являются уголовное дело № 99605 возбужденное по ст. 174¹ ч.3 в отношении директора ЗАО «Горизонт», осуществившего погрузочно-разгрузочную деятельность без лицензии и легализовавшего денежные средства, полученные от совершения преступления; аналогичны ему уголовное дело № 121505 по ст. 174¹ ч.3 в отношении генерального директора ООО «Приморский лесокombинат», и уголовное дело № 118205 по ст. 174¹ ч.3 в отношении генерального директора МУ РСРП «АГРОС».

Примером легализации денежных средств, полученных от контрабанды, является уголовное дело № 128722 в отношении руководства ООО «Примлеспроект», в ходе расследования которого выявлено 5 эпизодов преступной деятельности, квалифицированных по ст. 174¹ УК РФ.

Относительно фактов легализации, выявленных в банковской сфере, необходимо отметить, что в рассматриваемый период все указанные преступления представлены двумя уголовными делами, по которым выявлено 8 эпизодов преступной деятельности. Это, в первую очередь, уголовное дело № 503931, в ходе расследования которого выявлено 7 эпизодов преступной деятельности. В ходе расследования уголовного дела установлено, что организованная группа под руководством бывшего управляющий филиалом ОАО «Альфа-банк» во Владивостоке, в период с начала 2000 г. по ноябрь 2003 г. совершила ряд хищений денежных средств, принадлежащих банку, используя подставные счета физических лиц. В дальнейшем денежные средства были легализованы путем перевода на счета поставных фирм, через которые были оформлены сделки по приобретению недвижимости. В настоящее время по данному уголовному делу предъявлено обвинение по ст. 160 ч.4 УК РФ, четырем обвиняемым, троим – по ст. 174¹ ч.4 УК РФ.

Иным небезынтесным примером легализации в банковской сфере является уголовное дело № 652104, возбуждено СЧ Дальнегорского ГОВД по материалам УБЭП УВД ПК по ст. 174¹ ч.1 в отношении должностного лица Дальнегорского ОСБ, похитившей, с использованием служебного положения, 20000 долларов США, принадлежавших банку, и легализовавшей их путем предоставления в долг, под проценты, физическому лицу.

Отличаются от указанных видов преступных посягательств и представляют в этой связи значительный интерес уголовное дело № 541058 от 25.03.05 в отношении физического лица, легализовавшего денежные средства в сумме 432 тысячи 582 рубля, полученные от незаконного оборота наркотиков, путем перечисления через КБ «Банк Москвы», и уголовное дело № 541158 от 22.03.05 в отношении физического лица, легализовавшего с июля по сентябрь 2004 года, путем банковского перевода 570 тыс. рублей, полученных от незаконного оборота наркотиков.

Сфера рыбопромышленного комплекса интересна тем, что собственно рыбопродукция в качестве предмета легализации выступает единственный раз – уголовное дело № 503931, возбуждено по ст. 174 ч.2 УК РФ в отношении физического лица, легализовавшего путем предоставления подложных документов 216 банок икры лосося.

Более характерна легализация имущества и денежных средств, полученных в результате хищения. Это уголовное дело № 687731 возбужденное по факту легализации директором ООО «Чезар» судового топлива, похищенного у ООО «Виза», и уже цитировавшееся уголовное дело № 503931 в части легализовали денежные средства похищенных в «Альфа банке» путем их перечисления на расчетный счет ООО Т/О «Морские грузовые перевозки», формально занятого в рыбопромышленном комплексе края.

Как уже упоминалось, выражена тенденция нарастания валовых показателей выявления преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174¹ УК РФ за 2005 год в сфере легализации денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, и выявлены, соответственно силами ФСНК (ГНК).

Отметим, что, несмотря на то, что денежные средства, полученные от незаконного оборота наркотиков, в основном были использованы фигурантами уголовных дел на потребительские нужды [14] и путем совершения платежей, на наш взгляд, отнесение данного вида легализаций к совершаемым на потребительском рынке и в сфере ЖКХ можно с известной долей условности.

В целом, для данного вида легализации характерно отсутствие сложных схем – легализация совершается путем единственного платежа, призванного обеспечить запросы фигуранта. В качестве примера можно привести уголовное дело № 58558 от 23.03.05 в отношении

физического лица по факту легализации денежных средств, добытых от незаконного оборота наркотиков, путем покупки туристической путевки, уголовное дело 525358 от 05.03.05 в отношении физического лица, по факту легализации, путем передачи в ломбард, имущества добытого от незаконного оборота наркотиков, уголовное дело № 274758 в отношении физического лица, легализовавшего денежные средства, добытые от незаконного оборота наркотиков, путем платежей на счет ОАО «Дальсвязь» и МУП «Жилкомхоз», а также уголовное дело № 275258 в отношении того же лица, легализовавшего денежные средства приобретаемой бытовой водонагреватель.

Рассматривая роль правоохранительных органов в декриминализации экономики края, не отрицая определенные тактические успехи, в первую очередь подразделений ГНК и БЭП, необходимо отметить, во-первых, преимущественную ориентацию на выявление преступлений в узких областях экономики края, и, во-вторых, значительное отставание выявления данных фактов от общероссийских показателей. Так, если за период 1997 – 2003 гг. в целом по России выявлено 7091 факт легализации и, таким образом, нагрузка по выявлению фактов легализации составила 0,42[15] преступления на сотрудника правоохранительных органов, то за тот же период на территории Приморского края выявлено 48 фактов легализации, что дает нагрузку по выявлению только 0,17[14] преступления на сотрудника, т.е. в 2,5 раза меньше, чем в среднем по стране.

Среднемесячная нагрузка на оперуполномоченного УБЭП при УВД Приморского края по выявлению фактов легализации за наиболее результативный 2005 год составила 0,003 преступления в месяц. При этом аналогичные среднемесячные показатели по РФ составляли 0,043 преступления в месяц [15], т.е. в 14 раз больше, чем у приморских оперативников. Указанные обстоятельства, вне всякого сомнения, также участвовали в формировании регионального «лица» преступлений рассматриваемого вида.

Определенный интерес представляет территориальное распределение выявленных фактов легализации. За весь рассматриваемый период по городу Владивостоку выявлено всего 39 таких фактов, по Дальнереченску – 25, по Находке – 18, по Лесозаводску – 8, по Артему – 4, по Дальнегорску – 3, по пгт. Хороль и Михайловка – по 2, по Пожарскому району, Спасску, Тернею, Анучино, Надеждинскому району, Чугуевке, Кировке, Красноармейскому району, Ольге, Пограничному, Уссурийску и Ханкайскому району – по 1 факту.

Из представленных данных видно, что помимо крупных городских центров в выявлении фактов легализации лидирует Дальнереченск и Лесозаводск, основу экономики которых в указанный период традиционно составляли предприятия лесопромышленного комплекса.

Указанная тенденция проявится еще ярче, если при анализе территориального распределения выявления фактов легализации применить временную разбивку. Так, в период 1997 – 2003 гг. наибольшее число фактов легализации выявлено в Дальнереченске – 16, затем следует Владивосток – 13, Лесозаводск – 8, Находка – 3, Михайловка – 2. На Пожарский район, Спасск, Терней, Чугуевку, Анучино, Надеждинский район приходится по 1 выявленному факту легализации.

Ситуация меняется в 2004- 2005 годах. В этот период по городу Владивостоку выявлено 26 фактов легализации, по Находке – 15, по Дальнереченску – 9, по Артему – 4, по Дальнегорску – 3, посёлку Хороль – 2, по Кировке, Красноармейскому району, Ольге, Пограничному, Уссурийску, Ханкайскому району – по 1.

Не в последнюю очередь такое изменение ситуации связано с деятельностью подразделений ФСНК, впервые выявившие факты легализации в 2004 году. За указанный период силами ФСНК по ПК выявлено 40 фактов легализации. Из них наибольшее количество выявлено по городу Находке – 15 фактов, несколько меньше по городу Владивостоку – 12 фактов, 4 факта по г. Артему, 3 по Дальнереченску, по Хоролю, Дальнегорску, Кировке, Красноармейскому району, Пограничному, Уссурийску, Хоролю и Ханкайскому району – по 1.

За тот же период подразделениями УВД Приморского края выявлено 22 факта легализации. Из них по городу Владивостоку выявлено 13 фактов, по Дальнереченску – 6 фактов, по Дальнегорску – 2 факта, по Ольге – 1 факт.

Таким образом, в рассматриваемый период традиционными для выявления фактов легализации являлись обладающий наиболее развитой экономической инфраструктурой и максимумом населения Владивосток и центры лесной промышленности – Дальнереченск и Лесозаводск, суммарно представляющие сравнимые с краевым центром показатели по выявлению фактов легализации, что еще раз подчеркивает достаточно простой «сырьевой» и «наркотический» характер совершаемых преступлений. Тем самым, можно констатировать, что в рассматриваемый период преступные посягательства, связанные с «отмыванием» преступных доходов, не отличаются изощренностью, что может указывать как на относительную неопытность субъектов экономических преступлений, так и на низкий уровень оперативных возможностей правоохранительных органов, делающих использование сложных преступных схем невестребованными.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Галимов И.Г. Организованная преступность: тенденции, проблемы, решения / И.Г. Галимов, Ф.Р. Сундугов. – Казань: ООО «Образцовая типография», 1998. – 236 с.
2. Диканова Т.А., Осипов В.Е. Борьба с таможенными правонарушениями и отмыванием «грязных» денег: методическое пособие. – М.:ЮНИТИДАНА, Закон и Право, 2000. – 310с.
3. Ерохина, Л. Д. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе / Л. Д. Ерохина, М. Ю. Буряк. – М.: Профобразование, 2003. - 432 с.
4. Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ легализации (отмывания) денежных средств / Под ред. Б.Д. Завидов, Н.М. Андреев // Адвокат. – 2003. – № 5. – С. 67-71.
5. Иванов, Э. А. Отмывание денег и правовое регулирование борьбы с ним / Э.А. Иванов. – М.: Рос. юрид. изд. дом, 1999. – 176 с.
6. Иванов, А. М. Организованная преступность и борьба с ней в Японии : автореф. дис.... канд. юрид. наук / А. М. Иванов. - Владивосток, 2000. – 25 с.
7. Корчагин, А. Г. Организованная преступность и борьба с ней : учеб. пособие / А. Г. Корчагин, В. А. Номоконов, В. И. Шульга. - Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. – 84 с.
8. Ларичев В.Д. Правовые меры борьбы с отмыванием незаконных доходов //Законодательство и экономика. – 1999. – № 11. – С. 8–11.
9. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК РФ). Серия «Закон и общество» / Н.А. Лопашенко. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 384с.
10. Текущий архив УМВД России по Приморскому краю. Методические рекомендации по выявлению преступлений в лесной отрасли УБЭП УВД ПК за 2005 г.
11. Некрытый В.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью: историографический обзор // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 402-408.
12. Номоконов В.А. Транснациональная организованная преступность на Дальнем Востоке России // Вестник ДВО РАН. – 2002. – № 2. – С. 103-110.
13. Номоконов В. А. Организованная преступность // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. – СПб. : Изд-во юрид. ф-та СПб. ун-та, 2005. – С. 6-34.
14. Текущий архив УМВД России по Приморскому краю. Отчеты формы sw 50-51 Информационного Центра УМВД России по ПК.

15. Текущий архив УМВД России по Приморскому краю. Отчет Главного Информационного Центра МВД РФ от 01.09.2005.
16. Романова, Л. И. Наркопреступность в Дальневосточном регионе / Л. И. Романова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 164 с.
17. Текущий архив УМВД России по Приморскому краю. Доклад на оперативном совещании УВД Приморского края 18.10.2005.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации. Офиц. текст / Вступ. ст. проф. А.Н. Игнатова и проф. Ю.А. Красикова. – М., 1997.
19. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 121-ФЗ. Вступил в силу с 1 февраля 2002 года. см.: Уголовный кодекс Российской Федерации, с изм. и доп. на 1 февраля 2002 года. – М., 2002; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч. 1). – Ст. 3424.
20. Шульга В. И. Основные формы проявления ОПФ на Дальнем Востоке России // Транснациональная организованная преступность : дефиниции и реальность. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 141-184.
21. Шульга В. И. Транснациональные проявления организованной преступности на Дальнем Востоке России : предпосылки и общая характеристика // Транснациональная организованная преступность : дефиниции и реальность. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 120- 141.



Кригалева Влада Николаевна, студентка факультета иностранных языков
Кафедра востоковедения и регионоведения АТР
Иркутский государственный университет
loading_123@mail.ru

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

УДК 355

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы развития управленческой мысли в военной философии Древнего Китая и их характерные черты.

Ключевые слова и фразы: военная философия; военное искусство; управленческая мысль; менеджмент; философия управления; Древний Китай; Сунь-цзы; Искусство войны.

Vlada Krigaleva, student of faculty of foreign languages
Department of Orientalism and Area Studies of Asia-Pacific Region
Irkutsk State University
loading_123@mail.ru

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE MANAGERIAL IDEA IN THE MILITARY PHILOSOPHY OF ANCIENT CHINA

Abstract. In the article author considers the main stages of development of managerial idea in the military philosophy of Ancient China and its characteristics.

Key words and phrases: military philosophy; military art; managerial idea; management; management philosophy; Ancient China; Sun Tzu; The art of war.

Китай – это страна с древними традициями, которые, благодаря процессу глобализации [7], постепенно открываются всему остальному миру, обогащая подходы других стран к решению собственных проблем [12], пополняя их понятийную картину мира китайским этно-тезаурусом [5].

Значительное место в духовной культуре Древнего Китая занимает философия о военном искусстве. Она в значительной степени повлияла на формирование управленческой культуры китайцев, которая в современной политической системе является важным фактором развития КНР [6].

Анализ влияния военной философии на управленческую мысль в рамках системного подхода в регионоведении [2] – задача нашей работы. Подобного рода исследования помогли бы не только в прогнозировании поведения КНР в возможных конфликтах [9], но и в изучении китайского менеджмента.

Военная философия возникла в Китае довольно рано, ключ к ее анализу – в изучении канонов, отражающих важнейшие принципы развития Древнего Китая [10]. Основные идеи военной философии оформлены в канонах, входящих в состав «Семикнижия» (武经七书), который окончательно сложился только к XI веку. В его состав вошли «Шесть секретных учений» (六韬), «Методы Сыма» (司马法), «Искусство войны» (孙子兵法), «У-цзы» (吴子), «Вэй Ляо-цзы» (尉缭子), «Три стратегии Хуан Ши-гуна» (黄石公三略) и «Вопросы и ответы между Тан Тайцзуном и Ли Вэйгуном» (唐太宗李卫公问对).

В развитии китайской военной философии китайский историк Лю Юньбо выделяет три этапа [11]. Первый этап начинается с периода правления династии Шан (商朝) и династии

Чжоу (周朝) и заканчивается периодом Чуньцю (春秋时期), в это время уже появились некоторые концепции управления военным делом, но они все были довольно несогласованными и разрозненными. В период Сражающихся царств (战国时期) началось формирование относительно упорядоченной военно-теоретической системы.

Учение о ведении военного дела начинается с произведения «Искусство войны» (孙子兵法), написанного Сунь У (孙武), китайским стратегом и мыслителем. Исходя из конкретных ситуаций того периода, в которых китайское военное дело было реализовано на практике, Сунь У создал самое раннее целостное учение о ведении военных действий периода Сражающихся царств, относительно упорядоченную военно-управленческую концепцию.

Второй этап начинается с периода правления династии Цинь (秦朝) и династии Хань (汉朝) и продолжается до раннего периода династии Тан (唐朝), а именно – до мятежа Аньши (安史之乱). Это период, когда китайская военно-управленческая мысль становится все более глубокой и полноценной.

В части ведения военных дел военно-управленческая мысль династии Цинь (秦朝) переняла принцип усиленного развития земледелия для обеспечения преимущества в захватнических войнах. Этот принцип означает, что развитие сельского хозяйства является основой войны, потому что только крестьяне могут обеспечить пищу, которая нужна солдатам и простому населению. Данная теория также предусматривает, что если люди будут заняты с утра до вечера в земледелии, то ими будет легко управлять – они полюбят правителя и будут готовы жертвовать жизнью ради выполнения его приказов (глава «农战» в «Книге правителя области Шан» (商君书) у Хань Фэя (韩非) [4]). Из-за того, что развить земледелие во всей стране было всё ещё невозможно, вскоре династия потерпела поражение.

В управлении военными действиями последующей династии Западная Хань и в осуществлении на практике её военно-управленческой философии, по мнению Лю Юньбо [11], появилось несколько тенденций:

1. Чжан Лян (张良), советник первого императора династии Хань, и Хань Синь (韩信), военачальник первого императора династии Хань, которые стояли во главе военного дела Западной Хань, активно наследовали теории всех школ военной философии доциньской эпохи, а также систематизировав их, основали стратегическую военно-управленческую теорию, соответствующую начальному периоду Западной Хань.

2. Появился новый подход к военному управлению – подход философской школы Хуан-Лао (黄老道家). За основу этого подхода были взяты идеи даосизма – той части феноменологии Дао [8], что имеет отношение к военному управлению.

3. Появилась ещё одна книга по военному искусству, получившая название «Три стратегии» (三略), её автор – Хуан Ши-гун (黄石公). В данном произведении он также рассматривает различные управленческие идеи. В частности, разоблачает «узурпаторов», разъясняет возможные исходы событий, описывает «нравственные» и «безнравственные» деяния, исследует «военные обстоятельства», анализирует возможности победы и поражения.

Третий этап начинается с середины правления династии Тан и продолжается до правления династий Мин (明朝) и Цин (清朝). Это период, когда китайская управленческая мысль в военной философии постепенно изменялась, приближаясь к упадку. Благодаря мятежу Аньши (755–763 гг. н. э.) в китайской военно-управленческой идее появились определенные изменения. С одной стороны, товарное хозяйство возросло, силы простого народа возрастали, феодальные отношения личной зависимости медленно ослабевали, существовавшую систему рекрутской повинности сменила система вербовки солдат; с другой стороны, эти изменения сопровождалась непрерывными ожесточенными военными действиями.

В этот период главной особенностью китайской управленческой мысли в военной философии было то, что одновременно осуществлялась поддержка феодализма для сосредоточения власти в военной сфере, и что внимание было обращено на развитие военного искус-

ства, использование оружия и оборудования, формирование определенных правил управления. Несмотря на то, что военная мысль в этот период истории направлена на то, чтобы избежать распада, с которым китайское феодальное общество встретилось лицом к лицу, тем не менее в китайской военно-управленческой философии обнаружилось тенденции к упадку и кризису.

К тому же Китай постепенно начал закрываться от внешнего мира, абсолютизируя пришедший традиционной культуре образ «чужого», врага извне [1; 3]. В 1840 году, после Опиумных войн (鸦片战争), в истории китайской военной философии произошел важный поворот – военно-управленческая мысль прекратила своё собственное развитие, она превратилась в опыт, который человечество изучает, исследует и перенимает.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Адилханян Н.Л. Образ «чужого» в сознании древних китайцев на материале «Каталога Заморья» трактата «Шань хай цзин» // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур: Материалы II Международной научно-практической конференции (Иркутск, 30-31 мая 2016 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2016. – С. 19–25.
2. Карачева Н.С., Кузнецова О.В. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 19–22.
3. Кобжицкая О.Г. Ретроспективный взгляд на проблему китаецентризма – базового компонента китайского этнического самосознания // II Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР: материалы Международной научной конференции «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвящённой столетию Иркутского государственного университета (Иркутск, 18–21 сентября 2018 г.). –Иркутск: ИГУ, 2018. – С. 172–180.
4. Корешкова Ю.О. Отражение культуры государственного управления Древнего Китая в трактате «Хань Фэй-цзы» // Древо познания и дерево знания. Магистерские исследования. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С. 232–241.
5. Кошель А.М., Домашевская Д.М. К проблеме обоснования термина «этнотезаурус» // II Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР: материалы Международной научной конференции «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвящённой столетию Иркутского государственного университета (Иркутск, 18-21 сентября 2018 г.). –Иркутск: ИГУ, 2018. – С. 188–195.
6. Кремнев Е.В. Формирование культуры государственного управления КНР на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. социол. Наук:22.00.08; Чит. гос. ун-т. – Чита, 2008. – 24 с.
7. Макеева С.Б. Влияние глобализации на процесс реализации внешнеполитической стратегии КНР по отношению к мировому сообществу // Развитие стран в условиях глобализации: технологические, экономические, социальные и экологические проблемы: сборник трудов конференции (Тернополь, 15-16 марта 2012 г.). –Тернополь: Крок, 2012. – С. 120–122.
8. Шаравьева И.В. Философские истоки «монадности» как способ рассмотрения вселенной у древних китайцев // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: Материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16–17 октября 2014 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – С. 322–328.
9. Шешуков Д.А., Кумялова О.В. К вопросу о независимости Тайваня (мнения американских ученых) // Вестник современных исследований. – 2018. – № 2.2 (17). – С. 28–30.

10. Шишмарева Т.Е. Некоторые аспекты канонического права в Китае // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 155–161.
11. 刘云柏.中国古代管理思想史.上册.陕西人民出版社.1997年.588页.
12. Terekhova N.V. Confucian ritual (Li) in American system of social relations // Oriental Languages and Cultures papers presented at the First International Scientific Conference. Russian State University for the Humanities, Moscow; edited by Indira Gazieva. 2008. С. 51–53.



Кушнарев Никита Евгеньевич, магистрант
Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет,
старший лаборант
Сектора историко-культурной экспертизы
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
nekitkushnarev@mail.ru

ШКОЛЬНАЯ И СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ РАБОТЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 902:37 (571.62)

Аннотация. В статье рассматривается опыт работ школьных и студенческих объединений археологической направленности в Амурской области. Выделены некоторые методические аспекты их функционирования, сотрудничества с научными и образовательными учреждениями. Приведены примеры организации и планирования работы в рамках факультативного курса и деятельности студенческого археологического клуба.

Ключевые слова и фразы: археология, Амурская область, археологический клуб, факультативный курс, тематическое планирование.

Nikita Kushnarev, master student
School of Arts and Humanities
Far East Federal University,
senior assistant
Sector of historical and cultural expertise
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FER RAS.
nekitkushnarev@mail.ru

SCHOOL AND STUDENT ARCHEOLOGY IN THE AMUR REGION: WORK EXPERIENCE AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Abstracts. The article discusses the work experience of archaeological school and student associations in the Amur Region. Some methodological aspects of their functioning, cooperation with scientific and educational institutions highlight. Author gives examples of the organization and planning of work in the framework of the elective course and the activities of the student archaeological club.

Key words and phrases: archeology, Amur region, archaeological club, elective course, thematic planning.

Введение. Интерес к древнему прошлому человечества у многих появляется еще со школьных лет. Выпускники, руководствующиеся подобным интересом, нередко выбирают в дальнейшем профессию, связанную, так или иначе, с исторической наукой – в качестве ученого-исследователя, учителя, преподавателя и многие другие. Профессия археолога, в свою очередь, часто будоражит умы учеников своей загадочностью и возможностью прикоснуться к материальным остаткам древности.

Во многих школах Амурской области подобный интерес прививается различными методами – проведением факультативов по археологии и краеведению, созданием кружков и

клубов тематической направленности и даже созданием профильных классов. Благодаря таким методам ученики имеют возможность получать ту часть теоретических и практических знаний, которые не входят в школьный курс истории.

На ступени высшего образования непосредственное отношение к археологической науке имеют студенты исторического профиля Благовещенского государственного педагогического университета и студенты-религиоведы Амурского государственного университета, которые имеют в своем учебном плане археологическую (полевую) практику и изучают ряд профильных дисциплин.

Огромный вклад в образовательную деятельность школьников и студентов Амурской области осуществляют сотрудники ГАУ «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области». Тесное сотрудничество специалистов Центра с учебными заведениями области позволяет организовать работу в учреждениях дополнительного образования, обеспечить занятость учеников в оздоровительном археологическом лагере в летний период, организовать и провести учебную практику студентов высших учебных заведений области, обеспечить дальнейшую работу по археологии во время учебного процесса. Посредством такого сотрудничества готовятся высококвалифицированные специалисты, обеспечивается подготовка выпускников школ при поступлении в вузы, развивается заинтересованность молодого поколения к истории родного региона, организовывается учебный процесс специалистов-краеведов на местах. Уже много лет на базе археологических отрядов Центра действует педагогический проект «Копатыч», соединивший в себе полевой быт археологической экспедиции, педагогическую составляющую и воспитательный процесс через изучение древнего прошлого региона [2, с. 20]. Проект пользуется популярностью среди школьных объединений и студенческих коллективов. Для последних данный проект является также площадкой для педагогической практики и реализации своих педагогических целей.

В 2016 г. сотрудниками Центра и студентами историко-филологического факультета на базе отделения дополнительных педагогических профессий Благовещенского государственного педагогического университета был создан Благовещенский археологический клуб «Артефакт» и одноименный студенческий профильный (археологический) отряд, который входит в молодежную общероссийскую общественную организацию «Российские студенческие отряды». Специалисты Центра организуют проведение на базе клуба лекций, семинаров, встреч. Все заседания клуба являются открытыми не только для студентов, но и для жителей г. Благовещенска. Слушатели клуба являются регулярными участниками и призерами студенческих областных и всероссийских научно-практических конференций, постоянными членами археологических экспедиций и организаторами проекта патриотической направленности «Вахта Памяти».

Все подобные школьные и студенческие объединения активно ведут свою деятельность и находятся в процессе постоянного совершенствования, поиска и реализации новых идей, как со стороны членов объединения, так и со стороны кураторов. Обсуждаемые аспекты методической работы таких объединений призваны обратить внимание на формирование основы успешной деятельности таких ученических и студенческих формирований. Предлагаются к рассмотрению примеры планирования, распределения и содержания их работы.

Организация изучения археологии в школе. В школьных условиях археологии уделяется мало внимания, ее изучение в рамках уроков истории чаще всего носит ознакомительный характер. Изучение археологии в школе в основном концентрируется на внеурочной работе по истории в виде факультативных курсов, организации на базе школы археологических клубов и кружков.

Факультативные занятия – особая организационная форма учебно-воспитательной работы. Она отличается и от урока, и от внеклассной работы, во-первых, формами взаимодействия с учениками, во-вторых, формой посещения, которая подчёркивает их необязательность, так как любой факультативный курс является личным выбором ученика. Факультата-

тивные занятия по своей сути являются возможностью глубоко изучить отдельные исторические процессы, личности, события или, как в данном случае, целую науку. С другой стороны, их проведение потребует специальной подготовки от педагога.

Факультативные занятия регулируются на основе Закона об образовании и входящего в него Стандарта образования. Стандарт образования – документ, в котором определены конечные результаты образования (по предмету или специальности). В законе «Об образовании» выделены основные компоненты стандарта, учитывающие характер устройства России:

1. Федеральный компонент определяет нормативы, соблюдение которых обеспечивает единство педагогического процесса России, а также специфику интеграции личности в систему мировой культуры.

2. Национально-региональный компонент определяет нормативы, которые относятся к компетенции регионов.

3. Также стандартом устанавливается объем школьного компонента содержания образования, отражающего специфику и направленность отдельного учебного заведения, закрепленные в соответствии с его Уставом в разработанных педагогами основных образовательных программах [5].

В соответствии с этим предлагается план разработки факультативного курса по археологии для школ Амурской области (Таблица 1). Пример подобного планирования рассчитан на 34 учебных часа. Факультативный курс по археологии в школе фиксируется на древней и средневековой истории Западного Приамурья [3, с. 9]. Первые занятия заключаются в создании у детей образного представления об археологической науке, как о самостоятельной научной дисциплине со своими методическими особенностями и научными подходами. Последующие занятия нацеливаются на изучение теоретической базы археологических знаний на основе локальных данных.

Освоение древней и средневековой истории Приамурья начинается с последовательного ознакомления согласно установленной хронологии [3, с. 9]. Это темы «Палеолит Западного Приамурья», «Неолит Западного Приамурья», «Эпоха палеометалла и ранний железный век Приамурья». Данные темы заканчиваются хронологически наступлением нашей эры. История племен Западного Приамурья на пороге средневековья носит ряд определенных локальных специфик, поэтому является важным выделением отдельной темы «Племена Западного Приамурья на пороге средневековья». Далее следует ряд тем, затрагивающих хронологические рамки раннего, развитого и позднего средневековья: «Михайловская культура и ее генезис», «Мохэская эпоха в Западном Приамурье», «Чжурчжэньская эпоха (развитое средневековье)», «Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье». Отдельно стоит отметить последующие две темы: «Средневековые городища Амурской области» и «Искусство и религия. Скалы с рисунками: обитель духов и мастерская древнего художника».

Тема «Средневековые городища Амурской области» затрагивается отдельно ввиду ряда причин. На раннем этапе средневековья люди при выборе места для строительства укрепленных поселений в большей степени зависели от ландшафта, отдавая предпочтение труднодоступным местам, приспособление которых к обороне требовало наименьших усилий. Важной причиной можно считать наличие на территории Амурской области особого вида памятников, называемых городищами «даурского типа», которые, как предполагается, использовались как ритуальные места [3, с. 129]. Вместе с тем предположение требует подтверждения, так как наблюдается слабая изученность городищ до настоящего времени. Также на данный момент отсутствуют единые критерии для их классификации. В научной литературе они чаще всего классифицируются по месту их расположения на местности и размерам. Тема «Искусство и религия. Скалы с рисунками: обитель духов и мастерская древнего художника» рассматривается тоже отдельно, где преимущественно обращается внимание на изучение наскальных рисунков, скал с петроглифами, писаницами. Обе темы обобщают сведения по археологии Приамурья, им уделяется большое внимание.

В соответствии с календарно-тематическим планированием, после них начинаются темы, затрагивающие практический аспект. Это обусловлено тем, что ученики смогут принять участие в работе археологической экспедиции. Следовательно, на занятиях во втором учебном полугодии затрагиваются темы, способные выработать практические умения, знания и навыки. Это темы «Физическая антропология» и «Искусство гончарного дела». На таких занятиях дети смогут познакомиться с физиологией и анатомией человеческого тела, методической работы с костными останками. Они научатся самостоятельно создавать керамические изделия по методикам, которыми пользовались древние люди (замес формовочной массы, лепка сосуда, декорирование, сушка, термический обжиг). Данные занятия планируются проводить в практической форме: изучение физической антропологии человека стоит проводить с использованием макета человеческого скелета, освоение гончарного дела реализуется в собственноручном создании керамического сосуда.

Последующие темы затрагивают практические особенности полевой работы. Тема «Российское законодательство о памятниках историко-культурного наследия» рассматривает законодательство Российской Федерации в отношении сохранения памятников историко-культурного значения [6]. В рамках темы рассматривается законный регламент археологических исследований. Данная информация является также немаловажной, поскольку ученикам необходимо знать, что отличает работу ученых-археологов от «черных копателей». Любые археологические работы являются фактически разрушительным явлением с целью изучения объекта. Археологический памятник, будучи изученным, теряет свой первоначальный вид, который может дать исчерпывающую информацию для его изучения. Фактическим продолжением этой темы является тема «Методика полевых археологических исследований». При её изучении учащиеся выработают навыки археологических изысканий в полевых условиях (знакомство со стратиграфией и методикой полевой работы, основы археологической фотографии и работы с измерительным оборудованием). Практическая последовательность тем завершается темой «Методика изучения и обработки археологических материалов».

Табл. 1 Учебно-тематическое планирование факультативного курса
«Археология Западного Приамурья»

№ урока	Содержание (разделы, темы)	Кол-во часов	Основное содержание урока
1	Понятие археологии, задачи археологической науки	1	Введение
2-3	Приамурье в сер. XIX века. Начало его всестороннего изучения Российской академией наук	2	Природно-климатические особенности Приамурья. Сбор обобщающих сведений о дальневосточной территории учеными А.Ф. Миддендорфом и К.Р. Мааком.
4-5	Появление первых данных о памятниках археологии на территории Амурской области	2	Обращение к трудам А.Ф. Миддендорфа, К.Р. Маака, И.А. Лопатина, П. Кафарова. Данные о первых археологических памятниках на территории области, которые им удалось обнаружить и описать.
6-7	Первый амурский археолог А.Я. Гуров. Археологическая деятельность «неутомимого краеведа» Г.С. Новикова-Даурского	2	Работа по сбору археологического материала и описанию памятников А.Я. Гурова. Совместная деятельность с ученым-антропологом С.М. Широкогоровым в бассейне р. Амур. Труды Г.С. Новикова-Даурского посвященные археологическим исследованиям. Составление первых ар-

			хеологических карт Западного Приамурья.
8	Палеолит Западного Приамурья	1	Обращение к трудам А.П. Деревянко. Раскрыть суть и особенности заселения территории современной Амурской области первобытным человеком
9-10	Неолит Западного Приамурья	2	Изучение памятников эпохи неолита на территории Западного Приамурья. Обращение к трудам А.П. Деревянко, Е.И. Деревянко, А.П. Окладников.
11-12	Эпоха палеометалла и ранний железный век в Западном Приамурье	2	Обращение к трудам А.П. Деревянко, Е.И. Деревянко, А.П. Окладников. Рассмотрение степени изученности археологических памятников.
13	Племена Западного Приамурья на пороге эпохи средневековья	1	Раскрыть суть и специфику сложившейся этнополитической обстановки среди племен Западного Приамурья к началу эпохи средневековья, обращение к трудам Е.И. Деревянко, С.П. Нестерова, О.А. Шеломихина.
14	Михайловская культура и ее генезис	1	Охарактеризовать основные положения появления михайловской культуры, обращение к трудам Е.И. Деревянко, Д.П. Болотина, О.В. Дьяковой, С.П. Нестерова, О.А. Шеломихина.
15-16	Мохэская эпоха в Западном Приамурье	2	Обозначить ареал расселения племен мохэ, особенности материальной культуры мохэ, их этнополитические контакты. Обращение к трудам Е.И. Деревянко, О.В. Дьяковой, С.П. Нестерова.
17-18	Чжурчжэньская эпоха (развитое средневековье)	2	Особенности этнополитической ситуации на территории Приамурья в период развитого средневековья. Обращение к трудам В.Е. Медведева, Е.И. Деревянко, Ю.М. Васильева.
19-20	Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье	2	Обзор специфики появления и заселения даурами и дючерами Западного Приамурья.
21-22	Средневековые городища Амурской области	2	Обозначить проблемы стоящие перед изучением средневековых городищ Амурской области, рассмотреть их территориальное распространение и особенности выделения их типов.
23-24	Искусство и религия. Скалы с рисунками: обитель духов и мастерская древнего художника	2	Рассмотреть памятники археологии Приамурья, которые находятся на земной поверхности – писаницы, петроглифы, определить их принадлежность культур, изучить их религиозную значимость
25	Физическая антропология	1	Изучить строение человеческого тела, научиться обработке костных останков человека.
26-28	Искусство гончарного дела	3	Исследовать методики создания керамических изделий, использовавшиеся древним человеком. Научиться создавать формовочную массу для будущего изделия, освоить методику лепки сосуда, декорирование изделия (на основе изучен-

			ного материала и характерных для каждой культуры мотивов и способов декорирования), просушки сосуда, лощения, термического обжига.
29-30	Российское законодательство о памятниках историко-культурного наследия	2	Изучение ФЗ №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», его интерпретация на основе существующего законодательства о ведении археологических работ.
31-32	Методика полевых археологических исследований	2	Рассмотрение существующих, общепринятых и инновационных методик по ведению полевых археологических изысканий на памятнике, в археологической разведке и т.п.
33-34	Методика изучения и обработки археологических материалов	2	Знакомство с методиками камеральной обработки и подробного изучения археологического материала разных типов – каменных орудий, костных останков, текстильного материала, керамического материала, металлических изделий и др.

Расчёт учебных часов следует выделять на 3–4 часа больше, чем описано в примере учебно-тематического планирования. Это обусловлено тем, что педагог будет владеть запасом учебного времени, которое можно использовать исходя из возможностей – проведение музейных экскурсий или поездок на археологический памятник, открытые занятия с приглашенными специалистами.

Важным также является сотрудничество педагога с представителями научно-исследовательских институтов, органов по охране памятников историко-культурного наследия, областных и краеведческих музеев, высших учебных заведений и др. Известны случаи создания в школе профильных классов, имеющих возможность прохождения полевой практики в рамках археологической экспедиции.

Когда идёт речь о факультативном курсе по археологии в школе, следует различать уровни познавательной краеведческой (как аналогичной) работы учащихся. Условно можно говорить о трех уровнях [1, с. 34]. На первом происходит получение учащимися «готовых» знаний об археологической науке со слов учителя, из учебных пособий и сообщений средств массовой информации. На втором уровне самостоятельно приобретаются знания, обеспечивающие условия для более активной познавательной работы учащихся. Источниками таких знаний могут быть, кроме учебных пособий, научно-популярная литература, публикации в местной и центральной периодической печати, материалы школьных и государственных музеев, ресурсы Интернета, монографии, статьи в научных журналах, сборниках. На третьем уровне школьники изучают археологию в ходе углубленного исследовательского поиска, представляющего научный интерес. В этом случае ученики фактически выступают в роли юных исследователей. Обычно они являются членами археологических (краеведческих) кружков (клубов) и научных обществ, слушателей факультативов [1, с. 35].

К сожалению, в ряде школ учителя ограничиваются лишь первым уровнем краеведческой работы. В результате складывается своеобразное «словесно-книжное» представление об археологической науке. В таких школах сведения по археологии мало или совершенно не используются на уроке в процессе изучения программного материала по истории. Грани археологии значительно расширились за последнее десятилетие. Изучаются различные стороны жизни края в их единстве и исторической ретроспективе. Шире стали использоваться архивные документы, в том числе бывших закрытых фондов, материалы музейных фондов. Сегодня благодаря археологии ученик имеет возможность глубже уяснить положения: история

– это история людей; корни человека – в истории и традициях своей семьи, своего народа, в прошлом родного края и страны.

Таким образом, археология способствует решению задач социальной адаптации воспитанников школы, формированию у них готовности жить и трудиться в родном селе, районе, крае, участвовать в их развитии, социально-экономическом и культурном обновлении. Это одна из актуальных социально-педагогических задач нашего времени.

Организация изучения археологии в вузах. В свою очередь студенческая археология разворачивается вокруг студентов профильных направлений – «история», «история, обществознание», «религиоведение», «культурология» и др. Это проявляется присутствием в учебно-образовательных программах дисциплины «археология» и родственных дисциплин – «вспомогательные исторические дисциплины», «этнология», «история древнего общества» и др. Студенты этих направлений обычно после 1–2 года обучения проходят полевую археологическую практику.

Опыт создания на базе Благовещенского государственного педагогического университета Благовещенского археологического клуба «Артефакт» показал положительные результаты. Это способствовало увеличению количества и улучшению качества знаний студентов, как тех, которые готовились к практике, так и тех, кто ее уже прошел. Помимо этого происходило постепенное вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность. Методической особенностью такого формирования можно выделить создание инициативной группы студентов старших курсов, имеющих опыт полевой и научно-исследовательской работы. На основе такой группы возможно создание кураторской системы – студенты-старшекурсники курируют исследовательскую деятельность студентов младших курсов. Это способствует развитию педагогических компетенций, навыков наставничества, расширению личного кругозора возможных исследований. Помимо этого создается практика преемственности между студентами разных курсов – на момент окончания учебы студентов старших курсов, появляются инициативные студенты II–III курсов, готовые продолжать деятельность своих старших товарищей и нередко имеющие новые идеи для развития студенческого объединения.

Для будущего учителя истории необходимо не только знать археологию хотя бы в объеме лекционного курса, но и уметь применять свои знания в школьной работе. Применение археологического материала на уроках в школе всегда дает хорошие результаты, так как археологический материал отличается своей наглядностью, а наглядность, как известно, является одним из методов преподавания в школе [4, с. 291]. Положительные результаты дает сотрудничество студенческих объединений со школами, руководство студентами-старшекурсниками археологических школьных кружков. Это дает возможность практики реализации своего педагогического потенциала в сфере определенной научной направленности. Сотрудничество с учителями истории школ, в особенности сельских, может выступать как определенный социальный метод археологической разведки. Жители сел и деревень, обнаружившие археологический материал на своих обрабатываемых сельскохозяйственных участках, нередко сдают артефакты школьным учителям истории. Те, в свою очередь, часто владеют коллекциями археологического материала, накопленного подобным способом за долгие годы работы в школе. Общение с такими педагогами дает возможность археологам получить сведения о территориальном позиционировании археологических объектов, изучить материал, которым они обладают, получить сведения о местных жителях, владеющих полезной для археологов информацией.

Работа студенческого объединения в формате археологического клуба может также выстраиваться на проведении лекционных и семинарских занятий, аналогичных по тематике описанному ранее факультативному курсу. У специалистов, курирующих подобные объединения, есть также возможности для проведения занятий, способных значительно повысить профессиональную компетенцию слушателей клуба. На опыте работы БАК «Артефакт», та-

кими занятиями являлись лекции врачей-антропологов судебно-медицинской экспертизы, занятия, проводимые приглашенными специалистами. К организации работы клуба привлекаются и сами студенты. Студенты, посещающие научные конференции в других городах, имеющие опыт работ в различных экспедициях и проектах, делятся своими впечатлениями.

Выводы. Создание школьных и студенческих объединений научного профиля в образовательном учреждении дает большие возможности для зарождения навыков научно-исследовательской деятельности и повышения их качества:

1. Происходит расширение знаний за счет источниковедческой базы: изучение архивных данных, монографий, материалов топонимики, этнографии, археологии.

2. Рост удельного веса и самостоятельной исследовательской, а временами и творческой работы учащихся.

3. Вовлечение школьников в атмосферу научного поиска и полное погружение студентов в систему научно-исследовательского процесса, с возможностью практики для последних как навыков исследователя, так и навыков педагога.

Кроме успехов в работе факультативов, школьных и студенческих объединений встречаются и недочеты, основные из них являются низкий теоретический и методический уровень проведения и однообразие форм и методов занятий. Нередко факультативы или заседания клуба по археологии превращаются в обыкновенные дополнительные занятия. Проведение факультативных занятий, так же как и заседания археологических клубов, требуют от учителя/преподавателя/куратора изучения методологических основ школьной внеурочной работы, разработки аналогичных методов для реализации факультативного курса по археологии, ознакомления с источниками по истории региона, историографией, библиографией опубликованных работ, непосредственного участия в изучении истории региона и приобщения учащихся к научно-исследовательской деятельности.

На факультативных занятиях и заседаниях студенческих клубов должно быть уделено особое внимание формированию устойчивых интересов для учащихся по содержанию, необходим постоянный научный интерес педагога-куратора к истории края и непосредственно к археологической науке. Главными особенностями подобной работы будут являться углубленное теоретическое изучение нового материала, разнообразие форм и методов работы, самостоятельная деятельность учащихся, атмосфера научного поиска, исследования, соблюдение принципов интереса и добровольности учащихся [1, с. 178].

Для того чтобы факультативный курс и собрания клуба были интересны, выбирают проблемы из археологии региона, способствующие углубленному изучению археологической теоретической базы и исторической подоплеки. Эти проблемы располагают достаточной источниковедческой базой, способствующей углубленному изучению истории как помимо школьного курса истории, так и лекционных курсов в вузах.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Барков А.С. О научном краеведении. – М.: Просвещение, 1993. – 202 с.
2. Волков Д.П. ЦСН – 10 лет деятельности: итоги работы и перспективы // Традиционная культура Востока Азии: Сборник статей / под ред. Д.П. Волкова, А.П. Забияко, Е.А. Завадской, С.П. Нестерова. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2014. – Вып. 7. – С. 12–23.
3. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А.П. Дервянко, А.П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.
4. Троицкая Т.Н. О работе студенческих археологических кружков в пединститутах // Советская археология. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – №4. – С. 291–292.

5. Федеральный закон «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>. (Дата обращения: 10.10.2017).
6. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/. (Дата обращения: 24.03.2018).



Ляскина Наталья Вячеславовна

Кафедра общеправовых дисциплин

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

Lnv2412@list.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
ПО ПОДДЕРЖКЕ ДЕТСКИХ ДОМОВ (1941-1945 гг.)**

УДК 947.085 (571.63+397.97)

***Аннотация.** В статье на основе неопубликованных ранее архивных материалов рассматривается деятельность государственных и общественных организаций по поддержке детских домов в Приморском крае в период Великой Отечественной войны. Анализируется работа воинских соединений, комсомола, профсоюзных организаций, бригад содействия милиции. Обращается внимание на то, что именно к концу войны данная деятельность приобрела более активный, системный и упорядоченный характер. Делается вывод о том, что в условиях сложнейшей военной обстановки проблемам детских домов удавалось значительное внимание: проводилась воспитательно-разъяснительная работа по предупреждению преступности и беспризорности несовершеннолетних, оказывалась помощь детским учреждениям.*

***Ключевые слова и фразы:** Приморский край, Великая Отечественная война, детские дома, государственные органы, общественные организации, детская беспризорность и преступность, шефство над детскими домами.*

Natalia Lyaskina,

Department of General Legal Disciplines

Far Eastern legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Lnv2412@list.ru

**ACTIVITY OF GOVERNMENTAL AGENCIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS
OF PRIMORSK TERRITORY ON SUPPORT OF CHILDREN'S HOMES (1941-1945)**

***Abstract.** The article discusses the activities of state and public organizations in support of orphanages in the Primorsky Krai during the Great Patriotic War based on unpublished archival materials. The work of military units, Komsomol, trade union organizations, police assistance brigades is analyzed. Attention is drawn to the fact that by the end of the war this activity had become more active, systemic and orderly. The conclusion is that in a complex military situation, the problems of children's homes received considerable attention: carried out educational work on the prevention of crime and homelessness of minors, assistance was provided to children's institutions.*

***Key words and phrases:** Primorsky Krai, The Great Patriotic War, orphanages, government agencies, public organizations, children's homelessness and crime, patronage over orphanages.*

Первостепенной и важнейшей ценностью для любого государства, и, в том числе нашего Отечества, является постоянная забота о подрастающем поколении. Именно забота о детях и подростках является важнейшим гарантом для существования государства. А правильное воспитание молодого поколения является приоритетной задачей для культурного общества.

Важной государственной задачей в условиях трудного военного времени являлась забота о подрастающем поколении, его воспитание в таком духе, «чтобы у них формировать нравственные качества советского гражданина, бойца, будущего сознательного строителя социалистического общества» [1].

В отечественной историографии рассматривались различные аспекты негативных социальных явлений, связанные с преступностью и ее причинами, в том числе преступностью и беспризорностью несовершеннолетних [16-21]. В данной статье нами уделено внимание детским домам, которые стали местом размещения детей, оставшихся без попечения родителей, и местом, в которые эвакуировали детей из прифронтовых и фронтовых районов.

В Приморский край эвакуированных детей из других районов страны не направляли. Однако следует обратить внимание на то, что вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 года вызвало эвакуацию населения. В информационной справке №13 «О некоторых фактах жизни и деятельности местных партийных и советских организаций» по состоянию на 15 августа 1945 года сообщались некоторые факты об эвакуации гражданского населения в пригородные районы г. Владивостока: «В ночь с 9 на 10 августа в дачном районе 14-28 километров работало 6 комендантских пунктов по размещению и обслуживанию эвакуированного населения» [3]. Эвакуированные дети в неотложном порядке размещались в помещениях действующих пионерских лагерей, детсадов, незначительное количество детей в домах частного сектора. Питание детей организовывалось через котлопункты пионерлагерей и детских садов. Нуждающимся детям, прибывшим с матерями, выдавали по одному горячему блюду. Был организован подвоз продуктов питания, медицинское обслуживание. «На склады дачного района 12 августа завезено 39,5 тонн продуктов (жиры, консервы, сахар, крупа, рис, кондитерские изделия и др.). Хлеба на пекарнях 2-й речки, Океанской и Седанке, выпекалось ежедневно 13 тонн, что вполне удовлетворяло в дачном районе потребность местного населения и эвакуированных» [3].

Уже к 13 августа 1945 года количество эвакуированного населения достигло 20132 человек, из них – 16000 детей. Всего эвакуировали в пригородную часть г. Владивостока 32-35 тысяч человек.

Расселение в частные дома детей и престарелых, местное население принимало радушно, но были, как свидетельствуют архивные материалы, и некоторые упущения со стороны руководителей, проводивших эвакуационные мероприятия. Например, в документах отмечалось, что в ходе эвакуации обнаружились факты безответственного отношения руководителей хозяйственных и партийных организаций. Приводится документальное свидетельство о том, что на винном заводе не только посадили в случайную машину 15 детей, но и отправили их на 26-й километр без руководителя и продуктов. «Имел место один случай с детсадом хлебозавода. Опасаясь продвигаться ночью пешком от ст. Океанская до пионерлагеря, дети переночевали на поляне. Утром группа была размещена».

В рыбном порту детей и с ними двух пожилых женщин отправили на 28-й километр, также не обеспечили вожатым и продуктами. «Шофер завез детей на Седанку в Зверосовхоз. В результате они оказались без хлеба и других продуктов. Комендант пункта был вынужден прикрепить их к котлопункту, а руководители базы «Ако» до сих пор не заинтересовались жизнью эвакуированных» [3].

За годы Великой Отечественной войны детские дома приняли под свою кровлю десятки тысяч детей-сирот, и в большинстве случаев это были дети воинов Красной Армии, павших в боях за свободу и независимость нашей страны. Сеть детских домов увеличилась более чем в два раза, а количество детей только по РСФСР достигло 400 тыс. человек [4].

На основании Постановления, принятого СНК РСФСР от 9 мая 1943 года, областные, краевые и совнаркомы АССР дополнительно могли открывать детские дома с целью безотказного осуществления приема детей из детских приемников распределителей. Расширение сети детских домов позволило решить проблему с устройством детей-сирот и беспризорных.

На 5 мая 1944 года на территории Приморского края функционировало 10 детских домов, в которые были устроены 783 ребенка [14]. При содействии Приморского крайисполкома в 1945 году было дополнительно открыто 3 детских дома на 250 воспитанников [15].

В чрезвычайных условиях военного времени в детских домах особо остро встают проблемы кадрового, бытового, медицинского и иного характера. В детских домах наблюдается скученность детей, недостаточная обеспеченность вещами первой необходимости, обувью, наличие скудного питания, неудовлетворительное медицинское обслуживание, ежедневный труд и учеба при недостатке полноценного отдыха, порой и «отсутствие чуткого отношения к ним со стороны руководителей этих учреждений... [2]»; жажда, во что бы то ни стало найти своих родителей, эти и многие другие причины, послужили источником побегов из детских домов.

Советское государство приняло всевозможные меры по улучшению жизни детей. Комсомольские, партийные и общественные организации, органы милиции приняли участие в решении проблемы беспризорности и безнадзорности.

Как отмечалось в докладе о состоянии работы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью по УНКВД Приморского края за 1944-1945 годы, органами милиции Приморского края было задержано 149 детей, бежавших из детских домов; 60 чел., бежавших из ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения (далее – ФЗО). Основные причины побегов из детских домов, указанные в докладе, являлись «плохо поставлена воспитательная работа; не везде были созданы нормальные бытовые условия» [6]. Так, например, в Кировском детдоме ослабленная воспитательная работа послужила причиной совершения детьми преступлений, краж и хулиганства. Районное местное руководство попустительски отнеслось к созданию бытовых условий, организации полноценного питания. «... Дело доходило до того, что детям по 5-10 дней не выдавали хлеба, питание было организовано плохо». В результате из Кировского детдома бежало 38 воспитанников [6].

Как свидетельствуют архивные материалы, в 1944-1945 годы органами НКВД изъято с улиц и других общественных мест 17511 беспризорных и безнадзорных детей, в том числе в 1944 году – 10476 чел., в 1945 году – 7035 чел., из них беспризорных 1599 чел., безнадзорных – 15912 чел. При выяснении причин, в силу которых дети оказались беспризорными, установлено, что 587 детей и подростков стали сиротами после смерти родителей, 359 детей стали сиротами в результате войны, родители которых погибли от рук немецких захватчиков, 81 чел. – заехали в Приморский край из западных областей и местонахождение своих родителей им было неизвестно, 149 детей – бежало из детских домов Приморского, Хабаровского краев, Читинской, Иркутской, Новосибирской областей, 423 чел. возвращены родителям – были разысканы детскими приемниками и милицией. К сожалению, беспризорные дети оказались на улице из-за несвоевременного устройства в детские дома, в ремесленные училища или ФЗО [6].

Дети, неоднократно сбежавшие с детских домов и с других детских воспитательно-образовательных учреждений, длительное время ведущие беспризорный образ жизни, подлежали устройству в трудовые воспитательные колонии. Об этом свидетельствует справка о работе детского отдела МВД СССР по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью за 1948 год [12].

Совместно с бригадами содействия милиции, комсомольскими и партийными активистами организовывались рейды по изъятию безнадзорных и беспризорных детей с улиц города и других общественных мест, организовывалось шефство над детьми во время выполнения работ на производстве и в сельском хозяйстве, создавались постоянные комсомольские общественные дружины (бригады), проводились совместные трудовые воскресники.

В проведении таких мероприятий участвовала и транспортная милиция. Только за второй квартал 1945 года по всей Приморской железной дороге было проведено 7 массовых проверок с привлечением оперативного состава милиции – 248 чел., младшего и рядового со-

става – 311 чел., отдела контрразведки – 320 чел., воинских частей – 75 чел., комендантского наряда – 45 чел., общественности – 81 чел. Всего участвовало в рейде 880 человек.

В результате проведенных мероприятий было задержано 372 чел., из которых общественностью задержано 173 чел. Задержано 29 детей, бежавших из домов Наркомпроса (из детского дома г. Комсомольск – 1, с. Успенки Кировского района – 7, г. Артем – 1, г. Сучан – 3, г. Спасск – 10, Семеновка Яковлевского р-на – 7 [5]).

С представителями комсомольских и пионерских организаций дети участвовали в заготовительных сборах дикоросов: лекарственных трав, грибов, ягод. Каждый детский дом с начала войны имел подсобное хозяйство и земельные участки. В основном силами воспитанников обрабатывались и заготавливались продукты питания на предстоящий год. Этот так называемый дополнительный источник снабжения являлся чуть ли не основным.

Требовалась систематическая совместная усиленная воспитательная работа не только в детских учреждениях, но и среди взрослого населения. К сожалению, большая часть взрослого населения была призвана в ряды Красной армии, остальные в основном женщины и пожилые трудились в тылу по 12 и более часов. Тяжелые испытания пришлось пережить взрослому и молодому поколению.

Для того чтобы разгрузить детские дома, необходимо было приложить немало усилий не только общественности, но и тем ведомствам, которые обязаны были заниматься поиском родителей детей или их близких. Во исполнение, Постановления СНК СССР за № 75 от 23 января 1942 года и директивного указания за № Н-150 от 23 апреля 1942 года, руководство детских домов и интернатов обязано было предоставлять сведения в Наркомпрос на каждого поступившего с 22 июня 1941 года ребенка, потерявшего связь с родителями (или лиц, их заменяющими) с дальнейшей передачей заполненных учетных карточек в Адресно-справочный стол Управления милиции НКВД Приморского края. Но, к сожалению, в этой работе заметны были упущения.

Как свидетельствуют архивные материалы, до 15 июня 1945 года в адресный стол НКВД не поступило ни одной учетной карточки из Наркомпроса, что серьезно затрудняло возможность производить поиск детишек родителями или их близкими [7].

В связи с большим ростом беспризорников и детей-сирот, в стране широко была развернута агитация среди рабочих и служащих по усыновлению (удочерению) и патронированию осиротевших детей. Патронирование, опека и усыновление проводилось на основании постановлений Совнаркома СССР от 23 января 1942 года за №75 и Совнаркома РСФСР от 25 ноября 1942 года за № 865. В 1943 году была разработана Народным комитетом просвещения, Народным комитетом юстиции и Народным комитетом здравоохранения совместная инструкция о патронировании, опеке и усыновлении детей, утверждённая Совнаркомом РСФСР с целью упорядочивания работы по устройству детей в советские семьи.

В 1944 году была проведена работа по учету и упорядочиванию всех устроенных детей в семьи трудящихся при поддержке Наркомпроса совместно с общественной инспектурой. К сожалению, дети убегали не только из детских домов, но и из школ фабрично-заводского обучения, из патронированных семей. Советское правительство делало все, чтобы создать надлежащие условия для развития и воспитания детей, считая, что забота о детях-сиротах является всенародным делом, но, к сожалению, не всегда на местах эта работа проводилась с самоотдачей и в полную силу.

Изучение архивных материалов показало, что внимание и помощь детским домам Приморского края усилилось ближе к концу войны и послевоенное время. Так, например, многие войсковые части, военно-учебные заведения шефствовали над детскими домами, оказывали им значительную помощь в улучшении воспитательной работы и укреплении их материального положения.

Части и соединения дальневосточного фронта, по инициативе комсомольских организаций, неоднократно организовывали сбор средств в помощь детям фронтовиков. Директи-

вой Военного Совета от 31 марта 1945 года за № 0298, утвержденной командующим войсками Дальневосточного фронта генералом Армии Пуркаевым, членом военного совета Дальневосточного фронта генерал-лейтенантом Яковлевым, начальником политуправления Дальневосточного фронта генерал-майором Лукашиным, были даны указания командующим Армий и членам военных советов о необходимости организации шефства над детскими домами. В директиве указывалось: «Из собранного по нашему фронту фонда помощи детям и семьям фронтовиков в сумме 13.243.250 рублей для Хабаровского края в 1944 году было выделено 2.026.770 рублей. Ряд соединений шефствуют над детскими домами, оказывая им помощь в воспитании и материальном обеспечении. Комсомольские организации 15-й армии шефствуют над Лондоковским детским домом (расположенный в ЕАО – прим автора.). Однако не все части и соединения привлечены к этому благородному делу. А между тем, в связи с развертыванием сети детских домов и увеличением числа воспитанников в них, – эта помощь весьма необходима»[8]. На основе данной директивы за детскими домами Приморского края были закреплены воинские соединения (см. табл.1).

Таблица. 1

Список воинских соединений, шефствующих над детскими домами Приморского края

№ п/п	Воинское соединение (командир соединения)	Детский дом (адрес)
1.	Владивостокское пехотное училище	Владивостокский детский дом г. Владивосток, ул.Лесная, д.8
2.	командир соединения полковник Сопельцев, начальник политотдела полковник Горбунов	Владивостокский детский дом, г. Владивосток, Сельский район, с. Удугоу
3.	командир соединения полковник Подпорин, начальник политотдела подполковник Украинец	Владивостокский детский дом, г. Владивосток, 26км, ул.Воровского, д.22
4.	командир соединения полковник Зеленков, начальник политотдела подполковник Синеоков	Ворошиловский детский дом Сельский р-он, с. Н-Никольское
5.	командир соединения полковник Исаков, начальник политотдела подполковник Москаленко	Ворошиловский детский дом г. Ворошилов, ул. Ворошиловская, д.54
6.	Шкотовское пехотное училище	Артемовский детский дом г. Артем, ул. Лазо, д.18
7.	командир соединения генерал-майор Тимошенко, начальник политотдела подполковник Косых	Спасский детский дом г. Спасск, ул. Наречинская, д.74
8.	командир соединения подполковник Суричан, начальник политотдела майор Хохлов	Ворошиловский детский дом, г. Ворошилов, угол улиц Горького и Суханова
9.	командир соединения генерал-майор Пашков, начальник политотдела полковник Лебедев	Кировский детский дом Кировский р-он, п.Кировский, ул.ШКМ
10.	командир соединения полковник Малиновский, начальник политотдела подполковник Демин	Сучанский детский дом г.Сучан, Дворецкий переулок, д. 18

Прим.: составлена автором, на основе материалов Государственного архива Приморского края [8].

Из приведённой таблицы можно сделать вывод, что за каждым детским домом было закреплено воинское соединение, ответственность за организацию шефства возложена на командиров соединений и начальников политотделов.

Силами военнослужащих, партийным и комсомольским активом была организована повседневная воспитательная работа в детских домах, оказывалась и гуманитарная помощь. Для детей организовывали просмотр красноармейской художественной самодеятельности, демонстрацию детских фильмов, открывали ленинские уголки, периодически проводили встречи детей-сирот с отличниками боевой и политической подготовки, организовывали спортивные и военные кружки, развивали самодеятельность детей. Оказывали всемерную помощь детдомам и в ремонте помещений, заготовке и подвозке топлива, в оборудовании общежитий, в починке и сборе одежды и обуви для воспитанников. К данной работе привлекали и жен офицерского состава.

При соединениях и частях были отведены земельные участки для посева овощных и других культур для оказания помощи детям в продуктах питания, была организована помощь в подготовке и проведении сева на подсобных хозяйствах детских домов.

Инициатива комсомольцев 9-й ВА по сбору средств и вещей в помощь детям-сиротам фронтовиков была одобрена руководством и внедрена в других воинских соединениях для массового сбора средств и вещей среди личного состава фронта и их семей. Собранные средства переводили на полевую контору Госбанка (полевая почта № 44859, текущий счет № 16006), а собранные вещи непосредственно сдавали подшефным детским домам [8].

Воинские части оказывали помощь и школам в военной подготовке детей. Так, например, коллектив учителей и учащихся Воздвиженской семилетней школы Михайловского р-на Приморского края обратились с просьбой в военный отдел крайкома партии ВКП (б) о вынесении благодарности командиру части № 47057 майору Крапивному Федору Тимофеевичу за активное участие и оказание помощи в деле воспитания, военного обучения учащихся школы, в оборудовании военного кабинета, который в краевом конкурсе занял второе место [9].

Отдельные поручения из Наркомпроса РСФСР поступали в Приморский крайкомпартии по проведению воспитательной работы в детдомах и детсадах. Из письма секретаря Приморского крайкома ВКП (б) Н. Пегова секретарю Владивостокского горкома ВКП (б): «Народный комиссар просвещения РСФСР тов. Потемкин обратился в крайком ВКП (б) с просьбой организовать ко дню Красной Армии посещение ответственными партийными и советскими работниками детских учреждений, где содержатся дети, отцы которых или находятся на фронте или пали героями в боях за свободу и независимость нашей Родины. Цель посещения – выявление недостатков в материальном снабжении, в отоплении, в питании и обслуживании детских учреждений и оказание немедленной помощи в ликвидации этих недостатков с тем, чтобы дети наших славных воинов почувствовали еще большую отеческую заботу и ласку к себе со стороны большевистской партии советской власти. Организуйте посещение руководящими работниками края, города, Владивостокского детдома и детсадов, работающих круглосуточно - №№ 10, 81, 40, 80, 17, 53, 39, 43, а также Удуговский детдом Владивостокского сельского района» [10].

Активизировал свою работу и Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (далее – ВЦСПС), который в 14 января 1947 года на Президиуме ВЦСПС «О работе профсоюзов в помощь родителям по воспитанию детей, об оказании помощи детским домам и об устройстве детей-сирот» принял ряд эффективных решений по предупреждению безнадзорности детей, организации внешкольной работы в детских учреждениях, закрепления шефства совместно с хозяйственными организациями и органами народного образования над детскими домами. К шефской работе стали шире привлекать ученых, учителей, артистов, писателей, художников, коллективы предприятий и учреждений, комсомольские организации [11]. Перед шефствующими организациями стояли неотложные задачи по оказанию помощи в улучшении материально-хозяйственной базы детских домов (в ремонте помещений, обеспечении топливом, мебелью в оборудовании учебных мастерских), медико-санитарном обслуживании детей; повышения культурного досуга детей; усилении общественного контроля расходования продуктов питания, материалов, денежных средств и ряд других задач. Центральные комитеты профсоюзов на своих предприятиях обязаны были выявлять детей, оставшихся без родителей. Совместно с министерствами соответствующих отраслей промышленности устраивали этих детей в новые детские дома. Профсоюзные организации школ организовали повседневный контроль всеобщего обучения воспитанников детских домов и детей, находящихся на патронате, оказывали помощь неуспевающим. Только за годы войны в стране профсоюзами за счет своих средств было открыто более 100 детских домов [13].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что в условиях сложнейшей военной обстановки государственные органы и общественные организации Приморского края уделяли значительное внимание проблемам детских домов. Партийные и общественные организации

проводили воспитательно-разъяснительную работу по предупреждению преступности и беспризорности несовершеннолетних, оказывали помощь детским учреждениям. К концу войны общественная работа комсомола, бригад содействия милиции, профсоюза и всех заинтересованных ведомств приобрела более активный, системный и упорядоченный характер.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Архив УМВД по Приморскому краю. Ф.12. Оп.1. Д.87. Л.1.
2. Архив УМВД по Приморскому краю. Ф.12., Оп.1, Д.87., Л.127.
3. Государственный архив Приморского края. Ф. П.68. Оп.35. Д.12. Л.38-39.
4. Государственный архив Приморского края. Ф. П.68. Оп.68-34.Д.78.Л.6.
5. Государственный архив Приморского края. Ф. П.68. Оп.68-34.Д.78. Л.28-31.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф.9412. Оп. 1.Д.29. Л.130-130 об.
7. Государственный архив Приморского края. Ф. П.68. Оп.68-34.Д.78. Л.18.
8. Государственный архив Приморского края. Ф. П.68. Оп.68-34.Д.78. Л.7-10.
9. Государственный архив Приморского края. Ф. П.68. Оп.68-34.Д.78. Л.11.
10. Государственный архив Приморского края. Ф. П.68. Оп.68-34.Д.78. Л.4.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф.9412. Оп.1 Д.97. Л.227.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9412. Оп.1 Д.181.Л.164.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9412. Оп.1 Д.97. Л.235.
14. Государственный архив Приморского края. Ф. П.68. Оп 35. Д.411. Л.4 об.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9412. Оп.1 Д.29.Л.132.
16. Жадан А.В., Звягин В.А. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с беспризорностью, безнадзорностью, преступностью среди молодежи (1941-1945 гг.) // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: сборник статей междунар. науч.-практ. конф. (5 июня 2016 г., г. Киров): В 3 ч. Ч. 3. – Уфа: АЭТЕРНА, 2016. – С. 46-50.
17. Некрытый В.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью: историографический обзор // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16-17 октября 2018 г.). – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 402-408.
18. Орнацкая Т.А. Деятельность территориальных управлений органов государственной безопасности СССР в 1941-1943 гг. // Военно-юридический журнал. –2015. – № 2. – С. 15-21.
19. Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941-1945 гг.). – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2014. – 88 с.
20. Шабельникова Н.А. Особенности профилактики преступности несовершеннолетних в 1920-е гг.: исторический опыт // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2016. – № 2. – С. 33-37.
21. Шабельникова Н.А. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // КЛИО. – 2019. – № 1. – С. 38-42.



Мамуль Ян Михайлович

«Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области»
mamul.93@mail.ru

Щербинский Евгений Владимирович

«Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области»

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ЗАПАДНОМ ПРИАМУРЬЕ: ПОГРЕБЕНИЕ В СЕЛЕ КРАСНОЕ

УДК 902

Аннотация. В статье рассматривается историография археологических исследований и этнографическая ситуация периода позднего средневековья на территории Западного Приамурья. Представлены наиболее изученные археологические памятники этого периода. Предложено описание обнаруженной археологической коллекции. На основе предыдущих исследований дана характеристика артефактов, с последующими выводами.

Ключевые слова и фразы: археология Западного Приамурья, позднесредневековое погребение.

Ian Mamul

«Center for the preservation of historical and cultural heritage of the Amur region»
mamul.93@mail.ru

Eugene Shcherbinsky

«Center for the preservation of historical and cultural heritage of the Amur region»

THE LATER MIDDLE AGES IN WESTERN AMUR REGION: BURIAL IN THE VIL- LAGE KRASNOE

Abstract. The article deals with the historiography of archaeological research and ethnographic situation of the late middle ages in the Western Amur region. The most studied archaeological monuments of this period are presented. The description of the discovered archaeological collection is offered. On the basis of the previous researches the characteristic of artifacts, with the subsequent conclusions is given.

Key words and phrases: archaeology of the Western Amur region, late medieval burial.

Археологические памятники позднего средневековья на территории Западного Приамурья впервые были выделены Г.С. Новиковым-Даурским. В 1928 г. им был обнаружен в окрестностях с. Марково, в береговом срезе, разрушаемый водой могильник отнесенный автором исследования к периоду позднего средневековья. В 1970-е гг. В.И. Болдиным, А.Л. Ивлиевым, Е.И. Деревянко были исследованы позднесредневековые некрополи. Однако материал археологических раскопок и разведок не публиковался [6, с. 42-43].

В 1986 г. О.В. Дьяковой введены в научный оборот материалы, поступившие в фонды Амурского областного краеведческого музея в 1984 г. Археологическая коллекция, собранная в районе с. Марково, была охарактеризована исследователем, как единый комплекс, разрушенный строительными работами. Он отнесён к периоду XIV–XVII вв., который в историографии начала века имел название – эпоха «запустения». Связано это с тем, что хроноло-

гический интервал очень слабо обеспечен письменными источниками. Коллекция артефактов, наряду с традиционными типами орудий труда, оружия и украшений, характеризуется появлением новых элементов представленных посудой с кобальтовой росписью, серьгами в форме вопросительного знака и стеклянные изделия [11, с. 165].

В конце 1980–90-х гг. изучение периода позднего средневековья было продолжено Б.С. Сапуновым и Д.П. Болотиным. Исследователями на основе ряда памятников, преимущественно могильников, показана оригинальность археологической культуры XIII–XVII вв., которая получила название владимировская, по первому памятнику, на котором проводились стационарные работы [6, с. 44].

Появление владимирской археологической культуры тесно связано с этнографической ситуацией в XIII–XVII вв. в Западном Приамурье.

В отписках русских первопроходцев: В.Д. Пояркова, Е.П. Хабарова и др., на указанной территории население представлено носителями двух этносов – тунгусоязычные дючеры и монголоязычные дауры. Первые являются автохтонным населением, вторые – пришлым. [4, с. 4].

В вопросе происхождения дючеров нет однозначного ответа. Большинство исследователей, опираясь на письменные источники XVII в., склоняются к тому, что дючеры являлись одной из этнографических групп маньчжуров [1, с. 73].

Прародиной дауров, по всей видимости, является долина р. Нонни (Нуныцзян) – общемонгольский центр миграции. Причины, побудившие монголоязычный народ переселиться, установить трудно. Существуют несколько гипотез.

Первая – политическая, выдвинута Р.К. Мааком, Л.И. Шренком, Г.С. Новиковым-Даурскими др. Предположительно, дауры пришли на Амур в XIII в., во время монгольских завоеваний, и являлись оккупационными войсками.

Вторая – социальная, предложенная Д.П. Болотиным. Суть её в том, что в монгольском обществе на рубеже I и II тыс. проходил процесс классообразования. Для кочевников данного периода характерно перераспределение пастбищ среди родственных племен и захват их более сильными коллективами. Слабейшим племенным союзам пришлось искать новые земли и ресурсы для выживания.

Третья – экологическая, также позднее выдвинута Д.П. Болотиным. Данная гипотеза сводилась к тому, что из-за климатических изменений в Центральной Азии пастбища лишились влаги, что привело к миграции скотоводческих племён на сопредельные территории, с большими низменностями, где длительное время сохранялись обильные травы [5, с. 52-54].

По письменным источникам известно, что территория проживания двух народов разнилась. Дауры, как переселенцы, заняли прибрежную зону крупных речных артерий, занимая берега Амура и Зеи. Тунгусы расселились по их притокам [5, с. 52].

В результате их слияния появляется владимирская культура, идентифицируемая по синтезу погребальных традиций, в том числе могильному инвентарю [12, с. 119; 4].

Наиболее изученными памятниками владимирской культуры на территории Западного Приамурья являются грунтовые могильники: Владимирский, Марковский, Егорьевский, Прядченский, Семиозерские, Каникурганские и др. [2]. Стационарные раскопки проводились на Владимирском и Прядчинском могильниках.

Владимирский могильник был выявлен в 1971 году Б.С. Сапуновым. В 1978 году исследовался Е.И. Деревянко. В 1988 г. проводились стационарные исследования под руководством В.В. Сухих и Д.П. Болотина. По имеющимся данным, в ходе работ вскрыто 11 захоронений, 4 из которых преднамеренно, через какое-то время после похорон, были разрушены. Данный ритуал носил цель ослабить «вредоносную силу покойника». На месте одного из погребений, в разрушенной части скелета был разведен костер. Почти во всех случаях из могилы были убраны позвонки, грудная клетка. В одном костяке отсутствует лицевая часть,

нижняя челюсть сломана [16, с. 47]. Также были обнаружены предметы украшения (бусы) и керамическая посуда [13; 14].

Прядчинский могильник обнаружен и обследован в 1971 г. Б.С. Сапуновым. В 1977 г. памятник исследован Е.И. Деревянко. В 1989 г. памятник обследован отрядом по паспортизации памятников археологии БГПИ под руководством Б.С. Сапунова. В 1994 г. фермером Н.И. Землянским в ходе земляных работ был выявлен археологический материал, переданный им в археологическую лабораторию БГПИ. Б.С. Сапуновым на месте хозяйственной ямы, в которой был выявлен материал, была обнаружена разрушенная могила. В могиле было похоронено 4 человек, их кости находились в двух уровнях. Погребальный инвентарь был представлен оружейным набором и украшениями. Обнаружен фрагмент станкового сосуда [8, с. 49]. Тем же летом отрядом ДВ РАН под руководством В.И. Дьякова был выполнен глазомерный план памятника.

В 1998 г. Д.П. Болотиним произведены раскопки могильника площадью 95 м². Было зафиксировано 7 могил, 4 из них оказались кенотафами. Наиболее информативной оказалась могила 7. Ее яма четырехугольной формы с закругленными углами. Стенки ямы сужаются по мере углубления. Дно плоское. Внутримогильная конструкция выполнена из деревянных плах. В могиле обнаружены остатки трех человек, положенных на спину, ноги выпрямлены, головами ориентированы на юг. В могиле обнаружены предметы украшения и вооружения: стеклянные пуговицы, наконечники стрел, железные кольца, 3 бронзовых кольца, накладки на лук, наконечники стрел, нож, железный крюк [9, с. 205].

На сегодняшний день с учетом проведенных исследований появление новых материалов относящихся к периоду позднего средневековья очень важно для понимания исторических процессов, происходящих в регионе в данную эпоху.

В июне 2010 года житель села Красное, Тамбовского района Амурской области, на территории своего участка копал яму под погреб и наткнулся на человеческие останки и различные предметы, изготовленные из металла и керамики, которые впоследствии были переданы им в Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области.

Село Красное расположено на высокой первой надпойменной террасе левого берега р. Амур, в прибрежной зоне протоки Краснинская. Расстояние от г. Благовещенска до села Красное около 60 км.

Найденные предметы после детального обследования были условно разделены на несколько групп.

Первая группа – это предметы вооружения, к которым в нашем случае относятся наконечники стрел, топорик, колчанный крюк.

Наконечники стрел в количестве 11 штук, изготовлены из металла, плоские в сечении, с упором, относятся к отделу черешковых. (Рис.1, 3-4). Из них:

- иволистной формы, с максимальным расширением во 2-й нижней трети пера, имеющей здесь выступы-шипы, с упором и плавно очерченным острием – 6 штук, с размерами пера в ширину в широкой части – 35-40 мм, в длину – 70-85 мм; длина черенка – 83-100 мм;

- подтреугольной формы, с максимальным расширением в нижней части пера, с тупоугольными и выпуклыми режущими боковыми выступами, с упором и плавно очерченным острием – 5 штук, с размерами пера в ширину в широкой части – 50-60 мм, в длину – 55-60 мм, длина черенка – 50-85 мм.

Топор проушной, с заметно удлиненным лезвием, расширенным книзу до 4,5 см и 2,5 см в середине и обухе (Рис.1,2).

Крючок для подвешивания колчана (колчанный крюк) плоскостного крепления. В верхней части с правой стороны имеется проушина (Рис.1,5). Длина – 10 см, ширина дуги – 1 см, ширина полосы основной части – 2 см.

Вторая группа представленных артефактов – это части конской упряжи.

Стремена – 1 пара, арочной формы, с широкой круглой подножкой, по краю проходит бортик высотой и шириной по 5 мм. В верхней части стремян имеется прямоугольное отверстие для путлища размером 25x22 мм (Рис. 1, 1).

Размеры стремени: высота – 150 мм, диаметр подножки – 120 мм внешний и 110 мм внутренний, соответственно.

Удила состоят из 2-х подвижных звеньев-загубников, с двумя сомкнутым, свободно вращающимся кольцами на каждом из звеньев-загубников. К обоим кольцам прикреплены по два металлических поводка для крепления поводьев (Рис. 1, 6).

Помимо описанных деталей конской упряжи имеются также различные металлические кольца и изогнутые железные пластины, загнутые с одного конца, которые, судя по всему, являлись фрагментами наременных обойм либо элементами сбруи, выполнявших обычно соединительную или распределительную функции.

Следующая группа предметов – это предметы быта, представленные посудой, которая делится на металлическую и станковую керамическую.

К керамической относятся 2 пиалы среднего размера с диаметром в верхней части 150 мм и 140 мм соответственно (Рис. 2, 2), 1 маленькая пиала-чашечка диаметром 63 мм в верхней части, а также 1 тарелка диаметром 250 мм (Рис. 2, 1). Вся керамическая посуда выполнена из селадона и украшена подглазурной кобальтовой росписью синего цвета по белому фону. Две большие пиалы покрыты рисунками растительного мотива с внешней и внутренней сторон, маленькая пиала-чашечка имеет роспись непонятного значения лишь с наружной стороны. На тарелке рисунок только на внутренней части, изображающий белого на синем фоне дракона с запрокинутой головой. И пиалы и тарелка имеют кольцевой поддон.

Нужно сказать, что маленькая пиала-чашечка полностью сохранна, на 2-х больших пиалах есть незначительные сколы по краям, тарелка разбита, но собирается из частей, правда, не полностью. Помимо этого имеется множество разрозненных осколков селадоновой посуды, которые не представляется возможным как-то соединить в одно целое.

К металлической посуде относятся остатки железного котла с сохранившимися ручками (Рис. 2, 3). Диаметр котла в верхней части составляет 330 мм.

Среди предметов бытового назначения находится артефакт, который был отнесен к посуде по своей видовой принадлежности, но его истинное назначение остается непонятным.

Это бронзовая чаша диаметром 200 мм сделана из тонкого жестяного листа. С двух сторон заметны следы ручек. Бортик чаши был подвержен коррозии, что свидетельствует о другом составе металла. Отличительной чертой этой чаши является то, что она была сверху обтянута шелковой тканью. Сохранность плохая. Возможно, данный сосуд использовался в каких-то ритуальных целях.

Принадлежность описанных артефактов к позднесредневековой эпохе можно предварительно определить по внешним характеристикам предметов и по вероятной технологии их изготовления. Назвать более точную датировку трудно, так как артефакты, предоставлены нам, по всей видимости, не в полном объеме и часть из них так и осталась лежать на месте. Единственное предположение, которое можно дать с наиболее вероятной точностью, это то, что весь описанный выше инвентарь был найден на месте погребения воина, о чем свидетельствуют выделенные группы найденных вещей: посуды, оружия, элементов конской упряжи [7, с. 617, 635]. А также утверждение местного жителя, обнаружившего эти предметы, о нахождении им костных останков, предположительно, человеческих, расположенных в плохо сохранившейся деревянной «колоде» («ящике») в анатомическом виде сами костные останки владелец участка перезахоронил.

В результате подробного изучения описанных выше артефактов видно, что, с одной стороны, подобные предметы вооружения, детали конской упряжи характерны для памятников амурских чжурчженей. Например, схожие с описанными нами, удила были встречены на Надеждинском могильнике в Еврейской Автономной области [15, с. 138, 146]. С другой сто-

роны, керамическая посуда из селадона, удила, стремя подобные нашим встречаются в захоронениях владимирской культуры [3, с. 85, 91-93; 12, с. 116].

Указанные факты подтверждают данные о том, что в период позднего средневековья представители различных археологических культур, а в нашем случае речь идет, по всей вероятности, о владимирской культуре, хоронили умерших вместе с набором вещей, который сопровождал их при жизни. И не всегда это были копии реальных предметов, выполненные из кости или дерева.

На основе полученных данных следует отметить географическое расположение объекта. В очередной раз подтверждается расселение носителей владимировской археологической культуры по берегам крупных водотоков: Зее и Амуру. Место обнаружения захоронения в с. Красное является самой южной точкой на карте известных памятников этой археологической культуры. Можно предположить, что в районе села существует до настоящего времени неизвестный позднесредневековый грунтовый могильник.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П., Пан Т.А. «Маньчжурский клин»: история, народы, религии / Под ред. А.П. Забияко – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005. – 316 с.
2. Болдин В.И. Могильники владимировской культуры на Зее // Традиционная культура Востока Азии. Археология и культурная антропология. – Благовещенск, 1995. – С. 60-64.
3. Болотин Д.П. Владимирская культура позднего средневековья в Приамурье // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск: Благовещенский гос. пед. институт, 1993. – С. 84-106.
4. Болотин Д.П. К вопросу об археологической культуре позднего средневековья Верхнего Приамурья // Проблемы краеведения Дальнего Востока и сопредельных территорий: Тез. докл. участников регион. науч. студ. конф. (Благовещенск, 21-22 февр. 1990 г.). – Благовещенск, 1990. – С. 4-5.
5. Болотин Д.П. К вопросу об этнической принадлежности носителей владимировской археологической культуры // Новые материалы по археологии Дальнего востока России и смежных территорий: (Докл. V Науч.-пробл. Совета археологов Дальнего востока). – Владивосток, 1993. – С. 51-56.
6. Болотин Д.П. К истории исследования археологических памятников Приамурья эпохи позднего средневековья // Тез. докл. итог. науч. конф., посвящ. 100-летию Амур. обл. краевед. музея. – Благовещенск, 1991. – С. 41-44.
7. Болотин Д.П. Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 615-636.
8. Болотин Д.П., Исаченко Б.А. Коллективное захоронение позднего средневековья у с. Прядчино Амурской области. //Традиционная культура востока Азии: археология и культурная антропология / Под ред. А.П. Забияко; Благов. гос. пед. ин-т. – Благовещенск, 1995. – С. 49-54.
9. Болотин Д.П., Нестеров С.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н., Сапунов И.Б. Результаты исследований городища и могильника у с. Прядчино Амурской области. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 201-206.
10. Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Коллекция железных наконечников стрел из Хакасско-Минусинской котловины музея археологии Казанского университета // Военное

дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С. 106-120.

11. Дьякова О.В. Археологическая коллекция из Приамурья XIV-XV вв. // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1986. – С. 165-170.
12. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.
13. Киселева И.А., Болотин Д.П. Стекланные бусы эпохи позднего средневековья из могильника Владимировка I дюна I // Тезисы докладов студенческой научной конференции / БГПИ. – Благовещенск, 1989. – С. 33-34.
14. Кролевецкий А.А. Поливная керамика XIII-XVII веков верхнего и среднего Амура // Тезисы докладов студенческой научной конференции / БГПИ. – Благовещенск, 1989. – С. 35.
15. Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Чжурчженская эпоха. – Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1986. – 205 с.
16. Сухих В.В., Болотин Д.П. Обряд эксгумации на позднесредневековом могильнике Владимировка I дюна I (по материалам раскопок 1988 года). // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. – С. 47-50.



Рис. 1. Предметы вооружения и конской упряжи с могильника в с. Красное.



Рис. 2. Керамическая посуда и часть железного котла с могильника в с. Красное.



Миронова Елена Александровна, канд. филол. наук, доцент
Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
Ростовский государственный экономический университет РГЭУ (РИНХ)
almir2905@gmail.com

РОМБИЧЕСКИЙ ОРНАМЕНТ КАК ПРИЗНАК ДРЕВНЕЙШИХ ЕВРАЗИЙСКИХ МИГРАЦИЙ

УДК 7.031.1/ 903.27

Аннотация. В данном исследовании приводится аргументация разгадки значения древнейшего и широко распространённого орнамента – ромба с точкой (знак «засеянное поле») и его производных, в комплексе с другими символами, обнаруженными в удалённых друг от друга культурах: Триполье-Кукутени (Украина-Молдова-Румыния), Бан-Чианг (Таиланд), Яншао (Китай), Анасази-Могольон (США). Приводятся новые данные о сходстве символики на традиционной одежде русских, гуцулов, лужицких сербов и народов Юго-Восточной Азии: Ли, Мяо, Хмонгов и Чжуан. Обобщаются данные ДНК-генеалогии о миграции родов R1a, R1b, O2a по территории Евразии от 23 тыс. л.н. до 3 500 л.н. Констатируется распространение общего религиозного культа (культ Великой Богини) и символики плодородия, которая сохранилась на керамике и одежде малых этнических групп Европы и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова и фразы: ромб с точкой, знак «засеянное поле», керамика, археологические культуры, Триполье-Кукутени, Яншао, Бан-Чианг, Анасази-Могольон, древнейшие миграции, гуцулы, лужицкие сербы, Мяо, Ли, Хмонги, Чжуан, символы плодородия, религиозный культ, Великая Богиня, ДНК-генеалогия.

Mironova Elena Alexandrovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor
Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication
Rostov-on-Don State Economic University
almir2905@gmail.com

LOZENGE-LIKE ORNAMENT AS A SIGN OF ANCIENT EUROASIAN MIGRATIONS

Abstract. This research provides argumentation in favour of decoding the notion of ancient and widely spread ornament, namely – lozenge with a dot (a sign of «a seeded field») and its derivatives in a complex with other symbols, which were discovered in the distant cultures: Trypillia-Cucuteni (Ukraine, Moldova and Romania), Ban-Chiang (Thailand), Yangshao (China), Anasazis-Mogollon (USA). We bring here new proofs of similarity of the symbols on the traditional clothes of Russians, Huzuls, Sorbs and the minor ethnic groups of South-East Asia: Miao, Li (Hlai), Hmong and Zhuang. The DNA-Genealogy findings about migrations of the R1a, R1b, O2a haplogroups representatives across Eurasia (from 23 thousand y.b.p. till 3 500 y.b.p.) are summed up. Wide spread of the common religious cult and symbols of fertility (the cult of the Great Goddess), which was preserved on the ceramics and clothes of minor ethnic groups of Europe and South-East Asia, is stated.

Key words and phrases: lozenge with a dot / a sign of «a seeded field», ceramics, archaeological cultures, Trypillia-Cucuteni, Yangshao, Ban-Chiang, Anasazis-Mogollon, ancient migrations, Huzuls, Sorbs, Miao, Li, Hmong, Zhuang, fertility symbols, religious cult, Great Goddess, DNA-Genealogy.

Введение

Ромбический орнамент из-за его простоты в течение долгого времени считался в науке тем элементом декора посуды и традиционной одежды многих народов, который мог возникнуть конвергентно, не из единого источника. Хотя и не оспаривается универсальное значение его главного элемента – ромба с точкой внутри или знака «засеянное поле», как символа плодородия, которое тоже сформировалось, по этой логике, в разных местах независимо.

Однако огромное количество примеров ромбического орнамента (часто с повторяющимися, идентичными элементами внутри ромбов) в росписи керамических изделий, украшении одежды и утвари у разных народов требует исследования и ответа на вопрос – является ли его широкое распространение случайным или был один общий источник его возникновения и распространения по земному шару в результате миграций одного этноса (или этносов, объединённых одной культурой, религией и обычаями).

Исследовали знак «ромб с точкой» А.К. Амброз (1965, 1966), В.И. Бибилова (1965), Б.А. Рыбаков (1965, 1981) и др. Современные исследователи русских линейных орнаментов на основе ромба (В.Б. Казарина, М.А. Качаева, П.И. Кутенков, П.В. Макагонов, Г.С. Маслова и др.) отмечают его поразительную устойчивость на протяжении тысячелетий [8, 16, 18, 19], заклинательный, магический характер русского народного узора, составленного из цепочки повторяющихся знаков, каждый имеющий только один-единственный смысл, который ему придали создатели [18, с. 24-26], согласованность таких изображений с идеей некоего воспроизводящего, окультуренного начала (Земли или её части) среди вод, что соответствует древним представлениям о Земле, плавающей в Мировом Океане [8, с. 76]. Развивая эту мысль, М.А. Качаева далее пишет: «Таким образом, ромбическая и делящая её на мелкие части треугольная сетка (ромб, разделённый пополам) с древнейших времён выступают в значении силы плодородия, первопричины жизни, космогонического образа Вселенной, её Духа, жизненной силы. Исходя из этого, можно предполагать, что выполненный по её контурам узор становится отображением этой силы и составных частей образа Вселенной, а сама сетка является матрицей для его выполнения» [8, с. 79].

Основой упомянутого знака является ромб или квадрат, стоящий на одном из углов и, как вариант – разделённый либо на четыре, либо на шесть ромбов. Каждый ромб может быть либо пустым, либо с точкой внутри. Заполнение внутреннего поля ромба в русских орнаментах имеет многочисленные вариации: точки; ромбы меньшего размера, вписанные друг в друга; углы; свастики (Рис.1). В русских вышивках, особенно на русском Севере, ромб символизирует счастье, душевное спокойствие, плодородие для женщин и носит народное название «орепей» или «арепей» (он же «репейник», «дубок», «колодец») [17, с. 116-118].

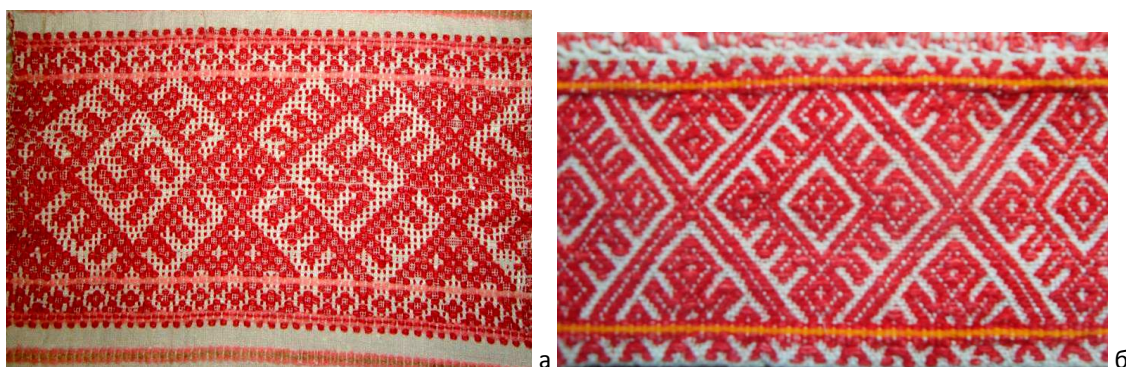


Рис. 1 а) Конец полотенца. Верхнетоемская волость Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Браное тканье. Лён. 19 в. Музей с. Верхняя Тойма, № 1326-1. Снимок Г.Н. Филипповой, 2014 г. [38, с.249]; б) Заготовка для оплечья женской рубахи. Лён. 19 в. Федьковская волость Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Браное тканье. Снимок Г.Н. Филипповой в д. Федьков Починок, 2016 г. [38, с.253].

Подобный русскому, трёхчастный ромбический орнамент – с ромбом в центре, который составлен двумя знаками Х (X∠X), изображён на керамике археологических культур: Триполье-Кукутени (Украина-Молдова-Румыния), Бан-Чианг (Таиланд), Яншао (Китай), Анасази-Могольон (США). Анализ сходства керамики данных культур был выполнен автором в 2013 г. [24].

В данной статье показан подобный орнамент на керамике этих культур, на котором поле ромба заполнено разными символами: овалом, сеткой (состоящей из мелких ромбов), вертикальными линиями, спиралями и зигзагом (Рис. 2-5):



Рис. 2 а) Сосуд из Триполья с ромбическим орнаментом; б) увеличенный фрагмент орнамента – ромб с овалом внутри (<http://www.moldovenii.md/ru/library/photo/album/180/id/2352>).



Рис. 3 а) Сосуд культуры Яншао с ромбическим орнаментом (схема X∠X) ; б) увеличенный фрагмент – дорожка из ромбов с орнаментом «сетка» внутри (<http://taishan-nsk.ru/istoriia-i-kultura-kitaia>).



Рис. 4 Сосуд культуры Бан-Чианг (Таиланд) с орнаментом, включающим косые кресты и ромбы с вертикальными линиями внутри; б) увеличенный фрагмент последовательности раздвинутых вертикальными линиями ромбов и косых крестов (https://www.ebay.com/sch/-/20081/i.html?_nkw=ban+chiang+pottery).



Рис. 5 Кружка культуры Анасази (Доколумбовая культура индейцев Америки) с ромбами и косыми крестами; б) увеличенный фрагмент ромбического орнамента с меандром внутри ромба (http://www.strf.ru/eng/material.aspx?CatalogId=222&d_no=103895#.XHLHRfZuKUK).

Приведённые примеры орнаментов находятся на посуде неолитических культур, однако древнейший ромб в составе орнамента «сетка» находится на самом раннем (40 000 л.н.) из пока найденных артефактов с ромбами: на зооморфной скульптуре, считающейся изображением льва, которое нашли в пещере Фогельхерд в Юго-Восточной Германии (Рис. 6):



Рис. 6 Костяное изображение льва из пещеры Фогельхерд (Vogelherd Cave), юго-западе Германии (40 000 л.н.). [3].

Необходимо отметить, что регион, в котором найдена скульптура льва с ромбическим орнаментом, относится к виллендорф-костёнковской общности культур верхнего палеолита Центральной Европы и Русской равнины. Костёнковско-авдеевская культура датируется 22 000 до н.э. В этот ареал входит и стоянка Юдиново (Брянская область), где был найден головной обруч, выполненный из части бивня мамонта, и на котором также есть орнамент – сетка, состоящая из ромбов. Но данный артефакт более поздний – 15-13 тыс.л.н. (Рис. 7):

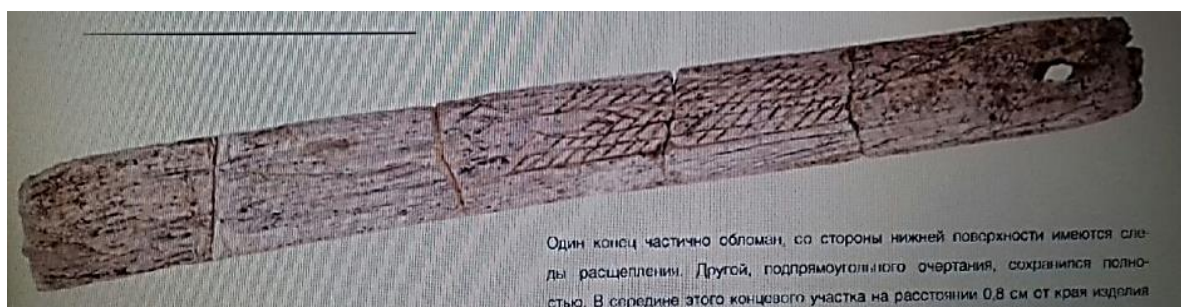


Рис. 7 Обруч из бивня мамонта с орнаментом «сетка», Эпигравет, 15-13 тыс.л.н., Юдиново, Брянская область [6].

Развитие ромбического орнамента получил в меандровом узоре на костяном браслете из Мезино, Черниговской области, Украина – 18 000 л.н. Эта стоянка также входит в виллендорф-костёнковскую культурную общность [43].

Разгадка значения ромба.

В приведённых выше орнаментах, созданных на основе ромба, элементы, заполняющие его поле, могут быть разными: точкой, шахматным узором, сеткой, свастикой, спиралью и другими символами плодородия. На русских вышивках широко распространён ромб, линии которого продолжают после пересечения друг с другом (Рис. 1 б). Такой же ромб находится в составе символов Лепенского Вира [27], на обломке донца сосуда из Карфагена [20] и на гравированной гальке из Петра-ту-Ромиу, Кипр (Рис. 8).

Нам удалось разгадать значение всех линий, составляющих такой ромб, а также полученную в результате пересечений этих линий символику самого ромба [23]. Итак, основа ромбического орнамента – это ромб в центре композиции, сформированный косыми крестами, образующимися по всем четырём его углам в результате продолжающихся перекрещивающихся линий. Почему так важен был именно ромб? Какова его символика? На эти вопросы удалось ответить при внимательном рассмотрении гравированной гальки из Петра-ту-Ромиу. Прежде всего, нужно отметить ромбовидную форму самой гальки, а это значит, что древний мастер специально подбирал для своей будущей работы именно такую природную форму. Затем на гальку острым инструментом были нанесены линии, изображающие оленя с оленёнком и формирующие центральный ромб, нижняя половина которого представляет собой туловище оленя (Рис.8 а). В ромбе находятся также буквы – РОД (Рис. 8 б), об этом мы уже писали подробно в предыдущем исследовании [21]. И эти буквы, и прорезанные каким-то острым тонким инструментом силуэты животных на данной гальке, сопровождаются очень тонкими тёмными штрихами и точками. При внимательном рассмотрении всех компонентов, образующих букву Д в слове РОД, мы обнаружили, что она формируется изображением ещё одного, чрезвычайно маленького оленёнка, нанесённого этими микроскопически маленькими тёмными штрихами и точками. Силуэт оленёнка выполнен тёмным цветом, а сам он остаётся светлым (рис. 8 в):



Рис. 8 а-б) Изображение ромба, фигур животных (оленей) и слова РОД на гравированной гальке из Петра-ту-Ромиу (Кипр) [21]; в) увеличенный фрагмент контурного рисунка оленёнка в утробе оленя и – внутри ромба.

Ромб на данной гравировке сформирован линиями, которые продолжают после пересечения друг с другом. Значит, геометрические фигуры, которые его создают, также являются знаками, самостоятельными геометрическими фигурами. И эти самостоятельные геометрические фигуры – это два пересекающихся знака Λ и V (наложенные на плоскости друг на друга). Знак Λ – лингам, символ Великого Бога, знак V – женский символ, символ Великой Богини [22]. Если при пересечении этих знаков (символическом акте оплодотворения) в

образующем ромбе нарисована точка – это символ зародившейся новой жизни. Таково наше объяснение символики знака «засеянное поле». Зарождение новой жизни – оленёнок внутри оленихи на ромбовидной гальке из Петра-ту-Ромиу с выгравированным ромбом в центре композиции – это подтверждение такой трактовки данного знака.

Знаки V и Λ встречаются на артефактах многих древнейших археологических культур как по отдельности, так и в соединении, то есть в виде знака X, который также распространён на древней керамике (Рис. 9):



Рис. 9 а) Блюдо из Харappy (<http://archaeologyonline.net/artifacts/photo-gallery/>); б) Трипольское блюдо (<https://antikvar.ua/tripolskie-ornamenty/>); в) Китайский сосуд (www.kaogu.cn/cn/detail.asp?Productid=12064); г) фрагмент росписи сосуда культуры Паракас, Долина Ика, Южное побережье Перу (Бруклинский Музей)

Вышеприведённые геометрические формы, состоящие из двух треугольников с соединёнными вершинами, – это упрощённое изображение сакрального процесса соединения божеств, более детализированного на артефакте культуры Каstellуччо (Рис. 10):



Рис. 10 а) Барельеф культуры Каstellуччо (http://www.naturasicula.it/home/index.php?view=details&id=89%3Acastelluccio-di-noto&option=com_eventlist&Itemid=53); б) донце керамического сосуда из Музея Карфагена (Тунис), (Фото Е.А. Мироновой).

Культура Каstellуччо – археологическая культура на Сицилии, которую выделил итальянский археолог Паоло Орси по своеобразной керамике (2 200 г. до н. э. до 1 400 г. до н. э.). Обращает на себя внимание стилистика этих двух, совершенно разных символов, которые в научной литературе названы «рога барана» [7]. Так, верхний имеет две спирали, как в действительности и закругляются маточные трубы, а у нижнего таких спиралей нет. Таким образом, перед нами действительно схематическое изображение двух репродуктивных органов – мужского и женского в момент их соединения.

Здесь необходимо отметить, что так называемые «рога барана» – символ, изображавшийся «рогами либо вверх, либо вниз», не обозначает одно и то же, как утверждал А. Голан:

«В разных местах Европы и Передней Азии встречается символ, состоящий из двух двухвостчатых знаков – прямого и перевёрнутого. Семантика его не ясна. Возможно, в эпоху бронзы он воспринимался как выражение идеи о восходе и заходе солнца, подобно другим неолитическим символам, которые с точки зрения солнцепоклонников выглядят как иллюстрация такого сюжета» [7, с. 70]. Теперь, при расшифровке значения барельефа из Каstellуччо, мы можем констатировать: это два совершенно разных символа, обозначающих Великую Богиню и Великого Бога. Если они находятся вместе (как в данном случае) – тогда схематически изображён акт соития этих двух божеств.

При расшифровке знаков на гравированной гальке из Петра-ту-Ромио прояснилось значение ромба как вместилища плода. В эпоху неолита земледельческие племена изображали процесс оплодотворения земли схематично – ромбом с точкой или другими символами плодородия и культа Великой Богини.

Такие знаки – в схематическом виде – наносились на посуду и трансформировались в детали орнаментов на тканой одежде и на расписной керамике археологических культур (например, Триполье-Кукутени, Яншао, Бан-Чианг, Анасази/Могольон). Присутствуют эти знаки и на керамике неолитического поселения Винча (Сербия), и на алтарях Лепенского Вира. Эти знаки свёл воедино в Таблицу символов Лепенского Вира (мезолитическая археологическая культура, найденная на берегу Дуная, недалеко от т.н. Железных Ворот), сербский учёный Радивое Пешич. В этой таблице находятся десять знаков, производных от соединения и пересечения знаков V и Λ, а также ромба: №17, №18, №19, №20, №25, №26, №27, №28, №29 и №30 (Рис. 11):

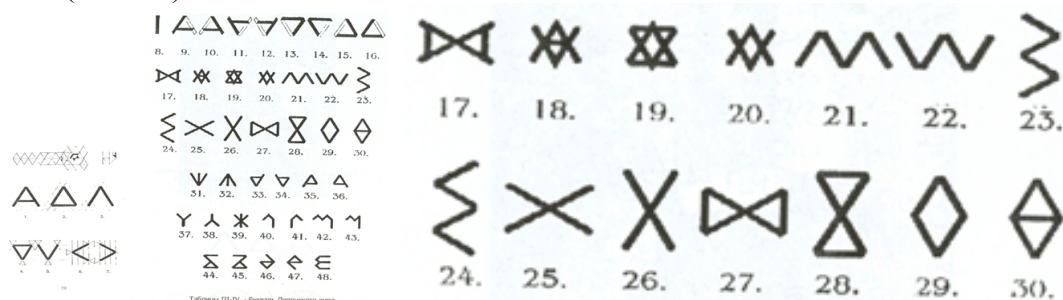


Рис. 11 Таблица символов Лепенского Вира [27, с. 19-20].

Сравнительные этнографические данные.

Ромбический орнамент широко распространён в качестве украшения одежды не только в России, в странах Европы, но и во многих культурах Юго-Восточной Азии: у раглай (Вьетнам), у Ли и Мяо (малые народы Китая, Таиланда, Лаоса, Вьетнама) (Рис. 12-13, 15, 16 а):



Рис. 12 а) Одежда раглай (тямов), Вьетнам, с символикой древнего Евразийского культа Великой Богини (ромбы, шахматный орнамент, знак «таусень») (Фото Е.А. Мироновой); б) увеличенное изображение ромба с точкой и продолжающимися после пересечения, линиями.

Раглаи проживают в южной части Вьетнама, на южной части горной цепи Чыонгшон. Для них характерна матрилинейность, то есть счёт происхождения и наследования по мате-

ринской линии, что является отражением одной из важнейших особенностей материнско-родового строя (матриархата).

Ещё одна народность, символика которого близка (если не идентична) символике традиционной русской одежды, это народы Ли и Мяо – национальные меньшинства, которые проживают в Китае, Таиланде, Лаосе, Камбодже и Вьетнаме. Их одежда также украшена ромбическим орнаментом, основной повторяющийся (смыслообразующий) компонент которого это знаки Х◇Х (Рис. 13-в):



Рис. 13 а) Женщины-ткачихи из племени Ли – коренного народа о. Хайнань (КНР); б) традиционный женский головной убор народа Ли, украшенный бахромой из бисера, закрывающей лоб и виски; в) фрагмент орнамента традиционной женской одежды народа Ли (<http://inqs.karnage.ru/other/2012/02/11/20386>)

Привлекают внимание головные уборы с бисерной бахромой, которая переходит в височные удлинённые нити. Такие же жемчужные очелья носили русские женщины в сёлах Русского Севера, а также носят до сего дня гуцулы Карпат (чильце) (Рис. 14 а-б):

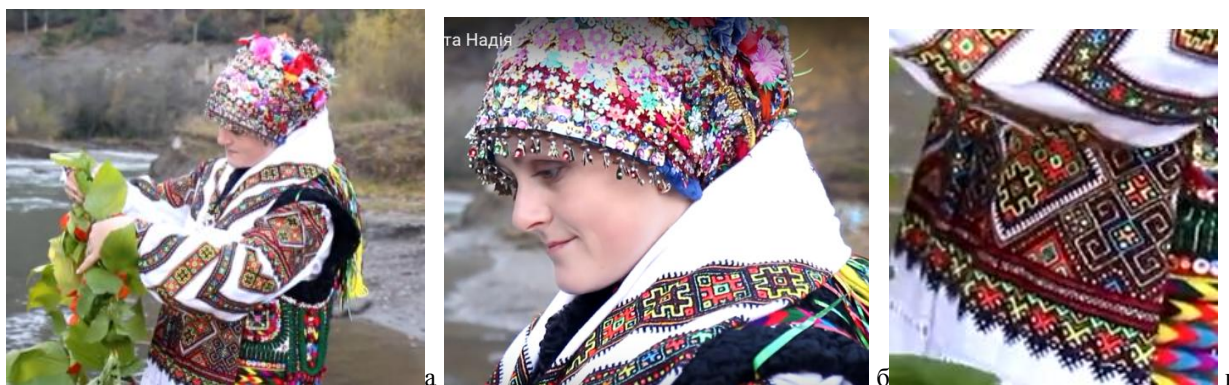


Рис. 14 а) Гуцулка во время свадебного обряда; б) свадебный головной убор невесты с бахромой; в) ромбический орнамент на одежде невесты (<https://www.youtube.com/watch?v=TuvxgJyX2xE>)

Гуцульская свадьба и в наши дни проводится по старинному обряду, в традиционной вышитой одежде. Невесту одевают приглашённые мастера и облачают её в очень сложную многослойную «убирю» (свадебный убор) – вышитая сорочка, запаска, попружка (пояс), згарды (бусы из металлических монет, красных кораллов, серебряных дукатов), кептар (вышитая меховая безрукавка), сардак (верхняя одежда) и венчает всё корона – чильце [5].

Каждый орнамент и каждая деталь этой одежды наполнены древним символизмом. Так, ромб в орнаменте символизирует землю, нити разноцветной пряжи, которые прикрепляются к затылочной части короны – головного убора невесты – символизируют потоки воды, плодородие, достаток (Рис. 15):



Рис. 15 а) Процесс собирания воедино всех деталей свадебного головного убора (чильце) невесты-гуцулки: прикрепление разноцветных шерстяных нитей к затылочной части убора (Гуцульская свадьба <https://www.youtube.com/watch?v=8msuz3NGoeg>); б) головной убор девушки народности Мяо (Хмонги) (<https://www.livemaster.ru/topic/1796089-raduzhnye-lyudi-osobennosti-samobytnogo-etnosa-hmongov-myao>).

Вся символика свадебного убора гуцульской невесты: орнаментов на одежде, деталей головного убора (чильце) и архаика всех обрядовых действий свадебного ритуала – всё говорит о сохранившихся отголосках древнейшего религиозного культа Евразии – культа Великой Богини.

Это следующие признаки: головной убор невесты имеет форму трапеции (подобие горы), оно расшито серебристыми пайетками (символ белой горы – сакрального места) и сверкает на солнце, к этому головному убору прикрепляются цветные ленты или разноцветные нити шерстяной пряжи (символ потоков воды, ручьёв, стекающих с горы; невеста должна, держа в руках *дивень* – свадебный хлеб в виде толстого кольца – посмотреть через него на жениха и на все стороны света [35]. Это является также отражением культа гор и камней (культ Великой Богини), поскольку лик Богини наносился поклонниками этого культа на валунах/камнях в виде её сердцевидного изображения (или схематически – глаза и нос) на всех гранях такого валуна и на стыках граней, освещаемых солнцем по очереди [25].



Рис. 16 а) Вышивка хмонгов (Мяо) (<https://www.livemaster.ru/topic/1796089-raduzhnye-lyudi-osobennosti-samobytnogo-etnosa-hmongov-myao>); б-в) увеличенные фрагменты вышивки: свастика и ромб с завитками, подобный «ромбу с крючками» на традиционной русской вышивке.



Рис. 17 а) Згарда – нагрудное украшение невесты во время традиционной гуцульской свадьбы (<https://www.youtube.com/watch?v=8msuz3NGoeg>); б) увеличенный фрагмент женского украшения – згарда со свастичным знаком в) два вида ромбов на вышитой свадебной одежде гуцульской невесты (<https://www.youtube.com/watch?v=TuvxgJyX2xE>)

В одежде гуцулов, особенно праздничной и свадебной, преобладает ромбический орнамент, то есть такая одежда имеет заклинательный характер – на плодородие, а на ожерелье невесты могут находиться металлические украшения в виде свастики (Рис. 17а-б).

Сборные головные уборы в виде сверкающей (серебряной) горы с пайетками и «текущими из горы ручьями» - нитями разноцветной пряжи, бахромой на лбу имеют аналогию с серебряными головными уборами народности Мяо, и украшенными бисером и бахромой головными уборами народности Ли (Китай). Ромбический орнамент и свастика присутствуют в вытканых орнаментах одежды и на вышивках народностей Ли и Мяо (Рис. 16).

Народности Мяо (Хмонги), Ли, Чжуан – это этнические группы Китая, которые также живут в Тайланде, Вьетнаме, Лаосе и Мьянме а также на острове Хайнань (Китай). Лингвистические данные показывают родство этих народов (чжуан-дунские народы, или: тайские народы), которые составляют самостоятельную языковую группу. Чжуан-дунская общность начала делиться на более мелкие группы, возможно, в I тысячелетии н.э. Однако ещё во II тысячелетии до н.э. эта этническая общность была связана с народами группы мяо-яо, поскольку и сейчас у них имеется много языковых параллелей.

Это были земледельческие народы, ещё в неолитическое время ставшие осёдлыми и занимавшиеся поливным земледелием, а также террасным земледелием в горах. Самая большая в Китае по численности группа из них сейчас – чжуан, которых только в Гуанси-Чжуанском автономном районе – 7 мил. человек. Чжуаны расселены, в основном в Гуанси-Чжуанском автономном районе, Вэньшань-чжуанско-мяочанском автономном округе провинции Юньнань.

Незначительная часть чжуанов проживает в провинциях Гуандун, Хунань, Гуйчжоу, Сычуань. Чжуанский язык относится к языковой ветви чжуан-дай языковой группы чжуан-дун китайско-тибетской языковой семьи. Есть два диалекта: южный и северный [42].

Исторические хроники («Суйшу», хроника VII в.) свидетельствуют о том, что эти племена не умели выплавлять железо, но ценили бронзовые барабаны. Это может свидетельствовать о том, что эпоха бронзы была отправной точкой в распространении свастики и ромбических орнаментов среди этих народов.

Однако не только эти символы являются общими для мигрантов с севера Евразии в бронзовом веке и народов чжуан-дунской общности. В оформлении головных ubоров мы также отметили определённое сходство (Рис. 18):



Рис. 18 а) Народность Чжуан, Китай <http://redsvn.net/doi-net-ve-dan-toc-choang-dan-toc-thieu-so-dong-nhat-trung-quoc/> б) так носили платки в северных губерниях России <https://ok.ru/group56687568945204/topic/69775812471604>

У народности чжуан сохранились анимизм, культ предков, колдовство а также праздники, связанные с земледельческим календарем. Представители этого народа искусные мастера-ткачи, их изделия – парча, одежда с вышивкой и аппликацией известна в Китае. Они любят петь и имеют богатый устный фольклор. Наука чжуанология изучает историю, культуру, быт и язык этого народа в двух центрах: Институт этнических исследований Гуанси и в Университете национальностей Гуанси.

Форма женского головного убора народности чжуан имеет также сходство с женскими головными уборами лужицких сербов (Рис.19):



Рис. 19 Народные костюмы лужичан. Головные уборы – сложной формы с широкими крыльями (лапа). <https://www.perunica.ru/germany/9518-luzhickie-serby-sorby-posledniy-oplot-slavyan-na-zapadestolica-luzhickih-serbov-bautcen-budyshin-1910-1920-210-foto.html> б) современные сербы-лужичане (Српска.ру Всё о Сербии на одном сайте <http://www.germany.travel/ru/towns-cities-culture/traditions-and-customs/traditional-sorbian-costume.html>).

В настоящее время лужицкие сербы (сорбы) являются самым маленьким славянским народом. По данным переписи 1989 г., их число составляет около 67 тысяч человек. Этот народ является потомком полабских славян (южная ветвь), населявших значительные территории от побережий Северного и Балтийского морей до Северо-Восточной Баварии. Но теперь они занимают лишь территории в федеральных землях Саксония и Бранденбург на юго-востоке ФРГ. Преемственность традиций, которые сорбы хранят на протяжении веков, видна в орнаментах на их одежде. Так, в вышивке на одежде женщин, а также на тонких кружевах, которые нашиваются на область талии (вместилище будущей жизни, которое необходимо охранять от злого глаза), сохраняется ромбический орнамент (Рис. 20-21):



Рис. 20 а) Представительница лужицких сербов в национальной одежде; б) увеличенное изображение кружев на поясе костюма – ромбический орнамент; в) увеличенный фрагмент узора кружев – ромб с косым крестом внутри поля и точками в перекрестиях – знак «засеянное поле» <https://www.perunica.ru/germany/9545-luzhickie-serby-sorby.html>



Рис. 21 а) Вариант оформления пояса женской одежды лужицких сербов кружевом с орнаментом из косых крестов и ромбов со скруглёнными углами; б) увеличенное изображение кружев на поясе костюма – ромбический орнамент; в) увеличенный фрагмент узора кружев – косые кресты и ромбы со скруглёнными углами <https://www.perunica.ru/germany/9545-luzhickie-serby-sorby.html>

Показанный на фотографиях 20-21 ромбический орнамент – знаки «засеянное поле» и косые кресты с ромбами, у которых закруглены углы, является обережным символом, а также символом плодородия, который используется в предмете одежды, защищающей живот женщины как место зарождения будущей жизни. Примечательно то, что и на предметах мужской одежды лужицких сербов сохранились отголоски древнейших символов.

Несмотря на то, что в вышивках сорбов преобладает растительный орнамент, следы древнего культа плодородия (культа Великой Богини) можно найти на образцах одежды на старых фотографиях. Так, на Рис. 22 на верхней мужской одежде вышит ряд треугольников, из которых выходят веточки.

Данный орнамент – это такое же символическое изображение соединения Великой Богини и Великого Бога, как и треугольники, соединённые вершинами друг с другом, как на неолитической керамике Хараппы, Триполья, Яншао и Перу (Рис.9). Только в данном случае маленький треугольник уже находится внутри большого, из которого растёт новая жизнь – росток (Рис. 22 в):

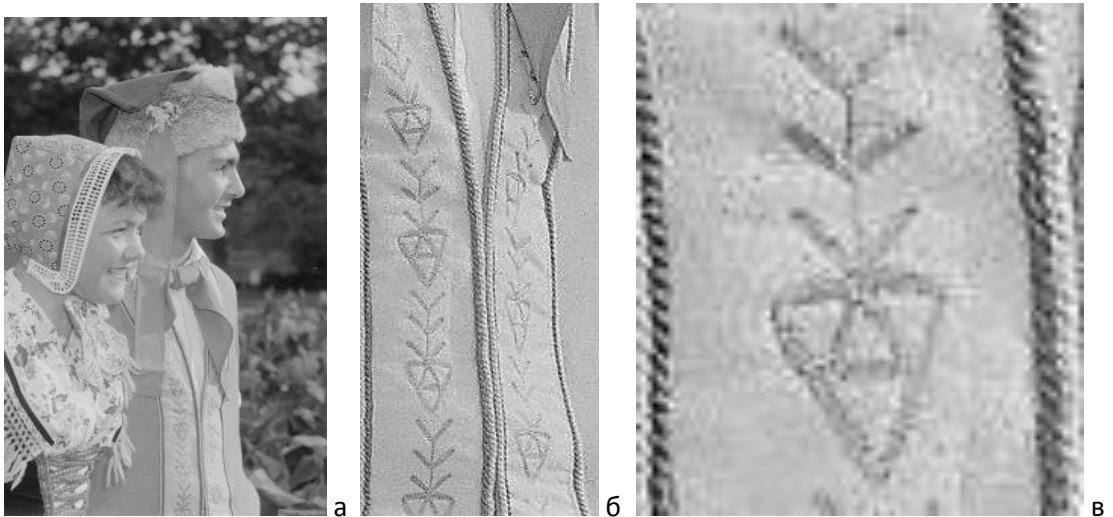


Рис. 22 а) Лужицкие сербы в традиционной одежде с вышивкой; б) фрагмент мужской одежды лужицких сербов с вышивкой из треугольников и растительным орнаментом; в) увеличенный фрагмент орнамента, использованного в национальной одежде сорбов – малый треугольник, вписанный в большой, из которого растёт новая жизнь – росток <https://www.perunica.ru/germany/9545-luzhickie-serby-sorby.html>

Лужицкие сербы (другое название – сорбы, а также венды) сохраняют древние традиции: ремёсла – ткачество, набойка ткани, вышивка, плетение кружев, гончарство, изготовление пряничных досок и др. Древнейший тип поселения – круговой планировки, позднее распространяется кучевая планировка, известна также уличная, в Нижней Лужице – хутора. Дом и хозяйств. постройки окружают замкнутый, с высокими воротами (Верхняя Лужица), или незамкнутый (Нижняя Лужица) двор; в Шпревальде (Блота) усадьбы расположены вдоль каналов, у каждого дома имеется своя пристань [36]. Верят в духов, колдовство. Наряду с другими божественными сущностями и духами, в сказаниях и легендах упоминается Змей, приносящий богатство и золото [26].

У сравниваемых здесь народов, таким образом, есть ряд общих черт: у Ли, Мяо и Чжуан – патриархальная семья, культ предков, верования в духов (анимизм), колдовство, жертвоприношения. Глава патриархии выполнял также роль жреца. У народности Мяо самым высшим духом считался дух грома. Бронзовые барабаны хранятся как особая ценность. Важной деталью в украшении барабанов является изображение лодки [40, с. 10]. На границе Китая и Вьетнама были обнаружены петроглифы на скалах, которые являются самыми значительными по протяжённости в Евразии. На этих петроглифах изображены не только ритуалы и жрецы (а также жрицы) очень высокого роста, по сравнению с другими фигурами, но и лодки, в которых изображены барабаны. Как отмечают исследователи, барабаны были необходимы для отбивания ритма взмахов вёсел во время плавания по бурным рекам Юго-Восточной Азии. Такая важнейшая роль бронзовых барабанов как неотъемлемой части навигации в период продвижения земледельческих племён на юг Индокитая отразилась в их почитании народностями Ли, Мяо и Чжуан и в настоящее время [40, с. 7-9].

Очень важной параллелью для сравнения особенностей культуры таких удалённых друг от друга народов являются музыкальные инструменты. Такое сравнительное исследование нужно провести глубоко и всесторонне, но сейчас можно отметить наличие одного и того же музыкального инструмента – варган у гуцулов и белорусов (с другим названием – таркава – у лужицких сербов). Гуцульский врган (или дрымба) – это самозвучающий язычковый инструмент, который устанавливается в области рта и представляет собой простое приспособление из металла с язычком/пластинкой. На этом инструменте в Карпатах играли мольфары, то есть люди, которые обладали сверхъестественными силами – способностью управлять природными явлениями (вызывание дождя, прекращение бури и т.д.), излечивать

больных, использовать различные предметы для колдовства, травы и особенные знания. Такой инструмент, только под названием хомус, есть и на Алтае. Древнейший из пока найденных, экземпляр 3-1 века до н.э. был найден в Монголии на стоянке хунну. Распространён он также у тувинцев, хакасов, якутов. На варгане играют в Горном Алтае, Башкортостане и Татарстане. Далее на запад – на территориях проживания мари, удмуртов, чувашей и коми-зырян. Любят варган в Казахстане и в Киргизии.

Несмотря на то, что в России варган был найден во время раскопок в Великом Новгороде (11-15 вв.), а именно – одиннадцать находок, его история уходит в более ранние времена, так как первые находки варгана относятся к Екимяуцкому городищу – древнерусской культуре тиверцев. Сейчас это территория Молдовы.

У лужицких сербов также есть язычковый инструмент с двойной тростью – таракава.

Перечисленные в данном разделе народности являются земледельческими, и все их праздники связаны с земледельческим календарём. У всех развиты традиционные ремёсла: ткачество/изготовление парчи, вышивка, аппликации. В орнаментах присутствует как растительный узор, так и геометрический: свастический, ромбический и шахматный. Все эти орнаменты были ранее засвидетельствованы в комплексе на посуде четырёх неолитических культур: Триполье-Кукутени (Румыния, Молдова, Украина), Яншао (Китай), Бан-Чианг (Тайланд), Анасази/Могольон (США) [24].

У всех сравниваемых здесь народностей популярно народное творчество – музыка, песни, устный фольклор. Самое удивительное совпадение заключается в форме женского головного убора у лужицких сербов (сорбов) и чжуан, сложная форма которого вряд ли могла возникнуть конвергентно на столь удалённых территориях. Если принять во внимание и сохранение ромбического орнамента и свастики, можно говорить о едином культурном источнике, традиции которого в неизменности сохраняются в противоположных частях Евразии.

Более того, и ромбический орнамент, и свастика присутствуют на орнаментах разных, сравниваемых здесь культур в комплексе. То есть это не может являться случайным совпадением, орнаментом, который придумали разные народы независимо друг от друга. А поскольку самая сложная свастика, образованная ломаными линиями, вышитыми по точкам (например, так называемая, «устойчивая» 25-точечная свастика), является самой древней и встречается на Русской равнине во многих археологических культурах, начиная со II тыс. до н.э. А 49-точечная свастика, относящаяся к группе «гребёнчатых» форм, найдена на Русской равнине, на Карпатах, в Трипольской культуре (V тыс. до н.э.), можно уверенно говорить о том, что этот символ (до появления более древних артефактов со свастикой где-либо ещё) был создан носителями этих культур [37, с. 65-66], а именно – носителями гаплогруппы R1a, то есть ариями [10; 13]. К этому следует добавить, что самое большое разнообразие свастических орнаментов отмечено исследователями на вышивках Русского Севера [16; 37].

Проведя исследование многоточечных свастик (ломаных свастик, построенных на точечных системах), А.Е. Фёдоров отмечает: «В районе экватора и на низких широтах мировую ось наблюдать невозможно либо трудно – Полярная звезда стоит там невысоко над горизонтом, и наблюдатель не увидит там ни окружностей, ни свастик, а лишь отдельные дуги. В Южном полушарии Полярная звезда не видна. Поэтому можно полагать, что свастики появились у жителей средних широт. Свастика возникла, по-видимому, в районе Алтая ещё до начала движения носителей гаплогруппы R1a на запад, живших там по данным ДНК-генеалогии около 20 000 лет назад. Эти люди были прямыми предками русского и арийских народов [10; 12; 13]. Впоследствии носители гаплогруппы R1a принесли свастику в Индию – по данным ДНК-хронологии, они пришли в первый раз на Индостан около 13 тыс. лет назад [10; 12; 13]. Часть носителей гаплогруппы R1a продолжили движение, а часть осталась. Этим можно объяснить наличие свастики в Хараппской цивилизации. Многоточечные свастики с ветвями, вращающимися навстречу центральной свастике, возникли, по-видимому, на Русской равнине. Во-первых, спиралевидные свастики с ветвями, вращающимися навстречу

друг другу широко распространены: (а) в русской народной культуре, (б) в культуре арийских народов, (в) в археологических культурах на Русской равнине, начиная с IV тыс. до Р.Х. Наиболее древние из них встречены в Волосовской и Фатьяновской культурах. Носители фатьяновской культуры, потомки создателей волосовской культуры (IV тыс. до Р.Х.) были прямыми предками как русских людей, так и индо- и ираноариев. Об этом говорят исследования ДНК из захоронений [12; 13; 14; 15] и данные ДНК-генеалогии [12; 13; 14; 15]. Изображения с вращающимися навстречу друг другу свастиками могут рассматриваться как маркер русо-арийской культуры. У других народов, живущих на Русской равнине (финноугров, так называемых «балтов») такие формы не встречаются, либо они очень редки. В то же время, эти формы есть там, где финноугорские и «балтские» народы никогда не бывали, либо не образовывали длительно существующих сообществ – в иранской и индийской культурах. Во-вторых, в индийской и иранской культуре нет ломаных свастик с числом точек более 9. Нет сложных свастик и у других народов, в том числе у южных славян. Это говорит о том, что многочисленные разнообразные типы сложных свастик: 25-точечных, 36-точечных, 49-точечных, 81-точечных, 121-точечных и производных типов, возникли у русо-ариев, на Русской равнине» [37, с. 83].

Многолетняя работа по исследованию всех типов свастик привела и других русских учёных П.И. Кутенкова и А.Г. Резункова также к выводу о том, что наибольшее количество типов свастик существует в Северорусском регионе. В их работе показано, что количество типов свастик уменьшается в Среднерусском регионе, а самое меньшее их количество – в Южнорусском регионе. Такое распределение может быть только потому, что многоточечные вариативные свастики сформировались именно на севере Русской Равнины, а на юг дошли более простые их формы – усечённые [16].

Необходимо добавить, что и русские женские головные уборы также поражают воображение вариациями – от кокошников до кичек, а также различными вариантами завязывания платков, один из которых создаёт форму, аналогичную формам женских головных уборов народностей чжуан и лужицких сербов.

Данные ДНК-генеалогии о гаплогруппах лужицких сербов, гуцулов, народности Мяо.

Этнографические данные, даже если они отражают такие удивительные совпадения (форма национального головного убора женщин, свастика, идентичный ромбический орнамент), не могут дать однозначный ответ – откуда и в каком направлении был тот культурный вектор – миграция народа, принёсшего в разные части континента одинаковые традиции и общую религию. В данном случае остаётся обратиться к материалу, которым располагает в настоящий момент ДНК-генеалогия.

Подавляющее большинство лужицких сербов имеют гаплогруппу R1a. У них доминирует западнославянская (или центрально-европейская) гаплогруппа R1a-M458. На Карпатах гаплогруппа R1a представлена центрально-евразийским субкладом Z-280 (как и у восточных славян). Интересно то, что у хорватов, а также у словенцев преобладают дочерние ветви с общей меткой в виде снипа CTS3402 и картина их распространения говорит о том, что миграции шли в направлении от Карпат к Балканам [39].

Что касается народности Мяо (Хмонги), то они имеют гаплогруппу O2a1 – M88, которая произошла от O2a. Гаплогруппа O2a является нисходящей ветвью гаплогруппы O2. Её ближайшие филогенетические родственники имеют Y-хромосомы гаплогруппы O2*, которые находят с небольшой частотой на большинстве территорий Восточной Евразии. Гаплогруппа O является потомком сводной гаплогруппы NO (M214) и, в соответствии с разными теориями, впервые появилась либо в Юго-Восточной Азии, либо в Сибири, либо в Центральной Азии, приблизительно 35 000 лет назад [41].

Суммируя эту информацию, мы можем сказать, что в настоящее время ДНК-генеалогия может лишь констатировать распределение гаплогрупп среди вышеперечисленных, сравниваемых здесь народностей. Для фиксации древних миграций на появляющихся

уже сейчас специальных картах, составляемых специалистами ДНК-генеалогии [28, 29], необходимы широкомасштабные исследования палео-ДНК извлечённых останков из центров археологических культур – Триполья, Яншао, Бан-Чианг – в Евразии, и Анасази/Могольон – в Америке. Тогда будет объяснён феномен наличия одинаковых орнаментов и отдельных знаков, а также одинаковых деталей одежды (женских головных уборов, рассматриваемых в данной работе).

Пока мы можем ещё раз отметить, что сводная гаплогруппа NOR отмечена в Южной Сибири примерно 45 тысяч лет назад. Она разошлась на три основные гаплогруппы – N, O и R (N – алтайская гаплогруппа, впоследствии угорская, финская, южно-балтийская; O – тибетская, китайская и юго-восточно-азиатская), гаплогруппа R разошлась на гаплогруппы Q и R, последняя – на R1 и R2. Носители R2 сейчас живут в основном в Индии, R1 разошлась на R1a и R1b, и разными путями пришли в Европу: R1a, будущие арии, пришли в Европу 10-8 тысяч лет назад, R1b – 4800–4500 лет назад. R1a, видимо, в результате столкновений с R1b, передвинулись на Восточную равнину, и в ходе ее заселения одна часть заселила Русский Север примерно 4000 лет назад. Другая часть двинулась на Иранское плато и в Индостан через Южный Урал [9]. Возможно, что именно с этой волной ариев в Бронзовом веке и пришли их знания и культ плодородия (который сейчас в науке принято называть культом Великой Богини) на территории Юго-Восточной Азии к тем народам, часть которых рассмотрена в данном исследовании. В пользу именно такого временного коридора говорят бронзовые барабаны и их почитание у народности чжуан.

Но нельзя исключать и более раннее влияние ещё более древних мигрантов, имеющих гаплогруппу R, ещё со времени обитателей Мальтинской стоянки (Сибирь, западнее озера Байкал), с возрастом 23 891–24 423 тыс. лет назад, что было идентифицировано в 2013 г. научным коллективом Эске Виллерслева по костным остаткам, найденным на этой стоянке.

Только от правительств Китая и стран Юго-Восточной Азии будет зависеть – в каком объёме будет проведено финансирование археологических раскопок с последующим экстрагированием Y-хромосомы из костных остатков, и как скоро научное сообщество получит в открытом доступе данные о результатах не только недавних археологических раскопок, но и данные палео-генетики, то есть – определение гаплогрупп по Y-хромосоме палео-останков, для того, чтобы специалисты ДНК-генеалогии смогли уточнить карты миграций в этом регионе – от верхнего палеолита до эпохи бронзы.

Выводы.

Итак, ромбический орнамент с центральным элементом – ромбом и его внутренним полем, которое может быть заполнено разными элементами – точкой, свастикой, спиралью, сеткой, шахматным узором – несмотря на его кажущуюся простоту, наполнен древнейшим и сложным, многослойным сакральным смыслом и лежит в основе культа плодородия – культа Великой Богини, который был распространён у многих народов Евразии.

Анализ гравировки на гальке из Петра-ту-Ромио (Кипр) выявил сакральное значение ромба, составленного наложенными друг на друга двумя углами, стороны которых продолжают после их пересечения. Такое сочетание образует знак X \diamond X, который устойчиво повторяется в орнаментах на керамике неолитических культур: Триполье-Кукутени, Яншао, Бан-Чианг, Анасази/Могольон. Этими углами, наложенными друг на друга мастером на расписываемой поверхности сосудов и в вышиваемых орнаментах одежды, являются символы Великой Богини (женский знак) – V, и символ Великого Бога – Λ (мужской знак – лингам).

Ещё одним сочетанием данных символов является соединение вершин двух треугольников – на керамике круга Балканских неолитических культур, керамике Яншао, Хараппы и даже на керамике Паракаса (Перу). В виде знака X такое символическое единение двух природных начал (мужского и женского) пришло в древнейшие системы письма.

Среди знаков на керамике Лепенского Вира, собранных Р. Пешичем, находятся восемь знаков на основе ромба. Р. Пешичем показано сходство знаков алфавитов у этрусков, фини-

кийцев и латинян. На обломке керамического изделия из Карфагена присутствует знак на основе ромба из Таблицы знаков Лепенского Вира, собранных Р. Пешичем. Этот знак – под номером 20.

Наиболее разнообразные варианты из всех отмеченных в данном исследовании способов заполнения внутреннего пространства ромба, а также поля вокруг него отмечены на русских вышивках.

Ромбический орнамент, помимо нахождения на керамике сравниваемых ранее культур (Триполье, Яншао, Бан-Чианг, Анасази/Могольон), находится на одежде народов, которые удалены друг от друга гигантскими расстояниями Евразии: гуцулы (Карпаты, Украина), Ли, Мяо, Хмонги, Чжуан – Юго-Восточная Азия (Китай, Вьетнам, Лаос, Тайланд).

Свастика и свастический орнамент являются маркером продвижения на юг с севера родов, имеющих знания о движении звёзд вокруг Мировой оси, поскольку Полярную звезду и вращение звёзд вокруг неё можно видеть только в северных широтах. Вариативность и многообразие многоточечных свастику отмечают исследователями именно в северных областях Русской Равнины, а количество типов свастику уменьшается к югу России.

Помимо ромбического орнамента и свастики, сравниваемые в данной статье народы объединяет форма свадебного головного убора невесты и праздничных женских головных уборов: гуцульские свадебные чильца имеют аналоги у Ли и Мяо, сербские (у Лужицких сербов) похожи на головные уборы народности Чжуан (Китай), а самая большая вариативность старинных женских головных уборов наблюдается на Русском севере и Русской равнине.

Отмечено сходство женского головного убора (завязанного по-поморски платка, а также кички) Русского Севера и центральных областей России с головным убором народности Чжуан (Китай).

Целый комплекс отмеченных одинаковых этнических особенностей, отражённых в гончарстве и в украшении традиционной национальной одежды, наличие сложного знака – свастики – во всех сравниваемых культурах, а также его комплексное использование совместно с ромбическим орнаментом, говорит о том, что только миграция представителей одного рода могла способствовать проникновению и закреплению во всех, сравниваемых в данной статье, удалённых народах, сложного и многослойного комплекса символов культа плодородия (культа Великой Богини).

Данные ДНК-генеалогии на сегодняшний день позволяют предположить два одновременных источника таких миграций: 1) проникновение на юг с севера (стоянка Мальта, недалеко от Байкала) около 23 тыс. л. н. рода R; 2) продвижение с запада, с Южного Урала, около 5 тыс. л. н. арийских родов – на юг в Иран и в Индостан, с дальнейшим продвижением их в Юго-Восточную Азию.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («Ромб с крючками») // Советская этнография. – 1965. – №3. – С. 14-27. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perunica.ru/tradicii/2826-ambroz-ak-ranne-zemledelcheskij-kultovyj-simvol.html> (Дата обращения: 20.09.18).
2. Амброз А.К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 61–76.
3. Археологи восстановили фигурку льва возрастом 40 000 лет. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oursociety.ru/news/arkheology_vosstanovili_figurku_lva_vozrastom_40_tys_sjach_let/2014-08-07-182_ (Дата обращения: 05.03.2019).
4. Бибикова В.И. О происхождении мезинского палеолитического орнамента // Советская археология. – 1965. – № 1.

5. Бігусяк, М. В. Лексика традиційних сімейних обрядів у гуцульському говорі [Текст] : автореф. дис. на здоб. наук. ступ. канд. філол. наук / Бігусяк Михайло Васильович ; Прикарпатський ун-т ім. В. Стефаника. – Івано-Франківськ, 1997. – 17 с.
6. Верхний палеолит: образы, символы, знаки: Каталог предметов искусства малых форм из археологического собрания МАЭ РАН / [Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)]; отв. ред., науч. ред., сост. Г.А. Хлопачев]. – Санкт-Петербург: Экстрапринт, 2016. – 383 с.: ил.
7. Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 375с.: ил.
8. Качаева М.А. Основы образования знаков русского народного узора // Знаки и знаковые системы народной культуры. Знаковедение. Книга 2. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Знаки и знаковые системы народной культуры». Доклады, исследования и сообщения в 2-х книгах. – Смольный институт РАО, 2016. – С. 75-134.
9. Клёсов А.А. Мифическая Гиперборея и реальный Русский Север. [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2013/06/hyperbore/> (Дата обращения: 11.03.2019).
10. Клёсов А.А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманнской теории». – М.: Алгоритм, 2013.
11. Клёсов А.А. ДНК-генеалогия для всех и для каждого (часть 2). // сайт «Переформат», август 2015: [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2015/08/klin-02> (Дата обращения: 10.03.2019).
12. Клёсов А.А., Пензев К.А. Арийские народы на просторах Евразии. (Серия «ДНК-генеалогия»). – М.: Книжный мир, 2015.
13. Клёсов А.А. Кому мешает ДНК-генеалогия? Ложь, инсинуации, и русофобия в современной российской науке. – М.: Книжный мир, 2016 (а). – 848 с.
14. Клёсов А.А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад (часть 4). (Ответы на вопросы) // 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2016/08/r1amigration-4/> (Дата обращения: 06.03.2019).
15. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/10732471/Massive_migration_from_the_steppe_is_a_source_for_Indo-European_languages_in_Europe (Дата обращения: 001.03.2019).
16. Кутенков П.И., Резунков А.Г. Ярга-крест и свастика: народная исконь в науке. – СПб.: МИРС, 2014. - 164 с.
17. Кутенков П.И. Великорусская народная женская сряда (одежда). Сядемская и вяземская крестьянские родовые культуры. Сер. 19 – начало 20-го в). – СПб.: Фак. филолог. и искус. С. Петербургского гос. универ., 2010. – 286 с.; 112 с. цв. снимков (28 п.л.). С. 116-118.
18. Макагонов П. В. Русский линейный узор – знаковая система народной культуры // Знаки и знаковые системы народной культуры. Знаковедение. Книга 2. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Знаки и знаковые системы народной культуры». Доклады, исследования и сообщения в 2-х книгах. – Смольный институт РАО, 2016. – С.21-74.
19. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 216 с.
20. Миронова Е.А. Славянские знаки на керамике из Карфагена // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16782, 25.08.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111132.htm> (Дата обращения: 29.01.19.)
21. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111132.htm> (Дата обращения: 29.01.19.)
22. Миронова Е.А. Гравированная галька из Петра ту Ромиу (Кипр) // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17598, 27.07.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111154.htm> (Дата обращения: 15.02.19.)
23. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111154.htm> (Дата обращения: 15.02.19.)

24. Миронова Е.А. Древнейшие знаки протописьменности на артефактах Евразии // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.18993, 20.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/009a/02111013.htm> (Дата обращения: 24.02.2019).
25. Миронова Е.А. Разгадка происхождения символики неолитического знака «засеянное поле» // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.24802, 24.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111214.htm> (Дата обращения: 25.02.19).
26. Миронова Е.А. Одинаковые формы керамики, совпадающие орнаменты и идентичные знаки на артефактах культур неолита, энеолита, и эпохи бронзы Европы, Азии и Северной Америки (сравнение данных по культурам: Кукутени/Триполье – Яншао – Банчанг – Анасази/Могольон).// Proceedings of the Academy of DNA Genealogy. Boston-Moscow-Tsukuba. Volume 6, No. 2. February 2013. Научно-публицистическое издание Академии ДНК-генеалогии. Издательство Lulu inc., 2013. С. 267-374. [Электронный ресурс]. URL: http://dna-academy.ru/wp-content/uploads/6_2_2013.pdf (Дата обращения: 08.02.19).
27. Миронова Е.А. Исследование пещеры Альтамира – источника данных о палеолитическом культе Великой Богини // Эко-потенциал. Ежеквартальный научный журнал. №3 (23), 2018. – С.127-147. ISSN 2310-2888. [Электронный ресурс]. URL: http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/7811/1/eko_3_2018_12.pdf (Дата обращения: 28.02.2019).
28. Нижник Н.С. Славянский анклав лужицких сербов: опыт сохранения статуса национального меньшинства. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21681765_19463021.pdf (Дата обращения: 11.03.2029).
29. Пешич Р. Винчанское письмо и другие грамматологические очерки. Шестое издание. Изд. дом «ДЕДКОФФ», Краснодар, 2010. – 154 с.
30. Рожанский И.Л. ДНК-генеалогия уточняет древние северо-европейские миграции // Переформат, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2014/07/drevnie-severno-evropejskie-migracii/> (Дата обращения: 11.03.2019).
31. Рожанский И.Л. Исторические гаплокарты // Переформат, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2017/08/ancient-dna/> (Дата обращения: 11.03.2029).
32. Рожанский И.Л. Гаплокарты субкладов R1a (краткий обзор) // Переформат, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2017/06/r1a-haplomaps/>
33. (Дата обращения: 12.03.2019).
34. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. – 1965. – №1. – С. 24-46.
35. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. – 1965. – №2. – С. 13-33.
36. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981.
37. Рыбаков Б. А. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Сборник трудов НИИ Художественной промышленности. Вып. 5. – М., 1972. – С. 127–134.
38. Свищ Н.М., Мова українського весілля як об'єкт етнолінгвістичної та лексикографічної інтерпретації. [Электронный ресурс]. URL: https://revolution.allbest.ru/languages/00997419_0.html#text (Дата обращения: 12.03.19).
39. Семиряга М. И. Лужичане. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955г. 196 с., ил., карта.
40. Фёдоров А.Е. Русо-арийские точечные системы и индийская космогоническая система «Васту Пуруша мандала» // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Знаки и знаковые системы народной культуры».

- Доклады, исследования и сообщения в 2-х книгах. Книга 1. – Смольный институт РАО, 2016. – С.46-110.
42. Филиппова Г.Н. Узорочье браного ткачества рукодельниц Сольвычегодского уезда Вологодской губернии // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Знаки и знаковые системы народной культуры». Доклады, исследования и сообщения в 2-х книгах. Книга 2. – Смольный институт РАО, 2016. – С.242-262.
43. 39. Geopolitika [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2013/10/kolybel-evropejskoj-civilizacii/> (Дата обращения: 11.03.19).
44. Jeffrey G. Barlow, Culture, Ethnic Identity, and Early Weapons Systems: The Sino-Vietnamese Frontier // East Asian Cultural and Historical Perspectives. Proceedings of a Conference, Asian Studies on the Pacific Coast, held at the University of Alberta, Edmonton, Alberta, Canada, June, 1996. PP. 1-15 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=ZNqDLMYsaysC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Дата обращения: 08.03.19).
45. Haplogroup O2a (Y-DNA): Wikis. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.thefullwiki.org/Haplogroup_O2a_\(Y-DNA\)](http://www.thefullwiki.org/Haplogroup_O2a_(Y-DNA)) (Дата обращения: 05.03.19).
46. The Zhuang Ethnic Minority. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china.org.cn/e-groups/shaoshu/shao-2-zhuang.htm> (Дата обращения: 14.03.2019).
47. Мезинская и костёнковская культуры. [Электронный ресурс]. URL: http://русс-ия.рф/?page_id=1440 (Дата обращения: 07.03.2019).



Мохарь Вероника Анатольевна, учитель
МАОУ «Гимназия № 1 г. Благовещенска»
bizarreV@mail.ru

Мусяенко Алексей Валентинович, учитель
Общеобразовательный лицей
Амурский государственный университет
alex-carr1995@yandex.ru

ЗАВОЕВАНИЯ ЧИНГИСХАНА И СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

УДК 94 (517)

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления завоевательной политики Чингисхана и его роль в образовании огромной кочевой империи на территории Евразии.

Ключевые слова и фразы: монголы, Чингисхан, империя Цзинь, Хорезм, Великая степь.

Veronika Mokhar, teacher
Gymnasium № 1, Blagoveshchensk
bizarreV@mail.ru

Alexey Musienko, teacher
General Education Lyceum
Amur State University
alex-carr1995@yandex.ru

CONQUEST OF GENGHIS KHAN AND THE CREATION OF THE GREAT MONGOL EMPIRE

Abstract. The article deals with the aggressive politics of Genghis Khan and his role in the formation of the great nomadic empire in Eurasia.

Key words and phrases: Mongols, Genghis Khan, Jin Empire, Khwarazm, the Great Steppe.

На рубеже XI–XII вв. степные просторы Халхи представляли собой многообразный конгломерат различных народов. Несмотря на данные обстоятельства к началу XII в. на территории Великой степи сложилось пять крупных племенных объединений: татары, меркиты, кераиты, найманы и монголы, причем из всех пяти только кераиты и найманы смогли основать на своей территории раннефеодальные государственные образования.

Важной составляющей жизни общества этих этнических групп были войны, которые они беспрерывно вели друг с другом на протяжении многих лет. Начало объединению степных номадов под властью единого правителя было положено в начале XIII в. монгольским ханом Темучжином.

Темучжин происходил из знатного монгольского рода Кият-Борджигин, представители которого на протяжении почти сорока лет являлись правителями Монгольского государства («Mongol ulus»), существовавшего приблизительно в 1120-е – 1161 гг. Вопрос о наличии го-

сударственности у монголов в XII в. до сих пор остается открытым и на этот счет ведутся различные дискуссии [1, с. 449-450].

В «Сокровенном сказании» даются сведения о первых монгольских правителях: «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, у которого было семь собственных сыновей, всеми монголами стал веждать, по слову Хабул-хагана, сын Сенгун-Бильгея, Амбагай-хаган, несмотря на наличие прямых наследников у Хабул-хагана.

Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к татарам из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары Чжуинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому»; «Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуды, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили хаганом Хутулу» [5, с. 84-85]. Далее о монгольском «хагане» в «Сокровенном сказании», вплоть до назначения этим титулом Темучжина, нет никакого упоминания.

В маньчжурском переводе «Юань ши», наоборот, нет никакого упоминания о Амбагае и Хутуле, как о монгольских правителях: «Когда Хайду умер, [ему] наследовал его сын Байшонкор. Когда Байшонкор умер, [ему] наследовал [его] сын Думбихай. // Когда Думбихай умер, [ему] наследовал [его] сын Кабул-хан. Когда Кабул-хан умер, [ему] наследовал [его] сын Бардак. Когда Бардак умер, [ему] наследовал [его] сын Есугэй» [3, с. 24]. В современной историографии официальной, принято считать версию «Сокровенного сказания», именно ее придерживаются многие ученые.

После смерти Хутулы монгольское государство фактически прекратило свое существование, но монголам, несмотря на все это, требовался лидер, который поведет их к славе, поэтому вождем был избран Есугай, внук Хабула. При нем монгольские воины частично отомстили за смерть Амбагай, которого татары передали чжурчжэньскому императору Цзинь, а тот, в свою очередь, пригвоздил монгольского хана к деревянному ослу.

Есугай вместе со своим полчищем вторгся во владения татар и убил их вождя Темучжина-Угэ. Победа над татарами совпала с рождением сына Есугая, и тот, «считая то событие [победу над татарами] за счастливое предзнаменование, положил ему имя Тэмуджин» [4, с. 58].

Когда Темучжину было 13 лет, его отца отравили татары, а все монгольские роды, отвернувшись от семьи Есугая, ушли в разных направлениях [6, с. 65-66]. Подросший Темучжин испытал все сложности жизни, решил несмотря ни на что мстить за смерть отца. Не успев подготовиться к войне с татарами, сын Есугая был вынужден обороняться от другого грозного племени – меркитов.

Темучжин понимал, что ему одному никогда не одолеть меркитов, и поэтому он начал искать себе союзников. Чжамуха из монгольского рода джадаран, анда (побратим) Темучжина с радостью принял предложение атаковать обидчиков, также на помощь монголам пришло племя кераитов во главе с их вождем Тоорилом, побратимом Есугая. В результате объединенная монголо-керайтская армия разбила меркитов в их же стане, но их вождю Тохтоабеки и его сыну Худу удалось бежать.

Многие племена (меркиты, татары, найманы, ойраты, тайчиуты и др.), понимая, что Темучжина сможет одолеть только Чжамуха стали объединяться вокруг побратима будущего монгольского хана. В 1201 г. Чжамуха был избран гурханом, вследствие чего отношения между побратимами полностью испортились [2, с. 165].

Конфедерация объединенных племен во главе с Чжамухой выступила против Темучжина, но тот, заручившись поддержкой Тоорила, сумел собрать огромную армию. Во время битвы начался страшный ураган, который сыграл на руку монголам и кераитам, т.к. найманы, ойраты и меркиты посчитали это дурным предзнаменованием, и ушли от Чжамухи [5, с.

117]. В итоге побратиму Темучжина ничего не оставалось, как бежать, оставив на растерзание монголо-кераитской армии монгольский род тайчиутов, возглавляемые Таргутаем-кирилтухом [6, с. 66-67].

После покорения тайчиутов и победы над объединенной армией Чжамухи, Темучжин приступает к объединению всех племён и созданию единой монгольской державы. За пять лет ему удалось покорить татаров, меркитов, найманов и некогда дружественных ему кераитов.

В 1206 г. на курултае Темучжин был провозглашен Чингисханом Великой монгольской империи. С того момента он стал не просто обычным вождем нескольких родов, а уже состоявшимся правителем с которым должны были считаться его соседи, такие как чжурчжэни и тангуты.

В 1207 г. началась завоевательная экспансия Чингисхана, и первыми на пути у монгольского покорителя степи стали лесные племена Южной Сибири. Они добровольно подчинились завоевателю и обязывались регулярно выплачивать дань монголам [5, с. 174-175].

С марта 1211 г. монголы начинают систематически завоевывать государство Цзинь. Во время монголо-цзиньской войны армия Чингисхана взяла на вооружение военную технику китайцев, чжурчжэней и киданей и впервые стала применять стенобитные машины для осады городов и крепостей.

Первый период монголо-цзиньской войны шел три года, пока в 1214 г. генерал Хушаху не сверг слабого правителя Вэйшао-вана и не послал на переговоры к монголам главного маршала Ваньян Чинхуэя. Вскоре между новым правительством и Чингисханом было достигнуто перемирие [4, с. 170-171], и монгольская армия ушла из Маньчжурии.

В 1218 г. дал о себе знать давний противник монголов, найманский хан Кучлук, который стал правителем Кара-киданьского ханства Си Ляо. На покорение непокорного врага, Чингисхан отправил несколько туменов во главе с Джэбэ, который успешно выполнил задание и захватил все Семиречье и Восточный Туркестан. Кучлук же, успевший бежать, вскоре был пойман и убит. Вследствие этого завоевания Монгольская империя расширила свои границы на запад до богатого и величественного Хорезма.

Поначалу Чингисхан планировал не нападать на государство хорезмшахов, а, наоборот, приобрести на западе такого же могущественного союзника, как и он сам: «Передай хорезмшаху: «Я – владыка Востока, а ты – владыка Запада! Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои, в таком же порядке, пусть перевозятся ко мне» [7, с. 132].

Для налаживания торговых отношений Чингисхан отправил в Отрар, один из крупных приграничных городов Хорезма, богатый купеческий караван, состоявший из 450 купцов. Однако Кайыр-хан, наместник Отрара, обвинив торговцев в шпионаже, казнил их, забрав весь товар себе [4, с. 190]. После того как пришла новость о казни купцов, Чингисхан потребовал от хорезмшаха немедленной выдачи Кайыр-хана, но Мухаммед II ответил ему отказом.

В 1219 г. Чингисхан ступил на хорезмскую землю, где его армия постепенно один за другим захватывала хорезмские города. И хотя удача была на стороне монголов, они все же потерпели ряд поражений от Джелал ад-Дина, сына хорезмшаха, и от генерала Тимур-Мелика. Однако ни тот ни другой не могли спасти положение, в котором оказалось их государство. Поняв, что война проиграна, Мухаммед II бежал.

За 1207-1221 гг. Чингисхан расширил свою империю на несколько тысяч километров. Великого хана стали сравнивать с такими покорителями Великой Степи, как Модэ и Тань-шихуай. После смерти Чингисхана его потомки еще больше расширили границы государства – Великая монгольская империя распростёрлась от Желтого до Средиземного моря.

Таким образом, монгольские завоевания, продолжавшиеся чуть менее века, практически достигли своей непосредственной цели, которые ставили перед собой монгольские ханы. Но, к сожалению, Великая монгольская империя, постоянно раздираемая внутренними противоречиями, просуществовала сравнительно короткое время и распалась на четыре отдельных государства.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь: в 2-х кн. Кн. 1 / Л.Н. Гумилев – М.: ДИ-ДИУ, 1997. – 509 с.
2. Доманин, А.А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники / А.А. Доманин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 415 с.
3. История Небесной империи. Т. I: История первых пяти ханов из дома Чингисова / под ред. В.Е. Ларичева; пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 220 с.
4. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: в 3-х т. Т. I. Кн. 2 / пер. О.Н. Смирновой. – М.-Л.: АН СССР Институт Востоковедения, 1952. – 316 с.
5. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un Niγusa tobčiγan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Том I / пер. С.А. Козина. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 620 с.
6. Храпачевский, Р.П. Военная держава Чингисхана / Р.П. Храпачевский. – М.: АСТ, 2005. – 557 с.
7. Шихаб ад-Дин Мухаммед ибн Ахмал ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / пер. З.М. Бунятова. – М.: Восточная литература, 1996. – 798 с.



Мусиенко Алексей Валентинович, учитель
Общеобразовательный лицей
Амурский государственный университет
alex-carr1995@yandex.ru

Головин Сергей Александрович, д-р ист. наук, профессор
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет
gol_70@mail.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПО ПРОБЛЕМЕ УТВЕРЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В МАРТЕ 1918 г.**

УДК930:94(47).084.2

***Аннотация.** В статье рассматриваются общие подходы, представленные в отечественной региональной историографии, по изучению революционных событий в Приамурье в начале 1918 г.*

***Ключевые слова и фразы:** революция, Приамурье, Благовещенск, советская власть, мятеж.*

Alexey Musienko, teacher
General Education Lyceum
Amur State University
alex-carr1995@yandex.ru

Sergey Golovin, D. Sc. (History) Professor
Sub-department of Russian History and Special Historical Disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University
gol_70@mail.ru

**DEVELOPMENT OF FAR EASTERN HISTORIOGRAPHY: THE ISSUE OF SOVIET
AUTHORITIES ESTABLISHMENT IN AMUR REGION IN MARCH 1918**

***Abstract.** The article deals with general approaches presented in the domestic regional historiography on the study of the revolutionary events in the Amur region in early 1918 year.*

***Key words and phrases:** revolution, Amur region, Blagoveshchensk, Soviet authority, rebellion.*

Одной из важнейших вех истории Благовещенска является период установления и утверждения советской власти. Данная проблема по сей день привлекает внимание историков, политиков, краеведов и многих других людей, интересующихся событиями, происходившими в Приамурье в годы «великих потрясений».

Изучение проблематики так называемого гамовского мятежа в исторической литературе условно подразделяется на два периода – советский и постсоветский.

Советская историография стояла на позициях идеологии марксизма-ленинизма. В то время в основном к тематике революционных событий 1917 г. и Гражданской войны на российском Дальнем Востоке обращались различные многие авторы и издания, в которых были

опубликованы воспоминания непосредственных участников данных событий. К примеру, бывший член Дальневосточного краевого исполкома Советов М.И. Губельман в своей работе «Борьба за советский Дальний Восток (1918-1922)» (1958) трактовал события марта 1918 г. в Благовещенске как операцию японских резидентов по свержению советской власти [3, с. 77].

События, известные в советской историографии как «гамовский мятеж», были для советских историков показательным примером яркого контрреволюционного восстания, где против советской власти выступили объединенные силы основных политических и классовых противников большевиков. Об этом сообщает в своих воспоминаниях А.И. Катунин-Агибалов, бывший председатель местного ВРК: «Когда в Благовещенске и области Советы стали брать власть, меньшевики и правые эсеры с казачьим атаманом Гамовым стали готовить контрреволюционный мятеж» [2, с. 92].

Другой участник мартовских событий в Благовещенске, К.Э. Кидал, однако, указывает, что лидирующая роль принадлежала белогвардейцам, которые лишь воспользовались «поддержкой меньшевиков и эсеров, чтобы свергнуть законную советскую власть» [5, с. 38].

В начале 1960-х гг. в исторической науке начинают появляться крупные монографические исследования, посвященные установлению советской власти в Приамурье, где мартовские события в Благовещенске подробно описываются как антибольшевистское восстание под руководством атамана И.М. Гамова.

Среди этих трудов стоит выделить работы профессора БГПИ В.П. Малышева, в которых утверждается, что основной целью мятежников был не только насильственный захват власти в Благовещенске, но и полное уничтожение органов «молодой Советской власти» [6, с. 80].

Показательными в этом плане также являются ранние труды профессора БГПУ Н.А. Шиндялова, в которых исследователь указывает, что «контрреволюционные силы подняли мятеж..., но рабочие и крестьяне решительно поднялись на защиту своей власти» [10, с. 18]. Также ученый считал, что И.М. Гамов был не единственным, кто решился на открытое сопротивление Советам. Помимо самого атамана, он называл имена Н.Г. Кожевникова, И.П. Кибирева, П.М. Самсонова и И.М. Сурикова, которые как утверждал историк, были «известные своими контрреволюционными взглядами» людьми [12, с. 109].

В 1990-2000-е гг. российскими исследователями были пересмотрены многие положения, касающиеся событий революции и Гражданской войны на Амуре. Причиной тому стал отход от марксистско-ленинской идеологии, снятие цензуры и расширение источниковой базы.

Н.А. Шиндялов, стоявший ранее на позициях того, что выступление атамана И.М. Гамова было направлено против легитимной советской власти, в статье «Гамовский мятеж», опубликованной в газете «Амурская правда» (2008), пересматривает свою позицию. В частности, он указывает: «Действительно в событиях тех далеких лет имело место вооруженное столкновение сторонников и противников власти Советов. Но с позиций сегодняшнего дня, когда идет преодоление идеологических, политических классовых подходов в оценке прошлого, такой подход представляется необъективным и односторонним» [9].

Ученый указывает, что провозглашение власти Советов в Благовещенске было лишь решением одного только крестьянского съезда Амурской области, председателем которого был большевик Ф.Н. Сюткин, в то время как легитимная власть в лице Амурской областной земской управы и Благовещенской городской думы была проигнорирована большевиками [9].

Несмотря на отход от прежней трактовки революционных событий на Амуре со стороны современных исследователей, наследие советской историографии все же частично сохраняет свои позиции. Показательным примером является первая книга 3-го тома фундаментальной «Истории Дальнего Востока России» (2003), посвященная революциям и Граждан-

ской войне в регионе. В частности, в ней указывается: «После крестьянского съезда благовещенские антисоветские организации пошли на контрреволюционный переворот в городе, начавшийся 6 марта 1918 г.» и известный как «мятеж атамана И.М. Гамова в Благовещенске...» [4, с. 175, 208].

Для исследуемой проблематики важным событием стал выход в 2018 г. в Благовещенске коллективной монографии «Благовещенск. Март 1918 года». Авторы данного труда, привлекая ранее не опубликованные исторические источники, предприняли попытку показать более-менее объективную картину событий, связанных с мартовскими событиями 1918 г. в Благовещенске. Отойдя от односторонности советской историографии, авторы данной монографии указывают, что антиправительственный мятеж был направлен против земской власти, которую авторы называют «законной» [1, с. 51].

Важным вопросом внутри проблематики революционных событий марта 1918 г. в Благовещенске является роль лидера благовещенских большевиков Ф.Н. Мухина, который в советской историографии был представлен как борец за установление власти Советов на Амуре, герой революции.

В.П. Малышев дает ему такое описание: «Член РСДРП(б) с 1904 г. Рабочий, активный участник революции 1905-1907 гг. в Забайкалье и Приамурье. На протяжении ряда лет возглавлял партийную организацию большевиков Амурской области, первый председатель Амурского облисполкома, организатор и руководитель партизанского движения против интервентов и белогвардейцев. Арестован и убит бело-японцами в марте 1919 г.» [6, с. 367]. Кроме того, ученый посвятил руководителю амурских большевиков отдельную работу – «Революционер-большевик Ф.Н. Мухин», изданную в 1957 г., в которой отмечал: «Советский народ хранит в своей памяти светлый образ легендарного народного героя – большевика Федора Никаноровича Мухина» [7, с. 104].

На таких же позициях прежде стоял Н.А. Шиндялов, считавший Ф.Н. Мухина ярким образцом борца за освобождение народа от белогвардейцев и японских интервентов, погибшим за идеи «Великого Октября», однако в связи с открытием ранее неизвестных архивных данных исследователь изменил свою точку зрения. Оказалось, что лидер амурских большевиков был фальшивомонетчиком и авантюристом, однако специальная партийная комиссия большевиков, созданная по указу Благовещенского Совета, оправдала его, постановив, что тот искупил свое прошлое [8].

В труде «Благовещенск. Март 1918 года» также указывается, что Ф.Н. Мухин входил в группу фальшивомонетчиков, которые изготавливали фальшивые деньги достоинством 3, 5 и 25 рублей [1, с. 283].

Н.А. Шиндялов также пересмотрел свои позиции по поводу «мученической смерти» Ф.Н. Мухина за социалистические идеалы. В январе 1919 г., когда лидера большевиков схватила белая контрразведка, тот на допросе «слишком откровенно осветил всю подготовку восстания, назвал руководителей, указал места, где формировались нелегальные группы, членов штаба, наличие винтовок, патронов и т.д.» [11].

Таким образом, на сегодняшний день история становления власти Советов в Приамурье получила широкое отражение в отечественной историографии, как в советской, так и в постсоветской. За долгие годы изучения этой темы был сделан коренной поворот от советской трактовки данных событий к современным исследованиям, свободным от цензуры. В связи с этим представляется целесообразным и исторически точным называть мартовские события 1918 г. в Благовещенске не как «гамовский мятеж», а как «мухинский».

После того как были опубликованы ранее неизвестные архивные данные, правда о «большевике-герое» Ф.Н. Мухине стала открыто внедряться в различные исторические исследования по вопросам революционных событий на Амуре. В настоящее время приводятся различные материалы, которые указывают на то, что мятеж был организован не со стороны

атамана И.М. Гамова, а, наоборот, сторонниками Амурского Совета рабочих и солдатских депутатов, пытавшимися всеми силами свергнуть законную власть в лице Амурской областной земской управы и Благовещенской городской думы.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Благовещенск. Март 1918 года / отв. ред. А.В. Телюк – Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2018. – 464 с.
2. Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922). Воспоминания ветеранов / сост. А.Т. Якимов. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
3. Губельман, М.И. Борьба за советский Дальний Восток (1918-1922) / М.И. Губельман. – М.: Воениздат, 1958. – 276 с.
4. История Дальнего Востока России. От эпохи первобытного общества до конца XX века. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны / отв. ред. Б.И. Мухачев. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 632 с.
5. Кидал К.Э. Советы в Амурской области // За советский Дальний Восток. – Владивосток: Дальиздат, 1981. – С. 35-46.
6. Малышев, В.П. Борьба за власть Советов на Амуре / В.П. Малышев. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961. – 384 с.
7. Малышев, В.П. Революционер-большевик Ф.Н. Мухин. Историко-биографический очерк / В.П. Малышев. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1957. – 119 с.
8. Шиндялов Н.А. Большевик Мухин сбывал фальшивые рубли // Амурская правда. – Благовещенск, 2008. – 29 февраля. – № 37 (26370).
9. Шиндялов Н.А. Гамовский мятеж // Амурская правда. – Благовещенск, 2008. – 5 апреля. – № 60 (26393).
10. Шиндялов, Н.А. За власть Советов (1917-1922 гг.) / Н.А. Шиндялов. – Благовещенск: Амур. отд. Хабар. кн. изд-во, 1971. – 56 с.
11. Шиндялов Н.А. Разочарование Мухина. Вождь амурского пролетариата отказался от революции // Амурская правда. – Благовещенск, 2009. – 4 апреля. – № 58 (26635).
12. Шиндялов, Н.А. Октябрь на Амуре. Установление советской власти в Амурской области (март 1917 г. – апрель 1918 г.) / Н.А. Шиндялов. – Благовещенск: Амур. отд. Хабар. кн. изд-во, 1973. – 192 с.



Некрытый Виктор Владимирович

аспирант Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток, Россия
nekrytiy@yandex.ru

ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И БИБЛИОГРАФИИ

УДК 94 (4)

***Аннотация.** В статье дается общая характеристика литературы по истории органов внутренних дел Дальнего Востока. Обобщаются основные направления исследований, дается общая характеристика работ дальневосточных исследователей. Делается вывод о неравномерности изучения истории органов внутренних дел Дальнего Востока как в хронологическом, так и в региональном контексте. Наибольшее количество исследований посвящено 1920-м годам. Начинает формироваться историография по периодам Второй мировой войны, послевоенному и современному (рубеж XX – начало XXI вв.). Наименьшее количество исследований посвящено периодам 1930-х, 1970-1980-х гг. Территориально Дальний Восток также изучен крайне неравномерно. Интересы исследователей, в основном, сосредоточены на анализе истории органов внутренних дел Хабаровского и Приморского краев. Необходимо дальнейшее изучение рассматриваемой проблемы на основе активного расширения источниковой базы, постановки новых проблем и вопросов, научного анализа и критического подхода к оценке имеющихся исследований.*

***Ключевые слова и фразы:** научные исследования, библиография, перспективы изучения, история, органы внутренних дел, Дальний Восток, Россия.*

Victor Nekry`ty`j

graduate student of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
nekrytiy@yandex.ru

HISTORY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FAR EAST IN RESEARCH AND BIBLIOGRAPHY

***Abstract.** The article gives a General description of the literature on the history of the internal Affairs bodies of the Far East. Summarize the main directions of research, provides an overview of the work of the far Eastern researchers. The conclusion is made about the uneven study of the history of the internal Affairs bodies of the Far East, both in chronological and regional context. The greatest number of studies devoted to the 1920s. Historiography on the periods of the Second world war, post – war and modern (the turn of XX-the beginning of XXI centuries) begins to form. The least amount of research on the 1930s, the 1970-1980s years. Geographically, the far East is also studied very unevenly. The interests of researchers are mainly focused on the analysis of the history of the internal Affairs bodies of the Khabarovsk and Primorsky territories. It is necessary to further study the problem on the basis of active expansion of the source base, formulation of new problems and issues, scientific analysis and critical approach to evaluation.*

***Key words and phrases:** research, bibliography, prospects of study, history, internal Affairs bodies, Far East, Russia.*

Одной из приоритетных задач отечественной исторической науки является исследование проблем становления и развития государственности России на различных исторических этапах. Актуальность исторических исследований существенно возрастает на современном этапе развития общества и государства в России, когда обращение к наследию прошлого обусловлено еще и 300-летним юбилеем создания в нашей стране регулярной полиции.

Полиция оказывает сдерживающее влияние на рост криминальных явлений и позволяет поддерживать на надлежащем уровне общественный порядок и внутреннюю безопасность государства. При осложнении внутривластного и экономического положения страны роль полиции неуклонно возрастает и усиливается. Таким образом, безотказно действует веками проверенный принцип: «чем сильнее полиция, тем сильнее государство».

В связи с этим особый интерес в решении этих и других важнейших вопросов представляет историческое наследие в отдельных аспектах данной деятельности. Изучение исторического опыта становления и развития органов внутренних дел может быть полезным в современных условиях, характеризующихся кризисными явлениями в социально-экономической и культурной жизни, высоким уровнем преступных деяний.

Историография данной темы представлена работами исследователей, изучающих различные аспекты деятельности органов внутренних дел Дальнего Востока. Сотрудники и ветераны органов внутренних дел, работники архивных учреждений и музеев, преподаватели вузов и ученых-исследователей изучают историю органов внутренних дел с периода создания органов милиции до настоящего времени.

Наибольшее количество исследований дальневосточных ученых посвящено периоду 1917–1930 гг.

Особое внимание среди работ дальневосточных историков следует обратить на труды В.В. Сониной, посвященные комплексному обобщению государственно-правового опыта Дальневосточной республики, которая являлась порождением гражданской войны и иностранной военной интервенции в 1920–1922 гг. На основе уникальных источников показано своеобразие создания ДВР, ее государственный механизм и право [1]. Для изучения исследуемой проблемы немаловажное значение имеет точка зрения В.В. Сониной на особенности становление органов милиции на Дальнем Востоке.

В современный период научно-исследовательскими центрами изучения истории органов внутренних дел являются Дальневосточный федеральный университет и Дальневосточный юридический институт МВД России. С 2010 года исследования ведутся в рамках научной школы «История развития правоохранительных органов на Дальнем Востоке России» (руководители – профессора кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России Н.А. Беляева, доктор исторических наук, профессор, и Н.А. Шабельникова, доктор исторических наук, профессор).

В монографических исследованиях Н.А. Шабельниковой рассматривается исторический опыт формирования органов дальневосточной милиции в 1917–1930-е гг. Дается общая характеристика обстановки, сложившейся на Дальнем Востоке в процессе гражданской войны, иностранной военной интервенции, советизации региона. Рассматриваются условия и необходимость создания правоохранительных органов. Анализируются особенности комплектования милицейских подразделений в изучаемый период. Определяются основные этапы становления органов дальневосточной милиции [2; 3; 4; 5; 6].

В статьях Н.А. Шабельниковой анализируются особенности формирования государственного обеспечения дальневосточной милиции в 1920-е гг. Обращается внимание на то, что в условиях необходимости обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью финансирование милиции должно было входить в число основных приоритетов советского государства. Однако вследствие сложного положения в стране, многие ведомства финансировались по остаточному принципу, в том числе и НКВД. Приводятся данные о том, что

складывавшаяся система государственного обеспечения в стране в целом и на Дальнем Востоке в частности напрямую зависела от средств местных бюджетов. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на предпринимаемые руководством НКВД и государственными органами меры (разовые повышения окладов, введение системы премирования за борьбу с разного рода правонарушениями и т.п.), социальные проблемы рабоче-крестьянской милиции в 1920-е гг. не были решены [7; 8].

Изучается характер и особенности формирования преступного мира, анализируются основные направления, формы и методы деятельности милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка [9; 10; 11]. Рассматривается исторический опыт противодействия антигосударственным преступлениям в Дальневосточном регионе России в 1920-е гг. Значительное внимание в статьях В.В. Сониной и Н.А. Шабельниковой уделяется характеристике видов бандитизма, анализу особенностей репрессивной политики в отношении крестьянства, определении специфики борьбы правоохранительных органов с антигосударственными преступлениями [12; 13].

В трудах С.Н. Ляпустина, Н.А. Беляевой на основе широкого круга источников исследуется процесс организации борьбы с контрабандой на российском Дальнем Востоке в условиях политической нестабильности, порожденных Гражданской войной и иностранной военной интервенцией [14; 15].

Коллективная монография под общей редакцией Н.А. Беляевой [16] посвящена опыту борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России в исторических рамках второй половины XIX – 30-е годы XX века. Дается характеристика основных направлений государственной антиконтрабандной политики, показано взаимодействие различных ведомств борьбы с контрабандой. Обобщается деятельность правоохранительных органов по противодействию контрабанде, отмечается немаловажная роль органов милиции и уголовного розыска Приморья в данном процессе.

Изучению проблемы формирования, обучения и воспитания кадрового состава дальневосточной милиции посвящены труды Т.А. Орнацкой, С.Н. Бакшутова, Н.А. Шабельниковой. В монографии «Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918-2011 гг.)» на основе широкого круга источников рассматривается процесс становления дальневосточной милицейской школы в государственной системе профессионального образования: развитие курсовой системы подготовки кадров, формирование среднего специального образования, рождение высшего образования [17].

В статьях Т.А. Орнацкой, С.Н. Бакшутова, В.А. Черномаза, Н.А. Шабельниковой, С.С.Цуканова и др. рассматривается исторический опыт формирования системы профессиональной подготовки кадрового состава дальневосточной милиции в 1920-е гг. Анализируются условия, особенности и закономерности становления милицейского обучения. Представлена общая характеристика и обобщены основные формы и методы профессиональной подготовки сотрудников милиции. Обращается внимание на то, что 1920-е гг. на Дальнем Востоке была создана система подготовки кадров милиции и уголовного розыска, которая в рассматриваемый период еще не получила законченного развития [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25].

Начальный этап становления профессионального образования сотрудников органов внутренних дел на территории Дальнего Востока России рассматривается в работах А.В. Милежика. На примере деятельности Центральной школы подготовки командного состава народной милиции Дальневосточной республики раскрываются особенности организации учебного и воспитательного процессов, освещается процесс формирования кадрового состава школ комсостава милиции. Автор приходит к выводу о том, что в период существования ДВР с созданием Центральной школы командного состава народной милиции были заложены основы многоуровневой профессиональной подготовки и обучения кадров в системе НКВД [26; 27].

В ряде статей освещается процесс складывания юридического цикла школьного милицейского образования на Дальнем Востоке. Становление и развитие юридического образования на Дальнем Востоке рассмотрено в контексте конкретной исторической обстановки, изучены трудности, успехи и неудачи юридической подготовки специалистов. Обращается внимание на то, что в 1917-1922 гг. не только на Дальнем Востоке, но и по всей России произошло общее снижение уровня профессиональной подготовки и грамотности милиционеров. Некомплект кадров пытались восполнить путем приема на службу всех желающих, в том числе и не имевших специальной подготовки. Развертывание системы специальной юридической подготовки проходило в условиях отрицания права как регулятора общественных отношений. Отсутствие централизованного руководства вынуждало учебные планы приспособлять к местным условиям. Поэтому изучение системы правовой подготовки милицеских кадров представляет интерес не только с исторической, но и с юридической точки зрения [28; 29; 30; 31; 32].

Территориально Дальний Восток в рамках рассматриваемой проблемы изучен крайне неравномерно. Интересы исследователей, в основном, сосредоточены на исследовании организации и деятельности органов внутренних дел Хабаровского и Приморского краев.

В работах А.В. Жадана, О.В. Шелудько, С.П. Щербакова исследуется исторический опыт организации и деятельности органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг.: материально-бытовые особенности жизни и службы [33]; подготовка кадров [34], формирование агентурно-осведомительной сети [35] и др. В статьях исследователей нашли отражение различные аспекты борьбы правоохранительных органов с региональной преступностью: беспризорностью и безнадзорностью [36; 37; 38], бандитизмом [39].

Изучению особенностей взаимодействия НКВД и Краснознаменной экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане посвящены работы А.В. Усова [40; 41]. Главное внимание уделяется специфике взаимодействия органов госбезопасности и дальневосточных эпроновцев в сфере производственной деятельности, кадрового обеспечения, отправке конфиденциальной корреспонденции.

В трудах В.Ж. Дорохова обобщаются особенности деятельности милиции Хабаровского края в 1950–1970-е гг. Уделяется внимание проблеме обеспечения государственной и общественной безопасности в условиях обострения советско-китайских противоречий; особенностям мобилизационной подготовке на приграничных с Китаем территориях СССР в 1969 г. и др. [42; 43; 44].

История органов внутренних дел современного периода исследуется в трудах П.В. Коровникова, А.М. Виноградова, В.В. Некрытого. Получили рассмотрение отечественный опыт противодействия организованным преступным группировкам в Приморском крае [45; 46], анализ форм и методов противодействия экономической преступности в регионе [47], состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности противодействия преступности [48; 49]. Отмечается, что определяющее влияние на характер и особенности преступности оказывают геополитические и социально-экономические условия развития региона. Авторы делают выводы о том, что изучение качественных и количественных характеристик преступности позволяют судить о ее размерах, о степени криминализации общества, служат основой для разработки стратегии и тактики ее предупреждения.

Таким образом, история органов внутренних дел Дальнего Востока представлена в трудах дальневосточных исследователей в монографических исследованиях и статьях. Период с 1917 г. по настоящее время изучен неравномерно как в хронологическом, так и в региональном контексте. Наибольшее количество исследований посвящено 1920-м годам. Начинает формироваться историография по периодам Второй мировой войны, послевоенному и современному (рубеж XX – начало XXI вв.). Наименьшее количество исследований посвящено периодам 1930-х, 1970-1980-х гг. Территориально Дальний Восток также изучен крайне не-

равномерно. Интересы исследователей, в основном, сосредоточены на анализе истории органов внутренних дел Хабаровского и Приморского краев. Необходимо дальнейшее изучение рассматриваемой проблемы на основе активного расширения источниковой базы, постановки новых проблем и вопросов, научного анализа и критического подхода к оценке имеющихся исследований. Исследование этой проблемы дает богатый материал не только для научных обобщений, но и для определения направления усилий по совершенствованию работы с кадрами органов внутренних дел, функционирования правоохранительных органов.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Сонин В.В. Государство и право Дальневосточной республики (1920–1922 гг.): монография. – 2-е изд., испр., доп. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 296 с.
2. Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы: монография. – М.: Проспект, 2016. – 185 с.
3. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930 гг.): монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2000. – 300 с.
4. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е гг.): исторический опыт организации и деятельности: монография. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – 356 с.
5. Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922–1930 гг.): монография. – Владивосток: Изд-во Дальнаука ДВО РАН, 2002. – 544 с.
6. Шабельникова Н.А. Милиция в системе охраны правопорядка на Дальнем Востоке России в 1920-е гг.: монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 126 с.
7. Шабельникова Н.А. Становление системы социальной защиты в органах дальневосточной милиции в 1920-е гг. // Девятые Гродековские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала гражданской войны в России, Хабаровск, 17-22 апреля 2018. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2018. – С. 159-163.
8. Шабельникова Н.А. Финансовое и материальное обеспечение сотрудников дальневосточной милиции в 1920-е гг. (к 100-летию образования рабоче-крестьянской милиции) // КЛИО. – 2018. – № 1(133). – С. 60-68.
9. Шабельникова Н.А. Деятельность дальневосточной милиции по охране правопорядка и борьбе с преступностью в 1920-е гг. // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2015. – № 3(32). – С. 103–111.
10. Шабельникова Н.А. Правоохранительные органы в системе правопорядка на Дальнем Востоке России в 1922-1930 гг. // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (40). – С. 10–18.
11. Шабельникова Н.А. Преступность на Дальнем Востоке России в 1922-1930 гг.: характер и особенности // Россия и АТР. – 2001. – № 3 (33). – С. 63–73.
12. Шабельникова Н.А. Противодействие антигосударственным преступлениям на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3 (37). С. 70–77.
13. Сонин В.В., Шабельникова Н.А. Особенности противодействия бандитизму на Дальнем Востоке России: исторический опыт // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1 (17). – С. 32–37.
14. Ляпустин С.Н., Беляева Н.А. Организация борьбы с контрабандой в условиях гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. – Владивосток: ВФ РТА, 2014. – 104 с.

15. Беляева Н.А., Шабельникова Н.А. Контрабанда и борьба с ней на российском Дальнем Востоке в конце XIX - первой четверти XX в.: перспективы формирования источниковой базы // Вестник архивиста. – 2018. – № 4. – С. 1081–1091.
16. Беляева Н.А., Лаврик Л.А., Ляпустин С.Н., Попенко А.В., Шабельникова Н.А., Щербина Е.М. Дальневосточная контрабанда как историческое явление (Борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века): монография. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2010. – 296 с.
17. Бакшутлов С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918-2011 гг.): монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. – 226 с.
18. Орнацкая Т.А. К вопросу о моральных устоях дальневосточных милиционеров в 1920-1922 гг. // Чтения памяти А.А. Сидоренко: материалы региональной заочной науч.-практ. конф. (Благовещенск, 30 ноября 2016 г.): периодический сборник. Вып. 3. / отв. ред. А.В. Кузин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 119–124.
19. Орнацкая Т.А. Кадровая политика в правоохранительных органах (на примере советской милиции Дальнего Востока в 1920– 1930-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 4. – С. 441–449. (0,75 п.л.)
20. Орнацкая Т.А. Кадровое обеспечение органов милиции на Дальнем Востоке России (ноябрь 1922 – март 1926 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология». – 2016. – № 15. Вып. 39 (сентябрь). – С. 136–142.
21. Орнацкая Т.А. Народная милиция Дальневосточной республики: комплектование и подготовка кадров // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2 (47). – С. 39–47.
22. Орнацкая Т.А., Хитин М.С. Организация внешкольной работы с дальневосточными милиционерами в середине 1920-х – 1930-е годы // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 2 (26) (апрель-июнь). – С. 150–155.
23. Орнацкая Т.А., Цуканов С.С. Подготовка кадров милиции Приморья в первой половине 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3. Ч. 2. – С. 122–124.
24. Шабельникова Н.А., Бакшутлов С.Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 182–185.
25. Шабельникова Н.А., Черномаз В.А. Организационные основы становления милицейских учреждений Приморья в 1917–1922 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 10. – С. 49–52.
26. Милежик А.В. Деятельность Центральной школы подготовки комсостава народной милиции ДВР: опыт организации профессионального образования на Дальнем Востоке России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 2(44). – С. 135–145.
27. Милежик А.В. Центральная школа подготовки комсостава народной милиции Дальневосточной республики (из истории ДВЮИ МВД России) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2013. – № 2 (25). – С. 123–129.
28. Орнацкая Т.А. Правовая подготовка сотрудников юстиции и милиции в 1917–1920-е годы (на материалах Восточной Сибири и Дальнего Востока) // 300 лет на страже закона и правопорядка [электронное научное издание] : материалы всерос. науч.-практ. конф. (19–20 апреля) / редкол.: А. А. Андреев [и др.] ; Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. Режим досту-

- па:https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/012/627/311/300_let_na_strazhe_zakona_i_poryadka_ENI.pdf – С. 86–90.
29. Орнацкая Т.А. Особенности подготовки юристов в Приморье в первый период гражданской войны // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 139–141.
 30. Орнацкая Т.А. Становление и развитие школьно-курсового обучения юристов на Дальнем Востоке в 1922-1941 гг. // КЛИО. – 2018. – № 1(133). – С. 100–108.
 31. Орнацкая Т.А. Юридическая подготовка на Дальнем Востоке в 1917-1938 годы: современная историография (на материалах по истории антибольшевистских сил) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2018. – № 23. – С. 81–83.
 32. Орнацкая Т.А., Головин С.А. Флагман подготовки милицейских кадров на Дальнем Востоке (об обучении юристов в начале 1920-х гг.) // Гуманитарные науки и образование. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 148–153.
 33. Жадан А.В. Материально-бытовые условия жизни и службы сотрудников органов внутренних дел Приморского края в 1941-1945 гг. // Ойкумена. – 2016. – № 2. – С. 72–78.
 34. Жадан А.В., Шелудько В.О. Проблемы отбора и подготовки кадров в органах внутренних дел Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Современная научная мысль. – 2016. – № 4. – С. 201–208.
 35. Жадан А.В., Щербаков С.П. Формирование агентурно-осведомительной сети как ключевая задача подразделений уголовного розыска в годы Великой Отечественной войны (по материалам Приморского края) // Инновационные механизмы решения проблем научного развития: сборник статей междунар. науч.-практ. конф., Сызрань, 28 мая 2016 г. В 2 ч. Ч.2. – Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. – С. 35–38.
 36. Ляскина Н.В. Деятельность милиции Приморья по противодействию преступности несовершеннолетних в 1941-1945 годах (историографический обзор)//300 лет на страже закона и правопорядка : материалы всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 19-20 апреля. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 68–72.
 37. Ляскина Н.В. Истоки формирования в органах внутренних дел службы профилактики по борьбе с детской беспризорностью и правонарушениями: исторический аспект // Теоретические и практические проблемы юриспруденции: трибуна молодых ученых: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции курсантов (студентов, слушателей, адъюнктов, (аспирантов) и молодых ученых, Владивосток, 1 июня 2017 г. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерал. ун-та, 2017. – С.155–162.
 38. Ляскина Н.В. Преступность несовершеннолетних как объект исторического исследования // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России Владивосток, 16–17 октября 2018 г. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 384–390.
 39. Жадан А.В., Петров К.Н. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Инновационные технологии научного развития: сборник статей междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 15 июня 2016 г. В 3 ч. Ч. 3. – Уфа: АЭТЕРНА, 2016. – С. 95–98.
 40. Усов А.В. Взаимодействие НКВД и Краснознаменной экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане (1930-1940 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: урок истории : материалы XXI Всеросс. науч. конф., Москва, 7-8 декабря 2017 г. – М. : Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018. – С. 219–225.

41. Усов А.В. «Водолазное, аварийно-спасательное и судоподъемное дело на Дальнем Востоке будет стоять на должной высоте». Становление отдельной Дальневосточной партии экспедиции подводных работ особого назначения. 1932–1933 гг. // Исторический архив. – 2018. – № 4. – С. 86–98.
42. Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края (1953–1968 гг.) : монография. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2008. – 190 с.
43. Дорохов В.Ж. УВД на границе. Деятельность органов внутренних дел Хабаровского края по обеспечению государственной и общественной безопасности в условиях обострения советско-китайских противоречий: 1959–1972 гг.: монография. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2015. – 276 с.
44. Дорохов В.Ж. Мобилизационная подготовка на приграничных с Китаем территориях СССР в 1969 г. // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 1. – С. 12–15.
45. Коровников И.П. Отечественный опыт противодействия организованным преступным группировкам // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 371–375.
46. Милежик А.В., Коровников П.В. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920-е гг.: историографический обзор // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 11. – С. 88-93.
47. Виноградов А.М. К вопросу о состоянии экономической преступности в Приморском крае (2003–2011 гг.) // 300 лет на страже закона и правопорядка [электронное научное издание] : материалы всерос. науч.-практ. конф., Хабаровск, 19-20 апреля. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 24–27.
48. Некрытый В.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью: историографический обзор//Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16-17 октября 2018 г. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 402–408.
49. Некрытый В.В. Состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности предупреждения региональной преступности на рубеже XX-XXI вв.//Наука, образование и практика в деятельности по обеспечению прав граждан в борьбе с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 12 ноября 2015 г. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – С. 138-140.



Орнацкая Татьяна Александровна, канд. ист. наук
докторант Дальневосточного федерального университета
ota12@yandex.ru

Цуканов Сергей Сергеевич, канд. ист. наук
Кафедра истории
Академия метрологии, стандартизации и сертификации
сер200670@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ С КИТАЕМ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.): ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 924

***Аннотация.** На современной международной арене Китай – важный стратегический партнер Российской Федерации. Взаимоотношения с нашим «восточным соседом» строятся на взаимовыгодной основе и в целом имеют положительный вектор. Однако на протяжении предыдущего XX в. вектор этих отношений изменялся несколько раз. Представленная к публикации статья освещает период начала 1920-х гг. и раскрывает процесс установления дипломатических отношений между РСФСР (СССР) и Китаем. Используя значительное количество архивных документов, вводимых впервые в научный оборот, автор раскрывает суть противоречий, имевшихся между двумя странами, освещает тонкости дипломатических шагов, направленных на установление взаимовыгодного сотрудничества.*

***Ключевые слова и фразы:** Дальний Восток, Китай, внешняя политика, безопасность, дипломатия.*

Tatiana Ornatskaya, kand. east. sciences'
doctoral student of the Far Eastern Federal University
ota12@yandex.ru

Sergey Tsukanov, kand. east. sciences'
Department of history Academy of Metrology, standardization and certification
сер200670@yandex.ru

THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE SOVIET RUSSIA AND CHINA (THE FIRST HALF OF THE 1920S): PROBLEMS AND SOLUTIONS

***Abstract.** In today's international arena, China is an important strategic partner of the Russian Federation. Relations with our "Eastern neighbor" are built on a mutually beneficial basis and generally have a positive vector. However, over the past century the vector of these relations changed several times. The article presented for publication covers the period of the early 1920s and reveals the process of establishing diplomatic relations between the RSFSR (USSR) and China. Using a significant number of archival documents introduced for the first time in scientific circulation, the author reveals the essence of the contradictions that existed between the two countries, highlights the subtleties of diplomatic steps aimed at establishing mutually beneficial cooperation.*

***Key words and phrases:** Far East, China, foreign policy, security, diplomacy.*

В настоящее время историческое сообщество активно включилось в процесс переосмысления исторических событий, произошедших после октября 1917 г. Исследователи с новых методологических позиций, используя широкую источниковую базу, изучают вопросы реализации руководством РСФСР (а позднее и СССР) внутренней политики в Дальневосточном регионе [7; 10; 25; 27; 28; 30]. Однако революционные события в России затронули и сферу внешней политики. На Дальнем Востоке особенности международной ситуации вкупе с невозможностью ведения войны на два фронта (западе и востоке) обусловили весной 1920 г. создание буферной Дальневосточной республики (ДВР).

Дальневосточная республика, а ранее и Советская Россия стремились установить дружеские отношения с Китаем. Дипломатия РСФСР и ДВР делали ставку на Китай, поскольку он непосредственно граничил и граничит с нашей страной. По его территории проходила КВЖД, а в Маньчжурии сосредоточились десятки тысяч белоэмигрантов. В Китае бурно развивалось революционное антиколониальное движение. Политическая ситуация в самом Китае была нестабильна. На севере Маньчжурии существовала милитаристическая клика генерала Чжан Цзолиня, которого поддерживало французское посольство. Он распространил свою власть на всю Маньчжурию (т.н. район Трех Северо-Восточных провинций) и возглавил фэньтяньскую (мукденскую) военную клику.

В центральном Китае власть находилась в руках чжилийской клики, которую возглавлял У Пейфу. Эта группировка являлась проводником англо-американской политики в Китае.

Третья влиятельная, но не популярная в Китае группировка – аньфуисты, находилась в Пекине. В 1920 г. эта клика была разбита чжилийцами, в результате чего там к власти пришли военные генералы, которые сформировали свое правительство, являвшееся проводником английской политики [21, л. 248].

В этой ситуации позиция советского руководства относительно политики в Китае была далеко не однозначна. Оно вело сложную игру в треугольнике: между Сунь Ятсеном, утвердившимся в Кантоне и Южном Китае, У Пейфу, контролировавшим Пекин, и господствовавшим в Маньчжурии Чжан Цзолинем [12].

Надежды большевиков на скорое установление дипломатических отношений и признание Китаем РСФСР довольно скоро были развеяны. Еще зимой 1918 г. китайский посланник Лю Цзиньжэнь заявил, что его правительство только тогда признает новую власть в России, когда это сделают другие союзные державы. Вслед за этим китайский посланник принял активное участие в совместных с представителями Антанты антисоветских акциях. В итоге 22 февраля 1918 г. НКВД направил международным отделам краевых совдепов инструкцию, в которой говорилось: «В отношении китайцев надлежит помнить, что нынешнее Пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшимся восстанием против реакционного Севера народом Южного Китая, образовавшим федеративную Республику. В Северном Китае действуют, совершенно независимо от Пекина, генералы-монархисты» [6, с. 110]. Советскому руководству стало ясно, что Пекин действует заодно с врагами новой России, что возлагать на него какие-либо надежды бесперспективно.

Пекинское правительство Китая под давлением иностранных держав заняло враждебную в отношении советской России позицию и даже заключило с Японией 16 мая 1918 г. секретное соглашение об участии в антисоветской интервенции, а в августе 1918 г. направило свои войска во Владивосток, Хабаровск и в Забайкалье [22, 23].

В такой ситуации большевики начали искать контакты с Сунь Ятсеном, видя в нем потенциального союзника в борьбе против колониализма и империализма.

Для организации коммунистического движения в Китае действовали работники Коминтерна: Г.Н. Войтинский в Шанхае с осени 1920 г.; Г. Маринг – в Гуйлине с августа-сентября 1921 г.; Далин – в Гуаньчжоу с апреля-июня 1922 г.

Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР выступал за активизацию революционного движения в Китае, о чем свидетельствует переписка Наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина с Сунь Ятсеном в 1920-1922 гг. В январе 1922 г. Г.В. Чичерин переслал письмо Сунь Ятсена В.И. Ленину, а в феврале направил ответ с выражением искренней дружбы с китайским народом. В августе 1922 г. Исполком Коминтерна рекомендовал китайским коммунистам вступить в партию Гомиьндан для создания единого национально-революционного фронта [8, с. 269]. Но у Сунь Ятсена были свои виды на большевистскую Россию, так как, ведя борьбу против клики Дуань Цижую, он возлагал большие надежды на внешнюю поддержку. Поначалу он надеялся на помощь в организации и осуществлении похода на Пекин с севера силами германских военнопленных, находившихся в сибирских лагерях, с одновременным ударом по столице с юга. В дальнейшем у Сунь Ятсена созрел план свержения пекинского правительства с помощью Красной Армии и военных формирований китайских добровольцев, проживавших в России. Данный план обсуждался Сунь Ятсеном как с советскими эмиссарами, так и с представителями организаций китайских иммигрантов в России, приезжавшими к нему в Шанхай. В Благовещенске даже побывал один из ближайших советников Сунь Ятсена – Ли Чжанда, который провел переговоры с представителями Дальбюро ЦК РКП (б), завершившиеся соглашениями по ряду вопросов. Сунь Ятсен надеялся также заключить военный договор с советским правительством [24, с. 184].

Советская дипломатия продолжала делать ставку на Китай, как «узел международных конфликтов и наиболее уязвимое место международного империализма». Нанести «империализму удар в самое слабое его место было бы очень важно», когда он переживает кризис в Европе и страдает экономически, - телеграфировал 30 августа 1922 г. полпред РСФСР в Китае А.А. Иоффе Генеральному секретарю ЦК РКП (б) И.В. Сталину и заместителю Наркома по иностранным делам Л.М. Карахану [1, с. 107].

В идеале для совпадения геополитических и классовых интересов руководства Советской России и Дальневосточной республики было бы желательно формирование единого антиимпериалистического Китая, находящегося в союзе с новой Россией. Однако политика есть искусство возможного. Вот почему для дипломатии РСФСР и ДВР необходимо было исходить из реалий и руководствоваться прагматическими интересами. Более того, помощь революционным организациям вызывала сомнения в искренности намерений правительств РСФСР и ДВР. Приходилось объясняться как с центральным правительством, так и с правительством Сунь Ятсена в Гуаньчжоу (Кантоне).

24 марта 1921 г. в прямом обращении Учредительного собрания ДВР к китайскому народу и его правительству говорилось, что русский народ «хочет создания твердых договорных отношений, которые дали бы возможность населению ДВР и Китая возобновить правильную и нормальную торговлю и этим способствовать благосостоянию обоих народов» [5, л. 61-65]. 31 октября 1921 г. Нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин запрашивал Министра иностранных дел ДВР Я.Д. Янсона, допустимо ли Советской России вступить в отношения с Сунь Ятсеном, или это сделает невозможным сношения с Пекином? «Пекин есть символ национального единства и, в первую очередь, мы должны вступить в сношения с Пекином. Не будет ли это сорвано, если одновременно будем пытаться сноситься с Кантоном?» [1, с. 63-64]. Посылая письмо Сунь Ятсена В.И. Ленину (от 28 августа 1921 г.), Г.В. Чичерин 6 ноября 1921 г. писал главе советского правительства, что Советская Россия может вступить в сношения с кантонским правительством только после учреждения советского представительства в Пекине. До этого момента было «неудобным даже писать Сунь Ятсену». Однако такая переписка велась [1, с. 64-65; 27, с. 118]. 7 декабря 1921 г. Г.В. Чичерин телеграфиро-

вал советскому представителю в Пекине, что отношения с Китаем надо строить «в такой осторожной форме, которая не помешала бы нашей политике в Пекине» [4, с. 65; 27, с. 119].

Нельзя забывать, что национальные интересы Китая требовали улучшения отношений с Россией и ДВР, но пекинское правительство и глава Северо-Восточного Китая Чжан Цзолин, находившиеся под давлением иностранных держав, проводили противоречивую, а зачастую и недружественную политику по отношению к РСФСР и ДВР, выразившуюся, в частности, в поддержке белых армий.

Пекин занял открыто враждебную позицию к областным правительствам, которые были сформированы после падения режима А.В. Колчака. В начале февраля 1920 г. китайское правительство двинуло войска из Сахалина (ныне – Хейхэ) в Благовещенск и пыталось создать здесь особую милицию для защиты контрабандистов. Аналогичными были действия китайского консула во Владивостоке. В начале 1920 г. китайские войска по приглашению правой части Думы г. Троицкосавска (ныне – Кяхта) заняли город. Местная буржуазия пыталась объявить Троицкосавск «вольным городом», но 18 февраля 1920 г. власть в городе взял революционный комитет, который организовал демонстрацию протеста против действий китайской военщины. Китайские войска открыли огонь и убили и ранили несколько человек. 25 марта 1920 г. в городе начала работу русско-китайская конференция, но только в апреле 1920 г. китайские войска полностью освободили южную часть Прибайкалья. Китайские власти поддерживали купцов, которые занимались контрабандой, вели биржевую игру на понижение курса рубля, скупали хлебные излишки в деревнях Амура и Прибайкалья и вывозили хлеб за границу. В результате министерство продовольствия ДВР смогло собрать в хлебных районах к началу 1921 г. всего 8 % запланированного количества зерна. Японцы широко использовали против ДВР отряды китайских бандитов – хунхузов, но существовали отряды, которые снаряжались китайскими властями [23; 27; 28].

В марте 1921 г. китайские части вновь нарушали границу ДВР в районе Забайкалья. Все эти акции вызвали протесты большевистского руководства области, а затем и руководства Дальневосточной республики [27; 28].

По мере освобождения приграничных районов Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов многосторонние связи с соседними районами Китая и контакты с местными китайскими властями стали интенсивно развиваться. После завершения в Дальневосточном регионе иностранной интервенции и Гражданской войны буферная республика была упразднена, а ее территория вошла в состав РСФСР. Однако проблема установления дипломатических отношений с Китаем оставалась актуальной.

Ключевыми вопросами в отношениях с официальным правительством Китая являлись действия РККА во Внешней Монголии, положение на КВЖД и вопрос о платежах по боксерской контрибуции. Кроме того, изменилась внутривластная обстановка в самом Китае. Начавшийся между У Пейфу и Сунь Ятсеном конфликт вынуждал руководство СССР сделать выбор. Именно это и предстояло осуществить представителю НКВД СССР А. Иоффе.

Его приезд в Китай должен был способствовать нормализации отношений Советской России с «восточным соседом». Не решив с Пекинским правительством ни один из вопросов, Иоффе отправился в Южный Китай, где встретился с главой партии Гоминьдан Сунь Ятсеном. Советский Союз был заинтересован в дружбе с Китаем, но, учитывая, что в политическом смысле Китай не представлял из себя единого целого, политика Москвы не имела четкого плана. Так, НКВД относительно политики в Китае инструктировал Иоффе, что «наше сближение с Сунь Ятсеном не должно простираться до того, чтобы в случае победы других китайских деятелей, мы оказались в стане их врагов, вследствие чего испортили бы наши отношения с официальным Китаем» [14, лл. 194-195]. Одновременно Москва пыталась договориться и с Чжан Цзолином, но действуя в этом направлении, советское руководство могло

обострить и без того не простые отношения с Японией, которая также имела свои интересы в Северной Маньчжурии. Учитывая это, Политбюро ЦК РКП (б) указывало Иоффе, что «успешный ход переговоров с японцами является основной задачей и не должен срываться неосторожными шагами при проведении китайской политики. Договариваясь с Чжан Цзолинем необходимо применить и такие меры, чтобы неосторожными шагами не подорвать наш моральный авторитет перед китайским революционным движением» [15, л.1].

Сунь Ятсен в апреле 1923 г. был избран президентом Китая. С этого момента в стране разгорелось национально-освободительное движение. Между кантонским правительством и трактатными державами (США, Англией, Японией, Францией и др.) возникли серьезные военные конфликты, которые отвлекали внимание последних от советского Дальнего Востока. Они стремились сохранить и упрочить свой режим не только на Юге, но и в Центральном и Северном Китае, где не прекращалась вооруженная борьба между различными группировками местных правителей, каждая из которых получила финансовую поддержку той или иной державы и проводила ее интересы.

В этих условиях СССР пошел на подписание с Сунь Ятсеном соглашения, предусматривавшего создание независимого, ориентированного на СССР и руководимого Гоминьданом Китая [5, С. 48]. Советское правительство заверило своего собеседника, что никоим образом не имеет намерений экспортировать коммунизм в Китай. Со своей стороны Сунь Ятсен дал согласие на вхождение китайских коммунистов в Гоминьдан в индивидуальном порядке. Московское руководство также обязалось оказывать финансовую и военную помощь Гоминьдану в его борьбе за власть в Китае [16, л 1]. С этой целью в Кантон была направлена миссия советских советников, среди которых был В. Блюхер и представитель Коминтерна М. Бородин, который на протяжении нескольких следующих лет играл ключевую роль в сложных отношениях между КПК и Гоминьданом. В задачи миссии входили реорганизация гоминьдановских вооруженных формирований и наблюдение за вхождением компартии в состав Гоминьдана в соответствии с решением IV конгресса Коминтерна о поддержке «политики народного фронта, объединяющего членов КПК и представителей революционно настроенной буржуазии в борьбе против азиатских и европейских империалистов».

На наш взгляд, необходимо уточнить, что в практике молодой Советской республики еще не было прецедента отправки своих военных специалистов за рубеж. Москва не хотела давать повод западным странам, с которыми только начали устанавливаться дипломатические отношения, обвинить себя в разжигании вооруженных конфликтов в разных частях света. Для решения этого вопроса на страницах официальной правительственной газеты «Правда» была помещена статья, в которой приводился ответ Председателя СНК на вопрос иностранного журналиста о работе советских командиров в армии Китая. «Красная Армия по окончании гражданской войны демобилизовала значительное число командиров, переведя их в запас. Предоставить им подходящую работу немедленно было невозможно. В это время доктор Сунь Ятсен обратился с просьбой к правительству СССР о присылке советников. Учитывая существующую во взаимоотношениях между государствами практику приглашения иностранных специалистов, Совнарком разрешил командирам запаса по их желанию выехать на работу в Китай» [29, с. 341-342]. Нельзя сказать, что политика СССР в Китае нашла проводника своих интересов. Зачастую китайские политики использовали иностранные державы для достижения своих местечковых интересов [18, л. 1-8.].

В то же самое время другой советский посланник, Л.М. Карахан, продолжил в Пекине переговоры с правительством Китайской республики о заключении договора о взаимном признании. В начале переговоров между сторонами обнаружились противоречия практического характера. Карахан предложил решить вопрос о дипломатических отношениях как таковых (т.е. зафиксировать изменение, ибо это автоматически означало бы признание Советского правительства), а затем провести консультации по конкретным не решенным вопросам

[31, pp. 251-265]. Глава китайской делегации Ван Чжентин настаивал на том, что вначале следует провести консультации (он стремился предварительно выяснить, насколько точно следует определить изменившиеся отношения в правовом плане) и только затем могут быть возможны переговоры о дипломатических отношениях [3]. Таким образом, китайская сторона намеревалась обменять дипломатическое признание на приемлемое решение разногласий по поводу КВЖД и Монголии. Переговоры проходили крайне сложно. Секретарь Дальбюро ЦК РКП (б) Н.А. Кубяк даже предлагал устроить военные маневры, с привлечением порядка 20 000 чел., чтобы оказать давление на китайцев. Руководитель НКВД Г.В. Чичерин, в основном, поддержал это предложение, он лишь рекомендовал «показать нашу силу не только Китаю». Он утверждал, что «одними только дипломатическими мерами воздействия, не подкрепляемыми военными демонстрациями и угрозами, совершенно не возможно чего-нибудь достигнуть в отношении произвольных действий китайских властей» [14, л. 47]. Однако руководство СССР не поддержало эту идею [14, л. 28]. Кремль провел своеобразную, витиеватую игру. Руководителю 5 КА И.П. Уборевичу была направлена телеграмма, в которой указывалось, что «ЦК РКП (б) не возражает против проведения демонстрации в указанных Л.М. Караханом пределах», а Карахану было указано, что «без санкции Москвы им не могут производиться какие бы то ни было распоряжения по военной линии» [15, л. 116].

Каждая из сторон использовала внешний фактор для изменения ситуации в свою пользу [12, с. 87-89, 104-108, 113-117, 176-187, 190-199, 213-219]. Л. М. Карахан вынужден был намекнуть китайским представителям, что если китайская сторона не примет советские предложения, он вернется в Россию через Гуанчжоу (там в то время находилась ставка Южно-Китайского правительства во главе с Сунь Ятсеном) и Японию [13].

В то же время китайский партнер Карахана Ван Чжентин, воспользовался кратким перерывом в переговорах и сам направился в Японию [2, с. 438]. Помимо участия в мероприятиях протокольного характера он выяснял возможности сближения между Пекином и Токио [26, с. 288]. Осознавая, что установление отношений между Китаем и Японией наталкивается на большое количество противоречий, китайский МИД пошел на заключение соглашения с СССР [4, л. 4]. Однако после перестановок в министерстве китайскую делегацию возглавил уже Гу Вейцзюнь.

Договор был подписан 31 мая 1924 г. условия его были очень выгодны Советскому государству, сохранившему контроль над КВЖД и Внешней Монголией. Соглашение состояло из преамбулы, 15 статей и заключительной части. В ст. 1 содержалось постановление о немедленном восстановлении нормальных дипломатических и консульских отношений. Полномочный представитель СССР и министр иностранных дел Китайской Республики обменялись нотами, в которых указывалось, что начиная со дня подписания соглашения между правительствами СССР и Китая устанавливались дипломатические отношения. Стороны договорились созвать в течение месяца после подписания документа конференцию для выработки подробных соглашений по всем вопросам в соответствии с принципами, изложенными в договоре [9, с. 116].

Возглавлявший мукденскую клику маршал Чжан Цзолинь, контролировавший Маньчжурию, заявил о непризнании этого договора, т.к. тот затрагивал вопрос о КВЖД находившуюся под его контролем. Советское правительство, учитывая реальную политическую обстановку в Китае было вынуждено пойти на переговоры с Чжан Цзолинем. 20 сентября 1924 г. в Мукдене (ныне – Чаньчунь) было подписано соглашение, аналогичное по содержанию Пекинскому, но касавшееся главным образом КВЖД [9, с.124-125].

В соответствии с заключенным соглашением дорога переходила под совместное советско-китайское управление. СССР удалось сохранить в Монголии власть народно-революционного правительства, хотя войска Красной Армии были вынуждены покинуть страну. После подписания этого соглашения Политбюро ЦК поручило Дальбюро ЦК РКП (б)

«наблюдать за поведением Чжана» [17, л. 1]. После того как Чжан Цзолинь начал активно поддерживать Чан Кайши, который еще в марте 1926 г. изгнал коммунистов из частей Народно-освободительной армии, разорвал дипломатические отношения с СССР, а в апреле 1927 г. подавил коммунистическое восстание в Шанхае и создал в Нанкине новое правогоминьдановское правительство Ху Ханмина (в противовес левогомьндановскому и коммунистическому правительству в Ухане во главе с Ван Цзинвэем), после чего советские военные и политические советники были вынуждены спешно покинуть Китай. Советское правительство разорвало всяческие контакты с гоминьдановским Китаем.

Официальное признание Советского Союза Китаем постепенно закрепляло за ними статус третьего регионального лидера, с которым, как с равным партнером, соглашались считаться две другие региональные державы. События последующих лет можно с полным на то основанием считать рубежом окончательного восстановления утраченных Россией почти десятилетием ранее геополитических позиций в Дальневосточном регионе.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920-1925 гг. – М.: АО Буклет, 1994. – 768 с.
2. Воскресенский, А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. / А.Д. Воскресенский. – М.: Муравей, 2004. – 600 с.
3. Галенович, Ю. М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. В 2-х тт. Т. 1. От Октября 1917 г. до октября 1949 г. / Ю.М. Галенович. – М.: Институт Дальнего Востока, 1992. – 168 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8350. – Оп. 1. – Д. 2288.
5. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 166.
6. Документы внешней политики СССР. – Т. I. – М.: Издательство политической литературы, 1957. – 864 с.
7. Жадан, А.В. «По имеющимся в Управлении НКВД данным...» социально-экономическая обстановка и материально-бытовые условия жизни населения Приморского края в 1943-1945 гг. / А.В. Жадан // Исторический архив. 2018. № 5. С. 138-150.
8. История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1974. – 560с.
9. Капица, М.С. Советско-китайские отношения. / М.С. Капица. – М.: Госполитиздат, 1958. – 424 с.
10. Милежик, А.В. Власть, общество и реформы в России: традиции и современность / А.В. Милежик, А.В. Усов, Н.А. Шабельникова – Владивосток: ДВЮИ МВД РФ, 2017. – 80 с.
11. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. 1917-1933. – М.: Международные отношения, 1996. – 271 с.
12. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926. – М.: Наталис, 2008. – 704 с.
13. Персиц, М.А. Дальневосточная республика и Китай / М.А. Персиц. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 304 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 159. – Оп. 2. – Д. 53.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 349.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 462.
17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 470.

18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 1138.
19. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 159. – Оп. 2. – Д. 52.
20. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 206.
21. Российский государственный военный архив. Ф. 33987. – Оп. 3. – Д. 82.
22. Светачев, М.И. О роли китайских милитаристов в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) / М.И. Светачев // Новая и новейшая история. – 1970. – № 5. – С. 55-67.
23. Светачев, М.И. Участие Китая в империалистической интервенции на советском Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) / М.И. Светачев, Э.М. Щагин // История СССР. – 1978. – № 6. – С. 23-39.
24. Светачев, М.И. «Два Китая» и Россия (1917-1922): диссонанс интересов и целей / М.И. Светачев // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX – начале XX вв. (Вторые Крушановские чтения, 2001). – Владивосток, 2003. – С. 169-194.
25. Усов, А.В. Сотрудничество России и Китая в сфере профессиональной подготовки сотрудников полиции (Дальневосточное измерение) / А.В. Усов, Н.А. Шабельникова // Обучение полицейской специальности в современных условиях: Сб. статей. – Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2017. – С. 175-182.
26. Хейфец, А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921-1927 / А.Н. Хейфец. – М.: Наука, 1968. – 328 с.
27. Ципкин, Ю.Н. Дальневосточная республика на международных переговорах и конференциях (1920-1922 гг.) / Ю.Н. Ципкин, Т.А. Орнацкая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 1. – С. 117-131.
28. Цуканов, С.С. Дальневосточный революционный комитет: цели, задачи, структура / С.С. Цуканов, Т.А. Орнацкая // История государства и права. – 2010. – № 3. – С. 31-35.
29. Черепанов, А.И. Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской революционной войны (1924 – 1927 гг.) / А.И. Черепанов. – М.: Наука, 1976. – 286 с.
30. Шабельникова, Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918-2011 гг.) / Н.А. Шабельникова, С.Н. Бакшуттов, Т.А. Орнацкая – Владивосток, 2017. – 232 с.
31. Sow-Theng, Leong Sino-Soviet diplomatic relations, 1917-1926. – Honolulu: The University Press of Hawaii and. The research corporation of the University of Hawaii, 1976. – 362 pp.



Саяпина Ирина Владимировна, аспирант

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
irisan.bk@gmail.com*

Голохвастов Максим Валерьевич, аспирант

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук*

Игнатенко Анастасия Сергеевна, аспирант

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук*

Саяпина Екатерина Игоревна, независимый исследователь

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА

УДК 929

Аннотация. В статье освещается научная и педагогическая деятельность Крупянка Александра Александровича, ученого-археолога, преподавателя, популяризатора науки и общественного деятеля. Статья содержит краткую библиографию А.А. Крупянка.

Ключевые слова и фразы: ученый, преподаватель, археология, палеолит, Дальний Восток.

Sayapina Irina, post-graduate student The Far Eastern Branch

*of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography
irisan.bk@gmail.com*

Golokhvastov Maxim post-graduate student The Far Eastern Branch

of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography

Ignatenko Anastasia, post-graduate student The Far Eastern Branch

of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography

Sayapina Ekaterina, independent researcher

TO THE JUBILEE OF THE SCIENTIST AND TEACHER

Abstract. In the article the scientific and pedagogical activity of Krupianko Alexander Alexandrovitch, the scientist-archaeologist, the teacher, the popularizer of science and the public figure is covered. The Article contains A brief bibliography of A. A. Krupianko.

Key words and phrases: Scientist Teacher Archaeology, Palaeolithic, Far East.

1 октября 2019 г. исполняется 55 лет ведущему научному сотруднику Отдела экспертных работ ООО Научно-производственного центра историко-культурной экспертизы Александру Александровичу Крупянку.

Родился он во Владивостоке, здесь же окончил в 1981 г. среднюю школу № 27. За многие годы преподавательской работы в ДВГУ (ДВФУ) лекции А.А. Крупянюк слушали сотни студентов исторического факультета и студенты, обучающиеся на других гуманитарных специальностях. Часть студентов посещали его археологический кружок, становились завсегдатями археологической лаборатории и экспедиций. Многие бывшие студенты стали преподавателями школ и вузов, научными сотрудниками, часть из них защитила диссертации на соискание учёной степени.

В 1996 г. А.А. Крупянюк был принят доцентом на кафедру археологии, этнографии и истории мировой культуры ДВГУ (с 2002 года в ученом звании). Здесь он читал лекции, вел практические занятия по многим предметам: археологии, основам мировых цивилизаций, методике полевых исследований и др. Каждое лето, с 1987 года, в течение 30 лет, вывозил студентов исторического факультета ДВГУ (ДВФУ) на археологическую практику, уезжая со студентами в разные уголки Приморья и Дальнего Востока. И, конечно же, ежегодно осуществлял руководство курсовыми и выпускными квалификационными работами. За период работы в ДВГУ (ДВФУ) под его руководством подготовлено более 80 выпускных квалификационных работ по археологии. Студенты, магистранты и аспиранты под руководством А.А. Крупянюк принимали активное участие в научной жизни университета, выступают на конференциях, регулярно публикуют результаты своих исследований. С октября 2001 по 2011 г. Александр Александрович выполнял обязанности заведующего кафедрой археологии, этнографии и истории мировой культуры ДВГУ. С 2013 года – профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук. В данный период является разработчиком абсолютно новой магистерской программы «Археология», реализованной им в ДВФУ с 2014 по 2018 гг.

За более чем 30-летний период работы в ДВГУ (ДВФУ) он дал знания и профессиональные навыки тысячам студентов, которые трудятся сейчас в Приморском крае и за его пределами. Многие из них вновь встречаются со своим преподавателем, обращаясь за помощью и консультациями, приезжают в экспедицию и привозят своих учеников и детей. Более десятка его учеников выбрали в качестве профессии археологию, посвятив ей свою жизнь.

Признанием заслуг А.А. Крупянюк на педагогическом поприще являются многочисленные благодарности и грамоты ДВГУ (ДВФУ), Департамента образования и науки Администрации Приморского края (2003 г.), краевого Законодательного собрания (2008 г.), Министерства образования и науки РФ (2014 г.). В 2018 г. ему присвоено звание Ветеран труда.

Становление А.А. Крупянюк как ученого началось несколько раньше, чем педагога.

Придя в 7 классе в археологический кружок при Дворце пионеров Первомайского района г. Владивостока, он определился с выбором будущей профессии. Школьником принимал участие в археологических экспедициях 1979 и 1980 годов на Шайгинском городище в Партизанском районе под руководством Э.В. Шавкунова

Осознанный путь ученого Александр Александрович начал, еще обучаясь на историческом факультете Дальневосточного государственного университета (1982-1987). В 1985 г. впервые принял участие в РАЭСК, проходившем в г. Иркутске, и опубликовал свою первую научную работу [30]. В 1987г. Александр Александрович окончил университет и получил квалификацию «Историк. Преподаватель истории и обществоведения» и начал работать в Дальневосточном государственном университете в НИЧ (Научно – исследовательская часть), пройдя путь от лаборанта до старшего научного сотрудника и заведующего лабораторией Антропологии Краеведческого Научно-исследовательского института ДВГУ.

С 1988 г. ведёт самостоятельные полевые археологические исследования в Приморье [8]. Основные объекты раскопок – стоянки Суворово-III [27], IV [9], VI [18], VIII- IX [10], Устиновка-V, VI [5], VIII [4], Красная Сопка-II [21].

Еще студентом увлекшись палеолитом, Александр Александрович избрал древнекаменный век приоритетной темой своей научной деятельности [29, 11, 25]. С целью сбора фактического материала для диссертации в течение многих полевых сезонов работал на археологических памятниках Приморья. Именно по результатам экспедиционных работ им была успешно защищена в 1996 г. кандидатская диссертация по специальности «Археология» на тему «Эксплуатация литоресурсов в палеэкологической системе (поздний плейстоцен – ранний голоцен Восточного Приморья)» [17], в диссертационном совете при ИАЭТ СО РАН (Новосибирск). В этом же году была опубликована статья, ставшая, на наш взгляд, признанием в любви к объекту научных исследований Александра Александровича [16].

Неоднократно А.А. Крупянко приглашали для участия в международных археологических исследованиях. С 1995 г. он принимал участие в совместных российско-японских археологических экспедициях на территории Приморья, с 1996 г. на территории Японии [31]. В 1998 году вместе с группой студентов исторического факультета ДВГУ участвовал в полевой археологической школе Института антропологии им. Дж. Фризона Университета штата Вайоминг (США). Александр Александрович в качестве руководителя и ответственного исполнителя активно участвует в различных хоздоговорных работах и работах по грантам, как российским, так и зарубежным. Поддерживает активные творческие связи с российскими и зарубежными коллегами. С 2006 по 2018 г. вел российско-корейскую научно-исследовательскую программу, возглавлял российско-корейскую лабораторию «Центр археологических исследований «Бохай» [15].

С середины 1990-х годов в научной деятельности Александра Александровича закрепилось научное направление: изучение древностей Сихотэ-Алиня, в частности долины реки Зеркальная. Темой его статей стали открытые им же или другими археологами памятники далекого прошлого, теперь систематизированные и упорядоченные [2, 12, 13, 19, 20, 25, 28]. Монографии, изданные Александром Александровичем в соавторстве с другими учеными, представляют весомую научную ценность и востребованы научным сообществом [6, 24, 26].

Параллельно с научной работой он активно занимается популяризацией науки и исторического образования в целом и археологии в частности. Александр Александрович часто встречается с людьми разных возрастов, интересующимися историей родного края, выступает на радио, участвует в съемках телепрограмм, издает научно-популярные материалы. В 2013 г. принял участие в создании учебника «История Дальнего Востока» [7].

А.А. Крупянко активно презентует результаты своих научных исследований на различных научных конференциях в России [23] и за ее пределами [14]. Теперь уже в качестве руководителя секции принимает участие в РАЭСК. Имеет большое количество публикаций, изданных за рубежом, в том числе в высокорейтинговых журналах [1, 3]. С 2015 г. А.А. Крупянко – аттестованный Министерством культуры РФ эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы.

Александра Александровича Крупянко отличает активная гражданская позиция [22]. Он принимает участие в работе Общества изучения Амурского края, с 2013 года входит в Ученый Совет Общества Изучения Амурского Края, Приморского отделения Русского географического общества. В планах у юбиляра много творческих идей, в том числе дальнейшее изучение и популяризация знаний о его родном Приморье. Желаем ему доброго здоровья и воплощения в жизнь задуманных проектов.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Andrei V.Tabarev, Alexander A. Krupianko, Laura B.Niven, Craig M.Lee The Final-Paleolithic Sites of Suvorovo III and Suvorovo IV in the Maritime Region, Russian Far East // Current research in the Pleistocene. – Vol.16-1999. – PP. 73-75.

2. Dai Kunikita, Kunio Yoshida, Yumiko Miyazaki, Tsuyoshi Fujimoto, A.M. Kuznetsov, A.A. Krupianko, A.V. Tabarev Analysis of radiocarbon dates of an archaeological site in the Russian Far East: The marine reservoir effect as seen on charred remains on pottery // *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B* 259 (2007). – PP. 467 – 473.
3. Jiri Chlachula, Alexander A. Krupianko Sequence stratigraphy and environmental background of the late Pleistocene and Holocene occupation in the Southeast Primor'ye (the Russian Far East) // *Quaternary Science Reviews* (142) 2016. – P. 120 – 142.
4. Krupianko A.A. Ustinovka 8 Site and its place in the archaeological context of Primorye, Russia // *Formation and Expansion process of the East Asian Neolithic Culture. International Symposium, 8-9 December, 2003. Kokugakuin University, Tokyo.* – PP.31-33.
5. Krupianko A.A., Kononenko N.A., Tabarev A.V. Ustinovka – VI Site: recent investigations of the microblade industries in the maritime region, Russia Far East // *The Wyoming Archaeologist.* – Volume 39 (1-2) - Spring 1995. – PP. 1-5.
6. Васильевский Р.С., Крупяно А.А., Табарев А.В. Генезис неолита на юге Дальнего Востока России (каменная индустрия и проблема ранней оседлости). – Владивосток: ДВГУ, 1997. – 160 с.
7. Дударенок С.М., Лыкова Е.А., Батаршев С.В., Ивлиев А.Л., Крупяно А.А., Табарев А.В. и др. История Дальнего Востока России. – Владивосток, 2013. – 320 с.
8. Крупяно А.А. Артефакты со следами шлифовки из докерамического комплекса памятника Устиновка–IV (Приморье) // *Проблемы археологии Северной Азии.* – Чита, 1988. – С. 163-164.
9. Крупяно А.А. Итоги исследования стоянки Суворово–IV в 1991 г // *Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.* – Томск, 1992. – С.37-38.
10. Крупяно А.А. К вопросу о «доустиновском» заселении долины р.Зеркальной // *Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке: Материалы международной научной конференции.* – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. – С. 55-58.
11. Крупяно А.А. Липаритовые комплексы – новая загадка палеолита Приморья // *Вторая дальневосточная конференция молодых историков.* – Владивосток, 1992. – С.36-38.
12. Крупяно А.А. Палеолит Приморья: проблемы периодизации // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2015. – № 7. – С. 101-109.
13. Крупяно А.А. Сидоренко Е.В. Суворово X – новый памятник эпохи палеометалла долины р. Зеркальной // *Россия и АТР.* – 2019. – № 1. – С. 121-134.
14. Крупяно А.А. Символические артефакты в археологии каменного века Дальнего Востока России // *Новая Европа – общество, культура, религия и право: Материалы по итогам Международной научной конференции Трнавские юридические дни «Новая Европа – вызовы и ожидание состоялось», г. Трнава, Республика Словакия, 22–23 сентября 2016.* – С. 63-67.
15. Крупяно А.А. Центр археологических исследований «Бохай» Дальневосточного федерального университета // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы V международной научно-практической конференции.* – Благовещенск, 2015. – С. 56-58.
16. Крупяно А.А. Человек и камень: эволюция взаимоотношений // *Древнее искусство тихоокеанских культур.* – Владивосток, 1996. – С. 5–10.
17. Крупяно А.А. Эксплуатация литоресурсов в палеоэкологической системе (поздний плейстоцен – ранний голоцен Восточного Приморья): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Новосибирск, 1996. – 320 с.
18. Крупяно А.А., Верховская Н.Б. Суворово VI: итоги и перспективы исследования // *Археология Северной Пацифики.* – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С.266-270.

19. Крупянко А.А., Глухов А.В., Глухова Е.Н., Саяпина Е.И. Археологический памятник Богополь III в контексте Богопольского геoarхеологического комплекса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5 (79). – С. 86-89.
20. Крупянко А.А., Ермак Г.Г., Глухов А.В. Этноархеологическое изучение долины реки Зеркальной у села Богополь: по следам русских землепроходцев // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 44-48.
21. Крупянко А.А., Кудряшов Д.Г. Уссурийский геoarхеологический комплекс «Красная Сопка»: предварительные итоги изучения // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Мат-лы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск–Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.). Вып. 6. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 58-60.
22. Крупянко А.А., Куликов Г.П. Об образовательной реформе: взгляд дальневосточников // Новое прошлое. – 2016. – № 2. – С. 232 – 246.
23. Крупянко А.А., Саяпина И.В., Рожков С.В. Некоторые результаты археологических исследований на побережье залива Святой Ольги (Приморский край) // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. – Санкт-Петербург: ООО «Изд-во «Росток», 2018. – С. 146-154. DOI: 10.18411/kru-2018-21
24. Крупянко А.А., Табарев А.В. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. Исследования 1996–2000 гг. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2001. – 102 с.
25. Крупянко А.А., Табарев А.В. Графика и пластика в искусстве каменного века Дальнего Востока // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С.68-72.
26. Крупянко А.А., Табарев А.В. Древности Сихотэ-Алиня. Археология Кавалеровского района. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. – 76 с.
27. Крупянко А.А., Табарев А.В. Некоторые результаты исследования стоянки Суворово III в контексте устиновской верхнепалеолитической индустрии // Древние культуры Монголии и Бойкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 110-116.
28. Крупянко А.А., Табарев А.В. Ритуальные комплексы с бифасами и шестигранниками в финальном палеолите Приморья // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. – Луганск, 2005. – С. 91-99.
29. Крупянко А.А., Табарев А.В. Сырьевая база каменной индустрии: комплекс археологических и геологических данных // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: Международная научная конференция. 1996. – Владивосток: Дальпресс, 1996. – С. 149-154 .
30. Крупянко А.А. Резцы позднепалеолитического памятника Устиновка –IV // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: ИГУ, 1985. – С.8-10.
31. Кузнецов А.М., Крупянко А.А., Старостин Б.К., Фудзимото Т., Кобаяси Т., Ито С. Некоторые проблемы каменного века Приморья (по материалам совместных российско-японских экспедиций) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2005. – № 4 (122). – С. 113-124.



Себина Ольга Евгеньевна, канд. юрид. наук, преподаватель
Институт истории и культуры
Северо-Восточный педагогический университет
sebiole80@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КОРЕЙСКИХ ОТРЯДОВ В АЛБАЗИНСКИХ ВОЙНАХ

УДК 94

Аннотация. Китайская историография по вопросу участия корейского военного контингента в Албазинских войнах 1654 и 1658 гг. формировалась под влиянием ряда факторов, некоторые из которых берут начало в последней трети XVII в. и включают в себя взаимосвязь политико-экономических и культурных аспектов. Труды китайских авторов, посвященные истории Северо-востока Китая, опубликованные в 70-80-е гг. XX в., содержат неполную информацию о корейском военном подкреплении. В 90-е гг. XX в., в связи с изменившейся международной и внутренней политической обстановкой, описание событий приобретает историческую полноту и достоверность. Представители первого поколения историков КНР провели комплексные исследования в рамках истории китайско-корейских и российско-китайских отношений, осветив в своих публикациях перспективу отношений трёх государств в их начальный период.

Ключевые слова и фразы: китайская историография, Албазинские войны, корейские отряды.

Olga Sebina, Ph D. in Law, lecturer
School of History and Culture
North East Normal University

SOME PROBLEMS OF CHINESE HISTORIOGRAPHY: THE CASE OF THE KOREAN MILITARY UNITS IN THE ALBIZIN WARS

Abstract. Chinese historiography about the issue of Korean military units' participation in the Albazin wars during the years of 1654s and 1658s was formed under the influence of several factors, some of which are appeared in the last third of the 17th century and includes a set of interconnected political, economic and cultural aspects. We found that the books about the history of North-East China, which were written by Chinese historians during period of the 70s and 80s of the 20th century, include some incomplete information about the role of Korean military units during the Albazin wars. In the very early 90s of the 20th century, due to the changing of international and domestic political situations, the description of events in the books of Chinese scholars whom studied local history was found as acquires historical fullness and authenticity. First generation of the PRC historians were able to conduct comprehensive studies within the framework of the history of Chinese-Korean and Russian-Chinese relations, and they created the full historical panorama of the triangle of Russian-China-Korean relations in their earlier period.

Key words and phrases: Chinese historiography, Albazin wars, Korean military units.

Источниковая и историографическая база изучения Албазинских войн достаточно широка. Документы, данные по итогам археологических исследований, значительный пласт

публикаций советских, российских и китайских авторов дополняют друг друга, раскрывая детали военно-политических, социально-экономических и культурных аспектов начального периода колонизации Дальнего Востока России.

Противостояние отряда казаков под командованием приказного человека О. Степанова и нингутского гарнизона, развернувшееся в Приамурье в период с 1652 по 1658 гг. подробно описано в советской и российской литературе [4, с. 37-42; 1, с. 28-40]. Вторая (1654 г.) и пятая (1658 г.) экспедиции нингутского гарнизона представляют собой особые случаи, так как в составе цинской армии, в качестве временного отряда подкрепления, участвовали представители государства Чосон. Данный факт оценивается российским корееведением как формальное исполнение корейской знатью вассальных обязанностей по отношению к Цинской империи [3, с. 179-180]. В это время маньчжуры вели борьбу за контроль над южными провинциями Китая. Поэтому цинские военачальники намеривались усилить гарнизон Нингуты за счет военного контингента вассального государства, но Чосон, ослабленный потерями в ходе антиманьчжурских восстаний, не мог предоставить значительного подкрепления [2, с. 368-370].

Известно, что 6 июня 1654 г. казачий отряд, направляющийся за продовольствием по р. Сунгари, столкнулся с регулярной маньчжурской армией численностью около 750 человек. После короткого боя нингутский отряд отступил [1, с. 28]. Согласно дворцовым хроникам Чосон, в данной перестрелке принял участие отряд корейских аркебузиром численностью в 100 человек, который прибыл в сопровождении вспомогательной группы в 48 человек и двух переводчиков [16, с. 91]. Это был первый задокументированный российско-корейский контакт, при этом участие корейской стороны осталось для казаков тайной как в этой схватке, так и в трагическом бою четыре года спустя [5, с. 110].

30 июня 1658 г. на р. Амур ниже устья р. Сунгари, головной отряд О. Степанова был разгромлен в атаке превосходящими силами маньчжур [1, с. 30-40]. В этой битве приняло участие 260 представителей Чосон, из которых 200 человек составили стрелковый отряд, который был прикомандирован к цинскому войску численностью около 1400 человек.

В 1658 г. корейская сторона кроме военной поддержки была обязана предоставить провиант с расчётом на пять месяцев. По факту же удалось собрать требуемую дань только в размере трёхмесячного довольствия. Однако в условиях жёсткого дефицита продовольствия маньчжурская сторона не только согласилась с данным объемом дани, но и отметила его как значительный вклад в усиление боеспособности войска [16, с. 91-92].

Таким образом, на основании факта участия корейского подкрепления в военных экспедициях гарнизона Нингуты, как в региональной истории, так и в истории международных отношений XVII в., в разделе историографии Албазинских войн образовался своеобразный исследовательский треугольник, представленный в трудах авторов из России, Китая и Южной Кореи. Научные сообщества данных стран рассматривают Албазинские войны как часть своей военно-политической истории.

В советское время вопрос участия корейской стороны в Албазинских войнах долгое время был слабо изучен [2, с. 370]. Только в начале XXI в. российские корееведы ввели в научный оборот сведения об участии корейских отрядов в двух операциях цинской армии в районе рек Амур и Сунгари, представленные в источниках и историографии Южной Кореи [6, с. 4].

До середины 90-х гг. XX в. низкая степень освещённости данного вопроса прослеживалась и в историографии Китая, где, в отличие от России, в архивах династии Цин первоначально хранились отчёты об операциях Восьмизнаменного войска и о вассальных повинностях выполненных корейской стороной. По свидетельствам китайских историков и лингвистов, после падения династии Цин исследователи, получившие доступ к государственным архивам, столкнулись со значительными проблемами при работе с документами [13, с. 570-

572]. Поэтому, как отметила Т.М. Симбирцева, степень освещённости факта участия отрядов Чосон в Албазинских войнах в китайской научной литературе крайне скудна в сравнении с объёмом материала, опубликованным в Южной Корее [6, с. 179].

На развитие китайской историографии по истории Албазинских войн оказывали влияние как внутригосударственные, так и внешнеполитические тенденции. Работа историков, связанная с освещением эпизодов войны с участием корейской стороны, является наглядным примером, демонстрирующим проблемы, возникающие при развитии исторической науки.

Участие корейских отрядов в военных операциях Цин в Приамурье пришлось на правление Шуньчжи – первого императора династии Цин (1638-1661 гг.). Сегодня невозможно с точностью определить непосредственную причину, по которой вассальный долг, исполненный корейскими поданными Цин, упомянут в хрониках правления Шуньчжи в мизерном объёме.

Прежде всего, необходимо учесть отсутствие опыта делового производства у пришедшего к власти слоя старой маньчжурской военной аристократии. Данный фактор, несомненно, препятствовал своевременному пополнению дворцовых архивов. При слабой власти императоров Цин, в отсутствие слаженной бюрократической системы, в молодом государстве принцип строгой отчётности не соблюдался. Тогда как корейская сторона, унаследовавшая традиции бюрократического делопроизводства династии Мин, напротив, ответственно архивировала сведения о походах на север в составе Восьмизнаменных войск в 1654 и 1658 гг..

Позже к проблемам архивирования и составления отчётности прибавился такой важный внутривластный фактор как идеологическая реформа культурного наследия. Три первых правителя Маньчжурской династии опирались на военную аристократию с минимальным вовлечением представителей китайской бюрократии. Последующий процесс концентрации власти в руках второго императора династии Цин – Канси (1654-1722 гг.) привёл к необходимости редакции дворцовых архивов. Хроники эпохи Мин, записи о первых пятидесяти годах установления власти маньчжуров над Китаем были переписаны.

В первое десятилетие своего правления, устранив от власти старую военную знать, Канси приказал отредактировать хроники для придания записям идеологического единообразия. При редакции упор был сделан на принцип главенства императора как правителя многонационального государства [15, с. 115].

С 1669 по 1672 гг. хроники маньчжурских правителей Абахая, Нурхаци и императора Цин Шуньчжи прошли цезурную проверку. Новая редакция текстов была представлена на маньчжурском, китайском и монгольском языках. В итоге многие оригиналы документов были безвозвратно утеряны, из сохранившихся копий исчезли имена, упоминания о событиях и действительных мотивах политических решений. Спешка, с которой работали чиновники новой когорты бюрократии Цин, привнесла в новую трехязычную версию истории Китая многочисленные ошибки [15, с. 118].

Огромная заслуга в восстановлении архивов по истории Минской и начального этапа существования Цинской империй, как по текстам сохранившихся оригиналов, так и по корейским источникам, принадлежит профессору У Хан, который в условиях гражданской войны и «культурной революции» смог частично реставрировать историческое наследие утраченное при цензурной обработке. Историки и лингвисты провели начальную подготовку к публикации важнейшего источника по истории Албазинских войн «Хроники правления императора Цин Шуньчжи» («清世祖实录»). Однако до начала 80-х гг. XX в., в связи с японской оккупацией Китая и Корей, Корейской войной и идеологическими разногласиями в период Холодной войны, учёные, работавшие на территории материкового Китая, не имели доступа к архивным материалам, сохранившимся в Южной Корее и в Японии [13, с. 570-572].

Экономический подъём в Южной Корее привел к выделению значительных средств на популяризацию истории и углублению научных изысканий в начале 80-х гг. XX в.. В это время появились первые полные репринтные издания летописей государства Чосон, которые содержат фрагменты, описывающие историю Китая и его внешней политики. Однако в Южной Корее интерес к историческим процессам на Дальнем Востоке в XVII в. приобрёл националистический характер [14, с. 46-47]. При описании совместных корейско-китайских операций против российской колонизации публикации корейских авторов приобретают скорее литературно-художественный, чем научный характер [6, с. 182-188; 5, с. 105].

С началом процесса «модернизации» КНР под руководством Дэн Сяопина, система высшего образования в Китае была восстановлена. Новое поколение китайских ученых приступило к сверке исторических источников. Материалы, необходимые для исследований по темам, связанным с историей Цинской империи, поступали в университеты по линии академического сотрудничества с Южной Кореей, но до начала 90-х гг. XX в. прохладные отношения между двумя государствами препятствовали полноценному обмену информацией.

Таким образом, внутривосточное и экономическое развитие стран, характер международного взаимодействия играют важную роль в вопросе ограничения или возможности расширения источниковой базы исследований истории АТР.

В отличие от учёных, работающих на территории материкового Китая, тайваньский историк Джан Цуньву обладал большими возможностями при проведении исследований. В монографии «Очерки по истории китайско-корейских отношений в эпоху Цин», выпущенной в 1975 г., он кратко остановился на факте участия корейского контингента в составе цинской армии. И хотя сегодня данный труд широко цитируется в исследованиях китайских учёных, монография отличается неполным перечнем ссылок на использованные источники. Джан Цуньву считал, что маньчжурские правители пять раз обращались к вассальному государству Чосон с требованием отправить военную помощь. Три похода, в которых участвовали корейские отряды, были организованы с целью подавления антиманьчжурских восстаний и уничтожения остатков минской армии, два были направлены против русских казачьих отрядов под командованием О. Степанова в 1654 и 1658 гг. [17, с.77].

На основании обзора литературы в области истории Северо-востока Китая и истории русско-китайских отношений, опубликованной во второй половине XX в., можно прийти к выводу о том, что китайские авторы подошли избирательно к освещению вопроса об участии корейских отрядов во второй и пятой экспедициях цинской армии, направленных против отряда О. Степанова.

В том случае, когда тема касалась оценки вклада какой-либо из сторон в борьбу с российской колонизацией Приамурья в XVII в., дискуссия между историками Южной Кореи и Китая по вопросу вассальной принадлежности дальневосточных племен привела к редакции материала, публикуемого в КНР [6, с. 182-188; 5, с. 105-106]. Таким образом, в литературе, посвящённой российско-китайским отношениям, победа над казаками в 1658 г. была представлена как одержанная исключительно силами Восьмизнаменного войска. Изданные в середине 70-х гг. два коллективных труда «История вторжения Царской России в Китай» и «Китайско-российский Нерчинский договор 1689 года» подробно описывают события всех военных экспедиций цинской армии в ходе Албазинских войн. Однако обе книги содержат информацию лишь об одном факте участия подкрепления из Чосон – в 1654 г., когда поход закончился неудачей для объединённой армии [8, с. 113, 117; 9, с. 84-85, 97]. Подобный поход при изложении материала был также отмечен и в «Очерках по древней истории Хэйлунцзяна», изданных в 1987 г. [7, с. 269-270].

В то же время китайские кореееды упоминали о вкладе вассального государства Чосон в победу над отрядом О. Степанова в 1658 г. [16, с. 91-93]. Т. М. Симбирцева считает, что данная тенденция отражает антироссийскую направленность исследований, дающих пред-

ставителям Китая и Южной Кореи возможность говорить о многовековом сотрудничестве азиатских народов по «усмирению России» [6, с. 170, 183-185].

В 1982 г. один из ведущих корееведов КНР, председатель Общества корееведов провинции Цзилинь Янг Джаочюань первым опубликовал краткий обзор походов корейских отрядов 1654 и 1658 гг. на основе китайских и корейских придворных хроник и отчетов. В своей статье профессор Янг цитирует фрагменты из «Хроник правления вана Чосон Хёджона» (朝鮮《李朝实录》《孝宗实录》), содержащихся в двенадцатом, четырнадцатом, пятнадцатом и двадцатом свитках двадцать шестого тома. Он также перевел на китайский язык записи из девятого свитка «Повседневных записей королевской канцелярии» (《通文馆志》) за пятый и соответственно девятый годы правления вана Хёджона и представил выписки из «Собрания всеподданнейших докладов» (《同文汇考》), где в «Официальном отчете о походе отряда стрелков в окраинные речные земли» (《军务鸟铳手越江前进咨》) подробно освещаются оба похода в составе нингутского гарнизона. Таким образом, профессор Янг представил ссылки на основную источниковую базу материалов о данном событии [16, с. 91-93].

В последнее десятилетие XX века, с установлением дипломатических отношений между КНР и Южной Кореей, источниковая база на корейском языке и большой пласт публикаций южнокорейских авторов позволили современным китайским авторам заполнить лакуны в изложении материала по истории корейско-китайских и российско-китайских отношений [11, с. 329-330; 10, с. 316-345; 14, с. 48]. Вышедшая в 1991г. «История Северо-восточного Китая с древности до наших дней» под редакцией профессоров Сюе Хуна и Ли Шутяна содержит краткий, но достаточно подробный обзор начального этапа русско-китайских отношений. В книге описано участие корейских отрядов в двух военных экспедициях Цин [12, с. 408, 422].

В свете возможностей, открывающихся при использовании материалов, накопленных в рамках смежных отраслей исторической науки, проблема изучения начального периода освоения Дальневосточного региона России является перспективным направлением как в России, так и за рубежом.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (историко-археологические исследования): Т.3. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – С.6-4.
2. Ванин Ю.В. Политика Китая в отношении Кореи // Китай и соседи в Новое и Новейшее время / Под ред. С.Л. Тихвинского. – М.: Наука, 1982. – С.369-395.
3. История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО, РОССПЭН, 2003. – 430 с.
4. Мясников В.С., Шепелева Н.В. Империя Цин и Россия в XVII-начале XX вв. // Китай и соседи в Новое и Новейшее время / Под ред. С.Л. Тихвинского. – М.: Наука, 1982. – С. 34-89.
5. Пастухов А.М. Участие корейских войск в Амурских походах маньчжурской армии 1654-1658 гг.: мифы и реальность // Корея: новые горизонты. – М.: ИДВ РАН, 2005. – С. 105-111.
6. Симбирцева Т.М. Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658 гг.: источники и историография // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 3. – Благовещенск: АмГУ, 2001. – С. 179-188.
7. 《黑龙江古代简史》: 吴文衡等著. – 哈尔滨: 北方文物杂志社出版, 1987年 (Очер-

- ки по древней истории Хэйлунцзяна. / Под ред. У Вэнсиань и др. – Харбин: Изд-во журнала Памятники культуры северной стороны, 1987). – 329 с.
8. 《沙俄侵华史》：第一卷。 – 北京：人民出版社，1976年(История вторжения Царской России в Китай. Т. 1. – Пекин: Народное изд-во, 1976). – 310 с.
 9. 《一六八九年的中俄尼布楚条约》：北京师范大学清史研究小组。 – 北京：人民出版社，1977年(Китайско-российский Нерчинский договор 1689 года. Пекинский педагогический университет исследовательская группа истории Цин. – Пекин: Народное изд-во, 1977) . – 455 с.
 10. 《中朝关系史 — 明清时期》：白新良等著。 – 北京：世界知识出版社，2002年(История китайско-корейских отношений — эпохи Мин и Цин. / Под ред. Бай Синлианг и др.. – Пекин: Изд-во Всемирные знания, 2002) . – 524 с.
 11. 《中朝关系史：古代卷》：蒋非非等著。 – 北京：社会科学文献出版社，1998年(История китайско-корейских отношений в древности. / Под ред. Цян Фейфей и др.. – Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 1998). – 374 с.
 12. 《中国东北通史》：薛虹, 李澍田著。 – 长春：吉林文史出版社，1991年(История Северо-восточного Китая с древности до наших дней. / Под ред. Сюе Хуна, Ли Шутуэна. – Чанчунь：Цзилинское лингво-историческое изд-во, 1991). – 836 с.
 13. 方竟成：《吴晗致赵万里信及〈李朝实录〉》，《怀念吴晗：百年诞辰纪念》：王宏志, 闻立树著。 – 北京：中国社会科学出版社，2009年(Ван Чинчэн. Тщательная работа У Ханя по исследованию хроник Чосон // Памяти У Ханя: к столетию со дня рождения. / Под ред. Ван Хунджи, Вэнь Лишу. – Пекин: Изд-во общественных наук Китая, 2009). – С. 569-572.
 14. 李宗勋：《近二十年来中外学界对古朝鲜的研究与课题》，《延边大学学报：社会科学版》2016年第3期(Ли Цзунсюн. Тридцать лет исследований китайских и зарубежных авторов по вопросам истории древнего Чосона // Вестник Яньбяньского университета: раздел общественных наук. – 2016. – №3). – С. 45-57.
 15. 乔治忠 侯德仁：《〈清世祖实录〉的纂修及康熙初期的政治斗争》，《清史研究》2000年第4期(Чжао Джиджунг, Хоу Дэжень. О редакции «Хроник правления императора Цин Шуньчжи» в свете политической борьбы в начальный период правления Канси // Исследования истории Цин. – 2000. – №4). – С. 114-119.
 16. 杨昭全：《十七世纪五十年代中期中朝军民御俄战争》，《史学月刊》1982年第04期(Янг Джаочюань. Китайско-корейская армия дала отпор России в 50-е гг. XVII века // Исторический ежемесячник. – 1982. – №4). – С. 91-93.
 17. 张存武《清代中韩关系论文集》。 – 台湾：台北台湾商务印书馆股份有限公司，1975年(Джан Цуньву. Очерки по истории китайско-корейских отношений в эпоху Цин. – Тайвань: Изд-во Тайбейской торговой компании с ограниченной ответственностью. – 418 с.



Сесёлкин Александр Николаевич,

член Русского географического и Гидрографического обществ

(г. Советская Гавань, Хабаровский край)

718494@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЛЮДЯХ, ЗНАВШИХ ЛИЧНО В.К. АРСЕНЬЕВА

УДК 929

***Аннотация.** В статье рассказывается о некоторых ранее не известных читателям сведениях о лицах, с которыми путешествовал и познакомился во время экспедиций 1908-1910 и 1927 годов знаменитый исследователь Сихотэ-Алиня, дальневосточный путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев.*

***Ключевые слова и фразы:** путешественник В.К. Арсеньев, члены экспедиций 1908-1910 и 1927 годов, штабс-капитан Т.А. Николаев, смотритель Николаевского маяка А.Я. Майданов, семья К.И. Копотева, маяк Красный Партизан.*

Alexander Seselkin,

Member of the Russian Geographical and Hydrographic Societies

(Sovetskaya Gavan Khabarovsk Territory)

1718494@mail.ru

SOME INFORMATION ABOUT PEOPLE WHO PERSONALLY KNEW V.K. ARSENYEV

***Abstract.** The article highlights some previously unknown information, about the persons who were met by the famous traveler and explorer of the Far East and Sikhote-Alin; Vladimir Klavdievich Arsenyev, during the expeditions of 1908–1910 and the 1927.*

***Key words and phrases:** Traveler V.K. Arsenyev, members of expeditions of 1908-1910 and 1927, staff captain T.A. Nikolaev, caretaker of the Nikolaev lighthouse A.Ya. Maidanov, K.I. Kopotev's family, Lighthouse Red Partizan.*

Читая произведения и путевые дневники известного путешественника Владимира Клавдиевича Арсеньева, невольно задумываешься о судьбах тех людей, с кем приходилось ему исследовать Дальний Восток или просто встречаться. Порой Владимир Клавдиевич в своих трудах не указывал имён своих спутников и знакомых, называл их по фамилии, иногда рядом с фамилией человека указывал только его инициалы. Тем самым он порождает у читателя любопытство узнать их имена и дальнейшую их жизнь после совместной работы или знакомства с путешественником.

Нужно отметить, что все действующие лица в произведениях В.К. Арсеньева – это не вымышленные герои, а люди, с которыми великий путешественник делил все тяготы опасной работы, с кем встречался во время своих исследований. По-разному сложились судьбы этих людей, и у некоторых она была трагичной. Приведу несколько фактов из жизни участников экспедиций, которые вместе с Владимиром Клавдиевичем преодолевали непростые испытания в дальних походах.

Вначале несколько слов об участниках экспедиции 1908-1910 годов. Верные и надежные спутники, стрелки из 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Илья Рожков и Па-

вел Ноздрин участвовали в Первой мировой войне (1914–1918), во время которой последний был ранен [19, с. 245].

Проводник в экспедиции, китаец Чжан-Бао (Дзэн Пау) был убит в 1913 году [2, с. 256].

Известный ботаник, швейцарский подданный Нума Августович Десулави в 1929 году выехал из страны. В 1933 году умер в Маньчжурии [9, с. 78, 82].

Опытный охотник, автор публикаций в журнале «Наша охота» в 1910–1911 годах об экспедиции В.К. Арсеньева, бывший начальник станции Корфовская Иосиф Антонович Дзюль также эмигрировал. С 1922 года жил с семьёй в Харбине. По сведениям хабаровского краеведа Анатолия Михайловича Жукова, И.А. Дзюль в марте 1937 года погиб в Маньчжурии.

Геоботаник, профессор Владимир Михайлович Савич, директор Дальневосточного отделения Всесоюзного института растениеводства, был арестован в 1933 году во Владивостоке. Ему было предъявлено обвинение по ст. 58–2–6–7–11 УК РСФСР, по которому он приговорен к 10 годам ИТЛ. Благодаря хлопотам ученого В.Л. Комарова досрочно освобождён. В 1956 году реабилитирован. Умер в Ташкенте в 1965 году [14, с. 426, 427].

В третьем томе сочинений В.К. Арсеньева, вышедшем в 1947 году в Примиздате, напечатана его повесть «В горах Сихотэ-Алиня», рассказывающая об экспедиции 1908–1910 годов. Написана она автором на основе своих путевых дневников и воспоминаний. В разделе «От автора» Владимир Клавдиевич сообщает своим читателям о том, что в экспедиции помощником по хозяйственной и организационной части был штабс-капитан Т.А. Николаев [3, с. IX]. Офицер устраивал базы с продовольствием на местах, где предстояло пройти исследователям, именно Николаев в августе 1908 года спас от неминуемой гибели у слияния рек Бута и Хуту экспедиционный отряд, которым руководил В.К. Арсеньев. Этот человек, как и другие исследователи, подвергал свою жизнь опасности, честно выполняя свои служебные обязанности.

О Т.А. Николаеве мне всегда хотелось узнать больше. Известный в стране генеалог, приморский краевед Владимир Павлович Хохлов, изучив «Общий список офицерским чинам русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 года», сообщил мне, что в те годы в Хабаровске в 23-м Восточно-Сибирском стрелковом полку служил штабс-капитан **Тимофей Антонович Николаев** [10, столбец 392]. В данном списке, в одном и том же столбце, упоминается и штабс-капитан В.К. Арсеньев. Значит, Николаев и Арсеньев были однополчанами.

Исследователь биографии Владимира Клавдиевича, автор книг о дальневосточном путешественнике, И.Н. Егорчев из Владивостока подтвердил эти сведения. В своей статье, напечатанной в сборнике материалов участников региональной краеведческой конференции «Во славу Отечества: жизнь и деятельность первопроходцев и исследователей земли дальневосточной», проходившей в 2014 году в Советской Гавани, Иван Николаевич приводит информацию о том, что в дополнении к докладу Председателю Совета Приамурского Отдела ИРГО от 18 марта 1908 года В.К. Арсеньев конкретно указывает в качестве своего помощника штабс-капитана Николаева из 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. При этом добавляет: «*Мой помощник штабс-капитан Николаев человек опытный – он был в девяти-месячной экспедиции в Корее под руководством Генерального штаба полковника Стрельбицкого, который очень остался доволен его работами*» [6, с. 51,52]. Кроме этого Иван Николаевич в письме сообщил мне следующее: «в тетради № 1 полевых дневников экспедиции В.К. Арсеньева 1906 года имеется рукописная записка, адресованная начальнику экспедиции. Она исполнена простым карандашом на двух отдельных листках белой бумаги, вклеенных в тетрадь, без даты. Вот её содержание (неразборчивые фрагменты заключены в квадратные скобки):

«Шт. капитану Арсеньеву

В Пластуне оказались китайцы-хунхузы, которые при нашем приближении разбежались в горы. Капитан, боясь оставить солдат в таком опасном месте, [ссадил] двух из них со мной в Терней, а одного у староверов на Амагу – верст 100 от Тернея. При выгрузке вещей потонул ящик с подковами, вследствие сильной качки перевернулась лодка и чуть матрос не потонул, так как попал под судно. Пишу по просьбе солдат, они беспокоятся, что Вы не найдете их в Пластуне.

С почтением [Т] Николаев.

Солдаты поместились в фанзе версты 2 вверх по реке».

И.Н. Егорчев высказал версию (требующую, по его словам, проверки), что «ещё в экспедиции 1906 года – первой крупной, организованной В.К. Арсеньевым, – участвовал и Т.А. Николаев, выполняя такую же задачу: закладку вспомогательных баз по пути следования основного отряда».

Перечисленные выше факты свидетельствуют о том, что Тимофей Антонович Николаев был причастен к двум экспедициям В.К. Арсеньева. Именно такой вывод напрашивается при изучении материалов о нём. А.М. Жуков сообщил дополнительные сведения об офицере Николаеве. В картотеке краеведа значится, что родился Тимофей Антонович 3 мая 1876 года. Окончил гимназию и Одесское пехотное юнкерское училище. Во время Боксерского восстания в Китае и Русско-японской войне участвовал в боевых действиях. Награждён орденом Станислава 3 степени с мечами и бантом. К большому сожалению, нам пока не удалось узнать о дальнейшей судьбе Тимофея Николаева. Очень важно, что установлено имя и отчество штабс-капитана, его причастность к экспедициям на Дальнем Востоке.

В четвертой главе указанного выше тома сочинений путешественник описывает своё посещение маяка на мысе Св. Николая (сейчас мыс Красный Партизан в Советско-Гаванском районе Хабаровского края. – *авт.*). Он с интересом рассказывает читателю о смотрителе маяка, бывшем боцмане парусного флота Майданове, дает характеристику его внешности, описывает его одежду. Арсеньев пишет о Майданове: «Он встретил меня на крыльце и протянул руку. Я увидел перед собой полного человека лет сорока с лысиной на голове, с крупными чертами лица и слабой растительностью на верхней губе. Он был одет в черную флотскую тужурку с медными пуговицами, такие же черные штаны и высокие сапоги... Он постоянно улыбался, и серьезная мина совсем не шла к его лицу. Это был весьма добродушный человек и исправный служака. Надо отдать ему справедливость, маяк он содержал в образцовом порядке: всюду была видна рука заботливого хозяина и чистота такая, какую можно встретить только на военном судне. ...Приятно было видеть весь этот порядок, и я не мог отказать себе в удовольствии пробыть на маяке трое суток» [3, с. 86-90].

Автор не указывает имени и отчества смотрителя, сообщает читателю только его фамилию – Майданов. Майданов довольно долго проработал на данном маяке, и о нём удалось узнать кое-что интересное. В советский период его фамилия замалчивалась, а если и упоминалась, то его обвиняли чуть ли не в предательстве своих товарищей по службе. Дело в том, что шесть маячников вошли в состав красного партизанского отряда Павла Курикши и после поднятия восстания весной 1919 года были расстреляны белогвардейцами. Смотритель не встал в ряды сторонников Советской власти и поэтому остался жив. В одном из номеров многотиражной газеты печаталось сообщение о том, что якобы Майданов обманывал коренных жителей-орочей, продавал им дорого продукты питания и предметы первой необходимости [18].

В своей книге «В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф» историк Ю.В. Аргудьева со ссылкой на архив Приморского краевого отделения Русского географического общества приводит слова из дневниковых записей начальника экспедиции 1908-1910 годов: «За кредит оружием, запасами продовольствия, товарами отпускают инородцам и Клок, и Марцинкевич, Степанов, Панов, Берсенёв. Оба последние в особенности наживаются около орочен, а бла-

госостояние последних незавидно. Большую помощь орочам в этом отношении оказывает смотритель маяка СВ. Николая г-н Майданов. Он отпускает орочам муку, сахар, свечи, рис, крупу и т.д. из своих запасов по ценам очень невысоким (стоимость действительная + провоз и хранение) по установленной таксе. В текущем году ввиду предстоящей голодовки к Г-ну Майданову препровождается специально для орочей запас муки, сахару, чаю и рису» [1, с. 95]. Для сравнения в книге приводится таблица цен продуктов и предметов, составленная В.К. Арсеньевым, из которой видно, что у Майданова продукты и другой товар дешевле.

В 1906 году во Владивостоке вышло «Прибавление к памятной книжке 1905 г. Приморской области за 1906 г.», где на странице 66 сообщается, что на Николаевский маяк принят смотрителем по вольному найму **Алексей Яковлевич Майданов** [13, с. 66]. В другом источнике «Памятная книжка Приморской области на 1908 год» Майданов значится смотрителем того же маяка, но почему-то как **Александр Яковлевич** [11, с. 81]. Так как на самом деле звали Майданова?

Во 2-м томе «Хотелось бы всех поименно назвать... Книга-мартиролог» значится **Майданов Николай Алексеевич**, 1906 года рождения, уроженец г. Владивостока. На момент ареста в 1938 году он работал в Советской Гавани старшиной катера в портовом пункте. В феврале 1940 года был приговорен по ст. 58–1а–11 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы [21, с. 97]. Напрашивался вопрос, являлся ли репрессированный Н.А. Майданов сыном смотрителя Николаевского маяка или это просто однофамилец?



Маяк Красный Партизан. Фото А.Д. Лукьянчук.

В Управление ФСБ по Хабаровскому краю в 2009 году был сделан запрос с просьбой - исследовать дело в отношении Н.А. Майданова и ответить на интересующие нас вопросы.

Из полученного ответа следует, что в деле имеются протоколы допроса. В одном из них обвиняемый Майданов Н.А. на вопрос: «Чем занимался Ваш отец до и после революции?» ответил: «С 1906 года по 1923 год отец работал на маяке Николаевском, ныне «Красный партизан», смотрителем маяка. С 1923 по 1934 год работал по разным организациям в Совгавани. В 1934 году отец с семьей был выслан из пределов (так в тексте. – авт.) ДВК за контрреволюционную деятельность в период белогвардейщины и уже при Советской власти».

В другом протоколе допроса на вопрос: «Как долго Ваш отец служил у белых?» Майданов Н.А. ответил: «Отец мой, Майданов Алексей Яковлевич, в 1920 году служил у белых, но сколько времени я сказать затрудняюсь, также затрудняюсь ответить, в каких каратель-

ных частях он служил, но знаю, служил». Далее обвиняемый Майданов Н.А. пояснил, что после высылки отца в 1934 году о нем больше ничего не знает [12].

Понятно, что ни в каких карательных частях А.Я. Майданов не служил. Да и не было тогда подобных частей в малонаселенной Императорской гавани. Под давлением и с применением угроз добивались «показания» арестованных в те годы, поэтому не будем давать оценку действиям сына Майданова в период его нахождения под следствием.

В «Метрической книге, данной из Владивостокской духовной консистории причту походной церкви переселенческим участкам Приморского (Ольгинского) подрайона Владивостокской епархии для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1908 год» В.П. Хохлов обнаружил следующую запись: «... 24 декабря 1907 г. родилась Евгения, крещена 8 августа 1908 г. Родители: проживающий в Императорской гавани Владивостокский мещанин Герасим Антонович Горохов и законная его жена Александра Ивановна, оба православные. Восприемники: проживающий в Императорской гавани крестьянин 2-го участка Владикавказского округа Терской области селения Хермалик Иосиф Николаевич Таенов и жена смотрителя Николаевского маяка в Императорской гавани **Агриппина Георгиевна Майданова**. Иеромонах Иосаф, и.д. псаломщика Яков Сушинский». Благодаря этой записи нам стало известно имя и отчество жены Алексея Яковлевича [22, с. 70].

А.Я. Майданов прославился своими уникальными находками. 8 октября 1909 года в 10 часов утра в бухте Фальшивой недалеко от залива Императорская гавань он поймал плавающую бутылку. В ней он обнаружил записку № 286, сброшенную с крейсера «Командор Беринг» с целью изучения течений в морях Дальнего Востока. Бутылка проделала большой путь, прежде чем оказалась у западного берега Татарского пролива. Смотритель отправил записку во Владивосток [5, с. 35-38]. В настоящее время данная записка хранится в архиве Государственного океанографического института им. Н.Н. Зубова в Москве [16, с. 25].

В 1913 году Хабаровский краеведческий музей пополнился археологической находкой - кинжалом из серого сланца. Найденный артефакт представляет собой копию с бронзового кинжала Карасукской археологической культуры, датируемой рубежом 1-2-го тысячелетий до нашей эры, то есть бронзовым веком. Археологи предполагают, что еще в древности бронзовый кинжал попал в регион как трофей, либо по обмену, и подобные изделия очень ценились, поскольку своей бронзы не было. Местный мастер скопировал кинжал так тщательно, что даже повторил ребро жесткости. Кинжал передал в дар музею смотритель Николаевского маяка А.Я. Майданов. Кинжал он нашел у себя на огороде вблизи мыса Св. Николая. В наше время данный артефакт-экспонат под номером 2128 хранится в археологических фондах Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова [17, с. 3].

После того, как стало известно имя и отчество смотрителя маяка, я узнал, что в фондах Государственного архива Хабаровского края хранится письмо В.К. Арсеньева, адресованное заведующему маяком на мысе Св. Николая А.Я. Майданову. Написано оно было в мае 1925 года, когда В.К. Арсеньев занимал должность директора Хабаровского краевого музея. В письме изложено следующее: *«Настоящим обращаюсь с покорнейшей просьбой сообщить мне, кто из орочей Советской Гавани, реки Хади селений Чжуанка, Дата, Хутудата, Акурдата и Мулидата, а также в бухте Ванина и на реке Копи находится в бедственном положении. Кто в чем нуждается. Я могу прислать присылкой (так в тексте – авт.) по почте наиболее бедным»*. Далее Арсеньев пишет: *«Я помню ту помощь, которую оказали мне орочи во время моих путешествий, когда они доставляли мне пропитание, а женщины починяли мою обувь и одежду. И вот теперь мне хотелось бы ответить им также какой-нибудь услугой. Мечтаю как-нибудь приехать к Вам и пробраться на Тумнин к моим друзьям орочам. Кланяйтесь им от меня, ожидаю ответа, шлю Вам дружеский поклон и привет семье»* [15]. Согласно показаниям сына Майданова, в 1925 году Алексей Яковлевич уже не служил на маяке. Текст копии письма был зачитан орочам прорабом «Дальлеса» П.В. Доброхотовым,

после чего два представителя этого народа, проделав многокилометровый путь через горы, прибыли пешком в Хабаровск за помощью к Арсеньеву [8]. Главное в этой истории то, что написано письмо Владимиром Клавдиевичем, человеком неравнодушным, благородным, готовым прийти на помощь людям. И адресовано письмо А.Я. Майданову, которому Арсеньев доверял, который непременно исполнил бы его просьбу.

В фондах Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова хранится отчет В.К. Арсеньева об экспедиции 1927 года по маршруту Советская Гавань – Хабаровск [20]. Отчет был предоставлен в 1928 году и в нём указаны фамилии жителей Советской Гавани И.А. Махотина и К.И. Копотева, которые своим трудом разработали участки земли в пойме реки Большая Хадя и выращивали на них неплохой урожай овощей и зерновых. Путешественник в отчете предоставил схему расположения данных участков и приводил этих товарищей в качестве примера по колонизации необжитых земель.

В книге «Сквозь тайгу» Владимир Клавдиевич сообщает, что летом 1927 года он останавливался в доме К.И. Копотева, знакомого ему ещё по Владивостоку. Дом Копотевых располагался на берегу бухты Курикша в заливе Советская гавань. У Копотева и его жены Натальи Никаноровны воспитывались дети: Николай, Ксения, Серафима, Людмила и Мария. Еще трое умерли в детском возрасте. Начиная с 1913 года, К.И. Копотев писал письма и информировал В.К. Арсеньева о новостях, которые происходили в Императорской (Советской) гавани [19, с. 244, 245].

Из воспоминаний дочери Копотева – Людмилы, опубликованных в г. Советская Гавань в газете «Советская звезда» в 1997 году, стало известно, что ее отец Калинин Иван Иванович родился в Сибири в 1877 году. В 1899 году был призван в армию и направлен во Владивосток, где служил во Владивостокской крепостной команде у В.К. Арсеньева. В 1903 году Арсеньев был посаженным отцом на свадьбе у Копотевых. Во Владивостоке в районе Первой речки у молодой семьи был свой дом. После службы Копотев вместе с женой и детьми переезжает в Императорскую гавань, где ему довелось работать на концессиях и служить на Милютинском маяке. Далее Людмила Калининковна вспоминала: «В 1927 году родители получили от Владимира Клавдиевича письмо, в котором он сообщал, что собирается ехать в экспедицию, весной будет в Совгавани и просил подготовить для экспедиции жилье, наметить из орочей кандидатов для экспедиции и т.д.... Владимир Клавдиевич и Н.Е. Кабанов остановились у нас. Здесь во дворе проводилась работа с орочами по укомплектованию экспедиции, а все согласования с Совгаванским райисполкомом проходили в концессии, там у Владимира Клавдиевича был рабочий кабинет». В декабре 1927 года К.И. Копотев трагически погиб [7, с. 2].



Ефрейтор Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды К.И. Копотев с женой и детьми. г. Владивосток. Из архива семьи Копотевых. Публикуется впервые.



Людмила, Ксения, Наталья Никаноровна и Мария Копотевы на крыльце своего дома. В этом доме в 1927 г. останавливались на ночлег В.К. Арсеньев и Н.Е. Кабанов. Фото 1930-х гг. Из архива совгаванского краеведа С.Т. Сметанина. Публикуется впервые.

Сосед Копотева по земельному участку в пойме реки Большая Хадя Иван Андреевич Махонин, 1895 года рождения, уроженец Тамбовской губернии, был признан кулаком и арестован в 1932 году. Ему было предъявлено обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР, и 9 октября 1932 года «тройка» приговорила его к выселению в спецпоселок совместно с семьей [4, с. 25]. Согласно сведениям, взятым из «Книги памяти жертв политических репрессий Амурской области», в спецтрудколонию в п. Юхта Свободненского района Амурской области Махонин работал заведующим хлебным ларьком. В июле 1933 года «тройкой» ОГПУ приговорён к 10 годам концлагерей. В 1989 году И.А. Махонин был реабилитирован.

Участник экспедиции 1927 года по маршруту Советская Гавань-Хабаровск, зоолог Андрей Иванович Кардаков некоторое время заведовал фотографическим отделом в Дальневосточном краевом художественном музее в Хабаровске. Был арестован в 1938 году и постановлением «тройки» управления НКВД по ДВК приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1989 году [23].

Другой участник этой экспедиции Прокопий Савельевич Гончаров родился в 1901 году. В годы Гражданской войны воевал в Приморье на стороне красных в составе Сучанского партизанского отряда. В 1930 году вторично был приглашен Арсеньевым в одну из руководимых им экспедиций. В 1939 году, будучи сотрудником Лесотехнической академии, стал кандидатом биологических наук. Во время Великой Отечественной войны был старшим лейтенантом. 13 марта 1942 года умер от истощения в одном из госпиталей в осадном Ленинграде. Похоронен на Пискаревском кладбище [24].

Спустя годы, в знак признательности к замечательному путешественнику и учёному, совгаванскими краеведами на здании маяка Красный Партизан была установлена памятная доска В.К. Арсеньеву.



Памятная доска на маяке Красный Партизан. Фото автора.

Во время работы краеведческой конференции 16 октября 2010 года в присутствии краеведов из Южно-Сахалинска, Владивостока, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Советской Гавани, Амурска и Ванино состоялось её торжественное открытие. На гранитной доске портрет Владимира Клавдиевича и слова: «Здесь, в здании Николаевского маяка, в сентябре 1908 года останавливался путешественник-исследователь Дальнего Востока, этнограф, писатель Владимир Клавдиевич АРСЕНЬЕВ (1872-1930)». Глядя на доску, вспоминаем участников арсеньевских экспедиций, а также и смотрителя маяка Алексея Яковлевича Майданова, честного служащего, человека исполнительного, незаслуженно пострадавшего в годы политических репрессий.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева. – Владивосток, 2007. – 272 с.
2. Арсеньев В.К. Жизнь и приключения в тайге. – М., 1957. – 288 с.
3. Арсеньев В.К. Сочинения: в 6 т. Т. III. В горах Сихотэ-Алиня. – Владивосток: Примиздат, 1947. – 284 с.
4. Без вины виноватые / Составители А.Н. Сесёлкин, Н.В. Сесёлкина. – Советская Гавань: КГУП «Советско-Гаванская городская типография», 2009. – 48 с.
5. Дроков С. Забытые истории бутылочной почты //Вокруг света. –1988. – № 8 (2575).
6. Егорчев И.Н. Штабс-капитан Николаев и В.К. Арсеньев: некоторые новые сведения для дальнейших исследований //Во славу Отечества: жизнь и деятельность первопроходцев и исследователей земли дальневосточной. – Советская Гавань: КГУП «Советско-Гаванская городская типография», 2015. – 124 с.
7. Копотева Л. Воспоминания о встрече с В.К. Арсеньевым // Советская звезда. – 1997. – 8 окт.
8. Красноштанов С.И. Мне сопутствовала счастливая звезда...//Словесница искусств. - 2004. – № 2 (14).

9. Новомодный Е.В. Дела и дни ботаника и педагога Нумы Августовича Десулави (1860-1933). Материалы к научной биографии друга и сподвижника В.К. Арсеньева. – Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2008. – 92 с.
10. Общий список офицерским чинам русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 года. СПб., 1909. – Столбец 392.
11. Памятная книжка Приморской области на 1908 год.- Владивосток, 1907.
12. Письмо директору Советско-Гаванского районного краеведческого музея им. Н.К. Бошняка от 31. 07. 2009 г. № 10/2-2261 н/с из Управления ФСБ по Хабаровскому краю.
13. Прибавление к памятной книжке 1905 г. Приморской области за 1906 г. – Владивосток, 1906.
14. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 596 с.
15. Салеева Л.В. Верю, что нас будут вспоминать добрыми словами... // Словесница искусств. – 2003. – № 2 (12).
16. Сесёлкин А.Н. Советско-Гаванский и Ванинский районы: хроника событий. – Комсомольск-на-Амуре, 2013. – 396 с.
17. Сесёлкин А. Кинжал из серого сланца // Тихоокеанская звезда. – 2008. – 20 марта.
18. Станишевский С. Великие преобразования // Советская звезда. – 1953. – 11 мая.
19. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев.- Изд. 2-е, испр. и доп. – Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. – 412 с.
20. ХККМ (ХКМ КП 6766/3. Ф. 52. Оп. 165. Д. 9. 127 л.)
21. Хотелось бы всех поименно назвать... Книга-мартиролог, Т. 2. –Хабаровск, 1999.– 404 с.
22. Хохлов В.П. Метрические книги Ольгинской походной церкви за 1908-1911 гг. // Записки краеведческого клуба «Тетюхе» № 1. – Дальнегорск, 2012. – 90 с.
23. [https://ru.openlist.wiki/Кардаков_Андрей_Иванович_\(1891\)](https://ru.openlist.wiki/Кардаков_Андрей_Иванович_(1891))
24. <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51126266>

Условные сокращения:

ДВК – Дальневосточный край

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР

Св. – Святого

УК РСФСР – Уголовный Кодекс Российской Советской Федеральной Социалистической республики

ХККМ – Хабаровский краевой краеведческий музей



Сидоренко Елена Валериевна, канд. ист. наук, с.н.с.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

(г. Владивосток)

sidoriha3@yandex.ru

МИГРАЦИИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ВОСТОЧНОМ ПРИМОРЬЕ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 930.26 (571.63)

Аннотация. В работе рассматриваются культурные процессы в Восточном Приморье в эпоху палеометалла. Выделены четыре последовательные культурные миграции: лидовская, янковская, кроуновская, польцевская. Физико-географическая специфика региона влияла на протекание культурных процессов. Относительная изоляция способствовала длительному сохранению облика археологической культуры и обусловила разнообразие форм межкультурной коммуникации. Археологически доказаны следующие формы контактов: полная или частичная ассимиляция, сложение новых коллективов, мирное сосуществование, вооруженный конфликт.

Ключевые слова и фразы: Приморье, Сихотэ-Алинь, эпоха палеометалла, лидовская культура, янковская культура, кроуновская культура, польцевская культура, миграция, межкультурная коммуникация.

Elena Sidorenko, Cand. ist Sc., Senior Scientist

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok)

sidoriha3@yandex.ru

MIGRATIONS AND INTERCULTURAL COMMUNICATIONS IN EAST PRIMORYE IN THE EPOCH OF PALEOMETAL

Abstract. The paper discusses the cultural processes in the Eastern Primorye in the epoch of paleometal. Four consecutive cultural migrations were identified: Lidovskaya, Yankovskaya, Krounovskaya and Poltzevskaya. The physiographic specificity of the region influenced the course of cultural processes. Relative isolation contributed to the long-term preservation of the image of the archaeological culture and led to a variety of forms of cross-cultural communication. The following forms of contact have been proven archaeologically: full or partial assimilation, addition of new collectives, peaceful co-existence, armed conflict.

Key words and phrases. Primorye, Sikhote-Alin, epoch of paleometal, Lidovskaya culture, Yankovskaya culture, Krounovskaya culture, Poltzevskaya culture, migration, cross-cultural communication.

Восточное Приморье представляет собой очень своеобразный регион, физико-географические условия которого сильно влияют на культурные процессы. Он вытянут с юга на север, с запада ограничен горным массивом Сихотэ-Алинь, а с востока – Японским морем (Рис. 1). Поэтому пригодными для обитания территориями выступают долины впадающих в Японское море рек, особенно их приустьевые участки, и прибрежная полоса. Чем дальше на север, тем более узкими становятся долины речек, и горные отроги вплотную подходят к по-

бережью (Рис. 2). Такая ограниченность пригодных для заселения территорий приводит к увеличенной плотности населения на комфортных участках и, как следствие, к конкуренции за землю. Главным фактором, влияющим на культурные процессы, выступает относительная изолированность данной территории. Первым на этот момент обратил внимание В.И. Дьяков. Он метко назвал регион «сихотэ-алиньским мешком» и на примере выделенной им лидовской культуры эпохи палеометалла доказал, что такое положение способствует консервации археологической культуры и длительному сохранению её облика [Дьяков, 1989]. Ограничены и пути проникновения на побережье Японского моря. Основной сухопутный миграционный коридор расположен в юго-восточной части Приморья из плодородной Партизанской (Сучанской) долины, огибая южные отроги Сихотэ-Алиня. Именно этим маршрутом преимущественно шло заселение Восточного Приморья в эпоху палеометалла (Рис. 3).

Лидовская миграция. Одними из первых в Восточном Приморье в эпоху палеометалла появились представители лидовской культуры. По мнению В.И. Дьякова, ядро культуры сформировалось за пределами региона, а по мере продвижения по территории лидовцы вступали в контакт с аборигенами [Дьяков, 1989; 1999]. Занимаясь проблемой генезиса лидовской культуры, автор данной работы смог верифицировать гипотезу В.И. Дьякова и частично задокументировать маршрут лидовской миграции до прихода их в сихотэ-алиньский регион [Сидоренко, 2015, с.193–200; 2018, с. 114–116]. По мере продвижения по территории Восточного Приморья лидовцы вступали в контакты с аборигенным населением, к которым относятся представители пхусунской культуры¹, тетюхинской группы памятников и, возможно, носители памятников типа Ефстафий-1 (Рис. 4). Часть коренного населения была ассимилирована лидовцами, некоторые, например тетюхинцы, сохраняли относительную автономию длительное время. В целом, время существования лидовской культуры в регионе определяется X в. до н.э. – I–II вв. н.э.

Янковская миграция. Вторая миграционная волна в сихотэ-алиньский регион связана с представителями янковской культуры, базовая территория которых располагалась в юго-западном и южном Приморье (Рис. 4). Теперь уже лидовцы выступают в качестве аборигенного населения региона (Рис. 3). Миграция осуществлялась двумя маршрутами: традиционным сухопутным и морским вдоль побережья, так как янковцы обоснованно считаются лучшими мореходами эпохи палеометалла. Была освоена юго-восточная часть Приморья, где фиксируются памятники валентиновской группы янковской культуры [Андреева и др., 1986]. По мнению В.И. Дьякова, лидовцы не позволили янковцам далеко продвинуться по «сихотэ-алиньскому мешку», являясь своеобразным буфером [Дьяков, 198, с. 50–72]. Однако в материалах валентиновской группы янковской культуры сохранились в виде рудиментов некоторые черты лидовской культуры, что может объясняться почти полной ассимиляцией лидовцев [Дьяков, 1984, с. 50–72]. В Северо-Восточном Приморье лидовцы продолжали жить на своей территории, но вынуждены были контактировать с появляющимися мигрантами. Лидовско-янковские взаимоотношения носили различный характер: от ассимиляции и вооруженного конфликта до мирного сосуществования и сложения новых этнических коллективов. О вооруженном конфликте свидетельствуют лидовские городища, построенные в стратегически важных местах на побережье и призванные защитить от янковского вторжения с моря. Этот процесс выявлен О.В. Дьяковой, доказавшей, что самым древним типом городищ являются мысовые укрепления эпохи раннего металла, появляющиеся в конце I тыс. до н.э. в лидовской культуре [Дьякова, 2005, с. 86–91; 2009, с. 209–212, рис. 135]. Доказательством сложения новых коллективов выступают памятники куналейской группы, в материалах ко-

¹ Обоснование выделения пхусунской культуры выполнено автором данной работы [Сидоренко, 2018, с. 102–125]. Ранее в приморской историографии использовались понятия «маргаритовская культура», «памятники с керамикой пхусунского типа», что вносило путаницу в систематизацию археологических культур.

торых зафиксировано наслаивание янковской гончарной традиции на лидовскую. Археологически этот процесс выражается в синкретизме традиций, когда в комплексе или на сосуде фиксируются характерные черты разных культур [Дьякова, Сидоренко, 2002, с. 5–45; Сидоренко, 2007, с. 91–110]. Мирное сосуществование прослеживается появлением в традиционных лидовских ансамблях янковских вещей или изделий, выполненных по новым образцам – чаша с овальным дном на поселении Благодатное 3, орнамент в виде наклепной шишечки в материалах Круглой долины, Мыса Страшного, Ветроуды. В этом случае можно говорить об инокультурном влиянии при сохранении исходной традиции. Результаты картирования и радиоуглеродного датирования также свидетельствуют о сосуществовании различных групп памятников в регионе в этот период [Сидоренко, 2007, с. 119–157].

Кроуновская миграция. Третья миграционная волна в сихотэ-алиньский регион связана с представителями кроуновской культуры, базовая территория которых располагалась в Западном и Центральном Приморье (Рис. 3). Одной из причин миграции кроуновцев в регион стало продвижение с территории Амура польцевского населения, которое в IV–III вв. до н.э. сумело обосноваться на севере Приморья (Глазовка-городище). Кроуновцы повторили маршрут предыдущих мигрантов, придя к основанию «сихотэ-алиньского мешка» и начав свое движение на север по побережью. В первую очередь, они вытеснили и ассимилировали янковское население в юго-восточной части Приморья, заняв теплую и наиболее благоприятную для земледелия территорию в регионе. Стратиграфия и радиоуглеродное датирование памятников Южного и Юго-Восточного Приморья (о. Петрова и Киевка) свидетельствуют, что в конце I тыс. до н.э. и на рубеже эр эту территорию продолжали занимать янковцы, а в первых веках н.э. на ней уже обитали кроуновцы (поселение Киевка, Юго-Восточное Приморье, Лазовский район) 1980±50 л.н. (МАГ 367); 1820±80 л.н. (ЛЕ 4184)) [Кузьмин и др., 2003, с. 160]. Кроуновские поселения севернее Лазовского района (Юго-Восточное Приморье, поселение Сокольчи) пока не зафиксированы. Выявлены только коммуникативные следы с аборигенным населением (янковским и лидовским). К янковско-кроуновским комплексам относятся верхний слой памятника Пьяный ключ [Дьяков, 1984, с. 58–61] и гончарная мастерская памятника Синие Скалы (раскоп 2, 1963 г.) [Сидоренко, 2003, с. 93–96]. Причем контакт носил, видимо, мирный характер, поскольку позволял янковцам перенимать традиционные гончарные приемы кроуновцев. На поселении Ветроуды, позднем памятнике тетюхинской группы лидовской культуры (Северо-Восточное Приморье, Тернейский район) обнаружены высокие конусовидные пряслица, ближайшие аналогии которым находятся в материалах кроуновского слоя поселения Олений А (Южное Приморье) и янковско-кроуновского комплекса памятника Пьяный ключ (Восточное Приморье, Кавалеровский район) [Бродянский, 1984, с. 39, рис.11 (5); Дьяков, 1984].

Польцевская миграция. Четвертая миграционная волна связана с носителями польцевской культуры, которые проникают в Приморье по северному речному коридору через р. Амур и далее по р. Уссури. Ассимиляция части кроуновского населения привела к сложению польцевско-кроуновского сообщества, которое в первые века н.э. появилось на юге Приморья у основания «сихотэ-алиньского мешка» и начало, как и предыдущие мигранты, ставшие к тому моменту аборигенами, свое продвижение на север вдоль побережья Японского моря (Рис. 4). Это наименее исследованная миграция в Восточном Приморье. О польцевском присутствии в регионе свидетельствуют комплексы на поликомпонентном памятнике Синие Скалы (Ольгинский район) [Синие Скалы ..., 2002]. В долине р. Самарга на крайнем северо-востоке Приморья В.И. Дьяковым выделена самаргинская культура [Дьяков, 1984, с. 62–71], специфика которой, по высказанной устно идее исследователя, может заключаться в наложении польцевского субстрата на аборигенную основу. Лакуна между южными и северными польцевскими памятниками побережья Японского моря только начинает заполняться.

Выводы. В эпоху палеометалла II–I тыс. до н.э. – первые века н.э. в Восточном Приморье выявлены четыре последовательные культурные миграции: лидовская, янковская, кроуновская, польцевская. Относительная изоляция региона и физико-географические особенности способствовали длительному сохранению облика культур и обусловили разнообразие археологически доказанных межкультурных коммуникаций: 1) ассимиляция (полная или частичная), примером чему являются новые сообщества; 2) мирное сосуществование, которое выразилось в заимствовании отдельных элементов культуры мигрантов при сохранении аборигенной традиции; 3) вооруженный конфликт, свидетельством которого стало появление в регионе первых городищ.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. – М.: Наука, 1986.
2. Бродянский Д.Л. Кроуновская культура // Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Приморье у рубежа эр. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1984. – С. 5–48.
3. Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 296с.
4. Дьяков В.И. Периодизация древних культур Приморья (палеолит–эпоха бронзы). Дис. в виде науч. доклада ... докт. ист. наук. – М., 1999. – 21 с.
5. Дьякова О.В. Городища и крепости Дальнего Востока (Северо-Восточное Приморье). – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. – 187 с.
6. Дьякова О.В. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. – М.: Восточная литература, 2009. – 245 с.
7. Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. Древние и средневековые культуры Северо-Восточного Приморья (по материалам Куналейского городища) // Актуальные проблемы Дальневосточной археологии / Отв. ред. О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев. – Владивосток, 2002. – С. 5–45.
8. Кузьмин Я.В., Коломиец С.А., Орлова Л.А., Сулержицкий Л.Д., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Хронология культур палеометалла и средневековья Приморья (Дальний Восток России) // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: Третья межд. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С.156–164.
9. Сидоренко Е.В. Кроуновские компоненты в янковской культуре // Забайкалье в геополитике России: Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки», 26 августа – 1 сентября 2003 г. Чита. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2003. – С. 93–96.
10. Сидоренко Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. – Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2007. – 271 с.
11. Сидоренко Е.В. К проблеме генезиса лидовской культуры // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры: Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием 23–26 ноября 2015 г. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 193–200.
12. Сидоренко Е.В. Пхусунская культура в Приморье // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Том 20. Археология. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – С. 102–125.
13. Сидоренко Е.В. К проблеме изучения миграций в Приморье в эпоху палеометалла // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VIII Международ-

ной научно-практической конференции. Благовещенск-Хэйхэ-Чанчунь-Шэньян. 21–28 мая 2018 г. – Благовещенск: БГПУ, 2018. – С. 114–116.

14. Синие Скалы – археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника / Отв. ред. Ж.В. Андреева.– Владивосток: Дальнаука, 2002.– 328 с.

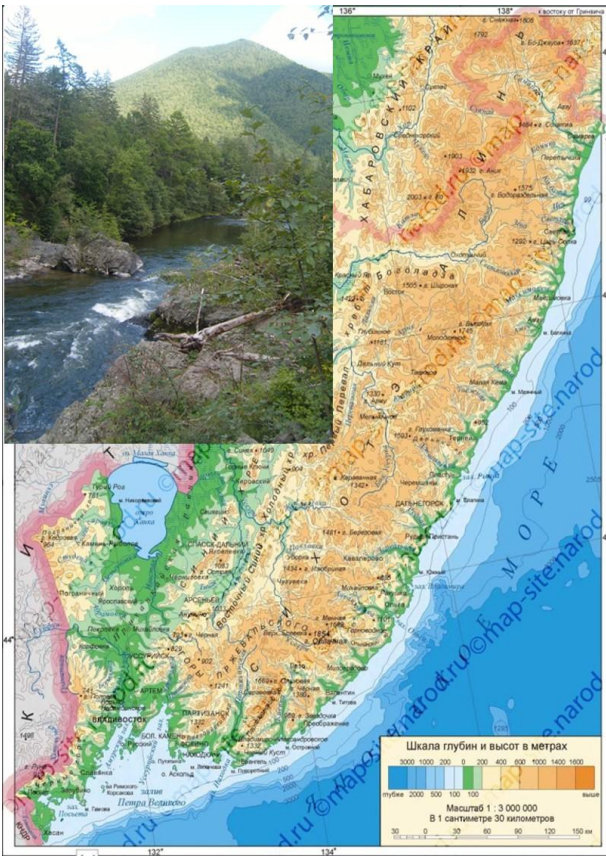


Рис. 1 Восточное Приморье.



Рис. 2 Физико-географические особенности Восточного Приморья (фото автора).

Мигранты	Аборигены
Лидовцы (ахобинская группа)	Пхусунцы, тетюхинцы, Евстафий 1 (?)
Янковцы	Тетюхинцы, Лидовцы
Кроуновцы	Тетюхинцы, Лидовцы, Лидовско-янковское население куналейской группы, Янковцы
Польцевцы	Тетюхинцы, лидовцы, Лидовско-янковское население куналейской группы, Янковско-кроуновские сообщества, Кроуновцы (?)

Рис. 3 Схема миграционных процессов в Восточном Приморье в эпоху палеометалла.

Слабнина Лариса Анатольевна, канд. ист. наук,
ст. науч. сотр. Отдела истории Дальнего Востока России
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток
slabnina52@mail.ru

ПРИМОРСКАЯ КРАЕВАЯ КНИГА ПАМЯТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

УДК 947.088(571.6)

Аннотация. В статье анализируется история создания и публикации Книг памяти, значение их как исторического источника и явления культуры.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Книги памяти, Приморский край.

Larisa Slabnina, Cand. Sc. History, Art. scientific sotr.
Department of History of the Far East of Russia
Institute of History, Archeology and Ethnography of the peoples of the Far East
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
slabnina52@mail.ru

PRIMORSKAYA REGIONAL BOOK OF MEMORY AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract. The article analyzes the history of the creation and publication of the Books of Memory, their significance as a historical source and cultural phenomenon.

Key words and phrases: Great Patriotic War, Books of Memory, Primorsky Krai.

Первым в России печатным памятником, посвящённым павшим героям Отечественной войны 1812 г., была книга «Великая галерея». Имена убитых или контуженных в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и особо отличившихся генералов, офицеров и рядовых были занесены в книгу «Памятники Восточной войны».

Списки погибших и пропавших без вести в Первую мировую войну 1914–1918 гг. объединены в 65 томов и хранятся в Российской государственной библиотеке.

В 1926 г. имена военнослужащих, погибших в годы Гражданской войны и интервенции (1918–1920 гг.), занесены в «Именной список потерь Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [4, с. 262].

Боевые потери солдат и офицеров Советского Союза в региональных конфликтах (события на КВЖД – 1928 г., оз. Хасан – 1938 г., р. Халхин-Гол – 1939 г., во время «освободительных» походов в Западную Украину, в период советско-финского конфликта) по идеологическим соображениям замалчивались до конца XX в.

Многочисленные жертвы сталинских репрессий, Великой Отечественной и Второй мировой войн не были забыты, но десятилетиями не афишировались.

Началом работы над книгами памяти к 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) послужило постановление ЦК КПСС от 17 января 1989 г.

В дальнейшем изданию книг в стране способствовала правовая основа, регламентирующая организационные, финансовые, юридические и иные аспекты создания и функционирования общественно-организационной системы по увековечиванию памяти защитников

Отечества, погибших Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: постановления Совмина РСФСР от 20 февраля 1990 г., Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 марта 1991 г., Верховного Совета РФ от 13 мая 1993 г., Указ Президента РФ от 27.03.1993 г. «О подготовке к празднованию памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», Постановление Правительства РФ от 22.02.1992 г. № 1004 «Об издании Книги памяти» и ряд других.

Так, в Постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР «Об увековечивании памяти погибших при выполнении конституционных обязанностей по защите Отечества» от 15 марта 1991 г. отмечается, что, учитывая многочисленные предложения общественности о принятии дополнительных мер по увековечиванию памяти погибших при выполнении конституционной обязанности по защите Отечества, а также принимая во внимание необходимость активизации издания Книги памяти во исполнение поручения первого съезда народных депутатов РСФСР, основываясь на Указе Президента СССР от 8.02.1991 г., Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет: считать погибшими граждан РСФСР, гибель которых подтверждена соответствующими документами, погибших в плену или пропавших без вести, умерших от ран или увечий, полученных при участии в боевых действиях, умерших вследствие заболеваний в период войны.

Этим же постановлением Совмину РСФСР в трёхмесячный срок было необходимо подготовить и принять нормативные акты, регламентирующие издание Республиканской Книги памяти.

Решения о работе над краевой Книгой памяти и её издании принимались на региональном уровне постановлениями Приморского крайисполкома от 29.04.1991 г. № 116, Администрации Приморского края от 6.12.1993 г. № 446, от 06.07.1994 г. № 331.

Рабочая группа и редколлегия отмечала, что эта книга о тех, кто защищал Родину от фашизма, погиб на полях сражений, умер от ран в госпиталях, в концентрационных лагерях, пропал без вести, о партизанах, разведчиках в тылу врага, о гражданских лицах, участвовавших в боевых действиях на судах торгового флота, о тех, кто был призван в действующую армию в Приморском крае. 25 судов ДВМП и более 400 моряков и юнг погибли от мин, стали жертвами войны с Германией и милитаристской Японией. Их имена внесены в Книгу памяти.

Первый том краевой Книги памяти [1] открывает материал «Приморцы – фронту». Текст снабжён схемами, иллюстрациями, фотографиями, картами. Это краткий, но достаточно ёмкий исторический обзор событий, в котором раскрывается роль приморцев, Приморского края в военных событиях 1938–1945 гг.

В нём есть глава «Живая летопись войны», в которой опубликованы письма с фронта и на фронт. События страшных дней войны запечатлены в тысячах книг, кинофильмов, полотен художников. Не менее ценны воспоминания фронтовиков, их письма – живая летопись войны.

Списки погибших даются по городам Владивостоку, Артёму, Арсеньеву, по Анучинскому и Дальнереченскому районам, приводятся в алфавитном порядке, и открывают их имена приморцев – Героев Советского Союза.

Следует отметить ту огромную поисковую и исследовательскую работу, которую проделала рабочая группа. Когда приступали к составлению списков воинов, погибших во время войны, их первоначальная официальная численность составляла по Приморскому краю 8 тыс. чел., а к моменту издания книги – более 45 тыс. чел.

Книга памяти составлялась на основе документов Центрального архива Вооружённых Сил Российской Федерации, Центрального военно-медицинского музея Российской Федерации, Государственного архива Приморского края, архивов отдельных предприятий и организаций.

О масштабе поисков свидетельствует перечень организаций, которые приняли активное

участие и провели огромную исследовательскую работу. Это районные и городские военные комиссариаты Приморского края, районные, городские и краевая комиссии по увековечиванию памяти героев.

В розыске имён павших воинов оказывали помощь управления народного образования. Из учащихся средних школ, профессиональных училищ были созданы сотни поисковых групп, отрядов, которые обошли многие дома и квартиры в городах и сёлах, чтобы узнать есть ли в семье участники войны, которые не вернулись с поля боя.

В работе также участвовали члены Приморского краевого комитета ветеранов войны, труда и Вооружённых Сил России. В подготовке материалов о торговом флоте в годы войны большую помощь оказал ветеран Дальневосточного морского пароходства Г.А. Руднев.

Во втором томе Приморской краевой Книги памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны, более 20 тыс. фамилий солдат из числа безвозвратных потерь [2]. Отмечается, что более 200 тыс. приморцев и воспитанников флота громили врага на фронтах, 192 воинам-тихоокеанцам присвоено звание Героя Советского Союза, 37 – стали полными кавалерами ордена Славы. Издание второго тома было приурочено к полувековому юбилею Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В 1995 г. издан третий том Книги памяти [3]. В предисловии редколлегия впервые подчеркнула, что выход в свет очередного тома, да и в целом всей серии, не только дань памяти погибшим на войне, но и публикация фактов в противовес тем идеологическим нападениям зарубежных исследователей, пытающихся исказить сущность подвига и всемирно-историческое значение победы советского народа, что особенно актуально в наши дни.

Отмечается также важное значение издания в установлении точных людских потерь за годы войны. Выпуск Всероссийской Книги памяти помог установить более точные данные. Как известно, цифра эта менялась многократно. От 7 до 20 млн чел. при Н.С. Хрущёве и в 1990-е гг. озвучивалась цифра более 30 млн чел. Эти сведения до сих пор уточняются.

Когда в Приморском крае начала работать группа по подготовке Книги памяти, а это 1991 г., то в Приморском крайвоенкомате имелись списки на 8 тыс. погибших, пропавших без вести, умерших от ран, через год было уже 27 тыс., через два – 48 тыс., а в 1994 г., по более уточнённым данным – 56 тыс. погибших. И это до сих пор ещё не полные данные.

По отдельным городам и районам края тысячи лиц, ушедших на фронт, но они не числятся ни в живых, ни в списках погибших, ни пропавших без вести или умерших от ран.

В настоящее время более 850 томов Книг памяти хранятся в музее на Поклонной горе в Москве. Среди них и тома Приморской краевой Книги памяти. Работа была проделана огромная.

Приходится сожалеть о том, что многие поминальные столбцы книг лишены полных данных о погибших. О многих есть лишь сведения, когда погиб и где похоронен или пропал без вести; поисковая работа продолжается.

Материалы книг представляют социально-демографический срез нашего общества в конце XX – начале XXI вв. Поскольку Книга памяти издавалась на основе архивных материалов, воспоминаний, опросных листов, она является уникальным источником знаний.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Книга памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. (города Владивосток, Арсеньев, Артём, районы Анучинский и Дальнегорский). – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1995. – 544 с., ил.
2. Книга памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. (города Дальнереченск, Лесозаводск, Находка, Партизанск, Спасск, Районы Дальнереченский, Кировский, Красноармейский, Лесозаводский, Надеждин-

- ский, Октябрьский, Ольгинский, Партизанский, Пограничный, Пожарский, Спасский). – Владивосток: ГИПК «Дальпресс», 1995.
3. Книга памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 3. (город Уссурийск, районы Тернейский, Ханкайский, Хасанский, Хорольский, Черниговский, Чугуевский, Шкотовский, Яковлевский, дополнительные списки по городам и районам края, Дальневосточное морское пароходство). – Владивосток: ГИПК «Дальпресс», 1995.
4. Пашков А.П. Сахалинская областная Книга памяти как исторический источник и значительное явление культуры // Сахалин и Курилы в войнах XX века: Материалы науч. конф. (7–10 июля, 2005 г.). – Южно-Сахалинск: Изд-во «Лукоморье», 2005. – С. 261–269.



Старцев Анатолий Фёдорович, док. ист. наук, глав. науч. сот.
Отдела этнографии, этнологии антропологии
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
starcev.42@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

УДК 39 (571.63)

Аннотация. В состав коренных малочисленных народов Приморского края входят бикинские нанайцы и удэгейцы бикингка, проживающие в с. Красный Яр Пожарского района. В с. Агзу Тернейского района на р. Самарга компактно проживают самаргинские удэгейцы самаргингка. В Красноармейском районе дисперсно расселена иманская группа удэгейцев имангка. В крае, кроме нанайцев и удэгейцев, имеется особая этнографическая группа – тазы Ольгинского района, компактно проживающие в с. Михайловка. Каждая этнографическая группа малочисленных этносов региона имеет свои семейные или родовые общины, которые занимаются разными видами общественной и хозяйственной деятельности, связанной с развитием и сохранением традиционной бытовой и духовной культуры. Аборигены края выражают надежду, что в процесс сохранения и развития хозяйственной деятельности и традиционной культуры активно включатся государственные органы края. Однако законодательные и исполнительные органы власти края из-за двойных стандартов по отношению к нуждам коренных этносов до сих пор кардинально не решили социально-экономические проблемы и вопросы хозяйственного развития.

Ключевые слова и фразы: малочисленные этносы, расселение, Приморский край, семейная община, сохранение, развитие, традиция, культура, решение проблем.

Anatolij Startcev, D.Phil. in History
The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Institute of History, Archeology and Ethnography
starcev.42@mail.ru

SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL CONDITION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF PRIMORSKY KRAI

Abstract. The composition of the indigenous Peoples of Primorsky Krai includes Bikin Nanai and Udege biking living in the village Krasny Yar Pozharsky district. In the village Agzu Terneisky district on the river Samarga compactly live Samargin Udege samarging. In the Krasnoarmeysky district, the Imani group of the Udege is dispersed. In the region, in addition to the Nanaians and Udegei, there is a special ethnographic group - the Tazy of the Olginsky region, living compactly in the village of Mikhailovka. Each ethnographic group of small ethnic groups in the region has its own family or tribal communities that are engaged in various types of social and economic activities related to the development and preservation of traditional household and spiritual culture. The natives of the region express the hope that the state bodies of the region will actively join in the process of preserving and developing economic activity and traditional culture. However, the legislative and executive authorities of the region due to double standards in relation to the needs of in-

digenous ethnic groups have not yet fundamentally solved the socio-economic problems and issues of economic development.

Key words and phrases: *small ethnic groups, resettlement, Primorsky Krai, family community, preservation, development, tradition, culture, problem solving.*

К числу коренных малочисленных народов Приморского края относятся бикинские и уссурийские нанайцы, удэгейцы, разделяющиеся на самостоятельные этнографические группы, имеющие свои этнические названия *бикингка* (бикинские удэгейцы), *имангка* (иманские удэгейцы), *самаргингка* (самаргинские удэгейцы) и тазы Ольгинского района, этнический состав которых в прошлом формировался из женской половины нанайцев, удэгейцев, орочей, солонов и мужской части китайских отходников.

Удэгейцы компактно обитают в трех районах Приморья: в Красноармейском, Пожарском и Тернейском. На территории Приморского края зарегистрированы 23 некоммерческие организации, объединяющие коренные малочисленные народы Приморья, в том числе удэгейцев, нанайцев и тазов. Среди них – 15 общин, 7 общинных организаций, 1 союз. Деятельность организаций направлена на сохранение и развитие культуры коренных малочисленных народов, традиционных видов хозяйственной деятельности (охоты, рыболовства, сбора дикоросов), экологического и охотничьего туризма. Однако ни одна из отмеченных общин или иных хозяйственных организаций не относится к процветающим предприятиям. Рассмотрим особенности аборигенного населения каждого района края. В Красноармейском районе дисперсно проживают иманские удэгейцы *имангка*. До начала 1970-х годов иманские удэгейцы в количестве до 130 человек проживали в с. Санчихеза (с 1969 г. пос. Островной). В начале 1970-х годов на государственном уровне было принято решение о строительстве Дальнереченского энергетического комплекса (Иманская ГЭС). В зоне предполагаемого затопления был вырублен и вывезен весь товарный лес, а коренные жители с. Санчихеза разъехались по району и стали жить небольшими группами в разных поселениях. В конечном итоге Иманская ГЭС не была построена, но удэгейский посёлок перестал существовать, а вместе с посёлком перестала существовать и некогда единая группа иманских удэгейцев. В настоящее время иманские удэгейцы обитают в пос. Рощино (58 чел.), Новопокровка (13 чел.), Тимохов Ключ (10 чел.), Мельничное (16 чел.), Богуславец (10 чел.), Вострецово (3 чел.), Дальний Кут (12 чел.) Несколько человек осталось в с. Санчихеза, основавших хуторские поселения. Там они занимаются сельским хозяйством.

В связи с тем, что у иманских удэгейцев нет своего поселения и национальных охото-промысловых хозяйств, они лишены возможности заниматься традиционными видами хозяйства – охотой и рыболовством, потому что все охотничьи участки в Красноармейском коопзверпромхозе были заняты русскими промысловиками. По этой причине многие иманские удэгейцы стали устраиваться на работу в другие сферы районного хозяйства. Большинство аборигенов работает в Рощинском леспромхозе, в геологической экспедиции, в других организациях и учреждениях. Некоторые стали заниматься и любительской охотой на пушного и копытного зверя, которая в условиях безработицы для многих аборигенных семей стала практически единственным источником жизнеобеспечения. Однако тут же возникла другая проблема – отсутствие рынка сбыта охотопромысловой продукции, потому что с падением СССР были ликвидированы все национальные предприятия и аборигены были вынуждены реализовывать продукцию частным лицам, что было крайне невыгодно для аборигенного населения. Требовалась национальная организация, через которую можно было бы реализовывать свою продукцию. Для этого в 2000 году была образована родовая кочевая община «Удэге», включившая в свой состав более 140 человек (в списках не только удэгейцы, но и представители других национальностей края).

Организация «Территориально-соседская община коренных малочисленных народов Приморского края «Удэге» зарегистрирована 19 января 2003 года, получив соответствующие документы и юридическую прописку. Основным видом деятельности является охота, отлов и отстрел диких животных, включая предоставление охотопромысловых услуг для туристов. Компанию возглавляет Кялунзига Татьяна Александровна. Однако эта община практически влечит жалкое существование, потому что она практически не имеет прибыли. Например, за 2015 год финансовая прибыль компании составила всего 1 тыс. руб. [15]. При создании общины преследовалась цель возрождения и объединения удэгейского этноса в Красноармейском районе путем создания совместного охотничьего хозяйства в р-не сел Дальний Кут, Дерсу и Островное, в котором осталось меньше десятка жителей. Однако уже на следующий год возник конфликт между удэгейцами района: представляемые общине «Удэге» бесплатные круглогодичные лицензии на охоту и квоты на ловлю красной рыбы рядовым удэгейцам не давались, а стали предметом торговли. Возникший конфликт привел к созданию другой общины «Буа Хони», объединившей 92 семьи из преимущественного числа удэгейцев и русских, проживающих в районе.

Семейная Община "Буа хони", русский перевод которой, как утверждают удэгейцы, соответствует понятию «дикая тайга», зарегистрирована по адресу: 692180, Приморский край, Красноармейский р-н, с. Рошино, мкр. 1-й, д. 8, кв. 2. Председателем организации «Общественная организация коренных малочисленных народов (семейная община) Красноармейского района Приморского края "Буа хони"» стала Габова Валентина Владимировна. Основным видом деятельности общины является популяризация удэгейской национальной культуры Приморского края. Члены семейной общины «Буа хони» в пос. Рошино проводят специальные занятия по истории и национальной культуре удэгейцев. Все члены семейной общины «Буа хони» находятся в родственных отношениях и их объединяют не только семейные узы, но и активная общественная деятельность по сохранению традиций своего народа. Участники семейно-родовой общины шьют костюмы, делают амулеты из рыбьих костей и др. материалов. Инициатором создания общины стала удэгейка Елена Ильичёва (девичья фамилия Кялундзига). Она продолжила дело своей тети. На каждом занятии члены общины изучают какой-либо национальный бытовой предмет и по его образцу делают копии. Так, например, Андрей Кялунзига освоил изготовление национальной обуви *унгта-тени*, которые специально приспособлены для ходьбы по глубокому снегу и речному льду. Другие члены общины специализируются по пошиву национальной одежды и изготовлению разных сувениров. Так, благодаря отдельным инициаторам из числа иманских удэгейцев, в пос. Рошино продолжают сохраняться народные традиции малочисленного этноса.

В декабре 2015 г. был принят Закон Приморского края № 742-КЗ «О коренных малочисленных народах Российской Федерации, проживающих в Приморском крае». «Настоящий Закон определяет полномочия органов государственной власти Приморского края в сфере защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих в Приморском крае, а также устанавливает виды государственной поддержки коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих в Приморском крае» [14]. Члены семейной общины выражают надежду, что после принятия этого Закона они могут рассчитывать на то, что их работа будет поддержана средствами из краевого бюджета. Тем более что общественная деятельность семейно-родовой общины удэгейцев из Рошино хорошо известна не только местным жителям, но и туристам, которые приезжают из разных регионов страны и посещают парк «Удэгейская легенда», функционирующий здесь же, в Красноармейском районе.

Удэгейцы, проживающие в пос. Рошино, активно участвуют и в работе Ассоциации коренных малочисленных народов Приморского края. Они на крупных мероприятиях края и

района часто устраивают выставки, отражающие традиционную культуру удэгейцев, и тем самым активно пропагандируют самобытность своего этноса. В современных условиях сохранять национальные особенности традиционной культуры КМНС очень сложно, поэтому иманские удэгейцы из пос. Рошино используют все возможности для поддержания национальной культуры и развития традиционных промыслов – охоты, рыболовства и таёжного собирательства [10]. Существует в Красноармейском районе и туристический комплекс, известный под названием Национальный парк «Удэгейская легенда». Он был создан в 1997 году для сохранения природы западного макросклона Сихотэ-Алиня, возрождения этнической культуры иманских удэгейцев и развития экологического туризма, а также вовлечения местного населения в природоохранную деятельность. Площадь парка составляет 88,6 тысяч га.

Уникальность и мировая значимость природного комплекса, именуемого Уссурийской тайгой, определена здесь, прежде всего, насыщенностью эндемиками¹ и реликтовыми видами всех форм биологической жизни. Это связано со спецификой геологического развития региона. Историческая эпоха оледенения не имела здесь катастрофических последствий, а лишь способствовала росту видового разнообразия. Помимо прекрасных ландшафтов, территория богата объектами, представляющими научно-познавательную ценность для археологов, этнографов, геологов, палеонтологов и многих других специалистов, занимающихся изучением биоразнообразия Уссурийской тайги и ее коренного населения, известного с эпохи средневековья под этнонимами *воцзи, илоу, угги, уцзи, удаха, удига, уди, удэ, удэхе*, т. е. лесные люди *удэгейцы*. На территории национального парка расположено множество достопримечательностей, интересных для посещения туристов и изучения геологических особенностей края, культуры народов средневековых времён и истории современных удэгейцев.

В урочище «Забывтое», на склоне сопки, в терригенных отложениях и свалах посетители могут увидеть топазы и аквамарины, друзы мориона и кварца. Туристы большое внимание уделяют наличию в терригенных отложениях друзам мориона. Наряду со многими сверхъестественными достоинствами, считается, что морион, обладая лекарскими способностями, «помогает избавиться от наркотической зависимости любого уровня и класса, врачует кровь, помогает при тяжелейших инсультах и инфарктах, рассасывает сгустки крови в кровеносных сосудах, выводит из организма шлаки, с которыми не справляются почти никакие препараты. Он великолепно помогает при заболеваниях опорно-двигательного аппарата и укрепляет позвоночник. Морион собирает негативную энергию и преобразует, но не накапливает ее в себе, однако всё же этому камню надо устраивать почаще холодные проточные процедуры. Черный кварц обладает силой убивать раковые клетки и выводить их из организма, он сжимает опухоль, иссушает ее, размалывает и удаляет» [11].

На территории национального парка Удэгейская легенда создана экспозиция средневекового городища Бохайского периода. В экспозиции археологического памятника демонстрируется жилище, наполненное оригинальными предметами бытовой культуры средневекового человека. Эта экспозиция представляет большой интерес не только для специалистов – археологов и этнографов, но и для тех, кто интересуется историей Дальнего Востока [12].

В Красноармейском районе имеются и другие достопримечательности: в районе Санчихезского ключа в 10 км от бывшего пос. Островного (с. Санчихеза) в северо-восточной стороне стоит в виде клыка 40-метровая священная скала Гугя, в глубине которой якобы помещается окаменевшая фигура святого человека по имени Гугя, оказывавшего помощь всем нуждающимся людям [9, л. 71–77].

В 9 км от села Дальний Кут на склоне горы Заманиха (1118 м) находится одно из священных мест иманских удэгейцев урочище «Самади бя» («Стойбище шамана»). Тропа к этому месту проходит по пойме и террасе ключа Громов. На тропе можно увидеть купальни диких кабанов, следы изюбрей, косуль, медведей. Само урочище расположено в верховье

¹ Виды редких животных или растений на ограниченной территории.

ключа и представляет собой группу скальных останцев, расположенных по обе стороны распада. Высота останцев от 20 до 110 м, и каждый из них имеет причудливое изображение. В этом же районе на р. Иман имеются скальные обнажения «Бохо» или так называемые скалы «Дед и Баба», находящиеся у подвесного моста. По рассказам старожилов, это место стало использоваться для проведения культовых обрядов и ритуалов после того, как здесь погибли удэгейцы и русский строитель. История этого случая гласит так: «Раньше в этом месте скал не было. Здесь жила семья удэгейцев: отец, мать и сын. Родители очень любили своего единственного сына. Однажды сын пошёл ловить рыбу и утонул. Узнав об этом, родители окаменели от горя и превратились в скалы» [1, с. 241]. Эти скалы и сейчас стоят на том месте, где стояла фанза стариков.

Еще в 1930-е годы между скалами стояла кумирня, у которой удэгейцы молились и просили у местных божеств здоровья и удачи в промыслах. Однажды один из молодых удэгейцев усомнился в святости этих скал и решил разрушить их. Он залез на скалу «Деда» и стал расшатывать камень, похожий на голову. «Тут «Дед» мотнул головой и сбросил с себя удэгейца, который упал вниз и разбился. После этого случая все стали ещё больше молиться этим скалам. Так продолжалось до тех пор, пока между берегом Имана, где стояли скалы «Дед и Баба», и противоположным берегом стали строить подвесной мост. Русские строители, возводившие мост, стали смеяться над удэгейцами и убеждать их, что бога нет. Удэгейцы предупредили их, чтобы они не трогали священные скалы, в противном случае местные божества накажут виновных. Один из русских строителей, взрывник, посмеялся над стариками-удэгейцами, заложил шашку тола под голову «Деда» и взорвал ее, образно сказав этим, что сверхъестественных духов Природы нет, а священные скалы – это обычные камни. Но не прошло и недели, как этот парень на глазах у всех утонул в реке. Его наказали местные боги, говорили мне старики из с. Санчихеза – Сергей Монгулеевич Пеонка, Мусса Кялундзига, Мария Сигдэ и др. [6].

Не менее почитаемой священной скалой является и «Орочонский Бог» на р. Арму. Урочище «Орочонский Бог» представляет собой скалу, торчащую прямо из прозрачной горной реки Арму. Это одно из мест культового поклонения удэгейцев. «Одной из загадок «Орочонского Бога» является то, что он постоянно меняет свои очертания. То он напоминает голову с характерными азиатскими чертами лица, то смотрящего в небо кощея, то вдруг становится похожим на медведя или собаку. Каждый раз он предстает перед вами в новом образе. «Никто не должен знать истинного лица нашего Бога» – говорят удэгейцы. К этой скале удэгейцы ходят молиться духам и просить их о заступничестве и избавлении от болезней» [16].

Одноимённая с рекой гора Арму (1330м) – самая высокая точка национального парка «Удэгейская легенда». Она, находясь на его южной границе, отлично подходит для обустройства видовых площадок.

По этнографическим данным, скальные обнажения «Бохо» или так называемые у русских «Дед и Баба» на въезде в парк и урочище «Гугя» в среднем течении ключа Островной, в прошлом использовались для проведения культовых обрядов и ритуалов. Однако в наши дни культ поклонения этим скалам утратил своё значение, потому что некогда единая и сплочённая группа иманских удэгейцев, обитавшая в пос. Санчихеза (с. Островное), в наши дни не представляет единого целого. Иманская группа удэгейцев разобщена, потому что трудоспособные люди численностью по 2–3 человека работают в разных трудовых коллективах русских селений. Таким образом, в наши дни иманская этническая группа удэгейцев ни в этническом, ни в хозяйственном отношении, из-за своего дисперсного расселения уже не представляет особого научного интереса. Представители иманской группы в наши дни отличаются от русских только внешними антропологическими особенностями азиатского характера, а

культура и язык удэгейцев уже практически ничем не отличаются от языка и бытовой культуры русских.

В Пожарском районе компактно проживают бикинские удэгейцы *бикингка* в пос. Красный Яр и Олон. Отдельные представители из числа удэгейцев и нанайцев обитают в селениях Верный Перевал, Охотничьем, в г. Лучегорске и др. местах. В посёлке Красный Яр и Олон вместе с удэгейцами проживают и бикинские нанайцы, которые в настоящее время практически ничем не отличаются от удэгейцев за исключением разных фамилий. Можно с уверенностью говорить, что удэгейцы и нанайцы Красного Яра составляют единую социально-экономическую и культурную общность, обусловленную единым воззрением на природу и естественно-бытовыми потребностями. Местному населению живётся очень трудно и сложно. В селах нет работы, люди живут только охотой да рыбалкой. Большие осложнения наблюдаются и в области охотопромысловой деятельности. С одной стороны, с созданием национального парка «Бикин» многим удэгейцам осложнился вход в тайгу, а с другой стороны, они не могут заниматься охотой, потому что нет специализированного предприятия, которое заменяло бы деятельность бывшего Госпромхоза «Пожарского», куда охотники сдавали пушнину – белок, соболей, и мясо копытных животных. Это был стабильный заработок для каждой семьи.

В селе Красный Яр Пожарского района создан и работает этнокультурный центр. В его структуру входят музей под открытым небом – стойбище удэге, этнографический музей, сувенирно-пошивочный и столярный с обработкой твердых материалов – дерева, кости, металла. Удэгейские мастера создают ритуальные скульптуры больших и малых форм (фигурки тигра, собаки, человека, птицы и др.), украшают резьбой предметы материального быта (столики для еды и разделки мяса и рыбы, поварёшки, кроильные доски, палки для накомарников), рукоятки орудий труда (шилъя, перемычки, в оморочках, весла и др.) [5, с. 110]. Эта организация не только обеспечивает часть населения Красного Яра и Олона работой, но и занимается сохранением национальной культуры и традиций удэгейцев и бикинских нанайцев.

В Тернейском районе компактно проживают самаргинские удэгейцы *самаргингка*. Это наиболее стабильная и чистая в этническом отношении группа, хотя и самаргинские удэгейцы почти наполовину разбавлены славянской кровью. Однако самаргинские удэгейцы в общей массе даже зрительно антропологически отличаются от иманских и бикинских удэгейцев. Они более сухощавы и скуласты в отличие от удэгейцев других этнографических групп. Эта антропологическая особенность обусловлена тем, что бассейн Самарги в территориальном и этническом отношении не является проходным двором. Бассейн Самарги, в отличие от континентальных рек Имана, Бикина, Уссури и др. оказался в стороне от миграционных путей тунгусоязычных и иных этносов Приморского края, что и явилось в определенной мере причиной сохранения этнической чистоты.

В Ольгинском районе, в основном в с. Михайловка проживают тазы. Они также живут и в других населенных пунктах Ольгинского района: Горноводном, Милоградово, Маргаритово, Пермском, Николаевке, Веселом Яре, Ракушке и в Тимофеевке. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность тазов составляла 274 человека, из них 253 человека проживали в Приморском крае [5, с. 117]. В литературе XIX в. тазы известны под названиями тадзы, тацзы, дацзы, тазы или орочи, тазы или удихэ и др.

В селе Михайловке с 2000 г. функционирует семейная община «Чин сан», что означает «Чистые горы». На территории семейной общины располагается три населенных пункта: с. Михайловка (154 чел.), с. Фурманово (110 чел.), с. Молдавановка (20 чел.) и несколько семей райцентра Ольги [2, с. 21]. Семейная община осуществляет функции первичной организации Общества охотников и рыболовов, в котором на учете состоит 86 чел. Тазы основные задачи предприятия закрепили в Уставе своей общины. К ним относятся: содействие возрождению, развитию и сохранению национальных традиций, языка, культуры, медицины и быта; орга-

низация охраны, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, которые являются основой жизнедеятельности местного населения [8].

За хозяйством семейной общины «Чин Сан» Комитет по природным ресурсам администрации Приморского края, для ведения промысловой деятельности, закрепил территорию общей площадью 83,6 тыс. га, сроком до 18 сентября 2025 г. Одновременно управлением по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Приморского края хозяйству выдана долгосрочная лицензия на пользование объектами животного мира. Однако охотопромысловая деятельность общины ограничена политикой Ольгинского лесхоза, который, пользуясь несовершенством российского законодательства, все охотопромысловые территории традиционного природопользования (ТПП), закрепленные Комитетом по природным ресурсам Приморского края за этим хозяйством, сдал в аренду лесозаготовителям.

В Ольгинском районе существует и община «Родник», руководителем которой является один из коренных жителей края – удэгейец Валентин Владимирович Андрейцев. В разговоре на тему о развитии хозяйственной деятельности общины Андрейцев сообщил: «Основная проблема коренных народов – отсутствие помощи в экономическом развитии. Нужна финансовая поддержка краевых властей для развития культуры и экономики. В этом году были выделены очень маленькие квоты на добычу водных биоресурсов, только для личного потребления. Не получается даже что-то реализовывать. С каждым годом квоты все меньше и меньше, а краевые власти идут на контакт не очень охотно. Но мы надеемся, что выход найдётся».

Национальная община Родник в плане сохранения национальной культуры удэгейцев ведет большую работу и пытается в Ольгинском районе организовать музей «ТЭМУ» под открытым небом. Уже создана предпроектная документация, собраны необходимые сведения для строительства этого музея, выделен специальный участок под постройки [15]. Однако строительство этнокультурного центра на р. Аввакумовке в Ольгинском районе затрудняется отсутствием денежных средств, потому что община сама еле сводит финансовые концы с концами, а помощи от государственных органов нет.

В заключение следует сказать, Общий взгляд на культуру и историю удэгейцев показал, что в годы постсоветского периода в культуре аборигенов Приморского края произошли существенные изменения как в хозяйственной деятельности, так и бытовой культуре. Однако следует особо подчеркнуть, что в Российской Федерации проблема жизнеобеспечения КМНС пока остается ещё нерешенной. «Общей проблемой, отмеченной в рамках всех исследований, даже там, где признается соответствующий статус коренных народов, является политика дискриминации и маргинализации коренных народов с точки зрения прав на землепользование и управление природными ресурсами. Даже там, где исторические факты свидетельствуют о том, что коренные народы являются исконными обладателями прав на те или иные виды ресурсов, они игнорируются, и процесс отчуждения земель коренных народов продолжается» [3, с. 19].

Кроме этого, сотрудники Института истории обоснованно считают, что при определении права владения ТПП необходимо установить точные критерии, общеобязательные для всех субъектов Российской Федерации, сталкивающихся в сфере прав владения ТПП [7, с. 618]. Аналогичную мысль высказывал и известный специалист в области демографии, экономической географии и развития населения в районах Севера, – директор Камчатского филиала Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук Р.С. Моисеев¹. Он особо отмечал, что в области закрепления ТПП за аборигенами Дальнего Востока необходимо учитывать точное распределение функций между общностью народов Севера, системой государственных органов управления и судебных органов, обес-

¹ К сожалению, Роберт Савельевич Моисеев 7 декабря 2007 г. скоропостижно скончался.

печивающих права владения государственными методами, через аппараты контроля, принуждения, насилия, судебного разбирательства и т.п. [4, с. 90].

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амура-Сахалинского региона. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 487 с.
2. Захаренко Г., Новиков В. На своей земле // Дальневосточные ведомости. – 2003. – 29 янв. – февр. – № 7. – С.21.
3. Курилова И. «Территории, земли и природные ресурсы»: Специальная тема 6-й сессии постоянного форума ООН по вопросам коренных народов // Мир коренных народов: Живая Арктика / Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – М., 2008. – № 21. – С. 17–19.
4. Моисеев Р.С. Некоторые вопросы управления развитием северных районов России в конце XX века. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор. Кн. изд-во, 1999. – 110 с.
5. Народы Приморского края. Иллюстрированный историко-этнографический справочник. Специальный выпуск. Приморье: народы, религии, общество / отв. ред. Г. Г. Ермак, Т. И. Табунщикова. – Владивосток: Изд-во «48-часов», 2016. – 172 с.
6. Старцев А.Ф. Конец легенды // Красное знамя. – 1971. – 1 декабря.
7. Старцев А.Ф. Социально-экономическая политика государственных органов управления и ее результаты в культуре хорских удэгейцев // Регионы нового освоения: экологические проблемы, пути решения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, Хабаровск, 10–12 окт. 2008 г. в 2 кн. – Хабаровск: ДВО РАН, 2008. – С. 614–619.
8. Улайси Т. Село встречает юбилей: К 80-летию Ольгинского района // Заветы Ленина. – 2006 – 16 марта.
9. Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 45. (Материалы А.Ф. Старцева. 165 л.)
10. Вести Приморья. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestiprim.ru/2016/04/23/v-poselke-roschino-na-specialnyh-zanyatiyah-znakomyat-s-kulturoy-udegeycev.html#> (Дата обращения 20 марта 2018 г.)
11. Морион друза. [Электронный ресурс]. URL: magic-arsenal.com/morion-druza – (Дата обращения 9 января 2019 г.)
12. Национальный парк «Удэгейская легенда» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ud-legenda.ru> (Время обращения 12 сентября 2016 г.)
13. Новости Владивостока на VL.Ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2015/11/01/140783/#ixzz4wgqspuV4> (Время обращения 12 сентября 2016 г.)
14. О коренных малочисленных народах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: primorsky.regnews.org/doc/mq/40.htm (Дата обращения 9 января 2019 г.)
15. Организация родовая кочевая община «УДЭГЕ» // list-org.com/company/2770460 – Электронный ресурс. Время обращения 27 октября 2017 г.
16. Урочище «Орочонский Бог» [Электронный ресурс]. URL: ud-legend.ru/Парк_Удэгейская_легенда. (Дата обращения 9 января 2019 г.)



Ткачѳв Сергей Викторович, кандидат политических наук,
заведующий политехническим музеем Учебно-научного музея
Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, РФ).
sertk@mail.ru

Ткачѳва Наталья Николаевна, кандидат политических наук,
доцент департамента психологии и образования
Школы искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, РФ).
nataltk@mail.ru

КИТАЙЦЫ В УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ (РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ, ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ) (XIX - нач. XX вв.)

УДК 392

Аннотация. С момента присоединения Уссурийского края к Российской империи в 1860 году китайцы рассматривались властями исключительно как «вредный» элемент колонизации края. И такой подход полностью поддерживается в среде местных чиновников и военно-служащих. Отчасти это объясняется ощущением «желтой угрозы». С другой стороны, славянские поселенцы в Уссурийском крае непосредственно конкурировали с китайцами за одни и те же сельскохозяйственные угодья. Кроме того, китайские подданные не подчинялись требованиям российских властей, их сложно было контролировать. Особо отмечалось, что китайцы в бесчеловечной форме эксплуатируют аборигенов края. Хотя реальные взаимоотношения между аборигенным и пришлым населением были гораздо более сложными. В данной работе мы покажем, как были распространены китайцы в Уссурийской тайге, а также попытаемся дать объективную оценку экономическому и культурному влиянию китайцев в Уссурийской тайге в XIX – начале XX вв. В качестве основных источников были использованы статистические материалы В.Н. Висленева (1884), в значительной степени неопубликованные полевые дневники В.К. Арсеньева (1906–1909), а также малоизвестная работа С.Н. Браиловского «Тазы или Удиһе» (1902). Здесь также стоит отметить, что, несмотря на обширную литературу, представляющую данную тематику в отечественной историографии, всестороннее рассмотрение вопроса роли китайцев в рассматриваемом регионе ещё далеко до своего окончательного разрешения.

Ключевые слова и фразы: Уссурийский край, китайцы, коренное население, брак, виды хозяйственной деятельности, демография.

Sergei Tkachev, Cand. Sc. in Politics,
Head of Polytechnic Museum of Art and Humanity School
of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).
sertk@mail.ru

Natalia Tkacheva, Cand. Sc. in Politics,
Associate Professor of Psychology and Education Department of Art and Humanity School
of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).
nataltk@mail.ru

CHINESE IN THE USSURI TAIGA (GEOGRAPHIC DISTRIBUTION,

TYPES OF ACTIVITIES, INTERETHNIC RELATIONS) (XIX - beg. XX cent.)

Abstract. *Since the Ussuri region joined the Russian Empire in 1860, the Chinese was considered by authorities exclusively as a 'harmful' element of the colonization of the region. And this approach is fully supported among local officials and military personnel. This is partly due to the feeling of a 'yellow peril'. On the other hand, Slavic settlers in the Ussuri region directly competed with the Chinese for the same agricultural land. In addition, Chinese subjects did not obey the requirements of the Russian authorities, they could not be controlled. It was especially noted that the Chinese in inhuman form exploit the aboriginal. However, the real relationship between the aborigines and the Chinese was much more complicated, especially in the cultural sphere.*

The purpose of this work is to give the picture of their geographic distribution and an objective assessment of the influence of the Chinese in Ussuri region in the pre-revolutionary period. The authors of this article use the census of Vislnev (1879), largely unpublished field diaries of Vladimir Arsen'ev in 1906-09, as well as the little-known work of Sergei Brailovsky 'Tazy or Udihe' (1902) as the main sources.

Key words and phrases: *Ussuri area, Chinese, indigenous people, marriage, economic activities, demography.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-009-00393)

Численность и география расселения китайцев в Уссурийской тайге

Существуют противоречивые мнения о первом появлении китайцев в регионе. Разумеется, они издавна проникали в этот регион, но все же относительно периода до начала XIX века можно с достаточной уверенностью говорить о том, что значительной хозяйственной деятельности они здесь не вели. К началу этого века Уссурийская тайга была весьма редко заселена аборигенами тунгусо-маньчжурского происхождения; периодически здесь появлялись маньчжуры. Существует мнение о том, что часть местных племён откочевывали на территорию Северного Китая и много позже, уже практически полностью перейдя на китайский язык, возвратились обратно, что объясняет появление т.н. «тазов» (Палладий, Браиловский).

Русские встретили здесь китайцев в конце 1850-х гг. Причем последних было уже много. Например, М.И. Венюков в 1858 г. наблюдал колонии китайцев-земледельцев на реках Фудзу (ныне – Павловка) и Лифула (или Тадуши (Тазуши), ныне – Зеркальная). «В живописной долине вокруг нас паслись стада жителей берегов Лифулэ. Эти стада состояли из лошадей и коров» [10, с.60]. Через несколько дней Венюков отравился после обеда в доме очень гостеприимного китайца, «который непременно требовал, чтобы употреблять для пищи его припасы» [10, с.62-63]. И.Надаров, говоря о присутствии китайцев в крае до 1860 г., ссылается на астронома Гамова, путешествовавшего по краю в 1859 г., Р.К. Маака (1859–1860) и А.Ф. Будищева, насчитавшего в 1860 г. на своём пути 231 фанзу и 11 скоплений фанз [16, с.2]. Подтверждают наличие китайцев в регионе и официальные карты [12], [13], [14].

О длительности проживания китайцев в Уссурийском крае косвенно свидетельствует и появление «тазов» – особой группы сильно китаизированного коренного населения. «Если принять во внимание большое число манз, – отмечал Л.И. фон Шренк, исследовавший регион в 1850-е гг., – и то обстоятельство, что только мужчины переселяются из своей китайской родины в эту дикую местность и здесь вступают в брак или живут в конкубинате с ороческими женщинами, то легко представить себе, какое важное влияние на физические свойства, равно как и на образ жизни, нравы, характер и даже язык орочей должно было иметь в течение времени сожительство с ними манз. Их обыкновенно означают и особым названием, данным им китайцами, – тац-дзе, а с русским окончанием: тацзы или тазы, причём даже не

всегда признаётся тождественность их с орочами» [23, с. 23]. Таким образом, китайцы находились на этой территории достаточно долго, чтобы изменить язык, культуру и антропологический тип коренных жителей.

Можем ли мы назвать дату появления китайцев в крае более точно? Арсеньев появление в Уссурийском крае китайцев относит примерно к 1830-м гг. («лет за тридцать до русских») [8, с.19.]. Впрочем, в более ранней работе Арсеньев признает, что красочно описанная им встреча китайцев с аборигенами произошла в верховьях Уссури [2, с.47], и, на наш взгляд, аппроксимировать время появления китайцев в Уссурийском крае на всю его территорию, исходя только из одного локального свидетельства, не корректно.

Надаров, в свою очередь, указывает 1802 г. как дату прибытия в край одного китайца и в 1807 г. – другого. У Висленёва же более консервативная, но и более оправданная (см. более подробно [21]) крайняя нижняя дата – 1819 г. (год прибытия в край китайца У Чен Шю, которому в 1879 г. было 86 лет). Также в переписи Висленёва мы находим в Сучанском округе «потуйзу» (дочь китайца и аборигенки), родившуюся в 1818 или 1819 году, что доказывает (хотя и косвенно) присутствие китайцев в Уссурийском крае уже во 2-м десятилетии XIX в.

Относительно численности китайского населения в Уссурийском крае имелись весьма смутные представления. Е.А.Нестерова приводит следующие оценочные мнения исследователей края того времени: «Исследователи по-разному оценивали численность китайцев в Уссурийском крае в конце 60-х – начале 70-х гг: Палладий говорил о 40–50 тыс. человек, М. И. Венюков и А. А. Алябьев считали, что их не более 2 тыс., Н. М. Пржевальский допускал цифру 4–5 тыс. человек, П. А. Гельмерсен – от 5 до 7 тысяч.... А. Ф. Будищев свидетельствовал, что на всем огромном пространстве описываемого края всех местных жителей (гиляков, орочей, китайцев, гольдов) едва ли насчитывается более 10 тысяч человек [17, с.71].

Наиболее точные данные мы находим в переписи надворного советника Висленева (1879 г.), охватившей все инородческое население Южно-Уссурийского края поимённо [15]. Согласно этой переписи в крае (без Владивостока) проживало 5268 китайца в 966 фанзах.

В каком возрасте прибывали в край китайцы? В переписи Висленева мы находим такую ситуацию: Лю-бан-джин (66 лет) появился в этих местах 38 лет назад в 1841 г.; в данный момент он – «компаньон» Ма-ди-шана, владельца фанзы в Сучанском округе. 10 лет назад (в 1869 г.) Лю привез с собой двух сыновей Лю-тин-ан и Лю-тин-сян, старшему тогда было 8 лет, младшему – 5. Это минимальный достоверный возраст прибытия китайцев в переписи Висленева. Однако в край приезжали и пожилые китайцы. Так, в 1878 г. вместе с Чау-тин-ляном (52 года), который организовал фанзу в долине р. Сучан, прибыл и его отец Чау-луй (75 лет). А в Ханкайском округе на фанзе Хан-мин-уу находим китайца Ко-шана (88 лет), появившегося в этих местах также в 75-летнем возрасте. Т.е. природные условия Южно-Уссурийского края позволяли людям самого разного возраста (от 5 до 75 лет) не только переселяться и выживать здесь, но и доживать до глубокой старости.

Китайцы в регионе на момент переписи Висленёва были весьма своеобразной группой. Её специфика заключалась в следующем:

- отсутствуют женщины;
- нет детей (имеются в виду этнические китайцы);
- большое число людей преклонного возраста.

Средний возраст китайцев в крае 45 лет (во Владивостоке несколько меньше). При этом необходимо отметить, что достаточно большую часть группы составляют мужчины старше 60 лет (12,74%). Для сравнения в когорте крестьян первого организованного переселения в край крестьян из Малороссии в 1883 году мы наблюдаем очень невысокий средний возраст (21 год), при этом большое количество детей, гендерное равновесие, ограниченное число представителей преклонного возраста [20]. По той же переписи Висленёва в 1879 году средний возраст проживающих в крае корейцев составлял 27 лет, а аборигенов – 22 года.

Постепенно численность китайцев и в Южно-Уссурийском крае, и в целом на российском Дальнем Востоке увеличивалась, достигнув своего максимума в 1908 году (69340 человек в Приморской области [11, с.174]). Причём большинство их сосредотачивалось уже в городах на юге области.

Анализ картографического и статистического материала позволяет сделать несколько выводов о географическом распределении китайцев в Уссурийской тайге. Первые фанзы образовывались на значительном расстоянии от границы края (учитывая рассматриваемый период, корректнее сказать – от контроля цинского государства, т. к. граница была обозначена только в 1860 г.) – как минимум на 56 км в глубь современной территории Приморья и не менее чем в 11 км от морского побережья. Эта информация подтверждается историческими источниками. В частности, удаление от цинского государства объясняется стремлением скрыться, свойственным беглым преступникам, как часто характеризовали китайцев-первопоселенцев, а исключение побережья как места проживания подтверждает, например, Л. И. Шренк: «Непосредственно на берегу моря китайцы селятся редко, потому ли, что не хотят быть замеченными со стороны моря, или же, чтобы избежать непосредственного влияния морского климата, сильных ветров и т.п.» [23, с.66]. Характерно, что русские поселенцы также избегали морского побережья и, вообще, выбирали схожие с китайцами ландшафты для сельскохозяйственной деятельности. Эта «экологическая» конкуренция способствовала развитию устойчивых во времени взаимных фобий (см. более подробно [22]).

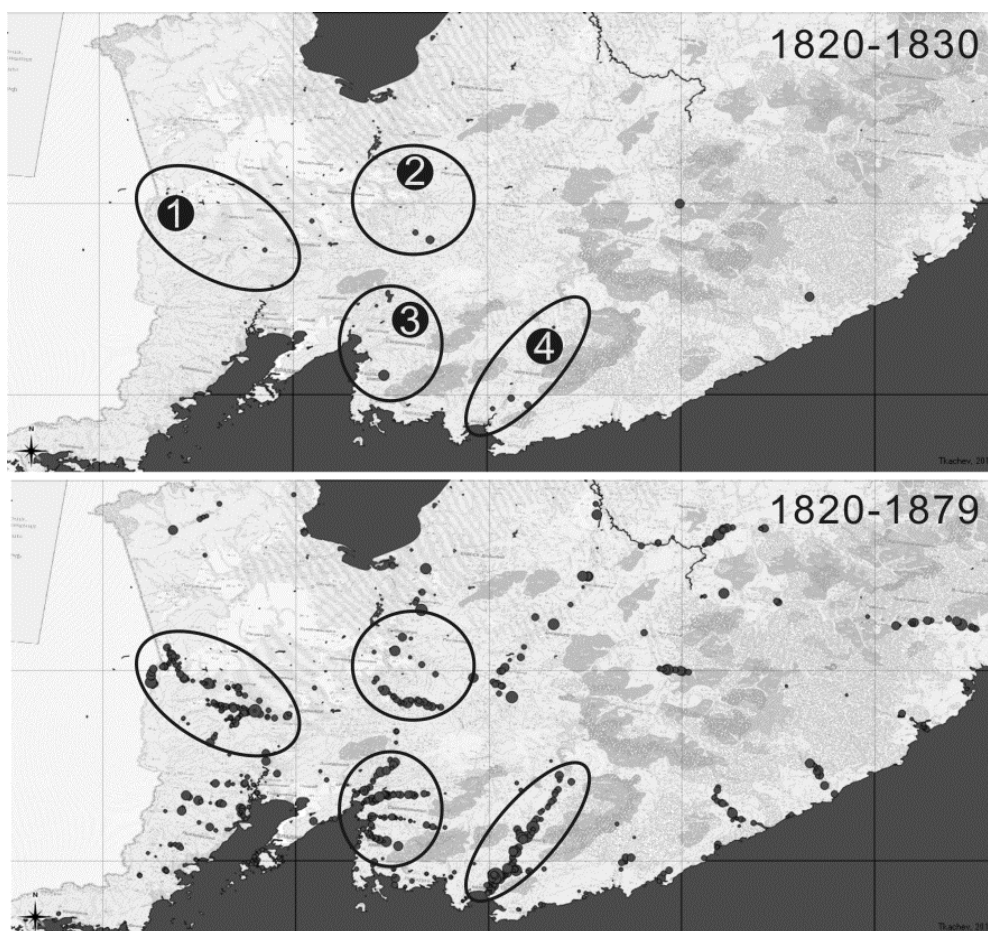


Рис. 1. Распространение китайских фанз в Южно-Уссурийском крае: по данным 1879 г. (внизу); реконструкция периода 1820–1830 годов (вверху). Цифрами обозначены районы скопления китайских фанз, названные условно по крупнейшим рекам: 1) Суйфун, 2) Лефу, 3) Цимухэ, 4) Сучан.

Расположение первых 14 фанз заложило основу четырех наиболее крупных районов края по рекам Суйфун, Цимухэ, Лефу, Сучан, в последующем заселенных китайцами. Стоит отметить, что на территории каждого из этих районов позднее (с 1860-х годов) появилась по меньшей мере одна крупная корейская деревня. К 1879 г. сформировался пятый крупный район в междуречье Улахэ–Даубихэ (Уссури–Арсеньевка). Китайские поселения в этом последнем районе мы видим уже в 1830-е годы (что согласуется с информацией Арсеньева, прокомментированной выше), но заметный «скачок» в их распространении наблюдается в 1860-е годы.

Небольшие участки, освоенные китайцами в бухтах Св. Ольги и Св. Владимира, фиксировались в крае с 1840-х годов, однако «скачок» в появлении китайских поселений на побережье Японского моря (в т. ч. на о. Русском) произошел лишь в 1850-е годы. В 1860-е годы расположение китайских фанз в крае почти не менялось. С 1870-х годов происходит лишь укрупнение уже существующих при весьма умеренном географическом распространении. Новые фанзы не занимают неосвоенные районы, а располагаются рядом со старыми, используя имеющийся резерв территорий и почв. В последующие годы происходит заселение этих мест. Массовый приток в край китайцев, наблюдавшийся в 1873–1877 гг., приводит не столько к росту количества фанз, сколько к увеличению числа людей, проживающих на них.

Можно сказать, что в крае формируются своеобразные китайские экономические «кластеры». Район Суйфуна и прилегающей к нему с юга Посьетской округе, заселенной китайцами, специализировался на производстве сельскохозяйственной продукции, включая ханшин (китайская водка), по-видимому, он в значительной мере ориентировался на рынок Владивостока и Никольского. Район Сучана также производил сельскохозяйственную продукцию, но для внутреннего потребления. Здесь было сконцентрировано большое число промысловиков, обменивающих свою сезонную добычу на жилье и пропитание. Добыча вывозилась в Китай через систему китайских «торговых станций». Смешанный характер имели «кластеры» в районах Цимухэ и системы Улахэ – Даубихэ, где производилось и зерно на продажу, и аккумулировалась добыча таежных промыслов; при этом транзитное положение «кластеров» на основных торговых путях из Южно-Уссурийского края в Маньчжурию и Хабаровку давало им дополнительные экономические выгоды.

Виды деятельности китайцев в Уссурийской тайге и их взаимоотношения с индигенным населением

Уссурийский край, далёкий от контроля цинских властей, богатый и слабозаселённый был для китайцев местом, где можно быстро разбогатеть. Красноречивое подтверждение этой мысли находим у арх. Палладия «Один пожилой прислужник постоялого двора рассказывал мне о своём путешествии в Уссурийский край, куда он ходил на заработки, и описывал дремучие леса, высокие горы и болотистые равнины, которые заграждают путь в этот золотой край (бао ди); зато в один год смелый промышленник может там добыть себе столько, сколько он ни в состоянии был бы приобрести десятилетним трудом на родине» [18, с. 47].

Занятия китайцев на территории Южно-Уссурийского края к моменту его приобретения Россией были следующими:

1. Промысел таежных продуктов (древесные грибы, женьшень, панты, пушнина);
2. Промысел морепродуктов (морская капуста, трепанг);
3. Добыча золота;
4. Производство сельхозпродукции для собственного потребления и обеспечения промысловиков

Можно согласиться с И. Надаровым, который подсчитал численность китайского населения в крае, проанализировав его специализацию, и предложил распределение по значимости видов его деятельности: 1) хлебопашество, 2) соболиный и зверовой промыслы, 3) производство ханшина, 4) торговля, 5) лов морской капусты, 6) грибной промысел [16, с. 11-12].

Стоит отметить, что устоявшееся в российской историографии мнение о китайцах в нашем регионе, как об «отходниках» - временных, сезонных промысловиках, кажется нам не совсем корректным. Во всяком случае, есть все основания полагать, что к категории «проживающих на фанзе» в переписи Висленёва были отнесены как раз китайские промысловики, основная деятельность которых заключалась в сезонных сборах таежных дикоросов, пантов, пушнины, морепродуктов и в золотодобыче. Фанза для них была лишь временным пристанищем, и можно ожидать, что перепись Висленева занижает их число (6,5% в 1871-79 гг.), но до какой степени – неизвестно. Однако в любом случае, роль «проживающих» в освоении края и в деятельности китайской общины в 1879 г., вероятно, была не очень значительна.

Китайцы жили в регионе в окружении иноплеменников и среди них. Эти межэтнические отношения были очень сложные, их невозможно охарактеризовать каким-либо образом категорично.

Прежде всего, скажем несколько слов о матримониальных отношениях китайцев. Как уже отмечалось выше, китайцев в крае почти не было. Ни в переписи Висленева, ни значительно позднее они в Южно-Уссурийском крае не встречаются. Китайцы женятся на местных женщинах (браки с русскими начинают фиксироваться только на рубеже веков).

Брак повышал социальный статус китайца. По переписи Висленёва среди 186 женатых китайцев 156 являлись владельцами фанз (84%), а ещё 12 были членами семьи хозяина (сыновья, братья, дяди). При этом они предпочитали жениться на кореянках, а жена-корейка в фанзе китайца, видимо, весьма существенно влияла на наём работников (в таких хозяйствах практически не встречались представители коренного населения). Юноши из китайско-корейских семей почти всегда выбирали жён среди кореянок.

Впрочем, фиксировались и браки китайцев с женщинами из коренного населения. Арсеньев характеризовал такие браки крайне негативно. Он был убеждён, что при женитьбе китайцы преследовали чисто утилитарные цели. «В большинстве случаев китайцы берут себе в жены тазок силою. Такой китаец, женившийся на тазке, уже убежденно считает себя тазом. Однако это не мешает ему, как только он накопит денег, бросить семью, уехать на родину и там снова назвать себя китайцем... Китайцам, не имеющим права жительства на казенной земле, совместная жизнь с инородцами доставляет большие выгоды. Они всячески стараются втереться в семью орочей, сначала хотя бы в качестве простого работника, при этом они отказываются от платы и работают в кредит. Ловкий работник скоро приобретает влияние на своего хозяина. Через год-два хозяин становится неоплатным его должником [1, с. 112-113].

Однако при анализе материалов Висленёва создается впечатление, что китайцы стремились к созданию семьи с возможностью передачи накопленного имущества потомкам (если не было своих детей, то брали «приемышей»), обеспечивая себе заботу в старости и, что важно (по религиозным соображениям у восточных народов), после смерти. Женщины в этих семьях были именно женами, а не наложницами.

Вопрос «нравственности» аборигенов края, на самом деле, очень волновал исследователей, но широкой публике были известны только красочные описания насилия китайцев-кредиторов над жёнами и детьми несчастных туземцев-должников. По информации из путевых дневников Арсеньева ситуация выглядит несколько иначе. «Замужняя женщина очень легко смотрит на свои отношения ко всем посторонним мужчинам. Муж также знает это, но не ревнует жену. Ревность в нём проявляется, если жена его отдаётся другому в его присутствии. Сплошь и рядом случаи, когда орочь делится женой со своим кредитором, нарочно уступая ему своё брачное ложе, уходя для сего на время из своего жилища» [5, с.83]. Женщин действительно не хватало. Однако проституции не было, – вопрос решался просто значительной свободой нравов среди женщин. Для мужа, в свою очередь, более значимым был увод жены в другой дом, а не её измена. При этом не стоит преувеличивать значение и «покупки» жены, – она могла при желании всегда вернуться к родителям.

Вообще же, по информации Арсеньева, появление мигрантов из Поднебесной было встречено с любопытством и доброжелательно (до этого в крае появлялись только маньчжуры); однако оно спровоцировало возникновение сложных этнических процессов. Здесь мы встречаем довольно редкий случай «мужской» миграции, причём численно подавляющей местное сообщество. В такой ситуации происходит стремительная ассимиляция аборигенов. Но при этом происходит внедрение лишь «мужской» части культуры – особые условия хозяйствования, орудия труда, социальная система, законы, закрепляющие новые правила общения, религиозные представления и т.д.

На наш взгляд, лучше всего об этом расскажут непосредственные свидетели этих взаимоотношений – С.Н.Браиловский и В.К. Арсеньев.

«На р. Та-Судухэ в фанзах удиһэ я встречал манз-стариков, кормимых потому только, что последние долго с ними жили вместе, чрез что сделались „всё равно, как родственники"» [9, с. 145]. Это – интересное замечание, которое нам встречается только в работе С.Н. Браиловского. Оно объясняет значительное число престарелых китайцев, живущих у тазов по переписи Висленёва 1879 года.

Тем не менее китайцы занимают доминирующее положение в таёжных районах края. «На каждой реке есть китайский старшина, который является как бы административным начальником местного населения. Его все слушаются и решению его все беспрекословно подчиняются» [3, с. 15]. Как и всюду в северных районах, куда только проникли манзы, начальниками долины, то есть во главе управления стоят китайцы, орочи же никакими правами не пользуются и составляют нечто в роде низшей касты» [5, с. 59]. Это положение Арсеньева достаточно спорно, и он сам в других местах своих дневников говорит об этом.

«Когда китаец приедет к своему должнику, он живёт в его доме на полном иждивении, ест сам, кормит своих собак и ни копейки, ни за что не платит. По обычаю гостеприимства и орочи отказать не могут и часто отдают последнее» [6, с. 49]. По-видимому, такое злоупотребление гостеприимством действительно имело место, и может трактоваться, как форма экономического принуждения. Однако это явление не носило этнического характера: задерживались у своих должников и гилякские торговцы, и русские.

Китайцы принесли аборигенам Уссурийской тайги навыки земледелия. «Истребление лесов пожарами и уменьшение из года в год зверя, случайность нахождения женьшеня, не всегда удачный лов рыбы побуждают удиһэ, особенно там, где он соприкасается с манзами, ввести новый фактор в своё экономическое существование. Я говорю о земледелии... Тех удиһэ, которые умеют садить картофель, научили этой отрасли хозяйства манзы... На р. Самарге в огородах, кроме картофеля, начинают возделывать немного буды, тоже по примеру китайцев» [9, с. 86]. Стоит отметить, что им очень понравились китайские крупы (буда, гаолян), как лакомство ели японский рис (русскую гречу есть отказывались, подаренные сухари поначалу выбрасывали, но постепенно привыкли), при этом всё-таки земледелие оставалось занятием второстепенным и, в основном, женским.

Традиционно аборигены края охотились с помощью лука и копья. Китайцы привезли в уссурийскую тайгу огнестрельное оружие, которое очень быстро стало незаменимым для каждого охотника. «Уже с появлением китайских купцов незадолго до явления русских очень изредка у орочей стали появляться фитильные китайские изношенные старые ружья, купленные за большие деньги» [7, с. 2]. Арсеньев сообщает о появлении в крае после русско-японской войны многочисленных случаев продажи аборигенам и китайцам с японских судов русских винтовок по бросовой цене. Надо отметить, что российские законы запрещали владеть огнестрельным оружием на своей территории иностранцам, то есть коренные жители края могли иметь в пользовании ружья, а китайцы нет. Впрочем, манзы в тайге даже не пытались этот закон соблюдать.

Культурное влияние китайцев оказало серьёзное влияние на духовную сферу жизни аборигенов. При этом трудно представить, что распространение религиозных воззрений имело под собой какой-то материальный подтекст. Так же, как и гелиоцентрическая модель солнечной системы или система счёта времени. Эта информация не конвертируется в шкурки соболей, а является чистой передачей знаний.

«Орочи уверяют, что они раньше не знали, как надо молиться богу. – Пришли манзы и научили молиться богу» [4, с. 71]. «В последнее время они (удиһэ) научились вести счёт времени от китайцев, считая за начало года китайский новый год (в конце января)» [9, с. 196].

Как всегда в истории, колонизаторы приходят со своими болезнями. Самой большой проблемой была оспа (чуфа). Характерно, что аборигены в основной массе стремились получить квалифицированную медицинскую помощь. Корейцы за плату практиковали примитивную, но всё же достаточно эффективную прививку от оспы. Но жертв этой болезни всё равно было очень много. Это происходило в тайге, – в русских поселениях и городах даже не знали, какая трагедия разыгрывается совсем недалеко от них.

Также, по-видимому, большой проблемой стало опиекурение, но его распространение было весьма неоднородным, и, действительно, это было китайским бизнесом. Русская водка также не могла конкурировать по цене с китайским ханшином. Зато, по мнению Арсеньева, русские с мукой аборигенам завезли тараканов, а с сахалинской каторги – клопов.

По мнению и Браиловского, и Арсеньева, китайцы спровоцировали распространение среди аборигенов употребление опиума и водки. При этом ханшин (китайская водка) первоначально не продавался, а дарился. Часто по такой же схеме получал распространение и опиум. Ниже приведены сообщения из путевых дневников Арсеньева разных лет на эту тему. Не стоит удивляться, что наблюдается разная ситуация с алкоголизмом и наркоманией, – описываются географически разные районы края. В целом можно сказать, что эти разрушительные для аборигенов явления получили распространение в районах края, куда, прежде всего, проникали китайцы.

Китайцы первые привезли спирт [7, с. 2]. «Орочи рассказывают, ... гиляки курили табак, курить научились с них и орочи. Китайцы привезли ханшин, но мало – спиртом они не торговали, а только понемногу угощали орочей и дарили его без денег» [7, с. 10].

Под влиянием китайцев и по их внушению, удиһэ начали курить опиум. «Сколько мне ни приходилось расспрашивать опиекуров – удиһэ, всегда получался один ответ, что научили курить опий манзы» [9, с. 120].

В опубликованной исторической литературе практически невозможно встретить мнение, противоположное тому, что китайцы эксплуатировали местное коренное население. На наш взгляд, такая точка зрения не является объективной.

Для примера мы приводим рассказ Браиловского о работнике-манзе, который постепенно отбирает имущество у хозяина-удиһэ. Но кто же здесь эксплуататор?

«В деревне на р. Такхоме я встретил единственную богато обставленную фанзу у удиһэ. По внешнему виду её никак нельзя было отличить от богатой усадьбы китайца. Близ двора, на прекрасной равнине, пасся рогатый скот в количестве 15 голов, ... жена и дети нарядно одеты и причесаны. Но – увь! – расспросы показали, что богатство и довольство настоящей семьи — чистейший мираж: всё виденное мною имущество всецело принадлежало находившемуся здесь манзе. На мои вопросы, кого записать хозяином, манза называл себя, а удиһэ себя. Оказалось, что лет десять назад на этом дворе жил удиһэ с семьей. У него была фанза, быки и лошадь.... К этому удиһэ пристал в качестве работника виденный мною манза.... Заметив расположение хозяина к лени и беспечность его, услужливый манза предложил хозяину такие условия: пусть хозяин передаст всё своё хозяйство ему, работнику, который будет давать хозяину половину урожая. Скот принадлежит хозяину, а приплод — работнику.

Когда прежняя фанза пришла в ветхость, работник предложил хозяину, выстроить новую, более обширную... Между тем проходили годы; семья у хозяина увеличивалась, дети подрастали, потребности увеличивались. Хозяин, пользуясь услугами китайца, совершенно забросил хозяйство и окончательно обленился. За десять лет скот хозяина стал негодным к работе, а приплод работника был в силе.... Когда от хозяйства удиһэ остались одни жалкие руины, китаец нашёл... невозможным давать хозяину половину своего дохода и ороч-удиһэ помирился на трети дохода. Недостающее для содержания семьи брал у манзы-работника в долг, в счет выкупа усадьбы... Нетрудно предсказать – или вернее – досказать печальный конец этой вечно одной и той же истории хозяйства орочона- удиһэ; хозяин проест жену и детей, затем навсегда закабалит себя манзе-работнику, который очень скоро примет вид богатого хозяина и заставит удиһэ работать на себя, не разгибая спины» [9, с. 91-92]. На наш взгляд, в данной истории симпатии вполне могут быть на стороне батрака-китайца, десятилетиями работающего на владельца усадьбы – удиһэ и пытающегося увеличить свои доходы за вложенный труд. Браиловскому же важен вопрос первоначального владения имуществом, как помещичьего землевладения. Впрочем, возможно, здесь сыграл свою роль и этнический фактор, – история выглядела бы совсем иначе, если хозяином усадьбы был бы, например, китаец, а батраком – русский.

«На р.Такэми во всём своём безобразном виде проявилось притеснение орочей китайцами – та же кабала, то же рабство, то же ростовщичество, что и на р.Иман.... Нет ни одной семьи орочей, где не было бы китайца. Эти пауки присасываются к тазам всюду и под различными предложениями: где в качестве домоуправителя, где в качестве компаньона, где в качестве помощника, где женихом около молодой орочки и т.д.» [4, с. 29]. «За долги китайцы... прибегают даже к пыткам, для чего около кумирни подвешивают его (должника) на дерево за пальцы. Орочка плачет, повешенный ороч стонет. Картина возмутительная» [5, с. 31]. На самом деле, практически все многочисленные и повторяющиеся описания бесчинств китайцев по отношению к аборигенам касаются района реки Иман, но на это мало обращается внимание, и все эти действительно вопиющие факты транслируются уже на всё китайское население края.

Наконец, стоит отметить, что действительно имевшая место эксплуатация коренного населения характерна не только для китайцев. Ниже приведено мнение С.Патканова касательно эксплуатации русскими крестьянами сибирских инородцев. «Наиболее губительным это соприкосновение с высшей культурой естественно оказывается для беспечных и по своему культурному развитию наиболее низко стоящих бродячих инородцев. Ввиду случайности их заработков они могут существовать лишь при наличности кредита, который им оказывают местные торгующие крестьяне, но полная зависимость их от последних в связи с их непредусмотрительностью имеет последствием, что все они обременены неоплатными долгами и весьма бедны» [19, с. 176-177].

Не правда ли, удивительное совпадение!

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Историко-этнографический очерк. – М.: Изд-во «Крафт+», 2004. – 352 с.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический. Записки Приамурского отдела Императорского географического общества, Т.Х, в.І. – Хабаровск, 1914. – 266 с.
3. Арсеньев В.К. Путевой дневник 1906 г. – №3. – ОИАК, Ф.14, оп.1. д.2.
4. Арсеньев В.К. Путевой дневник 1907 г. – №1. – ОИАК, Ф.14, оп.1. д.5.
5. Арсеньев В.К. Путевой дневник 1907 г. – №2. - ОИАК, Ф.14, оп.1. д.6.

6. Арсеньев В.К. Путевой дневник 1907 г. – №3. – ОИАК, Ф.14, оп.1. д.7.
7. Арсеньев В.К. Путевой дневник 1908-1909 гг. – ОИАК, Ф.14, оп.1. д.10.
8. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. – Хабаровск, Владивосток: Книжное дело, 1928. – 54 с.
9. Браиловский С.Н. Тазы или Удиһэ (опыт этнографического исследования). – Санкт-Петербург, 1902. – 225 с.
10. Венюков М.И. Обзорение реки Усури и земель к востоку от неё до моря // Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. – СПб., 1868. – 528 с.
11. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX в.). – Хабаровск, 1973. – 192 с.
12. Карта Амурской страны, присоединённой к России по Айгунскому договору (16 мая 1858 г.), подтверждённому Пекинским трактатом 2 ноября 1860 г. Типография Генерального штаба, Иркутск.
13. Карта государственной границы от реки Усури до устья Гао-ли-дзян (Тумень-дзинь тоже), 1861.
14. Карта Уссурийского края к Путешествию на реку Усури Р. Маака, составленная М. Поповым, 1861 г.
15. Корейцы и инородцы Южно-Уссурийского края Приморской области. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. IV. Инородческое население Приамурского края. Вып. 2. – Иркутск, 1884. – 481 с.
16. Надаров И. Материалы по изучению Уссурийского края. Инородческое население Уссурийской страны. Сообщение генерального штаба подполковника Надарова в обществе изучения Амурского края, 12 декабря 1885 г. – Владивосток, 1886. – 49 с.
17. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – 372 с.
18. Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска чрез Маньчжурию в 1870 году. – Санкт-Петербург, 1872. – 146 с.
19. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. – Санкт-Петербург, 1911. – 216 с.
20. Переселение русских людей в Приамурский край. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Вып. 3. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край и устройстве там 1-й партии переселенцев, отправленных из Одессы в 1883 году. – Иркутск, 1884. – С. 168–218.
21. Ткачёв С. «Корейцы и инородцы Южно-Уссурийского края» в переписи В.Н. Висленёва// Российская история. – 2018. – № 2. – С. 67-79.
22. Ткачёв С.В., Ткачёва Н.Н. Истоки конкуренции между русскими и китайскими поселенцами в начальный период колонизации Южно-Уссурийского края (сер. XIX – нач. XX вв.) // Этнографическое обозрение. – 2016 – №1. – С.104-121.
23. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. 1. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1883. – 353 с.



Тулиглович Максим Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент,
начальник Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России
tu-m-an@yandex.ru

**ВКЛАД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
(К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ)**

УДК 930: 370.016

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема вклада молодых исследователей Дальневосточного юридического института МВД России в развитие исторической науки. Показана роль молодых ученых в эволюции исторической науки дальневосточного региона. Анализируются основные направления исследований, дается общая характеристика работ молодых исследователей. Обращается внимание на специфику направлений исследований, связанных с деятельностью научной школы по истории правоохранительных органов в образовательной организации. Автор приходит к выводу о том, что историческая наука имеет важную роль в образовательно-воспитательном процессе Дальневосточного юридического института МВД России. Сложившийся и постоянно развивающийся научный потенциал института, учитывая направления исследований молодых ученых, позволяет решать актуальные образовательные и научные задачи.*

***Ключевые слова и фразы:** историческая наука, Дальневосточный юридический институт МВД России, направления научных исследований, перспективы изучения, молодые исследователи, научная школа, Дальний Восток, Россия.*

Maxim Tuliglovich, Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Vladivostok branch
Far East Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
tu-m-an@yandex.ru

**THE CONTRIBUTION OF YOUNG RESEARCHERS
OF THE FAR EASTERN JURIDICAL INSTITUTE OF MIA OF RUSSIA
IN THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE
(THE 100TH ANNIVERSARY OF THE HISTORICAL EDUCATION IN THE FAR EAST)**

***Abstract.** The article deals with the problem of the contribution of young researchers of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia to the development of historical science. The role of young scientists in the evolution of historical science of the far East region is shown. The main directions of research are analyzed, the General characteristic of works of young researchers is given. Attention is drawn to the specifics of research areas related to the activities of the scientific school on the history of law enforcement agencies in the educational organization. The author comes to the conclusion that historical science has an important role in the educational process of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. The existing and constantly developing scientific potential of the Institute, taking into account the directions of research of young scientists, allows to solve actual educational and scientific problems.*

Key words and phrases: historical science, Far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, directions of scientific research, prospects of study, young researchers, scientific school, Far East, Russia.

В современный период в обществе отмечается рост интереса к качественному образованию. Растет и авторитет образования. Молодое поколение все больше понимает актуальность знаний, осознавая возможность реализации на их основе широкого круга перспектив своего развития, освоения путей к приобретению востребованных и, главное, – интересных профессий. Государственная политика в области научных исследований нацелена на привлечение и развитие молодых перспективных ученых. В связи с реализацией Национального проекта «Наука» на молодежь делается особая ставка.

В современный период развитие и углубление отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона происходит не только в области экономики и политики, но и в культурной сфере, важнейшей составляющей которой является образовательная сфера. Развитие высшего образования системы МВД России на Дальнем Востоке является неотъемлемой частью российской истории, дополняет особенности формирования высшего образования и в стране, и в дальневосточном регионе.

В системе подготовки квалифицированных специалистов для органов МВД России большое значение уделяется изучению истории. Цель исторического образования состоит в предоставлении курсантам и слушателям возможности для того, чтобы осознать себя субъектами исторического развития. Процесс преподавания истории в Дальневосточном юридическом институте МВД России направлен на личностное развитие обучаемых.

Важнейшим направлением работы института является научно-исследовательская деятельность, осуществляемая в тесном контакте с другими вузами и научными учреждениями системы МВД России, а также Министерством обороны, Министерством юстиции и Министерством науки и высшего образования, Министерством просвещения Российской Федерации, Управлениями внутренних дел по Хабаровскому и Приморскому краям.

Ученые Дальневосточного юридического института продолжают традиции дальневосточной исторической школы, основы которой заложили А.И. Крушанов, Г.А. Унпелев, В.В. Сонин, Ан.П. Деревянко, А.П. Деревянко, Н.И. Дубинина, М.И. Светачев, Н.А. Шиндялов, Э.В. Ермакова, Т.Я. Иконникова и др. [5; 29; 34; 38; 39; 49; 50; 56; 57; 65].

С 2010 года в институте исследования ведутся в рамках научной школы «История развития правоохранительных органов на Дальнем Востоке России» (руководители – профессора кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России Н.А. Беляева, доктор исторических наук, профессор, и Н.А. Шабельникова, доктор исторических наук, профессор). Научная школа по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России – это организация тесного, постоянного, неформального общения ученых, обмена идеями и обсуждения результатов [20; 34; 40; 41].

Изучая историю правоохранительных органов на российском Дальнем Востоке, научный коллектив выполняет одновременно образовательные и научные функции.

Основные направления исследований:

- изучение условий, организационных основ и особенностей формирования правоохранительных органов на Дальнем Востоке России;
- исследование кадровой политики в правоохранительных органах и ее реализация на Дальнем Востоке России;
- анализ системы государственного обеспечения правоохранительных органов (состояния финансового и материального снабжения, условий труда и быта сотрудников);
- обобщение основных направлений, форм и методов деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и охране общественного порядка;

- изучение высшего образования системы МВД в Дальневосточном регионе как часть государственной системы высшего профессионального образования;
- оценка форм и методов международного сотрудничества в правоохранительной сфере др.

В рамках научной школы молодыми учеными ведется работа над кандидатскими и докторскими диссертационными исследованиями, участие в конференциях различного уровня. Преподаватели института оказывают методическую и практическую помощь сотрудникам органов и подразделений УВД по Хабаровскому и Приморскому краям в проведении занятий по общественно-государственной подготовке, в организации и проведении семинаров-совещаний.

Различные аспекты создания и развития органов внутренних дел нашли отражение в работах А.В. Жадана, Н.В. Ляскиной, П.В. Коровникова, С.Ю. Гамалей, А.В. Усова, А.В. Милежика. Закономерной тенденцией стало появление монографических исследований [27; 44]. Ряд статей посвящен анализу источниковой базы и историографии проблемы [6; 11; 36; 46; 47]. В работах обобщаются основные направления исследуемых проблем в отечественной и зарубежной историографии, дается общая характеристика работ дальневосточных исследователей. Дается общая характеристика опубликованных и впервые введенных в научный оборот документов и материалов.

Анализируются особенности формирования организационно-штатной структуры дальневосточной милиции [9], кадровая политика [18], воспитательная работа в органах внутренних дел [8], материально-бытовые условия жизни и службы сотрудников и эффективность системы государственного обеспечения [10], основные направления деятельности [2].

Исследователи Дальневосточного юридического института МВД России изучают проблему борьбы с преступностью в рамках следующих направлений: условия развития и состояние преступности [12]; деятельность ОВД Дальнего Востока по обеспечению законности, правопорядка и противодействию преступности [14]; состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности противодействия региональной преступности; борьба с детской беспризорностью и правонарушениями [15; 21; 22; 23]; борьба с бандитизмом [16]; противодействие экономическим преступлениям [7; 13].

Одним из важнейших направлений изучения органов внутренних дел стало изучение системы образования МВД на Дальнем Востоке и в России в целом: становление профессионального образования [28; 30; 35]; высшее образование на рубеже XX – XXI вв. и сотрудничество России и Китая в сфере профессиональной подготовки сотрудников полиции [55].

Особое внимание уделяется анализу процесса воспитания в образовательных организациях системы МВД России: воспитание гражданственности и патриотизма в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла [25]. Учитывая специфику учебного заведения – рассматриваются проблемы педагогической поддержки курсанты в условиях обучения в высших учебных заведениях системы МВД [1]. Основной акцент делается на применении различных методик в процессе обучения [32; 37].

В работах исследователей затрагиваются вопросы, связанные с охраной отечественного культурного наследия. Обозначаются концептуальные пути решения имеющихся проблем в рассматриваемой сфере. Обращается внимание на то, что успех в деле сохранения объектов культурного наследия зависит не только от уголовно-правовых способов воздействия, необходимо повышать общую и правовую культуру населения, развивать взаимодействие правоохранительных органов с органами власти субъектов РФ и муниципальных образований, общественными организациями [31; 51].

В 2010-е гг. начинает складываться новое направление в отечественной региональной историографии – изучение истории дальневосточной морской спасательной службы. В контексте необходимости обеспечения морской безопасности исследуются различные аспекты деятельности морской спасательной службы на Дальневосточном бассейне России: условия

создания и перспективы развития Госморспасслужбы России; деятельность подразделений Госморспасслужбы по обеспечению безопасности морского транспорта на Дальневосточных рубежах России; организационная структура и специальная боевая подготовка аварийно-спасательной службы ВМФ ТОФ [54]; процесс становления Отдельной Дальневосточной партии Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) [42; 43; 45; 52; 53]; морские спасатели Дальневосточного пароходства [48]. В центре внимания исследователя – основные направления реализации морской политики; правовые основы обеспечения морской безопасности; роль государственной морской спасательной службы в обеспечении морской безопасности на Дальнем Востоке России; взаимодействие НКВД и Краснознаменной экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане.

В рамках сохранения государственной целостности и обеспечения национальной безопасности изучается процесс противодействия экстремизму и терроризму. В работах анализируются понятие идеологии терроризма [3]; красный террор – вид государственного террора [4]; природа и вариативность распространения политического и религиозного экстремизма, особенности противодействия экстремизму и терроризму в дальневосточном регионе. Изучаются исторические особенности терроризма в России; политические репрессии, отечественный опыт противодействия организованным преступным группировкам [19].

Значительное количество научных исследований посвящено изучению различных аспектов истории Дальнего Востока. Изучаются:

– геополитические интересы России на Дальнем Востоке в начале XX в.: наместничество как особая форма регионального управления; проблема экономического развития областей дальневосточного наместничества; дипломатическая деятельность наместников; судьбы дальневосточных наместников; система управления Дальним Востоком в начале XX в. [53];

– государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока: правовое регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов [63; 64]; особенности развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [59; 60; 61; 62]; роль самоорганизации коренных малочисленных народов в процессе обеспечения их законных интересов; большие концепции малых народов: к вопросу о культурном взаимодействии в АТР [58].

Ряд научных работ рекомендованы Министерством внутренних дел Российской Федерации и Дальневосточным региональным учебно-методическим центром для внедрения в учебный процесс (авторы: А.В. Милежик, А.В. Усов и др.).

Молодые ученые института принимают активное участие не только в публикации статей, но и в организации конференций. Многолетнее плодотворное сотрудничество связывает Дальневосточный юридический институт МВД России и Дальневосточный федеральный университет. Одно из важнейших направлений – организация совместных конференций: международная научная конференция «Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции» (Владивосток, ноябрь 2016 г.); всероссийский «круглый стол» «Революция 1905 – 1907 гг. в России и на восточных окраинах империи. Формирование российского парламентаризма» (Владивосток, апрель 2016 г.); международная научная конференция «Великая российская революция и Дальний Восток» (Владивосток, октябрь 2017 г.); международная научно-практическая конференция «Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение» (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.) и др.

Преподаватели руководят индивидуальной работой курсантов, которая проводится в следующих формах: руководство научными исследованиями курсантов в рамках подготовки научных рефератов по определенной теме; подготовка статей курсантами для научных сборников; проведение индивидуальных консультаций с курсантами, осуществляющими научные исследования; групповые занятия, индивидуальные консультации.

Курсанты института привлекаются к проведению практических исследований, осуществляют сбор статистических данных по тематике научных исследований; принимают участие в проведении анкетирования сотрудников ОВД и в обработке результатов анкетирования, в обобщении полученного материала.

В институте проводятся «Недели науки». Найдены разнообразные формы итоговых научно-практических мероприятий: кроме традиционных конференций на высоком научном уровне проводятся диспуты, викторины, круглые столы.

Таким образом, историческая наука играет важную роль в образовательно-воспитательном процессе Дальневосточного юридического института МВД России. Сложившийся и постоянно развивающийся научный потенциал института, учитывая направления исследований молодых ученых, позволяет решать актуальные образовательные и научные задачи. Проводимые в институте молодыми учеными научные исследования и издаваемые по их результатам учебные задания получили признание в практических органах внутренних дел, в учебных заведениях города и страны и используются в учебном процессе.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Гамалей С.Ю. Педагогическая поддержка курсанта в условиях обучения в высших учебных заведениях системы МВД // Обучение полицейской специальности в современных условиях: сборник статей международной научно-практической конференции (Харбин, 27 июня 2017 г.). – Харбин, 2017. – С. 111–115.
2. Гамалей С.Ю., Гамалей А.А. История становления транспортной полиции в Российской империи // 300 лет на страже закона и правопорядка [электронное научное издание] : материалы всерос. науч.-практ. конф. (19-20 апреля). – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 28–32.
3. Гамалей С.Ю., Мартынова О.А. К вопросу о понятии идеологии терроризма // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1–3. – С. 205–209.
4. Гамалей С.Ю., Мартынова О.А. Красный террор как вид государственного террора // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2017. – № 2. – С. 41–44.
5. Головин С.А. Н.А. Шиндялов – ученый, педагог, краевед, общественный деятель. Доброта была его сущностью, история – призванием // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 210–216.
6. Жадан А.В. Архивные документы по истории органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. // Отечественные архивы. – 2017. – № 5. – С. 40–48.
7. Жадан А.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с хищениями грузов в портах и на железнодорожном транспорте (1941-1945 гг.) // Дальний Восток России на перекрестке эпох [электронное научное издание]: сборник науч. тр. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – С. 241–246.
8. Жадан А.В. Идеолого-политическое направление воспитательной работы в органах внутренних дел Приморского края в период Великой Отечественной войны: формы и методы // Аспирант. – № 2. – 2016. – С. 158–161.
9. Жадан А.В. Историко-криминологический анализ условий деятельности милиции Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 205–207.

10. Жадан А.В. Материально-бытовые условия жизни и службы сотрудников органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. // Ойкумена. – 2016. – № 2. – С. 72–78.
11. Жадан А.В. Милиция Приморья в годы Великой Отечественной войны: к вопросу об историографии проблемы // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: мат-лы междунар. форума, посвященного 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны (Владивосток, 19–21 октября 2015 г.). – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2015. – С. 128–135.
12. Жадан А.В. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью в 1941–1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4. – С. 66–75.
13. Жадан А.В. Органы внутренних дел Приморского края в борьбе с посягательствами на социалистическую собственность (1941–1945 гг.) // Теоретические и практические проблемы юриспруденции: трибуна молодых ученых (к 300-летию полиции России): сборник мат-лов II всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 1 июня 2017 года). – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – С. 73–79.
14. Жадан А.В. «По имеющимся в Управлении НКВД данным...». Социально-экономическая обстановка и материально-бытовые условия жизни населения Приморского края в 1943–1945 гг. // Исторический архив. – 2018. – № 5. – С. 138–150.
15. Жадан А.В., Звягин В.А. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с беспорядочностью, безнадзорностью, преступностью среди молодежи (1941–1945 гг.) // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: сборник статей междунар. науч.-практ. конф. (5 июня 2016 г., г. Киров). В 3 ч. Ч. 3. – Уфа : АЭТЕРНА, 2016. – С. 46–50.
16. Жадан А.В., Петров К.Н. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Инновационные технологии научного развития: сборник статей междунар. науч.-практ. конф. (15 июня 2016 г., г. Тюмень). В 3 ч. Ч. 3. – Уфа : АЭТЕРНА, 2016. – С. 95–98.
17. Жадан А.В., Шелудько В.О. Организация профессионального обучения и служебной подготовки в органах внутренних дел Приморского края в условиях военного времени // Инновационная наука. – 2016. – № 8 (ч. 3). – С. 54–60.
18. Жадан А.В., Шелудько В.О. Проблемы отбора и подготовки кадров в органах внутренних дел Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Современная научная мысль. – 2016. – № 4. – С. 201–208.
19. Коровников П.В. Отечественный опыт противодействия организованным преступным группировкам // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего истор. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 371–375.
20. Куцая М.А. Научная школа по истории правоохранительных органов в Дальневосточном юридическом институте МВД России: аналитико-библиографический обзор (к 300-летию российской полиции): препринт. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – 64 с.
21. Ляскина Н.В. Деятельность милиции Приморья по противодействию преступности несовершеннолетних в 1941–1945 годах (историографический обзор)//300 лет на страже закона и правопорядка : материалы всерос. науч.-практ. конф. (19–20 апреля). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 68–72.

22. Ляскина Н.В. Истоки формирования в органах внутренних дел службы профилактики по борьбе с детской беспризорностью и правонарушениями: исторический аспект // Теоретические и практические проблемы юриспруденции: трибуна молодых ученых: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции курсантов (студентов, слушателей, адъюнктов, (аспирантов) и молодых ученых). – Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерал. ун-та, 2017. – С.155–162.
23. Ляскина Н.В. Преступность несовершеннолетних как объект исторического исследования // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 384–390.
24. Милежик А.В. Власть и реформы: история реформирования полиции Российской империи (1906–1917) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2014. – № 2 (27). – С. 66–71.
25. Милежик А.В. Воспитание гражданственности и патриотизма в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла // Рефлексивная модель учебного процесса: сборник научных статей. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2012. – С. 36–42.
26. Милежик А.В. Геополитические интересы России на Дальнем Востоке в начале XX в. // Проблемы национальной безопасности и «малые» войны на Дальнем Востоке в XX веке: историко-правовой аспект: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2013. – С. 19–23.
27. Милежик А.В. Дальневосточное наместничество (1903 -1905 гг.): монография. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2009. – 156 с.
28. Милежик А.В. Деятельность Центральной школы подготовки комсостава народной милиции ДВР: опыт организации профессионального образования на Дальнем Востоке России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 2(44). – С. 135–145.
29. Милежик А.В. Т.Я. Иконникова: ученый и наставник // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 246–249.
30. Милежик А.В. Начальный этап становления профессионального образования на Дальнем Востоке России (на примере центральной милицейской инструкторской школы) // Полиция России: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции (Хабаровск, 28-29 июня 2012 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2012. – С. 43–47.
31. Милежик А.В. Охрана археологических памятников на территории Дальнего Востока России: справочное пособие. – Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2015. – 100 с.
32. Милежик А.В. Проблемный метод обучения как средство активизации курсантов в процессе изучения дисциплины «история» //Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXI международной научно-практической конференции (5-6 апреля 2018 г.): в 2-х ч. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. – С. 196–198.
33. Милежик А.В. Система управления Дальним Востоком России (конец XIX в. - 1917 г.) // Великая российская революция и Дальний Восток: материалы международной научной конференции (Владивосток, 25-27 октября 2017 г.). – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 177–188.

34. Милежик А.В. Становление научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России // КЛИО. –2019. –№ 1(145). –С. 129–135.
35. Милежик А.В. Центральная школа подготовки комсостава народной милиции Дальневосточной республики (из истории ДВЮИ МВД России) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2013. – № 2 (25). – С. 123–129.
36. Милежик А.В., Коровников П.В. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920-е гг.: историографический обзор // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 11. – С. 88-93.
37. Милежик А.В., Шабельникова Н.А., Усов А.В. Основные направления индивидуализации работы курсантов образовательных организаций МВД России // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: сборник материалов двадцать третьей Всероссийской научно-методической конференции (1-2 марта 2018 г.). – Иркутск : РИО ВСИ МВД России, 2018. – С. 59–63.
38. Орнацкая Т.А. Историческая наука в образовательном пространстве г. Хабаровска // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 249–254.
39. Сердюк М.Б. Диссертационный совет по историческим наукам при ДВФУ // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 260–264.
40. Тулиглович М.А. Историческая наука в Дальневосточном юридическом институте МВД России (к 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке России). – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та., 2018. – 54 с.
41. Тулиглович М.А. Историческая наука в образовательном процессе Дальневосточного юридического института МВД России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 3. – С. 23–29.
42. Усов А.В. «Водолазное, аварийно-спасательное и судоподъемное дело на Дальнем Востоке будет стоять на должной высоте». Становление отдельной Дальневосточной партии экспедиции подводных работ особого назначения. 1932–1933 гг. // Исторический архив. – 2018. – № 4. – С. 86-98.
43. Усов А.В. Выполнение Тихоокеанской экспедицией ЭПРОН срочного оперативного задания в районе озера Хасан в 1938 г. // Материалы 61-й всероссийской научной конференции: сборник научных статей, Владивосток, 10–13 декабря 2018 г. – Владивосток : ТОВВМИ им. С.О. Макарова, 2018. – С. 74–83.
44. Усов А.В. Государственная морская спасательная служба на Дальневосточном бассейне России (1991-2014 гг.) : монография. – Москва : ООО «Оригинал-макет», Проспект, 2016. – 208 с.
45. Усов А.В. «Да здравствуют эпроновцы!»: популяризация достижений экспедиции подводных работ особого назначения в советском обществе в 1930-ех гг. (к 95-летию создания ЭПРОНа) // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII междунар. науч. конф. (Москва, 6-7 декабря 2018 года). – М. : Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018. – С. 186–193.
46. Усов А.В. Исторический опыт развития и деятельности Государственной морской спасательной службы Дальневосточного бассейна России (1991-2014 гг.): источниковая

- основа исследования // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 5. – С. 80–84.
47. Усов А.В. Морская спасательная служба Дальнего Востока России: историография вопроса // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1 (27). – С. 69–78.
48. Усов А.В. Морские спасатели Дальневосточного пароходства: аварийно-спасательная подготовка и учения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 1 (43). – С. 89–96.
49. Усов А.В. Научная деятельность профессора А.П. Деревянко // Россия и АТР. – 2011. № 2(72). – С. 60–64.
50. Усов А.В. О человеке с горящим сердцем // Воспоминания о профессоре А.П. Деревянко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – С. 132–135.
51. Усов А.В. Особенности привлечения к юридической ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры Российской Федерации // Вестник ДВЮИ МВД России. – 2014. – № 1 (26). – С. 63–70.
52. Усов А.В. Подъем из глубины десятилетий: Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) СССР - 95 лет // КЛИО. – 2019. – № 1(145). – С. 136–142.
53. Усов А.В. Роль экспедиции подводных работ особого назначения в становлении Тихоокеанского флота СССР (1935–1941 гг.) // Девятые гродековские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала гражданской войны в России. – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2018. – С. 129-133.
54. Усов А.В. Специфика деятельности аварийно-спасательной службы ВМФ в условиях изменения стратегических позиций СССР в Тихом океане в 1945 г. // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 1(57). – С. 98-101.
55. Шабельникова Н.А., Усов А.В. Сотрудничество России и Китая в сфере профессиональной подготовки сотрудников полиции (дальневосточное измерение) // Обучение полицейской специальности в современных условиях: сборник статей международной научно-практической конференции, Харбин, 27 июня 2017 г. – Харбин, 2017. – С. 175-182.
56. Шабельникова Н.А. Мастера российской историографии: Алексей Пантелеевич Деревянко (1940-2002 гг.) // Исторический архив. – 2018. – № 4. – С. 16-31.
57. Шабельникова Н.А. «Рукописи не горят»: вклад А.П. Деревянко в развитие исторической науки и образования на Дальнем Востоке России // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 294-301.
58. Шадрина А.Н. Большие концепции малых народов: к вопросу о культурном взаимодействии в АТР// Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции : материалы международной научной конференции, Владивосток, 06-08 октября 2014 г. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2015. – С.23-25.
59. Шадрина А.Н. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока России на рубеже веков // Молодежь. Наука. Инновации: сборник докладов 60-й международной молодежной научно-технической конференции 28-29 марта 2013г. – Владивосток : МГУ им адм. Г.И. Невельского, 2013. – С. 12-14.
60. Шадрина А.Н. Национальная политика Российской Империи и Советской России в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Гу-

- манитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 6. – С. 18-26.
61. Шадрина А.Н. Особенности исторического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (1917-1991гг.) // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С.180-182.
 62. Шадрина А.Н. Проблемы этничности и самоидентификации северных народов //Владивосток - точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: мат-лы Второй междунар. науч. конф. (Владивосток, 12-14 октября 2016 г.). – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – С. 376-378.
 63. Шадрина А.Н. Эффект присутствия: к вопросу о национальной политике Российской империи на Дальнем Востоке //Актуальные проблемы гуманитарных наук и образования в социокультурном пространстве АТР: материалы международного научно-исследовательского семинара. – Владивосток : Изд. дом Дальневосточ. федерал. ун-та, 2012. – С. 342-348.
 64. Шадрина А.Н., Усов А.В. К вопросу о государственной политике России в отношении коренных малочисленных народов юга Дальнего востока России // Национально-государственное строительство в СССР: уроки истории: материалы круглого стола, посвященного 90-летию образования СССР 21 декабря 2012 г. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. федерал. ун-та, 2013. – С.72-77.
 65. Шеломихин О.А. Анатолий Пантелеевич Деревянко. По следам древнейшего человека // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII научно-практической конференции (Благовещенск – Хайхэ, Чанчунь, Шэньян, 21-28 мая 2018 г.). Выпуск. 8. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2018. – С. 9-11.



Усов Алексей Вячеславович, канд. ист. наук

Центр гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин
Государственный академический университет гуманитарных наук, доцент
epronhist@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВМФ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(47).084.8

Аннотация. Статья подготовлена на основе архивных материалов филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архива Военно-Морского флота, г. Гатчина), впервые вводимых в научный оборот. Рассмотрены некоторые особенности деятельности Аварийно-спасательной службой ВМФ на Тихом океане в годы Великой Отечественной войны. Главное внимание уделено действиям специалистов Аварийно-спасательной службы Тихоокеанского флота при проведении характерных аварийно-спасательных и судоподъемных операций. Приводятся примеры успешно выполненных работ. Автор приходит к выводу, что деятельность АСС ТОФ, проходившая в условиях огромной протяженности зоны ответственности, напряженной обстановки и недостатка спасательных судов, в значительной мере была успешной. Спасатели-тихоокеанцы смогли получить практический опыт, закрепив полученные на учениях теоретические знания.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток, Тихоокеанский Флот, морское спасение, Аварийно-спасательная служба, Великая Отечественная война, судоподъем, морская безопасность, водолаз.

Aleksej Usov, Cand. Sc. in History

The Centre of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines
State Academic University for Humanities (GAUGN), Associate Professor
epronhist@gmail.com

FEATURES OF ACTIVITY BY THE NAVY RESCUE SERVICE ON THE PACIFIC OCEAN IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The research is based on the records of the Branch of the Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (the Archive of the Navy in Gatchina) that are introduced for the first time in a scientific turn. Some features of activity by Navy Rescue service on the Pacific Ocean in the years of the Great Patriotic War are considered. The main attention is paid to actions of specialists of Rescue service of the Pacific fleet when carrying out characteristic rescue and ship-raising operations. Examples of successfully performed works are given. The author comes to a conclusion that the activity of Rescue service of the Pacific fleet which was taking place in conditions of huge extent of a zone of responsibility, an intense situation and a lack of rescue boats considerably was successful. The Pacific Rescuers got practical experience, having tested the theoretical knowledge gained on exercises.

Key words and phrases: Russian Far East, Pacific fleet, sea rescue, emergency rescue service, Great Patriotic War, ship salvaging, maritime safety, diver.

История Аварийно-спасательной службы Военно-Морского флота СССР –

неотъемлемая часть истории России, исторически ставшей морской державой. После установления советской власти Дальневосточные рубежи нашей страны, омываемые Тихим океаном, защищались созданными (1922–1926 гг.), а затем и возрожденными (1932–1935 гг.) Морскими силами Дальнего Востока [1], которые 11 января 1935 г. получили наименование «Тихоокеанский флот» [2]. Для выполнения судоподъемных, аварийно-спасательных и водолазных работ на территориях Восточной Сибири и Дальневосточного края в 1932 г. была создана Отдельная Дальневосточная партия Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) СССР. Являясь аварийно-спасательной организацией, ЭПРОН занимался не только судоподъемом, но и в значительной мере выполнял задачи, связанные с обеспечением боевой деятельности Военно-Морских сил РККА, участвуя в повседневной учебно-тренировочной работе военных флотов и флотилий [3, л. 3].

В начале Великой Отечественной войны (1941 г.) аварийно-спасательная служба была передана в ведение Военно-Морского флота СССР, а Тихоокеанская Краснознаменная Экспедиция ЭПРОН в полном составе была включена в состав Тихоокеанского флота, став его соединением.

Деятельность Тихоокеанской экспедиции ЭПРОНа под прежним названием продолжалась до 1942 г. – времени окончательного переименования ЭПРОНа в Аварийно-спасательную и судоподъемную службу (АССС) ВМФ, при этом легендарная аббревиатура некоторое время периодически фигурировала в документообороте флота. Так ЭПРОН стал базовой организацией для последующего создания Аварийно-спасательной службы (АСС) ВМФ, а Тихоокеанская Экспедиция (1932–1942), выросшая из Отдельной Дальневосточной партии, – основой для Аварийно-спасательной службы ТОФ.

Период Великой Отечественной войны для нашей страны имеет особое значение. Современный исследовательский вектор направлен не только на изучение политических, дипломатических, территориальных и военных аспектов боевых действий, подготовку в войсках, но и на вклад тыла и транспорта в обеспечении вооружённых сил [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Появляются новые направления в региональных исследованиях Дальнего Востока России [10]. Ряд специализированных трудов посвящен вопросам подготовки оперативных работников контрразведки [11; 12], деятельности органов государственной безопасности [13; 14], мобилизации женщин на военную службу [15], борьбу с преступностью [16], а также поднятию боевого духа воинов-дальневосточников [17].

Значительный вклад в изучение Отечественного аварийно-спасательного, судоподъемного и подводно-технического дела внесли признанные специалисты Н.П. Чикер, П.А. Боровиков, Ф.А. Григоренко, А.Б. Королев, В.Н. Илюхин, П.В. Захаров и другие [18; 19; 20; 21; 22; 23]. При этом анализ публикаций, имеющих отношение к истории и деятельности Аварийно-спасательной службы Военно-морского флота (АСС ВМФ), позволяет сделать вывод о том, что в изучении истории АСС на Тихоокеанском флоте (АСС ТОФ) сделаны лишь первые шаги. Данные, содержащиеся в документах, отложившихся в Филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архиве Военно-Морского флота, г. Гатчина), основная часть которых вводится в научный оборот впервые, позволяют осветить особенности деятельности АСС ТОФ в годы Великой Отечественной войны.

В изучаемый период оперативная обстановка на Дальневосточном бассейне была напряженной и опасной. Во время военных действий на Западе, Тихоокеанский флот имел повышенную оперативную готовность. В Дальневосточные порты (особенно с 1943 г.) шел основной поток импортных грузов, значительную долю которых составляла военная техника, паровозы, промышленное оборудование, продовольствие, жидкое топливо. Владивостокский торговый порт стал основными воротами СССР для иностранных товаров. Усиление грузопотока из США в порты Дальневосточного государственного морского пароходства привело к большому числу аварий, главным образом в районе Охотского моря и восточного

побережья о-ва Сахалин.

За эти же годы намного увеличился судовой состав Дальневосточного государственного морского пароходства и других гражданских ведомств на Тихом океане. Этот рост происходил главным образом за счёт судов американской постройки типа «Либерти». Эти суда обладали недостаточной общей и местной прочностью. При посадке на мель получали весьма значительные повреждения, зачастую оканчивающиеся потерей общей прочности, чем усложнялись спасательные работы. Были отмечены неоднократные случаи перелома этих судов в открытом море («Чкалов» и др.). Преобладание судов этого типа наложило свой отпечаток на деятельность спасательной службы. Большая протяженность Дальневосточного бассейна и интенсивная судоходность поставили аварийно-спасательные отряды (АСО) в сложные условия несения аварийно-спасательной службы. Аварийно-спасательная служба ТОФ охватывала значительный район, состоящего из Северной части Японского моря, Охотского моря, части Тихого океана от мыса Лопатки до Командорских островов, а также западной части Берингова моря от мыса Африка до Берингова пролива [24, л. 60].

При значительном численном росте судового состава спасательная служба флота по числу спасательных кораблей осталась на довоенном уровне. Флот располагал двумя спасательными кораблями – «Находка» в 72-м отряде (Владивосток) и «Тельман» в 73-м отряде (Совгавань), которые обеспечивали нужды Тихоокеанского флота и не могли быть задействованы на большом удалении от Главных баз. 74-й отряд (Петропавловской военно-морской базы) спасательного корабля не имел [24, л. 67]. Спасение судов гражданских ведомств и преимущественно Морского пароходства приходилось проводить на плавсредствах самих заказчиков. Затрачивалось значительное время на изыскание плавсредств, соответствующее их дооборудование необходимыми техническими средствами, пополнение имуществом, подготовку личного состава и т. д. Причём в большинстве случаев эти спасательные экспедиции снаряжались в главной базе и на аварийные корабли прибывали через 5–8, а иногда и 10 суток. В связи с этим некоторые спасательные операции (п/х «Херсон», п/х «Большой Шантар») оканчивались безуспешно.

Пароход «Херсон» типа «либерти» водоизмещением 15000 т 4 июня 1943 года в тумане наскочил на каменную банку в районе б/х. Пираткова в 60 милях южнее Петропавловска-на-Камчатке. Спасательная экспедиция, организованная во Владивостоке, на судах Морфлота к месту аварии прибыла через 10 дней. На аварийном п/х было затоплено машинно-котельное отделение, трюм № 3, диптанки, днищевые танки. Корпус п/х в средней части к моменту прихода экспедиции имел надлом корпуса и трещины поперек борта. Судно сидело на камнях средней части, районом м/к отделения. Давление на грунт составляло порядка 3500 т.

Для облегчения судна были произведены разгрузка и осушение затопленных отсеков, в результате чего весь груз «Херсона» (9300 т.) был спасен. Однако сам пароход в целом виде спасти не представлялось возможным. Вследствие потери общей прочности судно переломилось. Кормовая и носовая часть были сняты с камней и прибуксированы в Петропавловск-на-Камчатке. Вся операция длилась 20 суток [24, л. 68].

Пароход «Большой Шантар» водоизмещением 3000 т 15 февраля 1943 года в пургу при шторме 10 баллов, следуя из Петропавловска на Алеутские острова с грузом лесоматериала, наскочил на каменную гряду у мыса Юшина о-ва Беринга. Место аварии совершенно не защищено от «W» (западных), «NW» (северо-западных) и «N» (северных) ветров. Пароход получил больше повреждения в днищевой части, все отсеки заполнились водой.

Для организации спасательной экспедиции Аварийно-спасательный Отдел (АСО), базировавшийся во Владивостоке, не имел достаточного количества плавучих и технических средств. Единственный спасатель «Находка» нес круглый год часовую готовность. В начале 1943 года АСО имел в своем распоряжении отливных средств общей производительностью 1600 т/час, из которых 1300 т/час находились в соответствии с приказом Командующего

флотом в часовой готовности.

Экспедиция по спасению парохода была организована его владельцем — Главамуррыбпромом Наркомата Рыбной промышленности. По данным предварительного обследования аварийного парохода, произведенного Петропавловским отрядом, Аварийно-спасательный Отдел представил Главамуррыбпрому перечень потребных плавтехсредств и материалов. Также выделил водолазную группу в распоряжение начальника экспедиции в составе 12-ти человек, в том числе одного опытного аварийщика и одного инженера, а также необходимое водолазное, легководолазное и такелажное имущество.

В результате медленной организации экспедиции по причине изыскания Главамуррыбпромом необходимых для производства спасательных работ материалов и оборудования, а также задержки ремонта траулера «Палтус», выполненного Главамуррыбпромом для отправки экспедиции, последняя прибыла к месту работ через 4,5 месяца после аварии парохода [24, л. 69].

К моменту прибытия экспедиции пароход имел весьма значительные повреждения, устранение которых могло быть произведено изнутри после выгрузки находящегося в трюмах судна лесоматериала в количестве 3250 м³. Выбрасывать лес за борт не представлялось возможным, так как аварийное судно находилось вблизи котикового лежбища. Для разгрузки леса пришлось прибегать к различным способам, которые не могли обеспечить быстрое опустошение трюмов. Разгрузка протекала крайне медленно, в течение 3-х месяцев, то есть на протяжении всего периода спасательной операции, затянувшись до конца сентября. Это обстоятельство тормозило производство основных водолазных работ по заделке повреждений. Основные водолазные работы проводились в тяжелых штормовых условиях, которые затрудняли, а иногда совершенно исключали возможность каких-либо активных действий. Основные спасательные работы пришлось производить в неблагоприятных метеорологических условиях, которые чрезвычайно затрудняли, а впоследствии привели к значительному разрушению п/х и прекращению дальнейшего спасения [24, л. 70].

После принятия «Положения об аварийно-спасательной службе флота», объявленного приказом НКВМФ № 05 от 03 января 1944 г., одной из задач АСС флота стало «оказание помощи в аварийных случаях морским судам торгового и промыслового флотов на договорных началах». Преследуя цель сократить потери на море, руководством Аварийно-спасательного Отдела Тихоокеанского флота было вынесено рациональное предложение: «...быть может целесообразно, ввиду невозможности получения спасательных кораблей по линии Наркомата ВМФ, заключить договор с Наркоматом Морфского флота, в котором, в частности, по Дальневосточному Госморпароходству предусмотреть выделение последним одного-двух судов для несения спасательной службы по обеспечению судов Морского флота. Выделение таких судов под спасатели во много раз уменьшит потери, которые несет морской флот» [24, л. 77-78].

Несмотря на значительный недостаток в спасательных кораблях, большинство операций в течение 1942, 1943 и 1944 годов были проведены успешно [25, л. 141-142].

В 1942 году поднято, снято с мели и оказана помощь 38 судам общим водоизмещением 47575 т. В 1943 и 1944 годах АСО имел план оперативных работ, однако большая их часть пришлась на внеплановые судоподъемные и аварийно-спасательные операции.

Так, например, в 1943 году был запланирован подъем трёх судов общим водоизмещением 1800 т. В том числе подъем подводной лодки «Щ-138» в лимане р. Амур и снятие с мели в Татарском проливе парохода «Тобольск». Всего 4 единицы (14300 т).

В течение 1943 года было проведено больше операций, а именно: поднято 16 единиц (общим водоизмещением 2705 т); снято с мели 22 ед. (66300 т); оказана помощь 8 ед. (58955 т). Итого – 46 единиц, общим водоизмещением 127960 т.

В 1944 году было запланировано: снятие с мели 5 ед. (общим водоизмещением 1030 т); подъём 1 ед. (108 т). Фактические показатели за 1944 год отличаются в сторону значительного увеличения, а именно: поднято 26 ед. (1716 т); снято с мели и камней 27 ед. (77650 т); оказана помощь 18 ед. (56456 т). Итого 71 ед. (135822 т.) [24, л. 71].

Всего за 1942–1944 годы в районе деятельности АСО ТОФ было спасено 155 судов общим водоизмещением 311360 т, в том числе военных и гражданских ведомств.

Из этого общего числа: 72-м отрядом (Владивосток) спасено 99 ед. (185407 т); 73-м отрядом (Совгавань) – 20 ед. (44012 т); 74-м отрядом (Петропавловской военно-морской базы) – 22 ед. (75953 т.; 14-й группой (Владими́ро-Ольги́нской ВМБ) – 3 ед. (357 т.); 16-й группой (Николаевской-на-Амуре ВМБ) – 11 (5641 т.).

1. Среди общего числа спасенных судов наиболее крупными операциями были: В 1943 г. – Снятие с камней т/х «Клара Цеткин» (9000 т.); п/х «Тымлат» (6200 т.); п/х «Войков» (15000 т.). Снятие с мели п/х «Тобольск» (4300 т.). Подъём аварийной подводной лодки «Щ-130» с личным составом с глубины 40 метров. В 1944 г. – снятие с мели п/х «Выборг» (12300 т.); п/х «Шелонь» (5200 т.); плавбазы «Север» (6140 т.); п/х «Беломорканал» (6550 т.); Снятие с камней п/х «Е.Пугачев» типа Либерти (15000 т.) [24, л. 72].

Яркими примерами успешно выполненных работ являются: снятие с камней п/х «Войков», п/х «Тымлат», т/х «Клара Цеткин», а также подъём подводной лодки «Щ-130» [24, л. 73-76].

Пароход «Войков» типа «Либерти» водоизмещением в момент аварии 15000 т. 6 августа 1943 года выскочил на каменный берег при выходе в б/х «Провидение». Поднявшимся штормом судно начало бить о грунт и выбрасывать на берег. В результате аварии судно начало переламываться в районе 3 трюма лопнула верхняя и нижняя палубы и борт на протяжении 6 метров от палубы; повреждено все днище, сломан баллер руля и пятка ахтерштевня, руль утерян.

После снятия с судна около 3000 т груза судно было стянуто с камней и прибуксировано в б/х «Провидение». Водолазным обследованием было обнаружено значительное повреждение днища, имелись пробоины размерами 8 х 0,8 м, трещины длиной до 4 м и шириной 0, 1 м, вмятины площадью по 20 м² со стрелкой прогиба до 0,6 м, большая часть обшивки днища была деформирована.

Перед аварийно-спасательной партией была поставлена задача восстановить прочность судна для возможности перехода на ремонт в США, заделать все повреждения, изготовить и установить новый руль. Никаких судоремонтных мастерских близко не было. В тяжелых условиях после окончательной разгрузки судна эта задача была выполнена.

Разрыв на верхней палубе и по бортам был соединен накладными листами толщиной по 25 мм на клепке. Трещины и пробоины в подводной части были заделаны железобетоном. Прочность днища была восстановлена несколькими балками, приваренными к днищу и залитыми бетоном, что создавало прочную железобетонную конструкцию. Для баллера руля срезали грузовую стрелу, приварили ребра и обшивку пера руля. Взамен сорванной пятки руля под водой был приварен срезанный с палубы обух, на этот обух и на цепи (протянутые с палубы) был подвешен руль, благополучно выдержавший «ходовые» испытания.

Так, вдали от основных баз, не имея необходимых материалов, за 20 суток был произведен требующийся ремонт и в некоторой степени восстановлена прочность океанского судна, что позволило ему благополучно совершить рейс в США.

Грузовой п/х «Тымлат» водоизмещением 6180 т вследствие неправильной прокладки курса 10 мая 1943 г. наскочил на каменную гряду в заливе Анива (Южный Сахалин). В результате аварии была значительно повреждена обшивка и набор скуловой части в районе форпика и 1 трюма, которые были затоплены. Особенно большие повреждения были в 1 трюме; вмятина достигала размеров 7 х 1,5 м со многими рванинами, трещинами, выбитыми

заклепками, набор имел прогиб до 0.5 м.

Место аварии находилось в территориальных водах Японии, что затрудняло проведение операции. Японские власти разрешили подойти только одному п/х. «Двина». Ледокол «Добрыня Никитич», на котором прибыла аварийно-спасательная партия, допущен не был, и пришлось перегрузиться на «Двину». После разгрузки 1 и 2 трюма (с помощью водолазов в затопленном помещении) п/х. «Тымлат» гинями был снят с мели парходом «Двина» и приведен во Владивосток.

Из-за отсутствия доков, после спасения судна, АСО ТОФ произвел бездоковый ремонт. На место пробоин были подведены жесткие пластыри, мелки трещины, и выбитые заклепки забиты клиньями и чопиками. После окончательного осушения форлика и 1 трюма все мелкие повреждения были зацементированы.

В районе поврежденного набора были приварены усиленные дублирующие шпангоуты, изнутри трюма приварен лист, и образовавшееся пространство между приваренным листом и наружной обшивкой на длине 5 шпаций залито бетоном, что создавало подобие прочного железобетонного ящика.

Так после ремонта п/х «Тымлат» смог уйти в обычный рейс.

Пароход «Клара Цеткин» водоизмещением 8000 т, стоя на якоре в заливе «Рында», 12 апреля 1943 г. поднявшимся ветром ураганной силы был выброшен на камни. В результате аварии была повреждена днищевая часть по всей длине судна, затоплены все трюмы. После аварии судно имело осадку носом 0,92 м, кормой 0,85 м, вместо нормальной средней осадки $T = 6,75$ м.

Работы по снятию судна с мели продолжались около месяца в тяжелых штормовых условиях. За это время цементировали повреждения, производили пробную откачку воды. На время штормов трюмы вновь затапливали. При неоднократных попытках снять судно с мели рвались буксиры, рассчитанные на 7 тонн. Гинями и при помощи двух ледоколов судно было снято с камней и отбуксировано на мель для заделки повреждений, после чего было прибуксировано во Владивосток. Пароход имел многочисленные и крупные повреждения, требующие постановки его в док. Из-за отсутствия свободного дока пароходство обратилось в АСО ТОФ с просьбой произвести бездоковый ремонт для возможности перехода судна в США для капитального ремонта. Эта работа была выполнена. На пробоины были заведены пластыри размерами по 20 кв.м, откачена вода. Полной герметизации достичь не удалось, вода поступала непрерывно, но с помощью установленных многочисленных водоотводных трубок была забетонирована почти вся площадь днища, особенно в трюме № 3. После ремонта п/х «Клара Цеткин» совершал обычные рейсы, вскоре был капитально отремонтирован в США.

Во время ночных учений 31 августа 1943 г. подводная лодка (ПЛ) «Щ-130» в результате столкновения с другой ПЛ получила пробоину в прочном корпусе V отсека и затонула на глубине 40 м в заливе «Америка», имея на борту 31 человека личного состава.

Через несколько часов к месту аварии прибыл аварийно-спасательный отряд флота, который сразу приступил к вентилированию ПЛ, продолжавшемуся до окончания подъема.

Трудность подъема заключалась в том, что в затопленном V отсеке в воздушной подушке объемом около 5 м^3 находились 2 человека, которых хотелось спасти и которые, при быстром подъеме понтонами могли погибнуть либо от утопления при неизбежных кренах и лиферентах, либо от кессонной болезни. После неудавшейся попытки через малое отверстие пробоины извлечь этих краснофлотцев решено было для ускорения подъема поднимать ПЛ сразу в одну ступень, для чего в корме были остроплены за шпигаты 2-40 т жестких понтона и в носу 2-10 т мягких понтона. Через 53 ч. 41 м. после прихода спасателей ПЛ была поднята и на понтонах отбуксирована в базу, где через рубочный люк, после медленного понижения давления был выведен личный состав носовых отсеков, а после подъема кормы краном, через

входной люк VII отсека вывели людей из кормовых отсеков. Благодаря правильно проведённой декомпрессии кессонных заболеваний подводники из затонувшей ПЛ не имели, хотя во время вентилирования находились под повышенным давлением.

Так, опыт подъёма ПЛ типа «Щ» с глубины 40 м в одну ступень показал возможность в аварийных случаях поднимать ПЛ с большими дифферентами, доходящими до 40° без выливания электролита из аккумуляторных батарей. Частые и систематические учебные подъёмы ПЛ, проводимые АСО ТОФ, позволили произвести подъём действительно затонувшей ПЛ быстро и организованно, «как на учении».

Таким образом, в изучаемый период оснащение Аварийно-спасательной службы Тихоокеанского флота плавсредствами было недостаточным для обеспечения военных и гражданских ведомств. Ситуация осложнялась усиленным грузопотоком на Дальневосточном бассейне большой протяженности, а также значительным ростом судового состава Государственного морского пароходства и других ведомств. При этом слабая обеспеченность АСС ТОФ специализированными кораблями привела к неблагоприятному исходу ряда спасательных операций. Несмотря на это большинство спасательных операций в зоне ответственности морских спасателей-тихоокеанцев за годы Великой Отечественной войны были проведены успешно. Только за 1942–1944 годы силами подразделений АСО ТОФ удалось спасти 155 единиц общим водоизмещением свыше 310 тыс. тонн. Морские спасатели отточили свои теоретические навыки при проведении спасательных работ, в частности, в снятии судов с мели, подъеме подводных лодок. Также был получен опыт бездокового ремонта 4-х крупных судов Морфлота.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Гуринов С.Л. Деятельность морских сил Дальнего Востока (1932-1935 годы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 42–45.
2. Зайцев Ю.М., Близниченко С.С. Организационные и кадровые проблемы Тихоокеанского флота СССР во второй половине 1930-х гг. // Россия и АТР. – 2012. – № 1. – С. 35–47.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 755.
4. Фомин-Нилов Д.В. Предательство, сотрудничество или сопротивление: сравнительный анализ скандинавских примеров и опыта СССР во Второй мировой войне // Диалог со временем. – 2018. – № 64. – С. 222-234.
5. Бородин А.В. Военные моряки-тихоокеанцы в войне против Германии // Россия и АТР. – 2005. – № 2. – С. 16-19.
6. Крюков И.В. Боевая подготовка в войсках Дальневосточного фронта в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 7 (261). – С. 43–50.
7. Крюков И.В. Деятельность комсомольских организаций Дальнего Востока по подготовке боевых резервов в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Шестые Гродековские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2009. – С. 135-140.
8. Маклюков А.В. Вклад энергетиков Дальнего Востока в победу в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – № 1 (32). – С. 73-79
9. Ципкин Ю.Н., Тесельская И.П. Роль железных дорог Дальнего Востока в достижении Победы // Россия и АТР. – 2010. – № 2. – С. 36–46.
10. Шабельникова Н.А. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // КЛИО. – 2019. – № 1. – С. 38-42.

11. Куваев Д.В. Подготовка оперативных работников контрразведки Тихоокеанского флота в период Великой Отечественной войны // История и педагогика естествознания. – 2018. – № 1. – С. 39–41.
12. Макаренко В.Г. 80 лет военной контрразведке ТОФ // Россия и АТР. – 2012. – № 4. – С. 197–199.
13. Орнацкая Т.А. Деятельность дальневосточных территориальных управлений органов государственной безопасности СССР в 1941-1943 гг. // Военно-юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 15-21.
14. Цуканов С.С. Реорганизация органов государственной безопасности СССР в первые месяцы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 99-102.
15. Ткачева Г.А. Женщины в частях Тихоокеанского флота и Амурской флотилии в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. – 2016. – № 4 (94). – С. 218-229.
16. Ткачева Г.А., Жадан А.В. Социально-экономические детерминанты криминализации Приморского общества в 1941-1945 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 94-98.
17. Кищик Е.В. Репертуар военных театров Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 4. – С. 70–76.
18. Чикер Н.П. Служба особого назначения. – М., ДОСААФ, 1975. – 225 с.
19. Боровиков П.А. Водолазы Великой Отечественной. – М.: ООО «Нептун», 2013. – 192 с.
20. Григоренко Ф.А. История развития спасательных судов и средств Российского флота: монография. – Владивосток: Морской государственный университет, 2007. – 322 с.
21. Королев А.Б. Водолазание в России от древних времен до наших дней. – М.: Моркнига, 2004. – 142 с.
22. Голубев, В.Г. Илюхин В.Н., Максимов В.И и др. Спасатели военно-морского флота. – М.: Воениздат, 1996. – С. 72-128.
23. Илюхин В.Н., Захаров П.В. От ЭПРОНа до федеральной системы поиска и спасания на море Российской Федерации. К 90-летию создания Экспедиции подводных работ особого назначения // Морской вестник. – 2013. – № 4 (48). – С. 77-83.
24. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина). Ф. 436. Оп. 21. Д. 443.
25. Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 436. Оп. 21. Д. 73.



Федирко Оксана Петровна, док. ист, наук, доцент, вед. науч. сот.
Отдел социально-политических исследований
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
fedirko@ihaefe.ru

Кучеренко Вера Сергеевна, аспирант
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
hist1640@mail.ru

**«ВЕЧЕРА ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ»
КАК ФОРМА АТЕИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1950-1960-е ГОДЫ**

УДК 947.087:215.001.8(571.6)«195-196»

***Аннотация.** В статье раскрывается специфическая форма атеистической пропаганды, реализуемая пропагандистскими организациями Дальнего Востока СССР в 1950-1960-е гг., «вечера верующих и неверующих». Используя архивные документы, авторы раскрывают цели, задачи и «сценарии» подобных встреч. Анализируют их результативность и причины отказа от проведения подобного рода мероприятий в атеистической работе среди населения Дальнего Востока в последующий период.*

***Ключевые слова и фразы:** атеизм, СССР, Дальний Восток, верующие, общество.*

Oksana Fedirko, D.Phil. in History
leading researcher of the
Social and political studies department
The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Institute of History, Archeology and Ethnography
fedirko@ihaefe.ru

Vera Kucherenko, post-graduate student The Far Eastern
Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History,
Archeology and Ethnography
hist1640@mail.ru

**«EVENINGS OF BELIEVERS AND UNBELIEVERS»
IN UNIVERSITY FORM ATHEISTIC SOUNDED
IN THE FAR EAST OF THE USSR IN 1950-1960 YEARS**

***Abstract.** The article reveals a specific form of atheistic propaganda, implemented by propaganda organizations of the Far East of the USSR in 1950-1960, «evenings of believers and unbelievers». Using archival documents, the authors reveal the goals, tasks and «scenarios» of such meetings. Analyze gastroenterological Effectiveness and the reasons for the refusal of this year used activities in atheistic work among all-Russian Far East in the subsequent period.*

***Key words and phrases:** Atheism, the USSR, the Far East, believers, society.*

Трудности восстановительного периода в СССР несколько охладили начавшееся в годы Великой Отечественной войны потепление в государственно-конфессиональных отношениях. На смену Союзу безбожников СССР, прекратившему свою деятельность в 1941 г. [11, с. 270], в антирелигиозную работу включаются новые общественные организации: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, образованное (ВОРПНЗ) в 1947 г., и образованное в 1956 г. Общество «Знание» РСФСР, ставшее в 1963 г. Всесоюзным (ВОЗ) [9, с. 100].

В начале 1950–1960-х гг. просветительские организации пытаются реанимировать элементы антирелигиозной пропаганды довоенного периода, но в другом, более «мягком» формате. В качестве примера для проведения атеизации населения были взяты популярные в 1920-е годы суды над священнослужителями, раскрывающие их реакционную деятельность и вред, который, по мнению большевиков, несла религия в целом [10, с. 201].

В послевоенный период в пропагандистской деятельности стала применяться практика организации «встреч верующих и неверующих». На эти мероприятия приглашались активисты, не разделявшие религиозных убеждений, и представители религиозных организаций. Анализируя материалы дальневосточных архивов, исследователи пришли к выводу, что подобные встречи проводились исключительно с представителями протестантских объединений. Видимо, памятуя об обращении И.В. Сталина в годы войны к представителям Русской православной церкви, которая получила от власти в этот период некоторые преференции в легализации своей деятельности, задача раскрыть ошибочность убеждений православных, в формате таких мероприятий, не стояла. Хотя возможно, что такие встречи проводились и с православными верующими, но пока сведения о них не обнаружены.

Рассмотрев историографию проблемы и опираясь на источниковую базу, можно утверждать, что такая форма мероприятий практиковалась в атеистической работе на Дальнем Востоке в период с середины 1950-х до начала 1960-х годов. «Вечера верующих и неверующих», несмотря на высокие оценки этой формы работы агитаторами, проводились нечасто.

По задумке инициаторов, в ходе «вечеров встреч верующих и неверующих» должен был состояться спор о ценностях религии с целью переубедить верующих и заставить их отказаться от своих убеждений. При этом ведущая роль в этих беседах отводилась коммунистам и комсомольцам, которые должны были привести весомые аргументы, разоблачающие религию. Верующим отводилась пассивная роль слушателей, соглашающихся с доводами агитаторов. Считалось, что такие «вечера» обязательно должны заканчиваться объявлением отдельными верующими о их разрыве с религией. А присутствующие слушатели должны были покинуть его, еще раз убедившись в верности марксистского учения о религии. Однако, судя по архивным документам, желаемое часто не совпадало с реальностью.

Одно из первых упоминаний о проведении «вечера верующих и неверующих» содержится в Материалах 2-й конференции Хабаровского краевого отделения ВОРПНЗ от 25 октября 1955 г. Анализируя эффективность работы Камчатского областного отделения, было отмечено, что «в Камчатском отделении все секции работают плохо» [4, оп.1 д.71, л.27]. Но в то же время в скудных сведениях о проведенных мероприятиях указывается, что в 1954 г. в Петропавловске-Камчатском был проведен «вечер встречи верующих и неверующих». К сожалению, подробности этой встречи не известны.

Более подробную информацию мы встречаем в документах Хабаровского отделения ВОРПНЗ и позже ВОЗ.

Большую аудиторию «верующих и неверующих» собирали (в Железнодорожном и Кировском районах Хабаровска), где присутствовали более 300 человек [3, оп.1, д.131, л.33-34]. Сохранилось подробное описание трёхчасового «вечера верующих и неверующих», проведенного 25 сентября 1958 г. атеистами районного отделения Общества в школе пос. Промкомбината по инициативе лектора Белобородовой.

Проведение мероприятия требовало от организаторов инициативы и хорошей подготовки. Организаторы с большой осторожностью подошли к выбору места проведения. По их задумке, для получения желаемого эффекта на встречу должно было прийти небольшое количество верующих. Посёлок Промкомбината удовлетворял условиям «подходящей почвы» – «в райцентре нет ни общины, ни церкви, ни молельного дома и баптистов всего человек десять, не больше» [3, оп.1, д.131. л.45].

С помощью учителей и школьников было установлено местожительство баптистов и их главы Лукерья Васильевна Вьюшковой, инициаторы встречи уговорили их принять участие в вечере. После ознакомления с материалами лекций Белобородовой и получив необходимые рекомендации, Лентиной В.Н. был организован вечер с участием членов группы баптистов. Л.В. Вьюшковой предложили выступить, прочитать Евангелие, а остальным баптистам принять участие в диспуте. Пришлось проявить настойчивость, т.к. приглашенные спрашивали перед вечером: «А Евангелие не отберут у нас?» [3, оп.1, д.131. л.45]. И только уверив верующих, «что им не грозит никакая опасность, не будет и насмешек», они согласились.

Л.В. Вьюшковой было предоставлено первое слово. Затем выступил ведущий вечера химик И.М. Петров, задавали вопросы слушатели, выступали пятеро оппонентов. После полуторачасовой дискуссии И.М. Петров продемонстрировал химические опыты, «разоблачающие чудеса религии». Описание вечера передавали по местному радио [3, оп.1, д.131. л.46]. У присутствующих атеистов («православных было мало и они не вступали в спор») осталось впечатление полного успеха: «Запутавшись и увидев явную несостоятельность своих убеждений, Лукерья Васильевна, сама того не замечая, доказывала противоречивость Евангелия» [3, оп.1, д.131. л.48], «верующие <...> видели, как человек, вооруженный знаниями (а не верой в бога) на глазах у них побеждал невежественные утверждения о сотворении мира богом и его чудесах», «их уход был доказательством полного поражения и своего бессилия доказать правоту религиозного учения» [3, оп.1, д.131. л.49].

Практика проведения вечеров верующих и неверующих распространилась в 1960 г. по городам и районам края – было проведено в Комсомольске 3 вечера, в Хабаровске 2, по одному в Облучье, Богородске, Бичевой. Вечера сопровождалась выставками «популярной естественнонаучной литературы», демонстрацией плакатов, антирелигиозных фильмов. Отмечалась высокая посещаемость таких мероприятий (300-400 человек) [2, оп.14, д.1049. л.11]. Большой популярностью у аудитории пользовались молодые пропагандисты тт. Корнев и Озе, «отошедшие от религии». Бывших верующих привлекали к выступлениям на тематических вечерах верующих и неверующих «Наука и религия» на заводах Орджоникидзе, Энергомаш, мебельной фабрике, в воинских частях [3, оп.1, д.143. л.11].

К сожалению, формат документов, в которых содержится информация о проведенных «вечерах верующих и неверующих» не позволяет дать их объективной оценки. Все эти документы носят ярко выраженную пропагандистскую окраску и не предусматривали иной, кроме положительной, оценки результативности этих массовых атеистических мероприятий. Только вскользь, сквозь строки удается установить, что в реальности не все было так гладко. Так, в отчете о работе отделения в Еврейской автономной области, несмотря на положительную оценку результата от проведенных «встреч» в г. Биробиджане, Облученском и Смидовичском районах, отмечается: «Теперь многие из них [верующих] притихли, перестали собираться. Это не значит, что они перестали верить» [4, оп.1, д.158. л.68].

В более поздних документах встречаются данные и о неудачах, связанных с организацией и проведением «вечеров верующих и неверующих». Чаще всего это было связано с отсутствием достаточных сведений о численности верующих и их деятельности.

Так, в рассказе тов. Белоглазовой о «вечере верующих и неверующих» говорится, что агитатор, ведущая вечер, только во время мероприятия узнала, что ее знакомая возглавляет баптистскую общину [3, оп.1, д.131. л.45].

Более полную оценку причин слабой эффективности такой формы атеистической работы, как «вечер верующих и неверующих», содержится в заметке И. Сосниной «Религия – опиум народа», опубликованной в журнале отдела пропаганды и агитации Амурского обкома КПСС «Блокнот агитатора» [8]. Автор предприняла детальный анализ ошибок и недочетов, допущенных организаторами при подготовке и проведении мероприятий, прошедших в 1963 г. в городах Белогорск и Свободный. По своей сути, данная статья стала методической рекомендацией для агитаторов, готовящихся к подобного рода встречам.

Анализируя такой вечер в г. Свободном, сами организаторы отмечали, что эта форма атеистической работы принесла немного пользы, т.к. в ее организации был допущен ряд серьезных ошибок. На начальном этапе подготовки было сделано многое. Оно было анонсировано в местных газетах, афишах, на радио. Для жителей городов, желающих принять участие в вечере, были отпечатаны пригласительные билеты.

Однако позже, по мнению И. Сосниной, был допущен ряд серьезных ошибок: «во-первых, совершенно неоправданно была поднята вокруг вечера в Свободном большая шумиха и длительная громкая реклама. Во-вторых, на обсуждение был поставлен самый острый вопрос «Приносит ли религия пользу человеку?», т.е. вопрос о том, быть или не быть религии. Такая реклама и такая постановка вопроса с самого начала исключали возможность товарищеской душевной беседы. Вследствие этих ошибок верующие и неверующие, по существу, разделились на два лагеря и готовились к вечеру, как к генеральному сражению. Атеисты мобилизовали лучшие силы области, а сектанты – лучших проповедников Дальнего Востока. В-третьих, на вечере было нарушено ленинское программное положение о том, что ни в коем случае нельзя оскорблять чувства верующих» [8, с. 19].

Тон беседы был заведомо обличающий, что оскорбляло чувства верующих. Вечер проводился при большом стечении народа, и в ходе дискуссии разыгрались страсти, в адрес проповедников из публики неслись далеко не лестные выкрики, свист, смех и т.д. «На деле произошло не сближение верующих с неверующими, а их разъединение, что и нужно главарям сект» [8, с. 19], резюмировал автор.

Получив отрицательный результат и нежелательный резонанс среди верующих от этого мероприятия, агитаторы в дальнейшем стали воздерживаться от такой формы работы. Кроме того, изменились и внутривластные условия, в которых должна была быть организована работа с верующими.

Программа «хрущевской церковной реформы» ставила задачу по созданию универсальной и всеобъемлющей системы атеистического воспитания советских граждан. В период с 1962–1964 гг. она трансформировалась в идею о полном искоренении религии в сознании советского человека. С этой целью в 1963 году Идеологической комиссией ЦК КПСС была разработана программа атеистического воспитания, закрепленная в Постановлении ЦК КПСС «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения» от 2 января 1964 г., которая реализовывалась вплоть до середины 1980-х годов.

К популярным формам атеистической пропаганды в 1960-е–1980-е г. можно отнести тематические вечера, на которые приглашали различных специалистов – химиков, физиков, демонстрировавших опыты, философов, историков, знакомивших с атеистической литературой. В конце вечера демонстрировались научно-популярные или атеистические кинофильмы. Вечера встреч с бывшими верующими, на которых выступали бывшие служители культа и рядовые верующие, порвавшие с религией. Публикации сборников статей бывших верующих, обличавших религию [6].

Наиболее распространенной формой атеистической работы становится лекционная. Как отмечает А.В. Горбатов, «абсолютизация эффективности лекционной работы привела к тому, что качество пропагандистской деятельности пропорционально соотносилось с уровнем религиозности населения. «Церковников и сектантов расплодилось так много потому, что

очень плохо поставлена лекционная и агитационная работа» – типичное логическое построение партийного функционера того времени [1, с. 158].

Но формы работы, заимствованные у антирелигиозников 1920-30-х годов, оказались живучи. К организации массовых встреч верующих и неверующих (только в более агрессивной форме) возвращались и в более позднее время. К ним можно отнести общественные суды, к проведению которых были привлечены и лекторы ВОЗ. В г. Райчихинске Амурской области в 1965 г. состоялся общественный суд над членами «секты пятидесятников». Членам религиозной группы были предъявлены обвинения в предательстве, которое проявилось в антисоветской агитации лидера группы Василия Азаренко и в нежелании верующих брать в руки оружие. Кроме того, пятидесятников «уличили» в вовлечении в «секту» малограмотных и отсталых в политическом отношении людей, а главное, детей. Суд длился более пяти часов, и в итоге был оглашен приговор: «...вынести сектантам-пятидесятникам суровое общественное порицание. Предупредить, что в случае повторения своих тайных сборищ они будут сурово наказаны» [5, с. 430].

Таким образом, просуществовав непродолжительный период времени, «вечера верующих и неверующих», как форма атеистической работы, сошла на нет. Случаи отречения от религии убеждённых верующих носили единичный характер и были связаны с личными обстоятельствами, а не усилиями пропагандистов. Эффект мероприятий заключался не в массовом «перевоспитании» убежденных верующих, но в изменении публичного пространства. Лекторы, выступая перед верующей аудиторией, едва ли рассчитывали её переубедить. На таких встречах происходила, скорее, демонстрация твёрдости убеждений (с обеих сторон). Кроме того, пришло понимание, что действовать нахрапом, без должной подготовки, без анализа религиозной ситуации и особенностей вероучения в формате таких встреч безрезультативно. Пропагандистские мероприятия такого рода обеспечивали, скорее, обоснование административных мер, чем воздействие идеологического характера. Этот процесс описывает теория «спирали молчания» немецкого социолога, политолога Э. Ноэль-Нойман. Согласно ей, люди формируют внутреннее, не обязательно адекватное реальности представление об общественном мнении, а затем из опасения конфликта с большинством могут скрывать свою «непопулярную» позицию или даже менять её. В свою очередь, их поведение влияет на представления и мнения окружающих, охватывая всё новых и новых участников процесса [7, с. 130].

«Вечера верующих и неверующих», даже проведенные формально, устанавливали границы приемлемого, поощряемого или, наоборот, нежелательного поведения. Формировали в обществе отношение к религиозному сознанию и верующим, особенно к т.н. «сектантам», как к маргинальным явлениям социальной жизни.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Горбатов А.В. Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3-2 (59). – С. 157-160.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 137.
3. ГААХК Ф. Р 1615.
4. ГАХК Ф. Р 1516.
5. Дударёнок С.М., Федирко О.П., Пospelова А.И., Потапова Н.В., Островская О.П., Синичкин А.В. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е – конец 1980-х гг.): монография / Под редакцией: Федирко О.П. (отв. редактор), Дударёнок С.М., Устинова А.Г. [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] – М.: ООО «Терция», 2018. – 464 с.

6. Мракобесы без маски. – Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1960. – 80 с.
7. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. – М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. – 352 с.
8. Соснина И. Религия – опиум народа // Блокнот агитатора. – 1963. – № 16. – С. 16-22.
9. Федирко О.П. Деятельность Всероссийского общества «Знание» по распространению научно-атеистических идей на Дальнем Востоке СССР // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы II Международной научной конференции. – 2014. – С. 99-102.
10. Федирко О.П. Образование и пропаганда на российском Дальнем Востоке. Государственно-конфессиональные отношения в Советской России и СССР в 1917–1939 годах. – Saarbrücken, 2012. – 367 с.
11. Федирко О.П. Общественные организации в СССР в 1930–1950-х гг. – проводники антирелигиозной агитации // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сборник научных статей. – Владивосток, 2014. – С. 265-272.



Цуканов Сергей Сергеевич, канд. ист. наук
Кафедра истории
Академия метрологии, стандартизации и сертификации
ser200670@yandex.ru

ВКЛАД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА В РЕШЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

УДК 924

Аннотация. Гражданская война в Дальневосточном регионе имела более продолжительный и кровопролитный характер, чем на большей части территории РСФСР. Ее завершение способствовало началу процесса возрождения, разрушенного интервенцией хозяйства. Созданный чрезвычайный орган власти – Дальневосточный революционный комитет оказался в сложных условиях внешне- и внутривосточной обстановки. Неприятие большинством населения советской аграрной политики, отсутствие охраны границ государства, попытки противников советской власти «раскачать» ситуацию и возобновить гражданскую войну добавляли трудностей при формировании советских органов власти на местах. Проблема борьбы с бандитизмом выходила на первый план.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток, восстановление, внешняя политика, безопасность, чрезвычайный орган.

Sergey Tsukanov, Cand. Sc. in History
Department of history
Academy of Metrology, standardization and certification
ser200670@yandex.ru

THE CONTRIBUTION OF THE FAR EASTERN REVOLUTIONARY COMMITTEE IN THE MILITARY-POLITICAL TASKS

Abstract. The civil war in the Far East was longer and bloodier than in most of the RSFSR. Its completion contributed to the beginning of the revival process, destroyed by the intervention of the economy. The created extraordinary authority-the far Eastern revolutionary Committee-found itself in difficult conditions of the external and internal political situation. The rejection by the majority of the population of the Soviet agrarian policy, the lack of protection of the borders of the state, the attempts of the opponents of the Soviet power to «shake» the situation and resume the civil war added difficulties in the formation of the Soviet authorities on the ground. The problem of combating banditry came to the fore.

Key words and phrases: Far East, reconstruction, foreign policy, security, emergency body.

XXI век возродил интерес отечественных исследователей к аспектам военно-политической жизни Советского государства [7, 9, 11, 12, 29, 34, 35]. Доступность архивных материалов широкому кругу исследователей, рассекречивание документов способствует пересмотру устоявшихся в советское время подходов к пониманию задач, стоявших перед руководством РСФСР и СССР в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны.

Окончание боевых действий на фронтах Гражданской войны далеко не означало разрешение всех внутренних конфликтов в советском обществе. Охватившие не только Дальний

Восток, но и всю страну кризисные явления, проявившиеся в забастовочном движении рабочих, в снижении доверия крестьян к проводимой Советской властью и большевистской партией политике на селе, а также в открытых вооруженных выступлениях белогвардейцев. Особую остроту эти выступления приняли на Дальнем Востоке, где на соседней территории Китая, после поражения в гражданской войне находилось большое количество белоэмигрантов, выступавших против советской власти. Китай в этот период не являлся единым. Здесь одновременно существовало три центра политических сил, воевавших друг с другом: официальное правительство в Пекине, партия Гоминьдан и Коммунистическая партия Китая (КПК). Все эти центры имели свои взгляды на взаимоотношения с СССР.

Поэтому одной из главных проблем региона была борьба с бандитизмом [2, 27, 31, 32, 33, 34]. К моменту перехода власти от «буфера» к советам, на Дальнем Востоке в вооруженных белогвардейских бандах насчитывалось порядка 4 тыс. чел. [5, с. 260-261]. Социальная структура этих отрядов была неоднородной: генералы и офицеры Белой армии, верхушка казачества, представители политических партий эсеров и меньшевиков. Встречались и уголовные элементы.

Вполне очевиден тот факт, что многочисленная белоэмигрантская диаспора в северо-восточном Китае не могла остаться вне поля зрения японских спецслужб. По расчетам командования японского Генерального штаба остатки разбитых белых армий, компактно расселившихся в относительной близости от советских границ, могли быть использованы как в антисоветской диверсионно-разведывательной деятельности, так и в случае вооруженного нападения на СССР.

Периферийные органы японских военных миссий (ЯВМ) и часть их агентурного аппарата после вывода японских войск с территории ДВР были передислоцированы в Маньчжурию. Крупными центрами по руководству шпионской деятельностью Японии на территории советского Дальнего Востока являлись ЯВМ, расположенные в Харбине, Сахаляне и на ст. Пограничная. Действовали и японские нелегальные резидентуры в приграничных с Дальневосточной областью пунктах – Мишань, Хулинь, Жаохэ и др. Огромную роль в шпионаже играли военные резиденты, действовавшие под видом проживавших на советской территории японских граждан и служащих концессий [13, 36].

Осознавая, какую опасность могут представлять укрывшиеся в Маньчжурии белогвардейские воинские подразделения при их мобилизации, советское правительство через свои органы власти на Дальнем Востоке предпринимало меры по возвращению соотечественников на родину и разложению возникавших за границей белоэмигрантских организаций. В начале 1923 г. среди российских эмигрантов в Маньчжурии были распространены листовки с текстом постановления ВЦИК от 14 декабря 1922 г. об амнистии участникам белого движения, в случае их возвращения в Советскую Россию. Однако большинство эмигрантов считали эту амнистию «ловушкой» и на призыв не откликнулись.

Кроме зарубежного, политического бандитизма, на Дальнем Востоке существовал и внутренний, уголовный бандитизм. Его существование было связано с недовольством части сельских жителей политикой большевиков в деревне, в частности продналогом. В регионе развернулось антисоветское движение зажиточных слоев населения, увлекавших за собой и сравнительно немногочисленную прослойку бедняков. Отличительной особенностью антисоветской деятельности кулацких и середняцких элементов была опора исключительно на поддержку местного населения. Лозунги этих «бандитов» содержали призывы такого рода: «Вся власть Советам без коммунистов», «народная армия», «учредительное собрание» и т.п.

Перед руководством Дальневосточного Революционного Комитета стояла задача разложить антисоветские группы и разоружить сочувствовавшее им местное население. К ликвидации вооруженных выступлений привлекались подразделения рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), милиции, частей особого назначения (ЧОН) и сотрудники ОГПУ.

Ответственность за борьбу с бандитизмом в Дальневосточной области несли губернские и уездные революционные комитеты (ревкомы). О проявлении бандитизма на территории ДВО ревкомы должны были немедленно ставиться в известность органами Государственного политического управления (ГПУ) и штабом Частей особого назначения (ЧОН). В ходе борьбы с бандитизмом руководство страны столкнулось с несогласованностью действий судов, органов ГПУ, уголовного розыска и милиции. Для решения этой проблемы Ф.Э. Дзержинский 29 января 1924 г. в записке «О необходимости усиления борьбы с бандитизмом», адресованной в Политбюро ЦК РКП (б), предложил в оперативном отношении подчинить ОГПУ органы уголовного розыска и милиции. Кроме того, он предполагал предоставить ОГПУ право внесудебного разрешения дел по обвинениям в бандитизме не только лиц, захваченных с оружием, но и принимавших участие в бандитских налетах [4, с. 26].

Конечно, подобные «исключительные полномочия», коими наделялись органы госбезопасности молодого советского государства, вызывали волну недовольства среди населения. В связи с этим, Дальбюро ЦК РКП (б) в своей телеграмме, адресованной секретарям губернских бюро и губернских комитетов, настоятельно рекомендовало «все свои претензии к ГПУ направлять в Дальбюро и полномочное представительство ГПУ в Чите» [18, л. 4].

В начале 1924 г. для координации усилий силовых ведомств и пресечения попыток активизации белоповстанческого движения на заседании Дальревкома был поставлен вопрос об объединении военных и гражданских властей в районах, охваченных бандитизмом. Было решено, что «в губерниях Амурской, Приморской, и Забайкальской образовать военные советы по борьбе с бандитизмом в составе: командующего войсками губернии, председатель губисполкома, представителей начальника отдела ОГПУ». Вместе с тем были назначены персонально: в Приморской губернии: Председатель военного совета – Я.З. Покус, члены: К.Ф. Пшеницин, Я.Б. Гамарник, П.И. Карпенко. В Амурской губернии: председатель военного совета – Е.В. Ватман, члены: П.А. Хрусталева, М.Л. Грановский, В.А. Каруцкий. Созданному Военному совету подчинялись все войска и учреждения, как военные, так и гражданские, расположенные в пределах губернии. Инструкцию для руководства Военного совета было поручено разработать Командарму 5 КА И.П. Уборевичу и полпреду ОГПУ А.П. Альпову [23, лл. 2, 2об.].

В приказе полпреда ОГПУ А.П. Альпова предписывалось «все обнаруженные банды ликвидировать окончательно, не ограничиваясь их рассеиванием, распылением или отходом в другой район» [15, л. 94]. После этого начальник штаба 5-й КА в феврале 1924 г. издал приказ, согласно которому «оперативные директивы начальника штаба 5 КА по части, касающиеся оперативного подчинения ЧОН – отменить. Командованию ЧОН Приморской губернии войти в точный контакт с органами ГПУ, согласовать вопрос о ликвидации бандитизма в губернии и обеспечить своевременное и полное содействие со стороны ЧОН, в деле скорейшей ликвидации уголовного и политического бандитизма» [22, лл. 25, 25об.]. В результате проведенных мероприятий за 1924 – 1925 гг. были ликвидированы крупные банды, бесчинствовавшие на территории Дальнего Востока. Так, в Амурской губернии в сентябре 1923 г. были задержаны главари банд, оперировавшие в районе Благовещенского уезда, Остапенко и Булгаков [26, л. 393 об.]. Одним из самых крупных является т.н. Зазейское восстание. В январе 1924 г. религиозные группы молокан, старообрядцев и баптистов, недовольных политической советской властью в деревне, инициировали и активно поддерживали ряд антисоветских выступлений. Выступление было подавлено силами ОГПУ, осуществлялись массовые репрессии крестьян в Амурской губернии [1, с. 60].

Кроме того, в Амурской губернии активно взаимодействовали казаки с белоэмигрантскими организациями в Маньчжурии. В частности, действовала «Амурская военная организация» (АВО) в г. Сахалин во главе с ген. Сычевым, которая неоднократно провоцировала выступления крестьян в регионе [28, 31, 37].

Вместе с тем необходимо отметить, что согласно сводке ОГПУ, поступившей в октябре 1923 г. в отдел управления ДРК, в Амурской губернии наблюдалось недовольство среди населения по причине плохого урожая и начала налоговой кампании. Учитывая, что цены на хлебоброду продукты значительно поднялись, наблюдалась спекуляция ими. Весенние и осенние палы являлись хроническим злом для Амурской губернии, они повлекли за собой уничтожение большого количества сена, урожая, скота и людей. Местные органы власти пытались бороться с палами и недовольством крестьян, но меры не достигли цели главным образом из-за пассивности проводимых мероприятий [26, л. 611 об.].

В начале октября 1923 г. в Забайкальской губернии бандой в 25-40 чел. был разгромлен Дурулгуевский волостной исполком Акшинского уезда. Причем бандиты забрали печать, винтовки, около 800 руб. денег, собранных по государственному налогу, и скрылись. Часть банды ушла за границу, один из бандитов был взят в плен, а остальные рассеяны. Банды также появлялись в Читинском и Нерчинском уездах, причем действия их касались отдельных лиц. Борьба велась силами ЧОН, ОГПУ и милиции, а также частью местного населения [263, л. 610]. Летом 1923 г. в Приморье появилась банда, которая именовала себя «Зелеными» и состояла наполовину из китайцев, численностью примерно 100 чел. Обитала она в лесу в районе сел Нововасильково, Новороссия, Венедиктовка, Новомосква. Цели они преследовали грабительские, но грабили и преследователи только советских работников, называя это борьбой с коммунистами, и поэтому находили поддержку со стороны местных кулаков. В конце лета 1923 г. в эту банду был направлен бывший партизан из отряда Анисимова, который в то время работал в с. Шкотово, с заданием возглавить ее и ликвидировать. Уже к осени 1923 г. задание было выполнено [14].

В Забайкальской губернии также имелись бродячие белобандитские шайки, производящие набеги на селения. Осенью 1923 г. эти шайки отбирали у сельсоветов печати и штампы, а также распространяли антисоветские прокламации [26, л. 393]. Следует подчеркнуть, что на начальном этапе борьбы с бандитизмом воинские подразделения не могли вести эффективные действия по причине особенности рельефа местности. Банды, совершавшие нападения, быстро рассеивались, мелкими группами уходили в Китай, в тайгу, скрывались под видом мирных жителей и пользовались поддержкой местного населения, недовольного сбором советской властью продналога. Жители сел отказывали военным в постое, пище и воде [20, л. 55, 58, 59].

Губернские военкоматы Дальневосточной области провели регистрацию бывших партизан и имевшегося у них оружия. В зависимости от количества мужского населения в деревнях комплектовались взвода и роты по типу территориально-милиционных для борьбы с белоповстанческим движением и уголовным бандитизмом [8, с. 117].

Учитывая угрозу опасности, исходящей от белогвардейских формирований в Маньчжурии, часть руководителей ДРК высказывалась за возможность перехода китайской границы и ликвидацию белогвардейцев на китайской территории. Так, уполномоченный 5-й армии по ведению работы за рубежом Г.И. Мордвинов докладывал секретарю Дальбюро Н.А. Кубяку, что еще в октябре 1922 г. главком НРА И.П. Уборевич утвердил работу за рубежом и расширил задание: «Организовать и объединить разрозненные хунхузские отряды, закрепить наше влияние в них и распространить их влияние, этих отрядов по всей пограничной полосе в целях использования хунхузов в охране Советских границ извне». Кроме того, было обращено особое внимание на деятельность по ликвидации белобандитских организаций и их внешней разведки на китайской территории [21, л. 55–62; 3, лл. 1-6]. Широкое проникновение «краснобородых» началось еще в 1920 г. Этому способствовало падение власти А.В. Колчака, смена не обладающих никаким авторитетом правительств и уход из Приморья военных контингентов большинства участников интервенции. Все это обеспечило бандитам полную безнаказанность. Оставшиеся на Дальнем Востоке японские и китайские воинские

части предоставляли хунхузам карт-бланш, используя бесчинство «краснобородых» как повод для сохранения собственного военного присутствия. Японская разведка в Маньчжурии занималась организацией и вооружением банд, полностью находившихся под японским контролем и предназначенных для действий на русской территории. Шайки хунхузов к 1922 г. начали «разбавляться» русскими из числа уголовников, опустившихся личностей и представителей белогвардейского лагеря. Бывшие русские военные были самыми боеспособными членами шаек, играли роль «инструкторов» и способствовали поддержанию дисциплины. В большевистской печати Дальнего Востока того периода подобные элементы получили названия «белохунхузов».

В регионе можно было найти и «красных хунхузов», которые составляли самобытную часть партизанского движения. Главным их отличием от японских пособников было то, что в революционный лагерь хунхузы приходили под влиянием коммунистической пропаганды. Так, «краснобородых» убеждали, что большевики в них видят не бандитов, а «повстанцев», что, в общем, не было отражением действительности. Кроме того, переход хунхузов на сторону красных объяснялся ростом антияпонских настроений среди «краснобородых» [5, 6].

Необходимо отметить, что еще 23 сентября 1922 г. Дальбюро приняло особое постановление, которое предписывало войскам избегать перехода советско-китайской границы. Такая забота о суверенитете соседней державы объяснялась нежеланием дальневосточных властей давать повод к конфликту СССР с Китаем. Однако уже в начале декабря 1922 г. китайский МИД (Вайцзяобу) был вынужден обратиться к руководству ДРК с просьбой об издании срочного распоряжения, запрещающего действия, связанные с нападением советских красноармейцев на лагерь китайских войск. Однако на деле, по имеющимся у руководства 5 Красной Армии сведениям, поступившим от китайского генерала Чжу, упоминаемая Вайцзяобу банда не имела никакого отношения к советской стороне. Генерал назвал ее «отрядом белых разбойников» и просил «принять меры к ликвидации банды в случае ее перехода на Советскую территорию» [19, л. 158–159].

Провоцируя руководство Дальревкома, белоэмигранты сфабриковали документы, в которых якобы Москва передавала на Дальний Восток готовый план оперативно-тактического наступления частей Красной Армии на территорию Китая [21, лл. 116, 117, 117 об, 118]. Вместе с тем ДРК не допускал никакой агрессии в отношении сопредельной страны [16, л. 102]. Полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан в октябре 1923 г. просил дальневосточных руководителей сосредоточить у ст. Пограничная и Маньчжурия до 10 тыс. войск с бронепоездами и аэропланами. Демонстрация силы, по его мнению, была необходима для оказания давления на китайскую сторону, переговоры с которой велись в тот момент [17, л. 235, 236]. Политбюро ЦК РКП (б) поддержало эту инициативу и дало дальневосточникам указание «провести демонстрацию в указанных Караханом пределах». Подготовка и демонстрация военной силы проводилась в строгом секрете. Тем не менее информация о приведении армии в боевую готовность появилась в харбинской прессе [21, л. 136]. Однако все осложнялось начатой в армии демобилизацией. В связи с этим руководство Дальнего Востока выступало за немедленную приостановку демобилизации и усиления 5 КА двумя дивизионами [16, л. 102]. Задержка демобилизации была необходима для решения вопросов борьбы с бандитизмом. Так, по перехваченной разведывательной частью информации группировка «отрядов спасения России» должна была организовать белогвардейское восстание 24 апреля 1924 г. в 1 час ночи в районах Троицкосавска, озера Косогол, в Приморье, Владивостоке, Никольском, Хабаровске, Имане, Семипалатинской области, Туркестане. Дата подбиралась с учетом демобилизации красноармейцев старшего возраста и призыва новобранцев [2, л. 24.]. Для предотвращения восстания задержали увольнение красноармейцев на три месяца, несмотря на их недовольство в связи с началом весенней посевной кампании [22, л.

107–110; 25]. Для решения задач по мобилизации РККА, ЧОН мобилизовались и доукомплектовывали кавалерийские части 5 КА [24, л. 2].

Уже к 1925 г. в Дальневосточной области осталось всего 14 бандформирований, а к 1926 г. – 6 мелких групп от 3 до 10 чел., которые занимались грабежами и не находили поддержки у местного населения [10, с. 41].

Подводя итог, необходимо отметить, что Дальневосточный революционный комитет в основном справился с поставленными задачами. Борьба с бандитизмом была поставлена на новый уровень.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Абеленцев В.Н. Памяти участников Зазейского восстания // Государство и личность. Политические репрессии на Дальнем Востоке в XX в.: Материалы региональной научно-практической конференции. 21-22 октября 2004 г. – Благовещенск, 2005. – С. 59-72.
2. Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917-1925 гг.). – Хабаровск, 1989.
3. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1722. Оп. 1. Д. 7.
4. Гладких А.А. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России 1920 – 1926 гг. // Россия и АТР. – 2010. – № 1. – С. 26 – 28.
5. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922–1926 гг. – Хабаровск, 1957. – С. 260-261.
6. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. – М., 2010. – 438 с.
7. Жадан А.В. Архивные документы по истории органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. // Отечественные архивы. – 2017. – № 5. – С. 40-45.
8. Кузин А.В. Военное строительство на Дальнем Востоке СССР (1922 – 1941 гг.). – Благовещенск, 2001. – 240 с.
9. Милежик А.В. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920-е гг.: историографический обзор // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 11. – С. 88-93.
10. Отчет Далькрайисполкома за 1925 – 1926 гг. – Хабаровск, 1927. – 260 с.
11. Орнацкая Т.А. Дальневосточный революционный комитет: цели, задачи, структура // История государства и права. – 2010. – № 3. – С. 31-35.
12. Орнацкая Т.А. Из истории борьбы с интервенцией на российском Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 5. – С. 125-137.
13. Полутов А.В. Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916-1945 гг. (по материалам японских источников) // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего. – Владивосток, 2003. – С. 55-66.
14. Правдивец М. Бесславный конец банды // Ленинский луч. – 1967. – 12 сент.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 159. Оп. 2. Д. 12.
17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 159. Оп. 2. Д. 53.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 372. Оп. 1. Д. 153.
19. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 372. Оп. 1. Д. 171.

20. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 372. Оп. 1. Д. 194.
21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 372. Оп. 1. Д. 223.
22. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 372. Оп. 1. Д. 251.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 372. Оп. 1. Д. 264.
24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 372. Оп. 1. Д. 268.
25. Российский государственный военный архив. Ф. 186. Оп. 3. Д. 429.
26. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 188.
27. Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября: (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке). – М., 1986. – 234 с.
28. Саначев И.Д. Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестник ДВО РАН. – 1992. – № 3-4. – С. 170-180.
29. Усов А.В. К вопросу об организационной структуре и специальной боевой подготовке аварийно-спасательной службы ВМФ ТОФ (1941-1945 гг.) // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 9. – С. 63-66.
30. Флеров В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Т.1. – Томск, 1973. – 360 с.
31. Флеров В.С. Ликвидация кулацкого выступления на Амуре (1924 г.) // Труды. Серия историческая / СО АН СССР. – Владивосток, 1961. – Т.2. – С. 121-136.
32. Фомин В.Н. Части особого назначения (ЧОН) на Дальнем Востоке в 1918–1925 гг. – Брянск, 1994. – 164 с.
33. Худяков П.П. Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью в 1920-е годы. – Хабаровск, 2002. – 220 с.
34. Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922–1930 гг.). – Владивосток, 2002. – 342 с.
35. Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.) – Владивосток, 2017. – 232 с.
36. Шинин О.В. Деятельность дальневосточных органов государственной безопасности по добыванию информации о политическом, военном и экономическом положении приграничных государств в межвоенные годы (1922–1941) // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. – М., 2008. – С. 228-241.
37. Щукин И. Амурская «Гамбовщина» // Амурская правда. – 1999. – 28 мая.



Чепик Михаил Васильевич, кандидат исторических наук,
Дальневосточный федеральный университет,
ota12@ya.ru

ИСТОРИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1917–1945 гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

УДК 93/94

***Аннотация.** Вековой юбилей исторической науки на Дальнем Востоке обусловил интерес к изучению исторических исследований. Историки Дальневосточного региона исследуют широкий спектр проблем Отечественной истории, внося вклад в изучение региональной истории. В статье проведен анализ научных работ ученых-историков, изучающих историю правоохранительных органов на Дальнем Востоке с октября 1917 г. до завершения Великой Отечественной войны.*

***Ключевые слова и фразы:** историческая наука, ученые, Дальний Восток, публикации, историография.*

Michael Chepik, candidate of history,
Eastern federal University,
ota12@ya.ru

HISTORY OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE FAR EAST IN 1917-1945: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

***Abstract.** The centenary of historical science in the Far East led to the interest in the study of historical research. Historians of the Far East region explore a wide range of problems of Russian history, contributing to the study of regional history. The article analyzes the scientific works of historians studying the history of law enforcement agencies in the Far East from October 1917 to the end of the great Patriotic war.*

***Key words and phrases:** Historical science, scientists, Far East, publications, historiography.*

События XX в. являются объектом пристального внимания историков всего мира. Революционные события в России в октябре 1917 г. не только перевернули мировую историю, но и разделили исследователей на сторонников социалистических преобразований и противников. Столетие революционных событий способствовало увеличению публикаций, посвященных различным аспектам социальной, политической и экономической жизни России.

Тема роли и вклада правоохранительных органов в обеспечение безопасности Советского государства не нова, однако именно в настоящее время она переживает новый «всплеск», связанный с общей актуальностью проблем обеспечения безопасности России на современном этапе.

Широко отмеченное в октябре 1918 г. 100-летие исторического образования на Дальнем Востоке России способствует размышлению и проведению анализа исторических исследований по проблемам региона.

Первоочередными задачами государства являются обеспечение безопасности личности и общества, защита населения и территории страны, ее материальных и культурных ценностей от различного рода опасностей и угроз. История Российского государства включает в

себя и историю правоохранительных органов, задача которых сводилась к обеспечению безопасности страны и сменявших друг друга политических систем. Изучение становления, развития специальных служб, содержания основных направлений их практической работы как в стране в целом, так и в Дальневосточном регионе имеет важное значение для осмысления сложных и противоречивых тенденций в развитии страны в 1917-1945 гг. Одной из важнейших задач реформирования российского общества на современном этапе является укрепление правоохранительных органов. Для её успешного осуществления необходимо в полной мере учитывать опыт их деятельности на различных исторических этапах развития страны.

Представляется уместным начать обзор историографии, посвященной правоохранительным органам Дальнего Востока в заявленный период, с общих работ, посвященных исторической ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке после революционных событий октября 1917 г. Пестрый состав дальневосточного общества, сформировавшийся к середине первого десятилетия XX в., предопределил неоднозначность восприятия известия о переходе власти в России к РСДРП (б). В отдаленном от Москвы и Петрограда регионе процветали контрабанда и бандитизм, развивались культура и образование [5; 19; 20; 53].

Особенностью Дальнего Востока являлось длительное сохранение правоохранительных органов Российской империи и «белых режимов» [18; 21; 27]. А формируемые в регионе советские правоохранительные структуры первоначально имели малочисленную структуру и зачастую действовали на нелегальной основе [17; 61]. Усиление небольшевистских настроений привело к падению советской власти в Дальневосточном регионе, ее оплотом стала лишь Амурская область. В сложных внутри- и внешнеполитических условиях руководство РСФСР пошло на временное создание буферной Дальневосточной республики. Начиная с весны 1920 г. на территориях к востоку от оз. Байкал начали формироваться правоохранительные органы буфера. Их организационная структура копировала советские органы ВЧК и рабоче-крестьянской милиции [31; 34; 42; 58; 61]. Принятие в 1921 г. Конституции Дальневосточной республики позволило сформировать нормативную правовую базу и определить направления деятельности органов народной милиции ДВР и Государственной политической охраны буфера [42; 57; 58; 59; 60; 62; 63; 64].

Проведенный в 1921-1922 гг. партийным руководством региона анализ деятельности созданных правоохранительных структур выявил недостатки морального облика сотрудников милиции и органов безопасности [30; 33; 37]. Поэтому в регионе появляются первые образовательные учреждения, занимавшиеся профессиональным обучением специалистов правоохранительных структур [1; 3; 13; 14; 15; 32; 38; 40; 66; 67].

Завершение Гражданской войны и иностранной интервенции позволило упразднить Дальневосточную республику и войти региону в состав РСФСР. Объединение Дальнего Востока с Советской Россией привело не только к реорганизации органов власти региона, но и пересмотру задач, стоявших перед его правоохранительными органами [12; 41; 55; 66]. Характерная для РСФСР регламентация партийной прослойки в государственных структурах коснулась и дальневосточных правоохранителей. 1920-1930-е гг. отмечены массовыми «чистками» и проверками политико-морального состояния чекистов и милиционеров [26; 28; 29; 51; 68]. Наряду с негативными тенденциями улучшается материальное обеспечение правоохранителей и финансирование их деятельности [17; 70].

В 1930-1940-е годы регион находился в центре внешнеполитических событий Азиатско-Тихоокеанского региона. В этой связи немаловажную роль сыграли сотрудники органов безопасности. На первый план выступила не только охрана прав советских граждан, но и обеспечение их безопасности [2; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 22; 23; 24; 25; 35; 36; 39; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 52; 55; 56].

Проведенный анализ публикаций историков Дальнего Востока, посвященный истории правоохранительных органов региона, свидетельствует о мощном научном потенциале. Не-

обходимо подчеркнуть, что в русле исследуемой проблемы остаются неизученными многие ее аспекты. Так, обойдено вниманием становление органов безопасности в регионе, зарождение профессионального обучения сотрудников ГПО-ГПУ-ОГПУ-НКВД, остается неизученным процесс становления милицейских органов в Хабаровском крае и Амурской области. Тем не менее можно сделать вывод о разнонаправленности исследовательского интереса дальневосточных историков, богатой источниковой базе, глубоком научном изучении заявленных проблем.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Бакшутлов, С.Н. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918-2011 гг.) / С.Н. Бакшутлов, Т.А. Орнацкая, Н.А. Шабельникова. – Владивосток: ДВФУ, 2017. – 232 с.
2. Бакшутлов, С.Н. Деятельность милиции Приморья в годы Великой Отечественной войны / С.Н. Бакшутлов, Н.А. Шабельникова // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: Материалы Международного форума, посвященного 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. – С. 316-321.
3. Бакшутлов, С.Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. / С.Н. Бакшутлов, Н.А. Шабельникова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 182-185.
4. Грачев, А.В. Провал планов японских и германских спецслужб против советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны / Т.А. Орнацкая, А.В. Грачев // Краеведение Приамурья. – 2010. – № 4. – С. 58-64.
5. Дальневосточная контрабанда как историческое явление (Борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX - первой трети XX века) / Н.А. Беляева, Л.А. Лаврик, С.Н. Ляпустин, А.В. Попенко, Н.А. Шабельникова, П.А. Щербина. – Владивосток: Владивостокский филиал Российской таможенной академии, 2010. – 330 с.
6. Жадан, А.В. «По имеющимся в Управлении НКВД данным...» социально-экономическая обстановка и материально-бытовые условия жизни населения Приморского края в 1943-1945 гг. / А.В. Жадан // Исторический архив. – 2018. – № 5. – С. 138-150.
7. Жадан, А.В. Влияние советско-японских отношений на деятельность органов внутренних дел Приморского края (1941-1945 гг.) / А.В. Жадан // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. – 2018. – С. 365-370.
8. Жадан, А.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с хищениями грузов в портах и на железнодорожном транспорте в годы Великой Отечественной войны / А.В. Жадан // Дальний Восток России на перекрестке эпох: Сборник научных трудов Всероссийского круглого стола, посвященного 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия Первой Государственной думы / Редколлегия: Ф.Е. Ажимов [и др.]; Ответственные редакторы: С.М. Дударенок, М.А. Тулиглович. – Владивосток, 2017. – С. 241-245.
9. Жадан, А.В. Историко-криминологический анализ условий деятельности милиции Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / А.В. Жадан // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 205-206.

10. Жадан, А.В. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью в 1941-1945 гг. / А.В. Жадан // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4. – С. 66-74.
11. Жадан, А.В. Органы внутренних дел Приморского края в борьбе с преступностью (1941-1945 гг.) / А.В. Жадан // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Материалы Второй международной научной конференции / Ответственные редакторы С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович. – Владивосток: ДВФУ, 2017. – С. 385-387.
12. Кулешов, Д.С. Задачи органов безопасности по реализации советизации Дальнего Востока (1923-1926 гг.) / Д.С. Кулешов // Революция 1905 -1907 гг. в России и на восточных окраинах империи. Формирование российского парламентаризма: тезисы докладов круглого стола, посвященного 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия первой Государственной Думы. – Владивосток, 2016. – С. 200-203.
13. Милежик, А.В. Деятельность Центральной школы подготовки комсостава народной милиции ДВР: опыт организации профессионального образования на Дальнем Востоке России / А.В. Милежик // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 2. – С. 135-145.
14. Милежик, А.В. Начальный этап становления профессионального образования на Дальнем Востоке России (на примере Центральной милицейской инструкторской школы) / А.В. Милежик // Полиция России: прошлое, настоящее, будущее: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Дальневосточный юридический институт МВД России. – Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2012. – С. 43-47.
15. Милежик, А.В. Центральная школа подготовки комсостава народной милиции Дальневосточной республики (Из истории ДВЮИ МВД России) / А.В. Милежик // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2013. – № 2. – С. 123-129.
16. Орнацкая Т.А. Финансирование высших юридических образовательных учреждений на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): Сб. науч. статей. Вып. 7. – Хабаровск, 2017. – С. 96-102.
17. Орнацкая Т.А. Дальневосточная милиция в годы гражданской войны: к вопросу о проблемах функционирования // Чтения памяти А.А. Сидоренко. – Благовещенск, 2015. – С. 115-121.
18. Орнацкая Т.А. Правовая подготовка сотрудников юстиции и милиции в 1917-1920-е годы (на материалах Восточной Сибири и Дальнего Востока) // «Революция 1917 г. и Гражданская война в Урало-Сибирском регионе»: материалы всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны. – Курган, 2017. – С. 189 – 197.
19. Орнацкая Т.А. Реформирование высшего юридического образования в России в 1917 - начале 1920-х гг. (на примере Дальнего Востока) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2017. – № 2. – С 91-102.
20. Орнацкая Т.А. Становление и развитие высшего юридического образования на Дальнем Востоке в 1917-1938 гг. – М.: Эдитус, 2017. – 182 с.
21. Орнацкая, Т.А. «Стремясь к организации милиции, отвечающей своему назначению...» Документы ГАРФ об учреждении подготовительных курсов для чинов милиции Правительства А.В. Колчака / Т.А. Орнацкая // Исторический архив. – 2018. – № 6. – С. 20–30.
22. Орнацкая, Т.А. Деятельность дальневосточных территориальных управлений органов государственной безопасности СССР в 1941- 1943 гг. / Т.А. Орнацкая // Военно-юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 15-21.
23. Орнацкая, Т.А. Деятельность органов государственной безопасности в предвоенные годы по созданию партизанских и диверсионных формирований (на материалах Дальнего

- Востока) / Т.А. Орнацкая // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: Материалы междунар. науч. конфер. 22 -27 нояб. 2012 г.– Чита, 2012. – С. 97-101.
24. Орнацкая, Т.А. Деятельность органов государственной безопасности СССР в 30-е гг. по подготовке к «малой войне» / Т.А. Орнацкая // Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко: материалы региональной научно–практической конференции. /отв. ред. А.В. Кузин. – Благовещенск, 2012. – С. 88–95.
25. Орнацкая, Т.А. Деятельность Советского государства по обеспечению безопасности Дальнего Востока с помощью иррегулярных сил (1931-1945 гг.): к постановке проблемы / Т.А. Орнацкая // Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика: XIII всерос. науч. конф. молодых ученых (с международным участием), Владивосток, 18–22 апреля 2012 г.: программа и тезисы / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет; [отв. ред. Ю.В. Латушко]. – Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. – С. 122-124.
26. Орнацкая, Т.А. К вопросу о моральных устоях дальневосточных милиционеров в 1920-1922 гг. / Т.А. Орнацкая // Чтения памяти А.А. Сидоренко: материалы региональной заочной науч.-практ. конфер. (Благовещенск, 30 ноября 2016 г.). периодический сборник. Вып. 3. / отв. ред. А.В. Кузин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 119-124.
27. Орнацкая, Т.А. К вопросу о юридической подготовке кадров правоохранительных структур «белых» правительств в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1918-1920 гг. / Т.А. Орнацкая // История: факты и символы. – 2017. – № 1 (10). – С. 118-128.
28. Орнацкая, Т.А. Кадровая политика в правоохранительных органах (на примере советской милиции Дальнего Востока в 1920-1930-е годы) / Т.А. Орнацкая // Исторический журнал: научные исследования. –2016. – № 4. – С. 441-449.
29. Орнацкая, Т.А. Кадровое обеспечение органов милиции на Дальнем Востоке России (ноябрь 1922 – март 1926 гг.) / Т.А. Орнацкая // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология». – 2016. – № 15, Вып. 39 (сентябрь). – С. 136-142.
30. Орнацкая, Т.А. Морально-деловые качества сотрудников правоохранительных органов Дальневосточной республики / Т.А. Орнацкая // Актуальные вопросы совершенствования системы обеспечения безопасности в пограничной сфере (на примере Дальневосточного федерального округа): материалы ведомственной науч.-практ. конфер. – Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2016. – С. 372-375.
31. Орнацкая, Т.А. Народная милиция Дальневосточной республики: комплектование и подготовка кадров / Т.А. Орнацкая // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. –№ 2 (47). – С. 39-47.
32. Орнацкая, Т.А. Подготовка кадров милиции Приморья в первой половине 1920-х гг. / Т.А. Орнацкая, С.С. Цуканов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. –2016. –№. 3. – Ч.2. –С. 122-124.
33. Орнацкая, Т.А. Политико-моральное состояние и дисциплина дальневосточных милиционеров в 1920-1930х гг. / Т.А. Орнацкая // Революция 1905-1907 гг. в России на восточных окраинах империи. Формирование российского парламентаризма: тезисы докладов круглого стола, посвященного 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия Первой Государственной Думы. Владивосток, 26–27 апреля 2016 г. – Владивосток: Издательство ВГУЭС, 2016. – С. 92–93.
34. Орнацкая, Т.А. Проблемы комплектования дальневосточной милиции в 1920-е годы / Т.А. Орнацкая // Дальний Восток России на перекрестке эпох [электронное научное издание]: сборник научных трудов / редкол.: Ф.Е. Ажимов [и др.]; отв. ред.

- С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – С. 215-218.
35. Орнацкая, Т.А. Реорганизация органов государственной безопасности СССР в 1941-1943 гг. / Т.А. Орнацкая // Актуальные проблемы истории стран АТР в XIX – XXI вв. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им Н.И. Гродекова, 2014. – С. 182-192.
 36. Орнацкая, Т.А. Сотрудничество дальневосточных спецслужб с иностранными партизанскими отрядами в 1930-1940-е годы / Т.А. Орнацкая // Материалы регионального научно-практического круглого стола «Россия и страны Дальневосточного региона: история, культура, политика». – Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2014. – С. 54-57.
 37. Орнацкая, Т.А. Становление кадровой работы в милиции Дальневосточной республики / Т.А. Орнацкая // Девятые Гродековские чтения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Гражданской войны в России. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2018. – Т. II. – С. 78-82.
 38. Орнацкая, Т.А. Флагман подготовки милицейских кадров на Дальнем Востоке (об обучении юристов в начале 1920-х гг.) / Т.А. Орнацкая // Гуманитарные науки и образование. – 2018. – № 1. – С. 148–153.
 39. Орнацкая, Т.А. Формирование и подготовка иностранных партизанских диверсионных отрядов силами дальневосточных спецслужб в 1930-1940-е годы / Т.А. Орнацкая // Военно-юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 13-18.
 40. Орнацкая, Т.А., Хитин М.С. Организация внешкольной работы с дальневосточными милиционерами в середине 1920-х – 1930-е годы / Т.А. Орнацкая, Хитин М.С. // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 2 (26) (апрель-июнь). – С. 150-155.
 41. Орнацкая, Т.А., Цыбин, А.Ю. Обеспечение информационной безопасности органами ОГПУ на Дальнем Востоке в 1922-1934 гг. / Т.А. Орнацкая, А.Ю. Цыбин // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае. – Хабаровск: ДВГГУ, 2008. – С. 28-35.
 42. Орнацкая, Т.А., Чепик, М.В. Деятельность спецслужб Дальневосточной республики по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920-1922 гг. / Т.А. Орнацкая, М.В. Чепик // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 1. – С. 92-105.
 43. Ткачева, Г.А., Жадан, А.В. Социально-экономические детерминанты криминализации приморского общества в 1941-1945 гг. / Г.А. Ткачева, А.В. Жадан // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 94-98.
 44. Усов, А.В. «Водолазное, аварийно-спасательное и судоподъемное дело на Дальнем Востоке будет стоять на должной высоте». Становление отдельной дальневосточной партии экспедиции подводных работ особого назначения. 1932-1933 гг. / А.В. Усов // Исторический архив. – 2018. – № 4. – С. 86-98.
 45. Усов, А.В. «Да здравствуют герои эпроновцы!»: популяризация достижений экспедиции подводных работ особого назначения в советском обществе 1930-х гг. (К 95-летию создания ЭПРОНа) / А.В. Усов // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII международной научной конференции. Общество изучения истории отечественных спецслужб. – М.: Кучково поле, 2018. – С. 186-193.
 46. Усов, А.В. Аварийно-спасательная служба Тихоокеанского флота 1941-1945 гг. / А.В. Усов // Клио. – 2018. – № 1. – С. 137-144.
 47. Усов, А.В. Взаимодействие НКВД и Краснознаменной экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане (1930-1940 гг.) / А.В. Усов // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: уроки истории: Материалы XXI Всероссийской

- научной конференции / Редакционная коллегия: доктор исторических наук А.А. Зданович, доктор исторических наук, профессор В.С. Измозик, доктор исторических наук, профессор А.М. Плеханов, доктор исторических наук, профессор В.Н. Хаустов. – М.: Кучково поле, 2018. – С. 219-225.
48. Усов, А.В. К вопросу об организационной структуре и специальной боевой подготовке аварийно-спасательной службы ВМФ ТОФ (1941-1945 гг.) / А.В. Усов // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 9. – С. 63-66.
49. Усов, А.В. Опыт эксплуатации специализированной техники аварийно-спасательной службой Тихоокеанского флота 1941-1945 гг. / А.В. Усов // Гражданские конфликты и гражданские войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов "Сlio-2018". – 2018. – С. 410-413.
50. Усов, А.В. Организация водолазного дела на Тихоокеанском флоте в 1941-1945 гг. / А.В. Усов // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 5. – С. 88-97.
51. Усов, А.В. Роль экспедиции подводных работ особого назначения в становлении Тихоокеанского флота СССР (1935-1941 гг.) / А.В. Усов // Девятые Гродековские чтения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Гражданской войны в России / Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова; И.В. Крюков (гл. редактор); Ю.В. Белкин (отв. редактор); Г.Т. Титорева; Н.С. Позина; М.В. Горшков; Н.П. Гребенюкова. – Хабаровск: ХККМ, 2018. – С. 129-133.
52. Усов, А.В. Условия создания и назначения аварийно-спасательной службы ВМФ в годы Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия (1941-1955 гг.) / А.В. Усов // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: Материалы Международного форума, посвященного 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. – С. 287-292.
53. Цуканов С.С. К 100-летию органов безопасности // Военно-юридический журнал. – 2017. – № 8. – С. 30-32.
54. Цуканов, С.С. Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в 1923-1926 гг. / С.С. Цуканов, Т.А. Орнацкая // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14) – С. 207-209.
55. Цуканов, С.С. Историко-правовые аспекты деятельности органов безопасности Хабаровского края летом 1941 г. / С.С. Цуканов, М.С. Хитин // Инновации в науке: сб. ст. по матер. LVІ междунар. науч.-практ. конф. № 4(53). Часть I. – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 138-143.
56. Цуканов, С.С. Реорганизация органов государственной безопасности СССР в первые месяцы Великой Отечественной войны / С.С. Цуканов // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 99-102.
57. Цуканов, С.С., Чепик М.В. Военная контрразведка в системе органов безопасности Дальнего Востока / С.С. Цуканов, М.В. Чепик // Культурно-историческое наследие России и стран АТР: исследование и сохранение: материалы междунар. науч.-практ. конф. посвященной 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 445-450.
58. Чепик М.В. Деятельность государственной политической охраны по обеспечению безопасности Дальневосточной республики. – М.: Эдитус, 2017. – 180 с.

59. Шабельникова, Н.А. Деятельность органов милиции в системе исполнительной власти советского государства в 1917-1930 гг.: организационные и правовые основы / Н.А. Шабельникова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1. – С. 110-116.
60. Шабельникова, Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы / Н.А. Шабельникова. – М.: Проспект, 2016. – 324 с.
61. Шабельникова, Н.А. Исторический опыт формирования дальневосточной милиции в 1917-1922 гг. / Н.А. Шабельникова // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2014. – № 2. – С. 71-82.
62. Шабельникова, Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922-1930 гг.) / Н.А. Шабельникова. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – 420 с.
63. Шабельникова, Н.А. Милиция в системе исполнительной власти в 1917-1930 гг.: теоретические и организационно-правовые аспекты / Н.А. Шабельникова // История государства и права. – 2010. – № 14. – С. 25-29.
64. Шабельникова, Н.А. Милиция в системе охраны правопорядка на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. / Н.А. Шабельникова. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 260 с.
65. Шабельникова, Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922-1930 гг.) / Н.А. Шабельникова. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 220 с.
66. Шабельникова, Н.А. Подготовка кадров дальневосточной милиции в 1920-е гг. / Н.А. Шабельникова // Вопросы истории Дальнего Востока межвузовский сборник научных статей. Хабаровский государственный педагогический университет; редколлегия: Н.И. Дубинина, М.И. Светачев, Ю.Н. Ципкин (науч. ред.). – Хабаровск, 2001. – С. 28-33.
67. Шабельникова, Н.А. Становление системы профессионального обучения в органах Дальневосточной милиции в 1920-е гг. / Н.А. Шабельникова // Влияние правовой доктрины на правоохранительную и правоприменительную деятельность: Сб. материалов межвуз. конфер. – Владивосток: Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, 2010. – С. 250-259.
68. Шабельникова, Н.А. Теория и практика аттестования кадров как формы контроля в управлении органами милиции Дальнего Востока в 1920-е гг.: исторический опыт / Н.А. Шабельникова // Теория и практика управления органами внутренних дел в условиях реформирования МВД России: Сб. статей. – Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2003. – С. 297-303.
69. Шабельникова, Н.А. Финансовое и материальное обеспечение сотрудников дальневосточной милиции в 1920-е гг. (к 100-летию образования Рабоче-Крестьянской милиции) / Н.А. Шабельникова // Клио. – 2018. – № 1. – С. 60-68.



Чжао Хуэйцин, преподаватель

Хэйхэский университет, КНР;

аспирант Департамента истории и археологии ШИГН ДВФУ

273004890@qq.com

Хань Куань, старший преподаватель

Международный институт экономики и лингвистики ИГУ

hankuan@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНОГО СИБИРСКОГО СОЮЗА КИТАЙСКИХ ГРАЖДАН

УДК 93/94

Аннотация. *Общественные организации играли важную роль в обеспечении возможности китайским гражданам выжить за границей, обосноваться там и быстро развиваться. Восточный Сибирский союз представляет собой одну из крупнейших общественных организаций в отношении как численности своих членов, так и активности его деятельности. Анализируя деятельность данного союза, мы можем узнать положение китайских общественных организаций в России в полном виде.*

Ключевые слова и фразы: *общественная организация, союз, защита, устав, ликвидация.*

Zhao Huiqing, teacher

Heihe University, China;

postgraduate student of Far Eastern Federal University

273004890@qq.com

Han Kuan, master teacher

International institute of economics and linguistics ISU

hankuan@mail.ru

ACTIVITY OF THE EAST SIBERIAN UNION CHINESE CITIZENS

Abstract. *Public organizations played an important role in ensuring the ability of Chinese citizens to survive abroad, to settle there and develop rapidly. The East Siberian Union is one of the largest public organizations both in terms of the number of its members and the activity of its activities. Analyzing the activities of this union, we can find out the position of Chinese public organizations in Russia in full.*

Key words and phrases: *public organization, union, protection, charter, liquidation.*

История эмиграции китайских граждан за границу довольно длинна. Предпочтение создания общественных организаций разного вида является для них важным аспектом ассимиляции в новой среде, что и становится спецификой образа зарубежной жизни китайской диаспоры [5, с. 34].

Несмотря на то, что с 1893 года в России и на Дальнем Востоке постепенно закрывали нелегальные китайские общественные организации, многие источники доказывают, что ки-

тайские общественные организации по-прежнему существовали в разной форме, будь то легальная или тайная.

Массовое создание различных коммерческих организаций происходило с начала XX века. До 4 марта 1906 года вступили в силу временные правила об обществах и союзах в России, что стало правовой основой осуществления китайских обществ.

В книге «Записка о России» [8, с. 73], написанной известным китайским революционером Цюй Цюбай, описано, что в Чите существовал Восточный Сибирский союз китайских граждан (Хуацяо Люйэ Сибэлиядунбу Ляньхэхуй), у которого насчитывалось 12 отделений в Забайкальском крае, и количество его членов достигало 70 тыс. чел., с около 4000 участников в Чите.

В ноябре 1918 года 9 представителей китайских коммерсантов и рабочих, проживающих в Нерчинске, подали заявление на имя военного губернатора провинции Хэйлунцзян г-на Бао Гуйцин о создании союза китайских граждан в данной области для защиты китайского населения. Они рекомендовали г-на Цюй Фучэн в качестве представителя [1, л. 15].

Судя по ответному письму от 11 декабря 1918 года, выясняется, что данное заявление было доставлено сразу китайскому Министерству иностранных дел, губернатору Бао Гуйцин провинции Хэйлунцзян и министру управления по политическим вопросам г-ну Чжэн. Последний посчитал, что вопрос о защите китайских граждан должен быть передан в соответствующее китайское консульство в России. Таким образом, после рассмотрения в консульстве заявление было отправлено в китайское центральное правительство для дальнейшей инспекции [2].

Затем заявители, по требованию китайских властей, направили информацию о председателе и участниках союза, включая их имена, возраст, происхождение и профессию, а также устав союза в консульство, которое затем направило эти документы в Китай для дальнейшего рассмотрения. По инструкции китайского правительства, члены союза должны были обратиться к российским властям с просьбой об одобрении [1, л. 16], однако на данный момент в русских источниках не найдены материалы касательно этого вопроса. Данный союз просуществовал вплоть до 1923 г., до тех пор, пока советские власти не закрыли почти все китайские общества [6, с. 657].

До 1920 г. председателем и вице-председателем союза являлись Ван Фучэн и Чэнь Фафу, конторщиками были Чэнь Сяндянь, Чэнь Сянцин, Чжан Кэбинь, Ван Чжинань и др. Однако позже, в октябре 1920 г. из-за их неспособности выполнять работу они были сняты с должности, и на их места поступили Цюй Фучэн и Фэн Фуцин, которые стали председателем и вице-председателем [3, л. 23].

Устав союза состоял из 10 глав и включал 53 пункта. В содержание 10 глав включались следующие: наименование и место союза; цель их деятельности; состав членов союза; установление должностей участников; правила выборов комитета союза и срок его полномочий; правила созыва собраний; условия о снятии с должности и наказаниях; финансовая система; порядок роспуска союза; приложения [3, л. 21].

В уставе этого союза устанавливались конкретные правила касательно деятельности данного союза, такие как, например, оказание помощи китайским коммерческим предприятиям, несение ответственности за координирование отношений между отделениями союза, и между союзом и другими организациями, изучение рыночного положения, ведение переговоров с российскими властями и другими учреждениями в случае необходимости. Кроме того, в уставе было описано, что в случае серьезных происшествий и вопросов необходимо было своевременно докладывать не только китайскому консульству, Министерству сельского хозяйства и торговли, Министерству иностранных дел, но и русским административным учреждениям. На основе этих данных мы можем сделать вывод, что союз, с одной стороны, подчинялся китайским властям, а с другой – всё же делал попытку легального существова-

ния на российском Дальнем Востоке и добивался признания русских властей.

30 декабря 1920 г. новый председатель союза подал правительству провинции Хэйлунцзян заявление о выдаче союзу свидетельства на русском языке для того, чтобы предъявить его советским властям с целью добиться их признания. В заявлении стало известно, что их организация не была признана большевиками как легальная из-за саботирования недавно снятого бывшего председателя Ван Фучэн, который пожаловался на новый комитет союза русским властям. Однако в ответном письме, с подписью губернатора провинции Хэйлунцзян, уполномоченного Министерством иностранных дел г-н. Тань Шисянь и начальника провинциального финансового управления г-на. Чжу, сообщалось, что ходатайство союза уже выходило за пределы их компетенции обращаться в консульство в России [3, л. 25].

С 1921 года советское правительство начало постепенно ликвидировать различные китайские общественные организации. В китайской газете «Шэньбао» от 4 марта 1923 г. сообщается, что «в течение месяца в Хабаровске, Чите, Улан-удэ и других местах были последовательно закрыты китайские торговые общества. Китайские общества являются автономными организациями, они играют важную роль в качестве духовной опоры для китайского населения за рубежом, их упразднение затруднило выживание для этих китайцев» [4].

Китайские власти в то же время многократно пытались вести переговоры с советской стороной по этому делу. По обнаруженным нами материалам можно видеть, что во время встречи, проходившей 13-го января 1923 г., между китайским министром иностранных дел г-ном Ши Чжаодун и представителем советских властей было проведено обсуждение по вопросу ликвидации торговых обществ, происходящей в России. Однако эта встреча не принесла никаких результатов. Затем этот вопрос также поднимался в двусторонних переписках от 18-го, 23-го и 30-го января 1923 г. В том числе речь шла и о закрытии торговых обществ в Благовещенске, Хабаровске, Чите, Улан-Удэ, Нерчинске и других местах. Но в конце концов, в ответе от русских властей выясняется, что причина ликвидации обществ состояла в том, что китайские торговые общества постоянно занимались деятельностью, не соответствующей законам советских властей, также их обвиняли в незаконном хранении наркотиков и оружия и т.д. [7]. Так Восточный Сибирский союз китайских граждан и прекратил свою деятельность в России.

Общественные организации играли важную роль в обеспечении спокойной и стабильной жизни китайских эмигрантов и сильно помогали им в развитии. Китайцы, живущие в далекой чужой стране, когда на первых порах принявшее их государство не оказывало мигрантам никакой помощи, могли объединиться и проявить солидарность сил. Общественные организации играли не менее важную роль, что и являлось основной причиной развития китайцев. В этом отношении Восточный Сибирский союз китайских граждан, безусловно, имел определенное значение.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Архив провинции Хэйлунцзян. Том ведомства губернатора. Ф. 1. Оп. 2. Д. 187.
2. Архив провинции Хэйлунцзян. Том ведомства губернатора. Ф. 1. Оп. 2. Д. 187; Архив провинции Хэйлунцзян. Том ведомства губернатора; Институт новой истории Академии Синика. Материалы по истории китайско-российских отношений. 1917-1919. Политические перемены в России и общие дипломатические отношения (1). – Тайбэй.: Издательское акционерное общество Цзинхуа, 1960. – С. 606-612.
3. Архив провинции Хэйлунцзян. Том ведомства губернатора. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7.
4. Газета Шэньбао. Шанхай. – 1923.
5. Лю Цзяньминь. Организация и преемник клановой ассоциации// Бюллетень Цзиньцзянского землячества в Сингапуре. – 2003. – № 2. – С. 34-36.

6. Сюе Сяньтянь, Хуан Цзилян, Ли Цзягу, Ли Юйчжэнь. Архивные материалы по истории отношений между Китаем и СССР. – Пекин.: Китайская социальная наука, 1993. – 683 с.
7. Сюе Сяньтянь, Хуан Цзилян, Ли Цзягу, Ли Юйчжэнь. Архивные материалы по истории отношений между Китаем и СССР. — Пекин.: Китайская социальная наука, 1993. – С.654-656 ; Утренняя газета Пекин. Пекин. – 1923. – № 19.
8. Цюй Цюбай. Записка о России. – Пекин.: Восток, 1922. – 183 с.



Шабельникова Наталья Алексеевна

*профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России,
доктор исторических наук, профессор,
nhistorik@mail.ru*

**МОРСКАЯ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ:
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

УДК 94(47).084.8

***Аннотация.** Статья посвящена анализу дальневосточных исследований по истории морской спасательной службы. Автор обращает внимание на то, что исследователи проделали большую работу по выявлению новых источников и современной интерпретации исторических явлений. Систематизация и анализ имеющихся трудов позволили подвести некоторые итоги исследования истории морской спасательной службы на Дальнем Востоке России, выявить тенденции и особенности ее изучения, определить новые ориентиры развития. Автор приходит к выводу о том, что важной тенденцией современного периода является формирование нового направления в отечественной региональной историографии – изучение истории Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН). Появление нового направления исследования создает основу для продолжения изучения роли морской спасательной службы в обеспечении национальной безопасности страны.*

***Ключевые слова и фразы:** современная историография, региональный аспект, Дальний Восток, Россия, морская спасательная служба, национальная безопасность, изучение, основные направления, новые подходы.*

Natalia Shabelnikova

*Department of Humanitarian Disciplines Vladivostok branch
of Far Eastern Judicial Institute of Russian Ministry of the Interior,
Doctor of Historical Sciences, Full Professor,
nhistorik@mail.ru*

**MARINE RESCUE SERVICE OF RUSSIA'S FAR EAST:
THE QUESTION OF THE FORMATION OF A NEW DIRECTION
IN THE DOMESTIC REGIONAL HISTORIOGRAPHY**

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of far Eastern studies on the history of marine rescue service. The author draws attention to the fact that the researchers have done a lot of work to identify new sources and modern interpretation of historical phenomena. Systematization and analysis of the available works allowed to sum up some results of the study of the history of the marine rescue service in the far East of Russia, to identify trends and features of its study, to determine new development guidelines. The author comes to the conclusion that an important trend of the modern period is the formation of a new direction in the national regional historiography – the study of the history of the Expedition of underwater works of special purpose (EPRON). The emergence of a new area of study provides a basis for further study of the role of the Maritime rescue service in the national security of the country.*

Key words and phrases: modern historiography, regional aspect, far East, Russia, marine rescue service, national security, study, main directions, new approaches.

Государственная морская служба Российской Федерации в целом и Дальнего Востока в частности – важная составляющая часть морской отрасли. За годы безупречной службы российские морские спасатели показали высочайший профессионализм, мужество и верность долгу. Их работа заслужила признание не только в нашей стране, но и во всем мире. Рискуя нередко собственной жизнью, они в самых трудных условиях выручают из беды моряков, рыбаков, летчиков, пассажиров транспортных средств, спасают суда и перевозимые ими грузы.

В современный период морские спасатели, наряду с традиционной деятельностью по спасению человеческой жизни на море, подъему затонувших судов и грузов, водолазно-спасательным работам, участвуют в экологической защите морских вод, очистке гаваней и фарватеров, обслуживанию нефте- и газодобывающих комплексов на российском шельфе, ликвидируют последствия разливов нефти и других вредных веществ.

Изучение деятельности морской спасательной службы Дальнего Востока начинается с середины 1950-х годов и продолжается по настоящее время. В период создания и развития океанского флота (сер. 1950-х – 1991 гг.) важнейшей проблемой судоходства, судостроения и смежных областей оставалось обеспечение безопасности человека на море. Исследования периода 1991 – 2018 гг. содержат сведения об организации и деятельности аварийно-спасательной службы в условиях реформирования государственных структур и отрасли в целом. Значительный вклад в изучение Отечественного аварийно-спасательного, судоподъемного и подводно-технического дела внесли признанные специалисты Н.П. Чикер, П.А. Боровиков, А.Б. Королев, В.Н. Илюхин, П.В. Захаров и другие [1; 2; 3; 4; 5].

Дальневосточные ученые внесли существенный вклад в изучение проблем морской спасательной службы. Региональная историография представлена научными и научно-популярными исследованиями.

Одним из первых в отечественной региональной историографии считается исследование Н.А. Колотова [6], который на основе опыта работы морского флота Дальневосточного бассейна описывает наиболее часто наблюдавшиеся аварии судов. Обращает внимание на то, что, несмотря на труднейшие условия плавания в дальневосточных морях (жестокое тайфуны, продолжительные туманы, неизученные течения, осуществление грузовых операций на открытых рейдах и т.д.), моряки Дальневосточного пароходства успешно выполняли производственные планы снабжения самых отдаленных населенных пунктов нашей Родины разнообразными грузами.

В работе Р.В. Вахненко анализируются исторические предпосылки возникновения и развития портов и портовых пунктов, рассматриваются основные технико-экономические показатели их работы (грузооборот, номенклатура обрабатываемых грузов и основные направления перевозок), дается описание прилегающих поселений (численность населения, характеристика хозяйства, транспортно-географическое положение) [7].

Крупнейшей кузницей морских кадров на Дальнем Востоке является Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского. Значительное количество трудов представлено сотрудниками университета. Специальное исследование, посвященное изучению морского образования на Дальнем Востоке, проведено В.П. Королюком [8]. В книге рассказывается о почти трехвековой истории мореходного обучения россиян на берегах Тихого океана. Под редакцией В.И. Седых вышла книга «День памяти морских катастроф» [9]. В сборнике обобщены материалы о морских катастрофах. В монографии Ф.А. Григоренко «История развития спасательных судов и средств российского флота» [10] исследуются основные этапы развития спасательных судов и средств российского флота (речного и морско-

го), дается классификация и назначение спасательных судов и средств, показываются пути организации поисковых и аварийно-спасательных служб России и их взаимодействие. Основное внимание в исследовании уделено истории развития спасательных судов и средств военно-морского флота.

Ряд исследований посвящено юбилейным датам. К 110-летию морского образования в Приморье вышло юбилейное издание, где опубликованы исторические очерки, архивные документы, воспоминания очевидцев [11]. К 100-летию морской отрасли издана книга М.С. Бабиевского «Дальневосточное морское пароходство 1880-1980 гг.» [12].

К 50-летию юбилею гражданской ветви Государственной морской аварийно-спасательной службы России (Госморспасслужба), ее становлению и развитию как важной и безальтернативной составляющей мирового торгового судоходства вышла книга «Морские спасатели России» [13]. В книге представлены материалы об уникальных поисковых и аварийно-спасательных, судоподъемных и буксировочных операциях. Рассказывается о работе по ликвидации аварийных разливах нефти, водолазной деятельности, о людях мужественной профессии – морских спасателях и водолазах, морских капитанах.

С 2010-х годов не только увеличивается количество исследований, посвященных истории морской спасательной службы на Дальнем Востоке России, но и получает развитие новое направление в отечественной региональной историографии – изучение истории Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН).

В работах А.В. Усова рассматриваются предпосылки создания ЭПРОН. Обращается внимание на то, что Отдельная Дальневосточная партия Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) СССР была создана в 1932 г. для выполнения судоподъемных, аварийно-спасательных и водолазных работ на территориях Восточной Сибири и Дальневосточного края. Являясь аварийно-спасательной организацией, ЭПРОН занимался не только судоподъемом, но и в значительной мере выполнял задачи, связанные с обеспечением боевой деятельности Военно-Морских сил РККА, участвуя в повседневной учебно-тренировочной работе военных флотов и флотилий [14; 15; 16; 17; 18; 19].

Изучаются особенности взаимодействия НКВД и Краснознаменной экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане [20]. Главное внимание уделяется специфике взаимодействия органов госбезопасности и дальневосточных эпроновцев в сфере производственной деятельности, кадрового обеспечения, отправке конфиденциальной корреспонденции. Автором делается вывод о том, что в изучении истории АСС на Тихоокеанском флоте (АСС ТОФ) сделаны лишь первые шаги. Данные, содержащиеся в документах, отложившихся в Филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архиве Военно-Морского флота, г. Гатчина), основная часть которых вводится в научный оборот впервые, позволяют осветить особенности деятельности АСС ТОФ в годы Великой Отечественной войны.

Исследуется исторический опыт деятельности Аварийно-спасательной службой Тихоокеанского флота (АСС ТОФ) в годы Великой Отечественной войны и боевых действий с Японией [21; 22; 23]. Главное внимание уделяется созданию и функционированию аварийно-спасательных формирований в основных военно-морских базах СССР на Тихоокеанском направлении. Анализируются потери советского и иностранного корабельного состава, а также итоги деятельности по выполнению АСС ТОФ судоподъемных и аварийно-спасательных операций, прослеживаются их особенности. Отмечается, что большинство фактических операций производились внепланово, по составленным на месте аварии проектам. Автор приходит к выводу, что богатейший исторический опыт АСС ТОФ, полученный в 1941-1945 гг., необходимо продолжать изучать, обобщать и внедрять в подготовку современных морских спасателей [24; 25; 26].

Комплексное изучение получила проблема изучения деятельности Тихоокеанского флота в годы Второй мировой войны [27; 28; 29]. Ю.М. Зайцев акцентирует внимание на то, что строительство советского Тихоокеанского флота в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны проходило в условиях нарастающей напряжённости военно-политической обстановки и активной деятельности разведывательных служб Японии и её союзников. Они интересовались составом и дислокацией сил флота, строящимися кораблями, их вооружением и боевыми возможностями, моральным состоянием личного состава и многими другими вопросами, являющимися военной и государственной тайной. Для сохранения в секрете состава и характера действий сил Тихоокеанского флота военно-политическим руководством страны были предприняты меры, которые могли бы воспрепятствовать деятельности разведслужб.

В работах Г.А. Ткачевой на основе анализа статистического материала рассматривается процесс комплектования дальневосточных воинских соединений военнообязанными запаса и призывниками Московского, Уральского, Сибирского военных округов и Дальнего Востока, военнослужащими запасных и тыловых частей. Приводятся данные о дислокации войск, реорганизации стрелковых и мотострелковых, бронетанковых и артиллерийских, военно-воздушных и противовоздушных, военно-морских сил в годы Великой Отечественной войны. Анализируется информация о передислокации воинских подразделений и изменениях в численности личного состава Дальневосточной группировки войск в зависимости от оперативно-стратегической обстановки в регионе и необходимости пополнения действующих частей [30; 31].

Проблема необходимости строительства транспортного коридора к Тихоокеанскому побережью, исторический опыт организации транспортных коммуникаций в 1939-1946 гг., военно-политический характер № 500 НКВД СССР рассматривается в работах О.П. Еланцевой [32; 33].

В работе Л.М. Медведевой и А.В. Лаврентьева рассматривается отечественная историография транспортного развития Дальнего Востока в 1970-е – 2017 гг. Авторы, анализируя значительное количество работ, посвященных истории железнодорожного, морского, речного, автомобильного и авиационного транспорта в различные периоды времени, приходят к выводу о необходимости дальнейшего изучения данной проблемы [34].

Комплексное исследование государственной морской спасательной службы нашло отражение в трудах А.В. Усова. В монографии и статьях на основе широкого круга источников анализируются условия формирования и развития гражданской ветви единой морской спасательной службы России в 1991-2014 гг. Исследуются особенности становления дальневосточных подразделений Государственной морской спасательной службы Российской Федерации, изучается деятельность ее подразделений на Дальневосточном бассейне [35; 36; 37; 38; 39; 40; 41].

Таким образом, дальневосточные исследователи проделали большую работу по выявлению новых источников и современной интерпретации истории морской спасательной службы на Дальнем Востоке России. В научный оборот было введено много новых документов и материалов, ранее недоступных исследователям, в частности, архивные материалы филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архива Военно-Морского флота, г. Гатчина) и Российского государственного архива ВМФ (г. Санкт-Петербург). Систематизация и анализ имеющихся трудов позволили подвести некоторые итоги изучения истории морской спасательной службы на Дальнем Востоке России, выявить тенденции и особенности ее изучения, определить новые ориентиры развития. Важной тенденцией современного периода является формирование нового направления в отечественной региональной историографии – изучение истории Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН).

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Чикер Н.П. Служба особого назначения. – М.: ДОСААФ, 1975. – 225 с.
2. Боровиков П.А. Водолазы Великой Отечественной. – М.: ООО «Нептун», 2013. – 192 с.
3. Королев А.Б. Водолазание в России от древних времен до наших дней. – М.: Моркнига, 2004. – 142 с.
4. Голубев В.Г. Илюхин В.Н., Максимов В.И и др. Спасатели военно-морского флота. – М.: Воениздат, 1996. – С. 72–128.
5. Илюхин В.Н., Захаров П.В. От ЭПРОНа до федеральной системы поиска и спасания на море Российской Федерации. К 90-летию создания Экспедиции подводных работ особого назначения // Морской вестник. – 2013. – № 4 (48). – С. 77–83.
6. Колотов Н.А. Аварии морских судов и их предупреждение. – М.: Морской транспорт, 1959. – 232 с.
7. Вахненко Р.В. Тихоокеанское побережье России. Сахалин и Курильские острова (морские порты). – Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 1999. – 76 с.
8. Королюк В.П. История ДВГМА (морское образование на Дальнем Востоке в очерках и документах). Научно-популярное издание. – Владивосток: Морск. гос. ун-т им адмирала Г. И. Невельского, 2001. – 384 с.
9. День памяти морских катастроф / Под ред. В.И. Седых. – Владивосток: Морск. гос. ун-т им адм. Г.И. Невельского, 2005. – 288 с.
10. Григоренко Ф.А. История развития спасательных судов и средств Российского флота: Монография. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2007. – 322 с.
11. Морские судьбы начинаются здесь... К 110-летию морского образования в Приморье. Исторические очерки, архивные документы, воспоминания очевидцев. – Владивосток: Издатель СВЕТЛАНА кунгурова, ООО ТОНИ, 2000. – 240 с.
12. Бабиевский М.С. Дальневосточное морское пароходство 1880-1980 гг. – Владивосток: Дальиздат, 1980. – 590 с.
13. Морские спасатели России / Под ред. В.И. Карева. – М.: «Морской флот», 2007. – 534 с.
14. Усов А.В. «Водолазное, аварийно-спасательное и судоподъемное дело на Дальнем Востоке будет стоять на должной высоте». Становление отдельной Дальневосточной партии Экспедиции Подводных Работ Особого Назначения. 1932-1933 гг. // Исторический архив. – 2018. – № 4. – С. 86–98.
15. Усов А.В. «Да здравствуют герои эпроновцы!»: популяризация достижений экспедиции подводных работ особого назначения в советском обществе 1930-х гг. (к 95-летию создания ЭПРОНа) Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII международной конференции, Москва, 6–7 декабря 2018 г. – Москва: Общество изучения отечественных спецслужб, 2018. – С. 186-193.
16. Усов А.В. Наследие ЭПРОНа: значение исторического опыта экспедиции подводных работ особого назначения СССР (к 95-летию создания) // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16-17 октября 2018 г. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 440–445.
17. Усов А.В. Предпосылки создания ЭПРОН: развитие отечественного спасательного, судоподъемного и водолазного дела в условиях революционных потрясений первой четверти XX в. // Великая российская революция и Дальний Восток: материалы международной научной конференции, Владивосток, 25–27 октября 2017 г. –

- Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 267–272.
18. Усов А.В. Роль экспедиции подводных работ особого назначения в становлении и развитии Тихоокеанского флота СССР (1935-1941 гг.) // Девятые Гродековские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Гражданской войны в России, Хабаровск, 17-22 апреля 2018. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2018. – С. 129–133.
 19. Усов А.В. Выполнение Тихоокеанской экспедиций ЭПРОН срочного оперативного задания в районе озера Хасан в 1938 г. Материалы 61-й всероссийской научной конференции: сборник научных статей, 10–13 декабря 2018 г. – Владивосток: Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С.О. Макарова, 2018.– С. 74–83.
 20. Усов А.В. Взаимодействие НКВД и Краснознаменной экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане (1930–1940 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: урок истории : материалы XXI Всеросс. науч. конф. Москва, 7–8 декабря 2017 г. – М. : Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018. – С. 219–225.
 21. Усов А.В. Аварийно-спасательная служба Тихоокеанского флота 1941-1945 гг. // Клио. – 2018. – № 1 (133). – С. 137-144.
 22. Усов А.В. К вопросу об организационной структуре и специальной боевой подготовке аварийно-спасательной службы ВМФ ТОФ (1941–1945 гг.) // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 9. – С. 63–66.
 23. Усов А.В. Легководолазное дело на Тихоокеанском флоте (1941-1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–4 (86). – С. 183–187.
 24. Усов А.В. Организация водолазного дела на Тихоокеанском флоте в 1941 – 1945 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – № 5 (38). – С. 88-97.
 25. Усов А.В. Условия создания и назначение аварийно-спасательной службы ВМФ в годы Великой Отечественной войны и первого десятилетия (1941-1955) // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Международного форума, посвященного 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны, Владивосток, 19–21 октября 2015 г. – Владивосток : Дальневосточный федеральный ун-т, 2015. – С. 287–292.
 26. Усов А.В. Специфика деятельности ВМФ в условиях изменения стратегических позиций СССР в Тихом океане в 1945 г. // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 1(57). – С. 98-101.
 27. Зайцев Ю.М. Дальневосточный след. Историография стран Северо-Восточной Азии о роли СССР в победе над Японией. К 66-летию окончания Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 9. – С. 50-55.
 28. Зайцев Ю.М. Действия подводных лодок ТОФ в войне с Японией 1945 г. // Россия и АТР. – 2006. – № 1. – С. 75–81.
 29. Зайцев Ю.М. Запрещенные, или особые, зоны Владивостока и края (1930-1950 гг.) // Россия и АТР. – 2015. – № 1(87). – С. 69–80.
 30. Ткачева Г.А. Комплектование военно-морских соединений на Дальнем Востоке СССР в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // КЛИО. – 2018. – № 1(133). – С. 128–136.
 31. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2013.– 340 с.
 32. Еланцева О.П. Строительство транспортного коридора СССР к Тихоокеанскому побережью: опыт 1939-1946 гг. // На грани катастрофы (к 75-летию начала Великой

- Отечественной войны): материалы международной научной конференции, Москва, 22–23 июня 2016. – Москва: Издательство ООО Издательский дом «Историческое сознание», 2017. – С. 389–396.
33. Еланцева О.П., Мефодьева С.А. Военно-политический характер строительства № 500 НКВД СССР: 1943–1945 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 2. – С. 25–31.
34. Медведева Л.М., Лаврентьев А.В. Отечественная историография транспортного развития российского Дальнего Востока (1970-е – 2017 гг.) // КЛИО. – 2018. – № 1(133). – С. 25–33.
35. Усов А.В. Аварийно-спасательные операции в деятельности Приморского филиала морской спасательной службы Росморречфлота в контексте обеспечения морской безопасности Российской Федерации в Дальневосточном регионе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – Ч. II. – № 3 (53). – С. 200–203.
36. Усов А.В. Государственная морская спасательная служба на Дальневосточном бассейне России (1991-2014 гг.): монография. – Москва: ООО «Оригинал-макет», Проспект, 2016. – 208 с.
37. Усов А.В. Государственная морская спасательная служба на Дальневосточном бассейне России: аварийно-спасательная подготовка и учения (1991–2014 гг.) // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4. (38). – С. 75–83.
38. Усов А.В. Деятельность подразделений Госморспасслужбы по обеспечению безопасности морского транспорта Дальневосточного бассейна России (1991-2014 гг.) // Транспорт: наука, техника, управление. – 2017. – № 6. – С. 55–61.
39. Усов А.В. Исторический опыт развития и деятельности Государственной морской спасательной службы Дальневосточного бассейна России (1991–2014 гг.): источниковая основа исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. – № 5. – С. 80–83.
40. Усов А.В. Морские спасатели Дальневосточного пароходства: аварийно-спасательная подготовка и учения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. – № 1 (43). – С. 89–96.
41. Усов А.В. Роль Государственной морской спасательной службы в обеспечении безопасности морской безопасности России (1991–2014 гг.) // Транспорт: наука, техника, управление. – 2015. – № 6. – С. 26–32.



Шавкунов Владимир Эрнстович, кандидат исторических наук,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
vshavkunov@yandex.ru

Буравлев Игорь Юрьевич, кандидат химических наук,
Институт химии ДВО РАН,
доцент кафедры материаловедения и технологии материалов
Инженерной школы ДВФУ
buravlev.i@gmail.com

Волков Дмитрий Анатольевич, ведущий инженер-технолог,
Институт химии ДВО РАН
wolf_da@bk.ru

ЕЩЁ РАЗ О ПОРОХОВОМ СНАРЯДЕ С АНАНЬЕВСКОГО ГОРОДИЩА

УДК 902.01

Аннотация. Ананьевское городище находится в Приморском крае. Оно относится к культуре чжурчжэней периода Дун Ся (1215–1233 гг.). При его раскопках были найдены части чугунного предмета, имевшего эллипсоидную форму. Из этих частей выступали железные острия с треугольной головкой. Предполагалось, что это был либо пороховой снаряд, либо головка кистеня. Большой вес предмета (до 4,5–5 кг) и торчащие из него острия крайне затрудняют использование его в виде ударного оружия. Был проведен анализ состава коррозии внутренней и внешней поверхности предмета. Он не дал доказательств наличия остатков пороха. Тем не менее технические возможности и теоретические знания для создания чугунного порохового снаряда у чжурчжэней Приморья были. Авторы статьи считают, что данный предмет, скорее всего, был разрывным снарядом.

Ключевые слова и фразы: археология, Приморский край, ударное оружие, пороховой снаряд, состав средневекового пороха, химический анализ.

Vladimir Shavkunov, Cand. Sc. (History)
Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, FEB RAS
vshavkunov@yandex.ru

Igor Buravlev, Cand. Sc. (Chemistry)
Institute of Chemistry, FEB RAS
buravlev.i@gmail.com

Dmitriy Volkov, Lead Engineer
Institute of Chemistry, FEB RAS
wolf_da@bk.ru

ONCE AGAIN ON THE POWDER SHELL WITH ANANYEVKA ANCIENT CITY

Abstract. *Ananyevka ancient city is located in the Primorsky region. It belongs to the Jurchen culture of the Dong Xia period (1215–1233). During his excavations, parts of a cast-iron object, that had an ellipsoid shape, were found. Of these parts were stick out the iron tip with a triangular head. It was assumed that it was either a powder shell or the head of the bludgeon. The large weight of the object (up to 4.5–5 kg) and sticking out of his tip is extremely difficult to use it as a shock weapon. The corrosion composition of the internal and external surfaces of the object was analyzed. It gave not the evidence of gunpowder residue. Nevertheless, the technical capabilities and theoretical knowledge to create a cast-iron powder shell the Jurchen of Primorye had. The authors of the article believe that this object is likely to be a explosive projectile.*

Key words and phrases: *archaeology, Primorsky region, blowing weapons, powder shell, the composition of medieval powder, chemical analysis.*

В конце XX века в Приморском крае при раскопках Ананьевского городища, относящегося к культуре чжурчжэней периода Дун Ся (1215–1233 гг.), был найден фрагмент необычного чугунного изделия. Он представлял собой примерно половину полого внутри эллипсоида с толщиной стенок от 0,5 до 1,1 см (рис. 1). При этом из стенок предмета выступали железные стреловидные острия, имевшие треугольное уплощенное острие, держащееся на круглом стержне. Длина острия равнялась 4 см, ширина – 3 см, длина стержня 6-7 см, а его диаметр был 1 см. Следует отметить, что эти острия вставлялись стержнями в специальные отверстия в эллипсоиде. Всего на данном фрагменте сохранилось 4 острия, которые все были загнуты и прижаты к стенке предмета. Недалеко был найдено и отдельно лежавшее острие.

По сохранившейся части можно с большой долей уверенности восстановить размеры этого изделия. Длина его достигала 16-17 см, диаметр в средней части был около 9 см. Полая камера внутри эллипсоида была диаметром около 7 см. Объем ее, таким образом, составлял около 180 куб. см. Вес найденного фрагмента составлял 2,4 кг, а целое изделие могло весить около 4,8 кг. Изделие было отлито в форме, состоявшей минимум из трех частей – на внешней поверхности предмета видны швы стыковки формы. Эти швы идут вокруг верхнего торца, а также двумя языками спускаются вниз. Сам предмет был интерпретирован как пороховой снаряд фугасного действия [Шавкунов, 1997].

Позже, на том же Ананьевском городище, относительно недалеко от первой находки была найдена еще одна часть подобного предмета, имевшего горлышковидную торцевую часть, в которую был вставлен и закреплен железный штырь с ушком (рым). В ушко было вставлено кольцо диаметром 7 см, которое там свободно двигалось (рис. 2). Исследователи соединили обе находки и высказали предположение, что этот эллипсоид является ударным оружием типа кистеня, которым воевал человек, обладающий очень большой силой [Хорев, Галактионов, 2000]. Действительно, чтобы воевать таким кистенем, нужно было быть неизменно крепким воином, так как вес этих частей был 2,4 кг первой и 1,5 кг второй составляющей эллипсоида. Таким образом, вес двух частей составлял 3,9 кг, а общий вес целого предмета мог достигать 4,5–5 кг. Если учесть еще, что кистени состояли из деревянной рукоятки, к которой ремнем или цепью крепилась подвижная ударная головка, то вес всего оружия увеличивался еще больше. Правда, имеются некоторые сомнения по поводу стыковки этих фрагментов. Полного совпадения по излому нет, да и диаметр у обеих частей немного разнится. В то же время находка двух похожих фрагментов от редчайших предметов явно одного назначения и в относительной близости один от другого дает некоторые основания считать их одним изделием.

Итак, по поводу данного предмета в печати высказаны два различных мнения, а в частных беседах вариантов его назначения было предложено еще больше. Единственно, что не вызывало разногласий, это принадлежность изделия к оружию.

До находки эллипсоида на Ананьевском городище в Приморье на одновременных памятниках было найдено 5 железных головок кистеней. Они сильно отличались от ананьевской находки. Самый легкий из них весил 100 г (рис. 3, 1). И это с остатками железной цепи. Второй, имевший форму яйцевидного многогранника, весил 145 г (рис. 3, 2). Три других имели карандашевидную вытянутую форму с 6 или 8 гранями и весили 275 г (рис. 3, 3), 425 г (рис. 3, 4) и 550 г (рис. 3, 5) соответственно [Шавкунов, 1993, с. 63-64]. Похожие на три последних ударные головки кистеней, использовались в это же время в Китае [Чжоу Вэй, 1957, табл. 65, 1]. Опубликованный Чжоу Вэем экземпляр крепился цепью к длинной (1,2–1,5 м) рукоятке. Применялись такие кистени в Китае, преимущественно конными воинами против пехоты. Видимо, аналогично использовались кистени с карандашевидными ударными головками и чжурчжэнями. Можно предположить, что более легкие головки кистеней крепились к укороченным рукояткам, как это было у древнерусских воинов [Кирпичников, 1966, с. 65]. В любом случае, эти 5 головок кистеней были на порядок легче ананьевского эллипсоида. Не лишне будет отметить, что на русских памятниках X-XIII вв., было найдено значительно больше головок кистеней из разных материалов, а вес их укладывался в параметры от 63 до 300 г [Кирпичников, 1966, с. 59-63, примечания]. В целом, ударное оружие типа кистеня было распространено в Евразии от Японии до западной Европы, а их ударные головки были намного меньше, а значит, и легче экземпляра, найденного на Ананьевском городище.

Как видно, ананьевский эллипсоид по весу сильно отличается от всех известных евразийских головок кистеней. Кроме того, с практической точки зрения было нецелесообразно для ударного оружия использовать такой хрупкий материал, как чугун, который при ударе мог легко расколоться. Не понятно также, для чего в нем нужна была внутренняя полость, которая делала предмет еще менее устойчивым к удару. С другой стороны, эта полость наводит на мысль, что в ней должно было что-то помещаться. Но тогда это еще больше должно было увеличить вес изделия. Еще одним аргументом против использования этого эллипсоида в качестве кистеня могут служить вставленные в него стреловидные острия, которые придавали ему сходство с европейским моргенштерном. Но у того шипы были меньше, имели коническую форму и отковывались вместе с ударной головкой. Шипы в ананьевском эллипсоиде имели треугольную головку с прямыми плечиками и, если они во что-либо втыкались, их трудно было извлечь назад. Кроме того, они выступали наружу до 6 см и во время похода могли цепляться за одежду и царапать кожу. Да и сделаны они были слишком мягкими и при использовании погнулись. Нужно учитывать еще и вес изделия, который усложняет процесс управления таким кистенем, что должно было представлять опасность как самому владельцу данного оружия и его коню, так и его соратникам. Все приведенные соображения показывают непрактичность и сложность использования данного предмета как ударного оружия. Мнение о том, что данный предмет мог быть парадным оружием, также не убедительно. Загнутые и даже отломанные от удара стреловидные шипы свидетельствуют о практическом использовании изделия, а незашлифованные швы от формы никак не могли украсить такое оружие. Таким образом, принадлежность ананьевского эллипсоида к ударному оружию выглядит крайне сомнительным. А вот использование его в качестве взрывного устройства, аналогичного гранате, на самом деле не выглядит чем-то фантастическим.

Профессор Фэн Цзя-шэн на основе анализа древних китайских алхимических сочинений пришел к выводу, что порохообразные смеси появились в Китае во второй половине VIII в. н.э. [Школяр, 1980, с. 161]. К началу XI в. китайскому императорскому двору был предоставлен целый ряд зажигательных стрел с пороховым составом [Школяр, 1980, с. 165]. Эксперименты с порохом для нужд армии продолжались и к началу XII в. китайцы обладали большим арсеналом различного типа зажигательных огневых снарядов на основе пороха. В 1126 г. с этими снарядами познакомились чжурчжэни. Сначала, при осаде Кайфэна, они испытывали их действие на себе, а к концу года, используя знания попавших к ним в плен пиро-

техников, уже сами поджигали такими снарядами ворота и башни китайской столицы [Школяр, 1980, с. 174-175]. Тогда же против чжурчжэней были применены и осколочно-зажигательные снаряды («ци ли хо цю» или «ци ли пао»), и даже осколочно-взрывчатые снаряды («пи ли хо цю» или «пи ли пао») [Школяр, 1980, с. 186-188]. Из приведенных фактов видно, что чжурчжэни познакомились с порохом и его свойствами в начале XII в. и менее чем за год освоили производство собственных пороховых снарядов. Нет сомнений, и письменные источники это подтверждают, что чжурчжэни и в дальнейшем использовали свойства пороха для своих военных нужд. Более того, все дальнейшее развитие взрывотехники в целом и пороховых снарядов в частности в XII–XIII вв. на востоке Азии напрямую или опосредованно связано с чжурчжэнями, а их военная техника превосходила южносунскую по изобретательности [Воробьев, 1975, с. 243].

В связи с этим полезно было бы рассмотреть, какие пороховые снаряды существовали в то время. Одним из первых осколочно-зажигательных снарядов была огневая колючка XI в. «хо ци ли» (рис. 4). Она состояла из железной рогульки с тремя лучами, на которую намазывали пороховую мякоть, образуя из нее шар. Этот шар заворачивали в бумагу и обмазывали специальной смесью. Сверху шар опутывали плетью железных колючек. Перед тем как метать его камнем, порох зажигали, протыкая снаряд раскаленным шилом. Благодаря меньшему количеству примесей, порох горел быстрее, а плотная оболочка увеличивала силу дефлаграции, чего было достаточно, чтобы разбросать железные колючки, поражая ими пехоту и конницу. Другим вариантом осколочно-зажигательного снаряда XI в. был «огневой шар со звуком грома» (пи ли хо цю). Он состоял из бамбукового стержня, вокруг которого намазывался шар из 1,8–2,3 кг пороха с тридцатью небольшими фарфоровыми плитками в нем. Снаружи этот шар также покрывали обмазкой и с помощью раскаленного шила поджигали [Школяр, 1980, с. 185-186]. Во втором случае осколками служили фарфоровые плитки, размером с монету.

В XII в. пиротехники шли по пути улучшения качества пороха, что было возможно лишь при условии удаления из пороховой смеси органических примесей. Без органики пороховая смесь теряла вязкость, и из нее стало труднее изготавливать пороховые шары и проводить их обмазку. Эксперименты средневековых мастеров показали, что взрыв снаряда тем сильнее, чем плотнее его оболочка, которая одновременно могла стать материалом для осколков. Поэтому обмазку и бумагу снарядов стали заменять более плотным материалом. Сначала появились глиняные пороховые снаряды разных форм и размеров. Один из них, выполненный в виде горшка с узким горлом, в которое был вставлен запальный шнур (рис. 5), был найден на территории Китая в 1947 г. [Школяр, 1980, с. 190-191, рис. 52]. В конце XII в. появляются уже «железные огневые снаряды» (те хо пао) либо в виде тыквы-горлянки (рис. 6) [Школяр, 1980, с. 192, рис. 53], либо в виде двух сложенных чашек (рис. 7) [Школяр, 1980, рис. 55]. При этом чжурчжэни были хорошо знакомы с такими снарядами, использовали их при осаде китайских крепостей, а сами снаряды отливали из чугуна.

Приведенные выше сведения взяты из средневековых письменных источников и характеризуют ситуацию, имевшую место быть в центральных районах империи Цзинь, в то время, как Ананьевское городище в частности, и Приморский край в целом были далекой периферийной областью страны. Однако это мало что меняет. Как показали археологические исследования, на территории края в начале XIII в. существовало развитое металлургическое производство. На Шайгинском городище, например, было раскопано сразу 6 мастерских, в которых было различное количество кузнечных горнов и плавильных печей [Леньков, 1974, с. 27-63]. Да и на Ананьевском городище, как раз в районе, где были найдены фрагменты эллипсоида, находилась кузнечная мастерская с 12 кузнечными и одним кричным горнами [Хорев, 2012, с. 34-36]. Технические возможности для изготовления чугунного эллипсоида, таким образом, у чжурчжэней Приморья были.

Были у них знания и о свойствах пороха. Да и рецепты пороховых смесей различного назначения в завоеванном ими сунском Китае не были секретом. Еще в 1044 г. был издан хорошо иллюстрированный трактат «У цзин цзунъяо» («Важнейшее из основ военного дела»), в котором были опубликованы составы пороховых смесей зажигательного, взрывчатого и отравляющего действия. С этим произведением, несомненно, должны были быть знакомы военачальники любого ранга, пиротехники, да и простые люди, типа героя одного из рассказов деревенского «железных дел мастера» Ли, тоже [Школяр, 1980, с. 191]. И вряд ли в Приморье чжурчжэни сильно отставали в знаниях от своих родственников из центральных районов империи, тем более, что часть из них в 1215 г. переселилась вместе с Пусань Ваньну из района Ляодуна на восток, в том числе и в Приморье. Именно после этого в крае стали появляться горные городища, среди которых было и Ананьевское. Перемещение части чжурчжэней на восток было вызвано агрессией татаро-монголов против Империи Цзинь. Отколовшись от метрополии и провозгласив создание государства Дун Ся, Пусань Ваньну надеялся отсидеться в стороне от военных действий. Однако его надеждам не суждено было сбыться, и после похода на Корею монголы в 1233 г. напали на Дун Ся и захватили самого Пусань Ваньну. В это время монголы уже знали о пороховых снарядах, так как за год до этого использовали их при осаде чжурчжэньской столицы Кайфэна [Школяр, 1980, с. 178].

Скорее всего, именно из упомянутого трактата «У цзин цзунъяо» кто-то из защитников Ананьевского городища или из воинов, осаждавших его, взял идею использования в пороховых снарядах автономных стреловидных шипов, которые поразительно похожи на железные «колючки», коими были обмотаны бумажные снаряды «хо цзи ли» (рис. 4). Можно представить ход мыслей создателя ананьевской гранаты. Он знал, что при взрыве «хо цзи ли» колючки поражали противника и его лошадей. Он знал также, что у пороха имеются не только разрушительные, но и большие метательные свойства, так как еще 15 сентября 1132 г. знаменитый Чэнь Гуй впервые использовал ствольный аппарат – бамбуковые трубы, метавшие огневые копья [Школяр, 1980, с. 176-177]. Вполне возможно, что неизвестный создатель ананьевской гранаты пытался воплотить идею многократного использования эллипсоида, предполагая, что возгорание пороха заставит разлетаться в разные стороны вставленные в специальные отверстия железные острия. К тому же, надо отметить, чжурчжэни имели какое-то дистанционное устройство (скорее всего, умели рассчитывать длину порохового фитиля), позволявшее взрывать снаряды на цели [Воробьев, 1975, с. 206]. Но, видимо, что-то у ананьевского экспериментатора пошло не так, и когда заброшенный на городище снаряд ударился о твердую землю, у него сначала погнулись стреловидные шипы, а потом и он сам раскололся на несколько частей.

Изучаемый предмет не мог быть массовым изделием. Скорее всего, он предназначался для поражения живой силы противника. Доставляться же в ряды противника такие снаряды должны были штучно при помощи небольших катапульти или даже просто упругими шестами, вкопанными в землю. По сохранившимся записям, еще в V веке до н.э. снаряды весом 2,75 кг забрасывались такими шестами на расстояние до 240 м [Школяр, 1980, с. 28]. Ананьевский снаряд, вместе с начинкой, весил вдвое больше, но и чжурчжэни обладали разной конструкции метательными машинами, которые могли метать и более тяжелые снаряды на большее расстояние. Нелишне отметить, что вес осколочного снаряда «цзи ли хо цю» (без учета железных колючек) составлял чуть более 4,3 кг, а с колючками намного больше.

Все говорит о том, что и технические возможности, и теоретические знания для создания чугунной гранаты в те времена уже были. Но для того, чтобы доказать, является ли ананьевский эллипсоид пороховым снарядом, необходимо обнаружить на его остатках следы пороха. Его рецептура для ранних осколочных снарядов приведена в трактате УЦЦЯ:

Серы	1 цзинь 4 ляна (746 г)
Селитры	2,5 цзиня (1490 г)

Грубого измельченного угля	5 лянов (187 г)
Черной смолы	2,5 ляна (93,7 г)
Сухого лака	2,5 ляна
Волокна бамбука	1 лян 1 фэнь (37,9 г)
Волокна кунжута	1 лян 1 фэнь
Тунгового масла	2,5 ляна
Масла сяо ю	2,5 ляна
Воска	2,5 ляна

Были в рецепте еще и другие вещества, но они шли на оболочку шара и не входили в состав смеси [Школяр, 1980, с. 185]. При этом основой для взрывчатой смеси служили сера, селитра (калиевая?, натриевая?) и измельченный уголь. Другие перечисленные в трактате УЦЦЯ материалы были органического происхождения и предназначались для более вязкого состава пороховой смеси. За прошедшее с момента опубликования УЦЦЯ полтора века вязкая смесь потеряла свою актуальность, и пиротехники перешли на сыпучий порох, убрав из смеси волокна растений, различные масла, смолу, лак и воск. Поэтому, если в ананьевском предмете был порох, то на его стенках должны были остаться следы серы, азота и калия или натрия. Теоретически в пороховой состав мог входить и марганец, двуокись которого (пироллюзит) встречается в природе в естественном виде, является активным окислителем и снижает температуру воспламенения различных смесей. Для выявления их остатков были проведены физико-химические исследования.

Сначала части эллипсоида были проанализированы с внешней и внутренней сторон неразрушающим методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии с помощью портативного рXRF-анализатора Olympus Delta Professional DP 4000. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты анализа элементного состава материала предметов «пороховой снаряд»

Шифр	Si	Al	Fe	Ti	Pb	P	S	Cu	Mn	Zr	Zn	Co
П1-ВнешС-Т1*	12,6 30	6,17 0	79,8 28	0,24 0	0,24 0	0,11 9	0,22 4	н/у	0,02 8	0,01 1	н/у	0,51 0
П1-ВнешС-Т2	25,0 43	11,7 00	60,6 80	0,80 0	н/у	0,17 0	0,78 0	0,05 0	0,10 0	0,07 3	0,08 4	0,52 0
П1-ВнешС-Т3	20,0 30	9,68 0	68,1 45	0,64 0	0,04 0	0,13 0	0,70 0	н/у	0,06 0	0,06 0	0,06 5	0,45 0
П1-ВнутС-Т4	5,90 0	3,08 0	90,3 88	0,15 0	н/у	0,03 1	0,14 3	н/у	н/у	0,00 8	н/у	0,30 0
П1-ВнутС-Т5	16,3 50	8,00 0	74,2 07	0,32 0	н/у	0,04 0	0,10 7	н/у	0,09 0	0,01 6	н/у	0,87 0
П1-ВнутС-Т6	3,78 0	н/у	94,4 80	0,36 0	н/у	н/у	н/у	н/у	0,26 0	н/у	н/у	1,12 0
П2-Внеш-Т7	9,34 0	5,28 0	84,3 99	0,21 0	н/у	0,13 4	0,16 9	н/у	0,06 0	0,01 8	н/у	0,39 0
П2-Внут-Т8	12,8 60	5,54 0	80,0 49	0,25 0	н/у	0,34 0	0,16 0	н/у	0,10 0	0,01 1	н/у	0,69 0

* П1 и П2 – предмет 1 и предмет 2, соответственно; ВнешС – «внешняя сторона», ВнутС – «внутренняя сторона».

Далее анализу подвергались 4 образца порошка продукта коррозии (каждая проба в объеме 0,5 мл), собранного соскобом с внутренней (образцы В1 и В2) и наружной (образцы Н1 и Н2) стороны археологического предмета. Элементный состав образца определялся

энергодисперсионным рентгенофлуоресцентным методом (*EDXRF*). Навеска пробы массой 1 г растиралась в агатовой ступке с ПТФЭ массой 0,5 г, помещалась в пресс-форму диаметром 20 мм. Таблетка прессовалась в течение 2 мин. под давлением 20 МПа. Измерения проводились в течение 200 с на приборе Shimadzu EDX 800 HS. Использовалась трубка с родиевым анодом, атмосфера – вакуум. Результаты анализа элементного состава даны в *таблице 2*.

Таблица 2

Элементный состав продукта коррозии, взятого соскобом с внутренней и внешней поверхности предмета «пороховой снаряд»

Элемент	Внутренняя сторона		Наружная сторона	
	B1	B2	H1	H2
Fe	39,197	77,978	69,125	28,281
Si	35,224	12,759	18,200	46,200
Al	16,780	7,603	9,244	17,522
K	4,108	0,766	1,624	2,660
Ca	1,431	0,113	0,563	1,626
Mg	1,129	0,258	0,532	1,170
Ti	0,728	0,181	0,205	1,069
Na	0,714	–	–	1,008
Mn	0,240	0,090	0,108	0,121
P	0,216	0,095	0,200	0,097
S	0,150	0,123	0,071	0,134
Zr	0,027	0,011	0,012	0,035
Rb	0,021	–	–	0,021
Zn	0,019	0,015	–	0,026
Sr	0,016	0,008	0,012	0,030
Cu	–	–	0,104	–

Результаты анализа элементного состава

При анализе элементного состава портативных рXRF-анализатором на поверхности внешней стороны наблюдается несколько большая концентрация серы, чем с внутренней. Анализ элементного состава продукта коррозии (ПК) показывает химический состав, типичный для ПК, сформированного в грунтовых условиях. Большой разбег по концентрации основных образующих материал элементов (*Fe* — продукт корпуса изделия, *Si* и *Al* — элементы среды коррозионной системы) не дает возможности сравнивать по количественному показателю элементы с низкой концентрацией. Сказать по результатам анализа, чем именно начинали снаряд, невозможно. По результатам химического анализа специалисты делают вывод: следовых количеств взрывчатых или зажигательных веществ либо их компонентов на предмете не выявлено. Правда, в данном случае можно сделать одно предположение: если этот предмет все же был гранатой, то на момент попадания в почву, он находился в неснаряженном виде. Условность такого заключения обусловлена неоднозначностью причин химического состава, поскольку на его количественные характеристики, на протяжении длительного периода бытования в грунтовых условиях, могло влиять множество факторов. Хранить подобные изделия в неснаряженном виде – это целесообразная мера, потому как порохоподобные смеси имеют обыкновение отсыревать при хранении и терять свои свойства; это также, но несколько в меньшей степени, касается и зажигательных смесей.

С другой стороны, сам предмет был расколот и части его, включая отдельные острия, находились на солидном расстоянии друг от друга. Это сводит к минимуму возможность его разрушения после того, как он попал в землю. Видимо, он развалился на части во время его использования, то ли от взрыва, то ли от удара обо что-то твердое. Во втором случае в нем

действительно могло не быть начинки. Но метать пустой снаряд в осаждаемый город или использовать этот предмет в качестве ударного оружия было, как минимум, нецелесообразно.

В связи с этим не лишним будет провести некоторые рассуждения о результатах химического анализа. Если брать серу, то в чжурчжэньских чугунах она содержится в количестве 0,008-0,09%, а в ананьевских еще меньше – 0,008-0,015% [Леньков, 1979, с. 184]. На поверхности исследуемого предмета ее в среднем на порядок больше. Количество калия и натрия в чжурчжэньских чугунах [Леньков, 1974, табл. 12] и на поверхности эллипсоида вполне сопоставимо. Марганец на поверхности ананьевского предмета присутствует в количестве 0,028-0,260%, в то время как в самом чугуне его нет [Леньков, 1979, с. 184]. Возможно, повышенное содержание серы и марганца на поверхности эллипсоида может свидетельствовать о присутствии этих элементов на предмете в момент его распада на части. Но не все так однозначно. И сера, и калий, и натрий, и марганец присутствуют во всех видах почвы и могли оказаться на эллипсоиде в процессе его окисления. С другой стороны, даже если эти элементы были на эллипсоиде в момент его разрушения, то вряд ли они за сотни лет пребывания в грунте остались бы в чистом виде. К тому же следует учесть, что перечисленные элементы являются источником питания как растений, так и различных микроорганизмов, и должны были вытягиваться ими не только из почвы, но и с поверхности металла. А это нивелировало уровень содержания данных элементов в районе захоронения предмета. Таким образом, хотя химический анализ и не дал утвердительный ответ на вопрос присутствия остатков пороха на поверхности эллипсоида, но и исключать возможность пороховой начинки предмета также нельзя. В таком случае наиболее правильно будет исходить из соображений функциональности и практичности изготовления такого предмета. Самым подходящим объяснением его назначения является принадлежность предмета к разрывным снарядам.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1975. – 448 с.
2. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. – Археология СССР. Свод археологических источников. – М.-Л.: Наука, 1966. – 147 с. + иллюстрации.
3. Леньков В.Д. К характеристике чугунных изделий чжурчжэньских ремесленников XII – XIII вв. // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск, 1979. – С. 182-191.
4. Леньков В.Д. Metallургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). – Новосибирск: Наука, 1974. – 172 с. + иллюстрации.
5. Хорев В.А. Ананьевское городище (Свод археологических исследований по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII-XIII вв.). – Владивосток: Дальнаука, 2012. – 340 с.
6. Хорев В.А., Галактионов О.С. Необычный предмет оружия с Ананьевского городища // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток, 2000. – С. 185-186.
7. Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII – XIII вв. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 185 с.
8. Шавкунов В.Э. Пороховой снаряд с Ананьевского городища // Россия и АТР. – Владивосток, 1997. – № 1. – С.45–48.
9. Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). – М.: Наука, 1980. – 406 с.

10. Чжоу Вэй. Чжунго бинци шигао (Очерк истории китайского оружия). – Пекин, 1957. – 339 с. (На кит. яз.).

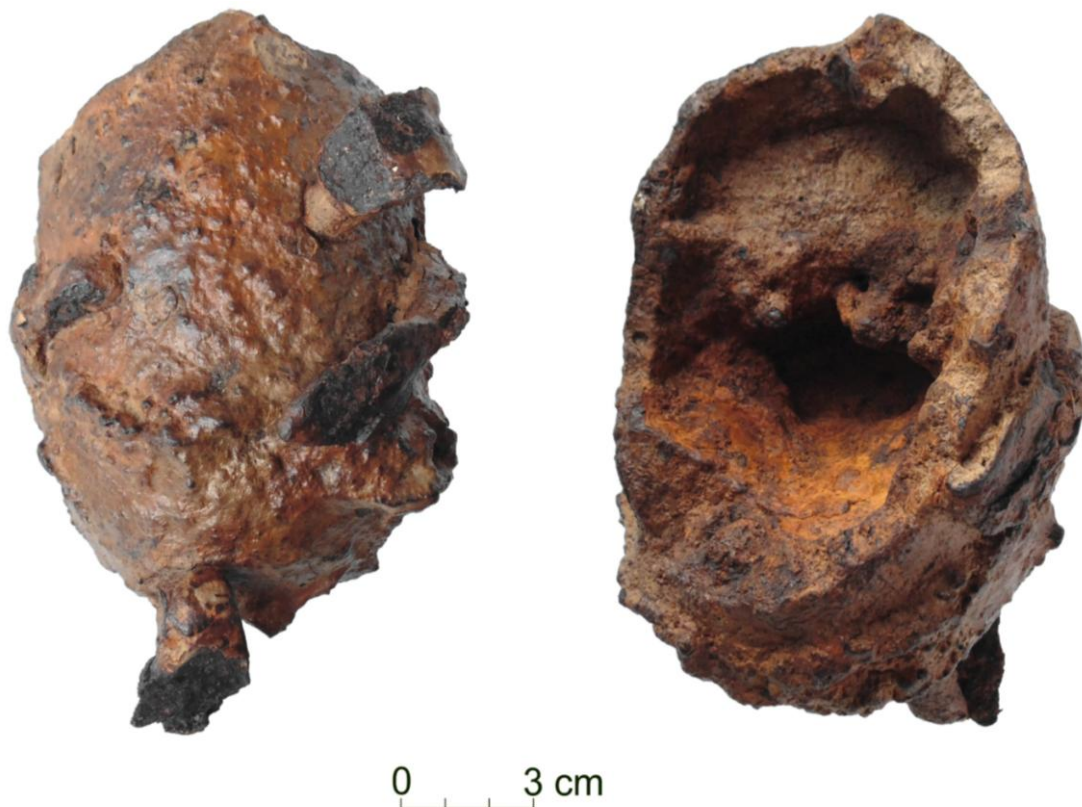


Рис.1 Первая часть ананьевского эллипсоида. Вид снаружи и изнутри.



Рис. 2. Вторая часть ананьевского эллипсоида. Вид снаружи и изнутри.

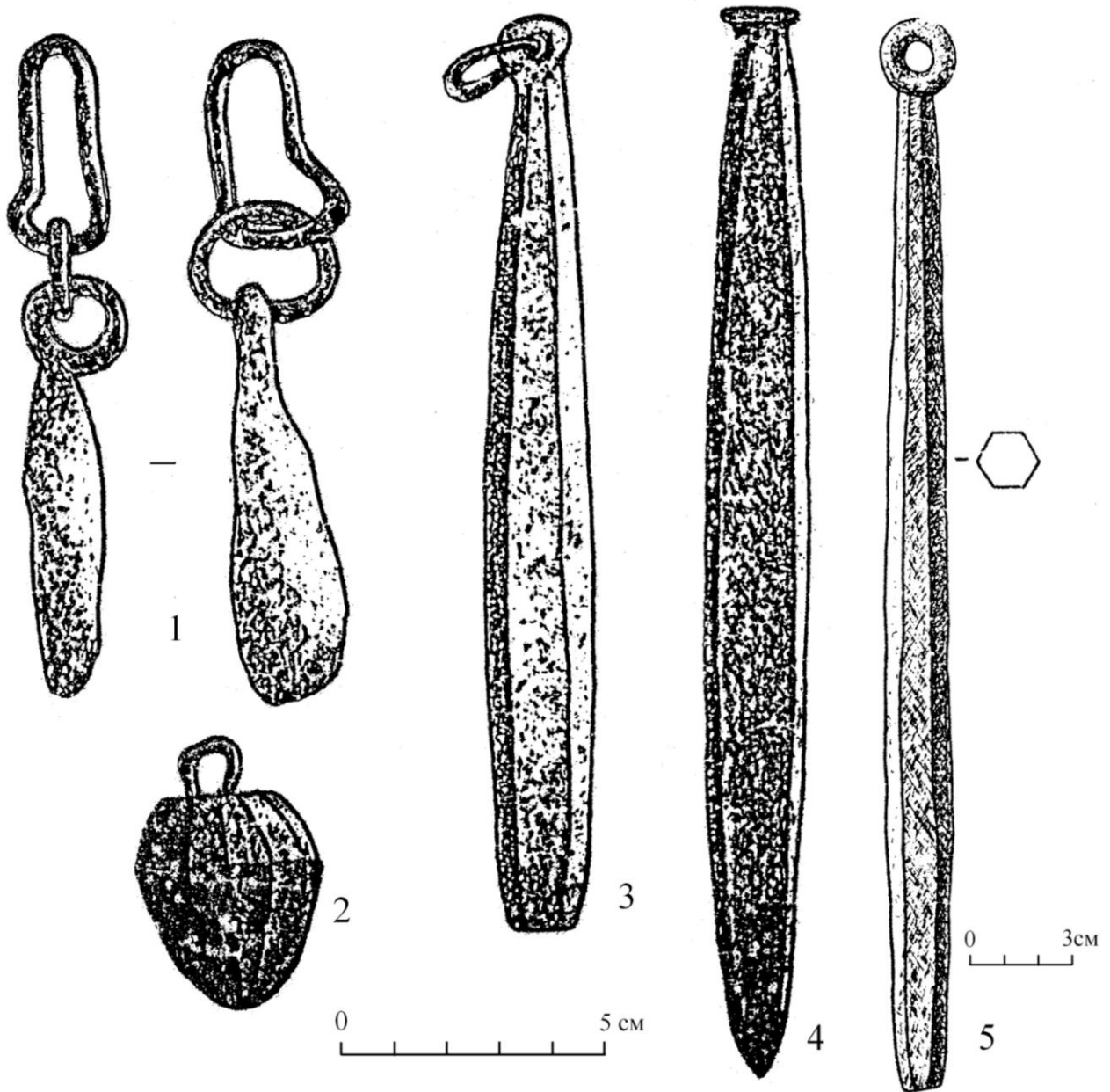


Рис.3 Головки кистеней чжурчжэней Приморья.

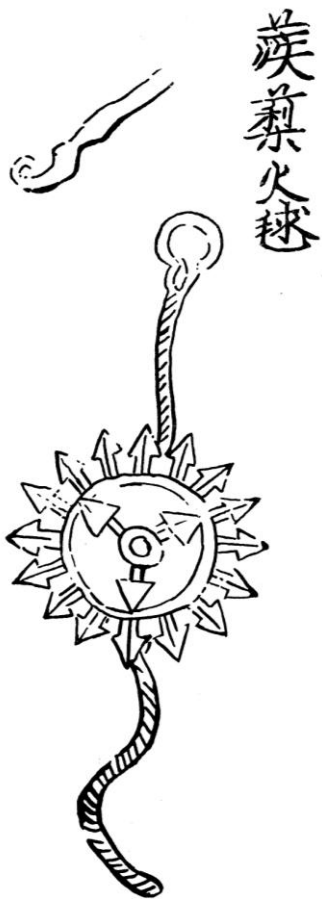


Рис.4 Китайский осколочно-зажигательный снаряд XI в. «огневая колючка» (по С.А. Школяру).

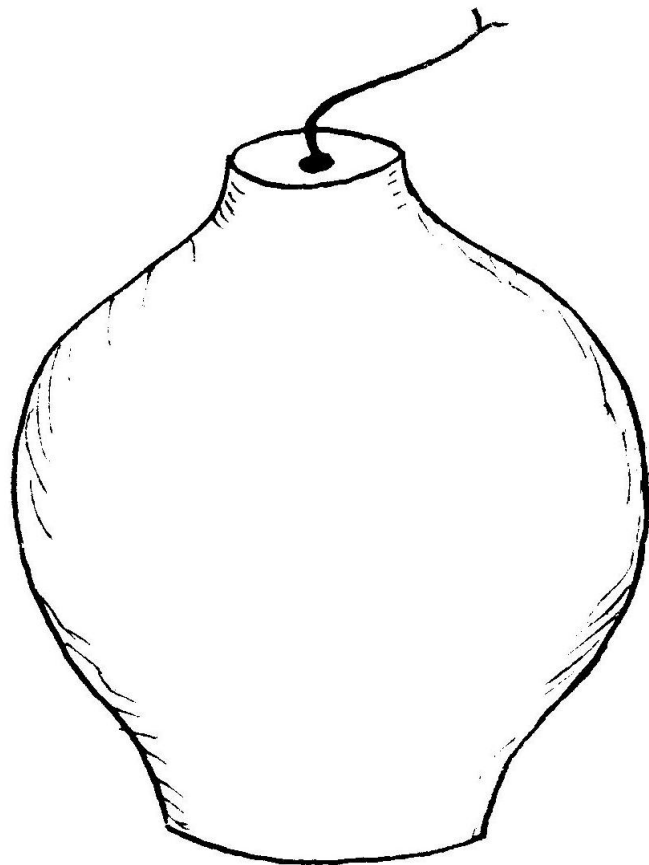


Рис. 5. Китайский глиняный пороховой снаряд (по С.А. Школяру).

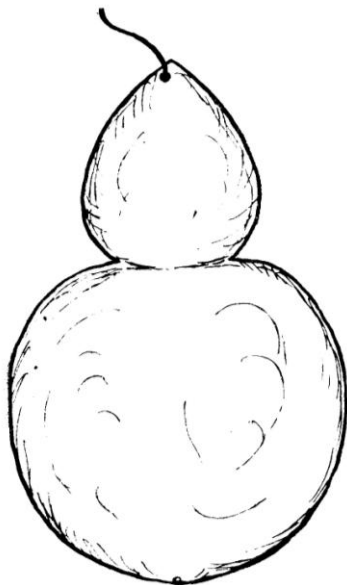


Рис.6 «Железный огневой снаряд» конца XII в. в виде тыквы-горлянки (по С.А. Школяру).

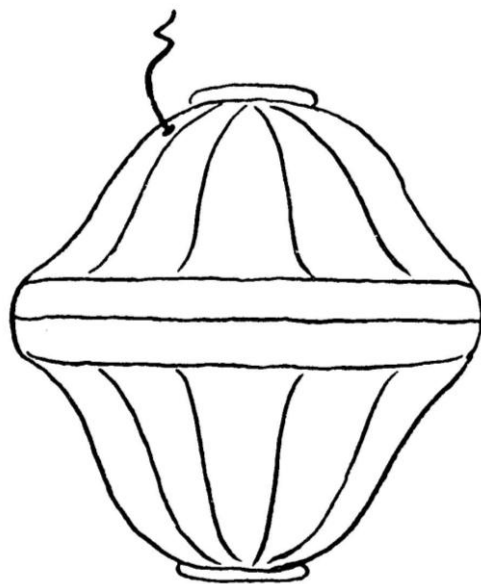


Рис.7 «Железный огневой снаряд» конца XII в. в виде двух сложенных чашек (по С.А. Школяру).



Шадрина Анна Николаевна

Кафедра государственного-правовых и гражданско-правовых дисциплин

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

Anna.agalarkhanova@mail.ru

АССОЦИАЦИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 94(571.6)+325.454

***Аннотация.** В статье рассматривается деятельность Ассоциаций Коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Отмечается значительный вклад Ассоциаций в сохранение наследия коренных малочисленных народов. Исследованы приоритетные направления деятельности Ассоциаций, которые направлены на социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Дальнего Востока России.*

***Ключевые слова и фразы:** коренные малочисленные народы, Ассоциации Коренных малочисленных народов, государственная политика, экономическое развитие, культура, Дальний Восток.*

Anna Shadrina

Department of state and civil disciplines

Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.

Anna.agalarkhanova@mail.ru

ASSOCIATIONS OF THE INDIGENOUS SMALL PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST: PRIORITY AREAS OF ACTIVITY

***Abstract.** The article discusses the activities of the Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. There is a significant contribution to the preservation of the heritage of Associations of Indigenous Peoples. Abstract priorities Associations, which are aimed at the socio-economic and cultural development of indigenous peoples of the Russian Far East.*

***Key words and phrases:** indigenous peoples, Association of Indigenous Peoples, public policy, economic development, culture, the Far East.*

Дальний Восток уникален не только своей прекрасной природой, неистощимыми природными богатствами, но прежде всего людьми, в том числе и теми, которые населяли его территорию испокон веков, которые, преодолевая трудности, выживали в суровых условиях и при этом жили в гармонии с силами тайги, гор, рек.

Сегодня коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока живут в новом государстве, в новой России. За последние десять лет произошел настоящий переворот в умах представителей многих аборигенов Севера, Сибири и Дальнего Востока, возросло их этническое самосознание, вырос интерес к истории и культуре своих народов. По итогам переписи 2010 года, население, отнесённое к малочисленным народам Севера, увеличилось, что особенно интересно на фоне сокращения общей численности населения на Дальнем Востоке на 6 % [3, с.36]. Данный процесс произошел за счет отдельных этносов. Увеличилось чис-

ло эвенков, юкагиров и некоторых других. Скорее всего, это произошло не за счёт увеличения рождаемости, а за счет смены этнической идентификации, особенно теми, кто родился в смешанных семьях. Это один из показателей возросшего самосознания, стремление идентифицировать себя с предками [4, с.217].

Более двадцати лет действует разветвленная общественная организация, которая отстаивает права северян – аборигенов. В активе Ассоциации Коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее Ассоциация) немало достижений. Она завоевала авторитет и признание многих международных организаций, которые занимаются решением проблем аборигенного населения различных регионов Земли. Ассоциация, её региональные отделения активно сотрудничают с общественными организациями аборигенов большинства стран мира. Реальным фактом является то, что Ассоциация в настоящее время признана как на национальном уровне, так и мировым сообществом как действующая сила [4, с.216]. Участие представителей Ассоциации в качестве экспертов в законодательном процессе на федеральном уровне позволило ускорить принятие законов «О гарантиях прав коренных малочисленных народов России» и «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Региональная общественная организация «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края» (далее АКМНС края) активно выступает в роли защитника и проводника в области обеспечения законных прав и интересов представителей различных этносов, проживающих на территории Хабаровского края. АКМНС края создана 16 февраля 1990 года. РОО «АКМНС края» включает 11 отделений в муниципальных районах края (Хабаровское городское, Комсомольское, Охотское, Хабаровское, Николаевское, Полюноосипенковское, Солнечное, Советско-Гаванское, Аяно-Майское, Лазовское, Тугуро-Чумиканское) и 6 районных общественных организаций, являющихся самостоятельными юридическими лицами (общественные организации коренных малочисленных народов Амурского, Ванинского, Нанайского, Ульчского, Верхнебуреинского муниципальных районов и г. Комсомольск-на-Амуре) (Текущий архив РОО АКМНС Хабаровского края.Справка о региональной общественной организации «АКМНС Хабаровского края», с.1).

Первым президентом РОО АКМНС края был избран Ю.А. Самар. В различные годы президентами РОО АКМНС края были Н.С. Сипин, В.В. Дигор, Г.М. Волкова, Л.В. Пассар, Л.А. Одзял. Вклад президентов РОО АКМНС в сохранении наследия коренных малочисленных народов значителен. Именно они стоят на страже интересов аборигенного населения Приамурья.

Свидетельством этого являлось то, что в 2011 – 2015 годах органами государственной власти Хабаровского края принято более 50 правовых актов, направленных на защиту прав и законных интересов коренных народов. В их числе законы края: «О поддержке домашнего северного оленеводства в Хабаровском крае», «О поддержке коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае», государственная программа «Развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае» (Текущий архив РОО АКМНС Хабаровского края.Резолюция IX Съезда коренных малочисленных народов Хабаровского края, с.1).

Для достижения уставных целей АКМНС края основными приоритетными направлениями деятельности на предстоящий период будут являться содействие и участие в формировании устойчивого развития коренных народов края на основе укрепления их социально – экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей этих народов (Текущий архив РОО АКМНС Хабаровского края.Приложение к решению IX Съезда Ассоциации от 27.05.2015 №3, с.2).

Первое направление: участие в реализации государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае, на 2015 – 2020 годы.

В этих целях:

1. Продолжить выполнение соглашения между Правительством Хабаровского края и Ассоциацией о взаимодействии в сфере экономического и социального развития коренных народов, проживающих в крае;
2. Продолжить выполнение Соглашения между Законодательной Думой Хабаровского края и Ассоциацией о сотрудничестве и взаимодействии по вопросам совершенствования законодательства края, затрагивающего права и законные интересы коренных народов края;
3. Вносить в органы государственной власти края предложения по решению экономических, демографических, правовых, социальных проблем коренных малочисленных народов и участвовать в их решении;
4. Содействовать реализации краевых законов «О поддержке домашнего северного оленеводства в Хабаровском крае», «О поддержке коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае».

Второе направление: выработка практики самостоятельного решения вопросов по защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов, сохранению и развитию самобытной культуры коренных народов.

В этих целях:

1. Инициировать и принять участие в образовании территорий традиционного природопользования коренных народов краевого значения и актуализации границ и внутреннего устройства таких территорий, определенных (закрепленных) ранее, закрепление за родовыми хозяйствами промысловые морские участки [1];
2. Содействовать предоставлению в соответствии с законодательством Российской Федерации в безвозмездное пользование лицам из числа коренных народов и их общинам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в целях сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных народов;
3. Осуществлять общественный контроль состояния исконной среды обитания и экологической ситуации в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов.
4. Продолжить практику заключения и реализации Соглашений Ассоциации с хозяйствующими субъектами, осуществляющими промышленное освоение территорий традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов;
5. Участвовать в решении задач повышения образовательного уровня коренных народов, проводить мероприятия направленные на реабилитацию родных языков[2];
6. Участвовать в реализации программ укрепления здоровья коренных народов.

Третье направление: повышение роли общин коренных народов как социально ориентированных некоммерческих организаций, развитие традиционных видов хозяйственной деятельности коренных народов.

В этих целях:

1. Содействовать общинам в получении государственной поддержки в виде субсидий и грантов для развития традиционных видов хозяйственной деятельности;
2. Содействовать предоставлению коренным народам и их общинам рыбопромысловых и охотничьих угодий, квот и лимитов биологических ресурсов для осуществления традиционного рыболовства и охоты;

3. Развивать этнотуризм с участием представителей коренных народов в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности;

4. Развивать традиционные художественные промыслы, ремёсла, включая изготовление сувенирной продукции, содействовать их продвижению на внутреннем и внешнем рынках.

Четвёртое направление касается повышения общественно-политической активности и самоорганизации коренных народов.

Для реализации указанных приоритетных направлений Ассоциация будет использовать все формы и методы деятельности в рамках действующего законодательства.

Начиная с 2010 г. в результате совместных действий между Ассоциацией и Правительством Хабаровского края достигнуты определенные положительные результаты. Увеличилась рождаемость в местах компактного проживания коренных малочисленных народов, которая в настоящее время превышает смертность ежегодно в среднем на 100 человек. Увеличено число лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, охваченных профилактическими медицинскими осмотрами в 1,6 раза, в результате на 5,2% снижено количество больных активным туберкулёзом, стоящих на учете, на 12,3% - больных психическими заболеваниями, на 7,7 % - сердечно-сосудистыми заболеваниями. В связи с поэтапным строительством объектов социальной инфраструктуры улучшилось качество образовательных услуг и услуг здравоохранения в местах компактного проживания коренных малочисленных народов. На 33% увеличилось количество молодёжи, обучающейся в профессиональных образовательных учреждениях. В 2,2 % снизилось количество граждан, относящихся к коренным малочисленным народам, признанных безработными. Создан механизм содействия улучшению жилищных условий коренных малочисленных народов, проживающих в сельской местности, позволивший в 2014 году 14 семьям построить жильё и компенсировать расходы на строительные материалы на общую сумму 10,2 млн. рублей (Текущий архив РОО АКМНС Хабаровского края. Справка о региональной общественной организации «РОО АКМНС Хабаровского края», с. 2).

С 2012 года в крае работает Программа развития коренных малочисленных народов. В 2014 году на мероприятия Программы (без объектов капитального строительства) из краевого бюджета было направлено 54,2 млн. рублей, в том числе на решение вопросов здравоохранения, образования, сохранения родных языков, национальных видов спорта, оказание социальной помощи – 42,2 млн. рублей. Эта часть бюджетных средств, составляющая 0,09% суммарных расходов по указанным направлениям в крае, позволила сохранить социальную стабильность, формировала чувство защищённости среди коренных малочисленных народов, что дало определенные положительные результаты.

Между тем оптимизация бюджетных расходов, проводимая ответственными министерствами края, практически исключила из Программы к 2017 году финансирование мероприятий социального блока. Начиная с 2016 года из финансирования исключены проведение профилактических медицинских осмотров, льготное зубопротезирование, лечение от алкогольной зависимости. К 2017 году полностью исключено финансирование вопросов образования, в том числе в отношении детей оленеводов и изучения родных языков коренных народов (более 35,0 млн. рублей). Не планируется обеспечение санаторно-курортного лечения оленеводов, оказание материальной помощи студентам из малоимущих семей и другие мероприятия, что ставит коренные малочисленные народы в не без того тяжёлые условия жизни (Текущий архив РОО АКМНС Хабаровского края. Справка о региональной общественной организации «АКМНС Хабаровского края» с.3).

На примере деятельности РОО АКМНС Хабаровского края можно отметить, что сохраняются сдерживающие факторы дальнейшего развития коренных малочисленных народов Дальнего Востока России, к которым относятся:

- отсутствие на федеральном уровне порядка отнесения граждан к коренным малочисленным народам;
- недостаток бюджетных средств для модернизации социальной инфраструктуры в местах проживания коренных народов;
- невозможность в полной мере реализовать право на осуществление традиционной хозяйственной деятельности в связи с предоставлением природных ресурсов на рыночных принципах;
- недостаточная работа региональных Ассоциаций по самостоятельной организации мероприятий, направленных на защиту исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов, сохранения и развития самобытной культуры коренных народов.

Несмотря на трудности политических, экономических и социальных реформ, проводимых в России, которые сопровождались рядом кризисов, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока смогли выжить, сохранить духовные, нравственные основы, полноправно участвовать в интеграционных процессах на международном уровне и далее стоять на страже интересов малых народов.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Государственный архив Хабаровского края Ф. Р-2013, Оп. 1, Д. 20, Л. 2.
2. Государственный архив Хабаровского края Ф. Р-2013, Оп. 1, Д. 3, Л. 11.
3. Перельгин С.В. О современной демографической политике России на Дальнем Востоке // Вестник ДВЮИ МВД России. – 2014. – № 3(28). – С.35-41.
4. Сипин Н.С. Случайные заметки (размышления об этногенезе коренных малочисленных народов Амура и Сахалина).– Хабаровск, 2013. – 240 с.



Шевченко Татьяна Андреевна

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

(Новосибирск, Россия)

tatiana.752@icloud.com

**РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРИЕМОВ ШЛИФОВКИ
НЕФРИТА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ
ИСТОРИИ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

УДК 902.3

***Аннотация.** Результаты экспериментального изучения техники нефритового шлифования основаны на работе с коллекцией Музея истории народов Сибири и Дальнего Востока. Результаты экспериментов по измельчению нефрита. Следы по эталонам сравнивались со следами по артефактам из Музея истории народов Сибири и Дальнего Востока. В опытах по полировке нефрита менялось рабочее время, кинематика движений, область обработки сырья и другие. В результате были получены стандарты со следами, похожими на следы на артефактах.*

***Ключевые слова и фразы:** шлифовка, нефрит, неолит, период раннего металла, анализ технологий и износа.*

Tatyana Shevchenko

Novosibirsk National Research State University

(Novosibirsk, Russia)

tatiana.752@icloud.com

**THE RESULTS OF AN EXPERIMENTAL STUDY OF JADE GRINDING TECHNIQUES
BASED ON THE WORK WITH THE COLLECTION OF THE MUSEUM
OF THE HISTORY OF THE PEOPLES OF SIBERIA AND FAR EAST**

***Abstract.** The results from the experiments on grinding jade. Traces on the standards were compared with traces on artifacts from the Museum of the History of the Peoples of Siberia and the Far East. In the experiments on polishing jade the working time, the kinematics of movements, the area of raw material processing and others changed. As a result, standards were obtained with traces similar to those on artifacts.*

***Key words and phrases:** Grinding, jade, the Neolithic, the Early Metal period, technology and use-wear analysis.*

Экспериментально-трасологический метод применялся и применяется для изучения артефактов из различных материалов. С таким специфичным сырьем, как нефрит, в отечественной археологии почти нет работ с применением этого метода, вследствие чего опубликованных результатов крайне мало [6, с. 370-371; 2, с. 256-270].

На памятниках Восточной Сибири часто встречаются артефакты из нефрита [1, с. 18]. Они зафиксированы, например, на могильниках Шумилиха [1, с. 7], Буреть. Сухая падь-II [4], памятниках Серово [5], Семеново [5], Усть-Уда [5], Глазково [3] и многих других.

С.А. Семенов выделил основные способы обработки нефрита: сырье раскалывается с большим трудом; пластины можно получить методом расщепления после нагревания; некоторые изделия могут быть выполнены станковым способом; процесс создания маленьких из-

делий более трудоемкий, чем крупных, но главное – основной способ обработки нефрита шлифовка [6, с. 370-371].

Было проведено 27 экспериментов по шлифовке нефрита, где изменялось время работы, кинематика движений, площадь обработки сырья. Часть экспериментов проводилась для создания рабочих поверхностей на заготовках. Также иногда добавляли дополнительный абразив. Были проведены опыты с обработкой о ребро абразивной основы, хотя основная часть эталонов шлифовалась об уплощенную поверхность.

Целью экспериментов было восстановление процесса шлифовки, для этого использовались абразивные материалы из Минусинской котловины (красноцветный и каменноугольный песчаник, песок) и нефрит с месторождения Улан-Хада. Для анализа полученного результата использовались два микроскопа: Olimpus BHMJ-207701 (увеличение от х50 до х300) и Nikon SMZ-1 (увеличение до х50).

Среди всех экспериментов можно выделить серию из восьми на небольших фрагментах нефрита. Они проводились для выявления глубины и характера следов, образующихся от того или иного типа движений. Каждый фрагмент обрабатывался одинаковое количество времени, по 25 минут (зафиксировано чистое время работы), с разными абразивными материалами и использовалось два типа движений: круговые и возвратно-поступательные. Это дает нам возможность вести корректное сравнение результатов, время образования следов и их глубину. Поверхность фрагментов нефрита нужно было сделать плоской, поэтому были выбраны достаточно уплощенные заготовки, вследствие чего они быстро модифицировались.

В результате были сделаны следующие выводы: обработка поверхности круговыми движениями эффективнее, чем возвратно-поступательными – так уплощение поверхности происходит быстрее; следы от круговых движений плохо фиксируются, как не вооруженным взглядом, так и при помощи микроскопов (бинокулярная лупа использовалась в ходе экспериментов, после каждого этапа обработки фиксировались изменения, металлографический микроскоп применялся в камеральных условиях), следы хаотичные и поверхностные.

Проводился эксперимент по шлифовке без воды, но он был прерван из-за его слабой эффективности.

Также были проведены эксперименты по созданию ножей из нефрита для подтверждения гипотезы о возможности изготовления орудий посредством шлифовки и выявления времени, необходимого для оформления рабочего края. Заготовки были выполнены при помощи угловой шлифовальной машинки УШМ-150/1300. Это позволило опустить трудоемкий этап расщепления и перейти сразу к приданию формы заранее подготовленным фрагментам. Второй этап – шлифовка на абразивной основе аутентичным способом для придания эталонам необходимой формы и создания рабочих краев. Разные участки заготовок обрабатывались различное время, шлифовка по каменноугольному песчанику с песком и водой мало эффективна, в результате образуется глина, поверхность нефрита не зашлифовывается.

Чем сильнее нажим, тем эффективнее работа. При сравнении результатов экспериментов, проведенных двумя мужчинами и двумя женщинами, результаты работы первых выражены ярче: следы фиксируются невооруженным глазом раньше, глубина их больше.

Для шлифовки нефрита эффективнее использовать ребро абразивной основы, что объясняется физическим законом: чем меньше площадь опоры, тем больше давление, по формуле $p=F/S$, где p – давление, F – сила, S – площадь.

В ходе экспериментов были получены следы на эталонах, схожие со следами на артефактах. Наибольшее сходство следов фиксируется на эталонах после шлифовки фрагмента нефрита без песка с водой по красноцветному песчанику (возвратно-поступательные движения) и на артефакте из коллекции музея Истории народов Сибири и Дальнего Востока № 88/426.

По результатам проведенных экспериментов можно сделать следующие выводы: наиболее эффективна шлифовка с сильным нажимом; круговые движения быстрее сглаживают рельеф, но следы хаотичны и слабо фиксируются, такой тип следов не характерен для изучаемых артефактов; шлифовка с водой без песка делает поверхность более блестящей, чем с водой и песком, а без воды она мало эффективна; результат работы по ребру абразивной основы ярче, чем по поверхности его грани; для получения ярких линейных следов (при использовании выбранных абразивов) нужен сильный нажим и длительная работа; шлифовка по каменноугольному песчанику с водой без дополнительного абразива (песка) эффективнее, чем по красноцветному девонскому песчанику, но шлифовка по каменноугольному песчанику с водой и песком мало эффективна; на некоторых эталонах следы соотносятся со следами на артефактах.

Следующим шагом будет работа с другими абразивами, эксперименты с пилением, сверлением и раскалыванием нефрита.

Выражаем свою благодарность музею Истории народов Сибири и Дальнего Востока и Л.О. Понедельченко за предоставленные материалы из фонда музея.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 84 с.
2. Кунгурова Н.Ю. Каменные изделия из погребений Могильника Курма XI (по результатам трасологических исследований). Приложение 5 // Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI: монография / О.И. Горюнова, А.В. Вебер, А.Г. Новиков; отв. ред. Г.И. Медведев. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 256 – 270.
3. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 374 с.
4. Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Шукино до Бурети). – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1974. – 318 с.
5. Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1975. – 319 с.
6. Семенов С.А. О технике сверления нефрита из погребений глазковского времени. // Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Материалы и исслед. по археологии СССР, № 43 Ч. 3: Глазковское время. Приложение 4. – С. 370–371.



Шеломихин Олег Анатольевич, канд. ист. наук, доцент,
заведующий кафедрой истории России и специальных исторических дисциплин,
Благовещенский государственный педагогический университет
arhmuzeum@gmail.com

Болотин Дмитрий Петрович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет
bolotindp@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 902.3

***Аннотация.** Археология как научная дисциплина стала развиваться в Амурской области, прежде всего в Благовещенском государственном педагогическом институте (ныне университете), с начала 1960-х годов. В статье характеризуются основные этапы становления и развития археологии в Амурской области, а также обозначены её дальнейшие перспективы.*

***Ключевые слова и фразы:** Археология, Амурская область, Дальний Восток России*

Oleg Shelomikhin, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Head of the Department of Russian History and Special Historical Disciplines,
Blagoveshchensk State Pedagogical University
arhmuzeum@gmail.com

Dmitry Bolotin, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of Russian History and Special Historical Disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University
bolotindp@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL SCHOOL IN AMUR REGION: HISTORY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

***Abstract.** Archeology as a scientific discipline began to develop in the Amur region, primarily in the Blagoveshchensk State Pedagogical Institute (now the University), since the early 1960s. The article describes the main stages of the formation and development of archeology in the Amur region. And also denotes its future prospects.*

***Key words and phrases:** Archeology, Amur Region, Far East of Russia.*

Археология как научная дисциплина стала развиваться в Амурской области, прежде всего в Благовещенском государственном педагогическом институте (ныне университете), с начала 1960-х годов. Через 2 года исполнится 60 лет со времени первых стационарных археологических исследований на территории Приамурья Дальневосточной археологической экспедиции под руководством всемирно известного учёного-археолога Алексея Павловича Окладникова [32, с. 4-29]. Однако нельзя считать, что до 1961 года археологов, да и просто людей, неравнодушных к истории своего края, не интересовало его далёкое прошлое.

Ещё русские землепроходцы XVII века, встретившись с местным «коренным» населением, подробно описали жизнь, быт и хозяйство дауров, дючеров и других племён, проживающих по берегам Зеи и Амура. Хотя термин «коренное население» – дискуссионный... Ибо, как показали научные исследования, Приамурье, в контексте человеческой истории, являлось территорией постоянных миграций различных групп населения (палеоазиатов, монголо- и тунгусо-язычных народов, а позднее китайцев и русских) [35].

В отписках землепроходцев мы находим первые сведения о памятниках археологии. В частности, знаменитом Тырском утёсе, о котором казаки поведали русскому синологу, дипломату и путешественнику Николаю Спафарию [40]. А уже через него эти сведения попали в «Чертёжную книгу Сибири» С.У. Ремезова [4].

В XVIII в. академик Г.Ф. Миллер предпринимал попытки провести раскопки на р. Шилке, он зафиксировал остатки курганов и укрепленных поселений в бассейне Верхнего Амура [25].

Исследователи XIX века А.Ф. Миддендорф, Р.К. Маак, И.А. Лопатин, П. Кафаров также упоминали в своих трудах памятники археологии. Они проводили внешнее обследование, делали обмеры, описывали состояние древностей и даже пытались связывать их с историческими периодами и племенами, фигурировавшими в средневековых китайских хрониках [18; 19; 34].

«Исследовательский зуд» не миновал даже генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва, который во время сплавов по Амуру остановился у Албазинской крепости XVII в. и отдал приказ казакам кольями раскопать часть крепостного вала и прилегающей к нему территории [17].

Первым амурским археологом, можно назвать Алексея Яковлевича Гурова. Он с 1899 по 1931 годы обследовал, описал и нанёс на карту несколько десятков разновременных памятников археологии. Собранные им материалы стали основой коллекций Хабаровского и Благовещенского музеев. Археологическую карту левобережья Амура от г. Благовещенска до станции Екатерино-Никольской, составленную им, и сегодня можно видеть в экспозиции Амурского областного краеведческого музея [1].

Большой вклад в дело изучения археологических памятников Амурской области внёс Григорий Степанович Новиков-Даурский. С 1928 года он постоянно обследовал, описывал археологические местонахождения, составлял планы памятников и собирал на них подъёмный материал. К 1961 году им была обработана научная информация по более чем 200 памятникам археологии и написано несколько десятков статей. Сборник статей Г.С. Новикова-Даурского Окладников назвал «путеводной звездой» для многих археологических экспедиций [17; 31].

В 1961 году А.П. Окладников не был новичком-исследователем в Приамурье. Ещё в 1935 году он обследовал нижнее течение Амура от г. Хабаровска до Николаевска, выявил около двух сотен памятников и составил археологическую карту пройденного им пути [29, с. 3-52.]. В 1954 году Алексей Павлович посетил Верхний Амур. На вёсельной деревянной лодке он со спутниками прошёл от Сретенска до Благовещенска и провёл сплошное обследование левобережья Амура. В результате были выявлены несколько десятков стоянок, селищ, городищ и могильников прошлых эпох, информация о которых легла в основу первых представлений о древностях региона. Известным учеником А.П. Окладникова В.Е. Ларичевым была обследована и снята на кальку скала с наскальными рисунками на р. Архаре [32, с. 4-29.].

В 1957 году в составе международной советско-китайской комплексной экспедиции по определению наиболее удобных мест для строительства ГЭС на Амуре работал Э.В. Шавкунов (впоследствии доктор исторических наук ИАиЭ ДВО РАН, ведущий специалист по дальневосточному средневековью). В числе открытых им памятников было знаменитое теперь палеолитическое местонахождение Кумары. Здесь были обнаружены древнейшие, на

тот момент, на Дальнем Востоке орудия труда, возраст которых составлял несколько сотен тысяч лет [41 с. 37-74.].

Неисследованным участком Приамурья к началу 1960-х годов оставался Средний Амур. Окладников планировал начало работ на Среднем Амуре, о чём узнали студенты-историки БГПИ на лекциях своего преподавателя, профессора В.П. Малышева. Василий Прокопьевич принимал в своё время участие в археологических исследованиях в Средней Азии, в отрядах известного специалиста по древностям эпохи средневековья С.П. Толстова и именно там познакомился с А.П. Окладниковым [36].

В 1959 году первокурсники историко-филологического факультета БГПИ с увлечением слушали лекции по археологии В.П. Малышева. На одной из них, знакомя студентов с ведущими археологами Советского Союза, он назвал имя А.П. Окладникова, добавив, что в 1960 году он приедет в Амурскую область для продолжения исследований древностей Приамурья. Многие студенты, увлечённые археологией, с нетерпением ждали лета... Но долгожданная экспедиция начала свою работу в Амурской области только в 1961 году.

С первого курса нескольких студентов-историков объединяла мысль о скором участии в работах археологической экспедиции. Среди них был и Анатолий Деревянко, который, как и все, ожидал приезда А.П. Окладникова. Разочарование его в отсутствие экспедиции поначалу было настолько велико, что он даже решил оставить институт и уехать поступать в один из вузов г. Владивостока. Друзья убедили его не спешить с принятием подобного решения. Сошлись на том, что если и в 1961 году не будет археологической экспедиции на Амуре, все вместе, оставив институт, уедут во Владивосток. К счастью, их ожидания оказались не напрасными. В 1961 году исторический кружок, завоевавший на научных конференциях I-е место, был премирован одной тысячью новеньких рублей. По предложению А.А. Сидоренко, впоследствии ставшего на многие годы бессменным руководителем кафедры истории России БГПУ, члены кружка совершили историко-этнографо-геологическую экспедицию по Приморскому краю. Возвратившись из этой экспедиции, они узнали, что комитет ВЛКСМ разыскивает студентов, желающих поработать в археологической экспедиции. Лето, все разъехались по домам и заработкам. Собрать удалось 3-х человек: Анатолия Деревянко, Льва Гудкова и Бориса Сапунова, с которых и началось формирование первого поколения археологов в Амурской области [37 с. 4-11].

Первые открытия первого поколения

Удивительно, но первый год работы на Среднем Амуре Дальневосточной археологической экспедиции (ДВАЭ) принёс много открытий не только отдельных памятников, но и новых культур.

В 100 км ниже по Амуру от Благовещенска археологи обследовали невысокую песчаную террасу в с. Константиновка. И обнаружили много ножевидных пластин, призматических нуклеусов, галечных грузил.

Раскоп, заложенный у старой школы, вывел на половину сохранившегося жилища-землянки, оставленного людьми неолитической эпохи. Поражало обилие ножевидных пластин и орудий, выполненных на них: концевых скребков, резцов, проколов, наконечников стрел, скобелей и прочих орудий труда.

Было выявлено большое количество грузил, которые, вероятно, использовались для ставных неводов или каких-то ловушек типа морд, вершей и т.п. Лежавшая у очага сеть сгнила или сгорела, а грузила так и остались на полу, указывая, спустя многие века, на брошенную здесь когда-то сеть. В раскопе и в обресе берега иногда встречались фрагменты сосудов с налепными рассечёнными валиками.

Но обилие находок в окрестностях Константиновки показалось незначительным после открытия стоянок этой же культуры на окраине села Новопетровка. Здесь в ходе нескольких лет раскопок найдены тысячи предметов, характеризующих жизнь, быт древних поселенцев

Новопетровки [5]. В настоящем эти памятники выделены в самостоятельную новопетровскую культуру, возраст которой около 12 тыс. лет (12720 ± 130 (AA-38103)) [13, с.47-48].

Между сёлами Константиновка и Новопетровка находится одно из крупнейших в этом районе озеро Осиновое. Даже в наше время оно довольно рыбное. До недавнего времени здесь произрастал лотос, ныне местные жители пытаются восстановить этот вид растения. По берегам озера встречаются и другие реликты: амурский бархат, дикий виноград, лимонник. Для строительства дороги в Новопетровку грунт брали с возвышенностей в непосредственной близости от берегов озера. При обследовании бульдозерных выработок, были найдены в большом количестве фрагменты сосудов с наклепными рассечёнными валиками, похожими на константиновские и новопетровские, но вместо ножевидных пластин с ними обнаружены наконечники стрел, скребки, вкладыши и другие орудия, изготовленные из отщепов с применением техники двусторонней ретуши.

В результате проведённых раскопок учёные пришли к заключению об очень раннем переходе к производящим видам хозяйства поселенцев берегов Осинового озера. В жилищах в большом количестве найдены каменные шлифованные топоры, песты-тёрочки, мотыги, вкладыши для ножей (серпов?), зернотёрки, большое количество остеологического материала (с преобладанием костей свиньи), фрагментов и целых сосудов с наклепными рассечёнными валиками, плоскодонных. На дне одного из них обнаружены зёрна мелкого проса, вероятно чумизы. Схожесть конструкции жилищ, форм и орнаментации сосудов, близость мест обитания наталкивала на мысль о том, что осиноозёрская культура преемница и продолжательница новопетровской культуры [31]. Ряд исследователей, учитывая большую разницу хронологических рамок этих культур, высказали несогласие с уже устоявшимся мнением об осиноозёрской культуре и датировали её III-II тыс. до н. э. (4255 ± 150 л.н. (СОАН-3466 уг); 3715 ± 35 л.н. (AA-36744)) [13, с. 48].

Двигаясь вниз по Амуру, у села Новопокровка Архаринского района студенты столкнулись с новой для них, но уже знакомой А.П. Окладникову культурой по разведке на Нижнем Амуре в 1935 году – нижеамурской. Вероятно, на рубеже III-II тыс. до н. э. представители этой культуры проникли на Средний Амур и потеснили племена осиноозёрской культуры, которые двинулись вверх по Амуру и Зее. Доказательством этого могут служить находки орудий труда и керамики нижеамурского облика между оз. Осиновым и с. Новопетровкой, захоронение, впущенное в жилище осиноозёрской культуры с сосудом, имеющим орнамент вертикальный зигзаг, нанесённый колёсиком. Орудия труда и керамика осиноозёрской культуры, жилища типа землянок прослеживаются на Верхнем Амуре и Зее, что лишним раз подтверждает выводы о вытеснении её носителей со Среднего Амура.

Постепенно участок левобережья Амура, не обследованный А.П. Окладниковым, сокращался. Его конечной точкой было село Пашково Еврейской автономной области, где «щёлки» Малого Хингана сжимают русло Амура до минимального расстояния. Но на пути исследователей находился известный ещё с XIX в. памятник на острове Урильском, обследовать который было необходимо, ведь находки, ранее обнаруженные на нём, хранятся в Ленинграде. Из имеющихся сведений трудно было определить, к какому периоду отнести этот памятник. Первоначально его отнесли к неолиту, затем, после обнаружения бронзовой «лапчатой» подвески карасукского типа, – к эпохе бронзы [27, с. 32-42]. А после раскопок 1962–1963 гг., безоговорочно, к наиболее раннему этапу железного века (рубеж II-I тыс. – V-IV вв. до н.э.). Урильская культура, с характерной керамикой и набором орудий, широко распространялась по берегам Амура и его притоков. Она повлияла на формирование более поздних по времени польцевской и талаканской культур эпохи раннего железа. Довольно загадочными можно назвать многие близкие элементы в культурах урильской и янковской [7; 8].

В этом же году началось обследование ложа будущего водохранилища Зейской ГЭС и берегов реки Зеи от посёлка Бомнак до Благовещенска. Открыты десятки памятников, отно-

сящихся к разным эпохам, от камня до позднего средневековья. В 18 километрах выше реки Селемджи в Зею, с левого берега впадает река Громатуха. На стрелке рек выявлена многослойная стоянка человека эпохи нового камня, получившая идентичное с речкой название – громатухинская [30].

В отличие от осёдлых среднеамурских неолитических культур, громатухинцы вели полукочевой образ жизни. Это были, судя по орудиям труда, охотники, а затем рыболовы и собиратели. Вместо стационарных жилищ – землянок, глубоко впущенных в землю, они проживали в наземных жилищах типа шалаша или чума. Ареал распространения этой культуры очень велик: бассейн р. Зеи, Верхнего Амура, вероятно, юга Якутии и востока Читинской области. Возраст неожиданно очень ранний для неолита 12340 ± 60 (AA-36079) [13, с. 48].

Вполне можно считать реальным распространение её на контактную зону с новопетровской, а на поздних этапах с осиноозёрской культурами. Это подтверждается находками керамики и орудий труда громатухинского типа на Среднем Амуре, а осиноозёрской керамики, земледельческих орудий и жилищ типа землянок, в заполнении которых обнаружены керамика и орудия труда обеих культур, в долине р. Зеи. Возможно, что осиноозёрцы с их производящими видами хозяйства, теснимые представителями нижнеамурской культуры, ушли к уже давно знакомым громатухинцам, неся им прогрессивные формы изготовления и применения орудий труда, что прослеживается на отдельных памятниках территории, занятой громатухинцами [28, с. 32-41].

Неожиданным явилось открытие в зоне затопления Зейской ГЭС, у с. Филимошки орудий труда, относящихся к глубокой древности, возрастом, возможно, до 350-400 тыс. лет – времени существования в Китае синантропа, чопперов, чоппингов, орудий с выступом-носиком, грубых скрёбел и отщепов. По архаичности техники и формам их можно сравнить с наиболее древними орудиями человека. К сожалению, по ним нет ни одной абсолютной даты, несмотря на то, что в Амурской области выявлено три подобных местонахождения – Филимошки, Усть-Ту, Кумары [31, с. 50-59; 6, с. 33; 10]. Все орудия найдены в переотложенном слое. Органических остатков с ними не обнаружено.

В 1960-70-е годы XX века в бассейне Амура были исследованы десятки памятников, отнесенных к раннесредневековой мохэской культуре, что позволило с новых позиций интерпретировать открытые ранее поселения и могильники. Наибольший вклад в исследование памятников и изучение мохэской культуры на территории Амурской области внесла выпускница историко-филологического факультета БГПУ Евгения Ивановна Деревянко. Она отметила, что уже в IV веке на территории юга Дальнего Востока «существовали локальные варианты единой мохэской культуры» [11, с. 186]. Среди присущих всем мохэским объектам признаков индикаторным стала керамика – «слабопрофилированные сосуды, украшенные по венчику налепными валиками». Различия локальных вариантов мохэ Е.И. Деревянко объясняет обширными географическими границами и большим хронологическим диапазоном истории этих племен [12, с. 7].

В это же время огромную работу по исследованию петроглифов и наскальных писаниц Амурской области вёл другой известный выпускник БГПУ – Анатолий Иванович Мазин. В конце 1970-х А.И. Мазин руководил разведочными работами в зоне затопления водохранилища строящейся Бурейской ГЭС. Кроме того, Анатолий Иванович проводил этнографические исследования в среде амурских эвенков и других коренных народов юга Дальнего Востока [20; 21; 22; 33].

Параллельно археологические памятники, оставленные русскими землепроходцами, исследовал выпускник историко-филологического факультета 1969 года Валерий Васильевич Сухих. Им была впервые раскопана значительная часть археологического памятника XVII века в селе Албазино и описан знаменитый Албазинский острог. В настоящее время В.В. Сухих является заведующим кафедрой Истории России в Благовещенском государственном педагогическом университете [39].

Развитие. Второе поколение.

В 1980-е годы на авансцену постепенно выходит второе поколение амурских археологов – ученики тех, кто входил в первый «окладниковский» призыв.

В это время под руководством А.П. Деревянко проходили широкомасштабные исследования памятников в нижнем течении Селемджи. В них принимали активное участие Б.С. Сапунов, А.И. Мазин, В.В. Сухих, В.Н. и А.Н. Зенины, В.Г. Петров, Д.П. Болотин, А.В. Друзяка и другие выпускники БГПУ, связавшие свою жизнь с археологией.

Работы проводились одновременно в нескольких местах, в результате была открыта селемджинская верхнепалеолитическая культура, существовавшая на территории современной Амурской области в период 30–12 тысяч лет назад [9]. В это время развивались родовые отношения, искусство, домостроительство. Увеличивалось количество типов орудий из камня, кости, рога, бивня мамонта. Через Дальний Восток заселялась палеоазиатами Америка; появлялись лук и стрелы. Основными занятиями людей были охота, собирательство, добыча рыбы. В Амурской области памятники этого времени выявлены в г. Благовещенске, у сёл Михайловка, Бибиково Благовещенского района; Петропавловка, Буссе Свободненского района; Новороссийка Мазановского района; с. Кумары Шимановского района; на реках – Селемдже, Быссе, Диме и т.д. [10].

Во второй половине 1980-х годов Б.С. Сапунов, Д.П. Болотин, Н.Н. Зайцев и Г.П. Литовченко исследовали позднесредневековые археологические памятники Благовещенского района. В итоге была выделена Владимировская археологическая культура. XIV–XVII века – время существования этой культуры, распространённой вдоль нижнего течения Зеи. Носителями культуры являлись совместно проживавшие дауры и потомки мохэ и чжурчжэней – дючеры (по Б.О. Долгих «Одаурившиеся тунгусы»). Культура характеризуется наличием монгольских и тунгусских черт в материальной и духовной сферах [2, с. 84-101; 38, с. 112-120.].

С 1987 по 2001 годы в Амурской области в зонах затопления Бурейской и Долдыканской (Нижнебурейской) ГЭС работала Бурейская археологическая экспедиция под руководством ведущего научного сотрудника ИАЭТ СО РАН Сергея Павловича Нестерова [26]. Основными результатами проведённых в этот период работ явились: открытие талаканской культуры раннего железного века; выделение раннесредневековой михайловской культуры и её новая этническая интерпретация, новая схема стратиграфической смены культур в раннем железном веке и средневековье и, как следствие, новая реконструкция этногенеза и истории народов Западного Приамурья. Главным же результатом работы Бурейской экспедиции стало то, что долина реки Буреи перестала быть белым пятном на археологической карте Приамурья. Совместно с новосибирскими коллегами в исследованиях Бурейской экспедиции в разное время участвовали археологи БГПУ – Д.П. Болотин, Б.С. и И. Б. Сапуновы, О.А. Шеломихин. В 2015-2016 гг. под патронажем ИАЭТ СО РАН проводились спасательные раскопки, которые завершили исследования в долине Буреи [14; 42].

В 1990-х и начале 2000-х годов успешно функционировала совместная археологическая лаборатории ИАЭТ СО РАН и БГПУ. Под руководством Б.С. Сапунова и Д.П. Болотина её сотрудники и студенты историко-филологического факультета работали на многослойных памятниках у сёл Прядчино, Михайловка, Сергеевка Благовещенского района и Чесноково Михайловского района (Рис. 1).

Преподаватели и студенты БГПУ неоднократно принимали участие в совместных международных экспедициях ИАЭТ СО РАН с Цилиньским университетом (КНР) – в 2004 и 2006 гг. (руководитель С.В. Алкин), и с Государственным исследовательским институтом культурного наследия республики Корея – в 2007-2009 гг. (руководитель С.П. Нестеров) [24].

Новый век. Формирование исследовательских структур.

С 1971 года, в течение 35 лет, археологическими исследованиями в БГПУ руководил Борис Семёнович Сапунов. За эти годы в недрах научной археологической лаборатории уни-

верситета скопилось большое количество артефактов и различных материалов, связанных с древней историей Амурской области и Дальнего Востока. Все они были подвергнуты тщательному научному изучению, по результатам которого вышло в свет множество публикаций.

Часть обработанных материалов отправлена в Институт Археологии и Этнографии СО РАН, другие переданы в фонды Амурского областного краеведческого музея, но наиболее значительные по количеству и репрезентативности находки скопились в стенах университета. И у преподавателей, и у студентов не раз возникала мысль об экспонировании результатов своей научной деятельности, однако отсутствие необходимой финансовой базы и помещения не позволяло осуществить задуманное...

В 1999 году руководство университета приняло решение о создании вузовского музея археологии. В этом деле его поддержал Институт Археологии и Этнографии СО РАН, в лице академика А.П. Деревянко. Научное руководство осуществлялось Б.С. Сапуновым и Д.П. Болотинным. Около года длилось строительство музея и оформление экспозиции под руководством начальника музейного комплекса БГПУ О.А. Шеломихина. Музей начал работу в сентябре 2000 года, его официальное открытие приурочили к 70-летию педагогического университета и историко-филологического факультета (Рис. 2). В 2007 году музею присвоено имя профессора Бориса Семёновича Сапунова.

В августе 2000 года состоялась Комплексная археологическая экспедиция по реке Зея и Зейскому водохранилищу. В экспедиции под руководством академика А.П. Деревянко принимали участие руководство и сотрудники БГПУ и АмГУ.

В ходе экспедиции было принято решение о создании Лаборатория археологии и антропологии и в стенах Амурского государственного университета, под руководством д.ф.н. А.П. Забияко. За время своего существования лаборатория работала по ряду направлений. Во-первых, сотрудничество с А.И. Мазиным, ИАЭТ СО РАН по изучению наскальных изображений Северо-Восточной и Восточной Азии. Во-вторых, организация базы стационарных исследований на археологическом памятнике Калиновка. Калиновка писаница – один из немногих в Северо-Восточной Азии и первый в Восточной Азии петроглифический объект, на котором выполнен весь комплекс археологических исследований вплоть до радиоуглеродных датировок по образцам, полученным в ходе стационарных работ. В настоящее время он является опорным памятником для изучения мест с наскальными изображениями не только Приамурья и Восточного Забайкалья, но и Северо-Восточного Китая. Также важными направлениями исследований являются изучение наскальных изображений Северо-Восточного Китая и обеспечение деятельности Научного музея, созданного в Амурском государственном университете [15; 16].

Важнейшим условием для развития археологических исследований и их выхода на высокий современный научный и организационный уровень стало создание «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» под руководством Н.Н. Зайцева. ЦСН проводит большую работу по поиску, паспортизации и исследованию археологических памятников нашего региона. Он осуществляет, совместно с БГПУ, стационарные археологические исследования и является базой для прохождения студентами археологической практики. Сам Николай Николаевич в своё время работал в БГПУ, где и увлёкся археологией.

С 2002 по 2009 годы историческое отделение ИФФ БГПУ обучало студентов по специальности «преподаватель истории» со специализацией «археология». Ряд выпускников БГПУ последнего двадцатилетия являются сотрудниками «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области». В том числе и его нынешний директор – Д.П. Волков, выпускник БГПУ 2003 года, который был одним из руководителей археологической практики студентов на историческом отделении историко-филологического факультета и какое-то время преподавал ряд дисциплин археологической специализации. ЦСН является организатором различных научных проектов, спасательных раскопок, поисковых экспедиций в

рамках проекта «Вахта памяти» и других... Недавние яркие примеры плодотворного сотрудничества ЦСН и БГПУ: научное исследование памятников и осуществление спасательных раскопок летом-осенью 2018 года на месте строительства ГХК в Свободненском районе Амурской области; организация и проведение в Благовещенске LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных (РАЭСК – 59) [3, с. 465-469; 23].

Также в последние годы археологической практикой в различных районах Амурской области руководили Д.П.Болотин, А.В.Друзяка, И.Б.Сапунов, В.В.Сухих, О.А. Шеломихин. Студенты-историки с удовольствием проходят практику, во время которой они приобретают профессиональные навыки исследования археологических объектов и интересно и с пользой проводят своё свободное время.

Отдельно хотелось бы отметить ученых-исследователей, которые не являлись выходцами из Амурской области, но внесли огромный вклад в становление и развитие археологии, как научной дисциплины, в нашем регионе. Это известные специалисты-археологи: О.В. Дьякова, С.П. Нестеров, В.П. и Л.Н. Мыльниковы, С.В. Алкин, А.В. Гребенщиков, А.А. Крупяно, Н.Н. Крадин и другие. Многие уроженцы Амурской области, специализирующиеся в археологии, осуществляли свою научную деятельность в других регионах. Среди них отметим братьев В.Н. и А.Н. Зениных, А.И. Кривошапкина, О.С. Кудрич, А.А. Цыбанкова.

В ходе археологических исследований принимали активное участие и сотрудничали с БГПУ руководители Областной станции детского и юношеского туризма и экскурсий А.А. Иванкин и С.Р. Маркарян. Сергей Рудольфович являлся заместителем директора станции и руководителем археологического кружка, к сожалению, эти структуры уже не существуют. Но воспоминания о лучших временах, проведённых в археологических экспедициях, вылились в проект «Моя первая экспедиция», который организовали и запустили члены БАК «Артефакт». В этом проекте археологи всей нашей необъятной страны делятся воспоминаниями о своих первых шагах в науку.

Перспективы развития

В настоящее время археологические исследования в Амурской области ведутся по различным направлениям: поисковая деятельность, спасательные раскопки и сохранение памятников культурного наследия, исследования, проводимые в этнографической среде коренных народов и другим.

Немаловажным для успешной реализации исследовательских направлений является объединение усилий всех научно-исследовательских организаций. С этой целью в 2014 году была вновь создана Амурская лаборатория археологии и этнографии (функционировала с 1994 г. под руководством профессора Б.С. Сапунова, впоследствии была закрыта). Она представляет собой структурное подразделение ИАЭТ СО РАН, куда наряду с его работниками также входят представители Амурского государственного университета, Благовещенского государственного педагогического университета и «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области».

Задачами Лаборатории являются:

1. Организация научно-исследовательской, образовательной и просветительской работы, развитие научного кадрового потенциала ИАЭТ СО РАН, АмГУ, БГПУ, ГАУ ЦСН и иных заинтересованных в развитии археологии и этнографии учреждений Амурской области.
2. Осуществление контроля выполнения общего плана работы Лаборатории и индивидуальных планов сотрудников Лаборатории, а также соблюдения техники безопасности на рабочих местах.
3. Участие в конкурсах грантов и иных программах с целью привлечения дополнительных источников финансирования научных исследований.
4. Выполнение планов выпуска научной продукции.

5. Интеграция научной и научно-образовательной деятельности в сфере археологии и этнографии, истории всех заинтересованных в развитии данных отраслей науки и образования учреждений Амурской области, а также российского Дальнего Востока и сопредельных регионов КНР.

Ещё одной важной задачей, связанной с перспективами развития археологической школы в Амурской области, является воспитание подрастающего поколения, заинтересованного исследовательской проблематикой. В этой связи организован ряд совместных проектов ЦСН и БГПУ. Это педагогический проект «Копатыч», предусматривающий подготовку и участие школьников и студентов в археологических экспедициях; создание Благовещенского археологического клуба «Артефакт» на базе отделения дополнительных педагогических профессий БГПУ, а также формирование студенческого профильного отряда по археологии, входящего в молодёжную общероссийскую общественную организацию «Российские студенческие отряды». Многие участники этих проектов являются призерами областных и всероссийских студенческих НПК и олимпиад, реализуют проект патриотической направленности «Вахта Памяти». Во время недавнего проведения в Благовещенске LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных студентам БГПУ была поручена работа по реорганизации и обновлению сайта данного форума, которую они успешно выполняют.

Выпускники БГПУ, работающие учителями, возобновляют активную деятельность по популяризации археологических исследований в школьной среде. Так, 1 октября 2018 года под руководством Д.Н. Глушкова и А.А. Козловой в МАОУ «Школа №16 г. Благовещенска» был создан клуб «Юный Археолог». С 1 сентября 2019 года планируется открытие археологического клуба на базе МАОУ «Школа № 22 г. Благовещенска» под руководством Э.В. Лавриненко. Таким образом, подготовка специалистов и просто неравнодушных к археологии людей начинается ещё со школьной скамьи. Профессиональные навыки приобретаются во время обучения в вузе, по окончании которого ежегодно ряд выпускников посвящают себя археологии.

В заключение отметим, что за почти 60 лет стационарных исследований в Амурской области выявлено более 1500 памятников археологии, относящихся к различным периодам истории: от палеолита до освоения русскими Дальнего Востока в XVII в. Изучены десятки объектов, открыты новые культуры, на материалах которых написаны сотни статей и десятки монографий, успешно защищены десятки диссертаций.

Но если посмотреть на археологическую карту Амурской области, то станет ясно – значительная её часть представляет «белое пятно». Потребуется ещё много поколений археологов для его ликвидации. И, наверняка, среди них особую роль будут играть выпускники Благовещенского государственного педагогического университета.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. http://museumamur.org/pervyj_amurskij_arxeolog
2. Болотин Д.П. Владимировская культура позднего средневековья в Приамурье // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск, 1993. – С. 84-101.
3. Волков Д.П., Коваленко С.В., Крючко Е.И., Мамуль Я.М., Марченко Е.А., Миронов М.А., Алкин С.В., Нестеров С.П., Шеломихин О.А., Болотин Д.П. Спасательные археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5 в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 465-469.
4. Гольденберг Л. А. Семён Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 г. – М.: Наука, 1965. – 263 с.

5. Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.
6. Деревянко, А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи / А.П. Деревянко; отв. ред. Р.С. Васильевский. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1983 . – 216 с.
7. Деревянко А.П. Приамурье. I тысячелетие до нашей эры. – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.
8. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973.– 356 с.
9. Деревянко А.П., Зенин В.Н. Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I–III). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. – 160 с.
10. Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. – 336 с.
11. Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.
12. Деревянко Е.И. Племена Приамурья, I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). – Новосибирск: Наука, 1981. – 336 с.
13. Джалл Дж. Т., Деревянко А.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Табарев В.А., Зайцев Н.Н. Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Амура. // Вестник АмГУ. – 2001. – № 12. – С. 47-48.
14. Древности Буреи / Нестеров С.П., Гребенщиков А.В., Алкин С.В., Болотин Д.П., Волков П.В., Кононенко Н.А., Кузьмин Я.В., Мыльникова Л.Н., Табарев А.В., Чернюк А.В. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 352 с.
15. Забияко А. П., Аниховский С. Э., Воронкова Е. А., Забияко А. А., Кобызов Р. А. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск, 2012. – 385 с.
16. Забияко А.П., Ван Цзяньлинь. Наскальные изображения Северо-Восточного Китая. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. – 310 с.
17. История Амурской области с древнейших времён до начала XX века. – Благовещенск, 2008. – 424 с.
18. Леонов Н. И. Александр Фёдорович Миддендорф: (1815–1894) / АН СССР. – М.: Наука, 1967. – 152 с.
19. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские // Записки Общества изучения Амурского края. – Владивосток, 1922. – Т. XVII. – 370 с.
20. Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.
21. Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья / Отв. ред. Е. И. Деревянко; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. – 259 с.
22. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.) / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
23. Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск – Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г. / Науч. ред. О. А. Шеломихин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – 335 с.
24. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье / А.П. Деревянко, Ким Бон Гон, С.П. Нестеров, Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сон, Я.Ю. Хабибуллина. – Тэджон: Изд-во Государственного исследовательского Института культурного наследия, 2009. – Вып. II: раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. – 286 с.
25. Миллер Г. Ф. История Сибири. Издание третье. В 3 т. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с. (О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском, с. 506–512; Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных, с. 512–519).

26. Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 184 с.
27. Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского Ключа на реке Бурее // Археология, этнография и антропология. Изд-во ИАиЭт СО РАН. – № 4 (36). – 2008. – С. 32–42.
28. Окладников А.П. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура. // СА. – 1966. – № 2. – С. 32–41.
29. Окладников А.П. О работах археологического отряда Амурской экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии: (1935–1976). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 3–52.
30. Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура / Отв. ред. д-р ист. наук Р.С. Васильевский. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. – 285 с.
31. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1973. – 440 с.
32. Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура // Традиционные культуры востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. – С. 4-29.
33. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 190 с.
34. Ричард Карлович Маак. «Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 г. Р. К. Мааком» / член-соревнователь Сибирского отдела С.Ф. Соловьёв. – Репринтное издание 1859 г. – СПб: Альфарет, 2007. – 260 с.
35. Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Монография. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 696 с.
36. Сапунов Б.С. Археология Амурской области: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Новосибирск, 1971. – 20 с.
37. Сапунов Б.С. К 40-летию стационарных археологических работ на Среднем Амуре // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – С. 4–11.
38. Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. Средневековые городища Амурской области // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск, 1993. – С. 112–120.
39. Сухих В.В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII веке: по материалам раскопок Албазинской крепости: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. – Новосибирск, 1979. – 166 с.
40. Урсул Д.Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. – М: Мысль, 1980. – 192 с.
41. Шавкунов Э.В. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I–III вв. н.э. // Труды. Серия историческая. – Саранск, 1959. – Т. 1. – С. 37–74.
42. Шеломихин О.А., Нестеров С.П., Алкин С.В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. – Благовещенск: Изд-во Благовещен. гос. пед. ун-та, 2017. – 194 с.



Рис.1. Б.С. Сапунов и Д.П. Болотин со студентами в археологической лаборатории (1999 г.)



Рис. 2. В.В. Сухих, О.А. Шеломихин, А.В. Друзьяка (слева направо) в музее археологии имени Б.С. Сапунова (2009 г.).



СОДЕРЖАНИЕ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

Анисимова Инна Владимировна, Тузова Анастасия Александровна БУДДИЗМ В ФОРМИРОВАНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА: КУЛЬТОВО-РЕЛИГИОЗНЫЙ И ЭТИКО- ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ.....	5
Артемьева Надежда Григорьевна ШАЙГИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ – ОБЛАСТНОЙ ГОРОД ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОГО СЯ (1215-1233 гг.).....	11
Беляева Наталья Анатольевна ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1920-1922).....	18
Боровик Елена Валерьевна ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА	24
Бучко Николай Петрович ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ АРМИЙ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕЖИМОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ	34
Ван Вэй КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 1858-1917 гг.....	39
Виноградов Андрей Михайлович СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В 1990-е гг.....	43
Виноградов Павел Валентинович РОЛЬ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С СОЮЗНИКАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	53
Власов Сергей Александрович КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 1920-е гг. В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	62
Дударёнок Светлана Михайловна ЦЕРКОВЬ ХРИСТИАН АДВЕНТИСТОВ СЕДЬМОГО ДНЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 1990-е - 2000-е ГОДЫ.....	67
Дьякова Ольга Васильевна, Зайцев Николай Николаевич, Шевченко Владислав Владимирович ДАУРСКИЕ ГОРОДКИ ПРИАМУРЬЯ	87

Дьякова Ольга Васильевна, Сидоренко Елена Валериевна ДОСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАМЕННОЙ КРЕПОСТИ КЛЮЧИ.....	99
Жадан Александр Владимирович УЧАСТИЕ ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СРЕДИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	107
Зайцев Роман Михайлович СТАНОВЛЕНИЕ КАМЧАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.....	114
Иванов Викентий Евгеньевич СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В 1985-1991 гг.....	120
Карелова Елена Викторовна, Федирко Оксана Петровна К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ МОДЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.....	125
Киселев Андрей Леонидович К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТИИ ОТДЕЛЕНИЙ ЯПОНСКИХ БАНКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В 1918-1919 гг.....	130
Коровников Павел Владимирович РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ПРЕСТУПНЫХ ДОХО- ДОВ (1997– 2005 гг.).....	138
Кригалева Влада Николаевна ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ... ..	145
Кушнарев Никита Евгеньевич ШКОЛЬНАЯ И СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ РАБОТЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	149
Ляскина Наталья Вячеславовна ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ ПО ПОДДЕРЖКЕ ДЕТСКИХ ДОМОВ (1941–1945 гг.).....	158
Мамуль Ян Михайлович, Щербинский Евгений Владимирович ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ЗАПАДНОМ ПРИАМУРЬЕ: ПОГРЕБЕНИЕ В СЕЛЕ КРАСНОЕ.....	165
Миронова Елена Александровна РОМБИЧЕСКИЙ ОРНАМЕНТ КАК ПРИЗНАК ДРЕВНЕЙШИХ ЕВРАЗИЙСКИХ МИГРАЦИЙ.....	172
Мохарь Вероника Анатольевна, Мусиенко Алексей Валентинович ЗАВОЕВАНИЯ ЧИНГИСХАНА И СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ.....	192
Мусиенко Алексей Валентинович, Головин Сергей Александрович ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПО ПРОБЛЕМЕ УТВЕРЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В МАРТЕ 1918 г.....	196
Некрытый Виктор Владимирович ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И БИБЛИОГРАФИИ.....	200

Орнацкая Татьяна Александровна, Цуканов Сергей Сергеевич УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ С КИТАЕМ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.): ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ....	208
Саяпина Ирина Владимировна, Голохвастов Максим Валерьевич, Игнатенко Анастасия Сергеевна, Саяпина Екатерина Игоревна К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА.....	216
Себина Ольга Евгеньевна НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КОРЕЙСКИХ ОТРЯДОВ В АЛБАЗИНСКИХ ВОЙНАХ.....	221
Сесёлкин Александр Николаевич НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЛЮДЯХ, ЗНАВШИХ ЛИЧНО В.К. АРСЕНЬЕВА.....	227
Сидоренко Елена Валериевна МИГРАЦИИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ВОСТОЧНОМ ПРИМОРЬЕ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА.....	236
Слабнина Лариса Анатольевна ПРИМОРСКАЯ КРАЕВАЯ КНИГА ПАМЯТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК...	242
Старцев Анатолий Фёдорович СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....	246
Ткачёв Сергей Викторович, Ткачёва Наталья Николаевна КИТАЙЦЫ В УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ (РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ, ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ) (XIX – нач. XX вв.).....	254
Тулиглович Максим Анатольевич ВКЛАД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЮРИДИЧЕ- СКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ).....	264
Усов Алексей Вячеславович ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВМФ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	274
Федирко Оксана Петровна, Кучеренко Вера Сергеевна «ВЕЧЕРА ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ» КАК ФОРМА АТЕИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1950–1960-е ГОДЫ.....	282
Цуканов Сергей Сергеевич ВКЛАД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА В РЕШЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ.....	288
Чепик Михаил Васильевич ИСТОРИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1917– 1945 гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР.....	295
Чжао Хуэйцин, Хань Куань ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНОГО СИБИРСКОГО СОЮЗА КИТАЙСКИХ ГРАЖДАН.....	303
Шабельникова Наталья Алексеевна МОРСКАЯ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	307
Шавкунов Владимир Эрнстович, Буравлев Игорь Юрьевич, Волков Дмитрий Анатольевич ЕЩЁ РАЗ О ПОРОХОВОМ СНАРЯДЕ С АНАНЬЕВСКОГО ГОРОДИЩА.....	314

Шадрина Анна Николаевна АССОЦИАЦИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	325
Шевченко Татьяна Андреевна РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРИЕМОВ ШЛИФОВКИ НЕФРИТА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	330
Шеломихин Олег Анатольевич, Болотин Дмитрий Петрович АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	333

РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА:

Материалы IX международной
научно-практической конференции
(Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г.)

Выпуск 9

Часть 1

Ответственный редактор: О.А. Шеломихин

Редактор – Е.Д. Кузнецова, Д.В. Кузнецов

Дизайн обложки – Д. Железняк

Лицензия ЛР № 040326 от 19.XII.1997 г.

Подписано к печати 15.05.2017

Формат бумаги 60x84 1/8

Бумага тип. № 1

Уч. - изд. л. ...

Тираж 100 экз.

Заказ № ...

Издательство Благовещенского государственного педагогического университета.
Типография БГПУ. 675000, Амурская обл., г. Благовещенск,
ул. Ленина, 104

